

ЕВГЕНИЯ АЛЁХИНА

ИЗНАНКА
СЛУЖЬ

FANTASY * WORLD

Истина неоспорима: военное и магическое превосходство людей над всеми прочими расами Мира не подлежит сомнению. Семь лет назад люди в последний раз доказали это эльфам. Эта кампания вошла в летописи и хроники под названием Последней Войны. Семь лет назад они бились по разные стороны фронта. Шаэриэнн, знатная эльфийская колдунья, преданная своим возлюбленным и сюзереном в политических интересах, лишилась всего, что у неё было — имени, близких, способности творить волшебство. Альтар, Каратель — лучший из элитного отряда Ордена, возглавлял оборону Рекарна и чудом пережил падение города под натиском эльфийских превосходящих сил — самое кровопролитное сражение Войны. Каждому из них по-своему видится Истина. Но у Истины есть и обратная сторона. Там, как на изнанке тканого гобелена, сокрыты все узлы и противоречия, умело вотканы новые нити и замаскированы обрывы старых... Там множество тонких переходов и неровностей в узоре, о которых и не подозревает тот, кто смотрит на гобелен с лица. Там нити разных цветов порою так переплетены, что невозможно понять, где кончается одна и начинается другая. Не всякому дано увидеть изнанку Истины. Но чтобы понять, какая же она в действительности, придётся отыскать такую возможность... Только вот получится ли?

Евгения Алёхина

Изнанка Истины

Глава 1

Шаэриэнн

Сон оборвался внезапно. Так резко, что я на миг ощутила себя пузырьком воздуха, безжалостно выброшенным на поверхность лесного озера из вековых илистых глубин...

Что мне снилось — я не знала. Скорее всего, то же, что и обычно — то есть, ничего. Я уже привыкла к тому, что в этой жизни не видела снов — или видела, но никогда не помнила их. Тем было лучше — потому что иначе возвращаться в реальность было бы ещё больнее...

Я помимо воли зябко поёжилась под медвежьей шкурой, брошенной поверх лоскутного одеяла — морозное зимнее утро пришло вместе с колючим сквознячком, всю гуляющим по выстывшей за ночь светёлке. Улучив момент, явь тут же поспешила напомнить о себе зарождающейся саднящей болью в пальцах, лучами света, пробивающимися даже сквозь закрытые ставни и плотно сомкнутые веки, и какой-то особенно бойкой соломинкой из матрасной начинки, пребольно колющей меня в бок.

Последнее было особенно неприятно. Я набрала воздуха в грудь, выдохнула сквозь стиснутые зубы, прогоняя злость, отчаяние и боль — верных спутников, с завидным упорством приходящих встречать со мной каждый новый день — и рывком села на кровати, распахнув глаза.

Ну, здравствуй, утро! Я проснулась...

«Aule, Shaerriaenne»... Так вполне мог просвистеть лёгкий ветерок в дымоходе, или проскрипеть — деревянный пол под моими босыми ногами, или мурлыкнуть — Кис, тенью юркнувший ко мне откуда-то из сеней... Серый в пятнышках пушистый бок, словно невзначай, легонько коснулся колена, и тут же ещё раз, заставив меня насмешливо фыркнуть. Дикий-то ты дикий, Дитя Леса, и гордый, и независимый, а ласку любишь, словно обычный домашний котёнок...

Иронии Кис не понял, чуть отстранился, озадаченно прянув ушами, но тут же снова наклонил ко мне лобастую голову, когда я потянулась чтобы потрепать его за загривок. Второй рукой одновременно я попыталась нашарить у изголовья кровати шерстяной платок — ночь и вправду выдалась настолько холодной, что «съела» без остатка всё тепло от натопленной накануне печки.

И мгновением позже едва не взвыла от боли, неожиданной и резкой, тысячами раскалённых игл пронзившей сразу обе кисти моих рук...

Кис, шарахнувшись от неожиданности, мявкнул, с недоумением глядя, как я, шипя сквозь зубы, баюкаю руки у груди. Затем, наверное, почувствовал... Подошёл, сел рядышком у кровати, поднял на меня глаза цвета расплавленного золота... И заурчал. Тихо-тихо. А потом всё громче...

И я почувствовала, что боль понемногу отступает.

Смаргивая предательски выступившие слёзы, я принялась осторожно разминать искорёженные пальцы сначала на правой, затем на левой руке, до тех пор, пока боль не стала терпимой. Такой, как всегда.

— Спасибо, парень!... — с чувством сказала я, теперь уже уверенно кладя ладонь на Кисову холку. — Готова поспорить, что среди своих ты наверняка маг не последнего Круга... или как там у вас, хиратов, измеряется магия?

Получая заслуженную долю ласки, Кис скосил на меня чуть прищуренный глаз — как мне показалось, подмигнувший: «А ты что думала?! Не только ж вам, эльфам, уметь колдовать...».

Конечно, не только... Те времена, когда волшебство в Мире творили только Расса, Перворожденные, давным-давно живы только на выцветшем пергаменте ветхих преданий... Теперь под этим солнцем и небом колдуют все, кому не лень. Даже те, кто раньше немногим отличался от животных или растений. И гномы, и орки, и дриады, и полурослики, и оборотни, и гоблины, и много кто ещё.

И люди...

... Тёмно-алая кровь кажется рубиновой в тёплых лучах осеннего заката. Она везде — на золотой подстилке из опавших листьев, на серо-зелёном бархате раскинутого поверх плаща, на моих пальцах, прижатых к ране... Я не могу её остановить, и она уходит, вязкими ручейками сочится сквозь слабую преграду из золотого свечения жалких остатков моей магии, с каждой каплей унося с собой жизнь дорогого мне существа...

Туман слабости и боли застилает мне глаза, я чувствую, что шатаюсь, даже стоя на коленях над раненым, и если бы не А'Kariaell, поддерживающий меня за плечи, должно быть, давно бы уже упала ничком в шуршащую листву...

Christaienn уже не кричит, не рвётся и не хрипит в полузабытьи. Страшная рана в груди — крошево из рёбер, мышц и кольчуги с оплавленными краями, которую полностью не могут прикрыть даже обе мои ладони — кажется, больше не существует для него. Сквозь слёзы, пот и спутанную паутину волос на своём лице я почему-то отчётливо ясно вижу кристально-голубые глаза, в которых отражается небо...

Christaienn ещё здесь. Но преграда между Миром и Вечной Ночью, ещё удерживающая дух в этом страшном, искалеченном теле, неумолимо тает... Серые губы чуть дрогнули, повинувшись титаническому усилию. Я наклонила голову:

— Akira... оставьте... беги!... — Шёпот? Или шорох падающих листьев?...

Deanorr и Lu'Avenn стоят в двух шагах, тяжело опираясь на воткнутые в землю клинки. Не выдерживают, отводят глаза...

— Нет! Никогда!!! — Это не мой голос... Из последних сил яростно давлю подступающие к горлу рыдания, кашель, стон. Как будто смерть можно перекричать... — Никогда, слышишь, Tai?! Мы выберемся, слышишь? Все! Все вместе!... Не смей!... Я, твоя Akira, приказываю тебе! Не смей умирать!!!

Золотое свечение на кончиках моих пальцев вдруг вспыхивает ярче, заполняя рану до краёв...

Скрежет зубов и удары сердца сливаются в один гулкий ужасающий ритм в моей голове, сминая все чувства, и каждая мысль мгновенно отдаётся океаном боли...

Рубиновый поток на мгновение замирает... — неужели?! В моей душе вспыхивает безумная надежда — но... тут же с убийственной невозмутимостью на поверхности золотого света снова появляются первые алые капли, торящие дорогу новым ручейкам...

Мой крик подобен рычанию гибнущего зверя... Мир вертится вокруг в бешеной пляске... А'Kariaell едва успевает подхватить меня на руки, встряхнуть, кажется, даже ударить по щеке...

— Shaerrienne, очнись! Ты не сможешь ему!... Это — агмарилл!

Агмарилл... Слово режет, словно клинок, бьёт в самое сердце...

— НЕТ!!!

— Да!!! - А'Kariaell кричит? — Ты лишь убьёшь себя, ты знаешь это!... Такая рана, нанесённая ИХ магией, пьющей из агмариллового Истока — смертельна! Ты не спасла бы его, даже если бы была полна сил и имела под рукой всё, что нужно... Очнись же!!!

Его горячее дыхание обжигает моё лицо. Антрацитовые глаза совсем близко, напряжённо вглядываются в мои. Сила, верность, стальная воля, готовность прикрывать меня собой до самого конца... И ещё что-то, в самой их глубине... Мой Страж Судьбы, клинок к клинку прошедший со мной не одно поле брани, выручавший меня несметное количество раз, пытается спасти меня и сейчас, даже от колдовского безумия. И, должно быть впервые в жизни боится, что не сумеет...

Я со злостью встряхнула головой, сбросив слипшиеся волосы со лба.

— Мы не оставим его!...

— Нет. Мы будем с ним до конца... Просто отпусти его. Отпусти, не мучай, Akira-nai! ... Пусть твой Страж Сердца уйдёт спокойно...

Akira-nai... «Моя Владычица»... А'Kariaell никогда не любил церемониальные фразы, но сейчас, напомнив мне о последнем милосердии к моему воину, он напомнил мне и о другом. О долге Владычицы перед своими Стражами, оставшимися в живых.

... Мои руки в последний раз на мгновение замерли над раной. Затем медленно скользнули вбок, сомкнулись вокруг холодной ладони. А'Kariaell отпустил мои плечи, склонился над головой Christaienn'a, невесомым платком Лунного кружева отёр капельки пота со лба... С другой стороны, еле слышно прошуршав по листве, преклонили колени Deanorr и Lu'Avenn.

Бескровные губы умирающего тронула улыбка.

Я склонилась над ним:

— ... Ты всегда был и будешь с нами, Tai...

— Я... знаю, Akira-nai... Akira... Shaerriaenne. — По имени он назвал меня впервые...

— Когда-нибудь, но сейчас... Живите, Akira... Только живите!... Обещайте...

Я поцеловала его в лоб. Почувствовала, как его пальцы дрогнули, легонько сжимая мою ладонь. И почти сразу же отпустили... И поняла сама, раньше чем услышала голос А'Kariaell'a:

— Всё кончилось, Ria... Да ведёт его Ночь на его Новом пути!...

— Да пребудет с ним Ночь на веки веков и все времена! — эхом откликнулись Lu'Avenn и Deanorr.

— Да поможет нам Ночь встретиться на Вечных Дорогах в положенный час! — Моя рука закрыла ему глаза.

Небо погасло... Но улыбка осталась. Лёгкой тенью в уголках губ, наделив юные черты мудростью старца и спокойствием воина, исполнившего свой долг до конца...

С усилием подняв голову, я посмотрела на свой маленький отряд.

— Сейчас мы похороним Christaienn'a. И пойдём дальше. Christaienn погиб, защищая меня. Я не позволю ни ИМ, ни смерти отобрать у меня ещё кого-нибудь!... И...

... Я не договорила...

... А'Kariaell почувствовал первым. Молниеносным движением вскочил на ноги, обнажая меч. Я и Стражи Сердца на миг отстали, но тут же выстроились вокруг тела Christaienn'a спина к спине, заученно замкнув Звезду. Теперь — четырёхлучевую...

... Набрасывая на нашу четвёрку спешно сплетённый из остатков Сил Полог Защиты, я, холодея внутри, поняла, что поторопилась с обещаниями...

ОНИ нашли нас.

За миг до того, как пространство вокруг опушки леса вскипело порталами, выпустившими магов и воинов в чёрном и огненно-алом — тех, что пришли забрать наши жизни, мои пальцы в запекшейся крови Christaienn'a сомкнулись на рукоятках моих парных клинков... Бесспорно, Орден получит то, за чем пришёл, но дорогой ценой...

... Умирать было не страшно... Последним разумным чувством, всколыхнувшим душу перед круговертью боя, было острое, всепоглощающее отчаяние оттого, что я бессильна сдержать слово, данное мгновение назад моим друзьям...

... Да. И люди тоже колдуют.

Я легонько оттолкнула Киса и встала. Не глядя, натянула тёплые штаны и сапоги, тщательно заправила рубаху... Нещадно скрипя половицами, протопала в сени, в дальнем углу которых держала жбан с водой для умывания и медный таз.

Пора было начинать новый день — его надо было прожить. Потому, что за ним наступит ночь... Нет, не Ночь, некогда бывшая для меня священной, а просто тёмное время круга. Время, когда мои непослушные руки, как обычно, поднимут тяжёлый, плохо сбалансированный старый меч из дешёвой стали и я, переступив через боль, слёзы и невозможность, сумею сделать ещё один ма-аленький шагочек к той единственной цели, ради которой теперь живу...

День, как и всё вокруг, принадлежал этой жизни, тогда как так некстати нахлынувшие воспоминания — всё, что оставалось у меня от той. И пока ещё я не имела на них права...

* * *

— Гр-рхх-щ! — Деревянная дверь за моей спиной, закрываясь, гулко хлопнула о косяк, и с конька над крыльцом в ответ полетела вниз тяжёлая снежная шапка.

Я поплотнее запахнула кожух, чувствуя, как морозец, не теряя времени, начинает пощипывать щёки и беззащитные ладони — рукавицы я не надела, поскольку в них задача «притащить из сарая поленцев для печки» из умеренно сложной превращалась в невыполнимую.

Нынешний Хозяин Зимы, определённо, был рабом своего настроения — то в нахлынувшем порыве ярости от души попотчует нежданной бурей, то ни с того ни с сего вдруг расщедрится на ясную студёную свежесть... Так, ещё только вчера с самого утра не переставая валил снег, с нависшего низко-низко над головой небосвода не сходили свинцово-серые тучи, а к вечеру вообще разыгрался нешуточный ураган. То-то Кис появился вчера гораздо раньше обычного, отнюдь не горя желанием проводить такую ночь в лесу... Зато сегодняшнее утро с лихвой вознаграждало нас за всё бывшее непотребство.

Спала я крепко, поэтому не могла сказать, когда именно унялся шквальный ветер, однако сейчас ни его, ни снегопада не было и в помине. С прозрачно-голубого неба без единого облачка по-зимнему ярко светило солнце, красно-жёлтое, как язычок драконьего пламени. Его лучи затевали причудливую игру самоцветов на пушистом снежном ковре, укрывшем всё вокруг, серебрили ветки деревьев и кустов, закутанные в белую шубу, зажигали слепящие глаза огоньки на чередё сосулках под низкой крышей сарая...

Невольно залюбовавшись открывшимся мне пейзажем, разумеется, я не глянула под ноги. А зря... Потому что, сделав крохотный шаг в сторону, тут же поскользнулась на

ледышке-завалинке, попыталась сгруппироваться, но лишь нелепо взмахнула руками и самым недостойным воина образом плюхнулась на спину прямо в горку снега у крыльца. Ну что тут скажешь...

— ... Ashratt ad Aen y Twained Alnys re Bessaim Chattan!!! — громко и с выражением произнесла я, глядя в нависшее надо мной голубое небо.

— О-го-о!!!

Похоже, даже слишком громко...

Вытряхивая снег, забившийся везде, куда только было можно, и куда нельзя — тоже, я медленно встала на ноги, сердито поднимая взгляд на забор. Из-за него на меня с неподдельным восхищением взирала пара голубых глаз, принадлежащих закутанной с ног до головы в кожу и мех косматой фигуре маховой сажени ростом и косою — в ширину... За правым плечом восторженно пляшущего на меня гиганта просматривалось оплечье охотничьего лука и колчан стрел, с левого же свисал ягдташ, уже изрядно оттопыренный.

М-да... Определённо, теряю квалификацию. Варда, конечно, хороший охотник, и весьма неплохо ходит на лыжах. Но не услышать приближающегося к избушке по снегу человека в тихую погоду, более того — даже не почувствовать его... Вот уж точно, Ashratt ad Aen...

— Чего надо? — Не слишком вежливо поинтересовалась я, делая пару шагов в сторону забора.

Варда широко улыбнулся, сверкнув белыми зубами.

— Доброго дня тебе, Шэрин. Шёл, вот, себе мимо... Дай, думаю, загляну, здравствовать пожелаю...

— Ну, и тебе здравствовать, — отозвалась я более миролюбиво. В конце концов, Варда ведь не виноват в том, что я растяпа и разиня...

Знакома с ним я была постольку, поскольку и с большинством жителей расположенной в полулиге отсюда деревеньки Нижний Рогачик — время от времени выбираясь туда обменять нужные в хозяйстве продукты на эликсиры и лечебные травы. Пока была жива приютившая меня Седая Сибилла, я помогала ей готовить простые зелья и смеси из сушёных растений, закрепившие за ней славу деревенской ведуньи. Когда Сибиллы не стало, я не удержалась от искушения чуть усовершенствовать её рецепты, впридачу стала готовить и несколько своих собственных. Травоведение входило в круг моих любимых предметов ещё со времён ученичества в родной Долине, здесь же полученные знания помогали мне выжить.

Третьего дня Варда брал у меня сбор из веток камалии и медового мха, а также настойку чемериса озёрного для растираний: младший сын, с утра до ночи катаясь на санках с горы, подхватил крепкую простуду. Вспомнив об этом, я спросила:

— Как там малец?

Улыбка охотника стала ещё шире.

— Хвала Ярошу, поправляется... Лихоманка прошла, жара как не бывало! Только говорить покуда не может, сипит ещё...

— Через пару дней запоёт, — пообещала я. — Пусть только лежит в тепле и по-прежнему пьёт отвар с горячим молоком. Траву всякий раз надо заваривать свежую, помнишь?

— А то как же ж! Делаем всё, как ты велела, в точности... — заверил охотник. — Нет, но ты представь — каков!... Едва ж полегло, а уже ёрзает на лавке под одеялом, стервец! Не терпится снова на двор на санки...

— Знаешь, Варда, — я задумчиво проводила глазами вспорхнувшую с дерева ворону. — Весь мой знахарский, а также жизненный опыт говорит о том, что порой нет лучшего лекарства, чем порция ремня. Выданная вовремя...

Раскатистый хохот Варды заставил испуганно взмыть в небеса ещё с десяток чернокрылых.

— Эт-т точно... И главное — лишним-то в любом случае не будет!...

Теперь усмехнулась и я.

— Это самое... Шэрин... — Охотник вдруг спохватился и принялся расшнуровывать ягдташ. — Я-то, собственно, потому и пришёл... Спасибо сказать. За мальчика. И — вот...

В мои руки лёг увесистый свёрток, тщательно замотанный в мешковину. Ого! Я мысленно присвистнула — благодарность была более чем щедрой...

— Хозяйка моя велела передать. А это вот — от меня... — Достав из сумки, Варда протянул мне жирную тушку глухаря.

— Благодарствую... Только что ж так много-то? За мешочек травы... — Охнув, я едва смогла удержать богатые дары охотника в руках.

— Бери, бери... Ярош Пресветлый, он нам делиться с добрыми людьми велел. А ты пусть и нелюдь, а добрая! В помощи не откажешь!... — заявил вдруг Варда.

Уж не знаю, каким таким чудом я не уронила птицу и свёрток в сугроб. Но на Варду вытаращилась так, будто он был, по меньшей мере, троллем, выразительно читающим эльфийскую поэму. Ещё и рот раззявила, в лучших традициях деревенских дурочек...

Нет, север Мира почти что не знал Войны. И в Рогачике при моём появлении не перебегали на другую сторону дороги, при встрече здоровались и плату за зелья давали справедливую, но... Я замечала взгляды, бросаемые мне вслед украдкой... Чувствовала боязнь произнести лишнее слово в моём присутствии, неестественность и натянутость в поведении большинства деревенских жителей в те редкие моменты, когда им приходилось общаться со мной. Исключением были лишь Седая Сибилла, имевшая репутацию полубезумной, да сиротка-Юльче, бывшая приживалкой в доме своей тётки, в сравнении с которой даже Нелюдь, Отвращённая, богопротивная «ельфа», видимо, выглядела не столь уж и страшно... В остальном я не строила иллюзий. Меня терпели, потому, что нуждались в том, что я делаю. Для людей я была чужой. Так же, впрочем, как они для меня.

Поэтому я действительно настолько опешила, что даже не нашла, что ответить. То ли охотник оказался третьим «исключением», то ли просто пребывал в очень хорошем расположении духа, когда первая встречная, будь она даже «ельфа», вполне покажется другом, товарищем и сестрою...

Подтверждая мою последнюю мысль, Варда кивком указал мне через плечо, на белеющие позади деревья.

— А дни нынче пошли, Шэрин, хвала Пресветлому, щедрые на дичину!... С Ближней заимки иду. Вишь вот — это всё добро оттуда... Как чувствовал! Матгяш смеялся ещё, дескать, буря ночью была, зверьё по норам да по хованкам попряталось, глубже в лес подалось... Потому и попёрся сам к Урочищу, дальние капканы и силки проверять, и меня с собою тянул... Я и пошёл с ним вначале, да с полпути раздумал — уж больно идти далече... Чувствовал же, говорю!... Правда, как увидал на Ближней такое раздолье — сам удивился, не то слово как...

— Кх-м... Что ж-ж... будет радость сегодня твоей хозяйке и малым, — Хвала Ночи, дар речи ко мне, наконец-то, вернулся! — Ладно... За это, — я перехватила «дары»

поудобнее, — спасибо. Будет ещё что нужно из трав или эликсиров — заходи...

— Эт самое... тебе спасибо. Ну что, бывай, Шэрин! Ярош с тоб... ну, то есть, хорошего тебе дня!...

Охотник кивнул мне, мощно оттолкнулся палками и плавно заскользил по искрящему на солнце насту в сторону деревни. Две аккуратные бороздки лыжни, потянувшиеся за ним, тут же прихватывал морозец.

Проводив его глазами до ближайшего пригорка, я вернулась в дом, как можно осторожнее минуя коварную завалинку.

* * *

В свёртке, переданном мне женой охотника, оказался глиняный горшочек со сливочным маслом, четверть круга козьего сыра и с полдюжины свежих пшеничных лепёшек. Верхнюю я сразу же разорвала на две части и с поистине хищным наслаждением впила зубами в мягкую пресную сдобу, радостно сознавая, что проблема хлеба насущного решена для меня как минимум на пару дней... ..

Кис, которому досталась львиная доля глухаря, если и намечал охоту, тоже мог со спокойной совестью её отменить. Однако к полудню он всё же куда-то исчез, чему я, честно признаться, даже обрадовалась, поскольку давно собиралась осуществить одно весьма хлопотное мероприятие — провести ревизию запасов трав, которые хранила на чердаке.

Работа спорилась, всё получалось отлично, ибо теперь никто, руководствуясь исключительно добрыми побуждениями и желанием мне помочь, не трусил шерсть в разложенные у печи для просушки травяные сборы, не грыз с таким трудом раздобытый корень лиловой мандрагоры, не смешивал когтистой лапой лисохвост с побегами кораллии и подлавочной пылью, и не разбивал половину пузырьков с готовыми эликсирами. В результате я увлеклась, и вместо отведённой под эту затею половины дня провозилась до следующего вечера, делая перерывы на сон, еду и ежевечерние упражнения с мечом.

... Хират вырос на пороге поздним утром — когда с ревизией было давно покончено и я, смирившись с неизбежным, складывала в сумку нужные снадобья, собираясь отправляться в Рогачик. Удовольствия эти походы мне доставляли, мягко говоря, мало, но от последней лепёшки осталась ровно половина, а чугунок с глухариной похлёбкой уже показывал дно. Нет, голодная смерть мне не грозила — в сарае имелась заготовленная ещё осенью большая бочка кислой капусты, а в холщовых мешочках за печью — немного сухого гороха и круп. Однако перспектива триумфального возвращения на мой стол постных щей и пресной пшёнки, и так весьма нечасто его покидающих, всё же радовала меня намного меньше, чем поход в деревню.

— Ну, чего нового в лесу? — поинтересовалась я, набрасывая поверх рубахи гордость моего гардероба — волчью безрукавку, собственноручно пошитую в начале зимы из найденной на чердаке шкуры.

Кис сверкнул в мою сторону янтарными глазами, потом зевнул во всю пасть, смешно свернув трубочкой язык, и сладко потянулся. Определённо, сегодняшняя ночная охота удалась, и делиться новостями он сейчас настроен не был.

Конечно, мне не были известны подробности его лесной жизни. Однако я не без оснований подозревала, что мужчина он свободный, по какой-то причине не желающий

связывать себя ни верховенством в стае, ни женой и кучей пищащих детишек. Наши дороги пересеклись этой осенью в ночном лесу — Кис охотился, я же в очередной раз пыталась приучить свои пальцы слушаться клинка... С тех пор хират частенько сопровождал меня на ночные вылазки в чащу, зачастую делился добычей, а с наступлением холодов всё чаще и чаще навещал меня в избушке, с успехом исполняя роль одновременно стража, компаньона и молчаливого собеседника...

Я сняла кожух с гвоздика над дверью, подхватила с кровати сумку. Кивнула Кису:
— Остаёшься за старшего!

Едва не забыв, на скорую руку расчесала волосы, чудом ухитрившись не сломать гребешок. Случайно зацепила взглядом своё отражение в висящем на стенке медном корыте и с досадой отвернулась.

Бывшие некогда роскошной каштановой гривой, спускающейся ниже лопаток — и то только потому, что большая их длина была бы помехой в бою — мои волосы всегда служили предметом тайной и явной зависти многих красавиц Долины... Теперь же моим остался только цвет. Наспех обретенные мечом больше года назад, волосы едва отросли мне до плеч, и, откровенно говоря, куда больше напоминали лыко или мочало, нежели шелковистый водопад локонов Истинной Росса... Впрочем, что и говорить — я и сама напоминала сейчас Истинную Росса не больше, чем моя избушка — великолепные палаты Резиденции Ночи, в которой теперь восседает *Uireadan*...

... Ashratt!!!

Во имя Света и Тьмы, ну сколько раз я клялась себе не думать — пока! — не думать об этой твари!...

Почувствовав, как кровь бросилась к голове, я со всей силы запустила гребнем в ни в чём не повинную стену и что есть духу выскочила на улицу, на мороз, подставляя лицо редким колючим снежинкам.

* * *

Снег бодро поскрипывал под сапогами... Скакали по ветвям одетые в серую шубу белки, то и дело сбрасывая вниз белые пушистые облачка; где-то, прильнув к стволу, нечёткой тенью промелькнула куница. Деловито каркая, сновали туда-сюда суетливые вороны, им вторили другие птичьи голоса. Лесная жизнь текла в своём обычном спокойном русле, незатейливо радуясь скупым ласкам зимы.

От моей избушки до деревеньки было около полуоры неспешного пешего хода. В погожий день, такой, как сегодня, это напоминало обычную прогулку по лесу.

Тропинка виляла по сосняку, спускалась по пологому склону и, огибая небольшое замёрзшее озеро, вливалась в тракт. С озера хорошо просматривались покатые крыши первых домов деревни и частоклы подворий, заметённые снегом.

Я миновала тракт и прошла вдоль озера немного дальше. В том месте, где в него впадала узенькая речушка, был проложен бревенчатый мост, от которого было рукой подать до левой окраины Рогачика. Я чаще всего ходила в деревеньку этой дорогой — селяне почти не пользовались ею, потому что трактом было короче и удобней. Я же обычно навевалась лишь в несколько домов, где жили постоянные заказчики одних и тех же снадобий, и лишних ненужных встреч старалась избегать.

Но на этот раз, когда я вынырнула из-за последней сосны, скрывающей от меня мост, его как раз переходила немаленькая толпа — человек двадцать, а то и тридцать. В основном это были мужчины; кого-то из них я знала, кого-то — нет. Лица первых, уже спустившихся с тёсаных брёвен, я видела достаточно чётко, они были суровы и угрюмы. На правой руке каждого, выше локтя, был повязан платок, одна половина которого была чёрной, вторая — белой.

Похороны...

Я посторонилась, сойдя с протоптанной тропки в сугроб обочины. Процессия, покинув мост, медленно двинулась мимо — по направлению к перелеску, где пряталось скромное деревенское кладбище.

В окружении тёмных тулупов и кожухов ярким пятном выделялось белое одеяние Брата Витина. Агмарилловый Светоч Яроша полыхал в его руках: нестерпимо яркая, слепящая глаза капля белого пламени не подрагивала на ветру — змеёй изгибалась в такт литании, которую вполголоса нараспев читал жрец. Проклятый огонь казалось, насквозь прожигал душу; я с усилием отвела глаза, когда облачённая в белое фигура поравнялась со мной.

Следом за жрецом шестеро дюжих селян несли гроб. Вопреки обычаю он был уже заколочен. Чёрно-белый плат и деревянная подвеска в виде солнца, которыми у людей принято обряжать покойного, были прикреплены поверх тяжёлой крышки. Одним из тех, кто нёс гроб, был Варда — охотник выглядел таким подавленным и настолько ушёл в себя, что, пройдя в двух шагах, меня даже не заметил.

За гробом шествовал Младший Жрец с чёрно-красной хоругвью Таргоса. В нужные моменты он подхватывал литанию хорошо поставленным голосом. Менее выразительный тембр Брата Витина явно тонул в бархатном баритоне Брата Дейариса. Слишком явно. Вряд ли Старшему Жрецу это нравилось, но, во всяком случае, он ничем не выдавал своих чувств и казалось, был целиком поглощён обрядом.

Дейарис, как и все псоглавцы, был на полголовы выше большинства людей, а заострённые кверху уши ещё добавляли ему роста. Мускулистая покрытая шерстью фигура, широкая грудь, вывернутые назад колени — он походил на огромного волка, ходящего на двух ногах, а длинное белое одеяние Жреца Яроша с алой полосой по краю лишь подчёркивало его нечеловечьи черты. Массивное древко хоругви в четырёхпалой ладони смотрелось не тяжелее тростинки...

Неширокий мост, который селяне переходили по двое-трое в ряд, Дейарис перешёл один, и люди, следовавшие за ним, держались самое малое в паре локтей позади, хотя, насколько мне было известно, Младший Жрец жил в деревне далеко не первый год. Я хмыкнула. Люди... А ведь именно странный союз с этой немногочисленной расой принёс вам победу... В обмен на агмарилл псоглавцы выторговали себе жизнь и некоторые привилегии, но даже впустив чужаков в свои поселения и церкви, вы по-прежнему будете ненавидеть и сторониться тех, кто отличен от вас.

Встретившись со мной взглядом, Дейарис едва заметно наклонил голову. Я ответила тем же. Младший Жрец знал дорогу в мою избушку. Хотя слабенькая магия травников и не была официально разрешена Церковью, Светлых Братьев тоже порой мучили кашель и зубная боль. И если бескомпромиссный Витин предпочитал сипеть и править службы с флюсом на пол-щеки, то его помощник, видимо, доверял в таких делах меду медовому мху и лютении несколько больше, чем магии своего Яроша Пресветлого...

Мимо меня прошли двое парней, которые бережно вели под руки немолодую женщину,

плачущую навзрыд. Она была мне незнакома. Мать? Вдова?...

За ними вприпрыжку пробежала стайка мальчишек, щедро рассыпая вослед процессии мелкие угольки и белый известняк, и дорога опустела.

Я поправила сползший с плеча ремешок сумки и ступила на мост. Очень надеюсь, что не все из нужных мне домов отправились провожать своего односельчанина в последний путь. Досадно было бы прогуляться зазря...

* * *

— На-ка вот... — три скляночки и полотняный мешочек перекидали из моей сумки в руки худенькой, как былинка, девушки. — Тётке своей передашь. Как обычно...

— А тётушка на похоронах дядьки Матьяша, — подтвердила мою догадку Юльче, протягивая мне оплату, замотанную в ткань. — Того, что живёт... жил во-он в том доме...

На створке ворот напротив блестел свежей краской чёрный полумесяц. Знак того, что Таргос Темнейший увёл с собой из этого дома душу. Знак смерти... Когда же в семье рождалось дитя, люди точно так же рисовали на воротах — только белой краской и солнце. Ведь рождение — дар Пресветлого Яроша, Старшего из Братьев-Богов. Как же, однако, всё просто у людей... Рождение и смерть — рука об руку, как Свет и Тьма, день и ночь, Ярош и Таргос. Церковь и... Орден.

Я скрипнула зубами. Юльче истолковала меня по-своему.

— Правда, Шэрин... Бедный дядька Матьяш!

— Всю жизнь, почитай, провёл на охоте — она его и погубила! — рядом со мной у забора остановилась круглолицая старушка в овечьей шали. Она тянула по снегу детские санки, доверху груженные хворостом.

— И где только взялся тот пещерник?! Отродясь в наших краях шатунов не было... — Юльче смахнула снежинку с ресницы.

— Много ты знаешь, «отродясь», — старушка презрительно поморщилась. — Там, в Урочище, чего только не водится. Видать, буря подняла — эвон как мело-то накануне...

Пещерный медведь? Я прикрыла глаза. Да, не повезло охотнику. Тогда понятно, почему хоронили в закрытом гробу...

— Слыхала, перед похороном мужики чего говорили, — продолжала бабка, прищурившись. — Соберутся все разом завтра и пойдут разыщут того пещерника. Не дело это, чтоб шатун близ деревни ошивался... Слышь, ельфа, — вдруг обратилась она ко мне. — Ты того... глянь, может, есть у тебя с собой дурман какой-нибудь... У Матьяша мамка одна осталась, пойду сегодня к ней заночую...

Я порылась в сумке, достала мешочек с успокаивающим сбором.

— Заваришь как чай, поняла? — старуха, прищурившись, кивнула. — Стакана хватит, чтоб проспать до утра. Утром можешь ещё дать... если совсем плохо будет.

— А сама-то как? — вдруг спросила бабка. — В лесу ж живёшь... и не страшно одной?

Я хмыкнула.

— Не страшно.

Самое страшное уже случилось. И виною тому не лесное зверье.

— И-и-и, — протянула вполголоса старуха, пряча мешочек в карман. — Знамо дело, не страшно...

А, ну да, конечно. Мерзкая богопротивная ельфа. Что ей сделается...

— Бабушка Домра! — воскликнула Юльче.

Но старуха уже дёрнула за верёвку свои санки и двинулась вверх по улице, что-то сердито бормоча себе под нос...

— Шэрин... — девушка повернулась ко мне. Взгляд её был виноватым.

Я усмехнулась. Наивная душа...

— Она права, Юльче.

Застегнула пряжку на сумке и пошла по улице вниз.

* * *

... Дела по дому были закончены, ужин съеден. Толстая свечка, невероятно чадя, отвоёвывала у сгустившейся темноты небольшой круг тусклого жёлтого света, приютивший стоящую на столе щербатую кружку и небольшой глиняный горшок. Тени, отброшенные ими на стену, походили на морды диковинных существ, то скалящих зубы, то шевелящих ушами... Сквозь печной дымоход до меня донеслось приглушённое уханье пролетевшей над самой крышей ночной совы.

Я сидела у стола и, прикусив губу, тщательно втирала в суставы пальцев густую мазь, резко пахнущую травами. Состав я придумала сама, долго и кропотливо подбирая компоненты — болеутоляющие, придающие гибкость, силу, подвижность... Самый первый вариант этой мази изготовила по моей просьбе старая знахарка, вытащившая меня с того света. Сибилла же первое время и втирала её в мои пальцы, тогда как я впивалась зубами в черенок деревянной ложки, гася рвущийся из горла крик, и всеми силами старалась не потерять сознание... Лишь спустя год с небольшим мне впервые удалось воспользоваться мазью, не прибегая к помощи со стороны. От ложки в зубах получилось отказаться значительно позже...

Я придвинула горшочек поближе, заглянула внутрь. Мази оставалось немного — меньше половины. Ещё на десяток, может — на дюжину раз.

Для того чтобы смешать новую порцию, не хватало льдистой камнеломки — это я отметила ещё во время уборки на чердаке. Капризная маленькая паутинка росла исключительно на больших замшелых камнях, причём только там, где камней было много, выбирая самые внушительные. А так нужные мне цветки в форме крошечных серебристых коробочек появлялись круглый год строго в определённую пору — меж полуночью и рассветом — и только тогда, когда их не могла видеть Луна.

Я вздохнула, припомнив, что новолуние наступило вчера... Что ж, без мази мне — никак. Значит, придётся на днях совершить ночную вылазку в дальний лес, почти к самым горам. Если отправлюсь в дорогу в обед — к полуночи уже доберусь. А, собрав цветки, остаток ночи проведу в охотничьей заимке недалеко от котловины Урочища. Отдохну и, покинув заимку с рассветом, вернусь в свою избушку ещё до сумерек...

Скрипнула входная дверь, которую я специально не заперла на щеколду. По полу потянуло сквозняком. Я подняла голову, уже зная, кого увижу.

— Ну, здравствуй, здравствуй, бродяга...

Кис неслышно вынырнул из тьмы у порога. Однако входить почему-то не спешил. Переступил с лапы на лапу, потом ткнулся чёрным носом в половичок у входа, в кожих,

свисающий с гвоздя на стене...

— Есть будешь? — Я отодвинула горшок с мазью в сторону, взяла из стопки на столе чистую миску и потянулась к котелку на печи. — Правда, осталась только юшка, мясо ты слопал два дня назад...

Зверь фыркнул, на миг прижал уши. Самый кончик пушистого хвоста нервно дёрнулся... Ещё. И ещё раз.

Я так и застыла с миской в руке:

— Эй! Ты что же — боишься??

Прежде чем я опомнилась, хират бесшумно развернулся и исчез... Снова чуть слышно скрипнула дверь. Я бегом пересекла комнату, сени и распахнула её.

В лицо ударил поток свежего морозного воздуха.

— Кис!...

Двор был пуст. Снежный покров, казалось, светился во тьме, и безлунная ночь была ясной. Я во все глаза уставилась на две хорошо заметные парные цепочки следов у порога. Хират мне не померещился. Но что с ним? Таким я видела его впервые.

Где-то внутри, под ложечкой, заворочалось, зашевелилось, просыпаясь, неясное чувство тревоги. Оно холодком пробежалось вдоль позвоночника, защекотало кожу на затылке... Я опёрлась о крылечную балку и попыталась собраться с мыслями.

Кого он так испугался? Меня?! Или... Но в избушке я была одна. Никаких посторонних существ — или сущностей — не было, в этом я готова была поклясться. Первых зверь почувствовал бы намного раньше и вообще не зашёл бы в дом. Вторых намного раньше почувствовала бы я.

Я окликнула Киса ещё раз — бесполезно. Поплотнее захлопнув дверь, вернулась в комнату. Внимательно осмотрела свой кожух и тряпичный коврик, привлёкшие внимание хирата. Ничего необычного. Ну совсем ничего...

Что ж... Всё, что мне оставалось — это до поры до времени сделать «зарубку» в памяти и утроить бдительность. Причина более чем странного поведения зверя рано или поздно должна проявить себя — в этом я не сомневалась. А когда ожидаешь удар, даже в спину — то намного легче парировать его и нанести ответный...

* * *

«Танцуй...».

Она не просит. Только ласковая Тьма с нежностью матери обнимает за плечи. Только белая морозная корочка мягким скрипом считает шаги. Только силуэты деревьев, окруживших поляну, на фоне безлунного ночного неба выглядят исполинами, что готовы сбересть покой того, кто рискнёт довериться им...

«Танцуй!»

Она не отдаёт приказов. Только ветер внезапно растреплет волосы. Только будут падать и падать, задавая ритм, крохотные снежинки. Только вдруг эхо донесёт откуда-то из тёмной глубины леса отзвуки пронзительно-тоскливого волчьего воя...

«Танцуй» — безмолвно шепчет мне Ночь.

Я слушаю.

Я подчиняюсь.

Потому что Ночь — это я...

... Полушубок, платок и рукавицы с тихим шорохом падают на снег. Следом отправляются простенькие самодельные ножны. Крепко обхватив двумя руками рукоять меча, я делаю самый первый осторожный шаг вперёд.

Шаг. Ещё шаг... Меч тяжёл и плохо сбалансирован. Я привыкаю к нему, пытаюсь его почувствовать. Но в первый момент руки сами тянутся в стороны... Острое, словно боль, желание как прежде сомкнуть ладони на оплетённых драконьей кожей черенках, со свистом взрезать воздух чёрными молниями лезвий, ощущая каждое из них своей частичкой, своим продолжением... Нет!

Усилим воли я гоню наваждение прочь. Этого больше нет, как нет моих мечей-близнецов, сгинувших в Орденских застенках. Как нет моих верных Стражей, навсегда оставшихся в безымянной долине на левом, человеческом берегу реки Теондарр. Как нет больше Shaerriaenne, Rihanne Daerrt — Избранницы Ночи, погибшей у Теондарра вместе со своими Стражами.

Shaerriaenne мертва. Осталась... Шэрин. И счета, по которым нужно платить.

Цепочка скользящих шагов... Прыжок. Наклон в сторону, поворот. Пируэт.

Каждое последующее движение удаётся увереннее. Меч понемногу повинуется моей воле. Но он подобен старику, который тщетно силится повторить действия молодого внука. Что ж — моё счастье, что на чердаке у Сибиллы каким-то чудом нашлось место хотя бы этому клинку... Сейчас главное не то, какой меч я держу в руках. А то, КАК я его держу...

Удар с замаха, блок, подкат. Отражение снизу. Контратака. Поиск брешей в защите и тут же точечный удар, словно жало. Смерть...

Сталь в моих руках то и дело вспыхивает мириадами мерцающих звёзд. Ночь играет со мной, превращая старый меч в сокрушительное оружие, меня — почти что в прежнюю, и послушно рисует тенями до боли знакомый силуэт, милостиво позволяя убивать его сотни, тысячи, миллионы раз... Как же я любила его когда-то... Как же я ненавижу его сейчас!...

Удар, блок, удар.

Clireadan...

... Детьми мы учились искусству боя у одного Мастера. Ты долго не желал признавать, что у меня получалось лучше. А повзрослев, сам смеялся над этим, уверяя, что гордишься тем, что твоя невеста — первая за долгое время женщина-Rihanne Daerrt. «Жезл — королю, меч — королеве» — шутливо разделил ты как-то символы ещё не обрётённой тобой государственной власти, обняв меня за плечи. «Да к чему он мне?» — смеялась я — «Всё равно в Мире не найдётся мечей лучше моей пары...». «Ты — Избранница Ночи, моя королева и мой полководец, значит, тебе и меч в руки» — ответил тогда ты. — «А я всего лишь король. Поэтому скромно довольствуюсь жезлом, он и без меча-то довольно тяжёл. Надеюсь, с ним одним я легче управлюсь».

Да, надо сказать, управился блестяще. Твой жезл принял службу меча, воспользовавшись им с максимальной для себя выгодой. А после, в нужный момент, уничтожил его, обернувшись ножом, ударившим в спину...

... Шаг. Снова шаг. Разворот в прыжке. Сложный выпад с выворотом кисти. Слишком сложный... Меч летит в одну сторону, я, подвернув ногу — в другую. Смерть. Мне.

Сотканный из тьмы силуэт смеётся. Мне кажется, я слышу этот смех... Он стоит у меня в ушах. Возможно, это Ночь напоминает мне о том, что реальность жестока. И соотношение сил пока ещё далеко не в мою пользу...

Я медленно поднимаюсь. Массирую руку, иду искать меч. Он лежит в сугробе, бледные искорки неподвижно застыли на стали клинка.

Меч мёртв.

Но когда я поднимаю его, меч оживает... Рукоять ещё хранит тепло моей ладони, волны звёздного света, трепеща, пробегают по поверхности лезвия, я ещё чувствую его вес и баланс...

Медленно замахваюсь мечом, черчу плавную линию в морозном воздухе, наслаждаюсь чувством продолжения руки в движении клинка... Пусть сейчас это не совсем так, пусть даже я это почти придумала — но когда-нибудь, я точно знаю, это чувство будет настоящим. Оно вернётся ко мне, как понемногу возвращается чувствительность пальцев, память мышц, умения и навыки, что выработаны годами упорных тренировок. А для этого нужно сделать шаг. Ещё шаг... Цепочку шагов. Пируэт. Удар...

... Ночь — единственный свидетель моих тренировок — незримо подбадривает меня, она на моей стороне.

Танцуй, Shaertiaenne. Танцуй...

Ты ведь за этим пришла?

* * *

Камнеломка меня порадовала. Первый же облюбованный мной камень оказался исключительно «урожайным». Россыпь тускло блестящих «капелек» так густо облепила плоскую поверхность, что казалось, будто кто-то разлил на ней жидкое алхимическое серебро. Я, не теряя времени, сняла с пояса небольшой холщовый мешочек и, аккуратно срезая соцветия острым ножом, быстро наполнила его до середины.

В двух шагах отсюда заснеженную землю вспарывал ещё один каменный «рог». Он и помог успешно завершить начатое... Завязывая туго набитый мешочек, я подивилась, как быстро всё удалось. Порою цветков было настолько мало, что в их поисках приходилось углубляться далеко в холмы, внимательно обследуя крупные булыжники и обломки породы.

Эти холмы... Их, пожалуй, даже можно было с натяжкой назвать горами. Я распрямила спину и посмотрела вдаль — туда, где с бархатной дымкой ночного неба почти сливалась громада плоской вершины. Немного дальше от неё к восходу возвышался горб второго холма в окружении свиты бугров и холмиков поменьше. Между холмами тянулось Урочище — каменистый котлован, местами заросший густым кустарником, местами потравленный очажками болот.

Лес океанской волною подкатывал к холмам и, лизнув самое подножие, отступал. Но именно тут, в преддверии Урочища, цвели самые красивые цветы, росли самые крупные ягоды и водилось в изобилии дикое зверьё, что делало эти места настоящим раздольем для охотников. Где-то здесь, по-видимому, обретался и тот самый медведь-шатун, в недобрый час встреченный приятелем Варды...

Я не боялась медведя. Ни одно животное в здравом уме никогда не причинит вреда Россу, знающему Язык Леса... На случай, если здравый ум у медведя отсутствовал, на моеё шее болтался сделанный на скорую руку простенький амулет-«равнодушник». На лихого человека, пожалуй, не подействует — слишком много нужно использовать силы, чтобы погасить по-настоящему злой умысел. А вот зверя или мелкую нежить — тех немногих

сущностей, что можно здесь повстречать — тут же заставит потерять интерес к предполагаемой добыче и пойти своей дорогой...

Хрустнула под ногой сухая ветка. С лапатою сосны неподалёку вспорхнула потревоженная ночная птица... Я подавила зевок и поискала глазами в небе Miramirr — звезду, которую люди называют Путеводной. Путешествие в эту часть леса заняло полдня и порядком утомило. Если память мне не изменяет, избушку-заимку следует искать полуночнее, она совсем недалеко...

Очень кстати подвернувшаяся звериная тропка позволила существенно срезать путь. Раздвигая заледеневшие ветки кустов, я ускорила шаг, предвкушая скорый отдых, и на поляну, в дальнем конце которой темнело приземистое деревянное строение, выбралась уже почти бегом. Хмыкнула, усмехнувшись собственному нетерпению... и застыла как вкопанная.

Узкие подслеповатые окошки старого домика тускло светились, разгоняя ночную тьму.

В заимке кто-то был.

Скорее всего, кто-то из местных охотников, накануне вылазки в Урочище или уже после таковой. Частенько выбираясь к Урочищу за растениями, я, случалось, заставала в избушке охотников на привале. Конечно, это было совсем некстати именно сейчас, когда я сама на неё рассчитывала — но, в общем-то, обычное дело...

Однако мой сон как рукой сняло.

Что насторожило меня, я поняла не сразу. Ещё несколько мгновений пристально всматривалась в домик, утопающий в снегу — и лишь тогда сообразила.

Первое, что сделает охотник, оказавшись на зимовье студёной зимней ночью — разведёт очаг, чтобы согреться и поесть горячего. Запас дров в заимке имелся всегда — всякий раз утром, покидая место ночлега, гость по неписаному правилу восполнял его из леса окрест. У заснеженной колоды под скатом крыши и сейчас лежали несколько чурок, аккуратно сложенные в небольшую поленницу...

Но из печной трубы не шёл дым.

Более того, светились не только окна, но и дверной проём — вначале мне даже показалось, что дверь распахнута настежь...

Очень странное поведение для того, кто вроде бы должен бороться за каждую кроху тепла.

Очень странное...

Коснувшись рукояти ножа, заткнутого за пояс, я сделала осторожный шаг назад.

Второй не успела.

На пороге избушки, заслоняя свет, выросла тёмная широкая фигура в длинном плаще. И смотрел человек прямо на меня...

Я не сразу узнала Брата Витина. Не только потому, что, вопреки обычному, он был одет в мирское. Определённо, он был последним, кого я ожидала увидеть здесь в такой час.

А вот он меня, похоже, узнал сразу. И этому явно не обрадовался. Мне не составило труда различить, что густые брови светлого жреца сошлись на самой переносице, и на лбу тут же пролегла глубокая складка...

Мы играли в гляделки ещё пару мгновений, после чего Витин соизволил заговорить первым:

— Зачем ты здесь?

Вопрос повис в воздухе.

— Я тебя спросил, эльфа. Отвечай!

— Моё дело! Что тебе до того? — парировала я довольно грубо. — Я же не спрашиваю, что забыл здесь ты...

— Добрая ночь, Шаэриэнн, — прозвучало вдруг запоздалое приветствие, и моё имя, произнесённое почти без искажения, жутковато резануло слух...

Я резко повернулась вправо. В нескольких шагах от меня стоял, прислонившись к замёрзшему стволу дуба, Брат Дейарис. На нём тоже была мирская одежда. В отличие от Старшего Жреца, он выглядел абсолютно спокойным, и только в глубине узких чёрных глаз горел непонятный огонёк...

— Ты не спрашиваешь, но я отвечу, — псоглавец очень правдоподобно «не заметил» гневного взгляда Брата Витина. — Мы здесь по воле Пресветлого Яроша, Шаэриэнн. Его воля была грубо нарушена...

— Дейарис! — толстый жрец в волнении соскочил с крыльца. — Мы не знаем, что она делала в этом лесу...

— Возможно, она сможет нам помочь, Брат. — Дейарис отвечал Витину, но смотрел по-прежнему только на меня.

— Она эльфа! — выплюнул Старший Жрец, останавливаясь так резко, словно наткнулся на невидимую преграду.

— Именно поэтому. — Дейарис остался невозмутим. — Пусть посмотрит. Возможно, ей откроется что-то, мимо чего прошли мы...

Меньше всего на свете мне хотелось иметь что-то общее с человеческой Церковью. Однако и слугам Яроша не так часто надобилось что-либо от меня...

— Что здесь произошло? — услышала я свой собственный голос прежде, чем успела придумать, как бы исчезнуть поскорее и без особых для себя последствий.

— Убийство. — Псоглавец наконец прекратил подпирать дуб и сделал пару шагов мне навстречу. — Три дня назад деревенские охотники нашли здесь останки своего односельчанина, днём раньше отправившегося к Урочищу за добычей...

— Но ведь его убил пещерный медведь!

— ... Мы хотели бы, чтобы ты осмотрела это место и сказала нам, что ты видишь, — Младший Жрец никак не отреагировал на мою фразу, и это навело на определённую мысль.

— Я не колдую!!! — выпалила я в лицо Дейарису.

Это была правда, и это прозвучало вызывающе. Слишком вызывающе, чтобы удалось скрыть настоящую боль.

Дейарис дёрнул уголком губы. Как всегда, непонятно, то ли усмехаясь, то ли щерясь...

— Но когда-то колдовала, не так ли?

— Теперь — нет! — Я рывком сорвала рукавицы, выставила перед собой обнажённые ладони так, чтобы псоглавец мог прекрасно видеть изуродованные пальцы. — И тебе это известно! Ты доволен, жрец??

— Но чувствовать магию ты можешь, — Четырёхпалая лапа внезапно накрыла мою ладонь, плавно, но с силой отводя её вниз.

Лицо-морда зверчеловека оказалась совсем рядом, наши взгляды скрестились, как два клинка, казалось, высекая искры... И тут же, как ни в чём не бывало, Дейарис выпустил мою руку, отступил на шаг назад и продолжил совершенно спокойным голосом:

— Сейчас нужно только это.

Я мгновение постояла, переводя дыхание. Затем нагнулась, подняла со снега рукавицы,

натянула обратно на руки. И медленно пошла мимо Дейариса, мимо Брата Витина, пожирившего меня глазами, по направлению к охотничьему домику.

Чувствовать магию я действительно могла — то немного, чего Орден, как ни бился, всё же не сумел меня лишить. Но для этого нужно было успокоиться и сосредоточиться — и я заставила себя, всё сильнее прислушиваясь ко внутренним ощущениям...

На поляне следов волшбы не было. Не было их и у входа в избушку, где, как я почему-то решила вначале, и погиб охотник. Но подойдя поближе, я поняла, что дверь, которая издали показалась мне широко раскрытой, на самом деле отсутствовала вообще. Она была с «мясом» вырвана с петель и валялась внутри комнаты в нескольких шагах от порога. Из огромной рваной дыры посредине торчали обломки массивных досок, играя тенями в свете факела, закреплённого в стене...

Страшно представить, какой чудовищной силы был нанесён удар.

А магии — не было.

Я осторожно ступила за помятый порог, уже догадываясь, что увиденное вряд ли мне понравится.

... Кровь была повсюду — на полу, на стенах, на переломанном пополам дубовом столе, на останках разорённого очага... От некогда уютной маленькой заимки не осталось и следа. Казалось, сами стены до основания впитали в себя отвратительные запахи смерти и тлена, и даже неровного слабого света факела хватило, чтобы перед глазами в полной мере предстала жуткая картина произошедшего здесь.

Не холодный расчёт разумного существа, не желание хищника утолить голод и даже не жажда крови берсерка. Первобытная, безудержная ярость — и дикий предсмертный ужас растерзанной жертвы... Я зажмурилась, чувствуя, как становится всё труднее и труднее дышать. Никто из рождённых под этим Солнцем и Небом не убивает ради самой смерти — это свойственно только тем, кто создан вопреки законам Природы. Но, даже призвав всю силу воображения, я не смогла представить себе тварь, способную эманировать ярость такой силы и такой чистоты...

И только здесь, в этом месте были слышны слабые отголоски какой-то волшбы на самой границе чувств... Следы старые и, если можно так выразиться, «несвежие», причём заклятье явно творилось не тут и не тем существом, что убило охотника. Самым странным было то, что как ни силилась, я так и не смогла определить ни то, откуда появилось это существо, ни природу использованной магии... То мне казалось, что волшбу творили люди — меня захлёстывало волной отвращения, словно я наяву чувствовала силу проклятого агмарилла... То, напротив, вдруг ощущалось что-то своё, неуловимо родное, так, будто я сама когда-то сплела воедино волны серебряного лунного света — сотворив?... призвав?... повелевая??

Что-то ещё, знакомое и незнакомое, объединяло несочетаемое и дарило неизведанное прежде чувство прикосновения к чему-то то ли абсолютно новому, то ли безумно древнему... На что походило больше, я понять так и не смогла. Мотнула головой, сбрасывая пелену наваждения, и выбежала прочь, с наслаждением глотая свежий холодный воздух...

Брат Витин и Брат Дейарис молча ожидали меня на поляне.

— Что ты видела, эльфа? — обратился ко мне Старший Жрец.

— Почти ничего. — Я посмотрела на псоглавца, отвечая ему. — Следов почти нет... Очевидно одно: тварь, убившая охотника — порождение магии. Откуда она взялась и куда потом делась — я не знаю. Что до той магии, то её происхождение мне тоже неясно...

— Я говорил, что это пустая трата времени, — процедил Витин Дейарису. — В лучшем

случае — пустая...

И в этот момент мой взгляд зацепил сугроб снега у самого крыльца.

Нет... Не показалось.

Ледяной налёт на поверхности сугроба... В беспорядочной на первый взгляд россыпи мелких льдинок явно преобладали ярко-голубые. Мне не обязательно было ни присматриваться к ним, ни брать их в руки, чтобы с уверенностью сказать, что льдинки эти остренькие и очень студёные, все как одна, и собраны они как будто бы в маленькие группки на небольшом расстоянии одна от другой. Группки, очень похожие на следы...

Чьи это следы, я знала превосходно.

Брат Витин, успев перехватить мой взгляд, направился к сугробу. Зачерпнул горстью снег, пропустил сквозь пальцы белоснежную крошку... Одинаково мелкую и одинаково холодную.

— Что это?

— Снег, — я неопределённо пожала плечами. Нет, маленький, я тебя не выдам...

— Ты издеваешься, эльфа?? — даже в темноте ночи было видно, как побагровел толстый жрец.

Дейарис сделал маленький шаг вперёд, оказываясь между ним и мною.

— Ты спросил — я ответила.

— Шаэриэнн. — Младший Жрец легко коснулся плеча Старшего. — У тебя наверняка были свои дела, от которых мы тебя отвлекли. Более мы тебя не задерживаем... Ты помогла. Мы не забудем... Ступай. И будь осторожна.

Я не собиралась заставлять себя упрасивать... Как не собиралась и прощаться. Но с поляны уходила так, чтобы не выпускать церковников из поля своего зрения так долго, как только это было возможно.

Всё это время псоглавец что-то тихо говорил человеку; последний внимательно слушал. Ко мне они, казалось, потеряли всякий интерес. Ну и слава их богам, если это действительно так...

Разумеется, я направилась домой, в избушку старой Сибиллы. И плевать, что идти предстояло полночи...

... Когда поляна с заимкой осталась далеко позади, я, выбравшись на очередной пригорок, обернулась. В той стороне, откуда я шла, вдалеке над верхушками деревьев полыхало белым огнём зарево магического пожара. Жрецы использовали агмарилл, навек стирая с лица земли вместе с заимкой память о страшном событии.

Я покачала головой. Если бы всё было так просто...

Убившее охотника существо не сгинет вместе с памятью. И почти наверняка в скором времени напомнит о себе.

Надеюсь, церковники это тоже понимают...

* * *

Я не солгала Дейарису — я действительно больше не колдовала. Практическая магия Росса, в особенности так любимая некогда мною боевая, немыслима без пассов и жестов — а их применение требует ювелирной точности и ловкости даже в мелочах. С моими нынешними пальцами нечего было и пытаться. А я поначалу пыталась... Но увы — смогла

уяснить только одно: с мечом у меня ещё оставались какие-то шансы если и не вернуть прежнее мастерство, то хотя бы достигнуть уровня, достаточного для осуществления своего единственного плана на будущее. В отношении же магии шансов не было совсем...

Однако и здесь была маленькая лазейка, почти незаметная на фоне того, что принято обычно понимать под волшебной... В моём распоряжении по-прежнему оставались предметы, начертание знаков, формулы-слова... Пусть эта магия давно уже считалась примитивной и имела очень ограниченные возможности — в моём нынешнем положении я была рада и им. Да, я больше не была способна подкрепить магией удар клинка или сотворить мгновенный портал — зато, потрудившись, могла соорудить амулет из травы или камня и зачаровать его простеньким наговором. Или, рассчитав и начертив нужную иксограмму, использовать Призыв...

По счастью, того, кого я сейчас собиралась Призвать, связывали с моим народом давние и крепкие узы, поэтому звезда, изображённая на снегу позади моей избушки, насчитывала всего лишь пять лучей, и они были равными. Отойдя на пару шагов, я придирчиво осмотрела получившуюся пентаграмму, потом, вернувшись, кончиком заострённой палочки кое-где подровняла края, в нужных местах вывела несколько положенных по случаю рун. Рассчитав расстояние, стала строго между двумя лучами, ориентированными на полдень. И, наконец, зачерпнув полную пригоршню снега у своих ног, швырнула его в самый центр изображённой фигуры...

Утро выдалось пасмурным, но спокойным. Серое небо то и дело встряхивало распростёртыми крыльями, наземь осыпался реденький белый пух, и это тоже было сейчас как нельзя кстати...

Староэльфийская речь в морозной тишине зазвучала особо торжественно... Я сосредоточилась, усиливая нажим, произнесла одно за другим Обращения — и руны на снегу, по мере того, как я называла их, отвечали мне лёгким серебристым светом.

«Во имя Ночи, Вечной и Всемогущей, во имя Зимы, Владычицы Хлада, Снега и Льда, по праву Старшего над Младшим, взываю: Кари — Снежный Дух, услышь меня!»

Снежинки в центре звезды закружились, вдруг подхваченные возникшим «ниоткуда» ветром, взметнулись вверх бурным фонтанчиком, сближаясь, уплотняясь... Мгновение — и передо мной в воздухе возникло небольшое пушистое облачко. Выпустило четыре «лапки», смешно взмахнуло ими, спрыгивая с вьюжащего потока на слежавшийся наст. Спружинило, по-кошачьи выгнув «спинку» — и тут же подняло ко мне забавную круглую мордочку с двумя большущими чёрными глазами. Эти глаза вопросительно уставились на меня, и в голове сразу же всплыла целая цепочка мысленных образов:

«Призвавшая зовёт Кари. Кари слышит. Кари приходит».

— Благодарю тебя, Снежный Дух, — вслух ответила я. — Мне очень нужна твоя помощь...

Кари в нетерпении подпрыгнул, словно козлёнок. Стоять на одном месте было непосильно тяжело для этого малыша.

«Призвавшая спрашивает».

Я опустила на колени, медленно — чтобы не испугать маленькое существо.

— Дай мне увидеть того из вас, кто три ночи назад побывал в лесу у самых холмов, возле старой охотничьей избушки...

«Время...».

— Я подожду.

Кари подпрыгнул, взбивая лапками снег, и опал на землю горсткой белого пуха. В том месте, где он только что стоял, осталось лежать несколько крошечных голубых льдинок...

Я не двигалась с места, догадываясь, что долгим ожидание не будет. И действительно — через считанные мгновения снежинки снова соткались вместе в знакомую маленькую фигурку.

«Кари здесь».

— Скажи мне, Снежный, — я поняла, что передо мной теперь другой Кари — тот, который мне нужен. — Что произошло три ночи назад там, у охотничьего домика? Что ты видел?

Кари прищурил глазки, вспоминая. Я приготовилась «ловить» образы, которые миг спустя обрушились на меня рекой...

«Снег. Много... Так хорошо, так весело... Лес спит, всё вокруг спит, не мешает, не тревожит... Ветер, сильный ветер... Звёздный свет. Темнота. Простор... Много прыгать, резвиться... Радость...».

— Человек, — подсказала я, чувствуя, что рискую утонуть. — Охотник...

Мальш ковырнул снег передней лапкой, прерываясь с видимым сожалением.

«Человек...». — послушно продолжил он. — «Приходит один. Очень устал... Не хочет снега, не хочет ветра. Идёт в домик. Спит...».

Однако красочную «реку» образов будто бы перекрыли... «Договаривал» Кари с явной неохотой, словно через силу. А затем поток и вовсе прервался.

— А потом? — я подалась вперёд. — Что было потом, Снежный?

Но Кари молчал, будто погрузившись в транс. Чёрные глаза глядели прямо на меня — и мимо. Даже подпрыгивать перестал.

— Снежный Дух! — я перешла на старозельфийскую речь. — По праву Старшего над Младшим...

Внезапно мальш дёрнулся, словно животное, укушенное змеей.

«Зло!!!» — буквально «завопил» он. — «Ужас!... Ненависть!... Много, много ненависти!... Ненависть ко всему, что живёт! К человеку... Он близко... Он не знает... Он обречён!...».

— Ты видел его, Снежный?

«Да!»

— Что это было??

«Смерть!!!»

Серебристый свет над рунами затрепетал, рискуя угаснуть. Кари прыгнул вперёд, потом назад, заметался по узкому «пяточку», огороженному начертанными на снегу линиями...

— Магия? — быстро крикнула я, понимая, что теряю контроль над ситуацией.

«Да!» — «взвизгнул» Кари, в очередной раз налетев на невидимую преграду. Я буквально наяву слышала, как «трещит по всем швам» моя звезда...

— Нежить?

«Да! Нет!»

Я опешила:

— Как это??

Кари не ответил, изо всех своих силёнок «штурмуя» полуночный луч. Моё время убегало, как песок сквозь пальцы...

— Откуда оно пришло?

«Лес!»

— Откуда оно в лесу?

«Родилось... Его дитя...».

Я вообще перестала что-либо понимать:

— Нежить — дитя Леса?!

«Ему помогли...».

Яркая вспышка — и пентаграмма исчезла... Хлопья снега полетели мне прямо в лицо, я отшатнулась, отплёвываясь и фыркая, а когда разлепила глаза — Кари уже не было. Только беспорядочно разбросанные там и сям голубые льдинки напоминали о том, что мой Призыв был услышан.

Я перевела дух. Определённо, вопросов в результате вышло больше, чем ответов... И второе — Кари, разорвавший чары Призыва?! С таким я ещё не сталкивалась, хотя заклятье действительно было не из самых сильных. Видимо, страх, испытанный маленьким существом, на сей раз пересилил его повиновение...

Ладно... Надо всем этим стоило подумать. Тем более, я действительно устала — даже не столько по причине волшбы, сколько оттого, что, вернувшись из леса, ещё не ложилась спать.

Я встала со снега, чувствуя себя почти разбитой. Собрала остатки сил и тщательно затоптала то, что осталось от пентаграммы, вместе со следами малыша. Не нужно было, чтобы на них вдруг случайно наткнулся бы кто-нибудь посторонний.

Моя обитель манила теплом — перед тем, как идти говорить с Кари, я догадалась растопить печку. Я прошла в светёлку, на ходу сбросив кожух и безрукавку прямо на стоящий у входа сундук, быстро стянула обувь. Рухнула на кровать и почти сразу же провалилась в глубокий тяжёлый сон без сновидений.

* * *

Их было несколько. Трое?... Четверо?...

Пятеро.

Одна женщина, остальные — мужчины, все хорошо вооружены. Шли из леса, со стороны деревни, двумя факелами подсвечивая себе дорогу в сгустившихся сумерках. Быстро шли, почти бежали...

В том, что люди направлялись именно к моей избушке, сомнений не было. Двое встали перед самой дверью, трое, протаптывая в сугробах под стеной глубокие бороздки, поспешили к окну...

Я отчётливо ощущала всю гамму их эмоций — волнение, растерянность, злость, отчаяние, страх... Но ничего, направленного против меня. И потому по-настоящему проснулась только тогда, когда в ставни глухо застучали сразу несколько кулаков.

— Шэрин!

— Шэ-эрин!!

— Шэрин...

Я едва не свалилась с постели, уронив подушку на пол. Схватила было сапог — но тут же отшвырнула его в сторону и кинулась к окошку как была, босиком.

Такую толпу к моему дому считай, в ночь, в подобной спешке не могло привести ничего

хорошего...

Ставни жалобно скрипнули, распахиваясь на всю ширину. Мне хватило беглого взгляда на бледные вытянутые лица, чтобы понять: всё не просто плохо. Всё намного, намного хуже...

— Кто? — «каркнула» я хриплым спросонья голосом.

— Орен... И Марек...

— Томаш...

— Варда...

Ashratt Daebbr!!! Четверо...

— Когда? — руки уже дёрнули сумку с табуретки. Я заметалась по комнате, быстро складывая всё необходимое... и всё, что возможно могло понадобиться.

— Так... вот-т же. Д-днём... — ответила мне женщина, слегка заикаясь. — К-когда на медведя ходили...

— Медведь?? — я чуть не выронила сумку. — Какой к Ashratt'у медведь?! Ваши церковники... вам что, ничего не сказали??

— Ну... Брат Витин там. Помогает раненым... — протянул стоящий ближе всех у окна мужчина.

— К-когда их п-принесли, столько к-крови было!... — всхлипнула женщина, прижав к лицу конец платка. — С-столько крови!...

— Эльфа, миленькая! Ты уж того — поспеши, а? Брат мой там, Томаш... — тихо попросил молодой худощавый парень, комкающий в руках шапку. Хлюпнул носом совсем как ребёнок и еле слышно добавил: — Ему больше всех досталось... Хоть бы жил!...

Я в сердцах плюнула на пол, поспешно влезая в сапоги и кожух. Ashratt их поймёт, этих людей, и уж тем более их проклятую Церковь! Мне действительно непонятно было, почему промолчали Жрецы — может, конечно, просто не успели вернуться к уходу охотников в лес — но разбираться в этом сейчас было недосуг. Тем более что эти несчастные всё равно ничего не знают, они прибежали за помощью...

— Идём! — я забросила сумку на плечо, выскакивая на порог. Двое ожидающих меня там селян хмуро попятнулись, сопя за спиной, пока я притворяла дверь.

Мужчины, держа наизготовку мечи, полукольцом окружили меня и пришедшую с ними женщину. Молодой парень — тот, что говорил о брате — выдвинулся немного вперёд, освещая дорогу факелом.

Не теряя времени, которого, по моим смутным подозрениям, у нас и так практически не было, мы нырнули в лес, торопясь скорее попасть в Рогачик...

Всех раненых снесли в одну просторную избу, вокруг которой, несмотря на поздний час, толпилось полно народу. Жгли смоляные факелы, бестолково топтались на месте, переговаривались, напоминая встревоженный пчелиный рой...

«Глянь! Эльфа... Эльфу привели...». — загудело вокруг.

Мои сопровождающие, не церемонясь, попросту растолкали тех, кто стоял на пути к высокому срубному крыльцу, давая мне возможность подняться на ступени. Я дёрнула дверь на себя...

Поток яркого света резанул глаза, заставив прищуриться — но я уже пробежала просторные сени, на ходу скидывая сумку, краем глаза заметив кровь, размазанную по соломенной подстилке...

... Они лежали на лавках, на столе и даже на полу. Четверо молодых мужчин с

мертвенно-бледными лицами. Двое слабо шевелились и постанывали, двое лежали ничком. Кроме них в комнате тоже находилось множество людей. Какая-то дородная старуха сиплым голосом отдавала приказы группке женщин; те без конца бегали, сутились вокруг раненых, таская воду и тряпки. Воздух вокруг, казалось, трещал от магии, — у стола спиной ко мне над одним из несчастных склонился Брат Витин, бормоча свои Обращения...

Я на мгновение застыла на пороге, оглушённая близостью ненавистного мне агмарилла, но стиснула зубы и, пересилив себя, шагнула вовнутрь.

Отстранила, потянув за плечо, одну из женщин, заслоняющих лежащее на полу тело — та было возмущена, но увидела меня и прикусила язык.

Нет, этот парень явно был не жилец... Это было ясно с первого взгляда. Шея, грудь, живот — ни единого живого места... Шансов не было. Никаких...

Однако я всё же присела на корточки, наклонилась. Быстро проверила дыхание, пульс, зрачки. Увы, всё только подтверждало то, что я и так уже поняла — душа покинет это тело ещё до утра...

Я поднялась с колен, поймав на себе взгляд, полный страдания и мольбы... Встретилась глазами с красивой молодой женщиной, держащей на коленях голову парня. Едва заметно покачала головой и, переступив через ворох рваных бинтов под ногами, шагнула к следующему, стараясь не слышать за спиной безудержных, иступлённых рыданий...

... Здесь было проще — всего лишь разодранное бедро. Охотник был в сознании, но держался молодцом — только закусил губу от натуги. Так... Потерял много крови, и сейчас, несмотря на то, что удалось пережать повреждённый сосуд, корпия, которой была прикрыта рана, уже насквозь пропиталась алым... Я поднесла к его губам флакончик с болеутоляющим эликсиром, принудила запрокинуть голову, чтобы выпил одним глотком. Не самое приятное на вкус зелье, знаю. Но так хотя бы будет возможность сделать вот это...

Я принялась аккуратно сдвигать набухшие кровью бинты, щедро посыпая рану серым порошком из другого флакона, попутно проговаривая себе под нос обычную в таком случае кровезатворяющую формулу... Мужчина вскрикнул и почти тут же обмяк на руках кинувшегося к нему товарища. Полностью заглушить всю боль от этой процедуры травяной эликсир был не в силах, однако гибель от болевого шока теперь охотнику не грозила. Убедившись, что кровь больше не идёт, я обработала рану обеззараживающим настоем и, вставая, достала из бокового кармана сумки кусочек побега ядучки. Бросила в руки друга охотника — он на лету поймал и, следуя моему жесту, разломил его и поднёс к носу раненого. Тот закашлялся, приходя в себя — а я уже спешила к следующей лавке, на которой лежал невысокий коренастый мужичок с рваной раной в плече.

Впрочем, здесь ситуация уже была взята под контроль. Имевший место вывих к этому моменту вправили, и та самая толстая старуха, что, видимо, была здесь за главную, сноровисто зашивала бывшую не такой уж глубокой рану прокипяченной суровой ниткой... Судя по осоловелым глазам мужика, неподвижно глядящего в одну точку где-то на потолке, от боли его избавили с помощью магического транса. Грубо, но эффективно...

Здесь мне делать было нечего. Но оставался ещё четвёртый раненый. Я повернулась... и в этот миг жуткий, нечеловеческий вопль, донесшийся от стола, заставил буквально подскочить всех, кто сейчас находился в доме.

Брат Витин уже не бормотал — он почти выкрикивал непонятные большинству его соплеменников слова на чужой, Церковной Речи, высоко над головой держа агмарилловую

звезду, которая стремительно наливалась белым светом. А лежавший на столе человек, раненый в живот, кричал дико, кричал бешено, не приходя в сознание, и извивался словно червяк, попавший на рыболовный крючок...

Отторжение!... Зубы предательски заскрежетали. Я слишком хорошо знала, что это, для того, чтобы поверить, что этого не может быть...

Раньше, чем успела понять, что делаю, я одним прыжком оказалась рядом со Светлым Жрецом и что было силы толкнула его в бок. Не ожидавший подобного Витин отлетел на несколько шагов в сторону. Светоч выпал из его рук. Глухо застучал по полу, покатился под стол, угасая на ходу...

— Ты... Да как ты смеешь, мерзавка!!!

В мгновенно воцарившейся гнетущей тишине толстый церковник ринулся ко мне, замахиваясь кулаком... Я без особого труда заблокировала удар предплечьем, увернулась с траектории, оказавшись за правым плечом жреца, и крикнула ему прямо в ухо:

— Он умирает!!! Ты почти убил его, неужели не видишь?!

— Ты!... Маленькая... Паршивая... Дрянь!!!

Второй удар Брата Витина также не достиг цели. Борясь с отчаянным желанием ударить его в ответ, я отскочила к дальнему концу стола.

— Агмарилл! Ты пытаешься исцелить его, но для него это — смерть! Как... как для эльфа, для любого не-человека... Ещё немного — и он умрёт, умрёт страшно! Забери подальше свою звезду...

— Я... Тебя!...

И тут случилось то, чего я меньше всего ожидала. У меня... внезапно появился союзник.

— ... Брат Витин! — Хриплый бас принадлежал дюжему мужчине, чья широкая спина в этот самый миг загородила меня от разъярённого церковника. — А может, эльфа-то... пусть её, а?

— Что-о-о?! — этот визг, похоже, должен был означать рёв... — Да ты! С-с-святотатец!!! Да ты... Ты знаешь, что я с тобой сделаю?!

— Пушай попробует, Светлый Брат... — мужчина вроде бы просил, но звучала просьба весьма решительно. — Я подумал... Ведь то, что на нас там, в лесу, напало... Мож-быть, то такая дрянь, что самой магии Пресветлого... ну, отвратна? И так отвратна, что и раненого этой гадиной она за неё принимает? И изничтожить хочет... А эльфа... ну, что она? Травки там муравки всякие... худа от этого уж точно не будет. Куда уж оно, хуже-то...

Говоря, он аккуратно, но уверенно оттеснял пышущего ненавистью жреца подальше от стола. Видя такое дело, второй человек уже поднял с пола агмарилловую звезду, аккуратно оттряхнул от пыли... Тем временем кто-то сзади осторожно постучал меня по плечу, а когда я обернулась, легонько кивнул головой — иди мол, смотри...

Я приблизилась к столу с противоположной от жреца стороны. Раненый был без сознания, весь в крови и поту. Я с трудом узнала Варду, который лишь недавно в добром здравии навевался в мою избушку...

При ближайшем рассмотрении оказалось, что задет даже не столько живот, сколько бок. Рана была очень нехорошей... но ещё можно было побороться. Я глубоко вздохнула, задержав дыхание — от остаточных следов агмарилловой волшебы, словно от ледяной воды, сводило скулы и зубы — и замерла оттого, что поняла:

— А ведь ты, похоже, прав, охотник...

Придуманная широкоплечим селянином на ходу небылица оказалась до невозможного близка к истине. Дело было вовсе не в том, что организм раненого по какой-то причине вдруг отверг целительную магию агмарилла, как мне это показалось вначале...

Проклятый агмарилл не лечил — он убивал человека! Убивал жестоко и быстро. Но почему?!

Я подалась вперёд, фокусируя на раненом иное — внутреннее — зрение... Мне нужна была его аура.

Перед глазами понемногу начали проступать радужные переливы, и я, не мешкая, сосредоточила внимание на том, что могло мне помочь...

Так... А ведь Брат Витин на самом деле пытался его спасти! Вот следы формул, которые он применял — снятие боли, заговор крови, попытка срастить рассечённые ткани... Простая и грубая магия людей, к тому же исполненная весьма «кустарно»-определённо, Старший Жрец не особо znalся на целительстве. Но при обычных условиях, да ещё и опираясь на агмарилл, он справился бы неплохо...

Мне было известно о свойстве проклятого металла «сглаживать шероховатости» человеческой волшбы, вмиг преображая её: словно вырубленного топором деревянного идола — в изящную статуэтку тончайшей работы. Это было одной из причин того, почему люди оказались сильнее...

Но сейчас... Что-то пошло не так.

Я озадаченно моргнула. По всему выходило, что агмарилл убивал вопреки целительским формулам, которые применял Светлый Жрец!... Мгновения, когда Светоч прекратил действовать во благо и начал — во зло, мне уловить не удалось. Но вот же они, как на ладони — чёрно-бурые разводы, от которых просто разит смертью, рвущейся с поводка... Ещё бы пару мгновений — и спасти охотника было бы поздно.

Почему так? С тех пор, как псоглавцы открыли людям тайну агмарилла, его сила и мощь была исключительно на пользу последним. И только им...

Агмарилловый Светоч должен был помочь человеку, а не убивать его. Может, и вправду, принял охотника за то существо, что так жестоко разделалось с ним?

Лежащий на столе Варда дёрнулся, застонал. Я поспешила вернуть себе привычное зрение — что делать, я уже примерно поняла, а большего аура всё равно не поведает...

Я протёрла руки чистой тряпкой и полезла в свою сумку. После такого масштабного магического воздействия становилось ясно, как лунная ночь — любая лишняя волшба может стать для человека смертельной... Даже среди растительных эликсиров нужно было выбрать такие, в основе которых были бы в первую очередь природные, а не магические свойства ягод, деревьев и трав. К счастью, в сумке нужные снадобья были.

А теперь — очень внимательно... Никаких напевов, никаких формул. Просто... Просто. Здесь — промыть, тщательно, но очень осторожно — чтобы кровь не пошла сильнее... Сюда — тампон, густо смоченный в растворе с неприятным запахом; этот запах усиливается по мере того, как очищается рана — что ж, иногда жизнь пахнет и так... Обезопасить, обеззаразить... Пережать, стянуть, соединить. Присыпать или смочить — где щедро, не скупясь — а где и совсем слегка, с особой тщательностью отмеряя капли или крупинки... Зажать, закрыть. Теперь перебинтовать — так, чтобы было одновременно и туго, и не слишком давило... Ещё пара витков, закрепить конец. Фух-х. Всё...

Под пристальными взглядами множества людей, держащихся толпой, но на почтительном расстоянии от стола, я устало вздохнула, прежде чем начать собирать

разбросанные склянки и пузырьки. Отчаянно работая локтями, ко мне из глубины горницы протолкалась давешняя старуха, уже, по-видимому, закончив с лечением своего подопечного... Я не стала ожидать, пока на меня набросятся с расспросами.

— Если дотянет до утра — будет жить... Перенесите его в постель, только аккуратно. — Кивнула на оставшийся на столе увесистый мешочек. — Этим будете отпаивать, когда придёт в себя. Им же пропитывать бинты, когда будете менять повязки. Да... Если есть при нём какие амулеты, обереги — попрячьте. И это — пусть пока побудет дальше от него...

Я потянулась к шее Варды, аккуратно подцепила за ниточку висящий на ней крошечный Светоч и разрежала нить ножом. Преодолевая отвращение, подхватила второй конец нити, не давая куску агмарилла упасть, и вытянула руку с качнувшейся в воздухе звёздочкой вперёд. Дюжий охотник — тот, который заслони́л меня от жреца, поколебавшись, сделал шаг мне навстречу, протягивая ладонь, в которую я с видимым облегчением и поспешила опустить звезду...

— Будь! Ты! Проклята!!!

За неимением лучшего варианта, Брат Витин попытался испепелить меня взглядом, полным злобы и ненависти. Когда не получилось, резко развернулся и исчез за порогом, успев бросить:

— Богомерзкая ведьма! Ты за это заплатишься!...

Громко хлопнула дверь и на мгновение стало совсем тихо — так, что слышно было бы муху, вздумай она пролететь... Затем замершие было в нерешительности люди вдруг резко вспомнили, чем они до того занимались, и в избе опять возобновилась суета. У стола, на котором лежал Варда, моё место заняла громкоголосая старуха и теперь, повинувшись её указаниям, трое мужчин осторожно перекладывали лежащего без сознания охотника на широкую грубую простыню — видимо, готовясь-таки его перенести.

Я постояла у стенки, прикрыв глаза и постаравшись отрешиться от всего вокруг. Это было нетрудно — теперь, когда я перестала быть нужна, на меня просто больше не обращали внимания... Когда силы немного восстановились, я застегнула кожух поплотнее, накинула сумку на плечо и, никем незамеченная, вышла в ночь, оставив за спиной залитую светом избу с кровью на полу и людским галдежом.

Толпа во дворе заметно поредела — во-первых, больше нечего было ждать новостей, ну, а во-вторых, прошло уже довольно много времени — за полночь давно перевалило, и морозец крепчал... Но самые стойкие мужики — а таких всё же было немало — остались. Собрались по неравным кучкам в разных концах двора и негромко переговаривались, поглядывая на светящиеся окна — с беспокойством, но без прежней суеты. Когда скрипнула дверь, те, кто стоял ближе всего к крыльцу, обернулись.

— Ну что, ельфа? — спросил один, нещадно дымя самокруткой.

О состоянии охотников им уже было известно, и вопрос был дежурный.

Я пожалала плечами.

— Сделала, что смогла.

Как я и ожидала, интерес ко мне тут же потеряли. До меня то и дело доносились обрывки фраз. Я не вслушивалась, но поневоле складывала в голове недостающие фрагменты мозаики.

«Дейарис...». «... в церкви» «... всеночное».

Ну, разумеется... Кроме четверых раненых были и убитые, по которым сейчас правится

всеночное бдение. И правит, разумеется, Младший Жрец — псоглавцы практически не колдуют, они не могут использовать агмарилл подобно людям, хоть он и не опасен для них так, как для всех остальных разумных рас. Помощь Дейариса раненым была бы бесполезна... «... у Гнилого Болотца...», «разошлись на две группы...», «... напал внезапно...».

Тут ничего нового. Разве что одно — непонятная тварь проявила себя гораздо ближе к деревне, чем в первый раз.

«... никто не видел...», «... пошли искать, когда не вернулись...», «... только раненые и убитые...».

Я вздохнула. Всё понятно.

Что и говорить, на «почётный эскорт», с которым меня препроводили сюда, в обратную дорогу я могла не рассчитывать. Но, если честно, я даже была рада этому. Люди мне уже успели изрядно надоесть, а до своей избушки я вернее доберусь без приключений, если буду одна.

Я пересекла двор, вышла за калитку, аккуратно притворив её за собой, и медленно зашагала по знакомой дороге в лес, только сейчас каждой клеточкой ощутив, насколько сильно устала.

Готова поспорить, никто даже не обернулся мне вслед...

* * *

Ночь за окном понемногу бледнела, стыдливо пряча лунный взгляд за туманной дымкой вуали — казалось, её очень смущали скромные объятия серенького зимнего рассвета, которые, впрочем, с каждым мгновением становились всё смелее и настойчивей...

Вернувшись в избушку целая и невредимая, я не стала тратить время и силы на доступную мне простенькую охранную магию для своего жилища. Поборола глупое искушение придвинуть ко входной двери стол... или сундук... или и то и другое. Это всё равно было бы бесполезно... Только слазала на чердак, чтобы достать меч, и теперь он лежал посреди стола — смутно различимыми в темноте комнаты очертаниями напоминая действительно хорошее оружие.

Меч бы мне тоже не помог. Но мне хотелось, чтобы он, как когда-то раньше, просто был рядом...

Я даже не зажгла свечу. Сбросила верхнюю одежду, быстренько ополоснула руки в тазу у входа, плеснула студёной водой в лицо. А потом забралась на постель, которую так и не удосужилась разложить. Села, обхватила руками колени — и принялась думать...

Что я знала о существовании, невесть откуда объявившемся вдруг в лесу? О монстре, так жестоко растерзавшем одинокого охотника? О твари, что без труда расправилась с целой группой сильных вооружённых людей, вышедших на её поиски, и исчезла практически бесследно?

Да почти ничего.

Только то, что совершить подобное не могло ни одно из известных Миру живых существ.

Ответ был на первый взгляд, очевиден.

Нежить.

Но...

И вот тут начинались странности.

Во-первых — за исключением того слабого магического «эха» неясной мне природы, которое я засекала в заимке, я совершенно не чувствовала тварь, как это было бы, появившись в лесу внезапно любая нежить, обладающая подобной силой. Лес бы не принял её — выдавал, как нечто чуждое, грубо вторгшееся в многосложную природную гармонию, разбившее естественный порядок. Для Говорящего-с-лесом это существо было бы подобно тёмному камню, брошенному на песчаное дно прозрачного как слеза пруда. Не заметить его было бы невозможно. Однако в этот раз «пруд» для меня был «кристально-чист»... Весь обратный путь от деревеньки до Сибиллиной избушки я пыталась Говорить, но сколько ни силилась услышать хоть что-нибудь непривычное, особенное — всё было бесполезно. Ничего настораживающего. Кроме того, что лес упорно не желал выдавать свою тайну...

Во-вторых, было ещё то, что успел сказать мне маленький Кари...

«Магия?» — «Да!» — «Нежить?» — «Да! Нет!» — «Откуда оно пришло?» — «Лес» — «Откуда оно в лесу?» — «Родилось... Его дитя».

Смысл полученных образов ускользал от меня тем дальше, чем сильнее я старалась его разобрать. Как существо может быть и не быть нежитью одновременно?! Что за нелепица? ... И потом, нежить — дитя Леса?! Первое само по себе противоречит второму, ведь нежить — порождение магии, но никак не природы...

Что это?

Может, я просто неверно поняла Снежного Духа? Но — нет, образы были хоть и быстрыми, хаотическими, однако достаточно чёткими. Исключено...

Чем больше я размышляла, тем сильнее во мне крепчало досадное предчувствие: относительно покою ставшей уже привычной для меня полуотшельнической жизни неумолимо наступает конец. И уже наверняка было ясно, что ни я, ни жители Рогачика больше не могли считать себя в безопасности... Единственную возможность хоть в какой-то мере защититься дала бы правда о существе, и нужно было постараться найти её как можно быстрее.

Я спрыгнула с кровати, быстрым шагом пересекла светёлку и откинула крышку старого сундука. Кое-что из его содержимого сейчас могло пригодиться.

Пора было действовать.

* * *

Самое основное место в моих планах занимало заклятье Призыва, уже единожды пришедшее мне на помощь. Я потратила уйму времени, терпения и сил — и была жутко разочарована, потерпев в результате полную неудачу...

Кари упорно не желали говорить со мной. Не имея возможности не явиться на зов, они при этом попросту «увиливали» от общения под видом того, что меня не понимают. Получалось у них мастерски... Битый час любуясь на безмятежные пляски снежных малюток внутри пентаграммы — единственный ответ на любые мои расспросы — я окончательно убедилась в том, что бессильна заставить Духов поведать мне больше, чем они уже сказали...

Практически то же было и с другой призванной мною к «разговору» мелкой нежитью. Суровые, похожие на ожившие грибы, Болотники, проворные Лесовички, крошки-Ховрашки,

обитающие под корнями деревьев — все они либо отмалчивались, либо утверждали, что ничего не знают. Так, сморщенная сухонькая Еловая Матушка с готовностью выбралась из ближайшего заснеженного дупла со мной «поболтать» — не так уж много у неё находилось в лесу собеседников. Однако когда я спросила, не случилось ли в этих краях в последнее время чего-нибудь странного, страшного, неправильного, не появлялись ли необычные существа — лишь долго качала похужей на прошлогоднюю шишку головой... На вопрос, не родился ли недавно кто-то особенный в её владениях, скрипучим голосом принялась перечислять все прибавления в звериных, птичьих и насекомых семействах... Когда же я прямо поинтересовалась, знает ли она, кто напал на охотников у Гнилого Болотца, изрекла совсем уже непонятную фразу: «Коль посеяны снежинки, не диво, что всходит вьюга». И заторопилась обратно в дупло...

День, потраченный впустую, плавно перетекал в вечер, когда я — усталая, голодная и злая — наконец сдалась... Ввалилась в комнату, почти не почувствовав её уютного тепла, сунула греться в печку чугунок с супом и, стащив с полки сухарь, плюхнулась на лавку, на ходу откусывая половину.

Приближалась ночь, и ничего хорошего она не сулила. Кто знает, как надолго затаилась тварь и где в следующий раз она проявит себя? Думать о том, что одинокая лесная избушка с единственной жилицей для неведомого монстра будет привлекательнее многолюдной деревеньки, упорно не хотелось... А я ведь так ничего и не узнала.

У меня оставалась только одна идея, и я упорно пыталась её прогнать. Потому что она мне очень не нравилась. И тем не менее, чем дальше, тем больше становилось понятно, что ничего другого мне не остаётся.

Нужна была вылазка на Гнилое Болотце — разыскать место, на котором охотники пересеклись с тварью, внимательно там осмотреться и поискать то, что сможет мне помочь. Хотя бы какую-нибудь зацепку... И самое печальное, что заняться этим надо было не откладывая.

Я заставила себя подняться, чтобы вытащить из печки суп. Отлила немного в тарелку, помешала, хлебнула пару ложек, даже не различая вкуса...

Конечно, отправиться с утра было бы куда предпочтительней. Однако вряд ли я располагала этим временем. Человек в заимке погиб, когда устроился на ночлег, а на охотников у Болотца напали среди белого дня... Судя по всему, для твари что день, что ночь были в одну цену.

Для меня, пожалуй, тоже — в лесу я одинаково хорошо ориентировалась и под солнцем, и при луне. Шансы избежать встречи с монстром были одинаковыми. Равно как и наткнуться на него. При этом я прекрасно понимала, что в последнем случае мало мне не покажется...

Странный скрежещущий звук привлёк моё внимание, и я опустила глаза на стол. А суп, оказывается, кончился, и теперь я усердно помешивала ложкой в пустой миске...

М-да. Очень мне не нравилась эта затея... Тем паче, что как не привлечь к себе внимание твари, я не имела ни малейшего понятия.

«Равнодушником» тут явно не обойтись... Более того, если эта сущность сродни высшей нежити, то нужно ещё знать, какая магия её отведит, а какая — только насторожит и послужит «приманкой». Придётся рассчитывать только на собственные силы и, Ashratt забери, интуицию — ох, негусто...

Я невесело хмыкнула. Интуиция хороша в бою, да когда нужно споро выбирать из

кажущегося равноценным, то делать или это... Но поручить ей решать, за какое дерево завернуть или в какие кусты вломиться — рано или поздно как пить дать, нарвёшься на неприятность, проводник как раз из неё неважный...

Проводник?

Погоди-ка...

Я со стуком отбросила ложку на стол.

Ну почему я сразу об этом не подумала?!

Сундук всё ещё стоял с открытой крышкой. Я рухнула рядом на колени, принялась усердно рыться в содержимом, пробираясь к самому дну. Где же, где же она?! Ага, вот!...

Перед моими глазами замелькал пёстрый край старенького вязаного платка, принадлежавшего ещё Сибилле. То, что было завернуто в платок, тоже досталось мне от неё в наследство... Я аккуратно развернула ветхую ткань, доставая свечу.

Толстая — три пальца, не меньше; грязно-серого цвета — она почти не горела, судя по тому, что воск у фитиля едва оплыл... И то верно: людям это заклятье даётся с большим трудом — как, впрочем, и вся магия Земли, самой бескомпромиссной и упрямой из пяти стихий. А вот народу Росса, к счастью, способности к ней дарованы по праву рождения...

Я выскочила на двор как и была, в безрукавке. Снаружи уже всю сгущались сумерки и стремительно темнело, однако всё, что меня интересовало, можно было найти прямо у крыльца.

Разгрести снег ладонью не составило труда, а вот мёрзлую землю под ним пришлось подрыть ножом... Я кое-как наскребла горсть в прихваченный с собой мешочек и поспешила вернуться в светёлку, пока ещё не замёрзла сама.

Третий нужный мне компонент тоже нашёлся довольно быстро. Достаточно было бегло осмотреть коврик у входа, тёплый уголок у печки, кровать — и в руке у меня оказались несколько коротких пепельных шерстинок.

Можно было начинать.

... Свечу я зажгла прямо от печки. Подождала чуть-чуть, пока разгорится фитиль, а потом укрепила её в плошке на столе. Откупорила маленький пузырёк с едко пахнущим эликсиром и, внутренне поморщившись, отпила пару глотков.

Всё внутри как будто опалило огнём. Голова закружилась, перед глазами быстро-быстро замелькали пятна: красные, синие... Я пошатнулась, но на ногах устояла. Тем более, неприятные ощущения довольно скоро пропали, заодно забирая с собой усталость и жажду сна. Чувствуя, как с каждым мгновением прибывают силы и проясняются мысли, я пожалела только об одном: что «Tearr'd Bliss» — «Благословение Теарра» — нельзя использовать чаще, чем раз в луну... Жалко было тратить возможность, которую я заботливо берегла на самый крайний случай, но в этот раз без помощи эликсира мне было не обойтись.

Вызвать из памяти нужный образ и сосредоточиться на нём не составило труда. Прости, парень, что вторгаюсь в твоё личное пространство... Но ты действительно мне очень нужен сейчас.

Одну за другой я сожгла в пламени свечи найденные шерстинки. Прищурился глаза, подождала, пока огненный язычок сменит цвет с жёлтого на алый.

Оставалось позвать.

«Где же ты? Где? Отзовись!...».

Ага...

Отклик вернулся ко мне практически сразу, и он был довольно силён. Тот, кого я

искала, находился поблизости. Хотя на глаза мне не попадался уже несколько дней...

Скорее всего, он почувствовал магический «интерес» к собственной персоне и наверняка насторожился. Однако вряд ли сразу понял, что я его ищу... Лишь бы только дал мне чуточку времени и не поспешил уйти подальше.

Я поспешно схватила со стола нож, ткнула остриём палец. Две капли моей крови алыми бусинками скатились в подставленный мешочек, в котором лежала принесённая со двора горсть земли. Следом я наклонила над мешочком свечу, щедро накапала внутрь воска, внимательно следя за тем, чтобы он не загасил огонь — иначе связь попросту оборвётся... Затянула шнурок на мешке и крепко сжала в ладони.

«Фукнула» на свечу — она больше не была нужна. Теперь — только схватить со стола меч и выскочить за дверь в чёрно-белую зимнюю ночь, ведь я точно знала, куда нужно идти...

* * *

Слепленный на скорую руку «искатель» уверенно вывел меня на лысый холмик, окруженный невысокими кустами и одиночными деревьями. Даже в сумерках отсюда хорошо просматривалась моя избушка — до неё было не больше полёта стрелы.

Полянка выглядела пустой и заброшенной; снег, укрывающий её, был девственно чист. Было темно и совершенно тихо, казалось, кроме меня, здесь никого нет... Однако я отчётливо ощущала взгляд, пристально следящий за мной откуда-то совсем неподалёку.

— Кис... — негромко позвала я, осторожно оглядываясь по сторонам. — Послушай, я знаю — ты здесь. Пожалуйста... помоги мне.

Я прислушалась, стараясь не делать резких движений. Молчание было мне ответом, но ощущение наблюдающего за мной взгляда не пропадало.

— Кис, — я облизнула заветрившиеся губы. — Я действительно не знаю, почему ты тогда исчез... Я не знаю, что могло тебя напугать. Но догадываюсь, хотя ума не приложу, как это связано со мной и моим домом...

Мне показалось, или... Чужое напряжённое внимание, поначалу так чётко направленное на меня, внезапно стало «таять», расплываться... Нет!

— Кис, ну пожалуйста!... — в отчаянии взмолилась я. — Не уходи! Ты ведь не один день знаешь меня, мы не раз делили пищу и кров... Ты помогал мне охотиться, я залечивала твои раны и всегда берегла для тебя место у огня... Я никогда не делала тебе ничего плохого!... Разве не так?! Почему же сейчас ты решил, что что-то могло поменяться?

Я совсем не была уверена, но, по-моему, Кис всё-таки остался... Отошёл ещё дальше, однако из виду меня не потерял. Сейчас я больше всего на свете хотела бы знать, о чём он думает...

— Я прошу — просто помоги мне понять, что происходит! Что в лесу не так? Я слепа и глуха, лес молчит и не хочет отвечать на мои вопросы... Но ты ведь что-то видел. Видел, верно? Что?? Мне нужно знать, чтобы понять, что с этим делать...

Я помолчала и, пересилив себя, добавила, уже совсем тихо:

— Потому что... Мне тоже страшно, Кис.

Я уже не обращала внимания на амулет. Связь давно порвалась — её нужно было поддерживать, я же полностью переключилась на то, чтобы убедить моего хирата поверить

мне. Я почти смирилась с тем, что он предпочёл уйти, когда ветки кустов на противоположной стороне полянки вдруг дрогнули, осыпая снег...

Знакомая поджарая фигура выбралась на поляну и, неслышно ступая мягкими лапами по белому ковру, остановилась в нескольких шагах от меня.

Знакомая и не знакомая... Я почти не узнала Киса, к которому уже успела привыкнуть и, чего греха таить, привязаться. Сейчас передо мной был дикий лесной хищник — и только...

Зверь смотрел исподлобья, тяжёлым изучающим взглядом. Его глаза двумя горящими угольками светились в темноте. Разобрать, что прячется в их глубине, я не смогла...

Да что же случилось?! — с неожиданной горечью подумала я. По какой-то неведомой причине Кис больше не видел во мне друга. Более того — раньше я не могла подумать, что это меня так сильно «царапнёт»...

Но всё-таки он пришёл.

— Проводишь меня?

Хират несколько мгновений постоял на месте, словно всё ещё колеблясь, а потом развернулся и нырнул в кусты. Но не в том месте, откуда вышел, а немного левее.

Я, не мешкая, поспешила за ним. Там начиналась тропинка...

* * *

Кис заметно нервничал. Шерсть на загривке топорщилась, дёргался хвост, уши стояли торчком, чутко поворачиваясь в сторону любого подозрительного звука...

Зверь двигался в нескольких шагах впереди — бесшумно и быстро, то припадая к самому снегу, то словно вовсе его не касаясь. Изредка он оглядывался на меня через плечо.

Я изо всех сил старалась не отстать, хотя для двуногого существа путь был не из лёгких. Тропка почти не чувствовалась и, будто нарочно, вилась-змеилась по самым непроходимым зарослям и крутым овражкам; ветки то и дело норовили хлестнуть по лицу, сапоги вязли в глубоких сугробах. Меч в неудобных ножнах, словно палка, колотил по спине, впридачу я где-то потеряла рукавицу и уже чувствовала, как начинают подмерзать кончики пальцев на правой руке...

Правда, чувство местности пока ещё было со мной, и через какое-то время я сообразила, что двигаемся мы совершенно не в направлении Гнилого Болотца. Этот факт меня, признаться, немало удивил — Болотце лежало аккурат между деревенькой и Урочищем, откуда, как я полагала, и появилась неведомая тварь. Но Кис довольно уверенно вёл меня как раз в противоположную сторону, более того — чем дальше мы уходили от мест, где чудовище оба раза проявило себя, тем сильнее тревожился зверь...

Его беспокойство понемногу передалось и мне. Сама я совершенно не чувствовала опасности, но это не успокаивало, а, напротив, ещё больше действовало на нервы, и без того натянутые, как струна, заставляя ожидать удара отовсюду. Я внимательно следила за хиратом, стремясь отреагировать на малейшее изменение в его поведении.

Пару раз кот медлил в нерешительности, выбирая направление. Колебался, раздумывал, ловя чутким носом ветерок в поиске лишь одному ему ведомых ответов — видимо, находил их и шёл дальше. Были места, которые он стремился проскочить побыстрее — я даже боялась потерять его из виду — но, к счастью, он всё же вовремя вспоминал о том, что я не

до такой степени проворна, и неохотно, но замедлял шаг... А неподалёку от поваленного бурей старого дерева, перегородившего дорогу, Кис и вовсе замер как вкопанный и опустил на снег, заставив меня тут же последовать его примеру. Некоторое время мы не двигались, словно чего-то ждали; в какой-то момент мне даже показалось, что хират лишь чудом сдерживает себя, чтобы не рвануть во весь дух обратно в лес. Однако вскоре неведомая мне опасность, по-видимому, миновала: зверь шумно вздохнул — почти как человек — поднялся на лапы и неспешно порысил в обход упавшего ствола, заложив, правда, при этом, немалую петлю. Я понятия не имела, что могло его так насторожить, однако приближаться к стволу, чтобы попробовать это выяснить мне категорически не хотелось...

Мы шли уже, наверно, около оры, и я успела потерять счёт спящим в снегу холмам, полянам и перелескам, когда, выведя меня на очередной пригорок, ничем на первый взгляд не отличающийся от остальных, Кис внезапно остановился и развернулся ко мне. Приблизившись, я поняла — дальше он не пойдёт.

— И что? — в недоумении спросила я, осматриваясь. — Куда ты меня привёл?

Мой голос на морозе охрип и звучал совсем по-чужому. Кис столь же хрипло ответил — то ли пискнул, то ли мяукнул — и повернул голову в том направлении, куда мы держали путь.

Я прилежно вгляделась в открывающийся с холма вид. Поляна как поляна... Сосны и ели в пушистых белых шубах нестройным полукругом обступили маленькую проплешинку — от края до края хорошо, если дюжина шагов — среди которой под большим валуном, когда-то, похоже, брало начало русло небольшого родничка. Сейчас, разумеется, родник давным-давно заледенел. Лишь неровные пласты снега у камня позволяли догадаться о том, что «живая» вода до последнего сопротивлялась лютым морозам, но всё же в конце концов была ими побеждена...

— Мне — туда?

Кис ещё раз мяукнул.

— Ладно...

Я вытащила из ножен меч, перехватила рукоять левой, менее замёрзшей, рукой и медленно двинулась с холма вниз, по-прежнему недоумевающая, почему мы пришли именно в это место.

Видимо, дело в роднике... Надо посмотреть на него поближе.

Спустилась я без проблем. Но едва сделала первый шаг на поляну мимо невысокой заснеженной ёлки — мне на голову будто вытряхнули огромный мешок, до краёв полный пыли!... Она мгновенно запорошила нос, глаза, рот — липкая, противная! — напрочь лишая меня способности слышать, видеть, чувствовать...

Я инстинктивно рванулась назад, трясая головой — и всё тут же стало по-прежнему...

Наваждение пропало.

Ashratt! — в который уже раз помянула я Властителя Тени, проклиная свою невнимательность. При менее благополучном раскладе она могла стоить мне жизни. Хорошенько пригляделась к поляне...

Ashratt, Ashratt, Ashratt!...

... Она была круглой. Более того — не просто круглой, а практически идеальной формы. Сердцем её был тот самый камень, из-под которого некогда бил родник.

Не так давно этой поляны не было и в помине, а вокруг родника густо росли деревья — то тут, то там мои глаза выхватывали в снежном покрове «пузыри», прикрывающие остатки

пеньков...

Те же деревья и кусты, которым «посчастливилось» оказаться за пределами невидимого кольца, но рядом с его границей, стояли, но уже не росли. Они были... мертвы! — внезапно осознала я. Мертвы все как одно, до самой последней иссохшей веточки, до ржавых пятен на хвое... Снег, густо облепивший кроны, скрадывал разницу между погибшими растениями и живыми, с холма это не бросалось в глаза. Отсюда же, напротив, жуткая правда была видна, как на ладони.

И самое главное — весь этот неживой лес, как будто растрёпанный вырвавшимся из-под земли ураганом, в последнем своём жесте кренил стволы и ветви в стороны, как можно дальше от отмеченной камнем середины...

Я многое слышала о Проклятом Лесе, но воочию видела его впервые.

Так вот что хотел показать мне хират!...

Я подняла взгляд на холм, но Киса там уже не было.

Что ж, он и так мне помог. Нечестно было бы требовать от него больше...

Я вздохнула и, помимо воли задержав дыхание, снова шагнула вперёд.

Ощущение вывернутого на голову «пыльного мешка» повторилось, но на этот раз было слабее — теперь я ожидала того, что в этом месте полностью перестану чувствовать магию. Значит, вот на что это похоже...

«Картинка» перед глазами дёрнулась, но через мгновение прояснилась — обычные чувства, разумеется, здесь действовали, но во имя Ночи, как же было неуютно, почти больно без того, что так привыкла считать частичкой себя!

В конце концов, подавляющее большинство населения Мира — не маги, и они всю жизнь обречены воспринимать действительность лишь с помощью пяти основных чувств... О, несчастные — от души пожалела их я, приближаясь к камню.

Проклятый Лес был неприятен мне, но не опасен. Он являлся всего лишь следствием уже свершившейся волшбы, очень сильной и очень грубой — «магический ожог природы», как метко выразился когда-то мой Маг-Наставник... А вот то, что могло вызвать такой «ожог», действительно очень меня интересовало. Между магией, следствием которой стал Проклятый Лес, и появлением в этих местах непонятной кровожадной твари определённо, была взаимосвязь. Мне предстояло выяснить, какая...

Я медленно обошла валун, внимательно изучая его со всех сторон. Высотой мне по пояс, со скошенной вбок плоской верхушкой — он напоминал гигантскую заклёпку, по которой неудачно грохнул подобных же размеров молоток... Колдовали явно отсюда.

Прямо с камня? Пожалуй, нет. Крен верхушки был довольно крутой, да и влезать наверх было очень неудобно. Скорее всего, камень использовали как алтарь. Можно было даже догадаться, где стоял в тот момент неведомый маг — прямо у нижнего края плиты, с комфортом расположив перед собой всё необходимое...

С помощью оставшейся «в живых» рукавицы я аккуратно, буквально по пяди, принялась очищать от снега каменную поверхность — непременно должны были остаться какие-нибудь следы.

Моё усердие было вознаграждено: импровизированный алтарь во многих местах оказался покрыт бурыми пятнами, очень напоминающими засохшую кровь. Я собралась соскрести немного ножом, чтобы позже выяснить всё, что она сможет мне поведать — ведь любая волшба в пределах Проклятого Леса была невозможной. Но едва потянулась к чехлу на поясе, как вдруг по уже расчищенной части плиты с тихим звоном к моим ногам

покатился тёмный остренький лучик...

Я подхватила его на лету, не давая упасть — и тут же, приглушённо вскрикнув, выронила в сугроб.

Руку словно обожгло пламенем, до безумия мне знакомым. Но как?! Ведь это не агмарилл... Я побыстрее натянула рукавицу и, вытащив осколок, поднесла к глазам.

Продолговатый кусочек чёрного, как сама Ночь, камня во тьме мало чем отличался от обычного уголька. Однако стоило лишь молодому, только-только родившемуся месяцу, «зацепить» его слабым лучиком света — и маслянистый, глянцево-яркий блеск тут же выдал его секрет.

Варфариан... «Лунное зеркало». Ценный, но довольно распространённый минерал, особенно любимый магами моего народа, преимущественная сфера применения — некромантия и магия крови. Мне самой не раз приходилось иметь дело с варфарианом, так почему я обожглась?!

Ответ лежал на поверхности, и он же обескураживал. Среди магических свойств «Лунного зеркала» побочным действием была способность перенимать на довольно продолжительное время характерные черты другой составляющей магического ритуала, в котором оно было задействовано. Иногда этим пользовались специально, иногда такое происходило само по себе, искажая действие исходного заклятья. Как было здесь, я не могла сказать, но дорого дала бы за возможность «считать» следы того, что в этом месте сотворили. Ведь подобное было невозможно даже в теории...

Меня «обжёт» не варфариан — это был агмарилл, который тоже использовал неизвестный чародей.

Агмарилл — и эльфийская магия?! Или не эльфийская? Что же тогда? Я не могла сказать, но внезапно почувствовала себя очень неудобно...

Осколок варфариана я замотала в тряпицу и сунула в чехол к ножу — разберусь позже. Пospешила дочистить поверхность валуна — но, увы, ничего интересного больше не нашла. И напоследок решила оглядеть саму поляну.

... Мёртвая сосенка ничем не отличалась от других таких же рядом с нею, и я, скорее всего, ничего бы не заметила. Но, споткнувшись о невидимый из-под снега корень и отвесив деревцу «земной поклон», вдруг увидела что-то, таящееся под наполовину вырванным из земли стволом.

Тяжёлый продолговатый свёрток по количеству обмоток напоминал «капусту». Я стянула холстину, под которой был кусок плотной кожи, развернула её, вытягивая нечто, замотанное в тонкую белую ткань. И, наконец, избавившись от ткани, извлекла книгу, одного взгляда на которую было достаточно, чтобы понять — я держу в руках настоящее сокровище...

И дело было не в дыхании столетий, что я ощутила, едва дотронувшись до массивного тома. И не в драгоценных камнях, подлинность которых была несомненна, в изобилии украшавших чёрный кожаный переплёт. И не в витиеватом магическом орнаменте, червонным золотом змеящемся по контуру обложки — он обеспечивал сохранность содержания книги на века, и ответил на моё прикосновение нежным радужным переливом...

Затаив дыхание, я бережно раскрыла фолиант. С титульного листа на меня не мигая, взглянула Вечность — глазами Повелителя Ночи Теарра, изображённого в окружении Первых Росса, своих любимых детей... Сюжет, бесконечно обожаемый многими художниками Перворожденных, однако я не узнала ни технику иллюстрации, ни руку

мастера, создавшего её. Я не могла отвести от неё глаз — настолько совершенной и живой была картина... Все известные мне творения даже самых талантливых наших живописцев теперь казались всего лишь подражаниями ей, и то не особо удачными.

Под рисунком расположилось название.

«Thaebrad Nie'ss Sheiadaar». «Чёрное Безмолвие Вечности»...

Словно наяву, книга заговорила со мной голосом предков, знакомым мне лишь из легенд — вязь рун, густо покрывающая тонкие белоснежные страницы, была старозельфийской. Я медленно перевернула одну страницу, другую...

Магия.

Магия Первых, легендарное Наследие, рождённое в Веке Славы, лишь мельчайшие крупинки которого сумели добраться до потомков сквозь пламя войн и катастроф Века Падения и ещё более страшный губительный тлен Века Забвения. Описания ритуалов характеристика обрядов и формулы заклятий, тончайшие линии схем и чертежей, иллюстрации, которые жили собственной жизнью, одновременно поражая так, что замирало сердце, и восхищая до слёз...

Внезапно передо мной что-то промелькнуло — то, что совершенно не сочеталось с величественной древностью книги. Я поспешно вернулась назад и обнаружила маленький листок грубой белой бумаги, по-видимому, случайно затерявшийся между страниц. Я достала его и поднесла к глазам.

Листок был вполне новым, лишь чуточку помятым, и прекрасно видно было, что записи на нём сделаны свежими чернилами. Тоже руны, рядом набросок схемы... Видимо, просто переписано из книги торопливой рукой. Однако, внимательнее присмотревшись к записям, я поняла, что передо мной — не копия. Заклятье Первых, взятое за основу, было изменено, переиначено и, похоже, дополнено — но, боги, до чего же грубо и кустарно!...

С трудом подавив поднимающуюся в душе волну безотчётного гнева, я попыталась вникнуть в то, чего пытался добиться рисовавший эти каракули, и почти в этом преуспела. Выбранное заклятье Наследия, похоже, относилось к целительству... или даже развитию способностей, поиску скрытых резервов. То же, что пытались из него сотворить, явно имело целью прямое воздействие, подчинение магу неких сил.

Векторы Влияния, Силы и Действия были чрезмерно, даже уродливо велики, Дара — напротив, почти незаметен, а Духа — и вовсе вымаран... Исходная руна, обозначавшая Источник, была заменена комбинацией двух других, не эльфийских и мне не знакомых. И, судя по диковинной «петле» в основе чертежа, замыкаться заклятье должно было на того, кто его сотворит...

... Я сильно увлеклась, потому и без того едва уловимый скрип снега за спиной услышала слишком поздно. Дёрнулась в попытке одновременно соскользнуть с места и ударить ножом — но не успела.

Ночь обрушилась на меня адской болью, в клочья разорвавшей затылок. Звёзды и снег, меняясь местами, мелькнули перед глазами, и сознание провалилось во Тьму, разлетаясь мириадами мельчайших осколков...

Глава 2

Альтар

— Мастер Ильдариан!... А кто из Братьев-Богов сотворил Полуночный край?

Ильдариан, ехавший со мной конь-о-конь, усмехнулся. То ли вопросу, то ли тому, что Корим по старой памяти продолжает именовать его «мастером», хотя сам носит плащ с Алой Звездой с минувшего лета.

Старый шрам на пол-лица не медля превратил улыбку в гримасу — искалеченная щека дёрнулась, обнажились сплетённые волокна мышц... Однако куда большим уродством показалось мне презрительное фырканье за спиной.

— «Ничего не было вначале — лишь Тень, чуждая всему существу, но породила Вечность Свет и Тьму — божественные Начала, и слившись, разогнали они Тень, осияв и поглотив оную, и разделяясь, сотворили Мир и всё сущее в Мире»... Если ты даже не знаешь прописных Истин, Корим, то как ты такой вообще получил Благословение Тьмы?

Взгляд Ильдариана мгновенно заледенел, но Вердан, ехавший впереди, ответил раньше Паладина:

— Не трогай ты парня, Эрджил, — примирительно произнёс он и, обернувшись в седле, подмигнул — должно быть, Кориму. — Дорога не из лёгких, все мы, чего уж тут, порядком измотанные и злые... А что до Полуночи — видится мне так: она больше под стать Таргосу, чем его светлому братцу... Солнца тут мало, тепла и того меньше, а из светлого один лишь снег, да и тот суровый, колючий и холодный. Как мы!

Он негромко хохотнул собственной шутке, и тут же сдавленно выругался, прикусив язык: его конь, прокладывавший путь, оступился, едва не захромав.

— Будь проклята зима! Ненавижу снег! Ненавижу холод!... — настроение Вердана переменчивостью могло соперничать с погодой, причём искренен он был всегда — и радуясь, и бушуя. — То ли дело солнышко, да в зените!... Цветущие вишни! Миленькие поселанки в сарафанах, кружка холодного эля в корчме!...

— Клеверное поле, река и лодка! — с готовностью подхватил Корим, пропуская мимо ушей очередное многозначительное хмыканье Эрджилла.

— Пыльная ровная степь. Тенистый лес, полный дичи, — не удержался и Ильдариан. — Ну, и мало-мальски удобный тракт...

Вердан посмотрел на меня.

— А ты что скажешь, Альтар?

Ветер, сменив направление, коварно швырнул горсть снега прямо в лицо. Я прикрыл глаза. Всего лишь на миг...

... Бледно-золотой шар словно в раздумьях висит над засыпающим горизонтом, ещё не зная, уходить ли? Подождать?...

Мелкий песок из колотых раковин бархатно шуршит под ногами... Цепочка следов мгновенно исчезает в белой пене волнистых кружев, которую так увлечённо плетёт и тут же распускает прибой... Тёплый ветер ластится игривым щенком, вьётся вокруг, пытаюсь разметать небольшие волны облачками мелких солёных брызг — и иногда ему это удаётся.

Бирюзовая сверкающая гладь, бескрайняя — сколько хватает взора, колеблется и трепещет подобно платку тончайшего шёлка, где-то там, вдали, убегая в небо, а может, сливаясь с ним...

Остановиться, вдохнуть полной грудью и просто смотреть, залпом пить блаженство и покой, словно вино из кубка, наслаждаясь и забывая. Обо всём...

— ... Ну? Чего молчишь?

Я пожал плечами.

— Мне всё равно.

— Ну, разумеется... — вполголоса обронил Эрджил за моей спиной. — Всё равно. Обычно так и бывает... Хлад ли, зной ли. Мир вокруг или война. Кто встанет рядом, надежд Звезду: истинный ли Воин или зелёный неуч...

— Эрджил, прекрати! — Ильдариан лишь слегка повысил голос, но и без того морозный воздух, казалось, ещё больше похолодел.

— Да мне-то что... — тон Эрджила по-прежнему оставался делано-равнодушным. — Раз Брат Корим стал Мечом Тьмы, значит, на Совете в его поддержку было сказано Слово — таков Устав. Однако не я рекомендовал его Капитулу, стало быть, не мне и краснеть за его подготовку и знания...

Корим вступил в Орден по моему Слову. Это знали все.

Не сбавляя темпа, раздражённо всхрапнул Рио, как всегда без ошибки чувствующий момент. Я легонько похлопал его по шее, укрытой косматой гривой. Спокойно, парень. Не стоит... Плевать я хотел на Эрджила, пусть твякает, пока не полегчает.

— Когда Капитул начнёт интересоваться твоим мнением, порекомендуешь, кого сам сочтёшь нужным, — веско обронил Паладин. — А пока на твоём плаще Алая Звезда, и ничего более — делай то, что должно Рыцарю Тьмы...

— Арде, Брат! — насмешливо откликнулся Эрджил, явно собираясь добавить что-то ещё, однако Вердан перебил его, держа ладонь козырьком у лба:

— Всё, братство — хорош трепаться! Уже подъезжаем...

С вершины небольшого пригорка показался городок, наполовину скрытый в сизой дымке зимних сумерек — да собственно, просто большая деревня, все поселения в этих краях ходили друг на друга, как щенята одного выводка. Большинство окошек уже светились — здесь рано встречали ночь. Над печными трубами висели облака дыма, похожие на пушистые кошачьи хвосты. От пейзажа веяло теплом и уютom, словно сдобой от свежвыпеченной булки, и после долгой лесной дороги это было как нельзя кстати...

Ближайший к тракту длинный двухъярусный дом с пристройками и множеством окон, скорее всего, был постоянным двором. Вердан первым завернул к нему усталого коня, и остальные, последовав за ним, практически сразу же поняли, что не ошиблись.

С резного крыльца нам навстречу уже спешил пухлый круглолицый хозяин, изо всех сил пытаясь скрыть за напускным радушием тревогу. Его нетрудно было понять — Тёмные Братья нечасто собирались в отряды, обычно путешествуя поодиночке, и встреча сразу с пятерыми в чёрно-алых плащах вряд ли могла предвещать что-то хорошее.

Однако на этот раз он ошибся. Цель нашей поездки была вполне мирной. По крайней мере, до тех пор, пока не доберёмся до Полуночной Цитадели...

— Рад приветствовать славных воинов Темнейшего в моём скромном трактире!... — хозяин расплылся в широкой улыбке. — Извольте ужин?

— И переночевать. — Ильдариан на правах старшего бросил ему золотую монету. — Пять коек у тебя найдётся?

— Что вы, конечно же!... — поспешно откликнулся толстяк. Тон его не оставлял сомневаться: пять коек отыщутся даже в том случае, если все комнаты забиты под завязку.

По знаку хозяина к нам направились несколько слуг, чтобы принять лошадей. Подбежавший ко мне худощавый мальчонка привычно попытался перехватить повод, но, к своему счастью, не успел.

— Я сам отведу, — я слегка щёлкнул по носу Рио, уже примерившегося укусить чужака, и встал между ним и мальчишкой. — Показывай, где конюшня...

Зверюга разочарованно фыркнул, лишившись любимого развлечения, однако весьма охотно протопал в тёплый денник. Я расседлал его, растёр пучком соломы. Убедился, что в кормушку засыпан свежий овёс и, дождавшись пока Рио сунет туда довольную донельзя морду, вернулся в трактир, прихватив дорожный мешок.

В заведении былолюдно и, очевидно, шумно — до нашего появления. Когда я вошёл, четверо моих спутников уже успели занять стол у окна, на который хозяин лично выставлял высокие кружки с подогретым вином. Гомон вокруг к этому моменту выродился в слабенький шёпот, а свободного места заметно прибавилось: часть поселян, косясь на наши мечи и чёрно-алые плащи, свисающие со спинок стульев, споро заторопилась по домам. Определённо, этим вечером прибыль хозяина будет невелика, и он заметно приуныл, понимая это, но выдать свои чувства боялся безумно.

Что ж, ничего необычного. Страх — верный спутник Мечей Тьмы со времён основания Ордена. Причём те, против кого направлены наши клинки и те, кого мы защищаем, боятся нас совершенно одинаково...

Ильдариан кивком поблагодарил трактирщика, заверившего, что ужин вот-вот подадут, и, едва тот поспешил удалиться, вытащил из поясного футляра изрядно потрёпанную карту, которую развернул на дубовой столешнице.

— До Акреста полтора дневных перехода, — кончик кинжала Паладина прочертил по рисунку волнистую линию, задержавшись на условной отметке. — И насколько я помню, сама Цитадель не в столице, а подле неё, в предместье. С такими снегами мы, определённо, запоздаем... Будем там не раньше, чем к обеду третьего дня.

— И-эххх... — Вердан подавил тяжёлый вздох, звучно хрустнув костяшками пальцев.

М-да. Я тоже рассчитывал, что доберёмся скорее. Дорога, вынужденное бездействие и, что там говорить, компания уже начинали изрядно напрягать.

— Тень бы пожрала эту Полночь! — Эрджил рывком подтянул к себе кружку, делая большой глоток. Капли вина покатались вниз по подбородку, заросшему пегой щетиной. — Знал бы, что такая будет канитель — никуда б не рыпался из Рожериона. Нашёл бы и там, чем себя занять...

— Эрджил! Но ведь был приказ! — возмутился Корим. — Магистр Реттино ясно сказал: все Тёмные Братья, свободные от текущих заданий, направляются в Полуночную Цитадель как подкрепление...

— Что, действительно? — прогнусавил Эрджил, впадая в раж. — Вот уж, без тебя не знал...

— Хватит. Надоело.

Я подвинул к себе свободную табуретку, подсаживаясь к столу между ним и Верданом.

— Надо же, кто пришёл!... — пробубнил Эрджил, но уже потише.

Он явно переигрывал и, похоже, сам это понял, но заткнуться уже не мог в жалких попытках «удержать лицо». Однако в этот момент принесли суп и жаркое, и он сделал вид, что полностью поглощён одной из симпатичных подавальщиц. Отпустил в адрес чернокозой смуглянки пару грубых комплиментов, пока она расставляла тарелки, а затем сделал

попытку ущипнуть её пониже спины... Однако девушка в последний момент уклонилась с грацией, неожиданной даже для её хрупкой фигурки, ухитрившись при этом не уронить ничего с подноса, и поспешно скрылась в стороне кухни, а Эрджил задел локтем стоящую на краю стола солонку и щедро просыпал её содержимое на собственный плащ.

— ... Т-твою Тень!!!

— Язык бы тебе кто посолонил, — фыркнул Вердан, в то время как Эрджил разъярённо стряхивал с себя белые кристаллы.

Корим, не сдержавшись, улыбнулся.

— Так, а ну уймитесь — все! Живо! — прикрикнул Ильдариан, припечатав к столу кулак. — Показывать, кто на что горазд, будете в Цитадели, когда Командор раздаст приказы. Уж поверьте, скучать не придётся!...

Похлёбка в миске передо мной исходила ароматным паром. Самое то, что нужно после дня пути на морозе... Я поспешил отдать ей должное с не меньшим удовольствием, чем Рио — своему овсу.

— Мастер! — Корим отломил от свежей булки солидную краюху, по селянскому обычаю макая её в суп. — А для чего Командору лишние мечи?

— Откуда ж мне знать, — хмыкнул Паладин. — Но догадываюсь, конечно...

— Нежить, парень. Нежить... — Вердан провёл пятернёй по взлохмаченной рыжей шевелюре. — А то не ясно?...

— Так ведь на Полуночи её почти нет, — удивлённо заметил мальчишка.

— То когда было... — протянул Ильдариан. — А теперь расплодилось, семя Безымянного, словно крысы при Чёрной Лихорадке... И, видать, изрядно, раз Цитаделю запросила помощи...

— Походу, Отвращённые резвятся, — Вердан отхлебнул вина. Поморщился: — А... остыло! Ты вот что... Заруби себе на носу, парень: если где-то вдруг со всех щелей начинает переть всякая дрянь — говорю тебе, ищи Отвращённых, не обошлось без Запретных чар!... В особенности же нелюди стараются.

— Нелюди?

— Прежде всего — остроухие твари, у них вообще каждый второй — колдун... Хоть убей, не могу понять: почему Рожеро с ними миндальничает?

— Империя заключила с эльфами мир, — Ильдариан медленно отодвинул от себя пустую тарелку. — И подписала договор вассалитета. Если вдруг ты забыл, Вердан.

— Это забудешь!... — фыркнул рыжеволосый, ожесточённо кромсая на куски ломоть баранины. — Хороши вассалы, Тень их матушку!... Только и ждут момента, змеи подколодные, а потом жалят исподтишка...

— Не нам обсуждать решения Императора, Брат, — негромко заметил Паладин, однако в лицо Вердану не посмотрел.

Вердан впился зубами в мясо, какое-то время за столом царила тишина — казалось, все сосредоточились на ужине, но ощущение недосказанности повисло в воздухе грозовой тучей, готовой вот-вот разродиться молнией... И рыжий Рыцарь всё же не сдержался:

— Будь моя воля — уже давно бы вырезал их всех под корень! И была, была же возможность...

— Вердан!

Окрик Паладина был подобен удару бича. Но бич хлестнул пустоту... Только Корим хлопнул длинными, словно у девушки, ресницами — семь лет назад он ещё пас овец в

родной деревеньке где-то в Срединной Империи. Он не знал войны.

А остальным сидящим за столом было, что вспомнить. Ильдариану, разумеется, тоже. И на этот раз даже у Эрджила не возникло и мысли спорить...

— Император Рожеро справедлив. — Готов поспорить, что Паладин думал об одном, но произнёс другое.

— Император Рожеро слишком справедлив.

— Альтар...

Ильдариан никак не ожидал, что отвечу я.

Наши взгляды встретились. Всего на миг, но этого хватило, чтобы снова, в который раз, перед нами полыхнул Рекарн — наша общая память и общая кровоточащая рана.

... Две с четвертью оры. Ровно столько времени не хватило защитникам маленькой приграничной крепости, чтобы продержаться до переброски подкрепления. Эльфы, прорвавшие осаду, знали, что город им не удержать, и потому как могли, торопились, предавая огню и смерти всё, до чего успевали дотянуться...

Ильдариан, в числе первых шагнувший из портала прямо в сердце разверзнувшегося хаоса, своими глазами видел ту преисподнюю, в которую превратился за эти две с четвертью оры маленький приграничный городок, сопротивлявшийся до последнего...

А я, распятый чужой магией на замковых воротах — единственный из пятерых оборонявших город Карателей, непонятно как застрявший между жизнью и смертью — мгновение за мгновением наблюдал, как он в неё превращался...

Паладин отвернулся первым. Потянул к себе кружку с вином, отхлебнул, внимательно изучая зимний пейзаж за окном, где сумерки уже давно обратились в ночь. За столом повисла тишина, тяжёлая и сковывающая свободу, словно плащ, намокший под проливным дождём.

* * *

Остаток ужина прошёл в молчании. Только подозвали трактирщика, заказав добавку жаркого, да Эрджил потребовал себе ещё вина, чем заработал неодобрительный взгляд Паладина. Долго засиживаться не стали — наш путь длился уже без малого десять дней, и возможность провести ночь в тёплой постели выпадала за это время всего лишь второй раз. Такое следовало ценить.

Нам выделили две смежные комнаты на втором этаже — две койки в одной и три в другой. Эрджил тут же поспешил кинуть свой мешок на первую из двух кроватей; Ильдариан, мельком взглянув на меня, занял соседнюю. Мы с Верданом и Коримом расположились во второй комнате. В углу нас ждал небольшой бочонок с водой; мы быстро умылись с дороги и отправились спать. Вердан плюхнулся на свою койку первым и практически сразу же захрапел. Корим, напротив, долго ворочался с боку на бок — нервно, беспокойно — сон явно к нему не спешил. Но через какое-то время утомился и он.

Я прикрыл глаза, привычно вслушиваясь в тишину и одновременно «ловя» окружающие меня звуки. В этот раз выбор был богат: сотрясающие стены «рулады» рыжеволосого Брата, гул голосов с нижнего этажа, на котором располагался трактир, завывания ветра под потолочными балками... Я радовался им, как дорогому подарку. Звуки не мешали мне, а, напротив, помогали, удерживая на зыбкой грани дремоты и не давая «провалиться» в сон —

настоящий, крепкий. Со сновидениями...

Чем это чревато, я хорошо знал.

Да, этой ночью я мог не опасаться, что засну, и потому позволил себе по-настоящему расслабиться, блаженно продремав до утра.

Когда крошечная тьма за окном поблекла и забрезжил скромный серенький зимний рассвет, я поднялся с постели, с наслаждением ощущая себя отдохнувшим. Вердан и Корим ещё спали. Однако в планах Ильдариана было выехать с первыми лучами солнца, и я догадывался, что общего подъёма оставалось недолго ждать.

Я умылся, собрался — быстро, но без спешки, и вышел за дверь, на ходу запахивая плащ.

В нешироком коридоре и на лестнице мне не встретилось ни души. Постояльцы, должно быть, продолжали видеть сны, но вот у слуг день уже начался. На первом этаже в дальнем конце пустующего зала усердно тёрла столешницу влажной тряпкой светловолосая девушка. Заприметив меня, она испуганной птичкой юркнула на кухню, дверь которой была широко открыта. Стряпуха, видимо, уже занималась завтраком — аппетитно пахло шкварками и жареным луком, лилась вода, то и дело гремела посуда...

Через мгновение из кухни выглянул толстяк-хозяин — интересно, а ложился ли он вообще? Упреждая расспросы, я покачал головой, давая понять, что ничего не нужно, и трактирщик, поклонившись, снова скрылся в святая святых заведения. Я пересёк комнату, минуя длинную череду лавок и столов, и, толкнув входную дверь, отправился на конюшню проведать Рио.

Нынешнее утро, похоже, вовсе не собиралось уступать вчерашнему вечеру. По-прежнему злобно исподтишка напал и кусался ветер, щёки щипало от души, горячее дыхание рвалось кверху облаками пара, словно дым из ноздрей разъярённого дракона... А вот снегопад прекратился, что не могло не радовать, хотя наместе за ночь успело изрядно. Белоснежная пелерина плотно укрывала двор и дорогу, укутывала деревья, свешивалась с крыш. Часть дорожки у входа уже была расчищена — рядом с крыльцом в сугробе торчала лопата, в остальных же местах глубина снега кое-где была и по колено...

По счастью, длинный сарай, переоборудованный под конюшню, находился совсем рядом — за углом. Массивная створка ворот была сдвинута с места, и я шагнул в образовавшийся проём, попутно переступив через плетёную ручную корзину, валяющуюся отчего-то под ногами.

Рио, как и остальных наших лошадей, разместили в самые тёплые и удобные денники в дальнем конце конюшни. Я было ускорил шаг, уже доставая из кармана солидный ломоть хлеба, припасённый для него с вечера, как вдруг какая-то возня за спиной привлекла моё внимание, заставив мгновенно обернуться.

В укромном закутке сбоку от входа, забитом сбруей и каким-то инвентарём, мужчина прижимал к стенке женщину.

Её простенький овечий козушок валялся на полу под ногами. Она застыла, как статуя — без движения, без единого крика, — в то время как его руки по-хозяйски блуждали по бёдрам, по груди, попутно беззастенчиво расправляясь с застёжками платья... Тусклый серый свет из узкой щели окна под самым потолком без труда позволял различить слёзы, застывшие в тёмных, широко распахнутых глазах.

Лица мужчины я не видел — он стоял ко мне спиной, но вот плащ, который почти сполз с его плеч — чёрный плащ с алеющей на спине звездой — я узнал едва ли не раньше, чем темнокошую девушку, что вчера подавала нам ужин...

— Оставь её, Эрджил!

Он ошутимо вздрогнул — и плащ, наконец, с тихим шорохом соскользнул на землю. Шея и руки, не скрытые кожаной безрукавкой, взбугрились горами мышц.

— Иди, куда шёл, Альтар... — не оборачиваясь, процедил он сквозь плотно сжатые зубы.

Я встал у него за спиной.

— Я сказал — оставь её. Сейчас же!

Бритый затылок Эрджила напрягся — так, что, казалось, лопнет кожа... На скулах заиграли желваки.

Я ждал.

Медленно — очень медленно — он опустил руки, чуть-чуть подался назад...

Девушка, не сразу осознав, что свободна, ещё несколько мгновений стояла, не в силах сделать шаг, но потом, сдавленно всхлипнув, змейкой выскользнула из ослабевшего кольца объятий и, спотыкаясь, бегом исчезла за воротами. Забытый ею кожушок остался лежать на полу...

Эрджил, словно через силу, повернулся ко мне, с трудом сдерживая ярость. Лицо перекосила гримаса злобы, в глазах кипела ненависть.

— Можно подумать, к тебе в постель они добровольно прыгают...

Я всё-таки сумел сдержаться. Лишь сжал кулак так, что хрустнули пальцы, и сказал, выговаривая каждое слово:

— Ещё раз увижу — убью. Ясно?

Казалось, ещё миг — и он кинется на меня. И видят Боги-Братья, как же мне этого хотелось!... Исход подобного был очевиден — и мне, и ему.

И Эрджил отступил — сначала на шаг. Потом ещё и ещё. Наклонился, подбирая плащ, но надевать не стал — просто перекинул через руку и потянул створку ворот на себя.

— Когда-нибудь... — еле слышно обронил он, — ... ты в очередной раз влезешь не в своё дело, Каратель... И этот очередной раз окажется для тебя роковым.

Он вышел во двор, как и был — в безрукавке, так, словно не снег лежал за воротами, а всю зеленела летняя трава. И едва не столкнулся у входа с ещё одной фигурой в чёрном плаще.

Проводив Эрджила внимательным взглядом, Ильдариан вошёл в конюшню и замер, увидев меня.

Он ничего не сказал. Но по тому, как дёрнулась его щека, я понял, что сложить один и один ему, разумеется, не составило труда.

— Я искал тебя, — наконец произнёс он.

Я напрягся:

— Что-то случилось?

— Нет, — Ильдариан подошёл ближе. — Надеюсь, что нет...

— В чём дело?

Паладин пристально посмотрел мне в глаза.

— Сработал Орб. Сегодня ночью...

Я хмыкнул.

— Кому мы понадобились? Командор Полуночи изнывает от любопытства, где Безымянный носит обещанную подмогу?

— Нет, — цепкий взгляд Паладина оглядел конюшню. Задержался на валяющемся в

углу женском кожанке. — Цитадель ни при чём.

Я молчал, ожидая продолжения.

— Вызов был короткий и совсем слабый... Если бы я перед сном не выложил Орб из мешка, вполне возможно, мы ничего бы не услышали. Я сделал привязку к карте. Похоже, вызывали из охотничьей деревеньки в полудне пути от этого места... Там есть Церковь — видимо, Тёмные понадобились ей.

— Странно. — Я пожал плечами. — Полдня пути — не расстояние для Орба. Если деревня так близко, почему же вызов слаб?

— Не знаю. Может быть, помехи... Магические сферы нестабильны, особенно в непогоду. А может, ещё почему... — В голосе Ильдариана не было особой уверенности. — Как бы там ни было, вызов был, и я его засёк. Нужно отреагировать...

— Предлагаешь сделать крюк? — Я прищурился. — А не жирно ли будет пятерым Тёмным заявиться к бедолаге-сельскому Жрецу для того, чтобы упокоить восставшего мертвяка или прикончить заваливающего гхолла?

— Жирно будет, — в тон мне ответил Паладин. — Тем более что нас ожидает Цитадель. Однако крюк сделать всё равно предлагаю.

— Мне?

— Тебе, Альтар. С мертвяком или гхоллом справился бы любой из нас, даже новопосвящённый Корим. Но... мне кажется, лучше, чтобы поехал ты.

— Почему?

Ильдариан помолчал, прежде чем ответить. Я не торопил.

— Во-первых, — произнёс он, — ты сам говорил, что у тебя есть дела восходнее Акреста. Насколько я помню, тебя хотел видеть Просперо. Я так понимаю, что ты собирался навестить его после того, как исполнишь полученный в Цитадели приказ...

— Так и есть.

— В таком случае, что мешает тебе отправиться к Магистру прямо сейчас, напрямую — через отмеченную на карте деревню? А потом уже поедешь в Цитадель, подозреваю, что работы у Командора Полуночи хватит на всех.

— Что ж, разумно, — согласился я. — А что тогда во-вторых?

— А во-вторых, — нехотя признал Паладин, — я куда охотнее отправил бы в ту деревню Эрджилла... Тем более что ему я имею право приказать, тебя же могу только попросить. Но в том-то и беда... Видишь ли, именно Эрджилла я как раз не хотел бы терять из виду. Хотя бы первое время. Как бы это сказать... Не уверен, что лишняя свобода действий будет ему на пользу. Понимаешь?...

Ещё бы мне не понять...

— Эрджил завидует тебе, — негромко заметил Ильдариан. — Потому, что на его плаще — Звезда, но твой плащ — алый с изнанки... Потому, что он — простой Рыцарь Тьмы, а ты — Каратель. Зависть не даёт ему покоя, застит глаза... Даже Корима он цепляет главным образом потому, что это ты помог мальчишке стать Рыцарем.

Я хмыкнул:

— Эрджил дурак.

— Дурак, — не стал спорить Паладин. — Но дурак опасный. Мой тебе совет — поменьше связывайся с ним...

— Ильдариан, — я посмотрел Паладину в глаза. — Эрджилла для меня не существует. До тех пор, пока он не встаёт у меня на дороге. Если беспокоишься за его шкуру или

спокойствие в отряде — тебе разумнее будет в таком случае посоветовать что-нибудь ему.

Паладин неожиданно усмехнулся. Странно, грустно...

— Посоветовать я могу тебе... А Эрджилу, как уже говорил — только приказать.

И, не дожидаясь моей реакции, спросил — обычным своим тоном:

— Ну, так что — ты едешь?

— Да. — Я кивнул. — Мне вполне хватило первого аргумента... Отправлюсь сразу после завтрака.

— Хорошо, — наклонил голову Ильдариан. — Тогда перед дорогой я покажу тебе эту деревню на карте... Передашь поклон от меня Проспериио. И до встречи — теперь уже в Цитадели...

* * *

Что ж... Изменения планов не всегда бывают к худшему.

Рио, негромко пофыркивая себе под нос, бодро трусил походной рысью по очередной пронизывающей лес дороге — не такой широкой, чтобы гордо носить название тракта, но вполне наезженной и удобной.

Снегопад и не думал начинаться — Таргос Темнейший минувшей ночью, похоже, вытряхнул всё, что мог из пушистой облачной перины, и Пресветлому Ярошу осталось лишь свернуть её и спрятать в небесную кладовую до лучших времён... Солнце, выглянув из-за горизонта около оры назад, зацепилось вначале за самый краешек неба, но с каждым мгновением ловко забиралось по синей глади всё выше и выше. Ясное утро потихоньку превращалось в чудный погожий день, словно миловидная девчушка-подросток — в писаную красавицу.

Зимний лес вокруг был довольно однообразным, но не скучным. Я позволил себе расслабиться — слегка, ровно настолько, чтобы чуть-чуть поднялось настроение. Смотрел по сторонам, мерно раскачиваясь в седле, думал о какой-то ерунде, тут же вылетающей из головы... Теперь я снова был один, у меня была дорога и цель, которую не приходилось ни с кем делить. Кроме того, впереди ждала встреча с человеком, который был мне наставником, командующим... и, пожалуй, что единственным в Мире другом.

Я не видел Проспериио с тех самых пор, как он вышел из Капитула, оставив пост Первого Магистра, который занимал без малого полтора десятка лет, и отправился на покой в свою вотчину на Полуночи.

Вторым человеком в Ордене он стал во времена Великой Смуты.

Век Огня и Крови — череду войн, поставивших на колени двух извечных соперников Империи — гномье королевство Тор-Кэлгорн и орочью державу Вар'ракх — сменил короткий промежуток относительного затишья, в конце которого яркой вспышкой полыхнула Последняя Война... Остроухие нелюди долго выжидали, взвешивая свои силы, но в итоге всё же решились напасть. В немалой степени этому способствовало появление огромного количества нежити, расплодившейся на имперских окраинах. Связывали это прежде всего с деятельностью колдунов всех рас и мастей, которые заполнили ослабленные войнами земли как грибы после дождя. Дошло до того, что Церковь ввела прямой запрет на магию без данного ею разрешения, однако в самом начале Смуты этот запрет практически не имел реальной силы.

И тогда, главным образом для борьбы с Отвращёнными, под началом Магистра Проспериио на базе Ордена был создан отряд Карателей — воинов, идеально «заточенных» для ведения практически любого боя, в том числе и с применением магии. Принятая мера имела успех — Каратели, несмотря на свою малочисленность, хорошо зарекомендовали себя, исполняя поставленные перед ними задачи. Однако полностью взять под контроль ситуацию не удалось. Имперская провинция Гвеаста на полуденном востоке без объявления войны внезапно подверглась нападению со стороны соседнего государства. Эльфийской монархии Аэльта Рокка...

... Империя, невзирая на крайне неудачное для этого время, всё же сумела собрать и без промедления бросить в бой лучшие силы. Затяжную войну удалось предотвратить, довольно быстро перехватив инициативу... и эльфы, спотыкаясь, поспешили на попятную, поскорому выдумав у себя державный переворот.

Новый остроухий король клялся и божился Империи в верности и поддержке, беззастенчиво сваливая разжигание войны на предшественника и его немногочисленных соратников, и практически сразу же с готовностью подмахнул вассальную грамоту — лишь бы имперские войска отступили обратно в пределы своих границ...

Семь лет назад... Я скрипнул зубами. Хорошее настроение улетучивалось дымком от горящей щепки. Каратели, угодившие в горнило войны в самый первый черёд, практически все остались на залитых кровью её полях... Новый отряд так и не был создан. А через время Верховный Магистр принял отставку своего первого помощника и соратника, и дальше Тёмное Братство продолжило существовать уже без Проспериио.

Однако, насколько я его знал, Проспериио и на покое не оставлял без внимания Орденские дела, и наверняка внимательно следил за нашей жизнью. Когда, в Рожерионе, мне передали, что меня разыскивает бывший Первый Магистр, я сразу понял, что навряд ли он рассчитывает просто поделиться воспоминаниями — хотя, в общем-то, это была всего лишь просьба при случае навестить старика, и со стороны так могло показаться...

Что на самом деле могло ему понадобиться, я представить не мог. В любом случае, в скором времени мне предстояло это узнать. Вряд ли та деревенька... как её? Нижний Рогачик? — сильно задержит меня в пути...

* * *

Церковь я заметил сразу.

Как и в большинстве маленьких поселений, её роль исполняла обычная изба, ну, может, чуть более добротная, чем остальные.

Она стояла почти у самого тракта — два входа с разных её концов, как и положено Обители Богов, смотрели на восход и на закат. Островерхую крышу венчал высокий шпиль с позолоченным Солнцем, да и ограда, по сравнению с массивными бревенчатыми заборами вокруг жилых подворий, была чисто символической: обычный низкий парканчик из оструганных досок.

Поравнявшись с ним, я потянул на себя повод, останавливая Рио, в тот самый момент, когда скрипнула, отворяясь, ближайшая к нам, восходная дверь.

На крыльце, подметая снег бело-алым подолом одеяния, появился Младший Жрец. Это был псоглавец — весьма дюжий и рослый даже как для сына своего народа... Посох со

Звездой был зажат у него подмышкой, а в ладони звенела солидная связка ключей, один из которых Жрец на ходу пытался провернуть в навесном дверном замке.

Я спрыгнул с седла в неглубокий сугроб, с наслаждением разминая мышцы.

Жрец поднял на меня глаза — и натуральным образом окаменел, едва не выпустив посох и ключи из рук. Створка двери, обретя внезапную свободу, поползла в сторону, оглашая воздух на редкость противным скрипом плохо смазанных петель...

Изумлённый псоглавец представлял собою довольно занятное зрелище, однако глазеть на него я не собирался. Помедлив пару мгновений, я понял, что Жрец не торопится начинать разговор, потому нарушил молчание первым.

— Приветствую, Светлый Брат.

— Т-тём... ный Брат... — отозвался Светлый с небольшой заминкой. — Да... благословят Свет и Тьма твой Путь...

Он довольно быстро взял себя в руки, поторопился запереть дверь и спустился с крыльца мне навстречу. Однако от меня не укрылось, что в его движениях всё же проскальзывала излишняя суета. Да и взгляд, которым он поспешил меня окинуть, был настороженным и вообще каким-то странным...

— Что-то не так, Брат? — не удержался я.

— Да нет... прости. — Псоглавец отвёл глаза. — Надо же... Меч Тьмы в нашей глуши — нечастое зрелище. Тем более... — он покосился на мой плащ, — ... Каратель, верно?

Я, помедлив, кивнул.

— Моё имя Дейарис, — представился Жрец.

— Альтар.

— Извини, Брат. И не принимай на свой счёт... — Псоглавец виновато усмехнулся, обнажив желтоватые клыки. — Какими судьбами ты тут?

— То есть?! Что значит «какими»? — теперь настал черёд удивляться мне. — Орб принял твой вызов минувшей ночью. Я был поблизости, и я приехал. Что, Тень раздери, здесь происходит?!

В ответ Дейарис прикрыл глаза.

— Да... Совершенно верно, — пробормотал он. — Кажется, теперь я понял...

— Ну так объясни и мне. Будь так добр. — Ситуация уже начинала меня порядком раздражать.

— Видишь ли... Тебя вызывал не я. Орбом, должно быть, воспользовался мой старший Брат во Свете — Витин. Он — глава здешнего прихода... Я знал, что он собирается использовать шар, но, во-первых, не думал, что он сделает это уже ночью, а во-вторых, не ожидал, что Орден так быстро отреагирует...

— Ладно, я понял. — В любом случае, мне стоило бы говорить по существу со Старшим Жрецом, а не с его помощником. — Где сейчас Брат Витин? Я могу его видеть?

— Конечно, — кивнул мне Дейарис. — Правда, тебе придётся немного подождать — он как раз отлучился по делам, но очень скоро будет. А пока... — он снова встряхнул своими ключами и шагнул обратно к двери — ... предлагаю пообедать и отдохнуть с дороги. Уверен, она успела тебе надоесть...

— Спасибо, но позже, — отказался я. — Лучше введи меня в курс дела. Сможешь?

— Разумеется. — Казалось, Младший Жрец даже немного обиделся. — Но, в любом случае, удобнее будет говорить там, где тепло и есть крыша над головой. Пойдём, покажу, куда можно поставить коня...

Обустроив Рио в небольшом тёплом сарае, я проследовал за Дейарисом в жилую половину церкви, вход в которую находился с закатной стороны. Обстановка в обители Жрецов была скромной, но вполне удобной: большая печь, посреди горницы стол и несколько стульев, две неширокие лежанки вдоль противоположных стен... Одна из постелей была аккуратно заправлена лоскутным покрывалом, поверх же второй, разбросанной и смятой, валялась груда одежды, словно забытая впопыхах: венчало её белое жреческое одеяние и серебристый парадный кушак с оторванной кистью.

Следуя жесту Дейариса, я подсел к столу. Младший Жрец снял с полки пару деревянных кружек, отодвинул заслонку в печке, вытянул чугунок с кипятком.

В воздух вспорхнули облачка пара, сразу же наполняя комнату лёгкими ароматами лета... Я с удовольствием пододвинул к себе ближайшую кружку, прихлебнул несколько глотков отвара, сладко пахнувшего земляникой и чабрецом, и приготовился слушать.

— Собственно, — несколько смущённо произнёс Дейарис, покатывая свою кружку в покрытых шерстью ладонях, — тут особо и говорить-то не о чем... Ведьма местная на горячем попалась. Жила себе на хуторе неподалёку, промышляла травами да знахарством. А потом, видать, мало ей стало травок. Посерьёзнее вещей захотелось... Стала в лес навевываться и поколдовывать. Сначала помаленьку, потом больше и больше... Ну и...

— Нежить? — я прищурился.

— Нежить, — нехотя признался Жрец. — Связалась, на свою голову — да с таким, с чем управиться, видно, и не смогла. Тварь не стала таиться в лесу, напала на людей. Были жертвы... Охотников собралось было несколько человек, тварь порешить — да сил не рассчитали... Трое ранено, четверо убито. Стало ясно, что так просто не справимся.

— Почему сразу не связались с Орденом? — Я подался вперёд. — Почему люди полезли на нежить сами?

— Не знали, — вздохнул Дейарис.

— Чего не знали?

— Что нежить это... Поначалу на пещерного медведя грешили. Вначале ведь всего один человек погиб, сразу после бури, на дальних угодьях. Там и пещеры неподалёку имеются. Опасные, кстати, пещеры... Всё сходилось. Только вот после, когда группой собрались зверя бить, а в одном месте разделились — тогда и получили... Поняли, что медведем тут и не пахнет, дело серьёзней гораздо... Как бы там ни было, пока разбирались, убитых хоронили, пока раненые смогли кое-что рассказать — день почти прошёл. Брат Витин принял решение — звать помощь из Ордена. А до тех пор никому никуда не рыпаться, из деревни носа не казать, в лес не соваться...

Он замолчал, допивая чай несколькими большими глотками. Пустая кружка глухо стукнула по столу. Я не торопил его, давая собраться с мыслями.

— Да только всё равно нашлись горячие головы... — продолжил, помолчав, Дейарис. — Трое юнцов. У одного брат от ран наутро скончался, у второго отец при смерти лежит, еле дотащили... А третий как охотник неплох, но ума не великого, и с этими двумя всегда как хвост за собакой таскается. Уж не знаю, чем они думали, когда вооружились до зубов и тайком потащились вечером в лес, убивать монстра...

— ... Таргос! — я выдохнул сквозь зубы. — Эти... бараны погибли?

— Как ни странно, нет. — Дейарис невесело усмехнулся. — И даже вернулись домой, целыми и невредимыми, ещё до того, как их матери успели сойти от ужаса с ума... И, что самое интересное, притащили с собой трофеей. Нашу ведьму...

Я хмыкнул:

— Даже так?

— Да. Представь себе, Брат... Выяснилось, что, буквально накануне того, как тварь проявила себя, один из них, будучи здесь неподалёку на охоте, заметил необычную поляну.

— Необычную — чем?

— Ну... По словам этого мальчишки, «она была круглой, вокруг неё росли мёртвые деревья, а внутри всё как будто бы было срезано под корень огромным ножом — всё, кроме большущего камня в середине»... На мой взгляд, очень смахивает на...

— «Плевок Безымянного»?

— Именно, — наклонил голову Жрец. — Так вот. Когда выяснилось, что на людей нападает не пещерник, а монстр, юнец вспомнил об этой поляне. Ему показалось, что это место может быть как-то связано с тварью, и поиски монстра он со своими друзьями решил начать именно с неё. Памятуя, что поляна находится недалеко, мальчишки покинули деревню ещё засветло, но спутали направление, и пропетляли по лесу несколько лишних часов. Однако, похоже, в этот день Братья-Боги были всё же на их стороне... Когда, наконец, дурни вышли к искомому месту и, соблюдая все предосторожности, подобрались поближе, думая, что могут застать там монстра, поляна на самом деле оказалась занятой. Только не тварью... На той поляне они и обнаружили колдунью, причём как раз за своим чёрным делом... Мерзавка до такой степени увлеклась, что даже не заметила мальчишек. Им удалось подкрасться к ней и даже оглушить...

Я покачал головой:

— Подкрадываться к магу посреди ритуала... Тьма! Вот же идиоты!...

— Верно, — фыркнул Дейарис. — Но, надо отдать им должное — не побоялись... Ведьма, на их редкое счастье, ничего не успела сделать. Они связали её и вместе со всем колдовским скарбом приволокли в деревню. Это случилось вчера вечером...

— Что ж. Спасибо, Брат. Ты многое прояснил.

Я поднялся из-за стола.

— Что ты собираешься делать? — поинтересовался Жрец.

— Свою работу. — Я не собирался вдаваться в подробности. — Мне нужна ведьма. Где она?

— ... В бане, — после едва уловимой заминки ответил Дейарис.

— Где?!

— Сидит спеленатая веревками по рукам и ногам и с кляпом во рту в деревянной бане на другом конце деревни.

— Но почему в бане? А не при церкви?

Жрец вздохнул.

— А где?... Или ты думаешь, что каждая деревенская церквушка оснащена первоклассным казематом? Да у нас отродясь не было ничего похожего... Кроме вон того сарая, в котором едва поместился твой конь. Там хотя бы помещение добротное, да дверь крепкая, да стража из местных добровольцев у двери... Поверь, без присмотра её не оставляют ни на минуту.

— Ладно. Проводи меня к ней.

— Конечно...

Псоглавец тоже встал.

— Только, Брат Альтар, если ты позволишь дать тебе один совет...

Внезапно его локоть случайно задел кружку, стоящую на самом краю стола. Деревянный сосуд полетел вниз — но был молниеносно подхвачен едва уловимым скупым движением мускулистой четырёхпалой руки и водворён обратно на стол, даже не успев перевернуться.

На мгновение повисла тишина.

Надо же! Передо мной определёнno был воин, и, похоже, не последнего десятка... В этот миг псоглавец оторвал от кружки взгляд и случайно встретился со мной глазами. Я оценил движение, и Дейарис это понял.

... Быть может, мне только показалось, но во взгляде Младшего Жреца в этот миг проскользнула... досада?

Странно...

Выходит, Дейарис старается скрыть свою подготовку? Хм-м. Не люблю действия, мотивы которых мне не ясны. В любом случае, об этом стоило подумать. Но не сейчас...

— Ты собирался дать мне совет, — напомнил я.

— Да... Я хотел предложить тебе, прежде чем отправляться к ведьме, осмотреть её жильё. Это маленький хутор неподалёку. Утром мы с братом Витином и несколькими охотниками были там. Отыскивали кое-какие интересные вещи... Тебе стоило бы вначале это увидеть. Я готов провести тебя, если ты не против...

Я мгновение подумал.

— Разумно... Что ж, показывай дорогу.

Младший Жрец слегка наклонил голову и направился к двери.

Я чуть-чуть задержался, проверил, как ходит в ножнах меч и на месте ли кинжал. А потом последовал за ним.

Мы покинули церковь и, держась околицы деревеньки, направились к лесу. Крайние дома тоже были пусты — местные жители на глаза мне пока не попадались. Что, впрочем, совсем не удивляло. Короткий зимний день в суровых условиях жизни в лесу стоит слишком дорого, чтобы впустую просиживать его на завалинке... Тем более, что изменившийся ветер доносил откуда-то из скрытой домами глубины посёлка гомон людских голосов.

— Что там? — кивнул я.

Дейарис пожал плечами.

— Люди. Встревожены, перепуганы... Должно быть, собираются вместе, толкуют, обсуждают. Вместе легче переживать свой страх... Ну, идём. Нам — сюда...

Впереди дорога делала широкий поворот и, изогнувшись вдоль заснеженной пустоши, ныряла в просвет между первыми, пока ещё редкими деревьями. Мы послушно повернули вместе с ней и, по щиколотку утопая в снегу, зашагали дальше, понемногу оставляя деревню за спиной.

— ... йааа...

Я резко повернулся. Коснулся локтя Младшего Жреца, идущего впереди, заставив его остановиться.

Вдогонку за нами, отчаянно прыгая через сугробы, то и дело проваливаясь в них, спотыкаясь и только чудом не падая, бежал человек. Увидев, что мы обернулись, он принялся отчаянно махать руками.

— ... Бра-ат Дейаарис-с!...

Светлый прищурил узкие глаза, взглядываясь вдаль.

— А-а... Рейно, — обронил он. — Скажем так... чудаковатый парень. Ярош Пресветлый, конечно же, учит нас терпению, но порой общаться с ним весьма... утомительно. Ума не приложу, что ему взбрело в голову на этот раз... Иди, Брат, я только узнаю, чего он хочет, и догоню тебя.

Говорил Жрец спокойно, даже чуточку иронично. Однако от меня не укрылось то, что поза его оставалась напряжённой, а в глазах чёрной молнией сверкнула тревога...

Я покачал головой.

— Ничего. Я подожду.

Дейарис едва заметно поморщился, но промолчал.

Тем временем парень, наконец, поравнялся с нами, и согнулся в двух шагах, с трудом переводя дух...

— Б-бра-ат...

— Что тебе, сыне Света? — кротость в голосе Дейариса с трудом прикрывала раздражение. — Мы торопимся. Это не может подождать?

Рейно, или как его там, отчаянно замотал вихрастой головой.

— Б-брат Дейаарис!... Там... Там-м... Колдунья... Б-брат Витин... Вначале говорит: жгите баню! Да Катря запретила... Жалко ей бани-то, говорит, кто ей ещё срубит такую...

— Что ты несёшь?! — рявкнул Жрец, с силой встряхнув мальчишку за плечи. Голова его дёрнулась, как у тряпичной куклы, глаза полезли на лоб...

— Стой!... — я в один прыжок оказался рядом, разжал псоглавцу ладонь, оттеснил его плечом. Уставился в глаза мальчишке: — Говори!... Что происходит? Внятно!

— К-колдунью хотели спалить... — пробормотал тот.

— Что?!

— ... А Катря не дала. Баню свою пожалела... Тогда поленьев во дворе набросали... и Брат Витин, и Янош, и Ларес тоже... зашли внутрь, чтоб ведьму забрать. А тогда... Что-то бухнуло... грохнуло, громко так, сильно-сильно!... Из двери, из окна повалил чёрный дым! ... Всех так и сдуло с порога... А когда обернулись... Она у самого порога стоит! И смеётся!... А перед нею Брат Витин... И у его горла держит нож... И...

— Т-т-тень Безымянного!!!

Я отшвырнул мальчишку прямо в сугроб. Сзади что-то прокричал мне Дейарис, кажется, кинулся за мной следом... Но я уже не слышал, не видел, со всех ног летя обратно в деревню.

... Таргос! Ярош! Во имя Света и Тьмы!...

Не дайте мне опоздать!...

* * *

Размеры толпы впечатляли — похоже, здесь собралось подавляющее большинство, если не все жители этого злосчастливого посёлка. Мужчины и женщины, молодёжь, зрелые и старики — проталкиваясь сквозь плотно сомкнутые ряды, я успел заметить даже нескольких детей, испуганно жмущихся к ногам родителей... Таргос! Как же я иногда ненавижу людей!

...

Некоторые сжимали оружие — топоры, короткие пики, охотничьи ножи на длинных

рукоятках, у кого-то даже был арбалет — сейчас всё это добро, словно обычные палки, лишь угрюмо тянуло руки владельцев к земле. Кто-то, было, волок дрова — и теперь так и стоял, неловко держа на весу охапки веток или деревянные чурки, даже не соображая, что будет легче, если бросить их вниз. У двоих, что стояли позади, были факелы — их свет почти растворялся в ярких солнечных лучах. Зато чаду было с избытком — явно переборщили со смолой; чёрный дым, дополняя жутковатую картину, трепетал-полоскался на зимнем ветру зловещими тёмными стягами...

На меня не обращали внимания. Люди, словно изваяния, широким полукольцом застыли в доброй дюжине шагов от небольшого бревенчатого строения, бывшего, видимо, той самой баней... В гробовой тишине ударами набата разносились над толпой слова, что произносил негромкий, хриплый женский голос:

— ... ничего вам доказывать... — услышал я. — Вы всё равно глухи и слепы! Не видите ничего дальше собственного носа, и не желаете видеть...

Я, отчаянно работая локтями, прорывался на край людского моря, изо всех сил стараясь забирать левее... Наконец, усилия мои были вознаграждены. Теперь лишь широкие спины двоих мужиков пониже меня, оставаясь единственной преградой между мной и происходящим, давали мне возможность всё чётко видеть и при этом не быть замеченным самому.

... Ведьма оказалась худощавой женщиной среднего роста — похоже, совсем молодой, хотя возраст определить было сложно. Лицо — бледное, без кровинки, перепачкано грязью и сажей. Верхняя часть головы плотно перемотана тряпками, сквозь которые на правом виске уже успело проступить бурое пятно засохшей крови... Черты казались каменными, и только глаза — огромные, зелёные, про такие говорят «на пол-лица» — яростно сверкали из-под повязок, делая колдунью чем-то похожей на дикую лесную кошку.

— Мне не нужен этот жирный боров! Не нужна его поганая шкура!... Пусть и дальше продолжает потчевать ваши уши своими байками, в то время как настоящая беда продолжает ходить по лесу бок о бок с вами, убивая ваших соплеменников...

Прямо перед колдуньей, спиной к ней, застыл в необычной, кренившейся назад позе грузный лысоватый человек. Серебристое, парадное, одеяние Светлого Жреца невпопад переливалось на свету сгустком победоносного пламени — словно издеваясь над своим владельцем. Глаза толстяка, казалось, сейчас вылезут из орбит — левой рукой женщина удерживала его за шею, а кончик длинного стилета, который она крепко, но как-то странно, неуклюже сжимала в правой, упирался ему под подбородок. Жрец судорожно хватал ртом воздух, словно рыба, выброшенная из воды, и то и дело порывался дёрнуться в сторону, но лишь едва слышно завывал от страха — похоже, хватка у колдуньи была стальной...

— Это ваши жизни и ваше право... Хотите — и дальше следуйте за своим пастухом, словно стадо глупых баранов, и умирайте! А хотите — попробуйте сами отыскать правду — откуда действительно взялся монстр... Повезёт — останетесь в живых... Но МОЯ жизнь вам не принадлежит, и отдавать её я не собираюсь!!!

Последнюю фразу ведьма буквально прорычала... И — случайно ли, специально — усилила нажим на стилет. Жрец — судя по всему, Брат Витин, — отчётливо захрипел. Медлить было нельзя...

Я плотнее запахнул плащ — чтобы алая подкладка никоим образом не привлекла случайного взгляда — и, оттеснив назад одного парня из своего «прикрытия», встал в первую шеренгу. Между мной и колдуньей с её жертвой теперь оставалась только та самая

дюжина шагов, что отделяла её от толпы. Я преодолел бы их за пару мгновений... и стилет за это время наверняка бы успел пронзить податливую, как масло, плоть. Нет... Нужен был другой выход.

И я его нашёл.

— ... Мы уходим! — с нажимом произнесла ведьма, совладав на этот раз с собой. — Он и я. Мне нет нужды убивать его!... Если вы будете благоразумны и не станете идти за нами — а я пойму это, не сомневайтесь! — я отпущу его на опушке леса. Целого и невредимого!... Но если кто-нибудь из вас решит попытаться преследовать меня — он умрёт!

Да уж, колдунью никак нельзя было упрекнуть в многословии. Но несколько так нужных мгновений она мне всё же подарила...

Хотя ведьма и пыталась удержать в поле зрения всю толпу, людей было слишком много. Её внимание в основном было приковано к тем, кто находился перед ней, и влево от себя — в мою сторону — она практически не смотрела.

Стараясь действовать как можно менее заметно, я, даже не делая попытки поднять рук, выставил перед собой сомкнутые кулаки. Два агмарилловых кольца на средних пальцах, надетые поверх перчаток, повинувшись моему приказу, слабо засветились алым...

— Клянусь...

Ведьма запнулась на полуслове. Взгляд её лихорадочно забегал, заметался по толпе.

Почувствовала! Практически сразу же... Но ещё не поняла, что и где.

Сильна, поганка! — невольно восхитился я, внутренне группируясь. Счёт пошёл на мгновения...

Панику в глазах ведьмы стремительно сменяло бешенство. Она рывком притянула несчастного Жреца ещё ближе к себе и развернулась в мою сторону...

... Первой занялась немаленькая куча дров и сушняка, наваленная перед баней радетелями самосуда в паре шагов правее того места, где стояли колдунья и её жертва... Из самой середины несостоявшегося кострища потянулся лёгонький дымок, стремительно разрастаясь на сухой древесине, к тому же ещё и щедро политой маслом... За мгновение до того, как наши взгляды встретились, я усилил нажим — и костёр полыхнул. Вверх с оглушительным треском полетели языки пламени вперемешку со снопом искр. Добрая половина толпы с перепуганными воплями шарахнулась назад... Ведьма, повернув голову, также отшатнулась, инстинктивно потянув жертву на себя чуть сильнее, чем следовало... Сапоги Жреца бестолково заелозили по снегу, но наст у него под ногами больше не был рыхлым — мне стоило немалых усилий лишь слегка подтопить его верхний слой так, чтобы он заскользил, но при этом не обратился в кашу...

К счастью, у меня получилось. Брат Витин, не в силах удержать равновесие, словно срубленное под корень дерево завалился назад, всем своим немалым весом обрушившись на хватчицу.

Как я и думал, сил устоять на ногах ведьме не хватило. Оба — и колдунья, и Жрец — грузно рухнули в снег... В воздухе мелькнула рука, сжимающая нож — её дёрнуло вперёд, и тучная шея Светлого на миг оказалась свободна...

... Надо отдать ей должное — ведьма и тут ещё пыталась бороться. Падая, сгруппировалась, почти столкнула тело, придавившее её к земле, и нож таки удержала, не выпустила — дёрнула на себя...

Но и я не терял ни мгновения, рванувшись вперёд с такой силой, что затрещали суставы и сухожилия. Десять шагов я преодолел в три прыжка. А дальше... Дальше — выбить из

ладони стилет, оборвав смертоносное движение...

... За шиворот — прочь церемонии! — отшвырнуть на безопасное расстояние Брата Витина, бестолково барахтающегося в снегу...

... Перехватить левую руку колдуньи, взметнувшуюся в безумной попытке расцарапать мне лицо, впечатать ведьму в снег, пригвоздив к земле тонкие запястья... Навалиться сверху, лишая малейшей возможности двигаться и колдовать...

Я успел.

И время для меня остановилось.

Рядом, где-то сбоку, Светлый Жрец, не получивший ни единой царапины, выл уже в полный голос, тщетно сиюсь подняться на трясущиеся, словно в лихорадке, ноги.

В дюжине шагов отсюда «оживала» толпа. Самые отчаянные опасливо подбирались поближе.

Костёр с весёлым треском пожирал дрова, грозя перекинуться на крышу бани.

А я лежал на снегу, ничего не видя перед собой, кроме пылающих ненавистью огромных зелёных глаз... И повязок, сползших набок с виска и обнаживших левое ухо.

Если бы я понял это раньше... видят Боги-Братья, я бы убил её!...

Проклятая колдунья была эльфийкой.

* * *

Она сопротивлялась, сколько могла. Яростно — но молча, без единого звука. Отчаянно... и бессмысленно.

— Т-твою ж Тень! — рывкнул я, едва не пропустив удар головой в переносицу. Вовремя увернулся, лишь прядь моих волос хлестко стегнула её по щеке. — Уймись, поганое отродье! ... Или пожалеешь!

— Убей!... — рванувшись всем телом вперёд, и снова — безуспешно, выпалила она мне в лицо.

Я сжал зубы:

— Не так быстро, ведьма!

Тогда она плюнула кровью, словно кобра — ядом, и на этот раз попала.

— Ах, ты!...

В мгновение ока я оказался на ногах. Рванул её на себя, безо всякой пощады заламывая за спину руки, и одним движением выдернул пропущенную в потайные петли вдоль края плаща агмарилловую цепь. Остроухая успела лишь коротко вскрикнуть, когда тонкие, но прочные путы надёжно стянули локти и запястья, а шею захлестнула удавка-петля...

Когда попытки сопротивления сменились жалкими хрипами, я слегка ослабил захват цепи. Нет!... Не торопись, дорогая! Вначале — поговорим...

Ведьма, почти лишившись сознания, рухнула на колени, взхлёб глотая живительный воздух. Так-то лучше... Я помедлил пару мгновений, позволив ей отдышаться, и подхватил её под плечи, заставляя встать на ноги — нужно было уходить отсюда, и поскорее...

Что за... Тень?!

Я едва прикоснулся к ней... Эльфа судорожно всхрипнула и... забилась в конвульсиях! От неожиданности я не удержал её, и колдунья кулём повалилась мне под ноги, лицом прямо в снег.

Я навис над ней, потянул за плечо. Она тяжело откинулась на спину... Все мои подозрения в том, что это очередная уловка, тут же развеялись лёгким дымом на ветру. Белки глаз в просветах дрожащих век, кровавая пена на губах... Безымянный, что происходит?!

Я тряс её, словно грушу, бил по щекам... Бесполезно.

Ведьма умирала.

Что-то убивало её на моих глазах, и я никак не мог понять, что же... пока случайно, краем глаза не зацепил собственный перстень на правой руке. Агмарилловый сердечник, вставленный вместо камня, обычно совершенно незаметный на чёрной коже перчатки, переливался сейчас всеми цветами радуги!

Я рывком поднёс к глазам левую руку... Со вторым кольцом происходило то же самое! — Не-е-ет!!! — зарычал я, посылая Приказ.

Несколько долгих мгновений ничего не происходило. Но потом кольца — как мне показалось, очень неохотно — всё же начали тускнеть...

Эльфа у моих ног затихла. Слабо застонала, шевельнулась, понемногу приходя в себя... Я стянул с правой руки перчатку вместе с кольцом — от греха подальше. Откинул с её шеи волосы, слипшиеся от крови и пота, и отвернул в сторону ворот кожуха, уже догадываясь, что увижу...

Изящный зеленоватый узор на коже напоминал татуировку в виде переплетённых листьев. Он выныривал из-под воротника у мочки правого уха и змейкой скользил вокруг шеи, местами прячась под рубаху.

... Ошейник Каторжницы, во всей своей утончённо-пугающей красе.

Неудивительно, что колдунья показалась мне непростой с самого начала. Отвращённая, уже единожды судимая Орденом, да к тому же приговорённая к рудникам... Вот уж, правду говорят: шёл охотиться на ящериц — а поймал дракона!...

Я знал многих Отвращённых, приговорённых Орденом к добыче агмарилла в Седонских Копях; все они обладали недюжинными силами и колдовским талантом... пока не попадали туда. Шею каждого мага, осуждённого на каторжные работы, украшал подобный Ошейник — особое отличительное заклятье, наброшенное Орденским Палачом... Колдуна, отбывшего срок своей каторги, Палач избавлял от Ошейника с помощью особого сложного ритуала. Я знал двоих таковых, ныне проживающих в Рожерионе. Но до сих пор не встречал ни одного того, кто носил бы Ошейник за пределами Копей — а стало быть, сумел оттуда бежать...

Понятно, почему Защитные Кольца поспешили убить мгновенно, даже не дожидаясь прямого Приказа.

Но вот что было особенно странным... Я прищурился, внимательно глядя на узор. Ошейник Каторжника должен быть замечен всегда — в том-то его смысл... Однако знакомая вязь замысловатых веточек на моих глазах бледнела и исчезала, словно испаряясь... Ещё немного — и на тонкой бледной коже не осталось ничего, кроме обычных царапин и ссадин.

Я перевёл глаза на свои кольца. Тоже погасли.

Хм-м... Определённо, ещё одна тема для разговора с остроухой колдуньей.

Крайне интересного разговора... по душам.

— ... Убей её! УБЕЙ!!!

Истошный визг внезапно разорвал тишину.

Меня схватили за плечо. Я резко выпрямился, повернул голову. Толстый Брат Витин — а это оказался он — шарахнулся назад, не переставая, впрочем, блажить, отвратительно брызгая слюной:

— Убей её! Убей!... Сме-ерть!!!

Я мысленно выругался. Проклятье! Кликуши только здесь не хватало... Светлый Брат, Тень тебе в печёнку!... Колдунья, разумеется, не сможет идти сама. Так, на руки её — и подальше отсюда, пока это стадо не вспомнило, для чего явилось сюда...

Увы, было поздно. Толпа уже почувствовала кровь.

— Смерть!... — подхватил кто-то.

— Смерть!... Уби-ить! Смерть ведьме!... — раздалось уже несколько нестройных возгласов с разных сторон.

Толпа снова пришла в движение, формируя полукруг, что стремительно заполнял пустовавшее до этого пространство. Судя по всему, скорчившаяся на снегу у моих ног ведьма больше не представлялась им опасной, и в самые горячие головы определённо вернулась мысль закончить расправу...

Ах, Безымянный!... Я подавил подкатывающую к горлу ярость, видя перед собой пустые глаза и уродливые маски-гримасы на лицах... Что и говорить — так заманчиво было бы прорубиться!... Но ведь я здесь как раз для того, чтобы защищать их от ведьмы... хотя приходится наоборот.

— А ну стоять! — во всю глотку проорал я, выхватывая меч.

Чёрное лезвие клинка, отражая тысячи зимних солнц, стремительно рассекло воздух, вонзаясь в сугроб передо мной и колдуньей. Те, кто шёл впереди, испуганно попятились, сминая и без того нестройные ряды жаждущих ведьминой крови. Миг — и безликая тупая толпа снова раскололась на отдельных людей, способных худо-бедно мыслить и соображать...

Страх — мощное оружие... Однако я хорошо знал, как краток и ненадёжен его эффект. И потому не собирался терять ни мгновения:

— Уж не ошибся ли я, Дети Света?! — я от всей души постарался говорить спокойно и заодно придать своему голосу побольше пафоса, копируя привычную им манеру проповеди Светлых Жрецов.

Мера возымела действие — прислушались.

— ... ВЫ вершите суд, выносите и исполняете приговор? Кто дал вам такое право?

... Толпа заволновалась, зароптала.

— Кто же?? — я повысил голос. — Ну?

— Она — колдунья!... — послышался чей-то крик.

Его тут же подхватили:

— ... Убийца!

— Душегубка!!!

— Это она!...

— ... Она сотворила монстра!!!

— Она... Из-за неё погибли... — всё громче и громче раздавалось вокруг.

Я окинул толпу тяжёлым взглядом, усиленно продолжая изображать из себя земное воплощение Таргоса. На самом же деле постарался вычленил тех, кто больше всех бесновался и орал, подстёгивая тем самым остальных.

Всего трое... Не так уж много, бывало и хуже.

Я набрал в лёгкие побольше воздуха:

— Пусть так!!! Но разве среди вас есть тот, кто носит чёрное с алым? В таком случае выйди сюда, Тёмный Брат — и я вверю судьбу преступницы твоему Слову и твоему Мечу!...

Гул было накатило с новой силой — но тут же притих, поулёгся. Я незаметно перевёл дыхание. Действо начало поворачивать в нужное мне русло. Но самые заядлые, разумеется, ещё не успокоились:

— Брат Витин... — услышал я.

— Брат Витин... — я повернулся к Светлому Жрецу, раскрывшему было рот, но не дал тому вставить и слова, — ... служит Ярошу, Пресветлому и Мудрейшему, Старшему из Братьев-Богов. Чьим оружием всегда были Посох и Книга — но никак не Меч! Меч... — я вытащил клинок из сугроба и поднял высоко над головой, давая людям возможность хорошо рассмотреть его, — ... оружие Таргоса Темнейшего — Воина, Защитника и Судии! Вам ли не знать, сыновья и дочери Света: Церковь — наставляет, Орден — защищает! Именно потому Брат Витин, чья мудрость и прозорливость достойны уважения, и обратился в этом деле за помощью к Мечам Тьмы! Теперь разобраться во всём, наказать виновных и сделать вашу жизнь, как и прежде, безопасной — моя задача!

Я со злорадным удовольствием отметил, как Брат Витин при этих словах на глазах съёживается, словно лопнувший бычий пузырь, и даже как будто становится ниже ростом. Отлично!... Кликушей — меньше...

Двое из замеченных мною троих тоже принялись переминаться с ноги на ногу, неуверенно оглядываясь по сторонам, почёсывать лоб пятернёй... И лишь последний — тощий рыжеволосый парень с большой бородавкой на носу — никак не хотел униматься.

— Но ведьма... — начал было он.

— ... Получит по заслугам! — рявкнул я, повернувшись к нему. — Или кто-то здесь сомневается в справедливости моего права выносить приговор??

Чёрный плащ картинно взметнулся ввысь. Алым огненным сполохом сверкнула подкладка...

Не переиграть бы... Но, в принципе, я уже мог и не стараться. Парень икнул, громко щёлкнул зубами, прикусив язык, и споро исчез за спинами соседей...

Путь был свободен. Я нагнулся, подхватывая колдунью на руки. Подобрал свисающий до земли конец цепи, сунул в ножны меч. И быстрым уверенным шагом двинулся вперёд.

Людское море, колыхаясь, расступалось передо мной. Люди спешно убегали с моего пути, давая дорогу.

Впереди, чуть поодаль от остальных, я заметил внимательно наблюдавшего за мной Брата Дейариса. Он махнул мне рукой, и я пошёл ему навстречу.

Уже почти выбравшись из толпы, я обернулся, почувствовав чей-то полный злобы и ненависти взгляд. Позади меня в нескольких шагах плёлся Брат Витин — правда, смотрел он не на меня, а на ведьму. Он с усилием отвёл глаза и уставился себе под ноги; в этот момент мне показалось, что Старший Жрец, и без того немолодой, постарел на несколько лет.

Сейчас я ненавижу его едва ли не больше, чем проклятую колдунью... Подавив слепое желание убить на месте полудурка, заварившего всю эту кашу, я заставил себя отвернуться, мысленно пообещав разобраться с ним позже.

Люди, не глядя друг на друга, бестолково топтались на своих местах — так, словно покинуть площадь без команды не решались.

— Гасите костёр, Дети Света, — бросил я через плечо. — Пока не сгорело

Мы вернулись в Церковь — на жилую «жреческую» половину. Я, крепко держа на руках полуживую ведьму, остановился у крыльца, ожидая пока приотставший Брат Дейарис, который бережно, под руки, вёл следом за мной Старшего Жреца, поднимется и ототрёт дверь.

Бегло осмотрев горницу, я опустил свою ношу на заправленную лежанку, а конец цепи крепко примотал к железному кольцу на крышке стоящего рядом массивного сундука. Псоглавец же заботливо устроил тяжело дышащего Витина за столом, засуетился, торопливо наливая чаю, и даже придержал кружку своей рукой, пока толстяк, которого уже начинало трясти, как в лихорадке, делал из неё судорожные глотки...

— Что, пожри вас Безымянный, это всё означает?! — я быстрым шагом пересёк горницу и встал у стола с другой стороны. — Тьма разбирай! С каких это пор Церковь Яроша решила заменить собой Орден Таргоса?... Что за балаган с судилищем и костром?! Светлый Жрец вместо слов поддержки, единения сеет смуту! Подстрекает народ... Призывает к убийству?

Толстый Брат Витин закашлялся, поперхнувшись питьём.

— Да ты ничего не понимаешь!!! — заорал он, краснея, как помидор. — Эта девка... эта эльфа... Она!... Жила тут, уже много лет! Травила людей!... А потом... Потом! П-призвала Силу!!! Вык... вык-к... колдовала тварь, чтобы та уничтожила посёлок!... Она!... она...

— Успокойся... тише, тише, Брат!... — Дейарис мгновенно оказался за его спиной. Широкие ладони легли толстяку на плечи, принялись аккуратно, но сильно разминать мышцы, поневоле вынуждая Старшего Жреца утомиться и примолкнуть. — Вот так... хорошо. Погоди, Брат Альтар. Ты неверно всё понял... Послушай меня.

Я скрестил руки на груди.

— Колдунью... — негромко заговорил псоглавец — ... доставили в деревню вчерашним вечером, с сотворённой магическим образом поляны, куда, очевидно, она наведывалась уже не в первый раз. При ней были предметы, необходимые для ритуалов, меч и колдовская книга. В том, чем она занималась, уже тогда не было ни малейших сомнений. Люди... — он сделал паузу — ... их тоже можно понять. Накануне тварь, призванная колдуньей, убила троих и ранила четверых, один из которых скончался ночью, а второй до сих пор при смерти... Ведьму собирались убить ещё вечером, прямо здесь — у церкви, куда её притащили поймавшие её юнцы... Нам с Братом Витином стоило огромных трудов убедить людей не делать этого. Ведьму заперли в бане, поставив охрану из самых благоразумных, как нам казалось, селян. Брат Витин, не теряя ни мгновения, отправил Ордену вызов — даже не дожидаясь утра. Однако ближайшая к нам Цитадель находится в трёх днях конного пути. Мы не могли рассчитывать на скорое прибытие Мечей Тьмы, которые возьмут всё в свои руки... Наутро я и Брат Витин навестили ведьмино жильё, куда я как раз собирался тебя проводить. Мы искали «горячие» следы, которые могли бы не дожидаться Братьев Ордена, но, тем не менее,годились бы им. С нами отправились несколько охотников... мы не возражали, всё же так было хоть немного, но спокойнее. Избушка ведьмы подтвердила наши догадки... Она колдовала, и занималась этим давно и

нешуточно. После того, как мы вернулись в деревню, охотники, бывшие с нами, поспешили рассказать об увиденном односельчанам. Напряжение и страх последних дней выплеснулись наружу, словно вода из опрокинутого сосуда... Брат Витин, видимо, предчувствуя неладное, снова решил попробовать успокоить людей, призвать их не творить беззакония. С тем и поспешил к бане, где держали колдунью — туда уже начинала стекаться толпа. Я немного замешкался, собираясь отправиться следом — а, когда вышел во двор, встретил тебя...

— Так почему же ты сразу не повёл меня туда?! — я опёрся кулаками о стол, буравя Дейариса взглядом. — Мы пили чай, отправились в избушку... Да мы бежать должны были к этой паршивой бане! Бежать!!! Ещё раньше, чем успели пожелать друг другу доброго дня...

— Я недооценил опасность, Брат... — с видимым усилием признал псоглавец, отведя глаза. — Знаю, я виноват. И моя ошибка едва не привела к очень печальным последствиям. Но... Твоё внезапное появление на самом деле очень удивило меня. Совершенно не ожидал, что подмога прибудет так скоро. И потом, я был практически уверен, что Брат Витин удержит происходящее в узде... Что толпа погалдит и разбредётся, а времени терять не хотелось. Думал сразу объяснить и показать тебе всё то, что имеет значение...

— ... Недооценил?! — внезапно подскочил на своём месте Старший Жрец, сбрасывая ладони Младшего с плеч. — Да... Как же так, Дейарис?! Эта погань... чуть не убила меня, а ты!... Ты! Где ты был, ты же должен был помочь мне!... Ты же сам сказал!... Обещал! Что всё будет легко, они всё сделают сами...

— О чём ты говоришь?! — я подался вперёд. — Кто — они? Люди?!

— Да, люди... — Кивнул мне псоглавец. Торопливо опустил на корточки перед Витином и заговорил с ним, мягко, но с нажимом — будто старался успокоить ребёнка: — Ну прости меня... прости, Старший Брат!... Всё хорошо. Всё позади... Уже позади...

Поддаваясь уверенности полушёпота, Брат Витин сник и вроде бы затих, а потом и вовсе, всхлипнув, скорчился перед столом, тяжело уронив голову на руки. Дейарис посмотрел на меня.

— Да, Брат Альтар, — так же тихо произнёс он. — Люди... Я был уверен, что они выслушают проповедь, образумятся и разойдутся. Брат Витин не первый год возглавляет приход. Он знает всех, кто живёт в Нижнем Рогачике, и умеет найти свой ключик к сердцу каждого прихожанина — и старого, и молодого... Этим утром, когда он шёл успокаивать людей, я хотел ободрить его, лишний раз напомнив ему об этом.

— Погоди... — Я перевёл взгляд с Дейариса на Витина. — Но ведь там, на площади... Именно Брат Витин и требовал, чтобы я убил колдунью! И толпа, вторя ему, загорелась снова...

— Когда ты появился на площади, Брат Витин был на волосок от гибели от ведьминой руки. Ты спас его, спас от неминуемой смерти! Что, по-твоему, он мог кричать в тот момент? Благословлять колдунью? Желать ей долгих лет?...

Старший Жрец что-то невнятно промычал, качнулся на стуле, но головы не поднял. Сейчас он выглядел так, словно был изрядно пьян.

— Посмотри на него, Брат, — с жалостью произнёс Дейарис. — Он и сейчас не в себе! Ему нужен отдых и успокаивающее лекарство. Кто мог представить, что ведьма, уже обезвреженная, сумеет вырваться — да к тому же, использовав магию! — и натворить таких бед...

Хриплый каркающий хохот заставил нас резко повернуть головы. Та, о ком шла речь, похоже, успела прийти в себя. Приподнявшись на лежанке, колдунья исподлобья смотрела

на нас и, насколько позволяла цепь, пробовала устроить поудобнее связанные за спиной руки.

— Магию!... — эльфа дёрнула головой, пытаясь откинуть слипшиеся волосы со лба. — Паршивая хозяйка... ваша Катря! Сажи полная печь... Пол-ушата мутного щёлока, ворох старых тряпок и бутыль зеленухи, видимо, припрятанная запасливым муженьком подальше от жениных глаз... Конечно, если б не сизая плесень в углу и не крысья отравы из толчёного мрочника... ничего б и не получилось, а так... Забить трубу ветошью, расковырять заслонку и вовремя грохнуть бутылку о кадку... Вот вам вся ваша магия, будьте вы прокляты!...

— Замолкни, ведьма!! — рявкнул псоглавец. — Чаша твоих злодейств уже и так переполнена с лихвой! К счастью, люди не успели взять на душу грех...

— ... Только не вашими молитвами...

— ... Но теперь здесь Меч Тьмы! — в голосе Дейариса отчётливо прозвучал металл. — Избежать кары тебе не удастся!

Но колдунья лишь снова рассмеялась, закашлявшись.

— Ага... Пусть заодно выяснит, почему ночью в заимке вы искали следы монстра, а на следующий день охотники отправились бить пещерного медведя... Что это за нежить, которую так усердно и тщательно оберегает лес? И каким непостижимым образом агмарилл может быть связан с эльфийским заклятьем...

Деревянный подлокотник стула, на который Дейарис опирался рукой, с тихим треском раскололся надвое. Псоглавец гортанно рыкнул, прижав уши, в одно мгновение растеряв всё сходство с человеком... Резко выпрямившись, словно выстрелила туго сжатая пружина, одним стремительным шагом-прыжком он рванулся к лежанке.

Я успел заступить ему дорогу.

— Нет... Брат.

Понадобилось несколько мгновений, чтобы Младший Жрец смог совладать с эмоциями. Наконец, веки дрогнули, хищный блеск в глазах уступил место смыслу. Дейарис шумно вздохнул, провёл ладонью по затылку, приглаживая вставшую дыбом шерсть.

— Прости. Едва не сорвался... — прежним голосом произнёс он. — Мне тоже нелегко дался сегодняшний день. Эта дрянь будет нести любую околесицу, пытаюсь выкрутиться...

— Я разберусь.

— Разумеется, разберёшься... Только учти, Брат Альтар — она намного опаснее, чем кажется. Она уже несколько лет живёт бок о бок с посёлком. И до сих пор вела себя исключительно осторожно... так, что мы не могли и представить, на что она способна.

Я внимательно посмотрел ему в глаза.

— Она беглая каторжница.

— Что?? — Зрачки Светлого изумлённо расширились, вздрогнули кончики ушей. Нет, не лжёт... — Но... как?! Разве такое возможно?...

— Похоже на то. У неё что-то с Ошейником... Твой Посох не реагировал на него?

— Никогда! — он несколько раз качнул головой. — Надо же!... Но тогда это на самом деле всё объясняет...

— Пожалуй.

— Сибилла... — пробормотал Жрец. — Старая знахарка, пригревшая её. Определённо, она знала. И, скорее всего, даже, помогла скрыть... Тебе обязательно надо осмотреть её жилище, Брат. Уверен, там ты найдёшь ответы на многие свои вопросы.

— Да. Но прежде я хотел бы видеть вещи, которые были при ней на той поляне.

Жрец наклонил голову:

— Сейчас принесу. Только позволь прежде позаботиться о Брате Витине... После всего, что он пережил, отдых нужен ему как воздух.

Я кивнул, и Дейарис, вернувшись к Старшему Жрецу, после недолгих раздумий просто сгрёб безвольное тело в охапку и потащил к выходу. Брат Витин не сопротивлялся, и казалось, вообще смутно представлял, на каком он свете.

Дверь, протяжно скрипнув, затворилась. Мы с колдуньей остались одни.

В комнате было от души натоплено — даже жарко, но почувствовал я это только сейчас. Сбросил плащ и присел на край стола, пристально глядя на эльфа.

— Теперь рассказывай! — велел я.

Ведьма не ответила. Закусив губу, она сосредоточенно проталкивала свободный конец покрывала под цепь, обвивающую запястья — туда, где агмарилл касался обнажённой кожи. Меня колдунья изо всех сил не замечала, хотя то, как она побледнела, едва Светлые покинули комнату, было видно невооружённым глазом.

Крепкий орешек... Но — ломали и не таких.

— Ладно. — Я постарался придать голосу побольше спокойствия. — Ты ясно дала понять, что тебе есть, что добавить к словам Брата Дейариса. А возможно... — я сделал паузу — ... и возразить. В твоих интересах рассказать всё, что тебе известно. Лгать и скрывать правду бессмысленно. До истины я всё равно доберусь, но так ты сэкономишь мне время. Обещаю, что приму это во внимание, когда будет решаться твоя участь...

— ... «Обещаешь»? — выдохнула ведьма. — ... Ashratt Daebbr! Плевала я на твои обещания, Чёрный Пёс!!! Мою «участь» ты давно уже решил, лживый ублюдок! Ты и подобные тебе Псы... Я уже мертва! Я прекрасно знаю это!...

— Что ж. Умереть, — я выделил это слово, — тоже можно по-разному...

Ведьма, не сумев сдержаться, вздрогнула, и пуще прежнего разразилась проклятиями.

— Тем более что ты всё равно расскажешь мне то, что я захочу знать, — невозмутимо продолжил я. — Разница в том, что сейчас я предлагаю тебе сделать это добровольно. Почувствуй её... Не думаю, что ты так безумна, какой хочешь казаться.

Колдунья упрямо уставилась в бревенчатую стену.

— Делай, что хочешь! — сквозь зубы произнесла она. — Но помощи от меня не дождёшься!

— Хорошо. — Я кивнул, сдержав раздражение. — Ты сделала свой выбор, ведьма. Да будет так...

Полуторный меч...

Тряпичный чехол с ножом...

Потёртый кожаный кошель...

И, наконец — увесистый фолиант в чёрном кожаном переплёте, украшенном драгоценностями.

Разложив принесённые предметы на столе, Брат Дейарис сделал шаг в сторону и выжидательно посмотрел на меня.

Книга приковывала взгляд, выделяясь своей необычностью. Я подошёл поближе, протянул к ней руку.

— Осторожнее, Брат! — предупредил Дейарис. — Может «укусить»...

Я кивнул, аккуратно поднимая том. То, что книга защищена магически, нельзя было не заметить. Однако защита была мертва — золотой узор, очерчивающий обложку, потускнел и

как будто погас, мало чем отличаясь от обычного тиснения.

Фолиант был стар, очень стар — и, несомненно, принадлежал эльфам. Моих познаний в эльфийском хватило лишь на то, чтобы понять, что язык книги — не тот, что считается у остроухих разговорным. Но множество чертежей, разбавляющих текст, подтверждало, что речь в ней велась о магии. Я не торопясь пролистал страницы, задерживая взгляд на иллюстрациях. Полноцветные, яркие, с продуманными до мельчайших подробностей сюжетами — они были выполнены исключительно искусно и, как водится, в основном посвящались сакральной тематике...

... Вот эльфий бог Теарр на заснеженной горной вершине дарует преклонившему перед ним колено остроухому вождю драгоценное умение колдовать...

... А здесь — два воина с мечами наизготовку замерли друг против друга в преддверии стремительной атаки. Мгновение — и начнётся смертельная схватка: едва коснётся земли платок, что подбросила к небу таинственная фигура в маске, пристально наблюдающая за ними с пригорка...

Последний рисунок был особенно хорош... Хрупкая темноволосая женщина в летящем платье, ступая босыми ногами по самой кромке воды, кормила с ладоней вороного единорога, вышедшего ей навстречу из тёмной глубины пруда. Её локоны, как и лошадиная грива, рассыпавшись на прядки, трепетали на лёгком ветру. Зеркало воды поблёскивало жемчужной россыпью, мастерски отражая узор вытканых в ночном небе созвездий...

Да... Нельзя не признать — в этом они всегда были сильны. Рисовать — как и убивать, что магией, что клинком — остроухие могли виртуозно...

Я захлопнул книгу и отложил её в сторону. Пусть чуток подождёт. Без своей владелицы многого она мне не расскажет... Интересно, кстати: откуда эта вещь у беглой каторжницы?

— ... Должно быть, старухино наследство, — словно прочитав мои мысли, произнёс Брат Дейарис. — Там, в избушке, чего только не нашли...

Я молча перебрал остальные предметы. Старая железяка, иззубренная по краям, определённо, когда-то являлась мечом. Но было это очень и очень давно... И даже когда его только выковали, качество этого... хм-м, оружия... было весьма сомнительным. А сейчас...

Я взялся за рукоять, покрытую царапинами и вмятинами, отступил на шаг от стола, проворачивая меч в руке.

М-да... Балласт, лишь прибавляющий владельцу хлопот в виде лишнего веса на поясе. В настоящем бою проще, пожалуй, совсем без меча, чем с таким... Однако же за ним пытались ухаживать — глубокие борозды и пятна ржавчины, местами почти проевшие металл, были полузатёрты: клинок, определённо, полировали и даже, похоже, пробовали заточить.

Нож тоже был старый, но выглядел немного лучше. Небольшой охотничий, в самодельных ножнах из мешковины, лезвие чистое со свежей заточкой по всему краю... Владелица прилагала немало усилий, чтобы поддерживать в порядке своё неказистое оружие — насколько в принципе это было возможно... Хотелось бы знать, к чему это ей?

Кошелёк оказался почти пустым. Тряпица с завёрнутой внутрь сушёной травой, запах которой ни о чём мне не сказал... Какой-то амулет из коры, прутьев и шишек. Огниво с кремнем. Пара чёрствых сухарей. Нитка рябиновых бус...

... Рябиновых?

Я прищурился, вытряхнув в ладонь сушёные ягодки. Нет, не ошибся... Вперемешку со сморщенными красными шариками были нанизаны жёлтые шляпки желудей, а также белые

семечки и фиолетовые крылатки неведомых мне растений. О последних я ничего не знал, но готов был биться об заклад, что их предназначение то же, что у желудей и рябины — искажение действия заклятья...

Я перевёл взгляд на съёжившуюся на лежанке ведьму. Неужели и вправду помогало?? Верится с трудом... Но, учитывая, что Ошейник Каторжницы у неё какой-то... калечный, может, и можно поверить, что при определённом везении и ловкости держаться подальше от Посохов, эти несчастные травки могли помочь остроухой скрыть её тайну. В конце концов, даже мои Защитные Кольца «зацепили» Ошейник колдуньи тогда, когда были уже активны... И в момент, когда я прикоснулся к ней, на ней не было этих бус.

— Это всё, что нашли при ней? — спросил я Дейариса.

— Ну... да.

Ответ Светлого прозвучал не совсем уверенно. Я напрягся:

— То есть?!

— Так, во всяком случае, уверяют парни. Те, которые её поймали... Но ни меня, ни Брата Витина не было на той поляне... Даже не могу предположить, с чем ещё она могла иметь дело...

И вправду, для мало-мальски значимого ритуала набор был бедноват... Вполне возможно, селяне что-то и упустили по незнанию. В любом случае, я собирался осмотреть дом, в котором колдунья обитала — он действительно мог многое прояснить. Да и Брат Дейарис давно уже из шкуры выпрыгивает, направляя меня туда...

Я посмотрел на Младшего Жреца:

— Прогуляемся?

— Да!... Разумеется. А... ведьма?

— Пойдёт с нами.

Я подошёл к лежанке, размотал закреплённый конец цепи. Колдунья, прижавшись к стене, пылающими глазами следила за каждым моим движением.

— Повернись!

Она медлила. Мне пришлось дёрнуть за цепь, вынуждая её развернуться ко мне спиной — так, чтобы можно было освободить её связанные руки.

Прежде, чем снять последний виток, я показал ей Кольцо:

— Одно неверное движение — и я отдам Приказ... Что будет, ты знаешь.

Эльфа скрипнула зубами, но промолчала.

Брат Дейарис с опаской наблюдал за нами, опираясь о стол.

— Ты хочешь развязать её? — подал голос он. — Не слишком ли... беспечно?

— Не слишком. — Я хмыкнул, сворачивая цепь вдвое. — Со стянутыми за спиной локтями она не ступит и шагу... Вытяни руки перед собой! — велел я ведьме.

Повиновалась. Мне даже не пришлось повторять. Я потянулся вперёд, намереваясь попросту стянуть вместе её запястья... и замер, сжимая цепь в руках.

Руки ведьмы... Её пальцы... Птичьи когти, или узловатые корни дерева — иначе и не скажешь, словно издевки ради прикреплённые к хрупким женским ладоням. Искривлённые, неестественно вывернутые, со следами множественных неверно сросшихся переломов...

... Разумеется, я знал, как действуют заплечных дел мастера — и в Ордене, и за его пределами. Многого повидал... а кое-что и прочувствовал на собственной шкуре. Удивить меня подобным было сложно.

Но в этот раз удалось...

— ... Т-тень!... — выругался я.

Уголок губы колдуньи дёрнулся вниз.

— Любуешься? Ещё бы... Отличная работа!... — прошептала-прошипела она. — Ваши палачи недаром едят свой хлеб...

Да уж... Поработавший с эльфой мастер был редкостным по силе талантом. И неслабым магом впридачу...

— Ну и как по-твоему — много я с этим наколдую?! — язвительно поинтересовалась она.

— Не пытайся лгать нам, проклятая! — вмешался Дейарис. — Для Призыва не имеет значения, что там с твоими руками! Ты знаешь это лучше нас!

— Не прибедняйся... Брат! Ты тоже осведомлён весьма неплохо... — процедила она в ответ.

На бледной коже запястий проступали багровые пятна, медленно наливаясь кровью. Агмарилловые ожоги... Я успел заметить такой на её правой ладони — форма пятна повторяла узкую рукоять жреческого ритуального стилета... Нетрудно было представить, чего стоила ведьме попытка использовать против Брата Витина его же оружие. Нетрудно было понять, что она чувствует сейчас...

Я быстро огляделся по сторонам. Выдернул из груды одежды на соседней лежанке кусок ткани, напоминающий широкий шейный платок, скрутил его в жгут.

— Руки!

Несколькими движениями прочно связал руки ведьме — вышла неплохая альтернатива верёвке — а агмарилловую цепь, свернув кольцом, прикрепил к своему поясу.

— Зря ты... — недоговорив, Дейарис поморщился. — Она бы тебя не пожалела...

— Жалость ни при чём. — Я знаком велел остроухой встать. — Болевой шок способен надолго вывести её из строя, а сейчас это лишнее. Пока она нужна мне живой и при памяти. Дальше — посмотрим...

* * *

Увы, осмотр ведьмино дома принёс гораздо меньше результатов, чем я ожидал.

Те самые «весьма интересные» вещи, которые гордо продемонстрировал мне Брат Дейарис, на деле оказались ничем иным, как скопищем старой рухляди, отдельные предметы из которой могли иметь сомнительную принадлежность к колдовству...

Ни для кого давно уже не являлось секретом, что знахарки-травницы втихую используют в своём деле чары. Слабенькую магию предметно-амулетной природы, помогающую высвободить целебные свойства растений, усиливающую действие эликсиров и порошков. Неуклюжий поиск, кое-какие заговоры-наговоры, очень приблизительные попытки проричать... Орден всегда смотрел на знахарство сквозь пальцы — лекарей и магов на все деревни не хватало, посему пользы от травников было больше, чем вреда. Тем паче, что подобные чары просто не способны были вызвать губительные последствия. Другое дело — магия Отвращённых...

Став Карателем, я немало времени провёл в имперском Приграничье, выслеживая Отвращённых и обезвреживая их. По-настоящему серьёзная волшба всегда опиралась на хорошую подготовку и на силу колдуна... Здешняя же «обитель зла» была самым заурядным

жилищем знахарки, ничем не отличаясь от сотен таких же, разбросанных по всем деревням Империи. Из всего, что могло иметь значение, выделялась только книга — её я на всякий случай прихватил с собой. И то сказать, я вовсе не был уверен, что она на самом деле попала к эльфе от полуграмотной старухи, долгие годы хранившей её в «закромах» — в чём так усердно пытался убедить меня Брат Дейарис...

Младший Жрец неотступно следовал за мной, обращая моё внимание на кажущиеся ему столь важными детали, и успел порядком меня достать... Колдунья, присев, как я велел, на лавку у печки, презрительно молчала. В конце концов, я, велев Светлому не спускать с ведьмы глаз, поднялся на чердак по стоящей здесь же в комнате приставной лестнице.

Я вовсе не был уверен, что найду здесь что-нибудь необычное — тем более что Кольца, активированные на поиск следов магии и тайников, молчали. Так и вышло. Побродив среди разложенных и развешанных повсюду охапок сушёных трав, цветков и плодов, гор ветоши и всяческой хозяйственной утвари, зачастую покрытой вековым слоем пыли, я уже собрался спускаться назад, когда в углу у самой лестницы моё внимание привлёк странный предмет...

Я не отличил бы его от пучка травы — не блесни он серебром, поймав луч из окошка. Наклонившись, я протянул руку, подбирая с пола лохматый клочок серебристых нитей, перевязанный посередине кусочком тесьмы. Магии в нём не было — Кольца не реагировали. Солнечный свет огоньком вспыхнул на его поверхности и тут же погас, разбежавшись по нитям серебряными змейками...

Странный пучок показался мне смутно знакомым... Где-то я уже видел такой, только вот не мог вспомнить где.

В это время из горницы донеслись приглушённые голоса... Я сунул находку в карман и полез вниз.

Короткую фразу, брошенную эльфой, мне расслышать не удалось. А вот ответ Брата Дейариса достиг моих ушей почти полностью.

— ... И кто же будет тебя слушать? Меч Тьмы? — голос псоглавца неуловимо преобразился, заставив меня замереть на ступеньке.

Куда и делась простота интонаций, нерешительные паузы между словами, заминки... Язвительно-насмешливый, незнакомый мне тон звучал почти ласково и вместе с тем очень опасно:

— Ты ведь умная... ведьма, Шаэриэнн. Постарайся не усугублять свою участь. Может, тебе и посчастливится быстро умереть — так, как ты хочешь... Ты ведь не жаждешь обратно в каземат... а, Отвращённая?

Ветхая лестница всё же предательски скрипнула под моей ногой, и разговор тут же прервался.

— Ну, как успехи, Брат? — когда я вошёл в комнату, Дейарис невозмутимо поднял голову от стоящего у стены сундука. Его содержимое, казалось, целиком поглотило всё внимание Младшего Жреца. — Нашёл что-нибудь важное?

— Да так... Кое-что.

Я бросил косой взгляд на эльфу. Остроухая комочком сжалась на лавке, уткнув лицо в колени.

А Светлый времени не терял... Если не сломлена... то нокаутирована. И весьма крепко.

— Ты ещё не видел поляны, — напомнил мне Жрец. — Я готов провести...

— Нет. — Я покачал головой. — Думаю, вначале вернёмся в деревню. Есть кое-какие

мысли, хотелось бы их проверить...

— Ладно. Заодно пообедаем! — проявил радушие Брат Дейарис.

Я неопределённо кивнул, хотя голова моя была занята иным.

... Мы шагали назад по неширокой тропинке, сплошь усеянной сугробами, словно сыр — дырками, стараясь выбирать те из них, что помельче. Я внимательно следил за бредущей впереди эльфой, краем уха слушая псоглавца, который заливался соловьём, явно задавшись целью скрасить гостью дорогу. Причём говорил он вроде бы по делу, но в то же время совершенно пустое — о том, как непросто быть Церкви в глухом посёлке, сетовал, что проглядели Отвращённую у себя под боком, жаловался на постоянный риск и сложности с вызовом подмоги...

— Брат Дейарис, — прервал я велеречия Светлого. — А для чего Брат Витин оделся в парадное?

— Что... ? — Младший Жрец непонимающе уставился на меня.

— Там, на площади у бани... — напомнил я. — На нём были парадные одежды. Но ведь они надеваются лишь в особых случаях... На торжественное служение, или большой праздник. Разве сегодня такой день?

— А-а, ты об этом... — протянул псоглавец. — Нет, Брат Альтар. День сегодня самый обычный, никаких праздников нет. Всё гораздо проще... Утром, когда мы ходили в эту избёнку, Брат Витин... очень усердно искал доказательства ведьминой вины. В том числе за печью, в дымоходе... и даже в отхожем месте. — Дейарис, не сдержавшись, фыркнул, однако постарался сохранить серьёзное выражение лица. — ... При этом он сильно испачкал одежды в пыли и саже. Посуди сам, разве он мог отправиться к людям в таком непотребном виде? Ему пришлось спешно переодеться, а под рукой из священных одеяний оставался только парадный комплект. Не совсем по канону, зато прилично. Понимаешь?

— Да. Понимаю... — Что ж, сыграем по твоим правилам, Светлый Брат... — Как он кстати? После всего, что произошло...

— Неважно, ох, неважно... — с готовностью зацокал языком Младший Жрец. — Переволновался очень. Я дал ему макового отвара и уложил отсыпаться прямо в Церкви на лавке... Не нужно ему было и дальше видеть эту паршивку, сам понимаешь...

Я изображал сочувствующее внимание, кивая головой в нужных местах. Нынешнее состояние Брата Витина занимало меня сейчас меньше всего.

Теперь я точно знал — был в этом уверен: Светлые Братья нарочно, целенаправленно подстрекали людей убить эльфийку. И спешили сделать это как можно скорее.

Я незаметно сжал в ладони маленький пучок серебристых нитей, перевязанный тесьмой.

... Кисточка от парадного жреческого кушака. Сам кушак с оторванным краем валялся на лежанке Брата Витина, брошенный в спешке — там же, где и не понадобившееся ему в этот раз белое одеяние. Старший Жрец приходил в избушку колдуньи в парадных одеждах! Именно потому, что этот случай и был особый...

Жрецы захватили с собой селян... Представление определённо было рассчитано на них. И наверняка переливающееся одеяние Несущего Свет играло в нём свою весомую роль. Поиск и выявление многочисленных «колдовских предметов» — для неискушённых умов вполне хватило бы грамотно поданного содержимого ведовского сундука, гневное разоблачение делишек «богомерзкой Отвращённой»... Чем не торжественная проповедь?! Не сомневаюсь, что заставить присутствующих детей Света воспылать «праведным» гневом

пастырю удалось без особого труда...

А кисточку он, вероятно, оборвал, зацепившись о щербатую лестницу — вряд ли грузный и пожилой Старший Жрец был достаточно ловким верхолазом. И, вернувшись в Церковь, перед тем, как спешить на площадь продолжать «напутствовать» собирающуюся толпу, поторопился заменить кушак на простой белый — тот, что обычно носит каждый день.

Маленькая, несущественная деталь. Но как много она объясняет...

Пока я не понимал только одного — какую игру ведут Светлые Братья? Почему они так торопились убить колдунью? Отвращённая, конечно, тоже далеко не проста — чего стоит один только её побег с рудников... Но чем дальше я вникал в то, что здесь творится, тем больше убеждался, что роль колдуньи в происходящем совсем не главная. Хотя Жрецы, и прежде всего — псоглавец, из шкуры выпрыгивали, пытаюсь уверить меня в этом.

Нашли «крайнюю», на которую проще списать всю магическую круговерть? Успокоить народ, да и себя заодно, потому что не знают, что на самом деле происходит?

Или же, наоборот... потому, что знают??

Всю дорогу я внимательно смотрел по сторонам, готовый отразить возможную опасность, но нам не встретилось ни души. Деревенская Церковь смотрелась островком тишины и спокойствия. Белоснежная крыша то там, то сям вспыхивала яркими звёздочками, а солнце на шпиле искрилось и сверкало, как самое настоящее... Младший Жрец уверенно направился к крыльцу.

— Ну что, Брат Альтар? Разносолов не обещаю, но кулеш и тушёные бобы имеются... Так я собираю на стол?

Я покачал головой.

— Нет, Брат. Позже...

— Позже? — переспросил Младший Жрец.

Я заметил, как недовольно дёрнулась его бровь.

— Пойди лучше проверь, как себя чувствует Брат Витин. Тем более, его нельзя надолго оставлять одного в таком состоянии... А мы, — я скосил взгляд на ведьму, — прогуляемся ещё чуток...

— Но... ты ничего здесь не знаешь, — узкие чёрные глаза псоглавца недобро сверкнули. — Я провожу тебя куда угодно, только скажи, куда...

— Не нужно. Я недалеко. И ненадолго... Идём! — велел я остроухой.

Подхватил её под локоть, заставляя идти быстрее. Брат Дейарис остался стоять на крыльце. Я чувствовал, как его взгляд буравит мою спину, но следом за мной он пойти всё же не решился.

Таща эльфу за собой, я уверенно направился в деревню. Но, повернув за угол ближайшего дома, скрывшего нас от Младшего Жреца, резко остановился.

— Куда мы идём? — внезапно подала голос колдунья.

Я повернулся к ней:

— Ты — никуда.

Её глаза на мгновение расширились, но я уже коснулся пальцами её шеи у правого уха, безошибочно отыскав нужные точки... Что и говорить, после всего случившегося тащить остроухую в деревню было бы крайне неразумно, а у меня там оставались дела...

Подхватив лишившуюся сознания колдунью на руки, я, заложив крюк вдоль ближайших домов, вышел к Церкви с другой стороны, незаметно подобравшись к сараю. Убедившись,

что дверь постройки не просматривается из единственного окна, выходящего на эту сторону, и на закатном крыльце Церкви никого нет, я сдвинул щеколду и зашёл внутрь.

Обрадованный Рио приветствовал меня фырканием и нетерпеливым храпом.

— Тише, парень! — шепнул я, опуская бесчувственную ведьму на солому у его ног.

Любопытная морда тут же потянулась к ней, обнюхала, шумно вдыхая воздух.

— Нужна твоя помощь... — я внимательно посмотрел в чёрные конские глаза. —

Постереги её, ладно?

Рио прижал уши, копнул подстилку копытом и тоненько заржал.

— Спасибо, — я хлопнул его по шее. — Знаю, ты не подведёшь...

Тем не менее, напоследок нужно было перестраховаться. Порывшись в своём вещевом мешке, который стоял здесь же, в сарае, я извлёк тряпицу, в которой хранил Печати Славы. Достал одну из них, похожую на испещрённую бороздками половинку ядра беличьего ореха, и, выйдя во двор, закрепил её на массивной щеколде, прежде тщательно затворив за собой дверь.

Отдав кольцу Приказ, я задержал дыхание и легонько коснулся камнем морщинистой поверхности Печати. Миг — и она исчезла... Перед глазами мелькнула лёгкая алая вспышка, и бесплотный голос в голове произнёс привычные слова:

«Имя?»

«Аласдайт Таргос ар Кэррайн» — произнёс я, едва шевельнув губами.

Терпеть не могу своё полное имя... Но формула Печати настроена на имя рода и просто не сработает иначе...

«Кто войдёт?»

«Только я».

«Кто выйдет?»

«Никто».

«Как долго?»

«Пока я не прикажу».

Печать умолкла, принимая информацию. Мне показалось — чуть дольше, чем обычно... Но не успел я напрячься, как голос послышался вновь:

«Будет, как ты скажешь».

Снова вспышка перед глазами — и незримая связь с Печатью прервалась.

Я перевёл дыхание. Получилось... Теперь без моего прямого разрешения мышь не прошмыгнёт в сарай. И из сарая, на всякий случай, тоже, хотя я был уверен в том, что ведьма придёт в себя не раньше, чем через пару часов.

Сам я рассчитывал управиться вдвое быстрее.

* * *

Разыскать искалеченных чудовищем охотников мне не составило труда. Пряча перепуганные глаза, мне быстро указали на три интересующих меня дома. Один раненый всё ещё оставался без сознания, и поговорить мне удалось только с двумя. И то, беседа заняла совсем немного времени — к сожалению, прежде всего потому, что рассказать охотники смогли мало...

Чудовище определённо застало их врасплох, напав именно тогда, когда этого меньше

всего ожидали. Атаковало молниеносно, наповал убив тех, на кого пришёлся основной удар, и расшвыряв по сторонам остальных, троим из которых посчастливилось выжить. После чего так же стремительно исчезло в лесу...

Описания твари охотники давали путаные, обрывочные — и то понятно, вряд ли им в тот момент было до того, чтобы разглядывать её во все глаза. Их слова заставили меня призадуматься — ни на одну знакомую мне нежить это существо не походило... Тем не менее, кое-что прояснить удалось.

Тварь была большой. Очень большой, размером даже превосходя того самого пещерного медведя, за которого её принимали вначале. Даже, если принять во внимание, что «у страха глаза велики» и охваченные ужасом охотники могли преувеличить истинный размер существа, уже одно то, что оно с лёгкостью разделалось с семерыми мужчинами, имеющими оружие и подготовку, прямо подтверждало их слова.

Судя по всему, она обладала исключительно прочной шкурой или панцирем. Одному из охотников удалось почти в упор рубануть её тяжёлым медвежьим мечом. Однако оружие лишь соскользнуло вбок, не причинив существу заметного вреда, а вот раненый клялся, что в момент удара ему почудилось, что он ударил клинком ствол вековой сосны...

Все раны, нанесённые монстром, были рваные, что говорило о наличии у него острых клыков и когтей. Причём лап, судя по тому, что утверждали охотники, было явно больше четырёх — как минимум шесть... Двигалось существо при этом порывисто, быстро, исключительно ловко, обладало острым чутьём и способностью нападать из засады — люди так и не смогли понять, откуда именно внезапно выскочила тварь.

Меня также очень интересовало, не было ли в ранах яда, ожогов или следов воздействия кислоты. Когда я спросил об этом у пожилой женщины, которая руководила оказанием пострадавшим помощи, она задумалась, но в конце концов отрицательно покачала головой:

— Да нет... Не было вроде такого...

— Так «вроде» или «не было»?

— Вроде... не было. Не знаю я, Брат... А ты у эльфы про то спроси. Чай жива ещё эльфа-то? Она точно скажет...

— Эльфа? — я прищурился. — Так она их лечила?

— Ну да. Она ж знахарка, куда ж без неё-то... — бабка пожевала губами. — По-своему, по-ведовски лечила... Травками-порошками да наговорами всякими... Одному вот велела даже Звезду нательную да амулеты охотничьи посымать... а то, говорит, помрёт он. Как пить дать, помрёт... Брат Витин тогда проклянул её привселюдно... да что ей, нелюди — как с гуся вода...

— И как тот раненый? — я внимательно взглянул на старуху. — Помер?

— Та нет... Лежит, без памяти... — она отвела глаза. — Но плох, плох совсем. Помрёт, наверное...

Я не поленился, навестил того охотника. Его жена — статная светлокосая женщина с усталыми заплаканными глазами — проводила меня в горницу, где на полати у печи, накрытый несколькими одеялами, лежал раненый. Поначалу она держалась очень настороженно, отстранённо, на мои вопросы отвечала скупой, нервно теребя в руках платок, но потом немного разговорилась.

— Больше всех ему досталось... — всхлинула она. — Когда принесли его в деревню, думали — не жилец... Но, хвала Ярошу Пресветлому... Держится, держится Варда мой Жар уже спал почти... а нынче ночью... Нынче ночью даже в себя пришёл! Попить

спросил, и снова... Но ведь, видят Боги-Братья, было это!... И ещё... будет... Эльфе за то спасибо... — отвернувшись, тихо добавила она.

— Эльфе? — с деланным удивлением переспросил я. — Ведьме, что ль, вашей? Отвращённой?

Словно обжёгшись моими словами, жена охотника вдруг вздрогнула, отшатнувшись от меня.

— А и ведьме! — резко бросила она, с вызовом сверкнув глазами. — Ведьме, колдунье — мне всё равно! Да только мужа она мне спасла, вот как, Тёмный Брат! И меня можете спалить за такие слова, да только каб не она, не эльфа — не было б уже Варды...

— Тише, тише, матушка!... — Перепуганный молодой парень подбежал к женщине, обнял за плечи. — Что ты такое говоришь?! Прости её, Тёмный Брат... не в себе она малость, когда с отцом такое несчастье случилось...

— Я-то, может, и не в себе, — женщина упрямо оттолкнула от себя руки сына. — Да только пусть Тёмный Брат тоже знает — эльфа Варду спасла! Эльфа!... Вот! — она кинулась к печке, схватила с полки какой-то свёрток и сунула его мне. — Гляди! Здесь травы, что она дала, рану промывать да мужа поить... Звезду велела снять, да всё колдовское подальше спрятать — я всё сделала, в точности... Брат Витин приходил мужа смотреть, ругался на элфу сильно, велел забыть всё, что она сказала... Но я не послушала! — она упрямо поджала губы. — И потому муж мой сейчас жив...

— Матушка!... — взмолился парень, с ужасом косясь на меня. — Прекрати так говорить! На всё воля Света и Тьмы... Яроша Премудрого и Т-таргоса Справедливого!... Они... помогают отцу! А эльфа — ведьма и чернокнижница! Я сам видел, как она колдовскую книгу листала — заклятие готовила! Сам видел!!! Когда б мы с парнями не подоспели, одной Тени ведомо, что б она ещё натворила!... Жаль, что её не спалили!

— Щенок! — Мать вскочила с места, отвесив сыну звонкую оплеуху. — Да она и тебя, полудурка, сколько раз врачевала... и малого вот недавно от застуды спасла... И вообще никому в деревне не отказала... А вы!!! Недоумки! Со своим костром...

— А тварь? — взвизгнул парень, по-детски вжав голову в плечи.

— Сама откуда-то появилась! А эльфа, может, свои дела решала!... — женщина снова размахнулась, но я вмешался, перехватив её руку, тем самым остановив экзекуцию.

— Стой, стой, дочерь Света! Убьёшь ведь сына!... А ты молчи!!! — рявкнул я парню, упрямо раскрывшему было рот. — Со мной пойдёшь. Покажешь, где искать ту поляну...

— Тёмный Брат!!! — заломив руки, запричитала хозяйка дома. — Прошу тебя... Помилуй его, неразумного! Вчера посчастливилось дураку на гибель не нарваться... а сегодня за слова его глупые, чует моё сердце, быть беде...

— Не плачь, — я аккуратно провёл её к лавке, усадил. — До околицы меня проводит и вернётся. Дальше я сам. На словах пусть только расскажет, как найти...

Женщина энергично закивала мне и принялась неистово благодарить... Я поторопился уйти, бросив кинувшемуся собираться молодому человеку:

— Жду тебя у церкви.

* * *

Возвращаясь к сараю, в котором оставил эльфийку, я понял, что принял меры

предосторожности не зря. Брат Дейарис собственной персоной встречал меня у запертой двери.

— Ты всё-таки оставил её одну... — нарушил молчание Светлый.

Я покачал головой.

— Она не одна.

Жрец окинул взглядом дверь, еле заметно светящуюся алым.

— Печать Славы?

— Да. — Я хмыкнул. — И, судя по всему, войти пытались...

— Пытались. За дровами для печки, — Псоглавец поднял голову и в упор посмотрел на меня. — Не доверяешь?

Я ответил таким же взглядом:

— Просто делаю свою работу.

— Не доверяешь... — медленно протянул Дейарис. — А зря, Брат Альтар. Зря... Мь ведь с тобой на одной стороне. Ярош и Таргос, Небесные Братья, всегда плечом к плечу... Против Безымянного. Свет всегда поможет Тьме...

— Спасибо, Брат. — Я наклонил голову. — Как только мне потребуется твоя помощь, я обращусь.

И заступил на бревенчатый порожек, недвусмысленно заставляя Жреца посторониться.

Под пристальным взглядом Дейариса я деактивировал Печать и вошёл в сарай.

... Рио, басовито фыркая, то и дело норовил ткнуться носом мне в плечо, когда я доставал из мешка и седельных вьюков необходимую мне экипировку. Потом я привёл в чувство колдунью — она тоже была мне нужна. И вместе с ней вышел в церковный дворик, где в ожидании меня уже оглядывался по сторонам молодой охотник.

Брата Дейариса уже не было.

Путь до поляны парнишка описал подробно, не скупясь на детали. На околице я отпустил его домой, держа слово, данное его матери. Кивнул эльфе на дорогу — иди, мол, вперёд, я следом...

— Тёмный Брат... — внезапно позвал меня робкий тоненький голосок.

В тени ближайшего забора пряталась девушка — маленькая, большеглазая. Старый латаный кожух с чужого плеча, причём явно с мужского, и такие же безразмерные валенки забавно смотрелись на худощавой фигурке, делая её чем-то похожей на ожившего Снежного Деда, каким его обычно лепят ребятишки. Девушка вся дрожала, причём явно не от холода, а когда я обернулся к ней, и вовсе прынула назад перепуганной ланью — но в глазах кроме страха сверкала ещё какая-то странная решимость.

— Что случилось, сестрёнка? — слово вырвалось внезапно, и я сам себе удивился — таким тоном я не разговаривал ни с кем, кроме Рио...

Девчонка сжала кулачки, собираясь с духом, и выпалила:

— Пожалуйста... Пощадите Шэрин!

— Кого? — я в недоумении поднял брови.

— Шэрин... — девушка кивнула в сторону... остроухой колдуньи. — Она... Не могла она... Она добрая, хорошая! Она не виновата...

Я не выдержал — рассмеялся, громко, от души. Зрелище, видимо, вышло впечатляющее, ибо несчастная «защитница», тут же растеряв остатки храбрости, со всех ног кинулась прочь, увязая валенками в сугробах...

Я перевёл взгляд на эльфу, мрачно разглядывающую снег у себя под ногами.

— Надо же!... Сколько у тебя, однако, защитников отыскалось... Вначале жена того охотника, что ты лечила, так яростно за тебя вступилась... Едва сына своего не прибила за то, что ведьмой тебя назвал, клялась, что ты невиновна... Теперь эта вот пичужка. Эдак, глядишь, полдеревни на твою защиту встанет... А костёр у бани жгли — так, для сугреву, наверное...

Эльфа, разумеется, гордо промолчала — ничего другого я от неё и не ожидал.

— Ладно, — я поднял глаза на солнце, готовое скатиться за верхушки деревьев. — Идём, ведьма... или кто ты там ни есть. Дело к ночи, а нам ещё много чего предстоит...

* * *

Что и говорить, «плюнул» Безымянный в этом месте вдохновенно, не скупясь... Достаточно было беглого взгляда на мёртвую поляну, чтобы понять, что, без сомнения, мы пришли туда, куда нужно. Такие магические «ненормальности» встречались мне не раз в тех местах, где приходилось иметь дело с Отвращёнными, что якшались с нежитью...

Призыв или, более того, сотворение разного рода колдовской дряни, протаскивание в лунно-солнечный Мир исчадий Тени, как правило, не проходило бесследно. Там, где проводился ритуал, обычно оставались грубые «шрамы» в виде подобных «плевков». В самом месте «плевка» не действовала магия — но мне это мало чем могло помешать. Не будучи магом, я больше полагался на глаза, уши и интуицию, чем на амулеты и готовые заклятья, упрятанные в артефакты. А вот различных зацепок вокруг всегда находилось множество, давая возможность быстро и верно определить, с какой именно тварью предстоит столкнуться, а также каким способом ей помочь появиться.

И на этот раз, обшаривая поляну и окрестности, я был уверен, что следы найдутся без труда. Но... чем больше я искал, тем сильнее переставал вообще что-либо понимать.

Место явления твари... Где же оно?! Где обломанные или обгоревшие кусты и деревья, раскрошенные камни, протаявший снег, изрытая земля — хоть что-то, говорящее о том, что именно здесь с боем и болью «прорывалась» в Мир крупная агрессивная сущность, отторгаемая каждой клеточкой существующего мироздания уже лишь потому, что абсолютно чуждая ему?...

А останки ограничивающей фигуры в месте призыва? Без этой «магической клетки» беснующаяся от боли и силой выдернутая из привычной среды обитания тварь прежде всего в ключья разорвала бы призвавшего... Приведение магом твари к покорности отнимало время и силы. Фигуру после этого никогда не удалось бы «зачистить» бесследно. Всегда оставались фрагменты — вросшие, деформировавшиеся, намертво вплавившиеся в землю и камни, хранящие отпечатки клыков, когтей, жал, жвал, щупалец... Следы яда, пламени, тлена, гнили, кислоты... Следы яростных бесплодных попыток вырваться из плена прежде, чем ненавистная магия сломит, отнимет остатки воли, навяжет чужой приказ... Эти следы, они должны были непременно быть!

Но их не было! Нигде не было!

И потом, самое основное — алтарь... По всем канонам, его место было где-то рядом, однако за пределами «плевка»... Мёртвую зону создавала именно магическая «отдача» ритуала, «бьющая», как правило, в сторону, противоположную направлению основного заклятья. Но, по всем признакам, алтарём здесь послужил большой камень, расположенный

в самом центре погибшей поляны! И для того чтобы «плевком» накрыло именно это место, чародей не мог действовать иначе, кроме как... Я влез на камень и, мгновенье подумав... воздел руки над головой.

Да! Только так, и никак по другому!...

Но... но это же совершеннейшая нелепица! Более того — рискнувшего сотворить подобное убило бы на месте ещё до появления твари — чудовищная сила отдачи стёрла бы его в порошок! И следов этого я тоже не обнаружил.

Что это?...

— Безымянный!... — выдохнул я, глядя в безоблачно-голубое небо. — Кого же и как, во имя Тени, здесь призывали?!

— Никого.

Словно очнувшись, я во все глаза уставился на сидящую под одним из деревьев эльфийку. Так увлёкся, что едва не забыл, что притащил её сюда именно затем, чтобы расспросить... а то и допросить... на месте. Однако совершенно не ожидал, что она заговорит первой...

— Никого? — переспросил я хриплым от волнения голосом.

Остроухая замолчала, но потом всё же качнула растрёпанной головой.

— Это не заклятье Призыва...

— Нет?? — я соскочил с камня, резко остановившись в шаге от эльфийки. — Тогда что же?!

— Я откуда знаю... — колдунья по-прежнему глядела на носки своих сапог. — Но нежить здесь не призывали, это уж точно...

— А как же «Плевок Безымянного»? — Я обвёл поляну рукой. — И тварь, что напала на людей? Между ними не может не быть связи!...

— Она есть, — эльфа наконец подняла ко мне лицо. — Но не там, где ты думаешь...

— Что ты знаешь?

Я рывком опустился на снег, в упор глядя в зелёные раскосые глаза.

— Мало, — ответила колдунья с видимой неохотой. — Только догадки... А тебе есть до них дело? — остро взглянула она на меня. — Мало ли, что там наплетёт Отвращённая «эльфа», чья вина настолько очевидна, что не стоит и стараться доказывать?...

— Если б я так думал, — скрипнул я зубами, гася раздражение, — уже давно говорил бы с тобой иначе.

— Если б ты так думал, — презрительно процедила колдунья в ответ, — я бы вообще с тобой не говорила, Чёрный Пёс... Но сейчас ты единственный, у кого есть меч и возможность... что-то действительно сделать. А тварь на самом деле опасна, и никуда сама по себе не денется — продолжит убивать...

— Что за тварь? — я подался вперёд. — Ты видела её?

— Нет, — отвернулась эльфа. — Только странные следы. Слишком странные... В первый раз — в ночь после похорон первой жертвы. — Она помолчала, собираясь с мыслями. — Я была в дальнем лесу... Думала переночевать в лесной заимке, однако наткнулась там на этих двоих... на Жрецов. Они встрече явно не обрадовались, — эльфа хмыкнула, — однако Дейарис настоял на том, чтобы я осмотрела заимку и сказала им, что почувствую. Заимка оказалась полностью разорена... везде была кровь, пахло смертью и ужасом. Всё как обычно, когда нападает нежить, — колдунья прищурила глаза. — Вот только никаких следов я не увидела. Лишь слабое эхо непонятной мне природы... Ты —

маг? — внезапно спросила она.

Я покачал головой.

— Нет.

— Что ж... — остроухая усмехнулась. — Тогда — поверь на слово. Это выглядело так, словно оставившее эхо заклятье было как нашим, так и вашим одновременно...

— Эльфьим и человечьим? — я прищурился. — Такое возможно?

Колдунья хмыкнула.

— Я считала, что нет... Тем более, что след мне показался... хм-м... древним.

— Старым?

— Нет. Именно древним. Таким, что пахнет «пылью веков» — так, кажется, вы говорите... В общем, я мало что поняла, о чём и сообщила Дейарису. Решила, что речь идёт о нежити, а след... возможно, просто искажён. Тем не менее, присутствие твари в лесу заставляло задуматься и принять меры. Потому... я попыталась узнать, что это за существо, своими путями.

— То есть, колдовством? — уточнил я.

— Было бы недурно, однако...

Эльфа подняла связанные ладони к лицу, шевельнув пальцами:

— Как видишь, кое-что всё-таки мешает.

— Что же тогда?

— Что... Поговорила с Лесом, с некоторыми его жителями, которые могли видеть тварь и рассказать мне о ней. Могли... да не захотели, — язвительно добавила она. — Одни молчали, словно набрали в рот воды. Другие до смерти боялись... Я поняла только то, что существо — не обычная нежить, и Лес отчего-то её защищает, вместо того, чтобы, как положено, тут же выдать с потрохами... Один... друг обмолвился мне, что лес бережёт тварь оттого, что она — его Дитя...

— Как — Дитя?! Нежить — Дитя леса? — изумлённо произнёс я. — Как такое может быть, если нежить — суть Тень, а лес сотворён Тьмой и Светом?

Она ответила мне внимательным взглядом.

— Не совсем так... Нежить — творение магии, Лес — природы. Эти две стихии всё же соприкасаются, но очень зыбко и слабо, и вовсе не в этом вопросе... Впрочем, у нас тут не магический диспут. Смысл ты уловил, как для не-мага, достаточно точно — этого не могло быть... Тем не менее, пока я искала ответы, то, чего быть не могло, напало на группу охотников. Которые, между прочим, пребывая в блаженном неведении, отправились убивать пещерного медведя — хотя ваши Жрецы прекрасно знали, побывав в заимке, что речь ведётся никак не о простом хищнике! Понадобилось ещё четыре смерти, чтобы это знание стало наконец общим... Лес стал опасен, опасен для всех, — колдунья подчеркнула последнее слово. — Меня не интересовало, чем займутся селяне, — глаза её гневно сверкнули, — но я не собиралась сидеть и ждать, пока нечто заглянет на огонёк... Я хотела упредить удар, но для того, чтобы бороться, врага неплохо было бы хотя бы увидеть. Лес отказался выдать мне его. Но кое-кто из настоящих Лесных Детей... по старой дружбе, — она вдруг горько усмехнулась, — всё-таки провёл меня к этой самой поляне... Внимательно осмотрев её, я нашла алтарь... тот камень, на котором ты только что выплясывал. Если бы прежде, чем карабкаться вверх, ты внимательно осмотрел его, то, возможно, сообразил бы, что магу куда удобнее было стоять подле него, а не балансировать на скользкой узкой верхушке...

Вот мерзавка!... Я выдохнул сквозь сжатые зубы:

— Послушай... не зли меня.

— И не начинала, — флегматично откликнулась ведьма. — На поверхности камня были следы крови. Можешь посмотреть...

Смерив её красноречивым взглядом, я вернулся к алтарю, наклонился. И вправду, местами на светло-серой плите просматривались небольшие буроватые пятна.

Я на мгновение задумался, потом потянул из крепления на рукаве лёгкий метательный нож. Эльфа молча, но очень внимательно следила за тем, как я соскребаю с одного из пятен немного субстанции, затем выхожу за пределы кольца, очерченного «плевком», и отдаю агмарилловому перстню Приказ.

Алый луч легонько прошёлся по испачканному лезвию, ярко сверкнул, отразившись от ребра, развернулся в объёмное изображение... Через мгновение передо мной и эльфой в воздухе зависла беспокойно кудахчущая хохлатая наседка. Кровь оказалась куриной.

— М-да... — если честно, я был немного разочарован. Портрет самого колдуна пришёлся бы более кстати...

А вот остроухая колдунья, похоже, серьёзно задумалась. Даже закусил губу. Я исподлобья наблюдал за ней, но молчал.

— Варфариан, — проговорила она наконец. — Когда я, как и ты сейчас, пыталась соскрести с камня чуть-чуть крови, мне в руки упал осколок, лежавший там под снегом... Он был от жертвенного ножа... Теплокровное существо, убитое на алтаре в ходе ритуала, в тот самый момент, когда маг должен своей кровью закрепить действие заклятья... «Обманка», направленная на то, чтобы отвести от чародея опасность возможных побочных эффектов его волшбы.

— Не понимаю... — я в недоумении возрился на колдунью. — Разве способна кровь... курицы заменить собственную кровь творящего заклятье мага? И ритуал не почувствует разницы?! Быть не может... Это бессмысленно!

— Бессмысленно? — медленно повторила эльфа. — Да... Кроме одного случая, когда собственная кровь мага и так уже участвует в ритуале. Когда заклятье мага направлено на него самого... Если заклинатель и заклинаемый — одно и то же лицо, вероятность сбоя и возникновения побочных возрастает в десятки раз. Здесь и приходит на выручку «обманка» — чужая кровь, не важно чья, лишь бы тёплая. Но и она не гарантирует успех... Потому так сложно бывает даже самому сильному чародею исцелить самого себя. Прорицать самому себе. Магическим способом усилить свои способности...

— О чём ты?! — я почувствовал себя гончей, вставшей на след... Неужели колдунья что-то поняла?!

Вместо ответа эльфийка тяжело поднялась со снега и, пошатываясь, направилась ко мне.

— Где «Thaebrad Nie'ss...»? ?

— Что??

— «Чёрное Безмолвие...». Книга... Та книга, что ты забрал у Дейариса. Где она?

— Здесь.

Я вытащил фолиант из-под плаща. Протянул эльфе. Та неловко подхватила его связанными руками, уронила в снег, рухнула рядом на колени... Я мгновение колебался, потом дёрнул из-за пояса кинжал.

— Руки дай!

Она недоумённо подняла глаза, не прекращая неловких попыток раскрыть книгу. Тогда я сам потянул за путы, связывающие её запястья. Полоснул лезвием жгут из платка — и обрывки самодельной верёвки упали на землю. Эльфа не произнесла ни звука, лишь на мгновение прикрыла глаза. Скрывался за этим страх или блаженство — я так и не понял...

— Эту книгу я тоже нашла здесь, — заговорила колдунья. — Она была спрятана на поляне... Тот, кто сделал это, по-видимому, опасался держать её у себя... я начинаю понимать, почему.

— Это эльфья книга, — я посмотрел на колдунью.

— Да, — согласно кивнула она. — Это магия Росса, очень древняя и сильная... В руках знающих — поистине бесценный Дар. Тот, кто пользовался ею в этот раз — знающий наполовину...

— Как это?

— Так... Он сумел разобраться в написанном, но не смог воспользоваться ни одним заклятием. Книга писана дедами и отцами Росса для их детей и внуков. А этот... этот маг... не из нашего народа. Однако он, по-видимому, не оставлял мысли поставить книгу себе на службу — и, наконец, нашёл такую, как ему показалось, возможность...

— Откуда ты это знаешь? — не выдержав, я накрыл ладонью шелестящие страницы, заставив эльфу оторваться наконец от тома и посмотреть на меня.

— Внутри я нашла листок, написанный от руки. На нём была формула, отчасти переписанная из этой книги, отчасти дополненная и перекроенная... на человеческий лад! Пусти! — она столкнула с книги мою руку, пролистала ещё пару страниц. — Вот она, эта формула! Смотри...

— И что? Да не томи ты!... — прикрикнул я. Для меня чертёж мало чем отличался от сотен предыдущих. — Что это? Призыв?

— Нет! — торжествующе выпалила колдунья. — Areitanndo Salem Ian Reiavees — «Душа, раскрывающаяся подобно цветку»...

— Безымянный язык сломит в ваших велеречиях! — не сдержавшись, ругнулся я. — Чем, Тень её дери, так важна эта Душа... ?

— Сложно мне не объяснить, а тебе не понять, — эльфа перевела дух — Но если совсем просто — этот ритуал помогает магу полноценнее развить имеющийся потенциал. Если у него зачатки хоть какого-нибудь колдовского дара — заклятие разожжёт из этих искорок яркое пламя, так, что ни единая крупица способностей не пропадёт зазря...

— Эдак у вас каждый первый был бы выдающимся магом, — скептически фыркнул я.

Эльфа поджала губы:

— У нас и так достаточно тех, кто владеет настоящим талантом... Это заклятье само по себе достаточно сложное, требует сложнейшей подготовки — как материальной, так и духовной — и подействует, увы, далеко не на всех. Однако ваш колдун поступил очень даже по-человечьи... Когда... когда ко мне подобрались эти полудурки... — колдунья зло фыркнула, потрянув головой. — ... я как раз разбиралась с этим проклятым листком. Этот... язык не поворачивается назвать его магом... Чародей... Отсёк от формулы весь её смысл, вырубив из неё, словно топором, единственную важную для него составляющую. Способность раздуть до гипертрофированного размера имеющуюся у него способность к магии... вероятно, очень небольшую. Основную часть предметов, используемых в ритуале, он заменил на грубые человечесьи подобию, так же исказил и руны. А источником, на который он опирался, стал агмарилл — осколок варфариана, отразивший в себе его свойства, обжёт

меня, едва я коснулась его голой рукой...

— Агмарилл?! — мне показалось, я ослышался. — Но он... святыня! Лишь Церковь и Орден имеют исключительную привилегию использовать его! Даже Академия Магов не вправе...

Взгляд эльфы полыхнул зелёным пламенем.

— Делай выводы...

Это выглядело нелепой шуткой, в которую совершенно не верилось. Двое заурядных деревенских Жрецов самой низшей ступени Посвящения в глухом лесном посёлке вовсю практикуют Запретную магию — более того, магию эльфью! — на основании таинственной древней книги, истинную ценность которой я даже затруднялся представить.

И тем не менее... Многие теперь становилось на свои места. Странная реакция Светлых на моё появление... Поспешная организация расправы над эльфийкой, а когда не получилось — попытки убедить в её безусловной виновности меня...

... Интересно, остроухая так вовремя попала «на горячем» действительно случайно, или охотников на неё тоже грамотно «навели»? Да нет, всё-таки непохоже... Светлые Братья никак не могли рассчитывать на то, что эльфа объявится на поляне, и уж тем более, точно знать, когда именно. Видимо, просто исключительно удачное для них стечение обстоятельств.

Хотя... Живущая на отшибе в лесу знахарка — и к тому же, эльфа! — очень уж удобная фигура для того, чтобы повесить на неё любые колдовские грехи. Думаю, что если бы этой ночью мальчишки не притащили к Церкви связанную колдунью, её «публичное разоблачение» и казнь были бы делом ближайшей пары дней — всяко до прибытия в селение Меча Тьмы, посланного Цитаделью. Возможно, даже книгу не стали бы «светить», а просто перепрятали понадежнее... Однако я приехал слишком быстро, нарушив все планы, и Братьям пришлось спешно импровизировать, кое-что выпустив из-под контроля...

— Откуда у них книга?... — произнёс я.

— Хотела бы я это знать, — колдунья дёрнула уголок губы. — Но ещё любопытнее, откуда у них знания... Книгу мало было прочесть — заклятье разобрали буквально по крупичкам. Переиначили на нужный лад и собрали вновь. Из подручного, так сказать, материала... И, самое интересное — не побоялись использовать то, что получилось, на себе — не могли же они не понимать, что риск на самом деле огромен!...

Я призадумался.

— По всему видно, что Светлые действуют сообща. Но, несмотря на то, что Брат Витин является Старшим Жрецом, у меня сложилось впечатление, что главный в их паре именно Дейарис...

— Я старалась держаться от них как можно дальше, — хмыкнула эльфийка. — Дейариса я не знаю. Однако Витин глуп и слабохарактерен, это всегда бросалось в глаза. Таким легко управлять...

— Но Дейарис — псоглавец, — заметил я. — А псоглавцы не колдуют.

— Допустим, — согласилась колдунья. — Но что при этом мешает ему владеть теорией?

— А Витин тогда...

— Подопытная крыса, — определённо, сравнение эльфе понравилось. — Или... орудие. А скорее всего — и то, и другое...

— Но для чего?! — непонимающе уставился я на колдунью.

Эльфа усмехнулась:

— Как будто у меня есть ответы на все вопросы... Представь себе, не знаю.

— Просто мысли вслух, — я слегка смутился. Действительно, вцепился в остроухую, словно во Всеведующий Оракул... А ведь она, как и я, лишь строит догадки, хоть они и вправду проливают на многое свет.

Лишь одно оставалось совершенно неясным...

— Ладно! — выдохнул я. — Пусть всё так, и Витин под чутким руководством Дейариса воспользовался переделанным эльфьим заклятьем, чтобы... увеличить магическую силу, верно? Даже предположим, каким-то чудом он умудрился пережить откат, проявившийся в этом месте «плевком»...

— Предположим, — негромко заметила эльфийка.

— ... Но тварь-то где?! — прищурил я глаза. — Кто нападал на охотников, если нежить никто не призывал? Уж не Светлые ли Братья?! Она вообще — есть?...

— А вот тут и начинается самое интересное... — протянула колдунья. — У меня долго не получалось связать одно с другим. А ответ... он всё время лежал на поверхности! Ведь что получается... Маг совершил ритуал. О том говорят следы на алтаре и найденный мною рукописный листок. Достиг ли маг желаемого эффекта или нет — мы не знаем. Однако побочные действия, несомненно, были, — она взглянула на мёртвую поляну. — Вот, Проклятый Лес... Успеваешь?

Я молча кивнул.

— Проклятый Лес образовался вокруг алтаря, — колдунья поднялась с земли и подошла к камню. Я последовал за ней. — Однако здесь нет никаких следов того, что маг в результате погиб или был серьёзно ранен. Более того... — она понизила голос. — ... Если предположить, что магом оказался Брат Витин, — эльфа с презрением фыркнула, — то выглядит и чувствует он себя лучше некуда! Брат Дейарис, к слову, тоже. Стало быть, вообще никаких повреждений ни один из них не получил. Вопрос... Куда же, позвольте узнать, «стукнула» отдача?...

— Ну и куда? — не выдержал я.

— Мимо! — заявила эльфийка. — Возможно, даже не сразу, а с запозданием... И тем не менее, свою цель она нашла. Лес в этом месте умер... Погибли кусты и деревья; возможно, не посчастливилось оказавшимся в миг отката в пределах «кольца» мелкой живности, птицам, насекомым. Но кого-то из них смерть всё же обошла стороной. Лишь зацепила крылом...

— Как это? — я нахмурился. — Почему??

Остроухая колдунья вздохнула, не скрывая грусти.

— Подозреваю, потому, что это несчастное Лесное Дитя ещё не жило в тот момент. А только рождалось...

— И что с ним теперь?

Эльфа передёрнула плечами.

— Не знаю. Страшно представить, что могла сотворить с этим существом магическая «отдача», губельная для всего живого... В любом случае, это будет похлеще Призыва нежити из-за Черты. Рождённый в Смерти, Смертью — смысл его существования лишь в одном: убивать... А самое дикое — то, что для Леса появившийся монстр продолжает оставаться тем, кем должен был родиться. Его чадом, любимым и родным...

— Безымянный!... — Слов явно не хватало. — Эти... отродья Тени!... Они хоть

понимают, что натворили?!

— Догадываются... — эльфа отвернулась. — Во всяком случае, им повезло не столкнуться с ним... Но думаю, что они через время вернулись сюда — не зря же спрятали здесь книгу. Видели, во что превратилась поляна... А когда монстр убил охотника в заимке и его товарищи принесли в посёлок изуродованное тело, вероятно, сразу смекнули, что связь здесь есть... Потому отправились в лес проверить свои подозрения. Хотя опасность явно недооценили. Столкнись они с этим существом нос к носу — вряд ли вернулись бы живыми... Но, видимо, утолив свою ярость, на какое-то время оно утихает, таится, прежде, чем снова отправиться сеять смерть...

Я стиснул зубы, потянул из ножен клинок.

— Я должен его разыскать!

Эльфа хмыкнула.

— Неплохо бы для начала хотя бы понять, что это...

— Ты сможешь это сделать?

Колдунья неопределённо качнула головой:

— Могу попытаться...

— Что тебе для этого нужно?

— Лес. — Она на мгновение посмотрела вдаль. — Живой...

— Ладно... — я не особо представлял, что колдунья собирается делать, но без внимания оставлять остроухую не собирался. — Идём. Веди...

Эльфа внимательно огляделась вокруг, затем уверенно зашагала через поляну к пригорку, густо укрытому кустарником вперемешку с молодой еловой порослью. Перед невысоким деревцем остановилась, мгновение смотрела «в никуда», словно собираясь с мыслями, и наконец решительно развела в сторону разлапистые ветки, готовясь проскользнуть за них.

— Мне что делать? — я напрягся.

Она на мгновение повернула голову:

— Просто... не мешай.

— Далеко собралась? — я прищурил глаза.

Эльфа усмехнулась.

— Не убегу. Не бойся.

— На случай, если решишь меня обмануть... — я поднял вверх руку со светящимся перстнем. — Он всё равно быстрее тебя. Не забывай об этом...

Колдунья молча, без слов рванула на себя ветки и сделала шаг вперёд.

Я по недолгом размышлении остался на месте, наблюдая. Видно мне было эльфу хорошо — впрочем, далеко она действительно не уходила. Просто бродила, от одного деревца к другому, от куста к кусту в странном, одной ей ведомом порядке; то и дело останавливалась, опускалась на колени, касалась ладонями коры... Мне казалось, губы её едва заметно шевелятся, словно она что-то шепчет... а ветви растений тихим шелестом отвечают ей, подрагивая на лёгком ветру.

Не думаю, что прошло много времени... во всяком случае, меня ещё не слишком напрягло ожидание, когда эльфийка удовлетворённо кивнула и, поднявшись во весь рост, быстро пошла мне навстречу.

— Ну? Что? — вырос я у неё на дороге.

Она снова кивнула мне с плохо скрываемым торжеством:

— Есть!... Я узнала у Леса, кто последним родился на этой поляне...

Встречный вопрос так и не успел сорваться у меня с языка. Колдунья резко шагнула ко мне, подняла глаза, перехватывая мой взгляд:

— Смотри...

Я рефлекторно рванулся было в сторону, но тут же заставил себя замереть: интуиция не чувствовала подвоха. Вместо этого пристально взгляделся в зелёную глубину эльфийкиных глаз... и перед моим внутренним взором появился образ.

... Буро-коричневые диковинные стены вокруг, сплошь испещрённые узорами рельефных бороздок... Дерево... изнутри! Старое дерево. Темно и сухо, всё утопает в мягкой тёмной пыли-трухе; уютно и тепло, без малейшего намёка на то, что снаружи лютует мороз... На маленькой капле-жемчужинке, усыпанной зелёными крапинками... яйцо?... дрогнув, лопается мягкая скорлупа и на свет начинает выбираться крошечная личинка, помогая себе множеством лапок и большущим прожорливым ртом... Под плоской «нашлёпкой» на круглой голове сверкнули чёрные бусинки глаз... миг, и образ пропал, утонув во тьме... но что хотел, я понял. И узнал существо.

— Древоточец!... — выдохнул я, в упор глядя на колдунью. — Маленький жучок, живущий под корой...

— Не уверена, что маленький, — в этот раз остроухая была серьёзна. — Помни, ему здорово досталось...

Чудище, описанное охотниками, было крупнее пещерного медведя... И не в пример сильнее, быстрее и опаснее. Я кивнул.

— Я помню. Как найти его, знаешь?

— Теперь знаю... Будешь готов — отведу.

Я отступил на шаг. Быстро проверил оружие, экипировку. Вытащил из ножен меч.

— Я готов. Можем идти.

— Да... — колдунья на мгновение задумалась, словно решая что-то для себя. — Но только... Дай что-нибудь и мне.

— Что?

— Меч, кинжал, нож. Я не привыкла встречать опасность безоружной...

Я хмыкнул — много ли толку с оружия, если не работают пальцы... Но, подумав, снял с пояса лёгкие ножны с кинжалом.

— С какого конца держать, знаешь?

— Угадаю...

Она жадно схватила оружие, на удивление ловким движением прикрепила к опояске своего кожуха.

— Всё. Вот теперь идём...

Мы свернули на едва приметную звериную тропку и углубились в лес. Вокруг уже начинали понемногу стучаться сумерки...

* * *

Не сказать, что я безоговорочно поверил эльфе. Коварство и хитрость остроухих нелюдей вошли в легенды — и я много раз получал возможность увериться в том, что недаром. Однако какой бы козырь ни пыталась утаить в рукаве шагающая впереди меня

колдунья, несомненным было одно: на стороне деревенских Жрецов она быть не могла. Светлые же Братья были замазаны в том, что здесь происходило, уж никак не меньше, чем по самые уши...

А ещё — за нами следили.

Едва мы успели покинуть поляну с алтарём, ощущение чужого внимательного взгляда легонько «мазнуло» по затылку. Раз. Другой... Я напрягся, но эльфа, уловившая то же самое, лишь передёрнула плечами.

— Ведут издали, почти «наощупь». Так почти ничего не понять, кроме, разве что, направления, куда двигаешься. Но и ты ничего не сделаешь. Бесполезно.

— Не тварь? — Я посмотрел на колдунью.

— Нет. Направленное заклятье... Ваше, кстати, заклятье, — подчеркнула она.

— А закрыться не можешь?

— Ага. Ну конечно. Одним пальцем пошевелить... — едко обронила остроухая.

— Ладно!... — я раздражённо тряхнул головой: у Рио, что ли, подхватил дурную привычку?! — С этим — в любом случае, потом. Прежде всего тварь...

Эльфа внимательно взглянула на меня, но промолчала. Запахнула кожух поглубже и, прикинув что-то в уме, уверенно сошла с узкой тропинки прямо в гущу колючих кустов; потопала прямо по нетронутому снежному ковру, оставляя за собой глубокие следы. Я не отстал, при этом стараясь держать в поле зрения как можно больше окружающего нас леса и одновременно следить и за эльфой, и за дорогой.

Ночь нас всё-таки обогнала. Сизые сумерки успели померкнуть и сгуститься, опустившись на верхушки деревьев плотным тёмным плащом. Нам, однако, света вполне хватало — белый снег рассеивал темноту, обращая её в лёгкую серую дымку, практически не затрудняющую видимость, а застывший в небесах лунный серп в сопровождении звёздной свиты успешно справлялся с ролью дополнительного «факела». Кроме того, колдунья, как и все эльфы, видела и слышала ночью не хуже кошки, ориентируясь в лесу, будто в единственной комнатёнке собственной избушки. Я хоть и уступал ей, но ненамного, в особенности после того, как усилил чувства глотком Эликсира Прозрения, заодно сбросившим с моих плеч и груз скопившейся за день усталости.

Мы торопились, однако ведьма при этом очень тщательно, осторожно выбирала куда идти; по пути ещё несколько раз «шептала» с деревьями, зорко оглядывалась вокруг. Я заметил, что она старается держаться под прикрытием крон и ветвей, по возможности обходя кругом открытые места, и при этом внимательно следит за направлением ветра, всякий раз поворачиваясь так, чтобы он дул в лицо.

Под ногами давно уже не было ничего, мало-мальски похожего на дорогу, и чем дальше, тем сложнее и сложнее было продвигаться вперёд. Порой мне даже казалось, что ведьма нарочно петляет по самым труднопроходимым и глухим дебрям, не то издеваясь, не то лелея безумную надежду заморочить мне голову и сбежать... На очередной холм, сплошь заросший молодым ельником, мы поднимались уже практически крадучись, раздвигая колючую поросль руками, и после очередной хлёсткой смолистой «пощёчины» я не выдержал:

— Долго ещё?...

В ответ остроухая лишь злобно шикнула, даже не повернув головы — и внезапно остановилась, резко пригнувшись к самой земле. Ещё чуть-чуть — и я бы налетел на неё, но всё же успел среагировать, застыл без движения у неё за спиной. Скрипнул зубами прежде,

чем выругаться... но тут эльфа медленно, словно боясь разбудить спящее дерево, отвела вбок зависшую перед самыми глазами еловую лапу, потеснилась, освобождая клочок места рядом с собой... Оценив ситуацию, я без слов скользнул на снег, вместе с колдуньей прильнув к импровизированному смотровому «окошку»...

... Пригорок плавно перетекал в подножие невысокой горы. Дальше этого места деревья уже не росли, уступая место камням и выпирающим из-под снега пластам породы. Из нашего укрытия отлично просматривалась широкая голая поляна, на дальнем конце которой лежал огромный бурый лось.

Мёртвый.

Он лежал на боку. Голова, увенчанная ветвистыми рогами, пряталась в тени укрытой снегом массивной каменной глыбы; мощные ноги, словно подломленные, были подтянуты к животу... Отсюда не было видно крови, должно быть, в изобилии заливавшей место гибели лесного гиганта — несомненно, последний бой лося с убившим его хищником был непрост. Впрочем, убийцей сохатого мог быть любой крупный хищный зверь, каких наверняка немало водится в этом лесу...

Я не сразу понял, отчего так пристально, широко распахнув глаза, смотрит на лосиную тушу эльфийка. Мне понадобилось на пару мгновений больше, чем ей, чтобы разглядеть, что мёртвый лось... мелко-мелко дрожит.

Едва уловимым движением колдунья придвинулась ещё ближе. Её дыхание легонько щекотнуло мне ухо.

— Видишь?... — одними губами шепнула она.

И я увидел.

... Каменная глыба, занесённая снегом. Точнее, то, что я вначале принял за неё...

Округлое туловище, изогнутое причудливой дугой над тушей жертвы, казалось сложенным вдвое. Множество толстых грязно-серых колец, словно панцирем укрытых наползающими друг на друга пластинами, маслянисто поблескивали в неровном лунном свете...

Тварь пиновала.

Она сидела к нам спиной, голова была не видна. Хвост, или что там было вместо него, врезался в снег, едва не сливаясь с ним, но присмотревшись, я различил выпирающую из-под панциря ногу, которой она придерживала пожираемую добычу — узловатую, длинную, с острым ребристым когтем на конце. Когтем, чей размер навскидку был на локоть больше моего меча...

Внезапно тварь вскинулась, словно уловив волну чужого внимания. Кольца сомкнулись-разошлись порывистым стремительным движением — и монстр на несколько мгновений утратил очертания глыбы, представ перед нами в своём истинном облике. Ввысь взметнулась круглая голова с уродливым рогатым наростом, вдавленным в череп. Сверкнуло брюхо, подброшенное вверх сразу восемью ногами... Ключья мяса, застрявшие в чудовищных серповидных жвалах, полетели в разные стороны, когда тварь с неожиданным проворством завертелась на месте, вращая во все стороны глазами на тонких длинных стебельках. Нечто наподобие шипастой булавы, венчавшее охвостье туловища, со зловещим металлическим скрежетом прошлось по камню...

Мы замерли в своём укрытии без единого движения, и тварь, не обнаружив рядом ничего подозрительного, вскоре унялась, снова скукожившись над тушей лося, чтобы продолжить трапезу.

Нежить мне приходилось уничтожать, и не раз, но с подобным существом я сталкивался впервые. И, признаться, пока смутно представлял, каким образом возможно с ним справиться.

Рядом со мной шевельнулась эльфийка, легонько задев меня локтем. Её изуродованные пальцы насколько могли удобнее перехватили кинжал.

— Я бы станцевала с ним... — хрипло прошептала она, не отрывая глаз от монстра. — Только так можно заставить его раскрыться... понять его и лишь тогда...

— Окстись!... — выдохнул я, дёргая шнуровку плаща. — Сиди и не высовывайся! А ещё лучше — отползи отсюда подальше!...

Ведьма метнула в меня яростный взгляд, но я, не церемонясь, схватил её за запястье, дёрнул его к лицу:

— Забыла об этом?! Ты не колдуешь, едва держишь меч... Да он сожрёт тебя на закуску и не подавится, едва ты пикнешь так, чтоб он тебя услышал!

Ведьма вырвала руку, явно собираясь выпалить что-нибудь едкое в ответ, но внезапно как-то съёжилась и сникла, осознав мою правоту.

— Ты ведь понятия не имеешь... — буркнула она, — ... как можно его убить!

— Не имею, — я расстегнул кожаный пояс с ножами, сбросил на снег следом за плащом. — Но я разберусь. Не мешай мне...

Эльфа презрительно хмыкнула и снова прильнула к «окошку» в ветвях.

Конечно, она была права — выявить уязвимые места чудовища можно было лишь одним способом — непосредственно в бою. Тварь была сильна, стремительна, превосходно защищена... Её рост вдвое превосходил мой, а весила она не меньше чем два или даже три тех самых пещерных медведя, за какового её принимали вначале. Именно потому я и решил сделать свою ставку на ловкость...

Тяжёлые нарукавники с метательными ножами тоже были бы мне помехой... Мгновенье поколебавшись, я избавился и от куртки — если тварь зацепит меня, та всё равно не спасёт; остался в лёгкой рубахе. Выбрал единственный нож из своего «арсенала», закрепил его ремешком на правом предплечье, на всякий случай. И аккуратно отступив на шаг назад, тронул ветки сосенки, преградившей путь справа.

— Выберись чуть поодаль от него у самой горы, — не оборачиваясь, подала голос эльфийка. — Ветер будет дуть в твою сторону. Выгадаешь несколько мгновений, пока он тебя заметит. К тому же на скальный уступ он не вскарабкается... У тебя будет преимущество.

Я, подумав, кивнул, хоть она на меня и не смотрела.

— Мой плащ... — я помедлил, прежде чем скрыться в ветвях. — Можешь его набросить. Кроме защиты от кой-какой магии он ещё и неплохо маскирует... Если не будешь рыпаться, тварь навряд ли учует тебя. Кроме того, он тёплый...

Эльфа скосила взгляд на чёрно-красный плащ, лежащий на земле, и её передёрнуло от отвращения.

— Ни. За. Что! — произнесла она, чеканя каждое слово.

Я пожал плечами.

— Как хочешь.

И тут же забыл о ней, ныряя в гущу зарослей. Теперь для меня существовало только чудовище, и чтобы схватка с ним закончилась в мою пользу, следовало собраться до предела...

Совет, данный колдуньей, и на этот раз оказался дельным. Мне действительно удалось прокрасться незамеченным почти к самым скалам... Тварь, увлечённая едой, меня не видела. Однако стоило мне выбраться из-за деревьев и сделать шаг по открытому пространству, скрипнувший под ногами снег выдал меня с головой...

Реакция монстра была молниеносной.

Разгруппировавшись в мгновение ока, тварь взвилась в воздух, в прыжке развернулась в мою сторону и ринулась ко мне, быстро-быстро перебирая ногами. Четыре парных «клинки» вспахали снег в том месте, где мгновение назад находился я — но я был готов и в последний миг успел увернуться влево. Прямо передо мной скользнул незащищённый с виду грязно-серый бок... Я не замедлил этим воспользоваться, рубанув мечом со всей силы.

Я метил в сочленение пластин — и попал! — но лезвие меча, глухо звякнув, лишь съехало по хитиновым «чешуйкам»... а следом и я кувыркнулся в снег, подныривая под два убийственных когтя, едва не пригвоздивших меня к земле, словно шпильки — бабочку... Чудовищный хвост пронёсся в пяди над моей головой — теперь я точно видел, что «булава» кроме шипов усыпана ещё и подобием широких заточенных «перьев»; они звучно врезались в камень, просыпав вниз изрядное количество крошки...

Я перекатился по земле, весьма ощутимо приложившись плечом о скрытый под снегом булыжник, и попытался пырнуть тварь в брюхо, о чём тут же едва не пожалел. Меч почти на половину длины клинка с размаху вошёл в нечто склизкое, вязкое, напоминающее невероятно густой студень, и я едва сумел удержать рукоять, рванувшуюся вверх... Тварь «села» на хвост, скукожилась, заноса надо мною все восемь лап... и только странный звук — не то свист, не то вой, раздавшийся внезапно позади, с того пригорка, где я оставил эльфийку — заставил её на мгновение промедлить с ударом. Этого мгновения хватило мне, чтобы рвануться вперёд, чудом ухитрившись вырвать меч из вязкого плена... Восемь лезвий сошлись в единую точку за моей спиной, край одного из когтей полоснул предплечье, серпы жвал глухо щёлкнули над правым ухом, отхватив, кажется, прядь волос — но я уже ускользнул от смерти, и «танец», как метко выразилась колдунья, продолжился на равных...

Увы, все мои последующие попытки нащупать брешь в защите твари оказались такими же неудачными. Мне удалось пару раз ударить в сочленения на ногах, в узкую незащищённую полосу, соединяющую голову с грудью, в борозду между «кольцами» и даже в раскрытую пасть — но толку было мало. Меч скользил, отлетал, пружинил, однако хоть сколь-нибудь весомых повреждений монстру не наносил.

Правда, и твари больше не удавалось меня достать: за это время я успел понять её движения, подладиться под них, чувствуя миг удара и в последний момент уклоняясь в сторону — так, что страшной силы атаки чудовища не достигали цели.

Мы кружили так ещё какое-то время. Тварь казалась неутомимой; я же понимал, что время против меня. Если бой будет продолжаться в таком духе, рано или поздно я совершу ошибку, и тварь этого момента не пропустит. Действовать надо было иначе...

Я улучил мгновение, когда монстр атаковал в очередной раз и, рывком разорвав дистанцию, бросился вправо к большой щербатой скале. Тварь подобного не ожидала, что собственно и дало мне возможность выиграть так необходимый крохотный кусочек времени: нагнав меня в один прыжок, чудовище вцепилось в гранитный уступ в сажени над землёй, на

котором только что стояла моя нога. В бешенстве заскрежетав жвалами, монстр подскочил вверх, насколько хватило сил, потом поднялся, опираясь на хвост, вытянулся во всю длину... Лапы задвигались, заскребли по камню... Но я был уже высоко, упиваясь возможностью перевести дух и заодно придумать, как быть дальше.

Увы, паршивая тварь, оказалось, тоже имела кое-какие мысли на этот счёт. Поднявшись пару раз на хвосте и сообразив, что меня теперь так просто не достать, она не стала продолжать бесплодные попытки, вспомнив, что неподалёку есть более лёгкая добыча...

Голова с уродливой нашлёпкой повернулась назад... Я взвыл сквозь зубы: эльфийкин «отвлекающий манёвр» выдал её с потрохами.

... Безымянный и все его демоны!!!

Тварь оставила в покое камни, развернулась и со всех ног ломанулась в направлении колдуньи ровно в тот момент, когда я, оттолкнувшись, как сумел, от выбоин в скале, давших мне временное убежище, чудовищно неловко хлопнулся прямо ей на холку.

Если б не меч, который крепко застрял между пластинами панциря, я, должно быть, скатился бы сразу. А так... Тварь подскочила на месте, сжалась, изогнулась всем телом, распрямилась в струну — но сбросить меня на землю не смогла. Меня швыряло из стороны в сторону, словно тряпку на ветру, но меч я держал крепко. И всё равно, надолго меня не хватило бы; меч уже начал освобождаться из случайного плена, но перед тем, как упасть под ноги чудовищу, я, высвободив левую руку, в каком-то безумном порыве рванул из крепления нож...

Моего времени хватило ровно на два удара, пересекших тонкие стебельки, на которых держались глаза. Клинок выскочил из панциря и я полетел вниз... Ослепшая тварь в бешенстве взвилась во весь рост на хвосте, засучила в воздухе лапами, однако, не найдя опоры, утратила равновесие и грохнулась на спину.

И вот тут я наконец заметил...

В том месте, где заканчивался панцирь, защищавший грудь, и откуда начиналось блеклое студнеподобное брюхо, пульсировало нечто, едва прикрытое тонкой розовой кожей. Та самая «брешь» в защите, которую я так долго и тщетно искал.

Сердце?

Или нет?

... В любом случае, раздумывать было некогда. Второго шанса у меня не было. Я вскочил на ноги и, перепрыгнув через бьющий по земле шипастый хвост, взлетел на живот извивающейся на снегу твари, что всеми силами рвалась перевернуться обратно. Парировав несколько мощных, но не прицельных ударов лапами, я в три прыжка добрался до нагрудника, широко размахнулся и всадил клинок прямо в центр пульсирующего комка...

Тело твари сотрясла судорога. Я едва успел соскочить на землю, перепрыгнув через огромную голову, когда монстр свернулся клубком, корчась в предсмертных конвульсиях. Наконец, тварь вытянулась в последний раз, дёрнулась и затихла.

Я медленно поднялся во весь рост. Меня пошатывало. Только сейчас я в полной мере ощутил, как безумно устал во время этой схватки. Левый рукав рубашки был насквозь мокрый и я, скосив на него глаза, увидел, что он весь пропитан кровью. Память услужливо подсказала, что задето предплечье, но с этим ещё можно было подождать... Я подошёл к распростёртой на снегу твари, убедился, что она действительно мертва. Поднял голову, уловив движение вдали в кустах — на поляну выбиралась эльфийка.

Я кивнул ей, махнул рукой — опасности больше не было. И склонился над убитой

тварью, потянув на себя торчащий из смертельной раны меч...

... Громкий женский крик, разорвавший воцарившуюся на поляне гулкую тишину, был для меня полной неожиданностью. Но тело, к счастью, среагировало сразу. Я кувыркнулся в сугроб прямо через тушу монстра, содрогнувшись через мгновение в зареве яркой вспышки...

Следующая шаровая молния с треском пронеслась чуть выше, войдя в самую гущу ёлок вдалеке за моей спиной; полыхнул пожар, на какое-то время озаривший всё вокруг рыжеватым светом. Он позволил мне чётко разглядеть на левом, дальнем конце поляны человеческую фигуру в развевающейся хламиде, протягивавшую в мою сторону руки. На кончиках пальцев стремительно набирал силу новый искрящийся разряд...

Оттолкнувшись от туши, я приподнялся на локтях, прежде чем снова рухнуть ничком. Мимо опять пронеслась молния, но тело убитой твари служило мне неплохой защитой. Тем не менее, то, что хотел, я увидел.

Вернее, увидел именно то, чего не хотел.

Тёмное пятно, размытые очертания человеческого силуэта... Эльфа лежала в снегу лицом вниз в нескольких шагах от своего покинутого укрытия. Жива ли, мертва — я не знал...

Т-тень Безымянного!...

Более дурацкого положения нельзя было и придумать.

... А Светлые Братья оказались куда расторопнее, чем я ожидал! Выследить нас с эльфийкой и пробраться нашим путём, дожидаться, пока уничтожим тварь, а затем взять нас «тёпленькими», без свидетелей и помех... Рано, эх, рано я сбросил их со счетов!...

Я лежал, тесно прижавшись к боку мёртвого монстра, и, лихорадочно соображая, как выкрутиться, пытался распознать бьющие в меня заклятья.

Брат Витин держался на значительном расстоянии и ближе не подходил, щедро швыряя в меня молнию за молнией. Неуклюжий, бесхарактерный глупец на поверку действительно оказался магом, и каким магом!... Огромные огненные шары он творил без видимых усилий, с такой лёгкостью, словно стряхивал с пальцев крошечные искры, способные не более чем поджечь курительную трубку...

Впрочем, он довольно быстро сообразил, что действует безуспешно, и сменил тактику. В воздухе пыхнуло жаром — последовал порыв «пламенного шторма», стойчески принятый «моим» чудовищем на брюхо; за ним, судя по ветвистому сполоху, бабахнул «благословенный огонь»... У Витина пока не получалось меня достать, но в то же время и я был напрочь лишён малейшей возможности двинуться с места, даже не мог поднять головы.

Вот когда мне по-настоящему пригодился бы мой арсенал! Да что там — хотя бы плащ и мои метательные «шершни»... Но — увы: всё это лежало сейчас в кустах бесполезным грузом, куда ближе к атакующему меня колдуну, чем ко мне, и помочь мне не могло никак.

Я рассчитывал, что колдун, пытаясь добраться до меня, двинется в сторону, поменяет угол атаки — в ответ и я получил бы шанс засечь его и использовать Кольца, хоть против истинной магии их возможности и были смешными. Однако Брат Витин, изопрямь в различных заклятьях без устали, но и без особого толку, словно прирос к своему месту.

И я, наконец, понял, почему.

Шквал огня вдруг прекратился, как по мановению руки. Я сгруппировался, приказывая Кольцам: «Слепящая вспышка!», но, уловив сзади стремительно мелькнувшую тень, резко откинулся на спину, закрываясь мечом от сокрушительного удара сверху.

Едва-едва успел... Мой клинок скрестился со вторым, не уступающим ему ни в качестве, ни в мощи. Я не ошибся, распознав тогда в Брате Дейарисе бойца... Зверочеловек навис надо мной всем своим недюжинным весом, навалился на клинок изо всех сил. Моё раненое предплечье медленно повело вниз. Я поймал его взгляд — взгляд, которым он уже чувствовал мою смерть.

И прикрыл глаза.

Вспышка, которую я не отменял, шарахнула прямо в оскаленную звериную морду...

С глухим рыком, переходящим в скулёж, Дейарис отлетел назад, прижимая к глазам ладони. Я вскочил на ноги, размахнулся мечом... и кувырком полетел в противоположную сторону. Шаровая молния, едва не опалив мне лицо, стремительно промчалась мимо...

Демоны!!!

Собрав все силы, я рванулся к Дейарису, удивительно быстро пришедшему в себя, стараясь оказаться к нему как можно ближе. В этом был мой единственный шанс. Витин не мог использовать боевую магию, не рискуя навредить псоглавцу. И вправду, молний и иже с ними больше не было. Не было, пока мне удавалось держать Дейариса на расстоянии клинка...

Мы кружили по поляне, со скрежетом рубясь, нанося друг другу град ударов, парируя и уворачиваясь. При этом я понимал, что положение у меня — хуже некуда. Дейарис был бойцом, действительно неплохим бойцом — но не более... Даже в нынешней ситуации, раненый и порядком измотанный, я бы смог закончить этот бой в считанные мгновения, если бы... Если бы полностью отдался бою, а не кружил, изворачивался, принимал навязанные мне правила игры, чтобы не приведи Тьма не разорвать дистанцию и не позволить псоглавцу вынудить меня развернуться к Витину спиной.

Младший Жрец к этому времени тоже понял, что ему не так просто будет заполучить вожделенную победу. Это явно взбесило его, заставив совершить несколько ошибок, при обычных условиях ставших бы для него роковыми... Но Витин был начеку, и всякий раз молния или направленный пульсар заставляли меня очертя голову кидаться в сторону, не давая воспользоваться внезапно появившимся преимуществом.

И всё же развязка наступила. Пытаясь сломить меня очередной атакой, Дейарис отчасти пренебрёг защитой. Поднырнув под несущее смерть лезвие, свистнувшее над головой, я подставил клинок — и псоглавец, не удержав равновесия, сам напоролся грудью на мой меч. Я удержал оружие, принял последний причитающийся мне удар — полный безумного неверия взгляд гаснущих тёмных глаз, после чего Дейарис грузно сполз на землю, а я понял, что не успеваю... ничего уже не успеваю...

Только поднять голову, встречая собственную смерть.

... Почему промешкал Брат Витин? В первый миг я не поверил тому, что увидел. Не вместо того чтобы тотчас испепелить меня на месте, Старший Жрец в изумлении таращился на меня, выкатив глаза и нелепо раскинув по сторонам руки. Через мгновение он пошатнулся... и с тем же изумлённым лицом грузно рухнул прямо в снег там, где и стоял.

Между лопаток у него торчала рукоять моего лёгкого кинжала.

Глава 3

Шаг в сумерки

Шаэриэнн

Костёр был не магическим, а самым обыкновенным, разведённым с помощью огнива и кремня. С треском поедая охапку лесного валежника, он дымил от души — всё же ветки, дарящие ему жизнь, в основном были еловыми — но света и тепла давал достаточно, чтобы студёная, но безветренная зимняя ночь всё же отступила с этого крошечного кусочка леса, унося с собой вместе с холодом чувство времени и реальности.

Думать не хотелось — совершенно ни о чём. Я и не думала. Просто сидела, подобрав под себя ноги, на выдавшем виды походном шерстяном одеяле и смотрела на пляску огненных искр, уносящихся в тёмную бесконечность. Мысли лишь причиняли боль, вновь и вновь возвращая меня к тому, что я теперь уже не в силах была изменить...

Тёмный силуэт неслышными шагами приблизился к костру с противоположной стороны. Замер над самым пламенем, затем медленно склонился к мерно покачивающемуся на деревянных распорках котелку с растопленным снегом. Неяркий свет тут же вступил в причудливое противоборство с мириадами танцующих теней, придавая человеку разительное сходство с вырубленным в камне изваянием...

... Во всей Долине, должно быть, больше тысячи изображений и скульптур Tearr'a-Созидателя — каждый художник и ваятель почитает за честь отдать дань Великому своим талантом. Но есть и статуя, изображающая Извечного Врага. Единственная...

Огромный Ashratt из чёрного гранита стоит, тяжело опираясь на воткнутый в землю двуручный меч, у самого входа в Роццу Священных Озёр — места, куда приносят для Первой Купели новорождённых младенцев, и где совершают ритуальное омовение тел ступивших на Вечные Дороги перед погребением их в крипты Созвездий...

«Зачем он здесь, Nimme-naï?...». — я крепко сжала мамину руку, во все глаза разглядывая высокую широкоплечую фигуру в длинном плаще, ниспадающем почти до земли. Миндалевидные глаза с хищным прищуром, тяжёлый взгляд из-под густых «летающих» бровей... Грива чёрных волос до плеч, высокие скулы, прямой чуть длинноватый нос, губы, сжатые в тонкую ниточку — идеально правильные черты пугали своей резкостью, отталкивали, и вместе с тем завораживали, не давая возможности отвести взгляд.

Мы торопились на церемонию Первой Купели моего двоюродного брата и немного опаздывали — маме пришлось потратить изрядное количество сил, чтобы наследница Созвездия Тёмного Пламени выглядела достойно своему положению, а не разбойницей с Вольных Окраин... Однако я почувствовала, что она слегка замедлила шаг.

«Зачем?» — задумчиво повторила мама, вместе со мной глядя на увековеченное в камне Абсолютное Зло. — «Потому, моя дорогая, что живущие в Мире склонны забывать, как уязвимы бывают души — между моментом выбора своего Пути, когда приходят в этот мир подобно Evangerreill, твоему маленькому кузену, и мигом, когда отправляются в Вечность искать новые дороги... Стоящий здесь — наша память. Наш вечный спутник, без усталости ждущий, когда мы оступимся, чтобы с готовностью подставить плечо. И предостережение

нам о том, чего будет стоить такая помощь...».

Я, запрокинув голову, с каким-то болезненным любопытством изучала каменное лицо, чувствуя, как порой замирает сердце в непонятном порыве.

«Боишься?» — мягко спросила мама.

Я помотала головой.

«Нет. Не понимаю...».

«Чего ты не понимаешь, дитя?»

«Мастер, сотворивший его, провинился? Был наказан?»

«О, нет, дитя...» — мама взглянула на меня и легко улыбнулась. — «Это работа лучшего из мастеров и достойнейшего из сыновей нашего народа».

«Но зачем... Как же он смог сделать... это?? По доброй воле?!»

Церемония уже почти началась, но мама остановилась. Опустилась передо мной на корточки, обняла за плечи, заглянув мне в глаза.

«Ria, милая моя... Ты ещё ребёнок. Девять зим — это очень, очень мало, чтобы понимать всё на свете. Пока просто запомни: Зло — такая же сторона нашей жизни, как и Добро, оно не менее сложно и многогранно. Его тоже следует пытаться понять — иначе ты не поймёшь и не увидишь Добра. Лишь постигнув, что есть Зло, ты сумеешь отличить его и только тогда в момент выбора станешь на правильную Дорогу. Ох, дитя... Слишком сложно, правда? Но надеюсь, когда-нибудь ты всё же поймёшь, что я имела в виду».

Я прикрыла глаза. Потом, не удержавшись, по-детски зажмурилась, крепко-крепко... И разлепила веки только тогда, когда услышала какое-то движение совсем рядом с собой.

Прямо перед моим носом оказалась дымящаяся кружка, прикрытая сверху большим сухарём. Поколебавшись мгновение, я молча приняла её, изо всех сил стараясь не коснуться держащей её ладони в чёрной перчатке. Ладонь тут же исчезла. Шаги чуть слышно закрипели, отдаляясь, и смолкли снова за разделившим нас костром.

За минувшие два дня мы не перебросились, наверное, и дюжиной слов. Да и из этой хорошо, если дюжины десятков принадлежал ему — Чёрному. Он коротко приказывал: идём, едем, делаем привал — я подчинялась. Молча. Всё ведь и так было ясно.

Единственные слова, произнесённые мной с момента гибели чудовища и Светлых Жрецов, были вопросом. Причём, исключительно глупым — и, собственно, задавая его, я уже прекрасно знала, каков будет ответ...

«Отпустишь меня?»

... В душе он, должно быть, расхохотался. Или же просто оторопел от такой наглости. Внешне, однако, на лице не дрогнул ни один мускул — в проклятом Ордене великолепно убивают чувства, даже у собственных Псов... Несколько мгновений Чёрный пристально смотрел на меня внимательным взглядом, а потом просто покачал головой, даже не тратясь на лишние слова...

Я бездумно сжала кружку в руках, едва не пролив чай себе на колени. Пить не хотелось, как и есть, но я всё же заставила себя отхлебнуть несколько глотков подкрашенной сухими травами воды и откусить от сухаря. Остаток хлеба я незаметно сунула в карман кожуха, сделав вид, что оглянулась на фырканье коня, стоящего неподалёку под деревьями. Пригодится. Очень надеюсь, что пригодится... До ближайшего города в том направлении, куда мы ехали, было ещё не менее суток пути.

Я что-нибудь придумаю. Обязательно придумаю... Хотя что, и как именно я это сделаю, пока не представляла. Я должна что-нибудь придумать — иначе я погибла...

Я украдкой взглянула сквозь пламя костра. Чёрный сидел на брошенном на землю плаще, опираясь на расчищенный от снега большой камень, и, закатав правый рукав куртки до плеча, менял повязку на раненой руке, то и дело придерживая моток бинта то локтем, то зубами.

Паршивая рана, весьма нехорошая... Впридачу, похоже, ещё и заражена. Если бы не эликсиры, к которым Чёрный прикладывался всю дорогу, его бы уже вовсю лихорадило. Однако держался он при всём этом очень даже неплохо. Когда, ковыляя и шатаясь, мы покидали ту роковую поляну, на которой остались три тела в кольце сотворённой им агмарилловой защиты, он едва перетянул руку какой-то тряпкой, и словно бы о ней забыл — ну, по крайней мере, у меня сложилось такое впечатление...

Вернувшись в деревенскую Церковь с первыми лучами солнца, он, вместо того, чтобы свалиться без сил, тщательно обыскал жреческую обитель — и, к слову сказать, не зря. На моих глазах был вскрыт хорошо замаскированный тайник в одной из стен. Там, перевязанная лентой, лежала пухлая стопка каких-то бумаг, бегло просмотренных Чёрным и перекочевавших в его вещмешок. Затем он отыскал Орб — шар размером в человеческую голову из проклятого агмарилла. Проверил что-то; не удержавшись, кивнул в ответ какой-то своей догадке, после чего активировал Орб сам — от близости столь сильной агмарилловой волшбы меня едва не стошнило... Под конец он поднялся под крышу церквушки, где на чердаке находилась звонница с единственным колоколом. Собрав жителей, Чёрный сообщил им о том, что твари больше нет, «эльфийскую колдунью» он забирает с собой, а через несколько дней в деревню из Орденской Цитадели пожалуют его Братья, которые окончательно расставят все знаки над рунами, вновь откроют Церковь и привезут сюда новых Светлых Жрецов.

Подозреваю, что очень многих интересовало, как именно удалось убить монстра и что же произошло с Братями Витином и Дейарисом — но никто, ни единая живая душа, так и не задала ему ни одного вопроса...

Мы выехали сразу же после того, как Чёрный запечатал храм с помощью замысловатого артефакта, приказав впустить исключительно тех, кто принадлежит к Ордену. Всё это время он, казалось, не думал о своей ране — только сменил в ключья изодранную рубашку на новую и второпях смешал себе во фляжке содержимое сразу нескольких флаконов из седельной сумки, время от времени отпивая оттуда по глотку. И только... Неужели действительно ничего не чувствует?...

— Этот странный звук — там, на поляне... — внезапно произнёс Чёрный тихо, вполголоса, не отрываясь от своего занятия. — Что это было?... Как тебе удалось отвлечь тварь?

Я в этот момент как раз подносила к губам кружку, и едва не поперхнулась чаем — настолько не ожидала, что он заговорит... Пауза изрядно затянулась, впрочем, он, возможно и не ждал ответа — во всяком случае, не переспрашивал, как будто действительно забыл обо мне и о своём вопросе.

— «Alleid Mearríænna»... — неожиданно для самой себя обронила я.

— «Клич Марены»? — так же негромко переспросил он.

Если он хотел меня удивить — ему это удалось.

— Ты... говоришь на Росса'liénquaa?? — я вытаращилась на Чёрного так, словно на моих глазах заговорил не он, а... его конь.

— Совсемнемного, — он на мгновение поднял глаза, в которых отразились пляшущие

язычки пламени. — Достаточно для того, чтобы перевести фразу, но мало, чтобы понять её смысл.

— Mearriaenna была охотницей. И одной из лучших Говорящих-с-Лесом, если верить легенде... — я оставила пустую кружку на одеяло. — Её Клич слышит каждое живое существо, находит в нём что-то знакомое. Этим приёмом нередко пользуются наши охотники, чтобы привлечь внимание животного. Или, напротив, отвлечь его. В ситуациях, подобных твоей...

— С нежитью тоже срабатывает? — поинтересовался Чёрный.

— Нет, — я покачала головой. — Только с живыми. Тварь отреагировала на меня потому, что кое-что от того самого живого существа в ней всё же осталось. Хотя после всего, что было, верится в это с трудом...

Чёрный молча кивнул, вновь сосредоточившись на мотке бинта. На какое-то время снова воцарилась тишина, прерываемая лишь треском горящего хвороста и шорохами леса, но я нутром чуяла, что она будет недолгой.

Как напророчила.

Чёрный закончил бинтовать, пошевелил рукой, проверил, хорошо ли закреплена повязка.

— Почему ты не попыталась сбежать?

Ashratt!...

Я опять не ожидала вопроса. Тем более — этого.

... Дура! Дремучая, непроходимая, безнадёжная дура!...

Разумеется! Когда Чёрный, оставив на снегу плащ и гору оружия, исчез в зарослях, отправляясь на бой, мне с трудом удалось скрыть ликование... Бежать, бежать со всех ног, побыстрее и подальше! Мчаться обратно в лес, запутать следы, едва только Орденский Пёс и монстр займутся друг другом, когда его проклятым Кольцам будет уж точно не до меня!...

Но, едва на дальней стороне поляны шелхнулись ветки, выпуская такую маленькую в сравнении с чудищем фигуру с мечом, когда вскинулась и рванулась в атаку тварь — я забыла обо всём, буквально прикипев к своему смотровому «окошку»...

Он был без плаща. Ловкий, проворный — тяжёлый меч, идеально подогнанный под руку хозяина, порхал бабочкой, повинуюсь его воле, нанося удар за ударом.

... Белая рубашка, тёмные волосы. Не дрался — танцевал... И на мгновение я забыла, что это Каратель, враг. Перед глазами возник другой воин — моя боль, моя память, мои слёзы. Моя Судьба...

A'Karriaell... Hermeanno-pai — Брат. Нас с тобою связывало не кровное родство, но кровь на поле брани: наша, пролитая, когда не щадя себя, защищали друг друга, и вражья — на лезвиях наших мечей.

Брат... Ты был единственным, кого я могла бы так назвать — но назвала впервые, когда ты уже встал на Вечные Дороги, а я, волею причудливо изломанного Рока, вопреки всему святому в Мире осталась здесь.

Я глядела на бой человека с монстром — а видела тебя... Сколько раз мне приходилось наблюдать за тем, как ловко ты владеешь клинком — на тренировке и в бою! Слёзы, то ли горькие, то ли радостные, застили мне глаза. Его меч казался твоим мечом, его удар — твоим ударом, его ошибка — твоей ошибкой... И когда тварь, воспользовавшись твоим промедлением, готова была нанести губительный удар, я вмешалась в поединок — как я могла не вмешаться?! — дав тебе возможность вырваться из ловушки и продолжать...

... «Клич Марены» отрезвил меня. И я едва не взвыла снова, в голос, когда поняла, что передо мной — не ты. Ты, Christaienn, Deanorr и Lu'Avenn — погибли, от рук таких же, как тот, кого я только что приняла за тебя. Мгновение спустя я жалела, что отвлекла монстра... Хотя, если бы, убив Чёрного, тварь решила заняться мной, вряд ли я покинула бы ту поляну.

Я схватила первые два ножа из тех, что не были окованы агмариллом. Сунула за пояс, выхватила из ножен кинжал и бросилась с холма в обратный путь, оставляя кипящее сражение за спиной. Но успела сделать только пару шагов... Кустарник впереди меня расступился, пропуская ещё двоих молчаливых наблюдателей происходящего действия.

На лоснящейся роже Брата Витина застыла отвратительнейшая ухмылка. Дейарис же просто щерился, скаля зубы, как настоящий волк. Я замерла, где стояла, сжимая кинжал... и уже понимая, что обречена. В руках Жрецов были посохи, и они недвусмысленно светились. А мой проклятый Ошейник в ответ начал сжиматься — медленно, Братья растягивали удовольствие, смыкая петлю...

Нож я бы всё равно не добросила — Дейарис был начеку. И в последний миг успела сделать то единственное, чего от меня не ожидали — развернулась и со всех ног ринулась назад, на поляну, увязая в снегу и ломая ветки. За мгновение до того, как колдовская петля сдавила мне горло, лишая сознания, я успела крикнуть, вложив в свой вопль все оставшиеся силы.

Чёрный справился с монстром. И услышал меня. Это было последнее, что я поняла, прежде чем жуткая боль скрутила меня и швырнула в омут беспомощности...

... Видимо, сочтя, что со мной уже всё решено, Жрецы, оставив Посохи без внимания, вплотную занялись Карателем. Но всё же мы с Сибиллой не зря столько времени бились над паршивым Ошейником. Кинжал в своей руке я ощутила едва ли не раньше, чем на самом деле пришла в себя. Сквозь мутную пелену в глазах я увидела широкую спину Старшего Жреца в двух десятках шагов. Всего в двух десятках...

Ненависть придавала мне сил: даже если бы нас с Братом Витином разделяла добрая сотня шагов, думаю, я не промахнулась бы...

Каратель остался жив. А Жрецы получили, что должно. Но моя возможность сбежать и тем самым спасти собственную шкуру умерла вместе с ними...

— Почему ты не попыталась сбежать?

Я резко дёрнулась, отворачиваясь от костра. Рванула на себя одеяло — несчастная кружка, горестно звякнув, отлетела куда-то под куст... Легла на бок, сворачиваясь клубком, поспешила накрыться с головой — хватит, поболтали!... Я всё равно что-нибудь придумаю! Обязательно что-нибудь придумаю!... У меня есть как минимум сутки на это...

Только не плакать! Не плакать, слышишь?! Не хватало...

Я больше не могла видеть Чёрного. Но чувствовала спиной, что он по-прежнему ждёт ответа. Натянула одеяло ещё выше и всё-таки не выдержала:

— Не твоё дело!!!

Больше вопросов не было.

Альтар

Деревенька Нижний Рогачик осталась в трёх днях пути, когда туманным по-зимнему недружелюбным утром мы с эльфой наконец покинули лес и вступили в обширные

предместья Серого Рокстана, в беспорядке разбросанные по холмам.

... Маленький имперский форпост — один из множества построенных дедом нынешнего Императора, активно осваивавшим Полночь — практически сразу же превратился в большой процветающий город. Причин тому было две: прииски и торговля.

Кроме купцов и горняков существовали ещё солдаты — близость границы вынуждала наместника Рокстана содержать в крепости многочисленный гарнизон. И всё же подавляющее большинство населения было занято если не добычей на богатых окрестных месторождениях драгоценной дымчатой крошки, давшей название городку, то активными торговыми отношениями с гномами, чьи земли начинались сразу за Глухим Перевалом, к которому из города вёл прямой удобный тракт. У последних покупали оружие, руду, драгоценные камни; в ответ из Империи поставлялось зерно, мясо, вина и ткани — то, в чём всегда остро нуждались низкорослые оружейники.

Дед бывшего Первого Магистра всю жизнь трудился в копальнях, отцу же удалось выбиться в купцы. Как и почему Просперио связал свою судьбу с магией, а затем — и с Орденом, мне не было известно. В Ордене не было принято интересоваться чужим прошлым: я не спрашивал, а он не рассказывал. Однако, уйдя на покой, он вернулся сюда, обзавёлся домом, мало чем уступающим замку наместника, и с тех пор ни разу не покидал городской черты.

За все эти годы я бывал у него пару раз, оказываясь в здешних краях проездом, но вот приглашение от Магистра получил впервые. Впрочем, надо думать, компания, в которой я собираюсь прибыть к нему в гости, удивит старика не меньше, чем меня — его неожиданная просьба провести...

Я хмыкнул, покосившись через плечо на эльфу, сидящую позади. Наткнулся на её взгляд — напряжённый, колючий. Впрочем, она тут же отвела глаза, постаравшись сделать вид, что разглядывает причудливой формы домишки на улице, по которой мы едем. Однако рука, которой ей приходилось поневоле обхватывать меня за пояс, всё-таки предательски дрогнула.

Ну-ну... Поди, думает, как убежать.

Пусть думает.

Тяжёлые подковы на копытах Рио вовсю цокали по каменной мостовой. Позади остался рынок и стройный ряд лавок, знаменующих конец квартала «средняков». Широкая улица, тщательно расчищенная от снега, вывела нас на площадь перед главной городской Церковью — величавым каменным строением, отделанным резьбой и замысловатой ковкой. Высоко в хмурое небо убежали два купола — белый с золотым навершием в виде Светоча, чёрный с алым пламенным языком.

Перед храмом былолюдно: служба только что началась. Из раскрытого Утреннего Портала доносилось многоголосое пение, которое подхватывали и люди, стекающиеся на площадь, мелодичным переливом звучали колокола...

Впрочем, нам нужно было не сюда. С противоположной стороны к площади примыкали дома самых знатных горожан, включая дворец наместника. Малость не доехав до него, я завернул Рио в «переулок», где наверняка могли без проблем разминуться сразу несколько роскошных карет — Магистр терпеть не мог шума и его дом находился во внутреннем ряду.

... Нет, ничего не изменилось. Всё та же громадина каменного забора щетинилась коваными зубцами, вырастающими из фигурных плит. Над забором высились круглые башни с окошками бойниц — правая библиотечная, в левой «небольшой» арсенал, вполне

достаточный, чтобы вооружить до зубов с полсотни человек. Бронзовые львы, стерегущие массивную надвратную арку, по-прежнему скалили клыки в немом предостережении входящим: здесь умеют за себя постоять.

Впрочем, мне всегда казалось, что они улыбаются...

У самой арки я придержал Рио; мы спешили. Я коснулся было кольца, которое сжимала в зубах голова не то грифона, не то ещё какой химеры — но створки ворот, дрогнув, потянулись внутрь, не дожидаясь моего стука.

Привратник — дюжий детина со шрамом на щеке, полученным явно не в кабацкой пьяной драке — окинул нас внимательным взглядом и почтительно, но без подобострастия поинтересовался, что нам нужно. Я назвал себя, и он, взяв у меня повод Рио, прекрасно знающего, где можно показывать норы, а где не стоит, без лишних слов провёл нас по просторному двору к парадному входу в дом, где «сдал» с рук на руки открывшему дверь управителю.

Молчаливый слуга, внешностью и выправкой похожий на привратника, словно брат, принял у нас верхнюю одежду — мой плащ и выдавший виды эльфийкин кожух, не выказав даже тени удивления таким странным гостям... Просперियो умел подбирать людей.

Зала, в которой нас попросили подождать хозяина, была обставлена скромно, но со вкусом. Никаких парчовых драпировок, кабаньих голов и оленьих рогов, так любимых подавляющим большинством имперской знати... Лишь несколько тканых гобеленов со сценами битв, дорогие, но неброские шпалеры, пара мечей, кинжалов и лёгких дротиков на центральной стене. Посреди комнаты стоял большой круглый стол, окружённый стульями; под ним, положив голову на лапы, дремал лохматый чёрно-белый пёс размером с телёнка. На наше появление он никак не отреагировал — вероятно, потому, что нас провёл управитель, но его равнодушие определённо было напускным.

Широкие окна давали достаточно света, огромный камин у дальней стены заполнял залу драгоценным теплом. Неудивительно, что Магистр Просперियो вышел нам навстречу лишь в лёгком камзоле, постукивая неизменной тростью по ступеням лестницы.

Статный, седой и немного грузноватый, движения быстрые и уверенные, но без суеты, цепкий взгляд с прищуром, без ошибки читающий чужие души... Таким я знал Просперियो всегда — с первого дня нашего знакомства. Только на щеках и у глаз ещё глубже пролегли морщинки, стала заметнее хромота, да орденского плаща больше не было на плечах — в остальном же казалось, что над Магистром, так же, как и над его домом, годы не имели власти...

— Альтар! Рад тебя видеть, мой мальчик!... Дочь Ночи... — он учтиво склонил голову, встретившись взглядом с зелёными эльфийкиными глазами: так, словно её присутствие здесь было само собой разумеющимся. — Рад приветствовать тебя в своей скромной обители. Представишь нас, Альтар?

— Да. Отчасти... — я не поддержал его тона, проигнорировав светский этикет. — Это моя... пленница, Просперियो. Колдунья из Отвращённых. Кроме того, ещё и каторжница, сбежавшая из Седоны...

— Вот как? — на лице Магистра не дрогнул ни один мускул. — Что ж... Раз ты здесь в компании этой дамы, Альтар, значит, тому есть веские основания. Захочешь — расскажешь сам... Но долг гостеприимства свят. Поскольку она вместе с тобой переступила порог моего дома — у неё, как и у тебя, будет горячая еда, ванна с дороги и возможность отдохнуть. В остальном — ты в своём праве и поступишь так, как сочтёшь нужным...

— Большого я не прошу, Мастер. — Я заметил, как в глазах Проспериио вдру промелькнул странный, совершенно не свойственный ему тёплый лучик.

Магистр кивнул.

— Сейчас вас проведут в комнаты. Я позову слуг... сам я, увы, уже далеко не так подвижен, как раньше.

— Хорошо. Но её я проведу сам. — Я бросил взгляд на эльфийку, застывшую в шаге от меня, словно статуя. — Дама... нуждается в очень хорошем отдыхе. В надёжных условиях. И повышенном внимании к собственной персоне.

— Я это понял. Не тревожься, — уголки губ Магистра дрогнули, обозначая усмешку. — Этот дом способен предоставить хороший отдых любому. И именно такой, какой необходим...

Апартаментами, в которых разместили эльфу, я остался более чем доволен. Лично проверил крепость изящных решёток на окнах, запоров на двойных дверях. Убедился в отсутствии в обстановке комнаты предметов, способных послужить оружием или как-либо пригодиться для устройства побега — я хорошо помнил, насколько ловко колдунье удалось выбраться из деревенской бани...

Кроме того, сопровождающий нас немногословный управитель попросил эльфийку вырвать волосок с головы, а также уколоть шпилькой палец. И волосок, и булавка с капелькой крови были тут же переданы двоим суровым молодцам, несшим караул в просторном холле перед дверью — несомненно, для того, чтобы подкорректировать магическую защиту помещения, соответствующим образом настроив её на приём «особого гостя». Их слаженные и чёткие действия не оставляли сомнений: подобных гостей в этом доме умели принимать, и делали это не впервые... Оставив свою «пленницу» на попечении людей Магистра, я со спокойной душой прошёл вслед за управителем через холл в комнаты, предоставленные мне.

Удивительно, как быстро слугам Проспериио это удалось — мне не попался на глаза ни один человек, но среди комнаты уже стоял большой чан для купания, доверху наполненный горячей водой, на инкрустированном перламутром прикроватном столике исходил паром обед, а постель была заботливо разобрана, так и маня забыться блаженным сном на хрустящем от свежести белье...

Я только сейчас ощутил, как сильно устал за эти дни. Но мысль о том, чтобы выспаться всласть, всё же с сожалением отложил на потом. Равно как и желание насладиться обедом — мне не терпелось поговорить с Магистром. Однако отказаться от горячей ванны было не в моих силах... Я с наслаждением сбросил куртку на спинку стула и, расшнуровывая ворот рубахи, уже прикидывал, как бы так исхитриться, чтобы не намочить повязку, когда по коридору, приближаясь, застучала знакомая трость.

Через мгновение дверь широко распахнулась, и Магистр Проспериио собственной персоной вырос на пороге, выжидательно глядя на меня.

— Ну? — спросил он таким знакомым ворчливым тоном, каким обычно позволял себе разговаривать только с самыми близкими и без лишних свидетелей.

Я вопросительно поднял брови.

— И куда на этот раз??

— «Куда» — что, Мастер?

— Ранен — куда? Или ты думаешь, я ничего не вижу?! Может, я и стар, мальчик мой, но не слеп!... — На перламутровый столик с размаху хлопнулся резной деревянный сундучок с

лекарским инструментом. — Давай, показывай... Рука, небось?

— Рука...

— Не слабо, — вынес вердикт Просперио, когда я стянул рубашку. — Это кто ж тебя так?...

Я хмыкнул.

— Древоточец. Переросток...

— М-да... Умеешь же находить на свою голову. Так, дай посмотрю... Сядь вот сюда и не рыпайся!... — пальцы Магистра ловко размотали повязку. — Ну, что... Паршивенько, паршивенько, брат. Небось, эликсирами травился, а?... А если рана отравлена?

— Да нет там яда...

— Сиди, говорю! — прикрикнул Магистр, уже всю орудя над раной какими-то присыпками и жидкостями из сундучка. — Сам разберусь, есть или нет... Кто здесь, в конце концов, целитель? С дипломом Академии и именной практикой?... Уж никак не ты — вон, даже повязку толком наложить не можешь...

Я прекрасно знал эту особенность Просперио — врачевать и ворчать одновременно, потому просто не мешал, целиком передав Мастеру инициативу и терпеливо ожидая, пока он закончит. Первый Магистр Ордена Тьмы — «Мастер-Паук», «Мастер-Шпион», как называли его за глаза и сторонники, и враги — действительно начинал магом-целителем, притом был одним из лучших в своём деле... Я первым мог подписаться под этим — если б не Просперио, мёртвой хваткой вцепившийся в «безнадёжный» случай и буквально сложивший меня «по кусочкам», моя жизнь оборвалась бы ещё в Рекарне...

— ... Ну, вот! — Магистр закрепил конец идеально севшей повязки и удовлетворённо потёр руки: — Готово! Другое ведь дело, а?? Теперь можешь спокойно лезть в ванну — ближайшую ору бинты воду не пропустят...

Я склонил голову — слова благодарности за работу Мастер ненавидел.

— А потом спускайся в кабинет, — Просперио, прищурившись, хмыкнул. — Знаю, что всё равно спать не ляжешь, пока не поболтаем. Посему буду ждать тебя там. И обед велю подать туда же — не то, как пить дать, примчишься голодный. А поговорить есть о чём... Рад, что ты приехал так скоро.

* * *

— Агмарилл...

Просперио в задумчивости откинулся на спинку кресла.

— ... И эльфья магия впридачу. Гремучая смесь!... Совершенно не представлял, что это возможно. Хотел бы я знать, как у них получилось...

Я перевёл дыхание: события в Нижнем Рогачике очень заинтересовали Магистра, и рассказ, невзирая на мои попытки излагать покороче, всё равно вышел довольно длинным.

— Возможно, ответ в этих бумагах, — я выложил на стол пачку перевязанных лентой рукописных листов. — Их я нашёл в тайнике, обустроенном в Церкви. Я мало что смыслю в формулах и чертежах, но не понять, что они имеют отношение к магии, тяжело. Почерк везде один... Я сверился с записями в церковной Хронике — судя по всему, это рука Младшего Жреца.

— Псоглавца? — остро взглянул мне в глаза Просперио.

— Псоглавца. Хотя колдовал человек. Именно Светлейший Брат Витин вовсю швырялся в меня «молниями» и «штормами» в то время как Брат Дейарис положился лишь на силу меча.

— Интересная получается картина... Простой деревенский Жрец где-то у Безымянного на рогах скрещивает эльфийскую магию и человечью — то, обо что до сих пор разбивают лбы лучшие умы Академии! А результаты опробует на своём напарнике-человеке... И, главное, у него получается! Хотя и не всё проходит гладко. Попытаюсь навести справки об этом Дейарисе... Хотя более чем уверен, что в нашей Академии магов никогда о нём не слышали.

Я хмыкнул:

— Скорее всего, так и есть.

— Та книга, которую ты нашёл... — Магистр качнулся вперёд, опёрся о столешницу локтями. — Она при тебе?

— Да, Мастер.

— Обязательно покажешь мне её. Подозреваю, что за это сокровище в Академии... да, собственно, и в верхах нашей Церкви... с готовностью продали бы Тени душу и всё на свете... Чудо, что она попала к тебе в руки.

— Просто я оказался в деревне слишком рано. Жрецы на это не рассчитывали и не успели подготовиться.

— Тебе повезло...

— И да, и нет. Жрецы воспользовались Орбом — не могли не воспользоваться. Когда речь зашла о «нежити, которую призвала эльфийская ведьма», они обязаны были отправить Ордену сигнал... Орб запоминает все отправленные и принятые вызовы. Если бы Жрец вовремя этого не сделали, у рано или поздно прибывших разбираться с монстром Братьев могли бы возникнуть ненужные вопросы... Они и отправили — только сделали всё, чтобы сигнал приняли как можно позже или вообще сочли бы «сбоем». В любом случае, подмога из Цитадели добиралась бы самое меньшее три дня. Я же оказался рядом и приехал уже к полудню...

— Резонно.

Просперियो потёр гладко выбритый подбородок. Затем потянулся к пузатому чайнику, стоящему на приставном столе, наполнил две высокие чашки горячим напитком. Какое-то время мы просто молча пили чай. Просперियो размышлял, а я наблюдал за ним, замечая, что с каждым мгновением взгляд Магистра становился всё мрачней.

— История, которую ты мне только что рассказал, парень, сама по себе очень запутанная и необычная... — наконец, произнёс Мастер, отставив чашку на край стола. — Но самое странное не это. Нутром чую: то, для чего я попросил тебя приехать, и то, что случилось в этой Богами забытой деревеньке на твоём пути — звенья одной цепочки...

Я подался вперёд.

— То есть?!

Просперियो закашлялся, потянулся было снова за чаем, но передумал. Тяжело поднялся, прошёл к двери, приоткрыл её и снова захлопнул, повернув ключ в замке. Вернулся за стол и снова сел напротив меня. Когда он заговорил, голос его зазвучал совсем тихо.

— Послушай теперь меня, Альтар... Но прежде я задам тебе вопрос. Ответь мне. Каратель, ты хорошо знаешь Полночь и часто бываешь здесь — много ли нежити встречал ты в этих краях... ну, скажем, первые два-три года после Последней Войны?

Я задумался.

— Нет... Не много. Дай-ка вспомнить, Мастер... Раз, наверно, с полдюжины... ну может, чуть больше.

— А что за нежить, помнишь?

— Трора... Несколько гхоллов... Кажется, паукан. В общем, всякая шушваль, тогда с этим было намного проще.

Магистр прищурился:

— А сейчас?

— Сейчас? Издеваешься... — хмыкнул я. На память пришёл разговор в харчевне с Коримом и Верданом, где речь шла как раз об этом. — Кто ж их теперь сочтёт?! Цитаделей, Оплотов стало больше, но всё равно не хватает мечей... Собственно, я и ехал в помощь Полуночным вместе с четвёркой Братьев из Рожериона — они сейчас, должно быть, уже в Акресте...

— И с кем ты имел здесь дело последние разы?

— Гуль. Ракус. Мартера... — я осёкся.

Проспериио кивнул.

— Улавливаешь разницу? Нежити стало намного больше, впридачу сильно расплодилось прежде всего самые серьёзные твари. Так?

— Так.

— А почему?

— Откуда я знаю? — я в недоумении взглянул на Магистра. — Отвращённых стало больше. Вон, эльфа эта сколько скрывалась в деревне... А сколько ещё таких.

— Отвращённых, говоришь?... — протянул Проспериио. — А теперь подумай, сынок: неужели сейчас их больше, чем было сразу после Войны?

Я задумался.

Нет. Разумеется, нет... Полночь и Восток Империи кишели Отвращёнными колдунами, едва окончилась Война. Но когда между Империей и Аэльтой устаканился мир, брошенные на эти земли орденские силы почти свели на нет колдунью «вольницу»... Разумеется, Отвращённые то и дело пытались «кусаться», но теперь это казалось жалкой пародией на то, что тут творилось ещё пять лет назад. Главную головную боль Ордена в этих краях составляла сейчас именно нежить...

— Значит, Отвращённых больше не стало, — озвучил мои мысли Проспериио. — Напротив, их стало намного меньше. Выходит, они ни при чём, верно?...

— А кто же тогда при чём? — я чувствовал, что Магистр подводит меня к какой-то мысли, но никак не мог её «ухватить»...

— Те, чья численность в этих краях возросла параллельно с нежитью.

— Ну, тогда это мы, — хмыкнул я себе под нос. — Больше никому...

Магистр молчал, внимательно глядя на меня.

— Орден... Орден?! — до меня начало доходить. — Мастер... Ты понимаешь, о чём говоришь?!

— Альтар... Я ломал голову над этим вопросом ровно столько, сколько торчу здесь после отставки... — Проспериио качнулся ко мне. — Как я тебе уже говорил, я не сошёл с ума. Этот вопрос заботил меня и раньше, но, занимая пост Первого Магистра, я никак не мог вплотную разобраться с ним. Теперь же у меня появилось время... Много времени. Я начал собирать и анализировать информацию, тщательнейшим образом изучил ситуацию на

Полуденном Закате после окончания войн Крови и Огня... Всё повторялось с ошеломляющей точностью. Вначале эти земли кишели Отвращёнными, но нежити было мало... Потом здесь появлялись Орден и Церковь. Укрепляли позиции, строили храмы и Цитадели. Отвращённых ликвидировали... и принимались бороться с нежитью, увязая в этой борьбе чем дальше, тем сильнее. Что сейчас творится на Закатных землях, ты тоже хорошо знаешь.

О, да. Знаю... Я скрипнул зубами. Цитадели множились там, как грибы после дождя — но запросы подкрепления оттуда шли непрекращающимся потоком, и Капитул просто хватался за голову, ибо нежити меньше не становилось. Напротив...

А теперь «разгоралась» ещё и Полночь...

Но как Орден, уничтожающий нежить, может быть причастным к увеличению её численности??

Этот вопрос я и задал Просперо.

— Поначалу мне это тоже казалось невероятным, — помолчав, признался Магистр. — Но я долго размышлял над этим, мой мальчик. Никому не выказывая своих предположений, я искал, искал то, что могло бы подтвердить мою догадку или же опровергнуть её. И кое-что нашёл... Орден Таргоса боролся с нежитью и раньше. Кроме того, до того, как Церковь объявила не благословленную ею магию Запретной, существовали малефикары, некроманты, ведьмаки, которые всё так же подобно тараканам выползали на поверхность во времена смут и войн — их тоже уничтожали наши Братья. И тем не менее, такого наплыва нежити, как сейчас, история ещё не знала...

— Это лишь говорит о том, что Орден ни при чём, — медленно произнёс я. — Ты ошибся, Просперо.

— Если бы это было так... — Магистр дёрнул уголок губы. — Но... Я попытался разобраться, когда именно твари Тени превратились в серьёзную проблему, и пришёл к выводу, что первая большая волна нежити всколыхнула Закатные рубежи Империи как раз в конце Века Огня... Три года назад от первого об этом упоминания отгремел бой под Трогом, резко переломивший ход войны в пользу Империи. Гномы были побеждены, следом получили своё их союзники-орки: окончательно сломившая их битва при Акерр'ах состоялась ровно через четыре луны... Ты хорошо помнишь сражение под Трогом, Альтар?

Я склонил голову.

— Это был мой первый бой в плаще Меча Тьмы...

— Тогда скажи мне, почему под той горой, ставшей знаменитой, мы наголову разбили врага? У гномов был численный перевес, лучшее оружие, союз с орками, дышащими нам в спину... Но победили мы. Почему?

— Нашим преимуществом стала магия... — Я с трудом удержался на краю омута воспоминаний. — Магия и оружие, опершиеся на силу агмарилла, который Орден и Церковь впервые использовали в том бою.

— Агмарилл... — негромко повторил Магистр Просперо. — Бесценный дар псоглавцев, миг позволивший людям стать самыми могущественными магами и самыми сильными бойцами Мира... Священный металл, исключительная привилегия Ордена и Церкви — с тех самых пор нет, наверное, ни единого Светлого и Тёмного Брата, не использующего колоссальные преимущества, которые агмарилл щедро дарует человеческому воину и особенно магу. Не так ли?

Я кивнул, подумав невольно о собственных Перстнях. И вправду, я настолько привык к

тому, что они постоянно со мной, в моём распоряжении, что само собой принимаю данные ими возможности. А ведь эти возможности не мои — собственной магической силы во мне нет ни капли...

— Задумался? — голос Магистра вернул меня к действительности. — Вот и я тогда задумался не на шутку... Если так, то выходило, что с тех самых пор, как Церковь с Орденом стали использовать агмарилл, нежить и начала неуклонно прирастать...

— Но ведь агмарилловое оружие и чары убивают нежить? — я внимательно посмотрел на Магистра.

— Убивают, — словно нехотя ответил он. — А что мы, собственно, вообще знаем об агмарилле? Кроме этого его замечательного и такого полезного для нас свойства, которое раскрыли нам псоглавцы? Да, собственно, ничего...

— В твоей теории много «дырок», Мастер. — Я покачал головой. — Агмарилл используется Церковью и Орденом повсеместно в Империи, а не только на её окраинах — нашествие же нежити наблюдается отчего-то именно в приграничье... Кроме того, агмарилл ведь изучает Академия, не так ли? Но пока ни одного заявления о его вредных или коварных свойствах я не слышал...

— Изучает, но достаточно однобоко. — Магистр скептически хмыкнул. — Учёные заикнулись на том, как бы извлечь из него ещё больше полезного — а им всегда будет мало... И насчёт нестыковок ты прав — но ведь я всего лишь предположил... Однако, если моё предположение хоть в какой-то мере окажется правдой... — Просперио покачал седой головой. — Ты хоть представляешь, Альтар, что тогда произойдёт?...

Крах привычного мира... Потеря лидерства, которую никак не простят побеждённые враги — или же жуткая гибель в прибывающем море порождений Тени... В любом случае, конец Империи людей, и неизвестно, какой страшнее. Я прикрыл глаза.

— Понимаю, Мастер. Но только если ты действительно прав, и связь между агмариллом и нежитью на самом деле есть... Либо — ты всё таки сумасшедший.

Магистр тонко усмехнулся.

— Есть единственный способ это проверить — нужно поставить эксперимент. И я им воспользовался. Почти год тому назад на Полуночных землях построили новый Оплот — в десятке дней пути от Акреста, присоединяя очередные «дикие» территории у гномьих границ. Комендант крепости — мой старый и верный друг. Он обещал помочь в моей затее. Суть её в том, что ни один Тёмный Брат из тех, кто несёт службу в этом форте, не пользуется агмарилловым оружием, доспехами, артефактами. Не пользуется вообще...

— Как?! — в это трудно было поверить.

— Да вот так. Весь агмарилл был собран до последней мелочи и тайно вывезен за пределы Оплота. Вместо него мимо Орденской казны было закуплено добротное оружие и боевое облачение, но из обычного металла. Кроме того, Братьев поддерживают несколько превосходных боевых магов, отучившихся в Академии, постоянно находящиеся на территории Форты. Это, разумеется, тоже, не афишируется. Увы, с Церковью так просто не договориться — и потому продвижение Церкви в том направлении приходится... откладывать. По веским причинам. Пока — удаётся...

— Невероятно! — выдохнул я. — И что... Неужели Капитул ничего не знает?!

— Ну, не зря же я был Мастером-Шпионом столько лет... — Просперио фыркнул. — Не знает, и чем дальше не будет знать, тем лучше. Я и так не доверяю Капитулу в полной мере, Альтар. А уж этот вопрос... Единственный человек кроме тебя, кому я мог бы

открыться — Император Рожерио Справедливый. Он, пожалуй, один, у кого достаточно ума, власти, а главное — совести, чтобы использовать полученные сведения по назначению и принять верное решение, способное спасти всех...

— Так что вам удалось выяснить? — я в нетерпении прикусил губу.

— Пока мало, — вздохнул Магистр. — Год — небольшой срок, сам понимаешь... Тем более, такие вещи не обсуждаются в переписке. Однако в последнем письме Варион — мой друг — намекнул мне на то, что ему уже есть, что мне рассказать. Но сам я не могу поехать в крепость... Переписка никого не смутит — я поддерживаю связи с половиной Ордена. А вот мой внезапный визит в заштатный Оплот никак не останется без внимания, и допустить этого я никак не могу... Вот почему, Альтар, я и позвал тебя. Каратель — вольная птица, тем паче, работа, которую ты делаешь для Ордена, многогранна и выбирается тобой. Никто не заподозрит лишнего, если ты, навестив старого Проспериио, как уже не раз бывало, отправишься дальше по своим делам. И если твои дела связаны с визитом в один из Полуночных Оплотов — ничего странного в этом не будет.

— Что ты хочешь, чтобы я сделал? — я прищурил глаза.

— Заедь к Вариону. Пусть расскажет тебе, что именно ему удалось узнать. Кроме того, осмотришь на месте, постарайся насколько возможно самостоятельно оценить ситуацию. Вопрос, который мы подняли, исключительно сложный и неоднозначный, ключевое значение здесь может иметь любая деталь. Даже та, что кажется на первый взгляд совершенно неважной. А твоим глазам я доверяю практически как своим... К тому же, быть может, Варион сам попросит тебя что-либо проверить или обратит на что-то твоё внимание — постарайся ему помочь.

— Как он поймёт, что мне можно доверять?

Проспериио снял с пальца небольшой перстень с печаткой. Протянул мне:

— Увидит это — поймёт. Кроме того, передашь ему поклон от старого Тодусаружейника из Кенлога и спросишь, по-прежнему ли Мэррайя так хорошо готовит жаркое по-салински... Этого будет достаточно, чтобы он понял, кто ты и от кого.

— Хорошо. — Я кивнул. — А что потом? Как я должен буду передать тебе то, что узнаю?

— В двух днях к полудню отсюда находится небольшое селение Каменный Ключ. Трактир там держит человек по имени Яспер. Заедешь туда на обратном пути. Закажешь у него светлого гномьего эля, и когда он по ошибке подаст тебе тёмный, прежде чем потребовать, чтобы растяпа разул глаза и заменил кружку, незаметно опустишь в неё моё кольцо. А потом снимешь в трактире комнату и передохнёшь пару дней...

Всё было ясно. Я склонил голову:

— Готов выезжать хоть сейчас.

— Не торопись, — усмехнулся Проспериио. — Вначале отдохнёшь и отоспишься. Не раньше...

— Единственное «но» — со мной колдунья... — нехотя добавил я. — Прежде мне нужно будет сделать крюк к Цитадели — не потащу же я её с собой...

— А почему бы и нет? — спокойно сказал Проспериио.

Я во все глаза уставился на Магистра... Ослышался?!

Моё изумление его определённо позабавило.

— Ты... серьёзно?!

— Более чем, — кивнул Магистр. — Послушай меня, Альтар. Дело вот в чём.

Агмарилловое оружие и побрякушки тебе придётся оставить. Брать их с собой в форт тебе нельзя — слишком многое поставлено на карту... Но совсем без магической поддержки ты не поедешь, это риск и просто безумие. Твоя колдунья — эльфийка, владеющая магией от природы. Её волшба не просто не связана с агмариллом — она ему противостоит! Просто идеальный вариант магического прикрытия...

— Нет, ты действительно сумасшедший!... — выпалил я.

Залпом выпил остаток чая, совершенно не чувствуя вкуса. Просперियो всегда был непредсказуемым... но чтоб до такой степени?!

Магистр наблюдал за моей реакцией с серьёзным видом, но в глазах плясали демонята.

— Бред, безумие... — я никак не мог успокоиться. — Кроме того... Ты представляешь себе Отвращённую ведьму, эльфу, которая стала бы добровольно помогать Орденскому Мечу Тьмы?!

— Представляю, — произнёс Магистр.

— Да она говорить с тобой не захочет!

— Захочет. И поговорит. Более того — согласится...

— Как ты можешь быть настолько уверен?

— Просто я знаю, как нужно просить о помощи. И что предложить взамен...

Шаэриэнн

Мои комнаты вовсе не были похожи на тюрьму. Первым шёл круглый уютный зальчик, декоративная дверь из которого вела в роскошно обставленную спальню... Огромная кровать с балдахинном, на полу — мягкий меховой ковёр, изящная деревянная мебель явно ручной работы, включая даже туалетный столик с приставленным к нему пуфом — одним словом, такому будуару позавидовала бы любая знатная дама. Однако тяжёлые деревянные створки, сомкнувшиеся за моей спиной, закалённая сталь оконных решёток, замаскированная под фигурную ковку, а также лёгкий едва уловимый «аромат» магии вокруг не оставляли и тени сомнения: ни одна тюремная камера не удержала бы меня надёжнее...

Чёрный быстро, но внимательно осмотрел комнаты — едва не обнюхивая, подобно сторожевому псу, каждый уголок, предмет обстановки... А потом молча исчез за дверями — надо полагать, остался доволен тем, как меня «разместили».

Я осталась одна.

Одна... Да уж. Я хмыкнула. Разумеется, за мной наблюдали — несложно было догадаться, для чего им понадобилась моя кровь и волос. Хрустальный шар стоял на столе в холле явно не просто так, для декору... А охранников, усиленно делавших вид, что скучают, слоняясь по этажу, выдавали глаза — чересчур умные и проницательные как для рядовых домашних слуг.

Ну и пусть. Главное — меня, наконец, оставили в покое.

Как только за Карателем захлопнулась дверь, я немедленно и с не меньшим тщанием повторила его действия — но, увы, в итоге пришла к тем же выводам, что и он. Сбежать не удастся.

Впрочем, не стоило лгать себе... Я поняла это ещё в каминном зале у лестницы, встретившись взглядом с седовласым хромым хозяином дома. Этот не выпустит, если уже поймал. Не оступится, не просчитается, не оставит ни малейшего шанса... «Мой» Чёрный

уважительно обратился к седому «Мастер». Чего уж говорить, достойный своего учителя ученик...

Однако это всё же была не Цитадель... И, если я верно поняла ситуацию, в Сером Рокстане не было ни её, ни ещё какого подразделения проклятого Ордена — иначе со мной бы не церемонились, выделяя спальню с пуфами и балдахинами. Полусырая камера в нижнем ярусе подвала, на руках и ногах агмарилловые цепи, в которых магу не-человеку надлежало дожидаться казни... а то и сразу пыточный зал. При воспоминании меня передёрнуло...

Деревянные двери внезапно раскрылись, практически бесшумно — и на моих глазах трое слуг под бдительным взором застывших у порога охранников внесли в комнату перед спальней чан для купания, который споро наполнили горячей водой. Справившись, они исчезли — так, словно их и не было, напоследок оставив на столе накрытый салфеткой поднос.

Пахло умопомрачительно. Не став ломаться, я откинула салфетку в сторону и обнаружила под ней обед из трёх блюд, которому тут же поспешила отдать должное.

Повар у седого «Мастера» оказался отменным. Привыкнув к сытным, но нехитрым деревенским харчам, я уже успела по-настоящему забыть вкус супа из перепелов, овощей, тушёных в сметанно-сырной подливе и сливочного пудинга. А уж после сухарей да вяленого мяса, которые приходилось есть в дороге последние дни, обед был воистину королевским...

Утолив голод от души, я полезла в ванну — она успела слегка остыть, но так было даже лучше. Тёплая вода нежно и ласково обнимала меня, заставляя забыть о ссадинах и синяках, унося куда-то боль и усталость последних дней и даруя одно-единственное желание — спать, спать, спать... Едва не задремав прямо в чане, я всё-таки нашла силы выбраться из воды и, обернувшись полотенцем, разыскать на дне моего вещевого мешка чистую рубашу. Что ж, хотя бы отосплюсь, раз всё равно больше ничего не получается... Нырнув под тёплое одеяло, я по обыкновению завернулась в него с головой, и ещё успела подумать с нарастающим ужасом, что тому, что сейчас не сумею сбежать, я на самом деле едва ли не рада. Почём зря обругала сама себя — и... крепко заснула.

Сколько прошло времени — не знаю. Но разбудил меня стук в дверь и деликатное покашливание у порога. Охранник, не входя в комнату, сдержанно сообщил, что меня приглашают спуститься вниз.

Приглашают?!... Надо же. Какие церемонии... С Отвращённой ведьмой.

Тем не менее, я встала и принялась одеваться, чувствуя, что отдохнула неплохо и в голове существенно прояснилось.

... Интересно, что им от меня понадобилось? Причём, по-видимому, обоим — и Чёрному, и его наставнику. Если бы я была нужна только Карателю, скорее всего, он просто зашёл бы сюда — у него-то, в отличие от меня, есть право свободно передвигаться по дому...

О чём нам говорить, я представляла смутно. Впрочем, в любом случае, у меня появилась возможность выйти отсюда. Пренебрегать ею не стоило.

Натянув штаны с сапогами и накинув поверх рубашки безрукавку, я подошла к деревянным дверям — и они тут же распахнулись, подтверждая мою догадку о магическом наблюдении. В холле меня уже ждали... Чёрный, также изрядно посвежевший, прервал беседу с моими сторожами и, окинув меня настороженным и каким-то странным — сомневающимся, что ли?! — взглядом, в ответ на мой немой вопрос всё так же без слов сделал знак следовать за собой.

Мы пересекли холл и спустились по лестнице в тот самый каминный зал, где накануне встретились с «Мастером». Седовласый уже ожидал нас там, сидя за столом, накрытым на три персоны. Он кивком головы поприветствовал Карателя, но заговорил... со мной:

— Присаживайся, Дочь Ночного народа. Раздели с нами завтрак...

Его голос звучал ровно и спокойно — так, словно он обращался не к бесправной пленнице, без пары мгновений заключённой, а говорил с гостьей, притом гостьей уважаемой...

И я не выдержала.

— Что, Ashratt раздери, это всё означает?! — Застыв посреди комнаты, я почти сорвалась на крик... — К чему это? Весь этот... балаган?!

Чёрный, резко остановившись, сделал шаг обратно ко мне, но седой остановил его взмахом руки.

— Постой, Альтар! Нам действительно стоит объясниться...

— Объясниться — со мной?!

Я перевела безумный взгляд с непроницаемого лица седовласого на Карателя:

— Ты!... Тащишь меня в Цитадель, чтобы сдать в лапы палачу и с чувством выполненного долга двинуть дальше по своим делам... Это как раз ясно! Положим, прежде тебе случилось по дороге непременно заехать сюда... Допустим, в этом доме нет камер и пыточных подвалов, не держат сухарей и прогорклой похлёбки — по странной прихоти хозяев пленницу кормят и содержат практически в тех же условиях, что и гостей... Но вот какого Chattan'a ты садишь меня — Отвращённую эльфийскую ведьму, беглую каторжницу! — за один стол с собой и своим... «Мастером»?! А последний обращается ко мне так, словно всю жизнь жаждал принять меня в этом доме... Даже Ashratt... Даже тот, кого вы зовёте Безымянным, не пал бы так низко, чтобы с мёдом на устах как ни в чём не бывало делить трапезу с врагом!!! И уж тем более, со смертницей, которую сам же и приговорил!...

Я замолкла, тяжело переводя дух.

Глаза Чёрного потемнели... Однако он не двинулся с места, лишь сквозь зубы произнёс, обращаясь к «Мастеру»:

— Я же говорил тебе — это бесполезно!...

— Не торопись... — по-прежнему спокойно проговорил седой. Мой безудержный монолог, похоже, не произвёл на него никакого впечатления. — Ты говоришь правду, Дочь Ночи. Правду, но не всю... Ведь правда ещё и то, что тебе очень не хочется умирать...

— Что ты знаешь о том, чего мне хочется?... — выдохнула я.

— Многое... Не всё, конечно, но многое. — Седоволосый, опираясь на свою трость, тяжело поднялся из-за стола. — Эх-х, старость... Уж поверь мне, я пожил на этом свете и видел достаточно, чтобы научиться делать выводы. К примеру, если бы ты действительно искала смерти, то уже давно нашла бы её в том лесу, где жила всё это время. Чего уж проще — пеньковая верёвка да ветка потолще... Омут с ледяной водой... Да хотя бы и острый нож, режущий вены... Нет, тебе нужно было не это. Ты упрямо цеплялась за жизнь, поддерживала в порядке скромное оружие, влачила убогое существование сельской ведуньи — во имя чего? Выходит, тебе есть, ради чего жить...

— Не лезь в мою душу!! — прорычала я сквозь зубы, чувствуя, как предательски защипало в уголках глаз... — Ты — Чёрный Пёс проклятого Ордена! Такой же, как он!... — я дёрнула головой в сторону застывшего в шаге от меня Карателя. — ... Такой же, как вы все,

бездушные твари, присвоившие себе исключительное право решать за всех в Мире, что разрешено, а что нет, опираясь на свой паршивый агмарилл... Покорившихся — швырять на колени, защёлкивая рабские ошейники... И убивать, вырезать, стирать с лица земли всех, кто не желает покориться!...

— Была война, — глаза седоволосого пронзительно сверкнули. — Войны ломают и калечат многие судьбы. С обеих сторон... Я бы мог сказать, что это вы, Дети Ночи, развязали её... Что вы были не менее беспощадны и жестоки, уничтожая приграничные поселения и города, а большинство людей, погибших от ваших клинков, не знают иного агмарилла кроме своей натальной Звезды... Но была война. Больше её нет, — жёстко закончил он. — Я не знаю тебя. Не знаю, за что ты оказалась в Седоне. Могу лишь предположить с высокой долей уверенности, что ты боевой маг, активно участвовавший в военных действиях и попавший в плен в самом конце войны — именно тогда ряды Седонских каторжников значительно пополнили эльфы... Но у меня нет личных причин желать твоей смерти. Как и у тебя моей — ты видишь меня в первый, и, возможно, в последний раз... Я говорю это для того, чтобы ты поняла: ты можешь быть полезна нам. А мы — тебе.

— Полезными?? — я ядовито усмехнулась. — Какая польза может мне быть от тебя, Чёрный Пёс?

— Твоя жизнь, — просто ответил седой. — Сейчас она в наших руках. Но ты сможешь получить её в своё распоряжение, если мы правильно поймём друг друга...

— ... И благополучно умереть, когда вслед за этим на моей шее сомкнётся Ошейник Каторжницы, получивший приказ от ваших посохов или колец!

— Нет. — Седоволосый покачал головой. — Ошейника у тебя больше не будет.

— Попросите знакомого палача? — съязвила я.

— Справлюсь сам.

— Вот даже как?

— Именно. Твоя жизнь будет вновь принадлежать только тебе — сделаешь с ней всё, что сама сочтёшь нужным.

— Оч-чень интересно... — протянула я. — Мечи Ордена готовы отпустить восвояси Отвращённую эльфу, избавить от Ошейника Каторжницы и дать ей спокойно уйти?

— Верно, — чуть склонил голову он.

— И вы готовы так легко преступить свои собственные законы? — выпалила я презрительно. — Законы, которые так истово защищаете?!

— Почему же? — поднял брови седой. — Законность будет полностью соблюдена. Помощь, оказанная Ордену, зачтётся расплатой за твои преступления. Как Первый Магистр, пускай и бывший, подобные решения во благо Ордена я вправе принимать пожизненно.

Я прищурилась:

— Мягко стелешь... ох, как мягко!... Но, увы, жизнь давно отучила меня верить словам — уж тем более, произнесённым врагами!

Магистр усмехнулся, одними уголками губ:

— Ну, Залог Смерти ещё никто не отменял.

Я онемела.

— Вы... пойдёте на это?!

— Да. — Седоволосый кивнул. — Как видишь, обман исключается. Полностью...

На этот раз я замолчала надолго. Мысли метались в голове вспугнутой птичьей стаей,

сердце гулко ухало в груди. Если они готовы дать такую клятву...

— ... Что же за помощь вы потребуете взамен?

— Успокойся, ничего сверхъестественного. — Магистр чуть повысил голос. — Я поручил Альтару одно задание... Ему понадобится магическая поддержка. Только и всего.

— Что за задание?

— Поездка с целью получить определённого рода информацию. Скорее всего, вы задержитесь на месте пару-тройку четвертей — надо будет проверить кое-какие выводы. Этого тебе знать достаточно. В любом случае, твоя задача будет вполне посильной — смотри в оба, слушай, наблюдай... Всё, что нужно, Альтар прояснит тебе по ходу дела, если в том будет необходимость. Помимо этого, на тебе бытовые заклятья... ну, и боевые — так, если вдруг придётся. Справится любой чародей, мало-мальски не бесталанный.

Я хмыкнула:

— Всё это он вполне сдюжит и сам...

— В этот раз Альтар не будет пользоваться агмариллом, — отрезал Магистр.

— Не будет?!

— Нет. Там, куда вы направитесь, агмарилл не в ходу. Для того и понадобится маг. Что ты ещё хочешь знать?

— Но тогда... почему я? У вас ведь полно своих, человеческих магов — тех, что готовит Академия... Так для чего вам «эльфа»?

— Прежде всего именно поэтому, — седоволосый развёл руками. — Мнение маговлюдей я и так буду знать — там, куда вы едете, их хватает. А меня интересует... взгляд со стороны. Не зашоренный, не предвзятый. Свободный от рамок, установленных Орденом или Академией. Другими глазами — но при этом глазами именно мага... Я уже подумывал о чём-то подобном. Но, разумеется, никак не рассчитывал, что Альтар нагрянет в мой дом вместе с эльфийской чародейкой. Впрочем, раз уж так сложилось... мне кажется, грех не воплотить хорошую идею в жизнь. Как ты полагаешь?

... Жизнь после рокового боя на Теондарре в один миг пронеслась передо мной. Две-три лунные четверти... и свобода! Свобода!!! Та самая возможность вернуться... посмотреть в глаза... заставить заплатить по счетам. Возможность, к которой я всё это время шла, так долго и так тяжело...

Так же заманчиво... как и невозможно.

Я прикрыла глаза — моего сожаления Чёрным не должно было достаться ни капли. Медленно, словно через силу, покачала головой:

— Ты всё складно говоришь. Да вот только ничего из этого не выйдет.

— Не выйдет? — переспросил Магистр после крохотной паузы. — Отчего же?

— Тебе нужна эльфийская колдунья. Я ею больше не являюсь.

Горько усмехнувшись, я подняла кисти рук к лицу.

Седоволосый, прищурившись, стремительно шагнул ко мне.

— Позволишь посмотреть?

— Смотри... Ваша, кстати, работа. Так что, если у тебя и были планы на мой счёт — распрощайся с ними. Твои товарищи успешно свели их на нет почти семь зим назад.

Я не шевельнулась, когда он осторожно взял мои руки в свои, приблизил к глазам. Заметила, как отвёл взгляд Каратель — зрелище ему было откровенно неприятно.

— Сам-то, небось, не раз так развлекался... — неожиданно для себя самой зло процедила я.

Мой внезапный выпад достиг цели. Чёрный дёрнулся и как будто оцепенел — сходство с каменным Ashratt'ом у озера стало просто невероятным... Взгляд, который он поднял на меня — я едва не отшатнулась...

Дрогнули губы, побелевшие от ярости:

— Не суди по себе...

— Хватит!!! — рывкнул Магистр, вырастая между нами. — Ты на службе, Каратель! Или забыл?!

— ... Прости. — Под буравящим взглядом седоволосого «Ashratt» с трудом, но отвёл глаза. — Больше не повторится.

— Славно. А ты... — теперь Магистр в упор смотрел на меня. — ... тоже имей в виду! ... Твоё дело выполнять работу — и ничего больше! Личному здесь места нет! Ясно?! Начнёшь показывать зубы — сделка отменяется... Я разыщу другого колдуна, пусть и потеряю время. Ты же — потеряешь всё.

— Ты ещё не уверился в том, что сделка невозможна?... — выпалила я, рывком высвобождая ладони из его рук.

— Нет. Напротив — уверился в обратном. — Магистр приблизил лицо ко мне и слегка сбавив тон, проговорил: — Над твоими руками хорошо поработали. Но, как целитель, могу заявить тебе с уверенностью: кое-что можно поправить. Не всё, конечно — увы, я далеко не всемогущ... Но своё дело знаю неплохо. Так, как было раньше, само собой, не будет. Но однозначно — будет лучше, чем сейчас... Это тоже станет частью платы за твою помощь. Если, разумеется...

— Да! — перебила я, удивившись тому, как внезапно охрип голос.

И ещё раз повторила, чеканя каждое слово:

— Да! Я согласна.

Альтар

— ... Ааа-а-а-ааааа!!!

Я поморщился и залпом выплеснул себе в рот остаток арвиньяка из пузатого бокала, который держал в руке. Безымянный — ох и дрянь!... Хотя стоит бутылка, должно быть, как хороший боевой конь. Однако Просперियो предпочитает всем другим именно этот напиток, и другого в кабинете не держит.

Рвущие душу вопли доносились из лаборатории Магистра, потайной вход в которую скрывала массивная книжная полка, сейчас выдвинутая наружу.

Это был уже третий.

То ли Завеса Тишины почему-то не работала, то ли Просперियो вообще её не ставил. Я был бесконечно далёк от всех этих магических штучек, равно как и от целительских — но то, что сейчас происходило за стеной, куда больше напоминало изощрённую пытку, чем чудо излечения... Правда, Мастер честно предупредил, что будет больно, и сильно — на что эльфа в свойственной ей манере лишь презрительно хмыкнула. И вот теперь...

— Ааа-а-а-аааааоооооооооаааа!!!

Демоны!!!

Швырнув на покрытый бумагами стол тенькнувший бокал, я в три шага пересёк кабинет и дёрнул на себя ручку двери, утопленной в стене. Распахнул дверь, и... нос к носу

столкнулся с Просперио, утирающим со лба пот.

— Куда лезешь? — прикрикнул Магистр, заступая мне дорогу.

Я хмуро уставился на него и брякнул:

— Ты что, прибить её решил?

— О, Таргос Справедливый — дай силы!... — Просперио взвёл очи горе. — Учить он меня вздумал! Целитель, Тень тебе в... диплом! Так — раз уж ты всё равно здесь, не торчи без дела! Сбегай в мою спальню и принеси эбеновый жезл. Эбеновый, понял? Чёрный такой, гладкий. Он в шкатулке у изголовья кровати...

Мастер развернулся было обратно, но замер на пороге:

— А, впрочем, тащи-ка сюда её всю! Дело пошло сложнее, чем я ожидал... Пусть будет под рукой — на всякий случай.

Искать шкатулку долго не пришлось — резной ларец на столике под светильником сразу бросился в глаза. Я сгрёб его в охапку и рванул назад. Слуга, замерший у двери, благоразумно и очень споро посторонился, не выказав ни малейшего сомнения в моём праве рыскать в личных покоях хозяина. Магистр, видимо, заранее успел дать распоряжения и на этот счёт — хотел бы я знать, как ему удаётся всё на свете предвидеть?...

Влетев в кабинет, я снова распахнул дверь в лабораторию, но на этот раз за ней меня никто не ждал. Перепрыгнув через три плоские ступеньки-порожка, я замер в арке, выходящей в небольшую круглую комнату с высоким куполообразным потолком.

Золотистый шар, висящий в воздухе, заливал лабораторию неярким мягким светом. Второй источник света — розовато-алая полусфера — пульсировала, то увеличиваясь в объёме, то сжимаясь, над поверхностью плоского каменного стола, напоминающего алтарь. Кисти рук эльфийки, без движения застывшей в высоком кресле, полностью тонули в алом сиянии. Рядом суетился Просперио, то и дело что-то меняя, поправляя на столе, время от времени сверяясь с толстой книгой, закреплённой на специальной подставке. Его руки стремительно двигались, вычерчивая в воздухе тонкой палочкой со светящимся концом какой-то замысловатый узор, который не торопился гаснуть, а продолжал, сияя, дополняться всё новыми и новыми элементами... Не отвлекаясь от своего занятия, он вытянул в мою сторону свободную руку. Я подошёл ближе, стараясь двигаться как можно осторожнее, чтобы ненароком ничего не зацепить, и вложил шкатулку в раскрытую ладонь.

Мастер, так же не глядя внутрь, распахнул крышку и на ощупь выхватил нечто, напоминающее чёрный расщеплённый кверху стек. Резким движением воткнул его в центр стола.

Стек вошёл в камень, словно в масло. Засветился изнутри, разгораясь... Миг — и на волю вырвался яркий слепящий луч, вклинился в светящийся узор, нарушив его гармонию. Алая полусфера заволновалась, заколыхалась ещё сильнее, грозя выплеснуться за сдерживающие её незримые пределы, словно сдобное тесто из кадки. Эльфийка рванулась в своём кресле, закатив глаза, изогнулась дугой...

Едва слышно звякнул металл. Правая кисть колдуньи, внезапно обретя подвижность, резко дёрнулась в сторону.

— Т-тень!... — Просперио метнулся к столу, на ходу выхватывая из углублений по краю какие-то тёмные шары, не церемонясь, швыряя их прямо на пол под ноги. — Держи! Держи её руки... Крепко держи!

Я одним прыжком оказался возле эльфы. Перевалившись через кресло, вцепился в предплечья у самых локтей, прижимая их к гладкой поверхности.

— Сам только в салюдабле не суйся! — шумно выдохнул Мастер.

— Куда?! — прохрипел я. Удержать колдунью в таком положении получалось с трудом

— как будто происходящее, отнимая сознание, прибавляло ей силы...

— В эту розовую дрянь! Собьёшь к Безымянному мне всю наладку... Нет, насколько же с эльфами тяжелее, чем с людьми!...

Сочтя инцидент исчерпанным, Просперио повернулся к нам спиной. На столе снова загремели какие-то колдовские штуковины, засверкал, слепя глаза редкими вспышками, подправляемый узор...

Магия снова начала действовать, быстро возвращаясь в прежнюю колею. И эльфа закричала — закричала опять, пронзительно, страшно, так и не прекращая попыток освободиться и не приходя в себя...

Я знал, как увидеть её боль. Вот же она — комок клубящихся теней, плотно сгустившихся вокруг рук, зыбким маревом обволакивающая всё тело... Увидеть боль совсем нетрудно — это самые азы пыточного ремесла. А вот распутать проклятый клубок в силах только тот, кто хорошо умеет управлять болью — и чужой, и своей, чувствовать её, направлять нужной дорогой. «Сам-то не раз так развлекался...». — всплыли в памяти едкие эльфийкины слова.

Ты права — не раз. Делал работу, исполнял долг, мирился с необходимостью.

Вот только не развлекался... Никогда.

Крохотный сгусток тени, впившийся колдунье в затылок, маячил прямо перед глазами. Я сосредоточился, считая про себя... Раз. Два. Три!

Зацепил. Потянул...

Вспышка боли пронзила виски. Безымянный!... Малость не рассчитал... Медленнее, медленнее... Эльфийкина боль хлынула в меня, словно из бочки, откуда только что вышибло затычку. Демоны, сколько же её! Меня подхватило, закружило в водовороте, разрывая мысли на тысячи кусков, глуша сознание...

Сквозь густую пелену, словно из другого мира донёсся возглас Просперио: «Ты зачем... Безумец!...».

— Делай... Что должно... — выдохнул я, прорываясь через поток.

Боль вцепилась в меня, не желая отпустить, заартачилась, будто норовистый конь — но я успел удержаться, перехватил «узду»... Почувствовал, как волна медленно откатывает назад, начинает сосредоточенно давить на виски, затылок, руки... Теперь было легче — начиналась простая борьба. Демонски неприятная, но уже на равных...

Эльфа уже не кричала — постанывала, глухо и совсем тихо... И больше не вырывалась — хорошо, потому что сейчас я бы вряд ли сумел её удержать. Алый свет салюдабле пульсировал размеренно и ровно — заклятье, не встречая больше сопротивления, без лишних помех выполняло свою задачу.

Я почувствовал, как губы сами по себе растягиваются в победной ухмылке — должно быть, со стороны выглядевшей совсем уж по-идиотски, но бороться ещё и с собой не хотел и не мог.

— А... — не видел, но готов поклясться, что Магистр обречённо махнул рукой. — Ненормальный... Поступай, как знаешь.

Способности упрямыться и спорить, похоже, вернулись к остроухой колдунье первыми.

Когда всё закончилось, Просперио, наложив на руки эльфе бинты и лубки, велел ей отсыпаться самое меньшее до ужина. Но уже через несколько ор она появилась на пороге своей комнаты — осунувшаяся, взъерошенная, с тёмными кругами вокруг глаз — и, пошатываясь, медленно двинулась вниз по лестнице, демонстративно проигнорировав как меня, так и охранников, попытавшихся помочь. Я пожал плечами, кивнул людям Просперио, что справлюсь сам, и не торопясь пошёл за ней следом, уже догадываясь, что произойдёт.

— Так... И какого это, позволь спросить, демона?

Магистр вырос на пороге кабинета, словно бес из табакерки, одарив гордичку весьма красноречивым взглядом.

— Ты обещал... — слова всё ещё давались эльфийке с трудом. — Провести Залог. И избавить меня... от Ошейника.

— Обещал — сделаю! — громыхнул Просперио, сведя брови к переносице. — Как только будешь готова!

— Я готова! — заявила эльфа, но была перебита тоном, не терпящим возражений:

— А это не тебе решать! Я не для того тратил столько времени и сил, чтобы теперь одной глупостью свести на нет весь результат!... Тебе нужны руки? Спрашиваю — нужны?

— Да! Но...

— Какие могут быть «но»?! Сейчас же возвращайся в постель, и чтобы я не видел тебя на ногах пока сам, лично не разрешу тебе встать! Ясно?! Тогда и поговорим, а пока — разговор окончен!

Эльфийка раскрыла было рот, явно не собираясь отступать, но Просперио уже исчез в кабинете, от души хлопнув дверью за спиной.

— Лучше бы тебе его послушать. — Колдунья медленно повернулась ко мне, бледнее то ли из-за слабости, то ли от ярости, но я лишь развёл руками. — Он из тех врачей, что скорее сам тебя убьёт, чем позволит нарушить свои предписания...

Взгляд эльфийки задержался на бинтах на моих ладонях.

— Что... это? — Она нахмурилась. В глазах что-то промелькнуло...

Я, ругнувшись про себя, убрал руки за спину.

— Глупость.

Хорошо, что она была без сознания. Та ещё глупость... Чтобы не сказать больше. Я себе не мог объяснить, какой демон тогда дёрнул меня её совершить. А уж остроухой — и подавно не собирался.

— Наверх поднимешься сама, или тебе помочь? — добавив голосу побольше любезности, осведомился я.

Как и рассчитывал, получил в ответ волну ледяного презрения. Колдунья сразу же забыла о моём существовании и, закусив от натуги губу, сосредоточилась на ступеньках. Я подождал, пока она вернётся в комнату, и пошёл, куда направлялся до того — на конюшню. Рио пора было промять.

Вряд ли Просперио пошёл эльфийке навстречу — думаю, он просто на самом деле счёл, что настало время. Как бы то ни было, но обряд Залога Смерти он провёл уже этим вечером, сразу после ужина.

Отчего-то я был уверен, что предстоит длинная занудная церемония, полная пространных речей и дурацких напыщенных действий. И потому очень удивился, когда Магистр, поднявшись из-за стола, сунул мне в руки маленький полотняный свёрток, внутри

которого что-то глухо звякнуло, и предложил подняться в комнату к эльфийке, чтобы исполнить обряд прямо там.

А вот эльфа совершенно не удивилась нашему появлению у неё на пороге, напротив — сложилось такое впечатление, что она только нас и ждала. Из комнаты она больше не выходила, очевидно, всё же вняв настояниям Магистра и потратив это время на отдых — во всяком случае, выглядела сейчас колдунья получше, чем утром. Довольно ловко орудуя закованными в лубки руками, сняла со стола поднос с пустой посудой от ужина, освобождая место — я перехватил его, передал дежурящему в коридоре слуге, и, повинувшись жесту Проспериио, запер изнутри дверь на ключ.

Магистр пододвинул к столу три свободных кресла, дождался, пока мы сядем, и развернул полотно. Под нашими внимательными взглядами он бережно извлёк из свёртка три тонкие металлические цепочки, прозрачный шар величиной с куриное яйцо и маленький нож замысловатой формы с белой костяной рукояткой. Эльфа, в отличие от меня, очевидно, прекрасно понимала, что должно произойти, поскольку тут же, пробежавшись глазами по столу, пододвинула к Проспериио пустую пиалу и графин с водой.

— Справа от тебя подсвечник на комодё... — я не сразу сообразил, что она обращается ко мне.

Спохватившись, снял с полки латунную лиру, увенчанную свечой. Протянул ей через стол:

— Это?

Эльфийка мотнула головой:

— В середину поставь.

Проспериио чиркнул спичкой, поднёс её к фитилю.

— Готовы? — бросил он, наблюдая, как на кончике свечи расцветает пламенный лепесток.

Я кивнул. Эльфа промолчала, но взгляд её был куда красноречивее слов.

— Ну, тогда вперёд...

Прозрачный шар Магистр положил в пиалу. Затем туда же опустил концы цепочек, внимательно следя, чтобы они не соприкасались друг с другом. После этого заполнил пиалу водой из графина до самых краёв.

Несмотря на позднее время, света хватало — свеча в подсвечнике в виде лиры была в комнате, разумеется, далеко не единственной. Однако когда шар на дне пиалы, ловя отблеск её пламени, засветился изнутри бледным синеватым светом, мне вдруг показалось, что воздух вокруг стола сгустился и потемнел.

Магистр наклонился к столу, вытянул над пиалой ладонь:

— Я, Проспериио, сын Маноло, бывший Первым Магистром Ордена Тьмы и оставивший службу, но оставшийся верным Таргосу Темнейшему и тому, во имя чего служил... — негромко, но чеканя каждое слово заговорил он, — ... своей жизнью и посмертием ручаюсь, что сдержу обещание, данное находящейся здесь дочери Ночного Народа. В обмен на поддержку магией и помощь в поиске интересующих меня сведений, оказанные ею присутствующему здесь Мечу Тьмы обещаю признать наказание, наложенное на неё Орденом, исполненным. После выполнения означенным Мечом Тьмы моего задания даю слово предоставить ей полную свободу, никоим образом не иницируя её розыск и преследование...

Он уколол палец кончиком ножа и замер на мгновение, пока в воду не сорвалась алая

капля.

— Прими мой залог!

Свеча в центре стола полыхнула и задрожала, а слабое сияние шара внутри пиалы вдруг усилилось резкой слепящей волной — от неожиданности я едва успел отвести глаза...

Магистр молча повернулся к эльфе, шевельнувшейся в своём кресле. Та повторила его жест, неловко протянув вперёд обмотанную бинтами руку.

— Я, Shaerriaenne Ad Aella En Thal'liae Ness'edhi-Ra, fiella Rocca, dea y dearranne... — осекшись, она продолжила по-имперски, — ... кровь от крови Созвездия Тёмного Пламени своей жизнью и посмертием ручаюсь, что по мере сил и возможностей окажу оговоренную помощь присутствующему здесь... Карателю, в обмен на свободу и возможность беспрепятственно отправиться своей дорогой после того, как необходимая помощь от меня будет получена. Darhe T'hanne!... Прими мой залог!

Просперियो поднял нож и, помедлив мгновение, царапнул эльфе кожу у локтевой ямки — как раз там, где заканчивались бинты. Ещё одна капелька крови скатилась в пиалу... Шар снова вспыхнул — словно пламя костра, в которое щедро плеснули масла, а свеча так и вовсе едва не погасла: незримый порыв ветра на этот раз дунул ещё сильнее.

Магистр подождал, пока огонёк на фитиле успокоится и снова разгорится ровно, и посмотрел на меня. До сего момента мы не обсуждали с ним ни предстоящий обряд, ни мою роль в нём, но что от меня потребуется, я уже понял.

— Я, Аласдайр Таргос ар Кэррайн... — протянув руку к шару, произнёс я, копируя уже прозвучавшие Обращения, — ... Каратель и Меч Ордена Тьмы, своей жизнью и посмертием ручаюсь, что после того, как получу необходимую мне помощь и исполню задание Магистра Просперियो, предоставляю полную свободу присутствующей здесь Шаэриэнн, эль... дочери Ночного Народа, и не стану преследовать её. Прими мой залог!

Нож Магистра уколол мне палец. Моя кровь смешалась в чаше с кровью его и эльфийки; шар полыхнул совсем уж неистово — на мгновение вокруг стало светло, как днём — после чего, рванувшись последний раз, умер огонёк свечи и от фитилька потянулся тонкий хвост белесого дыма...

Несколько долгих мгновений за столом царила гробовая тишина. Затем Просперियो протянул руку, придвигая пиалу к себе. Я успел заметить, что шара в ней больше не было.

Магистр наугад достал из воды одну из цепочек, перекинул через ладонь. Протянул эльфийке:

— Как видишь, Залог принят...

Колдунья слегка склонила голову, принимая цепь. Теперь на ней была подвеска, маленькая капля размером с напёрсток, прозрачная, как слеза — и лишь в самой глубине её, едва заметный, клубился сгусток синеватой дымки...

Подвеску эльфийка надела на шею; Просперियो помог ей справиться с замком. Следующую цепочку Магистр протянул мне, последнюю взял сам. Поколебавшись, я последовал примеру колдуньи, гадая, как новообретённый амулет будет соседствовать с ритуальным кинжалом и ещё парочкой боевых «побрякушек» — однако всё оказалось намного проще. Стоило мне застегнуть цепь на шее, как амулет... исчез. А вот странное чувство, что он по-прежнему на мне — осталось.

— Принятый Залог не нуждается в форме, — обронил Магистр. — Смерть и без этого знает, что спросить с отступников, и никогда не щадит таковых... Наши намерения честны, — обратился он к эльфе. — Теперь ты в этом убедилась.

— Ошейник... — чуть хриплым от волнения голосом проговорила колдунья. — Когда ты снимешь его?

— Завтра. А пока — отдыхай... Восстанавливай силы, — Просперิโอ поднялся с кресла, сделав мне знак следовать за ним. — Магия, тем более — такая, не любит спешки. На сегодня достаточно...

* * *

Руки эльфийской колдуньи приходили в форму на удивление быстро. Через три дня Магистр, определённо довольный результатом своих трудов, уже снял лубки, а ещё через день избавил её и от многослойных обмоток, взамен вручив мазь для втираний и велел первое время не снимать тонкие перчатки. Таким образом, более ничего не препятствовало нашему отъезду. Его я наметил на раннее утро — путешествовать посолонь всё же куда легче, чем в темноте, и я не собирался упускать ни одного драгоценного светлого мгновения, на которые зимние дни и без того непозволительно скупы.

Накануне отъезда поздним вечером Просперิโอ пригласил меня к себе в кабинет. Я достаточно хорошо знал Магистра, чтобы почувствовать, что разговор предстоит серьёзный и речь пойдёт не только о напутствиях в дорогу.

Я не ошибся. Кивком велел мне запереть за собой дверь, Мастер, тяжело опираясь на трость, прошёл к дальней стене кабинета. Мягко щёлкнул замок на внушительном сейфе гномьей работы — я знал, что там Магистр держит самые ценные вещи. Через несколько мгновений на стол передо мной легли записки Дейариса и эльфья книга.

— Я работал с ними всё это время, — Просперิโอ задержал руку на пухлой стопке листов. — Ты хоть представляешь, что нашёл, Альтар?

В его голосе что-то неуловимо изменилось — что-то, мгновенно заставившее меня напрячься.

— Я подозревал, что это окажется ценным... — пробормотал я.

— Но даже не представляешь, насколько! — перебил Магистр, не сумев скрыть волнения. — Этот твой Дейарис... Боги-Братья, какая же досада, что я уже не смогу сам с ним поговорить! Заклятье, что превратило посредственного мага-человека в чародея редкой силы — лишь капля в море... В этих бумагах подробно описаны два десятка подобных сочетаний! Два десятка формул, возводящих замысловатые эльфийские конструкции из привычных человеческой магии основ на агмарилловом фундаменте! Стройные, красивые, пугающие своей простотой, доступные до невероятности... Что из них теория, а что, кроме уже упомянутого, было испытано на практике и как именно, я не могу сказать, всё же я — Целитель, и мои познания в этой области, увы, лишь поверхностны, не более... Но совершенно ясно то, что это — прорыв, Альтар! Готовый трактат на степень Архимагистра, причём минуя все промежуточные ступени!...

Не удержавшись, я присвистнул.

— Именно! — энергично закивал Просперิโอ. — Можешь представить себе мой восторг, когда я понял, что именно держу в руках!... А потом... Потом появилась паника. Альтар, ты понимаешь, что эти сокровища настолько ценны, сколь же и опасны?

Я кивнул.

— Да — если попадут не в те руки...

— И потому первым моим побуждением было сжечь эти бумаги, — признался Магистр. — Однако я не сделал этого. И не сделаю... Кроме того, что это само по себе будет жесточайшим преступлением против магии на службе людей, далеко не факт, что бумаги жреца Дейариса — первая и единственная наработка неизвестных нам магов в этом направлении... Потому эти бумаги ни в коем случае не должны погибнуть! Но и доверить их возможно исключительно тому, кто сумеет изучить их от руны до руны, не привлекая и толики лишнего внимания!... Кому хватит разума и подготовки разобраться, что в них правда, а что вымысел, и выдержки удержаться от искушения использовать эти знания в угоду собственным честолюбивым планам... Это должен быть настоящий учёный, далёкий от интриг, политики и борьбы за власть! И потому я попрошу тебя ещё об одном одолжении. Нужно будет, чтобы ты немного сменил направление вашего маршрута. Прежде, чем отправишься в Оплот Туманного Клинка, я хочу, чтоб ты заехал в Либрариум Академии Магов в Еланевой Пади...

Просперियो бросил на меня острый внимательный взгляд. Я был одним из немногих, если вообще не единственным, посвящённым в самую главную его тайну.

— Он должен сейчас быть там... В начале прошлой луны его пригласили прочесть курс лекций о магических свойствах минералов Полуночи — этой темой он увлекается с тех самых пор, когда ещё был адептом. Уже Посвящённый Третьей ступени, представляешь? — в голосе Просперियो скользнула тайная гордость. — Теперь готовится стать Магистром — а ведь ему едва минуло двадцать пять!...

— Есть в кого, — заметил я.

— Ну, скажешь... — усмехнулся Просперियो. — Я всё-таки получил магистерскую степень, лишь разменяв четвёртый десяток... Мальчишка определённо способнее и талантливей — и я, Безымянный дери, безумно рад этому!

— Давно его не видел...

— Знаешь, я тоже, — вздохнул Магистр. — Всегда боялся направить в его сторону лишние глаза, и в особенности сейчас... Антонио тоже помогает мне в этом деле, Альтар, — помолчав, признался он. — Вот уже несколько лет он по моей просьбе вплотную занимается агмариллом — тайно, очень осторожно, нигде не афишируя своих изысканий... Если бы не лекции, которые он читает в Либрариуме, ты, скорее всего, застал бы его у Вариона в Оплоде — последний год он в основном работает там, в составе группы магов, обеспечивающих поддержку. Однако я хочу, чтобы эти бумаги, а также — книгу, ты передал именно ему, в собственные руки. Знать о них не стоит даже Вариону, так будет лучше для них обоих. Поэтому я настоятельно прошу тебя сделать крюк...

— Либрариум всё равно по пути, — я внимательно посмотрел на Магистра. — Разумеется, я выполню твою просьбу. Кроме того, возможно, у Тонио тоже найдётся, что мне рассказать... И что передать тебе.

— Скажешь ему, что его старый ворчливый отец... — глаза Просперियो неуловимо потеплели. — В общем, заводит вечную, как мир, песнь о том, чтоб был поосторожнее и берёг себя. А ещё любит его, шалопая. Радует за него... И очень скучает.

— Хорошо, — я наклонил голову. — Обязательно скажу.

— И, Альтар... — Магистр наконец прекратил мерять кабинет шагами и остановился прямо передо мной. — Всё это в той же мере касается и тебя... сынок. В особенности просьба быть осторожнее. Прошу, не пренебрегай ею...

Я едва сумел сдержать удивление. Я всегда знал, что Магистр тепло относится ко мне,

но вот высказывал это Просперियो впервые.

— Всё это верну тебе завтра на рассвете, — Мастер отвернулся к столу, преувеличенно громко зашелестел бумагами. — Пускай переночуют в сейфе... эх-х, там бы им и оставаться!... Впрочем, разворчался я что-то не по делу, не обращай внимания... Иди, отсыпайся перед дорогой. Силы тебе понадобятся...

Мне на миг показалось, что с губ Магистра вот-вот сорвётся фраза, так явственно не дающая ему покоя... Однако больше Просперियो так ничего и не сказал.

А я не спросил.

Шаэриэнн

Мы выехали с рассветом. Седоволосый Магистр лично вышел проводить нас в путь.

Прощание вышло недолгим, суховатым и каким-то неловким: очевидно, все слова были сказаны Мастером и его учеником накануне, а, возможно, просто мешало моё присутствие. Как бы там ни было, но, когда лошади медленным шагом пошли вперёд, унося нас в сторону уже единожды виденной мною площади перед Церковью, я, в отличие от упрямо сжавшего губы Карателя, не смогла сдержаться и обернулась.

Грузная фигура в чёрном плаще — не таком, как у Карателя, а обычном, гражданском — тяжело опираясь на трость, без движения замерла у приоткрытых ворот, глядя нам вслед. Встретившись с его внимательным взглядом, я медленно склонила голову... и получила точно такой же поклон в ответ, за мгновение до того, как дымка утреннего тумана, а затем — и поворот дороги скрыли от нас и дом-замок, и его владельца, так неожиданно и странно преломившего мою судьбу.

Я, в который уже раз за эти несколько дней, подняла кисти рук к глазам. В удобных перчатках из мягкой кожи, они сейчас на вид вообще не отличались от здоровых. Я медленно растопырила пальцы, пошевелила ими, сжала кулаки... Эти простые движения всё ещё давались мне с трудом и выходили не идеально. Но, Ночь Всеблагая, какое же несравнимое ни с чем блаженство я испытывала, когда просто крепко сжимала повод... Скручивала крышку на фляге с водой... Выбирала в холщовом мешке сухарик, чтобы угостить лошадь...

Да, теперь у меня была и лошадь из конюшни Просперियो — пепельно-серая крепенькая кобылка лерренской породы, с которой мы, похоже, сразу же нашли общий язык. И оружие... Два меча, ладнойковки и доброй стали, в подогнанных по размеру удобных ножнах за спиной.

И пусть эти клинки и не были моей парой, сотворённой специально для меня первыми оружейниками Долины — теми, что я впервые взяла в руки в день, когда Выбрала Путь и с которыми не расставалась до самого Теондарра. Пусть моя лерренка, забавно потряхивающая подстриженной гривой и отзывающаяся на милое прозвище Мирри, и уступала в стати и породе вороным и серебряно-белым скакунам из конюшни моего отца. И пускай мои руки восстановили силы и подвижность хорошо, если на десятую часть от того, какими они были прежде, чем над ними поработал Палач... Всё это казалось сном — слишком удивительным и нереальным для того, чтобы случиться на самом деле.

Оружие, лошадь и... руки — вместо клейма Отвращённой и плахи. Вместо каземата — свобода. Вместо неминуемой смерти — жизнь, а с нею возможность свершить свою

расплату... И ничего сверхъестественного, фальшивого или преступного взамен.

Разумеется, я старалась честно выполнять взятые на себя обязательства, обеспечивая магическую поддержку в дороге. Однако судьба и здесь, похоже, решила побаловать меня: попутчиком мой Каратель оказался на редкость непритязательным. Он вообще ничего не требовал. Лес «читал» грамотно и точно, был способен выбрать направление движения по Солнцу и звёздам едва ли не точнее, чем я с помощью чар, а с разведением костров на привалах и приготовлением нехитрой походной пищи и вовсе справлялся безо всякой магии, стоило мне чуть-чуть промешкать... Но вот за что я на самом деле возблагодарила Свет и Тьму — так это за то, что он оказался молчалив. Не лез в душу, не пытался скоротать монотонную дорогу пустопорожней болтовнёй... Путешествие явно не тяготило его — определённо, он был привычен к затяжным переходам и суровым условиям Полуночи. Складывалось впечатление, что обо мне он вообще вспоминал только тогда, когда во время привала разливал суп по двум тарелкам или платил за две комнаты в корчме.

Меня такое положение дел более чем устраивало. В пути я следовала за Карателем, как нитка за иголкой, а в свободное от переездов и походных хлопот время потихоньку разрабатывала руки, вспоминая движения и пассы, к которым неспособна была вернуться в течение долгих лет.

Заклятья действительно удавались всё лучше. Но вот бой на мечах...

Первая же лесная ночёвка, когда, облюбовав укромную полянку подальше от костра с одеялами, рассёдланными лошадьми и привычно замершим у самого пламени Карателем, я приступила к танцу-с-тенями, жестоко разочаровала меня. Парные мечи, некогда самое привычное и любимое моё оружие, теперь совершенно меня не слушались. Рукояти то и дело выскальзывали из пальцев, я не справлялась ни с балансом, ни с весом, не могла не то что провести приём — но даже удержать клинки... Вот теперь мне со всей горечью стало ясно, почему Магистр Просперियो, лично сопроводивший меня в оружейную башню своего замка, чтобы дать возможность подобрать оружие по вкусу, не одобрил тогда мой выбор. Однако я, ослеплённая радостью встречи со своими мечами, ничего не хотела слышать... И вот результат.

Той ночью я была настолько раздавлена этим, что едва не разрыдалась, как глупая девчонка, с воплями катаясь по снегу... И только присутствие неподалёку Карателя чуть протрезвило меня и заставило сдержаться. К костру я вернулась совершенно убитая, ужинать не стала — кусок просто не лез в горло, и полночи просидела, глотая слёзы и бездумно таращась на огонь.

Именно тогда я поняла, что Каратель не спит. Вообще не спит.

Ещё когда мы держали путь из Нижнего Рогачика к Рокстану, где жил Просперियो, я обратила внимание на то, что, когда засыпаю, Чёрный всё ещё бодрствует, по обыкновению любуясь костром из-под прикрытых век. Вставая же каждое утро, я непременно заставляла его уже на ногах. Тогда я списала это на необходимость стеречь меня, ценную добычу, пресекая в зародыше любые мыслимые попытки сбежать. Но теперь, когда нужда следить за мной отпала, Каратель по-прежнему вёл себя так, словно обходиться без сна для него было самым обычным делом. Я не стала вникать, почему — сейчас меня куда больше волновал факт моей несостоятельности как бойца... Но в памяти это отложилось.

На следующей ночёвке я повторила попытку танца. На сей раз, не мудрствуя лукаво, просто прибинтовала рукояти к рукам. Получилось плохо — но всё же получилось. Я по-прежнему не чувствовала клинков так, как раньше, когда они казались мне продолжением

моего тела — но теперь они хотя бы не выпадали из ладоней, давая возможность вспоминать движения. Однако даже это давалось мне настолько тяжело, что за весь бой, длившийся не больше полуоры, я успела измотаться и устать так, словно всё это время не танцевала, а таскала мешки с углём...

Вконец обессилив, я рухнула на ближайший пенёк и принялась зубами развязывать затянувшиеся узлы, в отчаянии сознавая: там, около Сибиллиной избушки, со старым щербатым мечом... и с прежними калечеными руками у меня получалось не в пример лучше, чем сейчас!

— Ты неправа...

Негромкий голос, раздавшийся за спиной, заставил меня испуганно подскочить на пеньке:

— Что?!

— Ты неправа, — спокойно повторил Каратель, подходя ближе. — Они пока ещё слишком тяжелы для тебя, — он кивнул на мечи. — Начинать следует не с этого.

— А с чего, по-твоему? — сердито прошипела я, до боли раздосадованная его внезапным появлением.

Вместо ответа передо мной на снег с тихим стуком упали две палки — ровные, зачищенные от сучьев еловые ветки, по толщине и длине очень напоминающие мои мечи.

— Попробуй пока с ними. Рукам надо дать привыкнуть.

Я ошарашено уставилась на палки, но не успела ничего сказать в ответ. Чёрный развернулся и так же неслышно исчез в темноте, в том направлении, откуда пришёл. Я проводила его глазами — а потом, подумав, подняла палки с земли. Сделала пару шагов вглубь поляны, встала в стойку, беря наизготовку новые «мечи»...

На этот раз всё действительно вышло намного удачнее. Тело само подсказывало нужные развороты, уклонь, удары...

Свет и Тьма! Я помнила! Я не забыла!...

... К костру я вернулась спустя ору, почти ликуя. Аккуратно положила стальные мечи на землю возле тюка с вещами, рядом с ними — новообретённые деревянные.

Каратель дремал на брошенном у огня плаще.

Просто промолчать было бы несправедливо.

— Спасибо, — обронила я.

— Не за что, — негромко откликнулся Альтар...

* * *

О том, что наш путь лежит через Еланевую Падь, я узнала утром пятого дня, собравшись, как обычно, рассчитать маршрут дневного перехода.

— Ты ничего не говорил об отклонениях от курса! — Я возмущённо ткнула в карту пальцем. — Очевидно же, что Падь лежит в стороне... Напрямую, держась Волчьего тракта мы будем в Оплоте быстрее!

— Мы и не отклоняемся. — Альтар взял у меня карту, свернул и принялся укладывать в поясной футляр. — Просто поедем в Оплот через Либрариум. Это не займёт много времени от силы полдня...

— В условия нашего договора это не входило! — нахмурившись, заявила я.

— Отчего же? — внимательно посмотрел на меня Каратель. — Ты помогаешь мне в Оплоте и по дороге к нему, но путь выбираю я. Целесообразность своего выбора я объяснять не обязан. Где и в каком месте я нарушил договор?

— Это имеет отношение к заданию? — выдержав паузу, произнесла я сквозь зубы: придраться действительно было не к чему, но сам факт подобного «сюрприза» меня неприятно задел.

Чёрный невозмутимо кивнул:

— Да, имеет.

Разумеется, у меня не было никакой возможности проверить его слова, но на всякий случай я предупредила:

— Учти, если речь идёт о твоих личных делах — участвовать я не стану.

— Учту, — коротко ответил он. — Не волнуйся, ничего сверх того, что ты делаешь сейчас, от тебя не потребуется.

Больше мы на эту тему не говорили — и не говорили вообще. Просто когда, добравшись до нужного пересечения троп, Альтар свернул с Волчьего на боковой тракт, также достаточно наезженный, я молча направила Мирри следом за Рио, торящим дорогу в снегу, и в очередной раз задумалась о том, в какой части нашей сделки я проглядела подвох. Внезапная правка маршрута, при этом превосходно вписавшаяся в рамки задания, на которое я согласилась, была только первой ласточкой — в этом я уже практически не сомневалась, но понять, где же именно нечисть зарыта, по-прежнему не могла...

Через пару ор дорога ощутимо пошла под гору. В густой еловой «оторочке» с обеих её сторон стали всё чаще и чаще встречаться серебристо-голубые деревца, низкорослые и пушистые — те самые красавицы-еланки, которыми так славилась падь. А ещё спустя ору мы выбрались на берег небольшой реки, полностью укрытой ледяной коркой. Широкая прибрежная полоса была неуютно голой — деревья и кусты пугливо жались на расстоянии двух полётов стрелы от застывшей в крутых изгибах серебряной ленты. А между лесом и водой высились, ловя полированными камнями скупые блики солнца, чёрные громады Anteverro's — каменных могильников.

Три гигантских кургана, выложенные в форме идеальных квадратов, смотрелись на пустынном берегу зловеще и тоскливо... Альтар остановил коня, снова сверился с картой. Я поёжилась: как-то неприметно усилился ветер, налетая жёсткими колючими порывами и заставляя сильнее кутаться в плащ.

— Нам восходнее, — Каратель поднял голову и, видимо, принял мой озноб за смятение, а то и, чего доброго, страх...

Я вспыхнула. Да что же он, совсем дремучей дурочкой меня считает?! Однако, вопреки ожиданию, в глазах Чёрного не было насмешки.

— Гробницы Демонов... — негромко произнёс он. — Никто не знает, что лежит под этими камнями. Почему рядом с ними не растут деревья и даже самой суровой зимой их никогда не укрывает снег?... В Истинах об этом, разумеется, не говорится. Но люди верят, что в Изначальные Времена Таргос, одержав победу над порождениями Тени, прорвавшимся в Мир, заключил демонов в каменные могилы, обрекая на вечные страдания... Ярость и муки поверженных тварей греют камни, заставляя таять снега. А имевший неосторожность заснуть около Гробницы полуночной порою непременно услышит леденящий душу вой, идущий из-под земли, и если не умрёт на месте от ужаса, то лишится рассудка...

— А у нас... их называют Anteverro's, — я откашлялась, прочистив горло. — Вместилищами Скверны... Говорят, что под этими камнями Tearr-Повелитель Ночи похоронил мировое Зло, разрубив его на множество мельчайших кусочков. И по ночам Feinatonna — верные слуги Ashratt'a, тайно приходят к могилам и пытаются выпустить Зло на свободу...

Перед моими глазами настолько ясно встала Kearra'alle — младшая сестра матери, знавшая тьму страшных историй и обожавшая пугать ими детвору — что, забывшись, последние фразы я произнесла приглушённым голосом и с надрывом, в точности копируя её интонации:

— ... Если же какой безумец решится провести ночь рядом с Anteverro's, то встретятся ему бледные всадники на призрачных конях, и заберут его с собой, в Клубящуюся Бездну... И станет он одним из них, и будет служить Врагу, покуда не истечёт последняя песчинка в часах его жизни, или не придёт Герой, меч которого подарит ему избавление...

Я поймала выразительный взгляд Карателя, осеклась... и через мгновение фыркнула, зажав рот ладонью, вспомнив собственную ночную вылазку к чёрным камням в поисках приключений... Неожиданно Альтар тоже улыбнулся — самыми краешками губ, но в один миг от каменной резкости и суровости не осталось и следа, а в тёмных глазах мелькнуло что-то совсем мальчишеское, когда он спросил, не скрывая интереса:

— И как — встретила?

Я помотала головой, дивясь мимоходом, как же разительно меняет его улыбка:

— Нет... Увы. А в одиннадцать зим так хотелось стать настоящим Героем...

— Вот и мне не повезло, — отозвался он чуточку иронично. — А может, и повезло — кто знает... Приятель, что затеял спор, остался ждать моего возвращения, но в конце концов не выдержал, решив, что я уже мёртв, и побежал за помощью... Так что леденящий душу вой, который мне так не терпелось услышать, вполне заменили вопли дежурящего Мастера, среди ночи примчавшегося к Гробнице. А безумие, если оно и было, успешно излечила щедро выданная наутро порция розог и две кварталы исправительных работ в огороде при Школе, на пару с тем самым приятелем...

— Когда я узнала, что маги уже давным-давно облазили Anteverro's вдоль и поперёк, и ни одна из слышанных мною легенд не подтвердилась, помнится, я жутко разочаровалась...

— я потянула повод в сторону, успокаивая распалившуюся Мирри.

— Я тоже долгое время был зол на себя и прочно уверился в том, что, кто бы и зачем ни раскидал эти курганы по Миру — сейчас они нужны исключительно для того, чтобы в школьных огородах не переводились дурни, вне своей очереди машущие лопатой, — Альтар легонько хлопнул Рио по шее, разворачивая на Восход. — Очевидно, здешние маги тоже их изучают, однако вряд ли сумели открыть что-нибудь новое, иначе об этом бы уже галдели на всех углах... Поехали! На этот раз у меня нет интереса здесь заночевать...

Когда-то давно мне уже довелось побывать в Либрариуме человеческой Академии Магов, правда, не в этих суровых краях, а гораздо Полуденнее, недалеко от границы Империи и наших земель. Я, тогда ещё совсем юная Посвящённая, ещё выбирающая свой Путь, сопровождала своего Мага-Наставника на одно из Собраний Круглого Стола, которое Академия проводила регулярно, приглашая принять участие магов нечеловеческих рас. Официальной целью таких Собраний был обмен опытом и знаниями под громким девизом «Магия не знает границ». На деле же всё сводилось исключительно к демонстрации силы, ни на йоту не больше и не меньше того, что тщательно планировалось предъявить. Все

истинные секреты береглись, как зеница ока, а в качестве предложенного к обмену выступала сущая ерунда. О том, чтобы поделиться чем-нибудь стоящим, не было и речи... Участники занимались исключительно тем, что щеголяли друг перед другом мастерством и сноровкой, попутно пытаясь «прощупать», «продать» соперников, правдами и неправдами выпытать чужие тайны. Мой Наставник готовился к этим встречам так, словно ему предстояло идти на войну, и всегда возвращался в Долину нервным, злым и ужасно уставшим. А когда я по наивности задала вопрос, для чего он с таким упорством посещает Собрания, лишённые на первый взгляд всякого смысла, и не лучше ли просто проигнорировать очередное приглашение, он не стал отвечать — просто в следующий раз взял меня с собой.

Только побывав вместе с ним в Либрариуме, я смогла понять, для чего Наставнику это нужно. Не принять участия в этом «петушином бою» — для него означало признать свою слабость, отступить. Позволить людям, и без того прочно сидящим на самой вершине магического древа, счесть, что Росса уступают им. Даже если так это в какой-то мере и было, признать этот факт для Наставника, как и для большинства наших магов, было хуже смерти... Именно потому он с недюжинным упорством не пропускал ни одного такого сборища, хотя откровенно ненавидел и эти мероприятия, и «коллег по цеху», с которыми предстояло встречаться.

Я поняла Наставника, но не разделяла его мнения. И именно тогда окончательно сделала для себя выбор в пользу боевой магии и меча — меряться силами на поле боя мне казалось намного уместнее и честнее...

Задумавшись, я не заметила, как промелькнул остаток пути, и когда в излучине реки в окружении серебристых еланей показались стены, окутанные лёгкой дымкой радужного сияния, поняла, что мы, наконец, добрались.

... Роскошь обстановки, изысканные сочетания форм, воплощения самых смелых замыслов строителей, садовников и скульпторов — всё это в избытке окружало меня с самого детства и было вполне привычным. В Либрариуме, где проходили Круглые Столы, впечатление на меня произвели прежде всего именно масштабы. То был настоящий город, где буквально всё — каждый камешек на тротуаре, элемент декора, строение — было подчинено магии и дышало ею. Переулки, улицы, кварталы прямо-таки пытались перещеголять друг друга своими башнями, лекториями, лабораториями, хранилищами различных артефактов и книг. И, приди кому-нибудь в голову глупость сосчитать количество магов всех мыслимых Кругов и специальностей, встреченных им во время прогулки по случайно выбранной улице — он попросту сбился бы со счёта, ещё не успев дойти до угла...

Либрариум в Еланевой Пади отличался от запомнившегося мне тогда Города Чародеев так, как отличался бы выросший в здешних краях охотник от расфранчённого столичного аристократа. По-полуночному суровый и строгий, ничего вычурного и лишнего, он целиком уместился бы в одном квартале последнего — и, тем не менее, было и в нём что-то особенное, такое, что ещё на подъезде к нему наводило на мысль: здесь обитает магия...

Несмотря на дневную пору, главные ворота, в которые «ныряла» дорога, были закрыты — впрочем, это не удивляло: на Полуночи не было принято держать врата нараспашку. Однако когда мы подъехали ближе, Либрариум как раз покидали три крытые брезентом санные упряжки, и попасть за радужные стены нам удалось без труда.

Наряду со стражниками у ворот дежурил маг, худощавый вихрастый парень с покрасневшими на морозе щеками — очевидно, какой-нибудь адепт-старшекурсник из

числа тех, что разрабатывают в стенах Либрариума тему для диплома. Приняв от Альтара положенную пошлину за въезд и окинув нас внимательным взглядом, он поинтересовался целью нашего визита.

— Встреча с Посвящённым Третьей ступени Антонио Ярошем, — сообщил Каратель.

«Антонио Ярош»? Само имя ни о чём мне не говорило, но резануло слух. И пока привратник пояснял Альтару, как сориентироваться на территории и где можно оставить лошадей, я призадумалась. Имя одного из своих богов у людей было принято давать детям, рождённым вне брака, вместо фамилии отца или в дополнение к ней. Выходит, этот Антонио был незаконным сыном... Уж не Магистра ли Проспериио — судя по тому, что выполняя его задание, мы в первую очередь направились сюда? А что, вполне может быть... Да, Чёрные, разумеется, дают обет безбрачия — но и только, насколько мне было известно, это никоим образом не ограничивало их связей вне брачных уз...

А, между прочим, в имени Карателя тоже есть «Таргос»... И при этом фамилия — да непростая, с благородной приставкой. Бастард барона или графа? И к тому же, признанный своим отцом...

Мои размышления прервал сам Альтар, без лишних слов забравший у меня повод Мирри — конюшня находилась совсем рядом, сбоку от ворот. Я скромно подождала снаружи, пока он устроит коней на постой, то и дело ловя на себе взгляды снующих мимо людей — по-видимому, Росса в этих стенах появлялись не так уж часто... А затем мы отправились на поиски.

Либрариум на самом деле не был большим — средоточием всей его магической жизни был единственный корпус в самом сердце городка, совмещавший функции лаборатории, книгохранилища и башни. Внутрь, разумеется, нас не пустили, зато указали дорогу в укрытую стеклянным куполом оранжерею — здесь, в зимнем саду, обычно и проводились немногочисленные лекционные занятия.

Дверь в оранжерею заменяла высокая стрельчатая арка, заполненная зелёным светом. Я узнала сдерживающее заклятье, не дающее холоду ворваться внутрь, а теплу просочиться наружу — такими часто пользовались в Долине... А вот Альтар в нерешительности остановился у «двери».

— Что?... — не сразу поняла я причину его замешательства.

— Хм... А попасть туда — как?

Я удивлённо пожала плечами:

— Да очень просто. Шаг — и...

Видя, что он всё ещё колеблется, легонько подхватила его под локоть и шагнула внутрь матово блестящего портала, увлекая Карателя за собой. Почувствовала, как он мгновенно напрягся, сопротивляясь — под моей ладонью скалою взбугрились мускулы — но всё-таки ступил вперёд, преодолевая внутренний протест. Свет и Тьма, ну насколько же всё сложнее для тех, кто не чувствует чары!...

Миг — и мир вокруг нас неуловимо изменился. Куда-то исчезли снег и холод, пронизывающие порывы ветра, хмурое серое небо со встрёпанной куделью облаков...

Под высокими сводами бутылочного цвета безраздельно властвовала поздняя весна — или, может быть, самое раннее, только родившееся лето, с готовностью распахнувшее нам объятья. Повсюду, насколько хватало глаз, сочную зелень растений всех мыслимых видов и пород переплетали яркие гирлянды цветов, на ветках щебетали птицы, шёлковым ковром стелилась изумрудная трава, сияясь поглотить мощённые камнем дорожки под ногами...

Где-то там, над буйными кронами, пряталось сотворённое чародеями маленькое Солнце, чьё яркое сияние в первый момент заставило нас зажмуриться. Его лучи, пробиваясь сквозь прорехи в зелёной «крыше», щедро дарили окружающему миру тепло и свет, но не иссушали воздух, напоённый дивной смесью свежести и цветочных ароматов, с непривычки кружащих голову, словно глоток изысканного вина...

Альтар первым сообразил, что тяжёлый зимний плащ здесь только помеха. Расшнуровав его, сбросил на руку, расстегнул куртку. Я последовала его примеру, с трудом подавив желание стянуть и сапоги, чтобы, захлёбываясь от восторга, как когда-то в Долине, пробежать босиком навстречу внезапно обретённому лету. Но, увы — это лето теперь принадлежало не мне...

Мы были в оранжерее не одни. Прямо перед нами на небольшой лужайке двое парней и девушка увлечённо ползали по траве с берестяными лукошками, срезая соцветия какой-то стелящейся по земле колючки. В нескольких шагах от них за их работой внимательно наблюдала пожилая степенная дама в широкополой шляпе, то и дело поправляя сползающее на кончик носа пенсне. Заслышав нас, она обернулась навстречу, видимо, ожидая увидеть кого-то другого — тонкие, явно выщипанные брови удивлённо вскинулись вверх:

— Что вам угодно, молодые люди?

Парни с девушкой как по команде прекратили возиться с растениями и подняли головы, уставившись на нас с нескрываемым любопытством.

— Мы ищем Посвящённого Третьей ступени Антонио Яроша, — Альтар сделал шаг вперёд. — Подскажи, как разыскать его, достопочтенная.

— Антонио Ярош? — магичка смешно наморщила нос, отчего пенсне и вовсе едва не свалилось в траву. — Тьфу, пропасть!... Думаю, он должен быть в классах. Это туда...

Она неопределённо махнула рукой в направлении одной из каменных дорожек, бегущих в глубину диковинного леса, и практически сразу же потеряла к нам интерес, переключив внимание на своих подопечных, отлынивающих от работы.

Нам ничего не оставалось, как отправиться в указанном направлении, надеясь, что упомянутые «классы» и вправду несложно будет найти.

Так и оказалось. Лекторием здесь служили небольшие уютные полянки, спрятанные в окружении папоротников и кустов. Слушатели сидели прямо на траве, разложив конспекты и книги на миниатюрных переносных столиках, а кафедра, с которой выступал преподаватель, находилась в самом центре «зала», рядом с чашей небольшого уютно журчащего фонтана.

Одно из занятий, похоже, только что закончилось — по дороге нам навстречу спешили небольшие группки оживлённо переговаривающейся молодёжи с тубусами свитков и перьями в руках. Мы посторонились, ожидая, пока адепты пройдут; вскоре с нами поравнялась самая большая группа, в центре которой, по-видимому, шёл преподаватель — широкоплечий мужчина Альтаровой комплекции с элегантно деревянным сундучком в руке, явно постарше остальных. Приятное улыбочивое лицо и статная фигура, подчёркнутая нарочито строгим тёмным костюмом, вполне естественно объясняли тот факт, что среди жаждущих задать преподавателю дополнительный вопрос подавляющее большинство составляли девушки.

Взгляд мага неопределённо скользнул по мне, на мгновение задержался, встретился глазами с Карателем. Этот? Я вопросительно покосилась на стоящего рядом Альтара. Да нет, вроде не он...

Между тем маг стёр с лица улыбку и, отпустив адептов, медленным шагом подошёл к нам.

— Я могу тебе чем-то помочь... Тёмный Брат? — от меня не укрылось, что он сразу обратил внимание на алеющий на руке Карателя плащ.

Альтар кивнул.

— Возможно, Мастер. Мне нужен Антонио Ярош.

Взгляд мужчины стал ещё серьезнее, даже, кажется, слегка тревожным, однако владел собой маг хорошо.

— Вынужден тебя огорчить, — сказал он после едва заметной паузы. — Антонио здесь нет.

— То есть? — нахмурился Каратель. — Где-то здесь у него должна быть лекция о камнях...

— Лекция только что закончилась, Брат. — Маг развёл руками. — Если вы собирались её прослушать — к сожалению, вы опоздали.

— Лекция меня не интересует. — Голос Альтара стал предельно жёстким. — Я ищу Антонио.

— Он уехал, — как будто нехотя сообщил маг, переложив сундучок из одной руки в другую. — Три дня тому назад.

— Как уехал?... А его занятия?

Мужчина пожал плечами. Он явно не жаждал развивать эту тему.

— Попросил меня подменить — мы с ним заняты сходными изысканиями... Собрал вещи и уехал по каким-то своим вопросам, когда ждать назад — не сообщил.

Альтар замолчал, собираясь с мыслями.

— Кто может знать, куда он направился? — наконец спросил он.

— Полагаю, никто. — Маг качнул головой. — Во всяком случае, мне он ничего не сказал, а мы с ним приятельствуем ещё с адептской скамьи. По-видимому, дело действительно важное.

— И никаких догадок, отчего такая срочность? — Каратель прищурился.

— Увы, — вздохнул преподаватель. — Знаю только, что у Тонио есть дела и за пределами Либрариума — впрочем, как и у большинства находящихся здесь магов. Зачастую случается что-нибудь, требующее спешной поездки, личного присутствия... Поэтому переносами и заменами лекций здесь никого не удивишь. Обычные рабочие моменты...

Он выразительным взглядом посмотрел вслед удаляющимся адептам.

— У меня ещё одна лекция, Брат. Мне нужно подготовиться. Вряд ли я чем-то ещё смогу тебе помочь...

— Что ж, — Альтар склонил голову. — Спасибо и на том.

Маг кивнул в знак прощания и торопливым шагом поспешил вдогонку уходящей через портал группе. Как по мне, слишком торопливым.

— Врёт? — предположила я.

— По-моему, нет, — Каратель проводил его глазами — Но что-то явно недосказывает...

Мы, не сговариваясь, развернулись и двинулись по дорожке следом за магом.

— ... П-постойте!

Громкий взволнованный шёпот откуда-то сбоку заставил нас обернуться.

Из-за раскидистого куста жимолости, усыпанного пахучими белыми цветами, на дорожку неуверенно выступила девушка в лёгком летнем плаще и мягких сапожках.

Невысокая, темноглазая, с мелкими чертами лица — скорее, просто неприметная, чем некрасивая; чуть растрёпанная тёмная коса была уложена на затылок незамысловатой «улиткой»... Где же я её видела?

— Я... Я слышала, вы спрашивали о Мастере Яроше... — девушка едва не упустила на землю маленькую корзинку, которую нервно теребила в руках.

— Да, — я почувствовала, как Альтар неувовимо напругся. — Ты знаешь, где он?

— Ну... Не совсем, — ещё больше растерялась девчонка. — Но... кажется, я всё же смогу вам помочь.

Я наконец сообразила, почему она кажется мне знакомой. Корзинка из бересты... Ведь именно эта девушка собирала цветы на лужайке там, у входа в оранжерею, когда мы заговорили с пожилой магичкой.

— Слушаю тебя, — терпеливо произнёс Каратель.

— Меня... зовут Далия, — девушка переступила с ноги на ногу. — Я служу здесь помощницей в лаборатории. Заодно изучаю драгоценные камни... Мастер Антонио... — запинка вышла почти незаметной — ... помогал мне с дипломом, он почти всё время работает здесь, в Либрариуме, как и я... Отлучается только изредка, и всегда... — Далия подчеркнула последнее слово, — ... всегда об этом предупреждает. Но в этот раз... всё было совершенно по другому.

Она замолчала, собираясь с мыслями. Мы не торопили её, хотя услышать, что она поведаёт, хотелось всё больше.

— Мастер Синан сказал вам правду, — краснея, призналась она в подслушанном нашем разговоре с широкоплечим магом. — Мастер Антонио уехал три дня назад. Была моя очередь дежурить на воротах при въезде... Рано утром — я только успела заступить на пост — в Либрариум прибыли трое незнакомцев, мужчин, явно издалека. Они, как и вы, разыскивали Мастера Антонио. Их провели к нему, а буквально ору спустя Антонио, очень взволнованный, в большой спешке появился вместе с ними у ворот, на ходу зашнуровывая сумку с вещами.

«Ты уезжаешь, Мастер?» — очень удивилась я.

Он грустно улыбнулся и кивнул с явным сожалением: «Прости меня, Далия. Я должен...».

«Мы торопимся» — недовольно прервал его один из тех людей. — «Помни, времени у нас в обрез...».

«Я знаю» — Антонио кивнул. — «Но я не могу бросить всё просто так, не сказав ни слова. Далия, у тебя есть лист бумаги и перо?»

«Для чего это?» — незнакомец нахмурился, пока я вырывала лист из книги учёта поштин.

«Ведь вы даже не дали мне времени попросить моего коллегу подменить меня на занятиях... Я хочу по крайней мере написать ему несколько строк».

«Скажи об этом ей» — неприятный тип кивнул на меня. — «Пусть она передаст».

«Нет — это будет неучтиво», — Антонио приложил бумагу к стене, торопливо заскрипел пером. — «Я и так спешу настолько, насколько возможно. Но Синана я попрошу об одолжении сам, хотя бы даже и в такой форме».

Незнакомец поморщился, словно хлебнул уксуса, но больше возражать не стал, хотя и сделал шаг вбок — так, чтобы иметь возможность видеть, что именно пишет Мастер. Однако тот был настолько увлечён, что внимания ни на что не обращал.

Нацарапав несколько строк, Антонио сложил записку вдвое и протянул мне:

«Далия, будь так любезна — отдай это Мастеру Синану. И передай мои искренние извинения — по возвращении я всё ему объясню».

«Мастер Антонио...». — только и успела сказать я. — «А... когда же ждать тебя назад?»

«Не знаю...». — ответил он после паузы. — «Надеюсь, что скоро».

«Надо ехать» — снова подал голос незнакомец.

Антонио торопливо пожал мне руку и, кивнув на прощание стражникам, взобрался в седло...

Далия перевела дух и замолчала, выжидательно глядя на нас. Мы снова переглянулись.

— Действительно, странно. — произнёс наконец Каратель вслух.

— Это, по крайней мере, объясняет, почему Синан не горел желанием общаться с нами, — негромко заметила я. — Сперва коллега странным образом исчез, передав коротенькую записку... Знать бы что в ней?

— Ничего важного, — буркнул Каратель. — Иначе приехавшие за Тонио люди вряд ли позволили бы её передать...

— ... А не проходит и трёх дней, как появляемся мы и начинаем тоже интересоваться Антонио Ярошем. Кстати... — я, прищурившись, взглянула на Далию. — А почему ты решила нам это рассказать?

— Эти люди... — Далия, не сдержавшись, поморщилась. — Исключительно, ну просто на редкость неприятные типы!... А мне бы очень не хотелось, чтобы Мастер попал в беду. А вы... Мне кажется, что вы можете ему помочь.

— Ты запомнила этих людей? — внимательно посмотрел на неё Альтар. — Можешь описать?

Она задумалась.

— Люди. Мужчины. Среднего роста, все трое. Возраст... ну, наверное, тридцать-сорок годов. Не толстяки... но и не худые...

— Негусто... — хмыкнула я. — Эдак пол-Мира можно узнать по таким портретам...

— На них были плащи, — в голосе девушки скользнула нотка обиды. — Плотные, зимние... Двое всё время кутались в них, будто мёрзли, и молчали. Говорил, во всяком случае, при мне, только один — тот тип, что всё торопил Мастера. Его-то, собственно, я и рассмотрела, но ничего особенного не заметила. Разве что... — она замолчала.

— Разве — что? — не утерпела я.

— Он через слово кашлял — странно так, надсадно, и всё подносил к губам платок...

— Чахоточник? — подал голос Альтар.

— Не знаю... — протянула Далия. — Но не похоже. Мой дед... служил егерем у барона и когда-то во время охоты по ошибке получил стрелу в грудь. Рядом случился целитель, вытянул его с того света, но с тех пор всю жизнь дед кашлял кровью и не мог толкать долгих речей... Хотя, может, конечно, это разные вещи...

— Далия!...

Голос раздался откуда-то из глубины оранжереи, и наша добровольная помощница, встрепенувшись, испуганно дёрнулась назад.

— Мне нужно идти!...

— Что ж, спасибо тебе, — произнёс Каратель. — Думаю, это действительно нам пригодится.

— Только вы... пожалуйста, помогите Мастеру! — выпалила девушка, молитвенно прижав руки к груди.

— Постараемся, — склонил голову он.

К голосу, звавшему Далию, присоединились ещё два — очевидно, её товарищи на лужайке выполнили работу и собирались уходить. Девушка быстро кивнула нам и стремительно бросилась вперёд по дорожке, через пару мгновений пропав из виду.

Мы с Карателем остались одни.

— Н-да... На это ты явно не рассчитывал, — озвучила я его мысли.

Он, прищурившись, повернулся ко мне, но, не уловив в моём голосе сарказма, только выдохнул и покачал головой.

— И что теперь? — мне действительно было интересно.

— Не знаю, — после паузы признался он. — С Антонио действительно что-то не так. Но информации очень мало... Думаю, мы продолжим дорогу в Оплот. Возможно, эта внезапная отлучка как-то связана с... работой, которой он занимался там. Это единственное, что мы можем сейчас проверить.

— Что ж, — я пожала плечами. — Оплот так Оплот. Мне, впрочем, всё равно...

Альтар

Не знаю, для кого как, но мне дальняя дорога всегда напоминала караульную службу.

... Монотонные затяжные переезды строго по расписанию чередуются с короткими суровыми ночёвками. Шаг, шаг, шаг... Подобно тому, как тянутся для часового бесконечные минуты до прихода разводящего, здесь мериллом времени служат дни, проведённые в седле — крошечные метки на изрядно затасканной карте... А вот где в последний раз был привал — на лесной опушке, у подножия лысого холма или близ озерца, затянутого льдом — рано или поздно перестаёшь замечать, всё сильнее кутаясь в собственные мысли, словно в казённый выдавший виды солдатский плащ. И дорога с радостью оставит тебя наедине с собой, незатейливо аккомпанируя днём глухим скрипом снега под конскими копытами, а ночью — задорной пляской огненных лепестков на сухой древесине...

Я потянулся к заранее припасённой груде сушняка, не глядя, вытащил самую толстую ветку. Подбросил пищи очередному костерку, допивая невесть какую по счёту кружку чаю, как всегда, не обращая внимания на вкус.

До Оплота Туманного Клинка оставалось полтора перехода. День, ночь, и ещё полдня. Всё шло своим чередом, как и предполагалось — было спокойно.

Даже слишком.

Даже нежить, встречи с которой были непременно атрибутами длительных походов по лесам — и та попалась нам на глаза всего пару раз. Каменного буравца, устроившего на дороге засаду, я быстро угомонил мечом, а осмелевших от голода и мороза мелких жабокрысов обратила врассыпную эльфийка, швырнувшая в самую середину стаи щедрый ворох жалящих радужных искр. Эта маленькая буря могла бы создать нешуточные проблемы целому отряду бойцов, но мне хватило одного взгляда на колдунью, как дитя радующуюся вновь обрётённым способностям, чтобы проглотить реплику о глупой трате силы впустую и молча продолжить путь.

Просперио опять удалось невозможное... Глядя, как силы постепенно возвращаются к

эльфийке, я едва верил собственным глазам, видевшим её руки до того, как за них взялся Магистр. А уж она последние дни и вовсе летала, как на крыльях, едва дожидаясь очередной остановки на ночлег. Исполнив все необходимые приготовления и установив вокруг нашего маленького лагеря магическую защиту, эльфа неслышно исчезала в лесу — впрочем, не отходя слишком уж далеко — и непременно посвящала пару ор волшбе и упражнениям с мечами.

Вот и сейчас она вынырнула из-за ближайшей сосны — запыхавшаяся, усталая, но демонски довольная. Судя по всему, сегодня она опять пробовала вернуться к настоящим клинкам — и на сей раз вышло куда удачнее, чем тогда, вначале...

Ножны, сброшенные на походное одеяло, глухо звякнули металлом, подтверждая мою догадку. Наверняка после таких тренировок колдунье очень хотелось и есть, и спать, однако в первую очередь она, как и положено бойцу, поспешила отдать дань оружию...

В тишине, царящей на поляне, до моих ушей без труда доносился мотив, что эльфийка тихонько мурлыкала, протирая и полируя мечи.

«Aerritae, mel'kari... Tenni mortie saglarie...».

Аэрритэ... Остальных слов я не знал, но это показалось знакомым. Я напряг память. Птичка, что ли?

Птичка...

«Маленькая птичка, быстрое крыло...».

Пряжка седла под головой, выступающего в роли подушки, больно давила на затылок. Я шевельнулся, устраиваясь поудобнее...

«Аэрритэ, мэл'карри... Тэнни мортиэ саглари...».

«... Манит тебя лето, солнце и тепло...».

Меч?... Нет, иголка... Иголка в руках Рэйни сама порхает, будто птичка, стягивая вместе чёрное и алое, споро и ловко ликвидируя прореху. Солнечные зайчики весело играют в распущенных волосах цвета тёмного каштана, танцуют на начищенных до блеска медных пуговицах курточки, пряжке на брючном ремне, подкованных носках сапожек, подрагивающих в такт незамысловатой песенке...

«В дальнюю сторонку полетишь домой,
Полетишь вдогонку за красой-весной...».

Рэйни увлечена работой, с ногами устроившись на деревянной лавке у широкого окна караульной башни, выходящего во внутренний двор. Она совершенно не замечает, что не только я, но и все шестеро стражников дозорного расчёта уже давно оторвались от своих занятий, прекратили разговоры, и тихонько любят маленькую фигурку в мужской одежде, чуть слышно напевающей себе под нос:

«И когда окажешься ты в родном краю,
Передай любимому весточку мою...».

Рэйни поднимает голову, встречается со мной взглядом... Вспыхнув, опускает глаза к работе, обрывает нитку, прячет иглу куда-то за манжет. Пола плаща взлетает в воздух —

Рэйни с силой дёргает её за края в стороны, проверяя на прочность. А потом легко спрыгивает со скамьи.

— Спасибо...

Я протягиваю руки, готовясь принять починенный плащ, но Рэйни, привстав на цыпочки, сама накидывает мне его на плечи. Чуть отступает назад, расправляя складки, проводит ладошкой по добротному едва заметному шву у самой шеи... Я улыбаюсь:

— Как новый. Даже лучше...

Она улыбается в ответ — ласково и немного смущённо, отчего её нежные черты и вовсе теряют всякое сходство с земными... Передо мной словно наяву оживает виденная когда-то фреска одного старинного художника, рисовавшего мир таким, каким он никогда не был и не будет — не знающим зла, лжи, жестокости, пороков и страха. Оживает, невесть как оказавшись в полутёмном помещении караулки, озаряя всё вокруг лучистым светом бездонных карих глаз...

— Рэин! Вот ты где... — В башню, прихрамывая, поднимается Вернон; за его плечом как обычно маячит лиловая накидка Дариса. — А тебя мать обыскалась...

В этот момент комендант замечает меня. Хмыкает, щуря глаза с хитрецей.

— Привет, Альтар, — дружелюбно здоровается он. — Действительно, где ж ещё искать Рэйни, когда ты на стене...

Дарис с усилием отворачивается, но я успеваю заметить злость, полыхнувшую в его взгляде.

Рэйни краснеет, торопливо делая шаг назад.

— Альтар разорвал плащ, отец. Я зашила...

— А то!... Кто б сомневался, что ты шьёшь лучше всех! — отец легонько дёргает дочь за рукав, на отвороте которого не хватает пуговицы. Стражники, с интересом наблюдающие за нами, не сдерживают смешков...

— Верн! Ну зачем ты... — с досадой говорю я, в то время как Рэйни, окончательно смутившись, пытается спастись из башни бегством, однако отец, без труда поймав её в кольцо медвежьих объятий, рассмеявшись, треплет по волосам:

— Эх-х... Да неужто ж я против... Эй, эй, да не рвись ты так, Рэин!... Демонёнок Прежде заberi флягу с ламповым маслом — вон в углу стоит, мать просила принести...

Он мягко толкает дочь в сторону фляги, а сам, подкручивая ус, поворачивается ко мне.

— А что, Альтар... Когда б на то моя воля, и вправду оставил бы вас у себя, всех пятерых! Мне б на службу таких десятников, как твои ребята! А тебя — так и сотником бы рад!... И стражу бы поднатаскали, и дисциплину б наладили, как положено городскому гарнизону, а то служба здесь — тишь да гладь, Ярошева благодать... Граница далеко, война случилась давно и в другой стороне — солдаты разболтались вкрай...

— Мы Мечи Тьмы, Вернон... — замечаю я; комендант не в первый раз заводит этот разговор, прекрасно понимая, что он пустой.

— Да знаю, знаю, — привычно перебив, Вернон машет рукой. — Но жаль, чего уж там... Каб не Орденские плащи, костями бы лёг, чтоб подольше задержать вас здесь, в Рекарне... А там, глядишь, женились бы да и осели насовсем, — вдруг подмигивает он, — чай, невест бы долго искать не пришлось...

Я не успеваю ответить. Перепуганный вскрик Рэйни заставляет всех нас резко дёрнуться назад.

Она стоит в нескольких шагах от сосуда с маслом, со священным ужасом взирая в угол,

где упоенно копошится маленький облезлый крысёнок, похоже, уже давно потерявший всякий страх...

Желая выслужиться перед Рэйни, Дарис бросается к нему, едва не рыча, словно оголодавший кот, однако мой нож оказывается быстрее. С тихим свистом лезвие входит в дощатый пол прямо перед наглым чёрным носом, заставляя зверя подпрыгнуть и, промчавшись под стенкой, шустро исчезнуть в чёрном лазе норы.

Дарис, взъерошенный и лохматый, резко выдохнув, поворачивается назад.

— Промазал! — сообщает он, вложив в свой голос побольше презрения.

А вот Рэйни отвечает мне благодарным взглядом.

— Нет! Попал!

Она наклоняется, чтобы подобрать кинжал, с небольшим усилием вытягивает его из доски. Прежде, чем отдать мне, задерживает в ладони, неприкрыто любуясь янтарного цвета камнем в навершии рукояти, центр которого рассечён чёрной вертикальной полосой. Верхняя грань выщерблена — самую малость, что придаёт выражение загадочного прищура каменному «глазу»...

— «Око Дракона»... — Рэйни поднимает на меня взгляд, и я поясняю: — Так называется камень. Нравится?

Она медленно кивает.

— Тогда он твой. Говорят, он приносит своему владельцу удачу...

А ещё он очень подходит к твоим глазам — хочу добавить я, но рядом стоят Вернон, Дарис, солдаты... и я молчу, а Рэйни едва ли не шёпотом произносит «Спасибо», и бережно прижимает кинжал к груди.

Дарис выпучивает глаза, в один миг приобретая сходство с фиолетовой жабой, каких немало водится на берегах здешнего ручья, по недоразумению названного рекой... На языке же у Вернона как пить дать вертится очередная подколка, и я, хмуря брови, уже готовлюсь защищать Рэйни в так ненавистой мною словесной перепалке, когда в арке башни внезапно вырастает ошалевший дозорный:

— Комендант Вернон!... Тёмный Брат! Эльфы!!! Эльфы... за рекой! Много!!!

— Ты что? Какие эльфы? Где?! — Вернон, вмиг утративший весь задор, а за ним и я бросаемся к бойницам, возле которых уже сгрудились стражники.

Это невероятно...

Это кажется сном, совершенно оторванным от реальности.

На наших изумлённых глазах на противоположном берегу речушки, огибающей город, слаженно выпрыгивают и выпрыгивают из порталов остроухие фигуры в полном боевом облачении, стремительно заполняя пространство, словно песчинки — перевёрнутую чашу часов... Разрывая плоть Мироздания гигантскими прорезами, выезжают и становятся на позиции тяжёлые осадные машины... Маги, на первый взгляд неотличимые от бойцов, суетятся, стараясь вовсю: воздух над речкой колеблется в серебристом мареве колдовского щита, наведённого по всем правилам подготовки к атаке...

— Что... это?! — севший голос Вернона не узнать.

— Война... — я с трудом заставляю себя оторваться от бойницы, тряхнуть коменданта за плечо: — Командуй тревогу, Верн!

— Но... Ведь Аэльта далеко!... И потом... Потом, между нами же... мир!

— Больше нет!!! — рявкаю я.

— Как же это? Альтар?... — Вернон смотрит на меня недоумённо и потерянно. Он не

верит.

А вот я — верю.

— Не знаю, Верн!... Но у нас не больше пары ор — иначе они просто возьмут нас тёплыми! Ради Богов, очнись, комендант!!!

— ... Тр-ревога!!! — рык Вернона, едва не утонув в кашле, набирает обороты... — Травис, Рис, Мердок — к колоколам! Поднимайте всех!... Ленард, к воротам! Нуви — сбор гарнизона!... Бегом, Тень вашу мать!!!

А порталы за рекой продолжают и продолжают открываться...

... У старого Пайфера трясутся руки.

— Я не знаю... Не знаю! Я ничего не могу!!!

— Демоны!! — Я отказываюсь верить. — От тебя требуется только отправить сигнал! ... Безмянный с ней, со столицей... Дай знать соседям! Цитадель Ордена — всего в четырёх днях...

Голос старого чародея срывается на крик.

— Ты не понимаешь!... Они экранируют город! Весь!!!

— Учитель, а если обводящий портал... — Дарис с надеждой ловит блуждающий взгляд старика.

— Мальчишка! — гремит Пайфер, но внезапно заходится в припадке страшного, безудержного смеха. — Портал! Порта-а-ал... Ты хоть представляешь, сколько должно быть магов, чтобы раскинуть и удерживать над городом экран? Даже таким крошечным городом, как Рекарн?! Только на это — не меньше полусотни! И прорва артефактов впридачу!... А у нас — у нас всех магов меньше двух десятков, и это, считая погодника, старуху-ворожку и тебя, недоучку!...

— Но можно попробовать поискать брешь... — заикается Дарис.

— О, Боги-Братья!!!

Пайфер шумно вдыхает воздух и извергает на голову ученика очередной словесный шквал, исполненный ужаса и безнадежности. Безнадежность и паника плещутся в глазах Вернона, Лариса и прочих городских голов, имён которых я не знаю или не помню — словно ряд статуй застыл в двух шагах от старика, срывающего голос в крике о том, о чём все они сейчас молчат...

— Тихо! — рычу я, и в воцарившейся гулкой тишине яростно срываю с себя клочья этой обречённости, пытаюсь продрасться сквозь неё, словно сквозь топкую болотную трясику...

— Кончай истерить, Пайфер! Демоны!!! Ты же главный городской чародей! Так возьми себя в руки, заткнись и действуй!

— Что я могу... — блеет, точно козёл...

— Собирай магов! Всех — и погодника, и ворожку!... Те, кто помоложе и порасторопней — пойдут с нами на стены, остальные останутся здесь поддерживать работоспособность вашей Башни... Пока она стоит, у нас будет шанс продержаться...

— Продержаться — до чего?

— До того, как сможем подать сигнал о помощи... и получить её. Это наша единственная возможность... — я не договариваю. Поворачиваюсь и выжидательно смотрю на Дариса:

— Справишься?

Мгновение помедлив, он кивает. Так непривычно видеть в его глазах вместо обычной ревнивой злобы огонёк надежды, живой и тёплый — и я греюсь об этот огонёк, краем глаза

замечая, как начинают отмерзать, приходя в себя, остальные.

— Не подведи! — я хлопаю Дариса по плечу и, не теряя больше времени, тороплюсь к выходу, слыша, как за спиной всё чётче и увереннее начинают поступать и выполняться команды...

Время! Время... Его катастрофически мало...

— ... Город окружён.

Ройс говорит спокойно, но видно, что даётся это ему нелегко.

— Держат крепко. Верн уже отправил птиц, но на пернатых надежды мало — их маги начеку и почти наверняка перехватят...

— Мы у них как на ладони... — Самеш, еле заметно морщась, поводит перевязанным плечом. — За стены высунуться не дают. Никак! Нигде... Только положили две дюжины смельчаков, когда пытались выбраться за экран, чтобы отправить весть... Веришь, даже не удалось понять, где границы этой проклятой пелены!...

— Как ты думаешь, когда атака? — Теймор внимательно смотрит на меня. Он знает ответ, но хочет его услышать.

Я перевожу взгляд на дальний берег реки, ослепительно сверкающий серебром и сталью. Плавни, камыши, выгоревшая на солнце прибрежная трава — не осталось ничего, всё поглотил без следа гигантский чудовищный муравейник, в беспрестанной суете которого не зная устали трудятся полчища остроухих худощавых фигур...

— Пара ор. — Хочется скрипнуть зубами... — От силы три...

— Можно было бы попробовать пробраться по темноте, — замечает Дарн, преувеличенно флегматично сплёвывая сухую травинку на камень под ногами. — Но этого времени у нас не будет.

Ройс медленно кивает, не отводя глаз от реки.

— Всё решится в течение суток.

— Суток? Да нет у нас суток!... — не выдерживает, взрывается Теймор. — Остроухие землю будут грызть, но ворвутся в этот городишко ещё до ночи...

— ... если не получим подкрепления. И наше дело — до этого дотянуть... Тей, Самеш — будете держать ворота. А мы втроём остаёмся на стенах... — Я обвожу взглядом стоящую рядом со мной четвёрку. — У магов должно получиться... Надо дать им время.

— Безымянный!... — отступив на шаг от каменного парапета, Самеш трясёт головой. — Но за какими демонами им Рекарн?! Ни стратегической ценности, ни выгодного расположения — крошечная заштатная крепость, затерянная в диких предгорьях вдали от рубежей... Здесь нет ничего, за что бы стоило биться — так чего же, во имя Братьев-Богов, они хотят? Ради чего всё это затеяли? И почему не выдвигают требований?

— А ты ещё не понял? — Ройс резко поворачивается к нему. Алой искрой на ветру сверкает подкладка плаща... — Они здесь не для разговоров. Они пришли убивать...

... Убивать!...

Больше ничего не осталось.

Единственная мысль, вытеснившая все остальные, бьётся как пульс в такт наносимым ударам... За кровавым маревом в глазах не видно солнца... Крошево из камня вдребезги разбитых стен, туманное эхо сыплющихся градом заклятий, копоть, дым и пыль — пресловутый «туман войны»...

Временами кажется, что земля и небо поменялись местами.

«Убивать!» — поют клинки, скрещиваясь, отбивая, вгрызаясь в незащищённую плоть...

Лязг металла, собирающего кровавую жатву, не заглушит ничто — даже звериный рык сошедшихся врукопашную, даже стоны раненых и умирающих...

Прорывы, словно дыры в ветхой крестьянской рубахе, повсюду — стены более не могут защитить, распавшись на каменные завалы, из которых местами торчат угловатые, обожжённые обрубки рукотворных скал... Но главный бой сейчас кипит здесь, у ворот, от которых осталась лишь огромная зияющая прореха с торчащими сверху, словно в насмешку, искореженными зубьями органки...

Остроухие бьются яростно, жёстко, умело. За ними — превосходство в числе и силе, поддержка магии и осадных машин, но здесь, в ближнем бою, решают всё равно мечи — и потому мы всё ещё держимся... Из последних сил — но держимся, понемногу теснимые к улицам с разбитыми домами и изрытым кавернами мостовым... Скольких я уже отправил к Безымянному? Который из них отправит к нему меня?...

Над растерзанным городом исполинской чёрной тенью возвышается громада Башни — последний оплот защищающих Рекарн... Нелюди тоже это понимают, и усилия остроухих магов всё больше сосредотачиваются на ней. Не могу понять, получилось ли что-то у Дарена, не могу даже повернуть головы — но знаю, Башня всё ещё цела... а подмоги всё ещё нет.

Волны защитников и нападающих схлёстываются и схлёстываются вновь. Я убиваю — много и страшно, но передо мной, сменяя убитых, без конца возникают всё новые и новые фигуры в доспехах... Рядом со мною — тоже.

... В паре сажений со вспышкой и оглушительным свистом в землю врзается неприцельно пущенное кем-то заклятье, расшвыривая передние ряды, как котят. Я едва успеваю перекатиться назад, под защиту наспех сооружённой из обломков домов и перевёрнутых телег баррикады. Боли не чувствую, но в глазах темнеет и предательски двоится...

Тень... Какая-то тень на баррикаде... Из последних сил напрягаю зрение — фиолетовый плащ!... То, что некогда было таким плащом, неистово хлещет на ветру растрёпанными обрывками. Человек оглядывается... ищет кого-то в развершемся хаосе... Ищет меня?

Дарен?

Наши глаза встречаются.

— Получилось!... Получилось!!!

Правая рука мага с оттопыренным большим пальцем взмывает вверх... Я подхватываюсь на ноги, рвусь к нему — но высокий золотоволосый эльф в отмеченном руной доспехе успеваает на мгновение раньше. Стремительное движение изящной кисти — словно кобры, совершающей бросок — и Дарен, вдруг споткнувшись, тяжело заваливается вниз, к разбросанным у подножия баррикады телам. Я знаю... демоны, уже знаю, что он погиб!... кинжал вошёл в глазницу до основания, не оставляя никаких шансов... но даже не это заставляет меня, холодея, замереть на месте, в один миг растеряв все мысли и слова...

Нет, даже не стеклянный взгляд Дарена — «Око Дракона» в рукояти кинжала, запущенного рукой врага, не менее умелой, чем моя...

«Око Дракона», вззирающее на Мир с холодным равнодушием оружия, которому всё равно, кому служить. И даже на таком расстоянии от меня не скрывается прекрасно знакомая мне щербинка на его верхней грани, придающая загадочный прищур каменному «взгляду»...

... Нет! Нет! Нет!!!

Захлебнувшись утробным звериным рыком, я прыгаю вперёд, как нож в масло врезаюсь в самую гущу остроухих, с утроенными силами прорываясь к золотоволосому. Меня бьют, рубят, пытаются остановить — бесполезно!... Я не чувствую боли, я не вижу преград — ничего и никого, кроме проклятой остроухой твари, метнувший кинжал, который несколько ор назад я подарил Рэйни.

Рэйни!

Свет и Тьма, ведь отец должен был укрыть её!... Может быть, она обронила, потеряла кинжал...

Молю вас, всеблагие Боги!!! Чем угодно заклинаю!...

Но разум, проклятый разум подсказывает совершенно иное: Рэйни никогда не стала бы отсиживаться взаперти. Как никогда не рассталась бы с моим подарком. А это значит, что...

... Я успел. Прежде чем рухнуть под шквальным градом ударов, я увидел прямо перед своим лицом льдисто-голубые глаза светловолосого, расширенные от ужаса, когда, отбросив меч, подмял его под себя, мёртвой хищной хваткой вцепился в незащищённое горло, с хрустом ломая шейные позвонки...

... Я успел.

Она уже не кричала, только хрипела — в глубине горла затихал странный булькающий звук, а широко распахнутые зелёные глаза стремительно покидала жизнь.

К нашему общему невообразимому счастью, ворот у кожуха оказался на диво грубым и плотным, да ещё и с солидной меховой оторочкой у самой шеи. Но всё же спасло эльфийку лишь чудо — то, что я не задержался во сне ещё на пару мгновений...

— Д-демоны!!! — тяжело дыша, я резко разжал руки.

Колдунья, дёрнувшись, спиной вперёд рванулась от меня прочь. Упала на снег, судорожно изогнувшись, зашлась хриплым кашлем...

Она долго не могла встать с колен и всё продолжала и продолжала рывками хватать ртом воздух, но наконец всё же сумела поднять на меня взгляд. И в глубине его... отпечатался страх — а ведь доселе я даже не представлял, что ведьма может его испытывать. Мне стало совсем паршиво.

— Т-ты... кричал... в-во сне... — слова давались ей тяжело, через силу. — Я... лишь думала... разбудить...

— Никогда!!!

Я сделал шаг в её сторону, но заставил себя остановиться, и, из последних сил сдерживаясь, почти прорычал:

— Слышишь — никогда! Никогда больше так не делай!... Если хочешь жить!

Вне себя от бешеной злобы, я развернулся и едва не бегом ринулся в лес, утопая в сугробах, оставляя за спиной поляну с костром, колдунью, лошадей. В этот миг я ненавидел всё на свете: прошлое, никак не оставляющее меня в покое, эльфийку, из-за которой едва не совершил непоправимое, проклятые сны, имеющие надо мною такую власть...

Но больше всего ненавидел себя.

Глава 4

Ловушка

Шаэриэнн

Когда до Оплота Туманного Клинка оставалась ещё добрая пара ор, на очередном повороте дороги мы наткнулись на разъезд. Двое молодчиков в подбитых мехом чёрных плащах явно удивились встрече куда больше нас — вряд ли гости с Большого Мира частили в этот забытый Богами край...

Юнцы, невзирая на алые звёзды на спинах, выглядели совсем зелёными и какими-то... простоватыми, что ли. На Карателя, как и следовало ожидать, воззрились с немалым почтением; на меня, естественно, с любопытством — словно на диковинного зверька. Я фыркнула про себя, отметив пришедшее на ум сравнение, но вступать в разговор, разумеется, не стала — собственно, от меня этого никто и не ждал.

Чёрные поприветствовали друг друга положенными безликими фразами, поминая своих Богов, затем Альтар поинтересовался, далеко ли до Оплота. «Звёзды» в ответ тут же вызвались нас проводить. Судя по тому, с какой готовностью и охотой они поспешили прервать своё патрулирование, едва подвернулся случай, нетрудно было сделать вывод о том, что вряд ли объезды закреплённых за Оплотом территорий — занятие увлекательное и почитаемое ими действительно важным.

Разумеется, прежде всего наши попутчики хотели услышать новости, и Альтар (согласно легенде, мы двигались напрямик из Рожериона), попотчевав их парой бак из жизни имперской столицы месяцевалой давности, потихоньку перевёл разговор на то, что интересовало его самого. Парни оказались весьма словоохотливыми, и в скором времени мы уже знали о том, что служба в этих местах — спокойная и скучная едва не до тошноты, будто цветная вода в бочажке гнилого лесного болотца.

— Одно и то же, изо дня в день — одно и то же, Брат! — сверкая глазами, горячился худой вихрастый средиземец, на вид бывший в этой паре младшим. — Ученья да патрули, патрули да ученья... Ни войны тебе, ни колдунов, ни разбойников каких завалящих! Меч таскаешь для красоты, словно девка — бусы!... Когда б не сражались друг с другом на оружейном дворе, уже б, видать, и забыли, с какого конца за него хвататься...

— Будет тебе, Иврил... — без выражения заметил старший, смуглокожий крепыш — похоже, больше для порядку.

— Кайд, так а что, я — неправ? — вскинулся тот.

— Да прав, прав. Уймись только, Таргоса ради... — отмахнулся Кайд: видимо, подобные разговоры имели место не раз. — Ты пойми его, Брат: молодой да ранний, повоевать тянет... Но в целом правду говорит, конечно: тишина тут да умиротворение. Как на старом поселковом кладбище...

— И нежити столько же? — прищурился Альтар.

— Да какая там нежить!... — Иврил в сердцах махнул рукой. — Деревень в округе раз-два и обчёлся, живут, как у Таргоса за пазухой. Никого серьёзнее жабокрыса отродясь не встречали...

— И с гномьей стороны не лезут? — Альтар приподнял брови, демонстрируя удивление. — Места тут знатные: леса, предгорья, пещеры... Самое то для рассадника...

Кайд покачал головой.

— Представь себе, нет. Самые старожилы, говорят, ещё когда Оплот только строился, вроде встречали тут кого-то с «той» стороны, только давно это было. То ли перебили всех гадов уже тогда, то ли те сами исчезли — не знаю. Только я, как и он, — последовал выразительный кивок в сторону Иврила, — здесь уже без малого две луны с небольшим, и за всё это время ни одна поганая тварь даже на глаза не попала...

Плох тот солдат, который при каждом удобном случае не ругает почём зря свою службу... Чёрные, определённо, исключением не были. Есть нежить — плохо, нет — видите ли, скучно... Поток солдатских откровений грозил затянуться — определённо, Альтару удалось расположить спутников к себе.

Каратель слушал внимательно, изредка задавал вопросы; где нужно, кивал головой. Когда хотел, у него вполне себе получалось быть любезным... Уж не знаю, действительно ли он находил во всём этом что-то полезное для себя, но вот мне изрядно поднадоело.

Я украдкой подавила зевок... В конце концов, это Каратель выполняет задание. Понадобится моя помощь — сам ко мне обратится. Участвовать в беседе меня, к моему же счастью, никто не приглашал, а значит — как там говорил седой Магистр? Слушай, запоминай, смотри по сторонам. Вот этим и займусь...

Я слегка придержала Мирри — так, чтобы потихоньку отстать на несколько шагов. Каратель повёл в мою сторону глазами, но возражений не высказал — стало быть, сочтём, что согласен... Тем паче, освободившееся место справа от Альтара пустовало недолго — его тут же поторопился занять Иврил, до того ехавший чуть впереди: это избавляло его от необходимости вертеться в седле всякий раз, как хотелось вставить свою реплику.

Со спины трое Чёрных смотрелись почти одинаково: тяжёлые плащи одного форменного покроя, лошади вороной масти... Однако при всём этом двое «Братьев» казались не более чем корявенькими подобиями Карателя: так, словно ученики или подмастерья неловко попытались повторить работу, исполненную скульптором-наставником. Альтар отличался от своих спутников, в точности как Рио — от их лошадей: что ростом, что статью.

Мой взгляд пробежался по оружию... Клинки все трое носили за спинами; массивные рукояти в такт конским шагам покачивались над плечами. Меч Альтара выглядел строго и просто, ни единого украшения или лишней детали; у «Звёзд» же рукояти, под стать плащам, были одинаковыми, словно близнецы — черенки оплетены мягкой кожей, наверх украшают гранёные алые камни.

«Мечи Тьмы». «Morann Vallaris» — «Убийцы Магов»... Я видела их в бою — проклятые агмарилловые лезвия в умелых руках способны были даже иногда гасить боевые заклятья, а раны, нанесённые ими, излечить было порой намного тяжелее, чем увечья от чар не-агмарилловой природы. В точности такой же меч имелся и у Альтара. Только он оставил его у Просперии, взамен взяв этот, из обычной стали, потому что...

Потому что в Оплоте Туманного Клинка в силу каких-то таинственных обстоятельств не используют агмарилл вообще.

Я несколько раз озадаченно хлопнула ресницами.

Рукояти мечей, украшенные камнями, как и следовало ожидать, никуда не исчезли — галлюцинациями я определённо не страдала. Но тогда... как это понимать?!

Ошибся Альтар? И, соответственно, седоволосый Магистр, снабдивший его информацией? Да нет, быть не может — весь смысл моего пребывания в компании Карателя сводился именно к тому, что я по сути должна была заменить ему агмарилловый клинок...

Тогда, получается, ошибаюсь я?... Возможно, эти мечи просто внешне копируют настоящих «Убийц», но на деле являются не более чем обыкновенным оружием? Однако что-то внутри подсказывало мне, что забеспокоилась я не зря.

Только вот как это проверить?...

Мирри, почувствовав моё волнение, отозвалась тревожным тонким ржанием. Я незаметно погладила её по гриве, попутно шепча лёгенький успокаивающий наговор. Идея осенила меня буквально на ходу. То, что я собралась сделать, боевых коней Чёрных вряд ли напугает, а вот моя кобылка такая, что вполне может, потеряв от страха голову, ринуться в лес...

Поймав взгляд обернувшегося Карателя, я вздрогнула и покачнулась в седле, делая вид, что борюсь с внезапно нахлынувшим головокружением. Словно в замешательстве поднесла ко лбу ладонь...

Надо отдать должное Альтаровой реакции. «Звёзды» только успели разинуть от неожиданности рты, а он уже был рядом. Мирри, беспрекословно повинувшись перехватившей уздечку руке, тут же встала как вкопанная, а меня, бережно, но крепко обхватив за талию, в мгновение ока стащили с седла. Если б я и в самом деле собиралась падать в обморок, рухнуть кулём под ноги лошади всё равно не успела бы.

— Что?? — услышала я над самым ухом.

— Не знаю... — я слабо качнула головой, изо всех сил старалась не переиграть. — Как-то... нехорошо стало. Повело в сторону, и... темно в глазах...

Продолжая поддерживать меня за плечи, Каратель развернул меня к себе, пристально глядя в лицо. Краем глаза я увидела, что двое Чёрных, опомнившись, тоже спрыгнули на землю и направляются к нам — увы, я не могла ни словом, ни жестом дать Альтару понять, что это игра... И едва не подскочила от неожиданности, когда его рука, распустив завязки моего плаща у самого горла, скользнула вдруг под тёплый меховой воротник.

— Ты... что?! — прохрипела я.

— Тише... Не дёргайся, пожалуйста, — неожиданно мягко попросил Альтар. Его пальцы, лёгкими прикосновениями щекоча кожу, осторожно ощупывали мою шею.

«А ведь он думает, что мне... стало плохо из-за того, что случилось прошлой ночью!» — осенило меня. Свет и Тьма!... Да, несколько внушительных синяков действительно остались мне на память, однако отделалась я сравнительно легко.

Я до сих пор злилась на себя за то, что непозволительно сглупила тогда, ослабив внимание — пару раз мне уже приходилось оказывать помощь «блуждающим-во-снах», и на что может быть способен сильный воин в подобном состоянии, представить вполне могла. Вины Альтара в случившемся не было, однако он упорно считал иначе, замкнувшись в себе после той мгновенной яростной вспышки — стал ещё молчаливее, чем был и явно избегал встречаться со мной глазами.

Я не лезла ему в душу, прекрасно понимая, что переубедить его не удастся — со временем сам понемногу остынет и успокоится. Однако вот уж что никак не входило в мои планы, так это повышенное внимание Карателя к моей особе... Мне сейчас требовалось единственное: беспрепятственно осуществить свою маленькую задумку — притом так, чтобы никто из присутствующих ни о чём не догадался.

— Ничего... Уже лучше! — поторопилась сообщить я обступившим меня Чёрным, попутно изловчившись отпихнуть руку Альтара вбок. — Наверно... просто переутомилась в дороге.

— Оплот уже совсем рядом — вон за тем холмом, — Иврил указал вперёд, пока его напарник скручивал крышку со снятой с пояса фляжки. — Ещё совсем немного, и отдохнёшь... — Он помолчал и добавил: — Госпожа метресса.

Кайд протянул мне флягу, которую тут же перехватил Альтар, быстрым движением поднёс к моим губам. Я послушно сделала несколько глотков воды, попутно отметив неожиданно странное обращение Чёрного ко мне.

Метресса? А впрочем, чему я удивляюсь... Кем ещё, скажите на милость, может быть такая редкость для этих краёв, как «эльфа», да ещё и путешествующая на пару с Карателем? В любом случае, колдунья. Если пленница, то, ясное дело, «Отвращённая», ну а коль едет вольно — выходит, магичка, из тех, что в обмен на относительно спокойную жизнь почли за благо быть лояльными Ордену... а возможно, и конкретному его представителю — то-то Каратель этот так о ней печётся! Так вот откуда взялось резанувшее мой слух льстивое «госпожа», навскидку ну никак не вяжущееся с «остроухой нелюдью»...

Ashratt!

Вспыхнув, я едва не забыла, что «больна», рывком подхватываясь на ноги... И на сей раз рухнула бы в сугроб вполне натурально — но Альтар по-прежнему был начеку.

— Да что с тобой?!

Меня снова схватили за плечи, и даже легонько потрясли.

— Мне... нужно дерево. Любое... Только не очень старое. Восстановить силы, — я трепыхнулась, делая попытку высвободиться из стальной хватки — как и следовало ожидать, бесполезно.

Альтар огляделся вокруг.

— Вон та сосна — подойдёт?

Я проследила за его взглядом — сосенка у обочины дороги была именно такой, как мне требовалась. Кивнула и... вскрикнула от неожиданности: Альтар без лишних слов подхватил меня на руки и, в три шага преодолев заснеженную пустошь, опустил на землю уже у самой сосны.

О Ночь!... Ну кто, кто его просит?! И дёрнула же меня Бездна изобразить этот треклятый обморок... Проглотив все крутящиеся на языке слова, тем более, что пристойных среди них не отыскалось, я заставила себя отвернуться от застывшего рядом Карателя и сосредоточиться наконец на деле.

Если бы мне действительно пришлось восстанавливать силы — я обратилась бы за помощью к другому дереву, более могучему и старому, для которого потеря нескольких крупиц жизненной энергии не способна была стать роковой. Но именно юную сосну, ещё не успевшую «задеревенеть», став суровой и непреклонной, куда проще было уговорить открыть мне «Сердце Леса» — самое сокровенное, позволить мне стать его «глазами», «ушами» и «устаами», хотя бы на те несколько мгновений, которые мне так нужны.

Сбросив на снег рукавицы, я обняла ладонями стройный ствол, терпко пахнущий смолой. Прижалась к нему лбом и закрыла глаза...

«Здравствуй, Лесная Сестра. Я Shaerriaenne, Дочь Ночи, и я пришла с добром. Поговорим?...».

Первым среагировал Рио. Взметнувшись на дыбы с воинственным ржанием, он со всего маху грянул оземь передними копытами... Комья снега впеременно с мёрзлой землёй полетели в стороны. Следом тревожно захрапели и попятнулись, прижимая уши, оба вороных; эльфийкина же серая кобылка и вовсе застыла на месте трепещущей статуей, устремив куда-то вперёд исполненный дикого ужаса взгляд.

Увы — люди чувствуют опасность намного хуже лошадей. Мгновением позже придорожные кусты в двадцати шагах дрогнули, выпуская огромного морозного волка в белоснежной шубе. Зверь бесшумно приземлился на лапы прямо посреди пустующего тракта, замер на миг... Из-под низко опущенного лба сверкнули глаза — красные, как раскалённые угольки.

И лишь тогда Тёмные Братья схватились за оружие. Я же и вовсе промешкал, так как был занят колдуньей, более того — напрочь забыл о том, что при мне больше нет моих перстней. Рванулся вперёд, выдёргивая клинок и попутно посылая приказ несуществующему боевому кольцу — как вдруг эльфийка, прекратив обнимать сосну, с неожиданным проворством вцепилась в мои запястья.

— Мечи!!! — не дав опомниться, прошипела она мне прямо в лицо. — Смотри на них! ... Внимательно смотри!

— С ума сошла! — рявкнул я, инстинктивно пытаюсь стряхнуть колдунью на снег, однако она не сдавалась.

С силой, совершенно неожиданной для той, что мгновение назад едва держалась на грани обморока, эльфа дёрнула меня к себе, выпалив:

— Агмарилл!...

Свой шанс вмешаться я уже упустил — мне оставалось только поднять глаза, наблюдая развязку.

Смысл слов колдуньи дошёл до меня не сразу.

И вот тогда я оцепенел — в точности как несчастная серая кобылка...

... Волк, разумеется, не мешкал. Взвившись в длинном прыжке, красавец-хищник скрылся в зарослях на другой стороне дороги — столь же стремительно, как и возник. Два заклятья, брошенных ему вслед, разумеется, запоздали... Алая молния и, если не ошибаюсь, Кулак ветра, со свистом и сполохом перепахали кусок заснеженной земли, отмеченной ещё тёплыми волчьими следами.

— Безымянный!!! — раскрасневшийся, встрёпанный Иврил с досадой рубанул воздух так и не пригодившимся мечом. — Не успели! Самую малость не успели!...

Охалка искр, вспыхнувших в тех местах, где тусклый чёрный металл соприкоснулся с солнечными лучами, взбалмошным алым вихрем очертила знакомое лезвие Меча Тьмы...

Сомнений быть не могло. Никаких...

— Ума не приложу, откуда здесь взялся волк, — Кайд, тяжело дыша, запахивал ворот плаща, пряча нагрудный амулет — оправленный в серебро тёмный «глаз», ещё светящийся алым. — До Оплота рукой подать! Тут не то что волков — зайцев и куропаток, поди, не осталось...

— Нет, ну и наглая же тварь!... Совсем страх потерял! Прёт едва не коням под копыта... — Брат Иврил уже вернул клинок за спину и теперь поправлял правый рукав

тёплой куртки — его запястье обвинял браслет из гладких тёмно-серых пластинок. Разумеется, они тоже «алели», теперь стремительно угасая...

Эльфийкина ладонь в моей руке дрогнула. В ответ я крепко сжал её пальцы.

— Ну, ничего!... Недолго ему тут наглеть! — продолжал бушевать младший Тёмный. — Сейчас же соберу Братьев и устроим охоту!

— Какая охота, уймись! — осадил его старший напарник. — Мы на посту! Вернёмся, доложим коменданту, и снова в патруль.

— Но...

— Мы лишь провожаем Брата-Карателя и... метрессу, забыл? — Кайд обернулся к нам. — Как вы? В порядке?

— Да... Спасибо, — я кивнул, всё ещё лихорадочно пытаюсь понять, что происходит.

Иврил подошёл поближе, прищурился:

— Что-то ты, госпожа, совсем неважнецки выглядишь...

— Ис... испугалась. Немного... — голос эльфийки прозвучал ещё более хрипло, чем обычно, но быстро выровнялся: — Волк... Не ожидала увидеть его здесь, и так близко...

— Он уже не страшен, госпожа. Зуб даю, он тоже не ожидал встретить нас и испугался ещё сильнее... — Кайд подхватил Мирри под уздцы, повёл кобылку к нам. — Мы почти на месте, надо продолжить путь. Ехать сможешь?

— Да, конечно. — Она протянула руку, готовясь принять повод.

— Нет, — внезапно сказал я. — Она ещё слаба. И поэтому поедет со мной.

— Но... — Эльфийка стремительно повернулась ко мне, но я не дал ей договорить.

— Шаэ...

Ну почему, почему, демоны, я не могу передать ей мысли?!... Картинка, открытая мне эльфийкой, была ошеломляющей. И теперь я совершенно не представлял, с чем мы столкнёмся через четверть оры, когда попадём в Оплот. В любом случае, то, что ожидает нас за его стенами, напрочь отлично от того, к чему готовил Просперио... почему так, мне ещё предстоит разобраться, тем более, что дороги назад у нас уже нет. Что впереди и что нам делать? Наблюдать?... импровизировать?... спастись?... биться? В любом случае, держаться нам следовало вместе. И чем ближе, тем лучше.

— Шаэ, — глядя в зелёные глаза, с напором повторил я. — Пожалуйста. Послушай меня... Так будет лучше. Для всех...

Несколько мгновений она молчала. Я понял — раздумывала. Наконец, её глаза сверкнули злобным бессилием: она тоже очень хотела поделиться со мной своими соображениями — и, конечно, была способна на это — но Рыцари Тьмы, вооружённые агмариллом, не пропустили бы даже такой простенькой волшбы.

Я бы — не пропустил...

И потому эльфийка отвела взгляд — медленно, словно борясь с искушением. Кивнула, явно через силу.

— Хорошо. Надеюсь, ты... правда знаешь, как лучше.

И больше не обронила ни слова, беспрекословно позволив мне посадить её к Рио в седло.

Мирри взял в повод Кайд; Иврил поехал рядом с нами. Прилагая все усилия, чтобы не выдать своих истинных чувств, я рассчитывал за оставшиеся крупинцы времени выудить из Тёмных Братьев как можно больше информации об Оплоте, которая может хоть в чём-то оказаться полезной, но не преуспел.

Занесённые снегом крепостные стены и башни встали перед нами во весь рост за ближайшим поворотом. К тому же, перед внешними укреплениями обретались ещё пятеро Рыцарей. Последовали встреча и обмен приветствиями, быстро переросшие в многоголосый гомон и гул. Иврил приотстал, очевидно, собираясь рассказать Братьям про волка, Кайд же, напротив, подхлестнул коня к раскрытым створкам крепостных ворот, подавая нам знак сделать то же самое. Нам ничего не оставалось, кроме как последовать за ним, так толком ничего и не узнав.

* * *

Практически все Оплоты — форпосты Ордена на только что присоединённых к Империи или же подлежащих освоению землях — появляются одинаковыми. Маленькие крепости, всего на несколько десятков солдат, продуманные и возведённые на совесть укрепления, использующие все преимущества местности, на которой они стоят. За массивными стенами из упрочнённого магией камня надёжно укрыты склады с провизией и оружием, конюшни с солидным запасом фуража, скромные казармы...

Это потом, в зависимости от значения и заселённости земель, самые главные из них дорастут до Бастионов и Цитаделей, от которых со временем отделятся новые Оплоты, чтобы дланью Таргоса и далее расчищать дорогу Ярошевому Слову...

Оплот Туманного Клинка никак не отличался от всех прочих, виденных когда-либо мною. Окажись я здесь просто так, проездом или по иному делу — клянусь, ничто не привлекло бы моего внимания, не насторожило. Я был бы совершенно спокоен... если б не знал точно, что он должен отличаться.

Однако мы ехали по мощённому камнем внутреннему двору — и своими глазами видели воинов, вооружённых агмарилловыми мечами: одни сражались друг с другом в тренировочном поединке, другие просто носили клинки на поясе или за спиной. Кроме мечей, было и другое оружие из Благословенного металла — один из солдат метал в колоду ножи, похожие на мои, у других я заметил кинжалы, короткие секиры и даже шестопёр. Боевых амулетов тоже хватало: крепостной двор — не лесная дорога, здесь люди не испытывали особой нужды кутаться в плащи, и я мог окончательно убедиться в том, что здешние Мечи Тьмы точно так же используют агмарилл и данные им блага, как и в любой другой крепости Ордена.

Эльфийка, сидящая передо мной, легонько тронула меня за рукав, привлекая внимание. Я проследил за её взглядом. Мимо, опираясь на Посох, прошествовал пожилой Светлый Жрец, направляясь в сторону караулки. Так значит, здесь и Церковь?! Я присмотрелся, выискивая глазами белые одежды... Так и есть. Поодаль, контрастируя с чёрными плащами Мечей, маячили ещё двое...

— Приехали! — сообщил Кайд, спешиваясь около арки с тяжёлой двустворчатой дверью — одного из входов в донжон, центральную башню крепости.

Мы последовали его примеру.

— Эй, Тор! — оглядевшись, наш сопровождающий выдернул из глазающих за идущим неподалёку учебным боем совсем молоденького мальчишку, напомнившего мне Брата Корима: по-видимому, он тоже только получил свою Звезду.

Препоручив парню лошадей, он попросил нас обождать у входа, сказав, что доложит о

нас коменданту.

— Нам не стоило сюда ехать, — негромко подала голос эльфийка, когда мы остались одни.

— Ну и как ты себе это представляешь? — резко ответил я, не прекращая осматриваться вокруг. — Подхлестнуть лошадей и ринуться в лес ровно в шаге от места, куда направлялись? А двое Мечей Тьмы, разумеется, разинут рты и, онемев от неожиданности, будут глазеть нам вслед, напрочь забыв о своих клинках и амулетах...

— Агмарилловых, — едко заметила колдунья.

— Да, агмарилловых! Тем более — мы должны узнать, что здесь происходит!

— И что теперь? — спросила Шаэриэнн.

Я помолчал, обдумывая ответ. Знал бы я, Тень их разбери...

— Что бы ни было, — я посмотрел ей в глаза, — мы здесь в своём праве. Я — Каратель. Ты — со мной... — при этих словах эльфийка хмыкнула — не то скептически, не то презрительно. Я предпочёл не заметить. — Мало ли дел, что могли привести нас сюда? Ориентируемся по ситуации. В лучшем случае, Варион всё нам объяснит...

— Ну а в худшем? — сощурилась колдунья.

Я вздохнул, но развить мысль не успел. Створки дверей заскрипели, выпуская на каменное крыльцо нашего бывшего сопровождающего в компании тощего мужчины средних лет с удивительно неприятным лицом. Причём что именно было неприятным, сходу определить не получилось: черты как черты — ну, грубоватые, невыразительные, но, в общем-то, обычное лицо изрядно помятого жизнью человека. Похоже, дело было всё-таки в глазах... Белесые, почти бесцветные, они подслеповато щурились на ярком свете, однако взгляд их, на редкость тяжёлый, словно бурав ввинчивался, казалось, в самую душу.

Рядом со мной вздрогнула эльфийка. Кажется, у нас с ней возникло схожее впечатление. И оно тут же усилилось от того, что за спинами Кайда и неприятного типа маячили ещё четыре фигуры — без плащей, но с оружием.

На тощем, кстати, тоже не было Орденского плаща. Да и тёмная куртка явно форменной не была, однако Кайд представил его нам как старшего по Орденскому чину:

— Мастер Зельде помогает господину коменданту. Он проведёт вас к нему.

Мастер Зельде одними губами изобразил нечто, должное, вероятно, означать радушную улыбку, но на деле сделавшую его лицо ещё более отталкивающим и скрипучим голосом произнёс:

— Прошу вас... Следовать за мной.

Кайд, кивнув на прощание, посторонился, пропуская нас в помещение. Я, наплевав на все приличия, отгёр эльфийку плечом и вошёл внутрь первым. Нет, я не ошибся: нас действительно встречали четверо, молча и со знанием дела взявшие нас в кольцо.

— Мы что — арестованы? — с вызовом спросил я.

Помощник коменданта сверкнул белесыми глазами.

— Нет. Отчего же? Просто необходимые... Меры безопасности. — Манера говорить у него была странная, какая-то отрывистая. — Комендант. Понимаете ли... Фигура. Важная. Мало ли что... Обычная. Формальность...

Последние слова Зельде произнёс уже с видимой натугой и замолчал, восстанавливая дыхание.

Формальность... Какая к демонам формальность?! Коменданты Оплота — как правило, такие же Рыцари Тьмы, как и их солдаты, только более опытные и повидавшие. Сто лет им

сдалась такая охрана — только комедию ломать да людей отвлекать от дела...

Разумеется, я ему не поверил. И, разумеется, он это прекрасно понимал.

Происходящее нравилось мне всё меньше. Интуиция, заскулившая уже тогда, когда мы только въехали в ворота, сейчас выла и рычала в полный голос. Но делать всё равно было нечего — оставалось только продолжать странную игру.

Зельде, приволакивая ногу — ко всему, он ещё изрядно хромал — сделав знак следовать за ним, пересёк просторный зал с хоругвями и гобеленами, свисающими со стен, и традиционными знаками Ордена над многочисленными дверными арками. Мы, окружённые молчаливыми стражами, пошли следом.

За дверью в противоположном крыле начиналась лестница, идущая кругом. Она была довольно широкой, во всяком случае, мы смогли пройти по ней по двое. Зельде двинулся первым, за ним пара его людей. Оставшиеся двое чуть приотстали, пропуская нас в середину.

— Маг... — одними губами шепнула эльфийка, когда я придерживал для неё дверь.

Что ж... Я уже догадывался, что те, кто ведут нас, вряд ли полагаются на честную сталь — иначе это были бы Тёмные Братья. Вот интересно только, к чему такой приём?

Мы миновали второй ярус и поднялись на третий. Здесь лестница заканчивалась тупиковой площадкой, на которую выходила единственная дверь. Это, судя по всему, и были комнаты коменданта.

Зельде на мгновение исчез за окованной металлом створкой, но практически тут же выглянул, приглашая нас войти. Наша «охрана» осталась в коридоре.

За дверью находился просторный кабинет. Там за большим дубовым столом, утопая в кресле, не по размеру широком и глубоком, сидел человек в чёрном Орденском плаще с тремя алыми полосками понизу и делал какие-то пометки пером на лежащем перед ним пергаментном листе. Хотя Зельде и заходил с докладом, он ещё пару мгновений делал вид, что не замечает нас, продолжая работу, затем подчёркнуто аккуратно отложил свои записи в сторону и неуклюже выкарабкался из-за стола (кресло явно было для него велико), степенно одёрнув плащ.

Невзирая на всю серьёзность ситуации, в которой мы оказались, мне стало смешно — комендант из шкуры выпрыгивал, пытаясь произвести солидное впечатление, но выглядел крайне нелепо: невысокий плотный человек, изо всех сил пытающийся компенсировать недостаток роста окружающими его гигантскими вещами.

— Да благословит тебя Тьма, Брат-Каратель... — комендант не лучшим образом владел эмоциями. Я видел, что, хотя он изо всех сил изображал степенность и спокойствие, на деле был крайне насторожен и напряжён; впрочем, речь его была складной и правильной. — Дочь Ночи... — взгляд его замер на Шаэриэнн. — Приветствую вас обоих в Оплоте Туманного Клинка, комендантом которого, с благословения Таргоса, я являюсь. Кто вы и что привело вас к нам?

— Тьма да пребудет с вами, — склонил голову я. — Меня зовут Альтар. Имя моей спутницы несколько непривычно нашему языку, и потому она позволяет именовать себя...

— *Kearra'alle Ad Aerra Mais Teennan Daleire*. *Kearra*.

На лице эльфийки не дрогнул ни один мускул, а холодной надменности в голосе было ни на йоту не больше и не меньше, чем требовалось в данной ситуации.

Я перевёл дыхание. Умница, Шаэ!

— Цель нашего приезда несколько необычна. И потому я хотел бы открыть её Мастеру-Рыцарю Вариону... — я выразительно поглядел на Зельде, — ... в личной беседе.

Короткий взгляд, которым обменялись Зельде и комендант, окончательно подтвердил мою догадку.

— Зельде может остаться... Брат. — Комендант пожевал пухлые губы. — Он моё доверенное лицо. Прошу тебя говорить при нём.

— Что ж, — я посмотрел коменданту в глаза. — Раз ты уверен в нём, Мастер-Рыцарь, тогда не буду ходить кругами. Кеарра... — новое имя Шаэриэнн далось мне без труда. — ... целительница. Мне поручено сопровождать её в ваш Оплот на важную встречу.

— Встречу с кем? — быстро спросил комендант. Очень быстро... Я заметил, как поморщился Зельде — он явно опасался, как бы глава Оплота не поторопился и не наломал дров.

Ну, помоги мне Таргос, дабы моя наскоро слепленная ложь сошла за правду!

— С одним целителем из Академии. Он должен быть здесь со дня на день.

— Имя. Целителя? — подал голос Зельде.

— Эта информация секретна, — строго отрубил я.

— И всё же? — встрепенулся комендант. — Полагаю, мы имеем право знать...

— Обычно он представляется Антуаном Дерригом, — снова заговорила Шаэ. — Однако подозреваю, что это лишь одно из его многочисленных имён. Истинное оно или нет — меня не интересует. Мне важна наша совместная работа и её результат. Остальное можете спросить у него сами, как только он будет здесь.

— Письма... — обронил помощник.

— Да, Брат Альтар! Возможно, у вас есть какие-нибудь письма для нас... для меня, по существу вашего задания? Мы готовы будем оказать любую необходимую помощь...

— Благодарю, — сдержанно ответил я, — но моя задача — лишь доставить метрессу Кеарру из Рожериона в Оплот Туманного Клинка в целостности и сохранности, удостовериться, что встреча состоится, на протяжении лунной четверти обеспечивать её безопасность, а затем сопроводить её обратно в Рожерион. Кроме возможности провести в Оплоте несколько дней, нам больше ничего не нужно.

— Всей необходимой информацией, включая ту, что нужна для поддержки, владеет Антуан, — Шаэриэнн превосходно поняла правила игры. — Возможно, интересующие вас письма привезёт он. Дело в том, что мы должны были приехать сюда позже него, но погода и дорога благоволили нам, и, по-видимому, нам даже удалось немного его опередить. Однако вряд ли он сильно задержится.

— Что ж, — комендант в очередной раз переглянулся со своим помощником. — Дорога была длинной, и вы, должно быть, устали в пути. Вам выделяют комнаты, накормят и дадут возможность привести себя в порядок. Разумеется, вы останетесь у нас столько, сколько сочтёте нужным. Безусловно, то же самое касается и метра Деррига.

— Благодарю, Мастер-Рыцарь, — снова повторил я. Эльфийка сдержанно кивнула.

— Распорядись, — коротко кивнул Зельде комендант, возвращаясь за стол.

Неприятный Мастер посторонился, пропуская в дверь сначала Шаэриэнн, затем меня.

— Где. Твой. Меч. Брат? — внезапно спросил он, когда я уже стоял на пороге.

Я обернулся, заметив, как завис над креслом, так и не сев, комендант.

— При мне.

Я повернул голову к плечу, над которым торчала рукоять.

— Меч. Тьмы, — проронил Зельде.

Я пожал плечами, постаравшись сделать это естественно.

— Я оставил его в Рожерионе.

— Почему?

Подслеповатые глаза испытующе вперились в меня, и я внезапно понял, что на самом деле видит помощник коменданта превосходно.

Что ж, следовало продолжать игру.

— Перед выездом в Оплот мне было приказано оставить всё, что содержит в составе агмарилл, а Меч Тьмы временно сменить на обычный. Я задал вопрос, с чем связан столь необычный приказ, но получил ответ, что это не обсуждается. Я решил, что дело в том, что мне приказано сопровождать... Дочь Ночи, а представители их народа... неважно относятся к агмарилловому оружию.

Эльфийка презрительно хмыкнула — уверен, что вполне искренне.

— Кто отдал приказ? — спросил комендант.

Я сжал губы.

— Я не имею права отвечать на Ваш вопрос.

— Что ж... — помедлив, отозвался Мастер-Рыцарь. — Вы... свободны, Брат, метресса Кеарра... Отправляйтесь отдыхать. Не стану вас больше задерживать.

Шаэриэнн

Что делать? Что же делать?...

От двери до окна было ровно семь моих шагов. От окна до двери почему-то упорно получалось восемь.

Я в очередной раз пересекла комнату, в которую меня препроводили вроде бы «отдыхать с дороги», на деле же просто заключили под стражу. Хотя увесистый стальной замок и не лязгнул, запираясь, за моей спиной, я не сомневалась, что стеречь мою дверь будут не хуже темницы. Интересы ради попробовала высунуть нос в коридор, и тут же наткнулась на двоих из свиты Зельде.

В отличие от тех четверых, что конвоировали нас к коменданту, эти двое хотя бы не были магами — я поняла это сразу, так же как волк безошибочно отличит собрата от внешне походящего на него горного пастушьего пса. Однако что-то, неуловимо роднившее тех и этих между собой, всё-таки было: то ли выраженная бледность лиц, неприятно заостряющая черты, то ли нагловатый уверенный взгляд, выдающий не бравирующего первым убитым оленем щенка, но матёрого зверя, на счету которого не один десяток удачных охот...

Мне настоятельно порекомендовали не ходить по башне ночной порой в одиночку, поскольку «Оплот — объект военный и не стоит нарушать правила». Когда я попросила подробнее рассказать мне о «правилах», было сказано, что утром меня не преминёт просветить о них господин комендант, а пока нужно «отдохнуть и восстанавливать силы». На вопрос о том, где Альтар, я получила ответ, что он «уже спит», требование же сопроводить меня к нему напоролось на вежливый, но непреклонный отказ. В конце концов, я соврала, что хочу водицы. Меня вновь попросили вернуться в комнату, и буквально через мгновение один из соглядатаев возник на пороге с подносом, на котором кроме кувшина с водой стояла также кружка с подогретым вином. Заверив меня, что, если мне что-либо понадобится, достаточно будет лишь приоткрыть дверь и сообщить «дежурящему по этажу», мой, без сомнения, тюремщик удалился, оставив меня одну.

Я снова замерла у окна, опершись ладонями о широкий подоконник, не мигая уставилась в ночь и крепко задумалась.

Ashratt!... Куда же меня угораздило влипнуть на этот раз?!

Воистину — стоило избежать костра в затерянной лесной деревушке, гибели от когтей монстра, меча Карателя и инструментов палача... Ради чего? Чтобы по собственной доброй воле явиться в самое логово врага, сунуть голову в петлю и ждать, когда её затянут??

Проклятый старик, втравивший меня во всё это... Повестись на речи Магистра — пускай и бывшего Магистра — человеческого Ордена Тьмы — нет, Shaerriaenne, ты совсем лишилась ума!...

Проклятый Каратель!...

Впрочем, он тоже попал, как кур в ощиц, поверив своему драгоценному Проспериио. Влип по самые уши и, похоже, увяз не менее глубоко, чем я...

С того самого момента, как мы покинули кабинет коменданта, я отчаянно хотела поговорить с Альтаром наедине, но такой возможности нам больше не давали.

Нас здесь ждали — ну, пусть не именно нас, но тех, кто приехал бы к коменданту Вариону за тем же, что и мы. К счастью, Альтар, кажется, тоже вовремя это понял. Однако его отчаянная попытка скрыть истинную цель нашего приезда напоминала пляску на лезвии кинжала и, как всякий экспромт, была грубовата и неуклюжа — хотя, надо признать, в общем-то правдоподобна. Благословляя Ночь за то, что Каратель всё же не оказался слеп, я постаралась подхватить «вожжи» и там, где могла, наскоро «подлатать» самые непрочные места. Впрочем, на мой взгляд, вышло всё равно слабовато.

Мне было совершенно ясно, что полностью нам не поверили, хотя и не исключили возможности, что мы всё-таки именно те, за кого себя выдаём. Нам на руку внезапно очень сыграла одна деталь: Альтар упомянул мага из Академии, который должен был прибыть в Оплот на встречу с нами.

Очевидно, только в связи с этим Зельде и комендант — а первую «флейту» в их дуэте однозначно играл именно маг! — в итоге решили повременить с пленением и настоящим допросом нас двоих, дожидаясь этого третьего, а также, скорее всего, попытаться навести о нас справки. И потому четвёрка магов, «скупавших» под дверью кабинета, помедлив, расступилась, так и не получив ожидаемого приказа, когда мы в сопровождении Зельде вышли в коридор.

Однако выпускать нас из своих цепких лап никто не собирался. Нас называли «гостями» и тут же навязали провожатых в лице таких же безликих типов в неброской одежде, как и те четверо, хотя магию я почувствовала лишь в одном из них — том, что был при мне. Однако у этих не было оружия — по крайней мере, на виду, и кроме того, они так рьяно изображали медоточивую любезность, что вскоре я едва не тонула в ней, как муха, угодившая в сахарную патоку... Без внимания нас не оставляли ни на мгновение — ни во дворе, ни на конюшне, ни за накрытым на ужин столом. После ужина нас развели по «комнатам для гостей» (причём куда именно поселили Карателя, я так и не поняла — но, по-моему, даже не на этом ярусе) и, наконец-то, оставили в покое — не забыв, впрочем, выставить охрану у дверей.

И ведь было яснее лунной ночи: всё, чего мы добились, это не более чем отсрочка, совсем небольшая — пока не вернутся с ответами посланные в нужные места зачарованные птицы или не станет понятно, что никакой «Антуан Дерриг» сюда не придет.

А вот потом...

Я почувствовала комок, подступивший к горлу. Ashratt ad Aen! Ведь не пробьюсь!...

Одних только Чёрных Псов здесь — с полсотни! А ещё этот мерзкий Зельде со своими людьми, а ещё Церковь...

Что же, Свет и Тьма — что же, что же делать??

В поисках выхода, не желая признавать их безнадёжными, я слишком глубоко ушла в собственные мысли. И потому странный звук привлёк моё внимание не сразу.

Тихий-тихий, на самой грани слуха — не то шорох, не то свист... Нет, не свист — скрип! Как будто поскрипывает, еле касаясь окна, ветка старого дерева. Или кто-то совсем легонько стучит пальцем по стеклу.

... Пальцем по стеклу?

Я, вздрогнув от неожиданности, резко подняла глаза. В темноте за окном, с правой стороны — в отблесках факелов, горящих вдаль на стенах крепости — на узком карнизе застыл, почти растворяясь в ночи, нечёткий силуэт...

Счастье, что простенький наговор сам по себе не способен привлечь внимание магов! ... Мигом прошептав нужные слова, я провела ладонью над оконными петлями и потянула раму на себя, заставляя бесшумно раскрыться.

В комнату хлынул поток холодного воздуха. Альтар неслышно, будто кошка, гибким движением соскользнул с карниза на подоконник а с него — внутрь. Я поспешила захлопнуть окно, не дожидаясь, пока мои сторожа обратят внимание на то, что из-под двери тянет сквозняком, и развернулась к нему.

— Ashratt Da Summale Vei Derroto Y Nadda!... Ess, Mei Ta Roxho Y Cierrde... — Видишь Ночь, мне хотелось его убить! Или... или запрыгать от радости!...

В ответ Альтар легонько коснулся моего плеча и шагнул к двери, приложив палец к губам. Подождал пару мгновений, прислушиваясь к звукам в коридоре, затем кивнул и посмотрел на меня.

— Шаэ, — быстро заговорил он шёпотом. — У нас мало времени... Нам надо уходить, и уходить быстро. В нашем распоряжении только эта ночь, и то вряд ли вся...

— Но как?! — Я воззрилась на него, словно старый выдавший виды баран на внезапно выросший посреди зимнего луга одуванчик. — Ты что думаешь, твой комендант теперь так легко выпустит нас отсюда?

— Он не «мой» комендант, — Альтар едва заметно поморщился.

— Так значит, ты понял... — проронила я.

— Понял, — кивнув, подтвердил Каратель. — Когда оказались в кабинете, окончательно убедился. Этот человек — не Варион.

— А твой Магистр тебя подставил.

— Ч-чего?! — Свет и Тьма, он действительно изумился! — Да ты... с ума сошла, ведьма!

— Я-то, может, и ведьма, — я внимательно посмотрела ему в глаза. — Вот только в отличие от тебя, Орденского Пса, не привыкла ходить на поводке. Суди сам: твой Магистр отправляет тебя сюда. Без привычного тебе оружия, без твоих колец и прочей агмарилловой дребедени, делающей тебя в разы сильнее. В нагрузку тебе даёт меня, что само по себе способно вызвать прорву подозрений и тьму вопросов. Отправляет с заданием, на первый взгляд кажущимся сущей чепухой...

— Что ты можешь знать... о задании? — нет, дар речи он всё же не потерял.

Я пожала плечами.

— Того, что знаю, достаточно... Всего две-три кварталы. Никаких активных действий не

предпринимать. Только смотреть, только слушать... Пожить в крепости, погулять по окрестностям, поесть-попить-выспаться вволю и вернуться, рассказать что увидели. Прогулка, а не работа... А что в итоге? В итоге нас хватают, едва мы переступаем порог этого милого замка. И если б мы были настолько глупы, что попытались бы сослаться на задание, с нами уже беседовали бы иначе, и никак не за ужином, а в тюремном подвале.

— Ты не права. — Он сжал зубы.

— Отчего же? Они же нас ждали, неужели ты не понял?! — я выразительно постучала пальцем себе по лбу. — И никакого коменданта Вариона здесь, разумеется, нет. А есть те, кто ждёт не дождётся, когда наконец появится дурак, который станет его искать... Вот только какую цель преследовал твой старший, сдавая тебя этим... — я мимо воли поморщилась, — ... этим типам — я не знаю, поскольку не знаю всех деталей пресловутого задания. Может, политические мотивы... может быть, что-то личное...

— Шаэриэнн, — он тяжело вздохнул, и повторил, втолковывая мне, как маленькому ребёнку. — Магистр здесь ни при чём. Ни при чём Просперио, понимаешь?

— Ну а кто тогда при чём? — бросила я. Его нежелание замечать очевидное откровенно меня бесило.

— Не знаю, — ответил он, но не дав мне торжествующе вмешаться, продолжил. — Но думаю, что тот, кто пол-луны назад прислал в Оплот новых солдат во главе с новым же начальством, а старых почти всех отозвал. Прежний комендант, кстати, получил повышение по службе и назначение в один довольно солидный Бастион, отбыл срочно. Крупный был мужик, крепкий, плечистый — на медведя с лёгкой пикой ходил, не чета нынешнему Мастеру-Рыцарю, что без свиты своей носа никуда не жает... Новое пополнение привезло с собой традиционную экипировку, а с ними прибыли и Светлые Жрецы, возведя самую первую Церковь на территории крепости — в том крыле, которое раньше занимали какие-то Академские книжники...

Я смотрела на него, разинув рот.

— Откуда... ты всё это знаешь?!

— Удалось улучшить момент, когда мой провожатый... слегка отвлёкся, — Альтар невесело усмехнулся. — У Рио есть несносная привычка кусаться, особенно, если он кого-то невзлюбил... А пока несчастный шипел, ругался и искал, чем можно остановить кровь, я немного поболтал о жизни с Братями, которые тоже были на конюшне. Всё встало на свои места...

— За исключением того, что мы не знаем, кто всё это затеял... Всю эту... — я помолчала, подбирая слово, — ... перестановку. Чего он этим добивается? И самое главное — на кого Ashratt'a ему сдались мы??

— А вот это уже выяснит Просперио. — жёстко сказал Альтар. — Ведь отчасти мы выполнили его просьбу: прибыли в Оплот и увидели, что здесь происходит. Теперь главное — выбраться отсюда. Поэтому, говорю ещё раз, нам стоит поспешить...

— И как ты себе это представляешь? — повторила я.

— Пока — просто. Прямо сейчас идём на конюшню, берём лошадей и выезжаем в ночь.

— Но как же...

— Большинство Мечей Тьмы просто не в курсе того, что здесь творится. — Альтар вернулся к окну, взялся за раму, раскрывая её. — Эти странные мутные типы... в особенности их хворый предводитель... Зельде, вместе с новым комендантом ведут какую-то собственную игру и не спешат её раскрывать. Во всяком случае, для Тёмных Братьев я

обычный Каратель, прибывший в Оплот по своим делам, и дела эти никого из них не заботят. Если мы возьмём лошадей и уедем — наряд на воротах выпустит нас, не сказав ни слова. Пока об этом не узнают те, в чьих интересах было нас задержать.

... Ох, давно же мне не было так страшно, как во время этого безумного спуска!

Отсюда до земли было саженей с десять — никак не меньше... При этом стена башни казалась такой гладкой, словно была выточена из цельной глыбы льда.

Мне стало ясно, почему наши тюремщики не предвосхитили нашу возможность сбежать через окно. Её попросту не было!

И только Альтар считал иначе.

Два кинжала... Свет и Тьма! У него не было даже верёвки! Единственным имеющимся коротким ремнём он накрепко стянул мои запястья, прежде чем поднять меня на закорки: из-за своих неуклюжих пальцев я даже не могла достаточно крепко обхватить его за шею — не то, что помышлять спуститься самостоятельно... Беззвучно ругаясь и одновременно молясь всем существующим в Мире богам, я висела на широкой спине Карателя, точно куль с мукой, малодушно уткнувшись носом в ворот его куртки. На редкость паршивое чувство, когда от тебя ровным счётом ничего не зависит, даже собственная жизнь, а самое большее, чем ты можешь помочь — пресловутое «не мешать»...

Двигался Альтар медленно — очень медленно, тщательно выверяя расстояние, на ощупь выискивая щербинку в каменной кладке, чтобы воткнуть кинжал, крошечный выступ или карниз, на который поставить ногу... Два раза мы были на волосок от того, чтобы сорваться и полететь вниз, однако в последний момент Альтару каким-то чудом всё же удавалось удержаться на стене.

Был миг, когда он внезапно застыл, словно вжимаясь в камень, прекратил, казалось, даже дышать — и через мгновение снизу послышались негромкие голоса караульных, обходящих двор. Не ожидая от башни никаких сюрпризов, Тёмные Братья прошли под самой стеной, подсвечивая себе факелами, и скрылись за её поворотом, так и не удосужившись поднять головы вверх... Нам повезло ещё раз.

Когда наконец Альтар, с шумом выдохнув воздух, разжал руки и мягким прыжком спружинил на каменные плиты, я едва поверила в то, что всё окончилось благополучно. Однако предстояло ещё покинуть Оплот...

На конюшню мы прошли не таясь и без препятствий. Двое в плащах со Звёздами — очевидно, те самые караульные — встретились нам у огороженного ристалища, на котором при свете дня проходили учебные бои. Они направились было в нашу сторону, но, распознав Карателя, не стали менять маршрут и лишь дружелюбно кивнули; Альтар махнул рукой в ответ. Я, грешным делом, опасалась, что в патруле может присутствовать кто-то из людей Зельде, что намного усложнило бы нам жизнь, но, к счастью, обошлось.

Конюшня, разумеется, не охранялась. Братья сами ходили за своими лошадьми, и слуг, что постоянно обретались бы здесь, не было тоже. Взяв масляный фонарь, висящий при входе, мы без труда нашли денники Мирри и Рио, быстро оседлали их и навьючили сумками с поклажей.

Мне сразу бросилось в глаза, что содержимое вещевого мешка было сложено иначе, явно не моей рукой.

— Альтар! — Я полезла в мешок, затем проверила сумку — нет, вроде бы ничего не пропало. И тем не менее... — Они рылись в наших вещах!

— Рылись. Но то, что они рассчитывали найти, было со мной...

Каратель встал за моей спиной, подождал, пока я закончу с пожитками. Затем поправил на Мирри седло и затянул подпругу.

— Вперёд!

Держа лошадей под уздцы, мы вышли к воротам. Я старалась держаться спокойно, но сердце гулко ухало в груди. Ещё совсем немного, и... Неужели всё-таки свобода?!...

У массивных ворот, запертых на ночь, находились четверо. Невзирая на спокойную обстановку вокруг, службу свою они несли на совесть. Трое «плащей» стояли на стене, просматривая территорию, и один сидел на тёсаном бревне у боковой калитки, поигрывая в ладони увесистой связкой ключей. Впрочем, неприятностей они ожидали снаружи, а не изнутри...

— Брат Альтар?...

Завидев нас, Чёрный поднялся с бревна, и я узнала нашего давешнего провожатого, того из двух, что был постарше. Как его? Кажется, Кайд.

— ... Метресса? А что, уже уезжаете? Отдохнули бы пару дней...

— Некогда отдыхать, — качнул головой Каратель. — Здесь мы справились, но остальные дела ждать не станут. Нужно поторопиться. Отопри нам ворота, Брат...

— Конечно! — Кайд повернулся к механическому вороту, загремел ключами, выбирая нужный. Нашёл, со скрежетом провернул на два оборота в истёртой скважине, разблокировав подъёмный механизм.

— Эй, Мад!... — окликнул он. — Иди сюда, помоги!

Ближайший к нам караульный, оставив своё занятие, спустился со стены по каменным ступеням и, на пару с Альтаром, подналёг на тяжёлый засов, запирающий внутренние ворота, выталкивая его из пазов. Когда они развели в стороны тяжёлые створки, я вскочила в седло. Ещё мгновение — и подниму Мирри в галоп: прочь, прочь отсюда!...

— Ну, вот... — Чёрный поплевал на ладони и схватился за лопасти колеса, готовясь поднять органку. — Давайте разрешение и — счастливого пути!...

— Разрешение? — Глаза Карателя нехорошо сузились. — Это что за новости...

Кайд отпустил колесо, широко развёл руками:

— И верно — новости. Извини, Брат... — произнёс он чуть виновато. — Сам знаешь эту байку, про новую метлу... При старом Мастере такого не было.

— Я Каратель Ордена, Брат Кайд. — В голосе Альтара прозвенел металл. — И подчиняюсь напрямую только Капитулу. Мне не нужны разрешения, и задерживать меня никто не вправе!

— Так то оно так... — Чёрный запнулся — видно было, что ему явно не по себе. — Прости. Это не я придумал... Только Мастер-Рыцарь Гросп приказал ввести это правило, едва сел в кресло в башне. Для всех без исключения. Вроде бы, Мастер Зельде имеет к Капитулу какое-то отношение... Это он настаивал на таком порядке. Теперь даже патрули не выезжают из ворот, не навесив бывшее Книжное Крыло или темницу, чтобы получить «добро» на выезд у его человека...

— Что значит «имеет отношение»?! — загремел Альтар, ещё больше напирая на несчастного. — Ты что, только вчера надел плащ?! Кто он? Его пост в Капитуле? Звание??

— Я... я не... знаю, — Кайд совсем смешался. Махнул рукой и обречённо признался: — Мы стараемся поменьше иметь дело с этими... Почти три луны назад, когда я прибыл сюда на службу, Зельде уже здесь был, но вёл себя тише воды, ниже травы, всё с книжниками Академскими обретался. Вот мы и думали, что и он из них, из чародеев. А

потом, когда власть поменялась, с комендантом Гроспом приехали его... помощники. Зельде сразу же вылез со своего закута в Закатном Крыле, отряхнулся и с тех пор неотлучно при Мастере-Рыцаре, а прочего я не знаю... Мы простые солдаты, Брат. Нам приказали — мы выполняем.

— Демоны!!! Вы — Рыцари Тьмы! Кто, кроме старших в Ордене, может приказывать вам?

— Так приказывает-то комендант, — невесело хмыкнул Кайд. — Да только слова в его уста вкладывает Зельде... Он здесь везде сунет нос, а не он — так его люди. И даром что болезный, едва не при смерти — такой ещё всех нас переживёт...

— В любом случае, этот приказ нарушает Устав, Брат! — Альтар встал прямо перед Кайдом, положив на лопасть ворота ладонь в чёрной перчатке. — Ты не можешь этого не знать! Я в своём праве, и требую, чтобы ты дал мне дорогу!

Я заметила, что трое Чёрных на стене напряжённо наблюдают за нами, но вмешиваться не торопятся и явно не желают...

Несколько мгновений Кайд ещё терзался сомнениями, но затем тяжело вздохнул и отвёл в сторону глаза.

— Ладно, — выдохнул он, вновь берясь за ворот. — Выпущу я вас, хоть и огребу завтра от щедрот души Мастера-Рыцаря... Твоя правда, ты — Каратель, а у вас положение особое. Устав есть Устав. А Зельде... пусть подавится!

Колесо, скрипя, задвигалось, поднимая прутья решётки.

— А что с ним? — внезапно подала голос я. Не знаю, почему, но мне отчего-то это показалось важным...

— С Зельде? — покосившись в мою сторону, без особой охоты ответил Плащ, — Кто говорит, с полыньи его когда-то полуживого достали, кто — что принял от Отвращённого Молнию на грудь и чудом не помер... Что там было, а что враки, почём мне знать... Только он и вправду всё кашляет, точно чахоточный — стены дрожат, ковыляет еле-еле и крайне редко кажется нос с тёплой башни. Только, видать, если что-то и в самом деле важное, вон как минувшей четвертью... Так все те три дня, с тех пор как они воротились, Зельде ни слова молвить не мог, ни ходить — думали, всё, не жилец... Однако же не угадали: ожил, видать, на своих эликсирах, и с утра уже закомандовал, аккуратно перед тем, как вы приехали...

— Ладно! — Альтар, уже поставивший было ногу в стремя, вдруг сделал шаг назад. — В конце концов, лишняя десятинка не сыграет роли... Ты хороший солдат, Брат, и я не хочу, чтобы у тебя были неприятности. Так и быть, я принесу тебе подписанное разрешение, и все будут довольны... Так где, говоришь, ваша темница?

— Вон там... — просияв, Кайд указал направление рукой. — Сразу за кухней, возле оружейни, маленькая постройка с решётчатой дверью... Там сейчас, кажется, Ройн... а может, Мауро... Да кто бы там ни был, в любом случае, это прихвостень Зельде, наши там теперь не дежурят... Попроси у него бумагу и возвращайся. Я даже не буду запирать ворота...

— Кеарра... — накинув повод Рио на столб у ворот, Альтар обернулся ко мне. — Поезжай вперёд, я догоню.

Кайд сверкнул глазами, но задерживать меня благоразумно не стал — Каратель ведь мог и передумать...

Я бессильно прикрыла веки. Нет, он положительно безумец! Да и я... хороша! А ведь свобода была так близко...

— Погоди...

Зрачки Альтара удивлённо расширились, когда я торопливо слезла с седла:

— В лесу, ночью — одной?... Нет уж, пройдемся вместе.

— Кеарра... — выразительно прошипел он.

Но меня уже понесло.

— В лесу ночью страшно. Волки, опять же... — не дожидаясь возражений, я повелительно взяла его под руку. — А у тебя, вообще-то, приказ меня защищать, Каратель. В полном соответствии с Уставом...

Если б не четыре пары глаз, на которых разворачивалось действие — клянусь, он бы меня убил! Однако Альтар лишь скрипнул зубами, так, что это услышала только я — и едва ли не бегом поволок меня в сторону темницы. Я, повиснув на его локте и слегка спотыкаясь, поспешила с ним.

Альтар

— Ты сумасшедшая! — Видят Боги, я просто растерял слова...

— А ты слепец! — Парировала колдунья, так и не выпуская моей руки. — Выехать за ворота ещё не значит спастись! Единственный шанс покинуть это место у нас есть только вдвоём... И если ты разворошишь осиное гнездо и поднимешь их всех на крылья — а ты ведь всё равно полезешь туда, раз так решил! — как думаешь, я успею проскакать хоть милю, прежде чем зажалят и меня?! А?!

— Безымянный! — Я отказывался это понимать... — Но ты могла хотя бы попытаться...

— А я и пытаюсь, — зло бросила эльфа. — Ещё как пытаюсь! Изо всех своих сил...

— Так... — Демоны, мгновения убегали песком сквозь пальцы — как же мне сейчас было не до неё! — Просто держись за мной и не лезь на рожон, поняла?!

Шаэриэнн без лишних слов отпустила меня и змейкой скользнула за плечо. Ну, хоть что-то... конечно, постараюсь её прикрыть, но насколько легче было бы без балласта...

Подавив раздражение и внутренне собравшись, я встал под самой дверью темницы, но так, чтобы тень от пламени висящего над крыльцом факела падала мне на лицо, и несколько раз постучал.

С той стороны двери послышались быстрые шаги. Маленькая пластинка на смотровом окошке скрипнув, скользнула в сторону.

— Кто там?

Голос не был сонным — скорее, раздражённым, как если бы задавшего вопрос отвлекли от какой-то работы...

Я переступил с ноги на ногу, откашлялся в кулак и хрипло пробормотал:

— Это ты, Ройн? Или Мауро? Открывай, дело есть...

Как я и ожидал, в ответ на двери лязгнули засовы и тяжёлая створка без лишних предисловий поползла вбок. В открывающийся проём хлынул поток света из неширокого, но довольно длинного коридора.

Я не стал дожидаться, пока с той стороны поймут, что не так. Рванул на себя дверь и ворвался внутрь. Отперший мне лысый верзила совершенно не ждал нападения и в мгновение ока был прижат к стенке с кинжалом у горла.

— Первое... — мой голос и вправду охрип. — Где тот, кого притащил сюда Зельде три дня назад? И второе — мне нужно разрешение на выезд...

Верзила судорожно глотнул воздуха, сделал неуклюжую попытку трепыхнуться — я тут же пресёк её и... встретился с ним глазами. Его взгляд был злым, удивлённым и очень, очень осмысленным...

Страха в нём не было ни капли.

Лысый тюремщик играл, изображая испуг — так же как и я мгновение назад изображал перед дверью «своего в доску парня».

Я дёрнулся в сторону, уже понимая, что просчитался...

Как раз навстречу летящей в меня Ловчей Сетке.

Коридор был слишком узок, чтобы удалось уклониться. Бросивший Сетку маг выступил из-за поворота — он мог особенно и не целиться. Обездвижив нас обоих — меня и своего приятеля — он ровным счётом ничего не терял, снять заклятье с нужного лица можно было в одно касание...

Противопоставить тому, второму мне было совсем нечего... Первому, впрочем, тоже — через мгновение я должен был рухнуть, как подкошенный, ему под ноги, не в силах даже пошевелиться. Но всё равно размахнулся кулаком, больше от отчаяния, чем на удачу, прекрасно понимая, что не успею даже прикоснуться к холёной роже тюремщика...

... И мой кулак, так и не встретив никаких преград, звучно впечатался лысому в скулу. За миг до этого облако звёздочек, мерцающих лиловым светом, словно налетело на невидимый щит и, отразившись от него, понеслось назад, прямиком в пославшего его мага.

Этого не ожидал уже он.

Два бесчувственных тела свалились на пол почти одновременно. Я обернулся. В дверном проёме стояла эльфийка. Кончики пальцев её рук, вытянутых перед собой, всё ещё светились алым.

А я-то считал её балластом...

— Спасибо.

Она молча кивнула, толкая дверь ногой, чтобы закрыть.

— Там могут быть ещё...

Я тоже это понимал, и потому, не тратя лишнего времени, скользнул по коридору вперёд.

Маг лежал у самого поворота неподвижно, но в полном сознании, буравя меня ненавидящими глазами... Если бы не Шаэриэнн, его участь постигла бы меня. Я замер под стеной, осторожно заглянул за угол.

Коридор заканчивался просторной хорошо освещённой комнатой. Это было что-то вроде рабочего кабинета: посередине стоял стол и несколько стульев, у стены лавка с наброшенным тюфяком, пара сундуков и полка, забитых какой-то рухлядью и бумагами. В противоположной стене комнаты была дверь с решёткой, за которой просматривалась лестница, ведущая вниз.

Здесь было пусто; впрочем, если бы тут находился ещё кто-то кроме этих двоих, шум, который мы подняли, уже давно бы заставил его обозначить себя. Однако дверь с решёткой была приоткрыта. Я шагнул туда, мимоходом прихватив со стола массивную связку ключей.

— Стой!

Тихий оклик эльфийки прозвучал как команда. Я послушно замер в двух шагах от каменных ступеней.

Склонившись над поверженным магом, Шаэриэнн быстро обшарила его карманы, затем приподняла одну руку, вторую... Наконец, стянув с его пальца массивную печатку, она протянула её мне:

— Возьми вот это.

— Зачем?

Она кивнула на дверь.

— Вход зачарован на «свой-чужой». Теперь ты «свой».

Перстень плотно обхватил палец. Раньше я носил на нём своё агмарилловое кольцо. Но и агмарилл сейчас не мог бы помочь мне так, как остроухая колдунья.

Я склонил голову:

— Благодарю тебя.

Она фыркнула:

— Постарайся побыстрее...

Взяв наизготовку меч, я ступил на лестницу.

Тюремные камеры, как и следовало ожидать, находились в подвале. Их было три: первые две от входа пустовали, из самой дальней же доносились приглушённые голоса.

Стараясь двигаться бесшумно, я пробрался к последнему каземату. Двое, в которых я узнал давешних навязчиво-любезных типов, весь прошлый день сопровождавших меня и эльфийку, похоже, как раз допрашивали третьего, явно узника, и, насколько я успел понять, в методах и средствах совершенно не стеснялись...

Я не медлил ни мгновения. Внезапность сработала на меня, и сработала великолепно. Тюремщики не успели ни выхватить оружие, ни пустить в ход магию, если таковая способность у них была. Ураганом пройдясь по камере, я расшвырял их в стороны, одному попросту свернув шею, а второго без всякой жалости впечатав лицом прямо в переносную жаровню, на которой тот как раз калил пыточные инструменты, что готовился пустить в ход...

... Когда палач, ставший жертвой, прекратил сопротивляться и визжать, я с отвращением отбросил тело к стене и склонился над грязной охапкой соломы, на которой, скорчившись, лежал узник.

Демоны!!! Когда он с трудом поднял голову, свет факелов осветил опухшее лицо, больше напоминающее маску, сплошь покрытую ссадинами и кровоподтёками...

Тень Безымянного! Во что эти твари его превратили?!

Несчастный часто-часто заморгал, принаравливая к неяркому свету узенькие щёлочки слезящихся глаз...

— Тонио! — позвал я, отчаянно жалея, что не могу повторно убить его мучителей.

— Аль... Альтар?! Ты... как здесь...

— Потом. Всё потом.

Я быстро осмотрел его, аккуратно прощупал руки, ноги... Кости, вроде бы, были целы. Похоже, до этого его только били, пытать же взялись лишь сейчас.

— Идти сможешь? — Забросив его руку себе на шею, я помог Антонио встать.

— Попробую... — он сделал попытку улыбнуться запёкшимися губами. — Как же ты... вовремя!... Ещё бы немного...

— Тише, тише, — прервал я его. — Береги силы!

С большим трудом, но Тонио всё-таки шёл; я, как мог, помогал. Правда, на ступени, ведущие из подвала наверх, пришлось втащить его едва ли не волоком. У двери он снова

сделал попытку идти самостоятельно, но, встретившись взглядом с Шаэриэнн, увлечённо читающей какую-то бумагу, едва опять не рухнул на пол.

— Спокойно! — в последний момент я успел обхватить его за пояс. — Она друг...

На миг что-то странное мелькнуло в зелёных эльфийкиных глазах, но тут же погасло. Быстрым шагом приблизившись к нам, она развернула бумагу перед моим лицом.

— Вот!

— Что это? — Я пригляделся, вчитываясь в слова, написанные торопливым кривоватым почерком. «Предъявившему»... «Право»... «Беспрепятственно покидать территорию»... Внизу — витиеватая подпись и оттиск печатки...

— Судя по всему, разрешение! Было у этого, — подхватив Антонио под другую руку, Шаэ кивнула на неподвижно лежащего мага. — Теперь оно наше...

— Превосходно! — Эльфийка тоже не теряла зря времени.

Оставалось только одно... На миг оставив Тонио на попечение Шаэриэнн, я шагнул к владельцу письма. Какое-то мгновение колебался, но всё же не стал марать руки...

Ткнуть в нужные точки на незащищённой шее не составило труда. Кто знает, сколько будет действовать магия, а вот старый верный способ «вырубит» его надолго... Напоследок я стянул с него тёплый плащ, который набросил на плечи Антонио, позаботившись, чтобы капюшон надёжно прикрыл лицо.

Поддерживая Тонио с обеих сторон, мы вышли из темницы, аккуратно притворив за собой дверь. Около оружейного склада снова заметили караульный наряд, но, как и в первый раз, подходить к нам они не стали. Так и не вызвав ни у кого подозрений, мы беспрепятственно вернулись к воротам, где оставили лошадей.

Кайд, бросив на Тонио удивлённый взгляд — определённо, они не были знакомы — принял у меня бумагу.

— Так вы... едете втроём?

— Да, — кивнул я. — Заодно с разрешением мы получили просьбу сопроводить этого... господина, нам оказалось по пути. Грамота в порядке?

— Ну... да, — Рыцарь, помедлив, сложил листок, возвращая его мне. — А... Лошадей для вашего... спутника?

— Не нужна. Он поедет со мной, — Я как раз помог Антонио подняться в седло. — Он... навряд ли сам удержится верхом. Чувствует себя неважно...

Последнее слово я произнёс со значением, легонько щёлкнув пальцами по горлу.

Расслабившись, Кайд с пониманием хмыкнул и посторонился, давая дорогу.

— Ну, счастливого пути, Брат Каратель!

Я кивнул ему, пропуская Шаэриэнн вперёд. Мне было видно, каких усилий ей стоит сдерживать себя от бешеного рывка по заснеженному тракту...

Умница Рио, фыркнув, двинулся следом неспешной, почти вальяжной трусцой.

К счастью, поворот, скрывающий нас от глаз стражей Оплота, был совсем рядом. И вот тогда мы, сбросив маски, во весь опор понеслись вскачь...

Шаэриэнн

Антонио держался из последних сил, но силы эти были на пределе. Тяжело было, конечно, всем: лошадям, мчащимся по скользкому снегу, нам, битый час трясущимся в

сёдлах в рваном ритме галопа и выбирающим дорогу во тьме. Но молодому чародею приходилось совсем худо, в особенности, когда ветер усилился, а с небес посыпалась, с каждым мгновением всё увереннее и сильнее, мелкая колючая крошка. Что и говорить, снегопад был нам на руку, скрывая следы и затрудняя возможную погоню — а в том, что она будет, ни я, ни Альтар практически не сомневались, вопрос был лишь в том, как скоро нас хватятся — но и нам было ох как непросто...

Когда, слетев с тракта, мы понеслись дальше окольными тропками, вязнущими в сугробах и теряющимися среди голых деревьев, Мирри начала спотыкаться, а Антонио уже не мог сдерживать крик, мешком болтаясь в седле позади Карателя.

— Альтар! — крикнула я, от души глотнув снега. — Остановись!... Надо передохнуть!

Он послушался сразу же, но с видимым сомнением.

— Времени слишком ма...

Антонио тяжело рухнул в снег, лишившись сознания. Я кинулась к нему, на ходу расстёгивая сумку.

— Нужен костёр, — глядя, как заострились черты на измождённом лице, я уже понимала, что подручными средствами не обойтись. — И поскорее...

— Нельзя, — Альтар помотал головой, помогая мне расшнуровать магу куртку. — Они будут искать следы. Если поймут, куда мы направились, нас уже не выпустят.

— А если не будет огня, тогда он умрёт, — жёстко отрезала я. — Собирай хворост!... Хотя, постой... Лучше дай-ка руки!

Разумеется, он ничего не понял. Однако без лишних предисловий вытянул руки перед собой, как уже не раз в таких случаях, признав за мной право владеть ситуацией и распоряжаться... Никогда не думала, что такое придёт мне на ум, и уж тем более — о Карателе, но в этом отношении он был практически идеальным спутником. Почти как Страж...

Свет и Тьма! Я, должно быть, совсем застудила мозги... Сравнить Seidannhe Росса и Орденского Пса! Ох, меня и занесло...

Утонув в ворохе нелепых мыслей я, тем не менее, действовала уверенно и споро. Мне нужно было пламя, и лучше всего — магическое. А поскольку маг, имеющийся в наличии, находился едва ли не при смерти, а мне нужна была свобода действий, чародеем временно придётся побыть Альтару. Развернув его руки ладонями вверх, я торопливо стянула с них перчатки, заставила сложить «лодочкой» пальцы, тотчас начавшие зябнуть...

— Просто держи вот так, ясно?...

Дождавшись кивка, я сосредоточилась, произнося формулу, знакомую с детства, и через мгновение бережно переложила в ладони Карателя крошечный зеленоватый огонёк, трепещущий на колючем ветру. Пламенный язычок слегка заартачился, но всё же, повинаясь приказу, с неохотой перебрался к Альтару. Помигал, устраиваясь поудобнее, и наконец разгорелся легко и ровно.

— Тебя он не согреет, придётся потерпеть. А вот ему... — я кивнула на Антонио, — ...поможет. Только постарайся не дать ему погаснуть, ладно?

Убедившись, что Альтар справляется, я снова принялась рыться в сумке. Разумеется, в идеале это делалось бы иначе, но, хвала Ночи, основные из трав, способных помочь, у меня были. Теперь самое главное, чтобы подошло снадобье — я представляла, чем именно оно может быть, но уверена всё же не была...

— Мне нужен один из твоих эликсиров. Тот, которым ты пользовался в лесу, чтобы

усилить чувства... — Я слишком поздно сообразила, что тот флакон мог оказаться единственным.

К счастью, это всё же было не так.

— Возьми, — Альтар не отрывал сосредоточенного взгляда от пламенного лепестка.

— В сумке? — Я повернулась к Рио, тяжело поводящему боками.

— Нет, здесь. В куртке. Карман внутри... — проронил Каратель.

Можно было, конечно, опять принять пламя в свои руки, но это стоило бы времени. Я шагнула вперёд и, встав на цыпочки, запустила ладонь ему за пазуху.

— Справа, — он слегка пригнулся, давая мне возможность добраться до бутылочек, глухо звякнувших где-то под подкладкой. Попутно мои пальцы миновали стопку каких-то бумаг, перетянутых лентой... скользнули по тиснёной коже до боли знакомого переплёта...

Выходит, Thaebrad Nie'ss Sheiadaar всё это время было при нём!... А я-то была уверена, что Альтар отдал его Магистру!

Я почувствовала, как сердце пропустило удар.

Нет, Чёрное Безмолвие не должно оставаться в злобных и алчных человеческих руках... Если у меня есть хотя бы малейший шанс вернуть частичку Наследия обратно в Долину — я сделаю это! Я должна!...

Я должна заполучить эту книгу!

Но, увы, не сейчас... Нет. Ещё не время...

Нащупав, наконец, пузырёк, я рывком вытащила его, встряхнула, дёрнула притёртую пробку... Эликсир оказался тёмной густой жидкостью, резко пахнущей корицей и еловым маслом. Как раз то, что мне нужно!

Кое-как прикрывая мешочки от порывов ветра, я добавила в склянку по щепотке порошка каждой из отобранных мною трав. Взболтала, стараясь не пролить ни капли, после чего в закромах своей сумки разыскала второй пузырёк. Этот как раз был последний — кроме него «Благословения Теарра» у меня не оставалось. Однако сейчас мне требовалась всего пара капель — большее его количество просто убило бы человека. А так — должно помочь...

Я занесла бутылочку с зельем над зелёным пламенем. Подождала, пока содержимое не начнёт закипать. И после этого добавила во флакон Альтара те самые две капли из своего пузырька. В ответ последовала яркая зелёная вспышка, осветившая тёмное стекло — и бутылка, только что снятая с огня обожгла мою ладонь ледяным холодом, так, что я едва не выпустила её на снег!

Я перевела дух. Так и должно быть, значит — я всё сделала правильно... Теперь осталось только дать этот коктейль Антонио, но прежде чем сделать это, я вновь подержала флакончик над огнём, дожидаясь, чтобы питьё стало тёплым.

Не думаю, что на вкус оно было приятным, но не это было важно... Маг трепыхнулся, скривившись, закашлялся, приходя в себя. Я поддержала его голову, проследила, чтобы выпил всё, попутно кивнув Альтару, что огонёк можно гасить.

Каратель медленно сомкнул ладони — с таким значимым видом, будто сам по меньшей мере творил волшебство.

— О, Ночь!... — не выдержала я. — Да хлопни ты рука об руку и иди сюда!

Напоролась на недоумевающий взгляд и осеклась. Всё время забываю о том, насколько же «сытому» трудно понять «голодного»... Ведь Альтар ни капли не маг. То, что он пользуется время от времени готовыми артефактами, пускай и довольно умело, ещё не

делает его чародеем. И рядовое для меня заклятие — сплела и не заметила — для него подобно священнодействию, если он сам оказался причастен к сотворению этих чар...

Взгляд Карателя из недоумевающего стал удивлённым — должно быть, всё, что я думала, отобразилось на моём лице... Я поспешила повернуться к Антонио:

— Ну, что? Как себя чувствуешь?

— Спасибо... — маг улыбнулся, почти не вымучено. — Уже лучше. Намного...

Он не лгал. Боль на самом деле отступила, на щеках появился лёгкий румянец а в глазах — смысл, понемногу прибавлялись силы. Более того, пока я рассыпала на месте нашего вынужденного привала порошок «забывайки» на случай, если преследующие нас всё же наткнутся на него, маг даже сумел сам взобраться в седло позади Карателя, и держался намного лучше и увереннее, когда мы продолжили путь.

Мы скакали целую ночь, время от времени меняя направление, пытаюсь одновременно и успеть убраться от Оплота как можно дальше, и запутать следы. Теперь уже я целиком доверилась Альтару, поскольку он, похоже, действительно знал, что делать, а главное — сам взвалил на себя роль ведущего, а я, если быть честной, изрядно вымоталась и устала, чтобы подавать какие-то идеи... Правда, «забывайку» рассыпала ещё пару раз, но это уже исключительно чтобы успокоить собственную совесть вкладом в общее дело — Каратель действовал грамотно и молодцом.

Настоящий привал был объявлен только под утро, когда снег падать почти перестал, а звёзды изрядно потускнели и приготовились уйти на покой, дожидаясь следующей ночи. Мы обосновались на глухой лесной полянке в небольшой пещерке, образованной сплетениями воздушных корней векового дуба-корантиса. Костёр разжигать вновь не стали, только наспех обтёрли лошадей и дали им по глотку эликсира — всех имеющихся в наших мешках яблок и сухарей всё равно было безнадёжно мало, чтобы заменить им полноценный корм... Все сумки стянули внутрь «убежища», оказавшегося пусть и тесным, но весьма удобным, а главное — сухим. На земле, укрытой перепрелыми ветками и листьями, расстелили плащи, достали нехитрую снедь. Я задержалась снаружи, «цепляя» вокруг укрывшего нас корантиса охранительный контур, а, кроме того, поговорила с деревьями вокруг поляны, заручившись их поддержкой. Теперь направленные нам вослед поисковые заклятья обнаружат здесь не более чем семейство рядовых лесных обитателей — медведицу, зимующую с детёнышами или небольшую волчью стаю. Теперь можно было если не успокоиться окончательно, то хотя бы перевести дух...

К тому же, настала пора поговорить.

— Шаэриэнн, — не преминул сообщить мне Альтар, когда я вернулась, попутно согревая дыханием изрядно «приласканные» морозом ладони. — Это Антонио Ярош, тот самый маг, которого мы искали в Либрариуме...

Я хмыкнула. Ну надо же... Интересно, как долго он готов был считать, что я не соображаю?

— Ты, конечно, страшно удивишься, — холод, тонкими змейками проскользнувший под мех кожуха, видать, прибавил мне язвительности, — но я поняла это уже тогда, когда ты внезапно передумал уезжать и напрямик потащился в темницу, рискуя сильно облегчить твоим недругам жизнь...

— Как же вы узнали, что я там? — Маг, закутавшийся в свой плащ по самые уши, поднял на меня удивлённые глаза. Красивые, кстати, глаза — глубокие, тёмно-карие, обрамлённые густыми пушистыми ресницами. К тому же — весьма умные, что придавало им

дополнительного шарма... В остальном парень был как парень: среднего роста, круглолицый, довольно плотного сложения, хотя и не то, чтобы откровенный толстяк... Определённо, его стихия — книги и кабинеты, верный конь — лекции, а поединки — научные дискуссии. В своём Либрариуме и в окружении армии студиозусов он определённо на своём месте. Здесь же, в диком лесу на походном биваке, замученный и избитый, непривычный ни к затяжным поездкам, ни к тяготам дороги, Антонио Ярош выглядел странно и нелепо. Словно пёстрая разноцветная птица-говорун, жительница жаркого Полудня, внезапно по чьей-то жестокой и затейливой воле заброшенная в самое сердце Полуночной зимы...

— Поблагодаришь при случае свою подругу-лаборанта, — Я подтянула накидку поближе ко входу в пещеру, присела, подбирая ноги под себя. — К счастью, она сумела запомнить необычный кашель Зельде... Ну, и, если пожелаешь — парня в чёрном плаще у ворот, давшего очень подробный ответ на мой несущественный вопрос.

— Тонио, — оставив мой колкий тон без внимания, Альтар повернулся к магу. — Это Шаэриэнн. Она чародейка и... пока мой союзник.

— Кстати — уже, пожалуй, нет... — В подтверждение внезапной догадки, я подняла руку к шее — и, на самом деле, нащупала под воротником вновь «проявившуюся» цепочку. — Смерти возвращён её Залог... Мою помощь ты получил, сведения — тоже. А то, что они оказались не теми, на которые тебя... ориентировали — уже не моя забота. Я выполнила взятые на себя обязательства и теперь могу быть свободна...

— Залог... Смерти?! Вы... вы давали его? Почему? — Взгляд парня, переводимый с меня на Карателя, стал ещё более обескураженным.

Альтар слегка поморщился.

— Позже расскажу, хорошо? Это не так существенно. Что же, ты действительно права, Шаэриэнн. Мне нет больше резона тебя удерживать... Однако нам предстоит ещё выбраться отсюда в целости и желательно невредимыми. Это в наших общих интересах, а вместе мы, как бы там ни было, способны сделать больше, чем порознь. Моё предложение — продержаться хотя бы до тех пор, пока не убедимся, что общая для нас всех опасность осталась позади. После этого каждый волен будет идти своей дорогой. Я, разумеется, сдержу слово и не стану тебя преследовать. Что скажешь?

Что же, смысл в его словах определённо был. Тем более, я тоже вовсе не собиралась прямо сразу же очертя голову бросаться прочь... Что ни говори, а меч Карателя мне сейчас был выгоден не меньше, чем ему — моя магия: ещё неизвестно, когда его приятель полностью оправится да и на что вообще он способен...

К тому же, у Альтара по-прежнему оставалось Thaebrad Nie'ss, а я ещё не придумала, как его заполнить.

Я кивнула.

— Идёт. Договорились.

* * *

Три бесконечно долгих дня и ночи обернулись для нас сплошной дорогой. Мы почти не спали, питались впопыхах и на ходу, отдыхали ничтожно мало и скакали... скакали... Два раза я чувствовала чужую магию, разыскивающую нас, однако первый раз мы, как я и

ожидала, были надёжно укрыты Лесом, а во второй раз нас зацепил лишь отголосок заклятья, сплетённого настолько далеко, что силы на обратную связь с направившим его чародеем уже не оставалось.

Утром четвёртого дня мы с Альтаром, наконец, смогли посмотреть в глаза друг другу с уверенностью, что погоня осталась ни с чем...

Я без ложной скромности гордилась тем, что Антонио сумел выдержать эту поездку, ведь в том была моя немалая заслуга как целительницы. А главное — ему даже стало немного лучше...

Каким образом чародей, собиравшийся читать курс лекций в Либрариуме, вдруг оказался пленником в Оплотской темнице, мы узнали, едва маг смог связно произносить слова. История эта оказалась столь же простой, сколь и запутанной. Хотя, подозреваю — и почти наверняка — что Альтару многое было понятно больше, чем мне...

Троице магов во главе с Зельде удалось выманить его письмом от коменданта Вариона, посвящённого в тонкости работы, которую Антонио выполнял в Оплоте. Письмо, судя по всему, было подложным, хотя Антонио узнал почерк коменданта, а главное — условный знак, с помощью которого Варион должен был уведомить Яроша о том, что пишет ему именно он. Потому сомнений у мага не возникло.

Речь в письме шла о том, что сведения о некой секретной миссии, которую выполняет Оплот, каким-то образом просочились за его пределы и теперь всё — и в первую очередь то, чем занимался чародей — находится под угрозой срыва. Комендант просил Антонио срочно вернуться в крепость, чтобы успеть принять меры для спасения ситуации и помочь ему решить, что делать дальше...

Единственное, что удивило Яроша — факт, что привёз письмо именно Зельде. Насколько Антонио было известно, тот прибыл в Оплот минувшим летом в числе магов, призванных оказывать Тёмным Братьям поддержку, но держался особняком, вёл какие-то свои разработки и к тому же, сильно болел, стараясь без нужды не покидать стены Оплота. Антонио считал его безвредным, хотя и не особо приятным, сильно близко они не общались. Однако Зельде заверил его, что Варион никому, кроме него, не мог доверить отвезти подобную бумагу, так как есть веские основания думать, что случившееся — результат предательства кого-то из «своих», и двое магов, до того считавшихся доверенными лицами Мастера-Рыцаря, на деле — первые, кого он теперь подозревает...

Не заподозрив ничего дурного, Ярош мигом собрался и покинул Либрариум в сопровождении Зельде и его товарищей. В дороге он начал задавать вопросы, однако ответы на них быстро обернулись мешком на голове и связанными руками. В Оплот его привезли уже пленником, тайно, швырнули в камеру...

История, рассказанная Зельде, оказалась почти правдой — за исключением того, что упомянутой «крысой» был он сам... Антонио так и не понял, как им удалось «расколоть» Вариона — но знали эти бледные мерзавцы много. Более чем много...

Тем не менее, к счастью, не всё. Возможно, сказала школа Магистра — а, может, даже наследственность, если он действительно приходился Проспериио сыном — однако полностью Антонио не доверял никому. Лишних разговоров не вёл даже с комендантом, самые важные выводы держал при себе, бумаги с записями о результатах работы хранил не в кабинете, а в тайнике за пределами крепости. Это и спасло ему жизнь, позволив протянуть те три дня, когда его просто били, выколачивая нужные сведения. Когда стало понятно, что толку мало, мага решили подвергнуть пыткам — тем более что в живых его оставлять явно

не собирались. Не успели совсем чуть-чуть — появление в темнице Альтара спутало им все карты. Однако и за эти три дня магу пришлось ох как несладко...

Я исправно поила его травами, а, дождавшись первого сравнительно ощутимого привала, наскоро соорудила мазь, избавляющую от кровоподтёков и ушибов. К коктейлю из эликсиров, который не лечил, а лишь давал силы взаймы, чтобы впоследствии стребовать этот долг с процентами, мы старались прибегать как можно реже, хотя ещё дважды воспользоваться этим средством всё-таки пришлось.

Более-менее придя в себя и не иначе как почувствовав себя в этой ситуации нам обузой, Антонио тут же начал очень тяготиться этим. Возможно, это тоже стало дополнительным стимулом к тому, что он быстро поднялся на ноги и заметно ожил, изо всех сил стараясь быть хоть чем-то полезным.

— Не знаю, как тебя благодарить, — неожиданно вырвалось у Альтара, когда мы наблюдали за тем, как чародей, почти уже не хромя, увлечённо варит в котелке крупяной суп на завтрак.

— Знаешь... — в упор взглянув на него, внезапно протянула я.

Он недоумённо поднял брови.

— У тебя есть вещь, которую я хочу получить назад. — А вдруг... вдруг и вправду получится ухватить дракона за хвост?! — В некотором роде она моя, поскольку я нашла её первой, и принадлежит к созданному моим народом. Тебе же она досталась лишь по праву силы. Верни мне её — и мы в расчёте...

Я говорила спокойно, однако руки при этом незаметно сами сжались в кулаки, скрывая дрожь.

Но Каратель медленно покачал головой.

— Сожалею... — От меня не укрылось то, что он действительно сожалел. — Но это невозможно. Книгу я отдал Антонио, так хотел Магистр. Она необходима ему... И это часть задания, которое я обязался выполнить.

— Что ж, — я пожала плечами, стараясь, чтобы это выглядело как можно безразличнее, и с оттенком лёгкого презрения проронила: — Тогда пусть твоя благодарность достанется твоей совести... Потому что больше мне ничего от тебя не нужно.

Мой удар попал в цель. Я успела заметить боль, полыхнувшую в чёрных глазах Карателя, прежде чем он, отвернувшись от меня, молча пошёл к костру. Что правда, то правда: для такого, как он, нет ничего хуже, чем оставаться должным, не имея возможности выплатить долг... Даже если задолжал Отвращённой ведьме.

Тем более — если ей.

Ничего, пусть помучается, с неожиданной злостью подумала я. Что мне, в конце концов, за дело до его душевных терзаний? А книга — книга в любом случае будет моей...

Значит, он отдал её Антонио? Это даже к лучшему. В конце концов, стащить её у молодого мага мне будет проще во всех смыслах. Не только физически — ибо куда молодому книжнику-чародею до превосходно натасканного на подобные вещи Орденского Пса! — но и морально.

... Антонио Ярош мне — никто. Ни друг, ни враг, даже не союзник поневоле. Он никогда не спасал мне жизнь; мне не доводилось в минуты смертельной опасности прикрывать его спину... Нет, лгать себе — последнее дело: я, возможно, и сумела бы выкрасть у Карателя *Thaebrad Nie'ss*, и, быть может, это было бы правильно во многих отношениях. Но тогда уже именно я взяла бы в долг, который, скорее всего, никогда не

отдам...

— Эй!...

Я очнулась. Маг справился с готовкой и теперь звал к импровизированному столу. Альтар уже сидел у костра и держал в руках миску, но, похоже, мысли его были где-то далеко.

Я нашла себе место подальше от Карателя, и мне тут же вручили мою порцию. Не поручилась бы, что вышло у Антонио — суп или всё-таки каша — но оказалось весьма вкусно. Однако, как ни странно, хоть я и была голодна, удовольствия от еды совсем не чувствовала.

Антонио, безусловно, заметил, что между нами пробежала крыса, но ни вмешиваться, ни интересоваться причинами благоразумно не стал. Он вообще обладал превосходным чутьём ситуации, и даже в те моменты когда, казалось, непринуждённо болтал, просто поддерживая разговор — я уверена, ни на миг не терял над собой контроля. Возможно, причиной тому была я — полагаю, Альтар успел вкратце рассказать, при каких обстоятельствах мы стали союзниками, и то, что знать слишком много мне вовсе не требовалось.

— ... Ещё положить?

Я подняла глаза. Маг стоял рядом, протягивая руку за пустой тарелкой.

— Нет, спасибо. — Я качнула головой. — Я сама помою...

Антонио согласно кивнул и собрался уходить, когда внезапно что-то в моём облике привлекло его внимание.

— Шаэриэнн, — моё имя он произносил как и Альтар — почти не коверкая. — Прости, пожалуйста... Могу я спросить?

— Спрашивай, — я пожалала плечами: к чему все эти предисловия?

— Скажи, пожалуйста — это и есть овеществление Залога Смерти?

Рука мага указывала на цепочку на моей шее.

— Да, — я кивнула. — Было им, пока Залог не был возвращён.

— То есть, ты хочешь сказать, что обещание, данное тобой, уже исполнено?

— Да — исполнено! — подтвердила я, начиная понемногу чувствовать раздражение. — Ты что, никогда не сталкивался с таким?

— В том-то и дело, что сталкивался... — Ярош шагнул ближе, протянул руку, аккуратно подхватывая серебряную нить.

Я инстинктивно отшатнулась было, но Антонио не дал мне этого сделать, легонько удержав за локоть.

— Насколько мне известно, овеществление Залога после выполнения данного обета полностью исчезает, — тон мага подействовал на меня, уже готовую от души проучить наглеца, словно ведро холодной воды. — Тогда что это?

Я опустила взгляд — и осеклась. На моей серебряной цепочке, приподнятой пальцем чародея... болтался камень! И вовсе не тот, который использовал в обряде Проспериио!

Вместо Maedanti — прозрачной капли с синим огоньком в глубине — я увидела бесформенный кусок пористой субстанции грязно-серого цвета, скорее напоминающий комок грязного снега, стремительно тающий под весенним солнцем, чем драгоценность ценою в несколько сотен имперских золотых монет...

— Н... н-не знаю, — оторопев, честно призналась я. — Даже не представляю! Если Залог исполнен — должна остаться просто цепочка! Если ещё нет — тогда не видна и она...

А если нарушен...

— Тогда нарушивший незамедлительно умирает, а к тем, кому было дано нарушенное слово, возвращается и цепь, и камень, висевший на ней в момент дачи ими Залога... — В предмете Антонио действительно разобрался. — Какие камни были у вас, Шаэриэнн?

— Maedanti... — я едва узнала собственный голос. — Альтар! Иди сюда!

Когда Каратель, не вполне понявший, что произошло, но встревоженный моим тоном, приблизился, я без лишних слов дёрнула его за воротник рубахи.

— Эй, ты что?! Оторвёшь ведь!... — возмутился он, однако я не слушала.

На его шее тоже была цепочка. И пористый камень на ней выглядел близнецом моего...

Мы с Антонио уставились на него, словно жертвы, околдованные Вампирьим Зовом — на приманившего их кровопийцу.

— А ведь твой Залог ещё не исполнен... — прошептала я.

— Что?

— Ты ещё не в полной мере выполнил то, что обещал. И цепочки на тебе вообще быть не должно...

— Безымянный!!! Тонио! Хоть ты мне объясни, что происходит!... — не выдержал Каратель.

— Если б я знал... — чародей с виноватым видом пожал плечами. — Ваш Залог Смерти... не такой, каким должен быть. По какой-то неизвестной причине.

— Что значит «не такой»?! Почему не такой?... А какой нужен?... — Разумеется, у Альтара тут же возникла туча вопросов, однако я, не выдержав, прервала его.

— Свет и Тьма! Не представляю!... Раз мы ещё живы — значит ничего непоправимого! Возможно, что-то в обряде было сделано не так... Спросишь у своего Просперио!...

— Просперио?! — Глаза Антонио стали круглыми, как блюдца. — Так ваш Залог принимал... Магистр?

— Да, Тонио, — Альтар кивнул. — Более того, он участвовал в ритуале третьим...

— Тогда «пойти не так» ничего не могло! — заявил чародей.

Святая простота! Я набрала воздуха в лёгкие, собираясь доступно разъяснить наивной душе, что ошибаются все, будь ты хоть Магистр, хоть Архимагистр, хоть сам Теарр-Созидатель... Но внезапно рука Альтара сжала мне плечо.

— Спокойно. Что бы ни было, Шаэ — ты права: ничего такого, что нельзя исправить. Через несколько дней мы увидим Просперио — вот тогда и спросим у него...

— Я, если ты не забыл, не обязана ехать с тобой! — напомнила я.

— Не обязана. — Альтар повернулся ко мне. — Но тебя, между прочим, никто и не прогоняет.

Я не нашлась что ответить.

Альтар

Харчевню Яспера в Каменном Ключе удалось отыскать без труда. Само селение находилось в удобном месте прямо на пересечении Волчьего тракта и пути, ведущего в Серый Рокстан.

На тракт мы выбрались к полудню, и какое-то время, пока добирались до деревни, молча любовались громадой горы, «стерегущей» дорогу до самого горизонта. Скальный

отломок на её вершине на самом деле напоминал по форме огромный ключ, валяющийся на плоском столе. Солнце, неистовствовавшее в небе с самого утра, обращало снежную покраску на «кольце ключа» в настоящее серебро; за неровные зубцы «бородки» цеплялись редкие перистые облака...

Снег уже не падал, лишь весело похрустывал под ногами и копытами, то и дело «перемигиваясь» с нами цветными искорками — но вовсе не раздражал, а напротив, порой вызывал желание подмигнуть в ответ... Лошади, предчувствуя грядущую передышку, бежали бодрой сноровистой рысью; им не терпелось побыстрее оказаться у кормушек в тёплых денниках. По правде говоря, мы, люди (да и не только люди) пребывали в сходном настроении. Поэтому, когда я сообщил, что в Рокстан мы пока не собираемся, и в ближайших планах остановиться в здешнем трактире на несколько дней, мои спутники заметно приободрились. Даже Шаэриэнн наконец прекратила хмуриться и недовольно поджимать губы... Так, предвкушая скорый отдых, мы и въехали в Каменный Ключ.

Интересующее меня заведение так и называлось — «У Папаши Яспера». Красочная деревянная вывеска висела прямо над крыльцом добротного каменного дома — пожалуй, самого большого из всех, какие мы только что миновали. С неё навстречу посетителям радушно улыбался румяный круглолицый повар в колпаке, лихо сдвинутом набекрень... Художник, рисовавший вывеску, был явно небесталанным — хозяина можно было узнать без труда, разве что в жизни Папаша был ощутимо постарше и не прятал под колпаком свою обширную лысину. Он и двое его подручных были заняты тем, что разливали напитки — трактир был не то, чтобы полон, но людей хватало.

Обернувшись на скрип входной двери, Папаша Яспер улыбнулся нам, почти как на вывеске, и приветливо кивнул. Шаэриэнн слегка склонила голову, Антонио приметил свободный столик у дальней стены...

Вот тут меня и накрыло.

Лёгкий холодок, проскользнувший по спине, конечно, вполне мог оказаться самым обычным сквозняком, да только благодушную расслабленность с меня как ветром сдуло. На первый взгляд, вокруг не происходило совершенно ничего необычного. Трактирщик и слуги вдохновенно суетились за стойкой, посетители пили пиво, огнёвку и дешёвое вино, всю делились сплетнями и новостями. И всё же, что-то было не так. Я постарался незаметно оглядеться вокруг — и тут же встретил настороженный взгляд Шаэриэнн.

— Что??

— Ничего не чувствуешь? — вместо ответа шепнул я.

Она, помедлив, качнула головой.

— Нет. А должна?

— Не знаю. Может, показалось. Но...

— Ясно. — К счастью, такие вещи она схватывала с полуслова. — Садиться будем?

Я кивнул, видя перед собой бойца, уже готового к неожиданностям.

— Да. Но смотрим в оба...

Тонио так ничего и не заметил, но как раз его волновать раньше времени не стоило. Мы заняли стол, и через несколько мгновений рядом с нами появился хозяин.

— День добрый, милостивые господа! Что желаете заказать?

— Чего-нибудь бы горяченького... — Тонио мечтательно прикрыл глаза.

— Давайте ваше дежурное блюдо...

— Сегодня баранья грудинка с тушёной капустой, — вставил трактирщик.

— Отлично, — кивнул я. — Всем троим. И выпить...

— Квасу, — поведя носом, подала голос эльфийка.

— Квас просто чудесный, госпожа!... — Папаша Яспер снова расцвёл в улыбке.

— Ну, тогда и мне! — присоединился Антонио.

Трактирщик скосил глаза в мою сторону.

— Светлого гномьего эля, — сказал я.

На лице хозяина не дрогнула ни одна черта, но глаза улыбаться перестали.

— Эля?... — переспросил он.

— Эля. Светлого. И хотелось бы побыстрее...

Поклонившись, трактирщик удалился.

— Что теперь?

— Ждём. — Я встретился с Шаэриэнн глазами. — И обедаем, — это было сказано уже для Антонио. — Одно другому не мешает.

Еду действительно подали быстро. Тарелки, от которых шёл аппетитнейший аромат, расставил на нашем столе один из слуг, но напитки принёс сам Папаша Яспер.

Мой гномий эль, как я и ожидал, оказался тёмным. Я незаметно снял с пальца перстень Проспериио и, улучив момент, быстро опустил его прямо во взбитую над кружкой пенную шапку.

— Почтенный, — окликнул я трактирщика. — Ты малость ошибся насчёт пива. Я ведь заказывал светлое...

— Прошу меня простить... Тёмный Брат, — Папаша Яспер с виноватым видом принял у меня кружку. Мне померещилось, или руки у него на самом деле дрожали?... — Совсем неладно с памятью у старика... Я сей же момент налью тебе светлого эля!...

Трактирщик унёс мою кружку куда-то за стойку, и уже через мгновение вернулся, неся исправленный заказ.

— Уходите!... — горячий шёпот неожиданно раздался над самым моим ухом, в тот момент, когда он ставил передо мной кружку с напитком. — Уходите, быстро! Вам нельзя оставаться здесь...

Я застыл на месте, чувствуя, как в карман моей куртки опустилось что-то тяжёлое.

— Это ключ от входа в конюшню со внутреннего двора... Выбирайтесь через кухню, берите лошадей и немедленно уезжайте... Сейчас же! Иначе они не выпустят вас!...

... Демоны!!!

Выходит, тревожился я не зря!...

— Но как... — шевельнул я губами.

Однако Папаша Яспер уже кланялся мне, отступая от стола. Внезапно он покачнулся, теряя равновесие, и, неловко дёрнув рукой с переброшенным через неё полотенцем, задел кувшин с квасом, стоящий на самом краю. Глиняный жбан покатился по столешнице, щедро заливая всё вокруг янтарным напитком; досталось и нам троим... Мы повскакивали со своих мест, отряхиваясь и ругаясь, а трактирщик, заламывая руки, рассыпался в извинениях.

— Что же это?! Помилуйте, Боги-Братья... Старый Яспер совсем выжил из ума!... Милон, Войко — проводите гостей на кухню! Помогите привести одежду в порядок и сейчас же — слышите! — несите новые блюда! Простите, простите ради Яроша и Таргоса, милейшие господа!... Разумеется, ваш обед — за счёт заведения!

— Идём! — Я подхватил со стула испачканный плащ.

Кажется, Шаэриэнн что-то поняла.

— Да ничего страшного, — Антонио попытался улыбнуться. — Мне почти и не досталось...

— Идём! — Шаэ повисла на его локте, увлекая мага в сторону кухни. — Глаза раскрой! У тебя же весь бок в квасе!...

Я двинулся следом за ними, так, чтобы иметь возможность при случае прикрыть и заодно не привлекая внимания контролировать весь трактир. Однако маленькое досадное происшествие, казалось, никого не удивило. Во всяком случае, нас проводили всего парой взглядов, скупающе-любопытных, и, вроде бы, тут же забыли, едва мы скрылись из виду.

Но расслабляться было нельзя.

Едва за моей спиной хлопнула дверь крошечного коридорчика, отделяющего кухню от обеденной залы, эльфийка, не выпуская руку Антонио, развернулась ко мне.

— Мы уходим! — Я упредил её вопрос, вытащив из кармана ключ. — И быстро! Здесь, похоже, ловушка... Кто бы и на кого её ни ставил, нам совершенно не светит туда попасть...

Пробежав напрямик через кухню на глазах двух остолбеневших поварих, мы выскочили из двери чёрного хода в просторный внутренний двор. На наше счастье, он был пуст, так что не пришлось объяснять никому из челяди или случайных зевак, что мы тут делаем, да ещё и с хозяйским ключом.

Конюшня располагалась справа. Ворота с этой стороны, очевидно, давно не открывали, потому что амбарный замок на них сильно проржавел. Мне стоило значительных усилий вставить ключ и его провернуть.

Когда наконец кривая дужка с глухим скрежетом поддалась, я едва не с «мясом» вырвал замок из паза, а Шаэриэнн и Тонио налегли на створки, толкая их внутрь...

Позади нас вдруг еле слышно тенькнул камешек, убегая от подкованного сапога.

Голос, раздавшийся следом, был хрипловатым и чуточку усталым.

— Здравствуй, Альтар.

Нет, я не мог обознаться...

Выпустив злосчастный замок из рук, я медленно обернулся.

За моей спиной стоял Ильдариан.

Нас разделяло полдюжины шагов и несколько бесконечно долгих ударов сердца... Мы в упор глядели друг на друга: я — в напряжённом изумлении, Паладин — внимательно и изучающе.

За моим плечом глухо лязгнула сталь: Шаэриэнн медленно потянула мечи из ножен. Я, не оборачиваясь, отвёл руку назад, останавливая её.

Ильдариан смотрел на нас ещё миг, что-то для себя решая — затем вдруг глубоко вздохнул и расслабил плечи... Я буквально кожей почувствовал, как нечто чужое, незримо стоявшее между нами — нечто, чему я не мог дать названия — внезапно отступило.

— А я ведь ждал тебя, — заговорил Паладин.

— Как ты мог знать, что я буду здесь?! — разлепил я губы, ставшие вдруг отчаянно непослушными...

Ильдариан усмехнулся, до боли знакомо дёрнув разорванной щекой.

— А я не знал. Поэтому послал парней на три ближайших перекрёстка и даже к Глухому Перевалу... Но если бы мне пришлось возвращаться в Рокстан, хоть с Полудня, хоть с Заката или Рассвета, я, скорее всего, держался бы Волчьего тракта, а значит — никак не миновал бы это селение...

— Но зачем ты меня искал? И с чего взял, что я должен... вернуться? — эта странная

уверенность Паладина, как и его появление, с трудом укладывались в голове.

— Я же сам просил тебя проверить сигнал Орба, забыл? — Паладин как будто не расслышал моего первого вопроса. — И знал, куда ты поедешь после. Помнится, сам и советовал тебе... — он хмыкнул, как мне отчего-то показалось — виновато. — А поскольку потом в Цитадели ты так и не появился, логично было бы предположить, что старику что-то от тебя понадобилось, и ты отправился куда-то по его поручению. Значит, выполнив его, скорее всего, вернёшься, чтобы доложить ему об этом...

— Слабая вероятность. — Я покачал головой, всё ещё не понимая, к чему он ведёт. — Я мог бы не возвращаться. Существуют письма, птицы... Верные люди, в конце концов.

— Слабая, — подтвердил Ильдариан. — Но это была единственная возможность для нас попытаться перехватить тебя первыми. Мы не могли её упустить.

— «Для нас»?... «Мы»? — я обежал дворик глазами.

Ильдариан перевёл взгляд направо.

Из-за приземистого погребца для солений, притулившегося к дальней стене конюшни, выступил Корим.

Один.

Повинуясь едва заметному жесту старшего, сделал шаг и остановился, ближе не подходя, внимательно наблюдая за Антонио и эльфийкой. Однако мне кивнул так, словно мы всего ору назад виделись в той таверне, от которой до Акреста оставалось полтора дня пути...

— Вердан и Эрджил тоже здесь? — спросил я.

— Эрджил — нет, — коротко ответил Ильдариан. — А вот Вердан дежурит на перекрёстке. Как и ещё несколько Братьев, которые тоже не верят в то, что говорится в приказе...

— В приказе?!

Прозрение впору было проклясть за то, что слишком запоздало... Упустив нас из своих рук, Зельде, очевидно, хорошо постарался усложнить нам жизнь и заодно обелить свою шкуру. Но... Демоны! Как, во имя обоих Богов, он успел устроить всё это в таких масштабах за несчастные несколько дней?!

... Я не мог даже представить, что мгновение спустя был бы безумно, нечеловечески счастлив, если бы дело оказалось именно в Зельде и его происках.

— Послушай меня, Альтар, — веско произнёс Паладин. — Магистр Проспериио мёртв. Две четверти тому назад его убили в своём доме в Сером Рокстане...

— ... Ч-что?!!

Я и Антонио вскрикнули одновременно.

В глазах Ильдариана появилось сочувствие. И, в то же время — облегчение, которое он даже не пытался скрыть...

— Вместе с Магистром погибли и его слуги — все те, кто находились в доме. Однако кому-то, единственному из них, посчастливилось выжить. Он и рассказал, что к Проспериио приезжал Тёмный Брат, носящий плащ Карателя, а с ним эльфийка, колдунья из Отвращённых...

Ильдариан взглянул на окаменевшую Шаэриэнн.

— Что за дела у них были с Магистром, слуга не знает, но утверждает, что Просперис принял их как близких друзей, за что и поплатился жизнью. Очевидно, заполучив, что хотели, Каратель... и ведьма убили его и уехали, попутно уничтожив тех, кто мог на них

показать...

— Как... — заговорив, я не узнал собственный голос! — ... Как погиб Просперิโอ?

— Удар кинжала. В спину... — Паладин сощурил глаза. — Кроме того, в доме обнаружены следы Запрещённой магии. Это объясняет, почему остальные не сопротивлялись — слуг просто порезали, как ягнят...

— Безмянный... — Как же трудно порой подобрать слова... — И ты... Ильдариан, ты... Веришь в это?!

— В то, что Магистра Просперิโอ убил кто-то близкий — верю! — отчеканил Паладин. — В то, что это сделал ты — нет. Таскай ты с собой хоть десяток эльфийских ведьм — в спину ты не ударишь никогда...

Он сделал шаг ближе и быстро заговорил, внимательно глядя мне в глаза:

— Хочу, чтоб ты знал: тебя приказано найти и задержать. Не жалея сил и средств. Предпочтительнее взять живым. Но, если будешь сопротивляться — последнее условие не обязательно... — его голос казался начисто лишённым эмоций. — Ведьму, которая с тобой, велено уничтожить на месте, как особо опасную... Любые вещи, что будут при вас — в особенности записи, бумаги — немедленно изъять и в обстановке строгой секретности доставить в резиденцию Капитула...

— Кто отдал приказ? — выдохнул я.

— Кем инициирован, не знаю, — признался Паладин. — Но, как распоряжение, имеющее особенную важность, подписан он Верховным. Лично...

— Демоны!!!

— Именно, — наклонил голову он. — Поэтому — послушай меня, не перебивай! — тебе придётся исчезнуть, ясно? Испариться, пропасть — на время, которое понадобится нам, чтобы разобраться, что на самом деле произошло в доме Магистра...

— Я сам этим займусь...

— Не займёшься! Твоя жизнь не стоит теперь и ломаного гроша! — теперь Ильдариан почти рычал... — Тех, кто знает тебя и верит тебе, наберётся едва с десяток! Остальные имеют приказ, и будут стараться исполнить его, во что бы то ни стало... Да, в одиночку ты сильнее большинства из нас — но тебя вынудят идти по трупам собственных Братьев, убивать тех, на чьих плечах плащи того же цвета, что и твой! До тех пор, пока на тебя не набросятся всем скопом, и я сам в их числе скрещу с тобой мечи! Ты этого хочешь, Альтар?!

— Нет!

— Тогда — иди с Коримом. Он знает, куда и как провести тебя, я ему рассказал... Твои спутники, если ты в них уверен, могут остаться с тобой. Я выйду на связь при первой же возможности, едва что-то удастся прояснить... А пока...

Он не успел договорить.

Нестерпимо яркая золотая струна, возникнув ниоткуда, вдруг взрезала пространство посреди двора и, вспыхнув, в аршине над землёй развернулась в портал...

Я оттолкнул Тонио вбок, под защиту каменной стены; Шаэриэнн прыгнула в другую сторону, выхватывая мечи. Ильдариан и Корим слаженно заняли оборону, готовясь принять бой...

— Спокойно, спокойно, Братья! Мы — свои...

Четверо незнакомых мне Рыцарей Тьмы с мечами наизготовку спрыгнули на каменную плитку. Пятым же, с гнусавым смешком, из матового золотого окна выбрался Эрджил.

— Мастер Ильдариан... Брат Корим, — с преувеличенной учтивостью поклонился он,

явно упиваясь моментом. И обернулся, «заметив» меня. — На-адо же, какие люди! Альтар-Каратель, собственной неподражаемой персоной!... Вот хорошо, что вы все здесь — поможете мне? А то я тут мотаюсь по всей Полуночи, землю грызу, разыскиваю поганого оборотня в чёрном плаще, предателя, душегуба и убийцу... Постой!... Уж не ты ли это? Таргос Темнейший! Вот это мне свезло!...

— ... Прекрати балаган, Эрджил!!! — к Ильдариану вернулся дар речи. — Какого демона ты здесь? Откуда у тебя портал?!

— Как это, какого демона?! Вообще-то, прибыл вам на помощь... А портал — хорошая штука, кстати! — да и этих бравых парней впридачу, — он кивнул на своё «сопровождение» — мне любезно предоставил Мастер-Рыцарь Морент, командор Полуночников... Когда я клялся, что притащу ему предателя на блюде с золотой каёмкой, я был очень, очень убедителен!

— Как ты узнал, где мы?

— Ах, это? Так Брату Кориму на том спасибо, — насмешливо глянув через плечо, Эрджил отвесил шутовской поклон. — Если б не он, пришлось бы куда дальше возиться...

— Я не... — глаза Корима стали круглыми, как блюдца. — Ильдариан... Альтар!... Я НИЧЕГО ему не говорил!!!

— На нём «Зеркало Души»... — хриплый голос Шаэриэнн заставил всех обернуться. — У мальчишки какая-то вещь, через которую «Зеркало» способно видеть его чувства...

Разинув от неожиданности рот, Корим принялся лихорадочно оглядывать свой плащ, куртку, сапоги...

— Ух ты, какая! — притворно восхитился Эрджил. — А хороша девка, Альтар — где таких берёшь?!... Ну да, было дело — подарил я ему булавку для плаща, когда у него сломалась...

— Ах ты... ! — побледнев, Корим сорвал с воротника простенькую железную фибулу, поднёс к глазам.

— Не туда смотришь, — Эрджил выудил из-за пазухи переливающееся разными цветами «яйцо» на цепочке. — Вот, пожалте... Гнев, неверие, ярость... Злость и стыд — за себя, дурака... Сожаление, бессилие — того и гляди, заревёт... Правильно, остроухая? — он мельком взглянул на Шаэриэнн, впрочем, не ожидая ответа. — А вот прямо перед тем был целый букет, и какой!... Радость, прямо-таки щенячья, ликование, облегчение, волнение, переживание, тревога... Вся радуга в единый миг!... Ну, я примерно так и представлял вашу встречу.

— Т-ты, ублюдок!... — лицо Корима пошло пятнами. — Да я... тебя... !

— Уймись! — страшным голосом рявкнул Паладин. — Угомонись, немедля! А ты, — он повернулся к Эрджилу, — имей в виду! Альтара разыскали мы! Я и Брат Корим! Мы... задержали его — мы и сопроводим к тем, кто начнёт следствие... Твоя помощь не нужна!

— Извини, Ильдариан, — Эрджил покачал головой. — Но я считаю иначе.

— Я пока ещё Паладин!... — глаза Ильдариана сверкнули. — А ты — Рыцарь Тьмы... И остальные тоже! Я приказываю вам всем...

— Увы, Мастер, — с издёвкой перебил его Эрджил. — Командор Морент собственной властью наделил меня с целью поимки убийцы полномочиями своего Голоса... Значит, приказываю здесь теперь я!... Так, парни, — бросил он стоящим вокруг него Братьям. — Юнца и эльфу — в расход! Портал рассчитан на восьмерых... Этого — схватить и в цепи! Можете покромсать, только не добивайте!...

Его последние слова потонули в лязге мечей.

На миг раньше, чем Братья атаковали, я рванулся вперёд.

Ильдариан был прав...

Убивать тех, кто ещё мгновение назад были «своими», не хотелось до боли, до волчьего воя. Но за моей спиной оставались Тонио и Шаэриэнн, и их жизни сейчас зависели лишь от меня... Я не мог выбирать.

Впрочем, кто бы ещё оставил мне право выбора...

Схватка вышла короткой и вполне предсказуемой. Тесный дворик, неприспособленный для подобных стычек, численный перевес противника, неравные силы сделали своё дело. Я успел лишь легко ранить одного из свиты Эрджила и обезоружить другого, когда сзади вскрикнула эльфийка, роняя клинки, вышибленные из неокрепших рук... захрипел Антонио, раздирая стальную цепь, обхватившую шею...

— Хватит, Альтар, — обронил Эрджил.

Он даже не дрался — только наблюдал.

Я остановился, по-прежнему сжимая меч и тяжело дыша.

— Отдай его, — он кивнул на мой клинок. — Лучше по-хорошему... Мне нужен ты, не они — позволь им умереть быстро!...

— Ты забываешься, Эрджил! — проговорил Ильдариан. Всё время, что длилась эта короткая схватка, он стоял без движения, словно поражённый громом. — Даже будучи Голосом Командора, ты остаёшься Тёмным Братом! Здесь никто не умрёт! Эти двое уже не опасны... Оставишь с ними двоих из своих людей, пускай конвоируют их до Цитадели... А я и Корим отправимся с тобой порталом — к Командору вместе с Альтаром мы зайдём все вместе!...

— Нет, — Эрджил презрительно фыркнул. — Я сказал тебе — эльфа и этот, второй, меня не интересуют. Хотите — прибеите на месте, хотите — тащите их с Коримом сами. Своим ходом, на своих горбах. А портал — только для нас!... Нас с ним...

Он взглянул мне в лицо. Кривые губы медленно растягивались в улыбке превосходства. Эрджил упивался моментом...

— Нет!!! — выкрикнул Корим, делая шаг вперёд.

... Справа от меня внезапно полыхнуло, слепя глаза, раздался звучный хлопок. Во все стороны, звеня, словно горсть брошенных в воздух монет, фонтаном брызнули осколки плетёного агмариллового шнура — прочнейшей и надёжнейшей из цепей...

Рыцарь Тьмы, державший Антонио, закричав, словно раненый зверь, рухнул на колени, зажимая ладонями глаза... Его Меч Тьмы, выпав на землю, скрежетнул по камням подобно старой лопате; загорелся алым пламенем шейный амулет, беспощадно прожигая куртку...

Я успел заметить, как Шаэриэнн, безошибочно угадав момент, отбивает в сторону клинок, застывший у её горла, выкручивается из захвата — и встретил мечом два тёмных клинка, налетевшие на меня снова... Крутанулся на месте, отводя удары вбок и вверх, и внезапно понял, как можно оставить смерть ни с чем.

Эрджил!... Ещё мгновение — и он в моих руках! Если у меня получится — я заставлю его убраться этим же демоновым порталом туда, откуда он пришёл, заодно прихватив своих людей — Боги, как же всё просто! Лишь один шаг, маленький шаг... Но на моём пути снова были двое незнакомых Братьев.

Возможность не убивать их как будто прибавила мне силы. Я с облегчением пропустил один из мечей над головой, поднырнул под руку второму сопернику, тут же оглушая его

кулаком в подбородок, рывком отвёл меч, чтобы ненароком не задеть падающее тело, и крутнулся вокруг своей оси, оказываясь лицом к лицу с заварившим всю кашу мерзавцем...

Но Эрджила там уже не было. Я успел лишь поднять глаза, чтобы увидеть его сбоку от себя, за плечом у Корима, пытавшегося помешать схватке... Успел увидеть, но не смог погасить силу собственного удара, когда с тихим смешком Эрджил легонько толкнул Корима в спину...

Я, взревев, шатнулся назад. Но шага, разделявшего нас, оказалось слишком мало.

Мой клинок вошёл Кориму в грудь, едва не до половины длины.

— Альтар!...

Он вскрикнул, тоненько — совсем по-детски, беспомощно и с обидой.

— Не-е-ет!!!

Но он уже не слышал меня. Перевёл глаза на мою куртку, плащ, стремительно намокающие алым, всю хлещущим из его раны.

— У тебя кровь, — шевельнул он губами.

— Корим...

Когда его глаза закрылись, у меня едва хватило сил удержать его на весу, опуская на каменную плитку. Истоптанный снег на серых булыжниках щедро перемешался с кровью. Корим так и не понял, что принял смерть от моей руки...

— Убийца!!!

Голос Эрджила раздался над головой гулким набатом.

— Убийца!... предавший свою клятву, своих Братьев и своих Богов! Смерть!!!

... Смерть!

Если бы он просто проткнул меня мечом — клянусь, я не заметил бы и даже не шелохнулся... Но его голос вырвал меня из ледяного оцепенения, захлестнул силой, вложил в руку выпавший из ладони Корима клинок...

Смерть!...

И я стал ею — на тот единый миг, который не мог повернуть вспять реку времени, но хотя бы позволил утопить в ней того, кому лучше было вообще не рождаться...

Единственный оказавшийся рядом со мной Тёмный Брат широко размахнулся мечом... и полетел в сторону, впечатавшись спиной прямо в стену, с грохотом сползая прямо в гору какой-то утвари... Я прыгнул вперёд — молча, страшно, не видя перед собой ничего, кроме проклятой рожи, с которой ещё не успела сползти гримаса ехидного превосходства...

Эрджил успел закрыться мечом. Успел отскочить назад, и даже парировать первые пару ударов... И даже успел испугаться, когда увидел прямо перед собой мои глаза — за миг до того, как я снёс ему голову...

— Альтар!!!

Я рывком обернулся. За моей спиной грузно упало наземь бывшее мгновение назад Эрджилом тело. Нечто круглое и грязное покатило в сторону, звучно стукнув по камню, точно незрелая тыква...

Ильдариан, сжимая в руке охотничий нож, прижимал его к шее Антонио. Напротив него застыла Шаэриэнн, едва ли не с точностью отображая его жест, прижав меч к горлу последнего из оставшихся на ногах Тёмных Братьев...

— Что ты наделал, парень?!

Боль в голосе Паладина была самой настоящей.

— Ильдариан... — я с трудом проглотил комок, вставший в горле. — Он... не оставил

мне выхода.

— А ты не оставляешь его мне... — Паладин перехватил свой клинок сильнее. — Вели своей... ведьме отпустить Брата.

— И что тогда? — тяжело дыша, выкрикнула эльфийка. — Снова попытаетесь нас убить?! Но перевес теперь не у вас! Какими же нам надо быть дурнями...

— Шаэ!...

Она замолчала.

— Отпусти его, Паладин. Прошу... — Я перевёл дыхание. — Мы не причиним вам вреда.

— Пойдём с нами. — Ильдариан посмотрел на всё ещё висящий в воздухе портал. — Ты должен предстать перед дознавателями Капитула... Я буду рядом с тобой, расскажу всё, что видел. Он — тоже... — Паладин кивнул на Рыцаря, удерживаемого Шаэриэнн.

— Нет, Ильдариан... — говорить было тяжело, но по-другому было невозможно. — Мы уйдём. А вы не будете нам мешать...

— Не получится, — Паладин обречённо покачал головой. — Теперь всё иначе...

— Я должен разобраться в обстоятельствах гибели Просперио... — Я упрямо сжал губы. — И в том, отчего, за мной идёт охота... Пока это так, Ильдариан, я не принадлежу себе.

— От твоей руки погибли двое Братьев... — холодно проронил Паладин.

Я прикрыл глаза.

— Один...

Мы не сговариваясь уставились на Шаэриэнн.

— Один, — хрипло повторила эльфийка. — Тот молодой мальчик... кажется, ещё жив... И у него есть шансы, если вовремя получит помощь.

Я, потеряв дар речи, рванулся к Кориму.

Кровь из раны уже не хлестала, а лениво сочилась... Черты лица заострились, губы начали синеть. Но... Я прижал ухо к неподвижной на первый взгляд груди... Нет, не померещилось!... Он всё же дышал. С каждым разом всё прерывистей и глуше, но...

— Ильдариан!... — Я метнулся к Шаэриэнн, заставил отвести клинок. Освободившийся Брат рванулся вбок, а я развернулся к Паладину.

— Прошу тебя!... Ярошем и Таргосом заклинаю! Забирайте Корима, остальных — и уходите!!! Портал был получен Эрджиллом в Цитадели — значит, в любом случае, он способен отправить вас туда! В твоих руках шанс спасти Корима! Не дай ему умереть!...

— Но ты... — Ильдариан тоже ослабил держащую нож руку.

— Вот тебе моё слово, — в отчаянии выкрикнул я. — Слово, которому ты до сей поры верил... Так поверь же ещё один раз! Как только я разберусь с тем, о чём тебе сказал, я сам отправлюсь в резиденцию Капитула и добровольно предстану перед его судом!... Я поклялся бы тебе смертью, но у нас нет времени на то, чтобы творить ритуалы...

— Альтар, я...

— Прошу — спаси Корима!!!

Ильдариан колебался лишь мгновение. Но затем рывком убрал от шеи Антонио нож, легонько толкнул того от себя.

— Мы уходим!

Он кивнул ошаревшему Тёмному Брату и второму, у стены, уже почти пришедшему в себя. Пока двое Рыцарей, повинувшись его коротким приказам, осторожно поднимали Корима

на руки, я, быстро обыскав обезглавленного Эрджила, передал Паладину «яйцо» Зеркала Души и простенький амулет портала. Шаэриэнн, бегло глянув на последний, попросту выломала из гнезда единственный камень, сообщив, что теперь портал доставит ступивших в него к месту своей «привязки».

Первыми внутрь шагнули Братья, которые несли Корима. Я помог Паладину отправить порталом остальных, что были без сознания. Тело Эрджила, кряхтя, он забросил в золотистое окно сам...

Ильдариан уходил последним. Перед тем, как сделать шаг, он на мгновение обернулся, словно сияясь что-то сказать, но в последний миг промолчал.

Портал за его спиной снова свернулся в золотую струну, вспыхнул и пропал, оставляя двор, залитый кровью, разбросанное вперемешку с утварью оружие, лошадей, беспокойно ржущих за воротами — и никого больше, кроме нас троих.

Глава 5

Что скрывают маски

Шаэриэнн

— Отчего лопнула цепь?...

Антонио, сидевший у самого костра с отрешённым выражением лица, не услышал меня, продолжая монотонно сжимать и разжимать пальцы. Казалось, он совсем не чувствовал тепла, хотя пламя едва не опаляло ему руки.

С тех пор, как мы покинули Каменный Ключ — так быстро, как будто под ногами горела земля — он всё время был таким: подавленным, рассеянным, незаметным... Теперь я была почти уверена: моя догадка о том, что седой Магистр был его отцом, оказалась правдой, хотя внешнее сходство между ними и не бросалось в глаза.

Что-то в очередной раз неприятно шевельнулось в душе, но я ещё раз, погромче, повторила свой вопрос. Нет, нельзя было оставлять его наедине со своими мыслями... Как бы тяжело ему сейчас ни было, но если Антонио утонет в своём горе, прекратив соображать и бороться — тогда нам уж точно не выкарабкаться...

Альтар, похоже, тоже это понимал, и тоже пытался «растормошить» своего приятеля. Но выходило у него не очень, как-то вяло, поскольку он и сам ходил словно оглушённый, хотя и старался скрывать это изо всех сил. Я не читала мысли, но саднящую душу сквозь пустоту в глазах замечать хорошо умела...

Так и вышло, что в нашем «отряде» я поневоле оказалась самой трезвомыслящей. И наряду с организацией быта в походе мне предстояло привести в чувство остальных, прежде всего мага — Каратель всё же держался, и довольно пристойно, а тот был совсем плох.

— Антонио?

Он наконец поднял на меня взгляд, совершенно растерянный и несчастный.

— Цепь?...

— Ну да! — я кивнула; к тому же, этот вопрос меня и вправду интересовал. — Металлический шнур, которым тот хлыщ едва не задушил тебя... Это же ты что-то с ним сделал! Но как?! Это ведь агмарилл...

— Агмарилл, — вздохнув, повторил Антонио, пусть и нехотя, но собираясь с мыслями. — Видишь ли... Я... хорошо знаком с его свойствами. Потратил много времени, изучая их... Когда-то меня попросил об этом... один человек, — взгляд его снова затуманился, и мне не составило труда догадаться, кого маг имел в виду. — Я постарался очень хорошо выполнить его просьбу. Опытным путём я установил, что, если при прямом контакте с агмариллом маг пошлёт импульс определённой силы, строго рассчитанный... в общем, целостность структуры этого металла нарушится, и дальше останется лишь закрепить успех. Я применил магию воды...

— То есть, ты хочешь сказать, что разбил цепь... с помощью льда?! — потрясённо произнесла я, начиная понимать.

Антонио покачал головой.

— Нет. Я обратил её саму в лёд. А затем заставил эту ледышку расколоться и лопнуть...

— Вот это да!... — Я посмотрела на мага другими глазами. — Даже не представляла, что такое возможно!... И не могла подумать, что ты...

Я прикусила язык.

— Книжный червь? — Антонио помимо воли усмехнулся. — Окажусь способным на что-нибудь действительно пригодное в деле?

Давно уже я так не краснела — до кончиков ушей... Моё счастье, что в сумерках при свете костра собеседнику не было этого видно.

— Я считала, что ты — маг-теоретик, — поторопилась я загладить неловкость. — А им, как правило, никогда не хватает сил и времени на отработку своих знаний на практике...

— Ну, очевидно, я не такой уж хороший... теоретик, каким кажусь, — в голосе Антонио послышалась ирония. — Потому что, едва успевал придти к какому-то маломальски важному заключению, тут же лез искать, где и в чём именно оно может пригодиться. Мне всегда это было интересно. И потому во многом я так и не преуспел...

— Схожу-ка посмотрю, где Альтар...

Камень, на котором я сидела, откатился назад — должно быть, я встала слишком поспешно. Антонио, разумеется, не стремился меня удержать, и я шагнула в темноту, с облегчением прервав неуклюжий разговор.

Каратель нашёлся возле лошадей, внимательно осматривающим бабки своего вороного.

— Рио хромает... — не поворачивая головы, сообщил он.

У меня подкосились ноги.

Свет и Тьма!...

Ещё с Оплота Туманного клинка Рио тащил на себе двоих — своего хозяина и Антонио. Как раз в Каменном Ключе Альтар собирался обзавестись третьей лошадью — но все планы разрушил наш поспешный побег. Хромота жеребца, и именно сейчас, в самом сердце глухого леса, была для нас сродни приговору...

— Ты копыта осмотрел? — постаралась я уцепиться за последнюю надежду — камень, застрявший под подковой, был бы наилучшим из всего, что могло приключиться.

— Да, — Альтар угрюмо посторонился, подпуская меня к коню. — Поглядишь?

— Конечно...

Рио, фыркнув, потянулся ко мне, с шумом втягивая ноздрями воздух. Альтар поспешил было схватить жеребца под уздцы, но я отвела его руку, а вороного просто легонько шлёпнула по носу, опускаясь рядом. Тщательно ощупала все четыре ноги, в особенности суставы и сухожилия...

Ничего.

— Ну-ка, друг... — поднявшись с колен, я потянула за свисающий повод. — Пройдёмся немного?

— Стой... ! — подхватился и Альтар, но мгновенно прикусил язык: Рио беспрекословно позволил мне отряхнуть налипшие на гриву снежинки и послушно сделал по снегу один шаг... потом второй, перед тем легонько ткнувшись мордой в моё плечо.

Лицо Карателя вытянулось в изумлении — он явно не ожидал подобного поведения от своего зверя, которого привык считать своевольным и норовистым. Не объяснять же ему, что я всегда отлично ладила с лошадьми, и Рио, славный парень, исключением не был...

Конь и вправду хронал, слегка припадая на правую переднюю ногу. Я приподняла её, развернула к себе — и во все глаза уставилась на огромный ледяной сколок, впечатавшийся между подковой и стрелкой копыта. Как можно было это не заметить?!

— Ты же сказал, что осмотрел копыта!... — набросилась я на Альтара.

— Но я... с этого и начал, — обескуражено признался Каратель.

— Тогда как... — я осеклась на полуслове.

Он всё равно не мог ответить. Я покачала головой и, вытащив из-за пояса нож, попыталась осторожно вычистить лёд из-под подковы. Однако дело не спорилось — гибкости моим пальцам явно не хватало, и Каратель после короткого замешательства шагнул ко мне, перехватывая и копыто, и нож.

— Как справишься — возвращайся к костру, — я проследила за его аккуратными скупыми движениями. — Нет нужды говорить, что мы влипли всерьёз... Пора думать, как будем выбираться. После всего, что произошло, твои Братья наверняка не оставят нас в покое...

— После всего, что произошло, — ровным голосом заметил он, не отрываясь от работы, — Братьев у меня больше не осталось... Клятвопреступнику и убийце своих не может быть места в Ордене.

— В таком случае... — неожиданно зло процедила я, — ... тот бритоголовый ублюдок как раз получил по заслугам! А мальчишка, которого он толкнул на твой меч, всё же был жив, когда его заносили в портал. Ты счастливее, Каратель...

Нож в его руке замер, не коснувшись копыта.

— Странно же ты себе представляешь счастье...

— Я? О, нет!!!

Я не смогла сдержать ядовитого смеха, одновременно чувствуя, как злые слёзы застилают глаза.

— На твоих руках нет крови твоих братьев! Твои братья не шли за тобой, не спрашивая, куда и зачем, они не выкупали твою жизнь ценою своих, не умирали с твоим именем на устах!... Если б я могла... если б только могла уничтожить ту двуличную тварь прежде, чем моя слепая любовь и вера в него обернулись гибелью самых лучших, самых верных и преданных сердец, какие когда-либо знал этот Мир... Я убью его, он не имеет права ходить по этой земле. Но теперь даже его смерть не вернёт их к жизни...

Я резко развернулась и пошла обратно.

Взгляд Карателя жёг мне спину, но мне было всё равно.

... Когда через десятинку Альтар вынырнул из тьмы и, бросив на землю чёрный плащ, занял место у огня между мной и Антонио, я уже успела взять себя в руки и пожалеть о своём внезапно вырвавшемся откровении. Впрочем, было уже поздно.

Каратель ещё не раскрыл рта, а я уже знала, что нас посетили одинаковые мысли.

— Шаэриэнн, — без лишних предисловий произнёс он — А ведь ты можешь уехать.

— Могу, — согласилась я.

— Ты можешь уехать, — упрямо повторил Альтар. — Мирри в порядке... Ты превосходно знаешь лес, в твоём вещевом мешке есть и деньги, и припасы. А самое главное то, что Орден знает тебя лишь как колдунью, которая была со мной — саму тебя они отыскать вряд ли сумеют. Так что тебя держит с нами?

Всё, что он говорил, было разумно и правильно. От этой правильности сводило зубы, словно от ледяной воды. Укрыться и избежать преследования мне одной на самом деле будет намного проще...

Я хмыкнула. Под руку внезапно подвернулась растрёпанная прошлогодняя шишка... Подбросив её в костёр, я прикинула: полыхнёт или нет?

Полыхнула. Очевидно, была сухая, как щепка, хоть и пролежала Ночь знает как долго в снегу...

— Должно быть, я просто поклонница неприятностей...

Но Альтар пытливо смотрел на меня, ожидая серьёзного ответа.

— Что ты хочешь услышать? — не выдержала я. — Для начала — нам так и так в одну сторону... Разделяться в лесу и искать иную дорогу лишь для того, чтобы ехать в одиночку, по меньшей мере, глупо. Не переживай, лес кончится через пару переездов, так что терпеть моё общество тебе осталось не так уж и долго!...

— Я не это имел в виду... — сомкнув брови, оцетинился Каратель.

— Ты ошибаешься, Альтар, — заговорил внезапно Антонио.

Словно очнувшись, он с усилием отвёл взгляд от пламени костра и, чётко произнося каждое слово, повторил:

— Вы ошибаетесь, оба!

Мы, как по команде, замолчали, уставившись на мага так, словно только что заметили его здесь.

Надо же — а парень-то сильнее, чем я сочла поначалу!... Мне казалось, что он не видит ничего за пределами своего горя, а он, выходит, думал — за нас за всех — в то время как мы с Карателем были заняты чепухой...

— Единственный шанс справиться с тем, что свалилось на наши головы — держаться всем вместе!... — негромкий голос Антонио звучал без эмоций, и от этого казался мне просто оглушающим... — Против нас — не только Орден, Альтар. И вовсе не Академские чародеи... Это уровень намного, намного выше. Даже мой... даже Магистр, схватившись с ними, не рассчитал своих сил, и...

Маг запнулся. В упор посмотрел на меня:

— Я больше чем уверен... Шаэриэнн... Отпечаток твоей ауры был снят ещё там, в Оплоте. Как скоро они доберутся до тебя, как, впрочем, и до нас — лишь вопрос времени. И его не понадобится много... Ставки в этой игре слишком высоки.

На какое-то время у костра воцарилось гнетущее молчание. Дав нам как следует осмыслить услышанное, Антонио продолжил:

— Ни мечи, ни магия здесь нам не помогут. Неужели не понимаете?... Наша единственная возможность — попробовать их переиграть. А мы даже не представляем, кто против нас и в чём именно мы завязли...

— Что ты предлагаешь? — хмуро спросил Альтар.

— Раскрыть карты, — убеждённо сказал Ярош. — Поделиться друг с другом теми крупницами знаний, которые у нас есть, и попробовать понять, что со всем этим делать.

Взгляд Альтара красноречиво остановился на мне.

Я раскрыла было рот, готовясь выпалить очередную колкость, но маг меня опередил.

— Мы все в одной лодке. Выплывем ли, утонем — но втроём. Знать хотя бы, во имя чего, по меньшей мере будет справедливо...

Он сказал это совершенно просто. Однако дерзить мне резко расхотелось. А Альтар опустил голову на сплетённые пальцы рук.

А когда вновь посмотрел на меня, заговорил.

... Я догадывалась, что услышу нечто необычное. Чувствовала, что миссия, с которой нас отправил Магистр, проста только на первый взгляд. Представляла, насколько плохи наши дела, уже после случившегося в Оплоте, и лишь уверилась в этом, побывав в трактире

Яспера... Но то, что я услышала из уст Карателя, с лихвой превосходило все мои ожидания и предположения — даже самое смелое, на что я мысленно могла замахнуться.

— Так значит, Просперियो нащупал связь между нежитью и агмариллом?! — попыталась я собрать в охапку лихорадочно разбегающиеся мысли.

Альтар покачал головой.

— Он лишь предположил, что такая связь есть. А, зная Магистра, любое своё предположение он тщательно старался обосновать. Этим и занимался Антонио... комендант Варион в Оплоте...

— Думаю, задания Магистра выполнял ещё не один человек, — проронил Ярош. — Хотя подавляющее большинство из них и представления не имели, для чего всё это на самом деле нужно.

— Кто-то, очевидно, представлял, и даже слишком хорошо... — протянула я. — Извини, Антонио... Но я не могу обойти этот вопрос. Как вышло, что Просперियो погиб? Очевидно, кто-то из тех, с кем он поделился своей теорией, выдал его...

— Может и нет, — задумчиво сказал Альтар. — Просперियो... не доверял почти никому. Он был слишком избирателен в выборе союзников, а также всегда очень осторожен. Но, возможно, где-то в своих поисках истины он сделал роковой шаг, привлекая к нему внимание...

— Чьё?

Каратель на миг прикрыл глаза.

— Даже не представляю... Но, в любом случае, тех, кому ни в коей мере не выгодно, а то и опасно раскрытие тайны, связанной со священным металлом. Возможно, за ним начали наблюдать... быть может, даже попробовали навести на ложный след, что, по всей видимости, не получилось. Когда им стало ясно, что Просперियो находится на верном пути и опасно близок к тому, чтобы найти разгадку... его поспешили устранить, а заодно и «зачистить» все следы проделанной им работы.

— Очевидно, они тщательно готовились к этому шагу... — Антонио, забывшись, судорожно стиснул горсть снега в ладони. — Магистр... он никогда не позволил бы им... он бы не сдался так просто...

Он удручённо замолк.

От меня не укрылось то, что маг упорно называет Просперियो «Магистром». Может, так ему было легче переживать боль, а может, была ещё какая-то причина... Сын любил Просперियो — это было очевидно — и, скорее всего, отец любил парня тоже. Однако слишком близкими они, несмотря на всё это, видимо не были.

— Даже Мастер-Шпион не может просчитать всего, — словно нехотя проговорил Альтар. — Ильдариан сказал... Кинжал в спину. Просперियो пустил этого... этих людей в свой дом, повернулся спиной... Кто-то кого он хорошо знал и от кого никак не ожидал удара.

— А может, недооценил, — предположила я.

Альтар ответил мне долгим мрачным взглядом.

— Наверяд ли. Хотя... Может быть всё, что угодно.

— Верхушка вашего Ордена... Капитул? — вслух начала я размышлять. — Твой знакомец говорил и о магии... Церковники? Или же Академия?... А быть может, его доверенный человек, какой-нибудь помощник... ?

— Не знаю, — повторил Альтар. — У Просперियो были связи, казалось, везде...

Должность обязывала, да и просто, это была его стихия — обзаводиться знакомствами... Однако действительно доверял он считанным людям. Я и Антонио — двое из них, больше мне никто не известен. Хотя, возможно, третьим был комендант Варион — судя по тому, что Магистр ввёл его в курс дела, хотя бы отчасти...

— Неплохо бы разыскать этого коменданта, — я поморщилась, когда переменившийся ветер развеял клуб дыма от костра перед моим лицом. — Он вполне мог бы быть нам полезен...

— Если даже отбросить то, что в твердыни Ордена нам путь надёжно и прочно заказан, — Альтар горько хмыкнул, — то мы знаем лишь, что его повесили и перевели, причём куда именно — неизвестно...

— Если он ещё жив, — негромко добавил Антонио.

— Если жив... — повторил Альтар. — Тебя, во всяком случае, оставлять в живых они явно не собирались.

— Зельде... — я прищурила глаза. — Зельде и его люди... Кто они на самом деле?

— Зельде приехал в Оплот вместе с парой Академских магов, приглашённых Варионом — нам в помощь... — вспомнил Антонио.

— ... А когда коменданта сменили, отделился от них, — Альтар, тряхнув головой, сбросил волосы со лба. — Брат Кайд называл его «Мастером», но не мог сказать, какое отношение он имеет к Ордену...

— То есть, мы ровно ничего о них не знаем, — печально констатировала я. — А ведь им наверняка известно, ради чего всё это затевалось, кто убил Просперио, так удачно подставив нас, и какое именно «повышение» получил комендант Варион...

— Похоже, что так, — Альтар передёрнул плечами.

— Что они хотели от тебя услышать? — Я повернулась к Ярошу. — Ты был им нужен какое-то время, ведь так? Иначе почему не убили сразу, едва вы все вместе покинули Либрариум? Три дня тебя мучили, требуя... что?

— В том-то и дело, — уголок губы Антонио дрогнул. — Их интересовало единственное — что именно мне удалось узнать... Они не нашли в моём кабинете в Оплоте ни записей, ни бумаг. Вот и пытались выбить из меня это. Меня спасло то, что мне, в общем-то, действительно нечего было им сказать. А они никак не могли в это поверить...

— И ты действительно ничего не знаешь? — спросила я.

Антонио, помедлил.

— Ну... Кое о чём, кажется, догадываюсь. Но ветер на самом деле дует совершенно не с той стороны, откуда они заходили...

— Говори. — Я подалась вперёд, чувствуя, что это действительно может быть важным.

Антонио собрался с мыслями.

— Агмарилл... Я вплотную занимаюсь им более года. За это время единственным существенным моим открытием стало то странное свойство изменять структуру под воздействием импульса чистой силы, когда маг касается агмариллового предмета голыми руками. Это, безусловно, важно, но тому, о чём просил меня Магистр, помочь может мало. Больше я, сколько ни бился, так ничего и не узнал... Однако должен признаться: ещё с Академии предметом моего интереса всегда были камни. Драгоценные, полудрагоценные, минералы... Бросить своё любимое занятие для меня было смерти подобно, поэтому параллельно с работой над церковным металлом я не прекращал исследовать и их. В частности, почти всем моим вниманием уже несколько лет прочно владеет демонит...

— Демонит? — Я наморщила лоб.

— Это народное название. Мне оно нравится куда больше безликого научного «Kaledann», — в глазах Антонио мелькнул огонёк. — В природе в чистом виде он не встречается нигде, и происхождение его продолжает оставаться загадкой. Но в Мире его по-прежнему очень много, поскольку именно из этого камня сложены знаменитые Гробницы Демонов, тайное значение которых тоже утеряно в веках...

— Anteverro's... — пробормотала я.

— Вы, Народ Ночи, зовёте их так.

Я вспомнила три каменных кургана на подъезде к Либрариуму.

— Ты изучал Вместилища Скверны в Еланевой Пади?

Ярош кивнул.

— Там и не только. Скажу сразу: вряд ли мои научные успехи можно было назвать значительными. Во всяком случае, я не продвинулся ни на йоту дальше, чем мои предшественники, а занимались Гробницами долго и серьёзно, наверное, с тех самых пор, как магия превратилась в науку...

— И какое отношение имеют курганы к агмариллу? — не выдержала я, чувствуя, что маг сел на любимого конька и повествование может затянуться.

— Странное... — Антонио слегка смутился, очевидно, догадавшись о причине моего нетерпения. — Столь же странное, как и они сами. Пытаясь нащупать связь между использованием агмарилла и появлением нежити, я бывал в разных местах: на Полудне и Закате, где Мечи Тьмы непрестанно боролись с тварями Тени и усмиряли Отвращённых... Близ Имперской столицы, не знавшей войны... И, наконец, осел здесь — на острие Полуночи, наблюдая за ходом эксперимента Магистра. Нежити близ Оплота и в самом деле не прибавлялось, хотя там, где дикий лес и крошечные поселения уступали места широким трактам и настоящим городам, её хватает с лихвой.

— Акрест, Полуночная Цитадель, — кивнул Альтар, подтверждая его слова. — Просьбы о подкреплении от них слышны в Рожерионе всё чаще...

— Вот. — Антонио с хрустом сломал в руках небольшую ветку. — Занимаясь этим вопросом, я вместе с тем использовал свободное время, вдоль и поперёк исследуя местные курганы везде, где бы ни был. Описывал, наблюдал, искал различия и сродство... И заметил одну деталь, весьма заинтересовавшую меня. Все знают, что камни, из которых сложены Гробницы Демонов, всегда тёплые, вне зависимости от сезона и погоды. И ещё известно, что температура у курганов не бывает постоянной — иногда они раскаляются едва ли не до того, что на них, как на валунах под пустынным солнцем, впору жарить шкварки. Иногда же тепло их еле чувствуется голой ладонью... Вот только почему так, до сих пор никто понять не смог.

— А ты, выходит, понял? — Я всё ещё не сообразила, при чём к рассказу Антонио агмарилл, но поневоле всерьёз заинтересовалась.

— Кажется, да, — без толики бахвальства произнёс маг. — Мне удалось заметить, что на тех землях, где активно воюют с нежитью или с Запретными Чарами, полагаясь, разумеется, на силу агмарилла, курганы гораздо горячее, чем в местах, где спокойно и агмарилл не в ходу. Я проверял свою догадку множество раз — так было всегда. Чем ближе и кровавее случалась битва — тем сильнее нагревался демонит, но в мирный период температура камня опять снижалась...

— И о чём это, по твоему, говорит? — прищурила я глаза, изо всех сил стараясь

поспевать за ходом его мыслей. — Получается, демонит чувствует «работу» агмарилла, так ведь? И реагирует на неё... Или нет?

— У меня нет ни одного веского доказательства, — грустно фыркнул Антонио. — Но если предположить... Шаэриэнн, ты ведь тоже магичка. Вспомни, какой формой обладают все без исключения курганы?

— Правильные квадраты... — до меня начало доходить. — Ты хочешь сказать, что они...

— Мне кажется, да. Подобная теория, о том что курганы — «собиратели» некоей силы — уже когда-то существовала. Её признали ошибочной, потому что силу, которую они теоретически могли «собирать», так и не удалось обнаружить. Но тогда ещё не знали агмарилла... Как орудие уничтожения — нежити ли, жизни — в момент своего применения агмарилл высвобождает нечто, густо замешанное на его собственных магических свойствах, эманациях смерти, разрушения... ох, не силён я в некромантии!... Очевидно, это и чувствуют Гробницы Демонов. И не просто чувствуют — впитывают, словно губки. А потом... потом, как и обычные собирающие иксограммы, куда-то эту силу транслируют... передают.

— Тень Безымянного!... — вырвалось у Альтара.

— Куда?! — ошеломлённо выдохнула я.

— Ну представь... — Антонио подхватил палочку и одним росчерком изобразил на снегу перед собой ровный квадратик не больше ладони. — Если «собиратель» такого размера может поглотить, к примеру, пару-тройку боевых заклятий, направив их в «приёмник», находящийся в трёх-четырёх днях конного пути... Логично представить, что у Гробниц, растыканных по всему Миру, такой «приёмник» может находиться где угодно...

— Седона!!!

Мы с Антонио едва не подскочили от громового рыка Карателя.

— Демоны! — Альтар обвёл нас безумными глазами. — Да где ж этой штуковине ещё быть, как не в этих проклятых Копях!... Псоглавцы, впусившие нас в самое сердце своей крошечной горной страны... Подарившие Империи агмарилловый прииск и разъяснившие несравнимые выгоды, которые он сулит!... Зачем? Во имя чего?! От страха, что их завоюют? Так они всё едино влились в Империю её крошечной провинцией... Если бы их вожаки просто вздумали придти под высокую руку Рожера, их взяли бы и так, безо всякого агмарилла...

— У вас с ними единые Боги... — заметила я.

— А так ли??

Каратель злобно прищурился.

— Да, стали едиными — когда волкоголовые спустились с гор и заявили об этом. Но неужели в Седонских горах точно так же, как у нас, строились Обители Богов с двумя порталами... украшались Светочем и Пламенем молитвенные стелы и алтари?...

— Ну... — неуверенно протянула я, — возможно, они отдавали дань уважения вашим Небесным Братьям как-то иначе...

Альтар развернулся ко мне.

— Ты — веришь в это?

Помедлив, я мотнула головой.

— Reirro'cabaess — очень скрытная раса. Мы почти ничего не знаем о них. А с вами они всего пятнадцать годов... Держу пари, вряд ли, когда псоглавцы двинулись в имперские

долины чтобы жить среди вас и прославлять ваших Богов, кто-то из людей в ответ предпочёл по доброй воле отправиться к ним в горы...

— Ты была в Седоне, — ощерился Каратель. — Кто лучше тебя понимает, о какой доброй воле может идти речь...

... Нет, лжи здесь места больше не оставалось.

Я заставила себя побороть последние сомнения, прежде чем ответить ему:

— Нет. Не была.

Глаза Карателя изумлённо расширились:

— А как же... ? Твои руки и... твой Ошейник?!

— Да вот так!... — выдохнула я сквозь зубы, отчаянно не желая вспоминать и в то же время не имея возможности отмолчаться. — Та осень была очень «урожайной» для вашей Цитадели — той, что в самом сердце Срединных земель... Молодые стражники очень спешили, стремясь поскорее доставить надсмотрщику на прииске сразу четверых каторжан из бывших колдунов — уже «готовеньких», окольцованных в кандалы и Ошейники. В скалистых предгорьях Седоны тюремная повозка, вихляющая по узким тропинкам, угодила под камнепад, столь же внезапный, сколь и неистовый...

Меня передёрнуло. До сих пор это был один из самых диких моих кошмаров...

— ... Погибнуть должны были все — и узники, и стража. Однако причудливая длань Судьбы всё же оставила искорку жизни в той, которая менее всех в ней нуждалась...

— Ты... выжила в камнепаде? — не своим голосом повторил Альтар.

Он не верил.

Я попыталась ухмыльнуться, но только скривилась.

— Представь себе, да... При том, что молила Теарра о смерти. Но — выжила. Выбралась из-под жутких завалов и, едва переставляя ноги, двинулась в путь.

— Куда??

— Неважно. Прочь от Седоны... По наитию забрала севернее, и, как вышло, оказалась права. Я смутно помню дорогу, но в пути решила, что раз я выжила — значит, Созидателю угодно дать мне шанс отплатить по счетам... За себя и за... братьев. Мне казалось, я шла очень долго... жевала ягоды и траву, где встречала воду, пила... Но всё же наступил момент, когда я больше не могла сделать ни шагу. Рухнула в изнеможении под каким-то кустом и решила, что ошиблась в планах Теарра относительно рекомой Shaertiaenne. Тут-то на меня и наткнулась Сибилла...

Я замолчала, с трудом переводя дух. У костра повисла тяжёлая, липкая тишина — оба мои спутника не шевелились и не сводили с меня глаз.

— Правда за правду, — горько пошутила я. — Теперь был мой черёд...

— Вот значит как...

Альтар проговорил это тихо, словно что-то решая в уме.

— Нам надо попасть в Седону.

— Ни за что! — Мне показалось, он рехнулся. — Слышишь?! Пусть меня сто, тысячу раз убьют — но пока я жива, я на драконий полёт не приближусь к Седоне!!! Вы же, если не терпится умереть, и умереть страшно — дерзайте, вперёд!

— Шаэ...

Я вздрогнула, как почти всякий редкий раз, когда Каратель обращался ко мне по имени... Это странное краткое — откуда он его взял?!

— Послушай... Ведь всё так или иначе сходится на псоглавцах и их проклятых горах.

Видят Боги, я не был там... — выдохнул Альтар, — ... и по доброй воле ни за что не стал бы соваться. Но если не Седонские горы, тогда — что?! Где, как не там, мы сможем отыскать ответы на наши вопросы? Если можешь, подскажи...

Усилием воли я подавила в душе злобу и ярость. Каратель не шутил и не ёрничал. И, Ashratt Daebbr, мне нечего было ни возразить ему, ни предложить взамен.

— Демоны с тобой!!!

Я подхватила с земли пригоршню снега и растёрла пылающее лицо.

— Ashratt и всё его хвостатое воинство на твою голову, Каратель! Я пойду с вами в Седону. Но только поклянись, что сам убьёшь меня прежде, чем нас схватят и швырнут в жерло рудника!...

— Клянусь тебе.

Без тени улыбки Альтар склонил передо мной голову.

— Что ж, — я рывком подхватила с плаща, на котором сидела, не имея больше сил продолжать этот безумный разговор. — В любом случае, в Седону мы двинемся не раньше, чем настанет рассвет. А пока ещё можно пожить...

Я подобрала с земли два своих меча и ступила было прочь из освещённого костром круга, когда снова заговорил Антонио, доселе только слушавший нас.

— Не стоит торопиться искать гибели, Альтар!... Седона, безусловно, ключ ко всему — но так просто нам туда не попасть. Нам нужна помощь — и помощь весомая: подручная магия в виде артефактов, хорошее оружие, а самое главное — надёжная легенда, прикрытая подорожными и верительными грамотами и связями с нужными людьми...

— Что ты задумал? — начал Альтар и осёкся на полуслове. Очевидно, он понял, что маг имел в виду, потому что успел добавить: — С ума сошёл?!

— Не больше, чем если бы рвался в Седону очертя голову, не имея всего этого. Более того. Если мы... скажем, не преуспеем — то, что мы знаем, не должно вместе с нами сгинуть без следа! На кону — будущее Империи... да будущее всего Мира, если то, что собирался найти мой отец, на самом деле существует!... — в голосе Антонио зазвучали совершенно нехарактерные для него металлические нотки. — Просперियो доверял ещё одному человеку, Альтар. Императору Рожеро Справедливому.

— Он говорил это, — признал Каратель.

— Тогда не мне тебя убеждать! Мы должны ехать в Рожерион! Тем более, наши враги меньше всего ожидают увидеть нас там, и это будет ещё одной маленькой победой...

— Да, но как ты себе это представляешь?! Мы даже не сможем попасть в город, не говоря уже о том, чтобы добиться аудиенции... — Альтар, казалось, был ошеломлён — не менее чем я несколько мгновений назад его сумасшедшим предложением.

— Предоставьте это мне, — уверенно проговорил Антонио. — Думаю, первое не будет слишком трудно. А там уже определимся и со вторым...

Альтар

С моим чёрно-алым плащом пришлось расстаться. В последний раз сбросив с плеч символ своей принадлежности к Ордену, с которым ранее не расставался ни зимой, ни летом, я спрятал его в дупле какого-то большого дерева аккурат перед тем, как мы впервые рискнули выбраться из леса на дорогу...

Без плаща было, в общем-то, терпимо — моя куртка сама по себе неплохо грела, да и дни пошли как на подбор спокойные и погожие; что касается ночной поры, то у костра тепла с успехом хватало от походного одеяла. Куда хуже было без меча. Клинок Брата Корима, заменивший мой собственный, полученный от Просперио, нашёл приют в том же дупле, что и плащ. Агмарилловый Меч Тьмы в руках простого человека — поистине, мало что могло бы выдать нас вернее...

Взамен пришлось взять у Шаэриэнн один из её клинков. Однако узкие прямые мечи самой судьбой были предназначены для того, чтобы биться парой. Моим же оружием всегда были тяжеловесные полутораручники, из тех, что единолично владеют вниманием и силой бойца и не терпят дополнений — ну, в самом крайнем случае смирятся с лёгким кинжалом... В итоге оба мы — и она, и я — чувствовали себя ущербно, и по недолгом размышлении я вернул эльфийке её меч, рассудив, что пусть лучше под рукой будут метательные ножи, от которых куда больше проку, если вдруг станет «горячо», тем более что последнего обстоятельства мы изо всех сил избегали.

И всё же, чем ближе мы продвигались к Рожериону, тем сложнее было продолжать ехать тайно, не попадаясь никому на глаза... Лес рассеивался и редел; власть от безраздельно царившей на Полуночи ели и сосны переходила к буку, дубу и грабу. Первозданную дремучую пушу понемногу начали вытеснять густые, но вполне себе проходимые боры и древостои, затем и вовсе замелькали охотничьи уголья каких-нибудь графов и баронов, перемежающиеся широкими чёрными лоскутами пахотных полей. Нам поневоле пришлось выбирать на тракт.

К этому времени я по настоянию своих спутников прекратил бриться, отчего от души зарос колючей чёрной щетиной и вовсе стал похожим на разбойника или провинциального наёмника. «Главное, что не похож на Карателя», — глубокомысленно произнесла Шаэриэнн, в довершение образа с помощью каких-то имеющихся в её распоряжении притирок и растительных порошков мастерски изобразив на моей левой скуле подобие кое-как зажившего старого шрама. Антонио целиком одобрил эльфийкины «художества», заявив, что, поскольку я в компании являюсь самым заметным, нужно постараться обратить это из безусловного вреда в пользу. Когда я поинтересовался, каким же образом это получится, Тонио сообщил, что теперь все, кто так или иначе будут меня видеть, прежде всего обратят внимание на шрам и запомнят его, в ущерб другим деталям моей внешности. Мне это утверждение показалось в высшей степени сомнительным, однако эльфа горячо поддержала мага, и я вынужден был согласиться.

Вообще, я успел заметить, что за время нашего пути Шаэриэнн и Антонио, похоже, поладили и весьма неплохо. Меня это не удивило — оба чародеи, им всегда находилось что обсудить на привале или о чём поговорить в сёдлах, коротая дорогу. То и дело, возвращаясь к костру с очередной охапкой хвороста или котлом воды, я заставал их или увлечённо расписывающими друг другу очередной магический приём, или жарко спорящими о недостатках и преимуществах какого-то особенного заклятья. Однажды, готовя кулеш, они так разошлись, что едва не угробили котелок и чуть не спалили одну из сумок с вещами...

Я не понимал доброй половины того, о чём в их беседах шла речь, и, разумеется, со своими репликами не лез — да это никому и не требовалось... Однако с неведомым доселе чувством просто молча наслаждался звучанием человеческих голосов с собой рядом, вытеснивших привычную и как мне казалось раньше, любимую мною в затяжных походах тишину.

Мы старались не ехать Имперским трактом, выбирая дороги попроще и понезаметнее, однако они, разумеется, тоже не пустовали. Близость Рожериона давала себя знать — люди шли и ехали в обе стороны, двигались подводы, гружёные всякой кладью, а городки и посёлки вдоль пути и вовсе росли грибной россыпью после дождя... Впрочем, здесь нам встречались не только люди. Чаще всего мы видели гномов — то пеших, то восседающих на своих маленьких низкорослых лошадках, то попросту копающихся в земле у домишек, выходящих к самому тракту. После эдикта Рожеро Мудреца, высоко ценившего оружейников и кузнецов Горного Народа, очень многие жители Рубии, терзаемой оползнями и камнепадами, предпочли переселиться на предоставленные им мирные земли близ имперской столицы и вдали от родных, но таких опасных гор...

Один раз мы обогнали пятёрку орков в полной боевой раскраске, угрюмо топающих в сторону Рожериона.

Были на тракте и эльфы.

Народ Ночи по своему обыкновению держался особняком. Две небольшие группы, встреченные нами в разное время, роднили глаза. Волчья настороженность пополам с ледяным презрением (которое, правда, они пытались скрывать, но выходило плохо) на самом деле маскировали страх. Эльфы вели себя очень тихо, они были прекрасно вооружены... но их было мало, и они здесь были чужими. Это ощущалось без труда. И в ответных взглядах людей — и даже тех самых орков и «имперских» гномов — напряжение и злоба читались без труда.

Неизвестно, что именно вело этих Рокка в имперскую столицу, но очевидно, что это была крайняя необходимость. Без неё эльфы в сердце империи старались не появляться — и, пожалуй, правильно поступали...

Война окончилась семь лет назад... но эльфов всё ещё помнили врагами.

Я аккуратно, не привлекая внимания, краем глаза покосился на Шаэриэнн, закутавшуюся в свой плащ так, что не видать было даже кончика носа. Хмурая и непривычно молчаливая в такие мгновения, она почему-то напоминала мне воробья, нахохлившегося под дождём. Или мальчишку-подростка...

Нашего, человеческого.

Я вдруг поймал себя на мысли, что уже довольно давно совершенно не воспринимаю её как эльфийку. А ведь во время нашей первой встречи... той самой, возле бани у несостоявшегося кострища, готов был её убить.

Что и говорить, жизнь иногда горазда на странные фокусы — куда там бродячему цирку...

За припасами и фуражом Антонио наведалься один. Мы ожидали его в лесу на изрядном расстоянии от посёлка: меня могла выдать случайная встреча, а эльфийка, путешествующая в одиночку, а уж тем более в компании с человеком, тоже была бы прекрасным объектом для подозрений.

Тонио к задаче подошёл творчески — он принёс всё и даже больше. Мы с Шаэриэнн не сдержали удивлённых возгласов, когда благополучно вернувшийся маг бережно развернул потёртый дорожный плащ неопределённого тёмного цвета, извлекая из его складок меч.

— Это тебе, Альтар, — пояснил он. — Только с деньгами у нас теперь туговато... Пришлось отдать оружейнику две дюжины имперских — почти всё, что было...

— Две дюжины имперцев?! — я протянул руку, принимая меч. — Дай посмотрю... Да за такие деньги его должен был ковать сам Крайн Золотой Топор, не иначе!...

Увы, Крайном там и не пахло. Меч был скверный: шаткая крестовина, грубая заточка, неважный баланс... Мне вспомнился старый клинок, принадлежавший Шаэриэнн в ту пору, когда она проживала близ лесной деревеньки... ну, тот и вовсе нельзя было назвать оружием. А этот меч всё же куда-нибудь да сгодился бы — хотя лучшее применение ему, на мой не слишком изобретательный взгляд, было плашмя огреть зазевавшегося врага по башке. И то рукоятью...

— Я, конечно, не мастер выбирать мечи... — очевидно, Антонио прочитал что-то на моём лице. — Но это лучшее, что имелось у местного кузнеца. А когда мы будем входить в Рожерион, пусть лучше у тебя будет хоть какой-то меч, чем совсем никакого...

— Почему? — спросил я.

И едва не сразу же сам сообразил ответ, подивившись собственной глупости.

— Ты же наёмник, — Тонио пожал плечами. — А что же это за наёмник без меча?

Демоны!... Маг был сто раз прав. Наёмник с пустыми ножнами наверняка бы вызвал у городской стражи ненужный интерес.

Однако меч наёмника — залог его жизни. Мало-мальски толковый стражник, рассмотрев этот, никогда не поверит, что найдётся остолоп, доверяющий в бою такому паршивому оружию...

— Хотя бы твои две дюжины имперцев себя оправдали... — проворчал я, засовывая клинок в ножны за спину, стараясь при этом, чтобы на виду оставался один лишь черенок.

Ну, по крайней мере, он полутораручный. И на том спасибо...

В город мы вступили порознь. Рио я заранее устроил на постой в одной из маленьких гостиниц в предместье и теперь, следуя заранее обговоренному плану, изображал вольного искателя удачи с окраин, в силу Боги весть какой прихоти судьбы подавшегося в столицу. Здесь такой публикой никого было не удивить. Стража у ворот, приняв у меня положенную мзду, лишь лениво наказала соблюдать правопорядок и закон, и тут же потеряла ко мне интерес, переключившись на купеческий обоз, что сулил куда более жирный куш, чем безвестный бродяга...

Горшечные Врата остались за моей спиной, и я с головой окунулся в многолюдные суетливо-размеренные будни ремесленных кварталов. Здесь Рожерион встречал меня запахами дублёных кож, дыма и прогорклого масла, скрежетом гончарных кругов и звоном железа на наковальнях, кашицей снега на каменных мостовых, растоптанной в грязь башмаками торопящихся по своим делам работяг... Из всех восьми Врат, ведущих в имперскую столицу, я специально выбрал именно Горшечные. Квартал ремесленников-средняков, шумный, занятой и деловито-спокойный, служил лучшим убежищем для Карателя-без-плаща, не желающего быть раскрытым. Храм и Цитадель находились в противоположных концах города и одинаково далеко отсюда — так же, как и громада Мраморного Дворца, Парадная Площадь, ратуша, особняки знати... Шанс наткнуться на знакомое лицо был невелик, тем паче, что в столице я всё же бывал нечасто и никогда не задерживался надолго. И тем не менее, не стоило искушать судьбу...

Я полюбовался выставленным на продажу оружием, держась подальше от знакомых лавок и казармы стражников, вонзил зубы в румяное яблоко, купленное за медяк у пробежавшего мимо с корзинкой бойкого сорванца и, едва солнце на безоблачном зимнем небе сделало попытку приблизиться к зениту, неспешно двинулся кривыми улочками в сторону Осиного рынка.

Народу на базаре было много, как всегда в эту пору, но Шаэриэнн я заметил почти

сразу. Она стояла у прилавков, заваленных всякими амулетами, порошками в тряпицах и охапками сушёной травы. В своём латаном кожухе и толстом шерстяном платке, повязанном поверх головы на крестьянский манер, ловко прикрывая лицо, словно от холодного ветра, она совершенно не отличалась от большинства женщин, в основном — служанок и кухарок, привыкших делать здесь покупки.

Я незаметно перевёл дыхание — эльфийке попасть в город, не привлекая лишнего внимания, было сложнее всего.

Вначале нам с Антонио её идея показалась безумной... Но в итоге ничего лучше мы придумать так и не смогли. Потому осталось смириться с тем, что Шаэриэнн въехала в Рожерион на повозке бродячего цирка, заплатив тощему, как щепка, жердю-вознице три золотые монеты, что оставались после покупки меча. Расчёт был на то, что цирк, в труппе которого имелся полурослик, довольно нелепо изображающий карлика, два орка-силача и фокусник гном, мало будут волновать причины, по которым эльфийская лекарка пожелала остаться «в тени». По счастью, так и оказалось...

Или... не так?!

Я уже шёл в сторону эльфийки, когда внезапно заметил, что около Шаэриэнн вовсю увивается давешний тощий жердю, от души расфуфырив изрядно повыщипанные перья... Только теперь при нём была лютня — он так размахивал ею по сторонам, вдохновенно плетя какие-то небылицы, что торговка, у которой колдунья выбирала травы, уже неодобрительно косилась на него, опасаясь, что не ровен час разобьёт что-нибудь на прилавке... К тому же непонятного цвета паклю на его голове украшала аляповатая беретка с пером, очевидно, призванная заявлять всем, что перед ними бард. Зимним днём она смотрелась исключительно нелепо — оттопыренные уши «барда» давно уже прихватило морозцем, но он с завидной стойкостью делал вид, что стужа не помеха настоящему искусству, с сальной улыбочкой склонившись едва ли не к самой эльфийкиной щеке...

Впрочем, Шаэриэнн, похоже, ничего не имела против. Во всяком случае, окопесу, которую нёс «бард», она слушала весьма и весьма благосклонно... В какой-то момент до меня даже донёлся её тихий смех, похожий на перезвон серебряных колокольчиков.

Я сжал кулаки и сделал шаг навстречу.

— Проблемы?...

Бард замолк на полуслове и «сдулся» на глазах: я был на голову выше и несоизмеримо крупнее. Да и поганый меч за моей спиной, думаю, он навряд ли мог отличить от настоящего толкового...

Эльфа наконец подняла глаза от прилавка.

— Нет, что ты!... Здравствуй, милый... — кокетливым жестом перекинув на локоть свою почти пустую корзинку, она повисла у меня на руке.

— Что тебе ну... — обречённо пискнул «поэт».

— Если я надену эту бандуру тебе на голову, она сможет играть? — хмуро поинтересовался я.

Бард мудро решил не дожидаться, пока я это проверю.

— Фи... Альтар!

Шаэриэнн скривила губы, проводив глазами незадачливого кавалера, с завидной скоростью скрывавшегося за углом.

— Вернуть? — буркнул я, не глядя на неё.

— Да ладно... Пусть.

Фыркнув, как кошка, эльфийка потянула меня за собой вдоль ряда прилавков.

— И, между прочим, это была лютня... — с ехидцей заметила она.

— Я это знаю. Между прочим...

Вот же!...

Сам не ожидал, что это меня так заденет... Но, демоны — эти остроухие вечно привыкли думать...

— ... что они самые умные.

Я остановился и посмотрел ей в глаза.

Эльфийка улыбалась.

— У тебя всё написано на лице, — пояснила она.

Я нахмурился.

Читает, видите ли, по лицам...

— Ты зачем его с собой притащила?

— Я?! — её глаза удивлённо расширились. — Да что я, совсем уже?! Я спрыгнула с их телеги, едва мы миновали ворота... Кто же знал, что этому парню тоже что-то понадобится на рынке...

— Не «что-то», а «кто-то», — не удержался я. — Да он выследил тебя! Неужели не понимаешь? А ты и рада стараться, уши распустила...

Рука Шаэриэнн соскользнула с моего локтя.

— У тебя недурно получается быть грубияном, — ледяным тоном заметила она.

Я швырнул огрызок яблока в сточную канаву и брякнул:

— А вот тебе совсем не идёт вертеть хвостом...

Глаза эльфийки сжались в узенькие щёлочки. Она была в ярости. Но ответить не успела.

— Эй!...

Мы, не сговариваясь, одновременно повернули головы.

Антонио должен был появиться в столице вместе с группой вездесущих студиозусов, с лёгкостью признавших в нём одного из своих... Сейчас он легонько махал нам рукой, стоя около большой бички с тыквой.

Не глядя друг на друга, мы с Шаэриэнн двинулись вдоль прилавков, высматривая в их очереди переход на соседний ряд.

— Что? — не на шутку встревожился Тонио, разглядев наконец вблизи наши постные физиономии. — Что-то случилось, да??

— Всё хорошо! — в один голос выпалили мы.

Маг ещё раз внимательно смерил нас взглядом, качнул головой, одновременно переводя дух, но развивать эту тему не стал. Только сказал:

— Нас уже ждут... — и, сделав знак следовать за собой, направился к выходу с Осинового рынка, за которым вплотную друг к дружке выстраивалась очередь жилых домов.

Мы молча направились следом.

Шаэриэнн

Друга детства Антонио звали Энцо. Это был приятный молодой человек с простоватыми, но обаятельными чертами, высокий, худощавый и, очевидно, в силу этого немного сутулый. Хотя они с магом были ровесниками, залысины на высоком лбу и очки с

толстыми стёклами заметно прибавляли ему лет, заставляя выглядеть солиднее и старше. Однако самым главным было то, что являлся он ни много ни мало — главным помощником ведущего стряпчего в Канцелярии Императора... И, по словам Антонио, превосходно умел держать язык за зубами.

Вряд ли жалование канцелярского служащего располагало к роскоши и мотовству, однако его всё же хватало на съём крошечного домика на одной из столичных окраин. И хватало, судя по всему, впритык — жил Энцо очень скромно, на грани бедности. Но, хотя в его жилище не было ни одной лишней вещи или предмета обихода, во всём чувствовался уют и образцовый порядок. По пути сюда Антонио обмолвился, что живёт его друг один, но едва мы переступили порог, мне сразу стало понятно, что к созданию подобной обстановки просто не могла не приложить усилий женская рука. Если возлюбленная Энцо и не жила с ним, то, очевидно, довольно часто навещалась в гости... Я отметила про себя, что нужно будет, улучив момент, обратить на это внимание мага — в своём друге он был уверен, а вот встреча с его дамой в наши планы не входила.

Принял нас Энцо радушно. Думаю, перед тем, как появиться на базаре, Антонио успел побывать у друга и кое-что ему пояснить. Во всяком случае, факт того, что я «эльфа», совершенно его не насторожил и не смутил, вопреки моим ожиданиям.

Но вот когда следом за мной появился Альтар, у парня натуральным образом полезли на лоб глаза... Я, признаться, тоже опешила — со щетиной и шрамом на щеке Каратель, безусловно, выглядел довольно лихо, однако здесь, среди столичной бедноты, подобной публики хватало в избытке.

Антонио, представлявший нас, тоже замолк на полуслове. Возникла странная немая сцена. Пробормотав какие-то извинения, Энцо смутился, и, запинаясь, поинтересовался у Карателя, не встречались ли они ранее...

Мгновение подумав, Альтар решительно покачал головой: этого человека он не знал. Я уже успела убедиться, что на память Карателя можно полагаться с уверенностью. Энцо, скорее всего, ошибся, приняв его за кого-то другого.

Видимо, он тоже так подумал, потому как смутился ещё больше и поторопился усадить нас к столу, на который выставил, должно быть, всю снедь, что имелась в доме. Не желая объедать хозяина, мы достали из сумок остатки припасов, что брали с собой в дорогу. Энцо разлил по кружкам горячий чай, и мы приступили к позднему завтраку, после которого предстояло обсудить дальнейшие планы.

Хозяин дома без лишних слов согласился предоставить нам кров на то время, которое нам придётся провести в столице и сохранить в тайне наше пребывание здесь.

— Мой дом — в вашем полном распоряжении, — он широким жестом повёл вокруг себя рукой. — Многого, увы, предложить не могу... Но всем, что видите, пользуйтесь, как своим. Ты ведь знаешь, Тонио: твои друзья — это мои друзья...

— А как к этому отнесётся твоя дама? — осторожно спросил Антонио.

— Мариэтт?... — Брови Энцо удивлённо вскинулись вверх, но он быстро сообразил, как друг догадался. — О нет, не волнуйтесь... Это моя невеста. Визит друга детства я смогу ей объяснить. К тому же сейчас мы почти не видимся... Видишь ли, Мари белошвейка и живёт в Мраморном Дворце. Ныне покойная Императрица, Её Величество Селесте, три года назад забрала её ко двору из Бискайи, впечатлившись её мастерством... — не сдержавшись, похвалился он. — Там мы и познакомились. Сейчас, в преддверии Бала Начала Весны, у неё прорва работы...

— Это ещё не всё, о чём мы хотим попросить тебя, Энцо, — вздохнул Антонио.

— Чем могу... — улыбнулся тот.

Однако узнав о том, что мы рассчитываем на тайную аудиенцию у самого Императора, он посерьёзней и крепко задумался.

— Я был бы очень рад вам помочь... — Когда он вновь заговорил, голос его звучал виновато. — Но как это устроить, даже не представляю. Конечно, всеми прошениями, поданными на имя Императора, занимается Канцелярия, и именно мы отбираем тех, кто удостоится высокой чести предстать перед Императором лично. Но ни о какой персональной аудиенции здесь и речи не идёт... На третий день каждой лунной четверти Рожеро Справедливый принимает посетителей в Солнечной Зале Мраморного Дворца. Это означает прорву народу... Кроме Его Величества там, как правило, присутствуют члены Совета, Верховный Жрец и Верховный Магистр, едва ли не треть Канцелярии... Это не говоря уже об охране и самих просителях, которых, несмотря на все наши усилия, редкий раз собирается менее полусотни... Так что сами видите — этот вариант не годится.

— Что же тогда? — Антонио невесело хмыкнул. — Быть может, нам стоит попытаться испросить аудиенции письменно?

— Передать послание? — Энцо прищурил глаза. — Это, наверное, можно было бы устроить. Но... Тоже не без проблем. Мой ранг, к сожалению, не настолько высок, чтобы я сам мог пробиться в Императорский кабинет. Как ни крути, бумагу мне придётся передавать через третьи руки. Что-то при этом объяснять... И даже если я буду уверен в человеке, которого попрошу об этой услуге, никто не даст гарантии, что это не привлечёт ничего внимания или...

— ... что письмо попросту не перехватят! Одумайтесь!... — Я покачала головой, с укоризной взглянув на Антонио и Альтара. — Как мы можем доверить бумаге то, о чём даже тяжело решиться говорить с глазу на глаз...

— Я не то имел в виду... — Антонио отвёл взгляд. — Ну, то есть... Письмо, конечно же, не будет содержать детали. А лишь просьбу принять нас, со ссылкой на... Скажем, на того, кто направил нас к Его Величеству.

— Ну и ты можешь себе представить, что будет, попади эта бумага не в те руки?! — Сама того не замечая, я повысила голос. — Ты думаешь, те, кто заварил такую кашу, пропустят даже тень такого намёка мимо ушей? Да Энцо найдут в два счёта! А нас — в три! Тогда уж проще явиться в Императорскую приёмную и в открытую выступить на глазах у той самой толпы... Интересно, как долго мы после этого проживём?!

— Ко всему, ещё должен сказать: что бы вы ни придумали, времени у вас немного, — Энцо виновато пожал плечами. — Сейчас ещё куда ни шло, пока Рожеро Справедливый занят подготовкой к Балу... Но, как только празднества завершатся, начнутся заседания Малого Совета по подготовке и утверждению законов, которые будут длиться луну, а то и больше. Вот тогда застать Императора станет практически невозможно. Даже обязательные встречи с подданными на этот период упразднят...

— Что же делать? — Я перевела взгляд с Антонио на мрачно молчащего Альтара.

— Не представляю, — признался маг. — Вся надежда, друг мой, если честно, была на тебя...

— А этот Бал... — Я в смятении замолкла. — Это... что-то значительное?

— Ещё бы! — Во взгляде Энцо скользнуло недоумение — должно быть, он считал это очевидным. — Первый Бал в честь наступления весны, он знаменует начало нового года...

Празднества продлятся почти четверть. Знать съезжается со всех концов государства, столица которой день стоит на ушах...

Внезапно скользнувшая мысль была настолько нелепой, что было трудно даже внятно сформулировать её.

— А если... — я прочистила горло. — Что, если попробовать попасть на празднества под видом... дворцовых слуг? Для обеспечения торжеств такого масштаба их наверняка понадобится много. Вряд ли дворец сможет обойтись своими силами, не нанимая никого со стороны...

— Не получится, — Энцо тут же покачал головой. — Во-первых, слуги уже давно наняты — с этим никогда не ждут до последнего. Во-вторых, непосредственно при Императорском семействе и знатных господах будет задействован, разумеется, лишь проверенный и вышколенный дворцовый персонал — людям со стороны, как правило, доверяют только подсобные работы... Есть ещё и в-третьих. Всё, что касается обслуживания Бала, находится в руках дворцового управителя. Канцелярия не по той части — мы занимаемся гостями. Ведём учёт, выписываем приглашения...

Взгляд его снова остановился на Альтаре.

— Боги-Братья!... — внезапно вырвалось у него.

— Что?! — в один голос выпалили мы с магом, дивясь тому, как внезапно изменился его голос.

— К... кажется... — от волнения друг Антонио даже принялся заикаться. — По-моему, я понял, как вам помочь!

* * *

— Нет!!!

— Альтар! — Я возмущённо уставилась на Карателя. — Ну почему? Почему? А?!

— Не пори горячку, послушай... — начал Антонио, но рык Карателя перебил нас обоих.

— Нет, я сказал! Бред всё это...

— Отчего же бред? — обиделся Энцо. — Я бы не говорил, если б не был уверен... Ты очень... Очень на него похож. Только вот этот шрам...

— Это как раз легко исправить.

Я смочила платок в графине с водой и протянула Карателю; он сердито отмахнулся.

— Я только теперь это понял!... — глаза Энцо лихорадочно блестели. — Это же надо! Вас ведь почти не отличить... Он, кажется, немного тебя моложе... Но его не видели в столице уже несколько лет. И если ты побреешься...

— Демоны! — рявкнул Альтар. — Ищем другой вариант!...

— Да что здесь такого, в конце концов... — начала я и осеклась.

Свет и Тьма!...

Как же причудливо порой Судьба тасует карты!

— Нет другого варианта, Альтар. — Я поймала его взгляд, полный ярости и... боли. — Послушай... Я понимаю...

— Не думаю, — он зло сверкнул глазами.

— ... Я понимаю, что переступить через себя нелегко. Но мне тоже пришлось это сделать. Тогда тоже не нашлось другого варианта — ты сам указал мне на это там, у лесного

костра. И вот, я иду с вами — туда, где не хотела бы оказаться даже в самом страшном сне... Я наступила на свой страх. Тебе остаётся наступить на свою гордость. Иначе у нас ничего не выйдет...

Каратель отвёл глаза и замолчал. Я не торопила его, остальные, впрочем, тоже. Тем более, я знала, что он скажет, когда заговорит... Ведь он не сможет иначе.

— Прости, Энцо.

Друг Антонио хмыкнул.

— Пустое...

— Ты прав... — вынужден был признать Альтар. — Ты действительно хочешь помочь, и то, что ты придумал, может сработать. Во всяком случае, если я действительно смогу увидеть Императора... это себя оправдывает. Но ведь на Балу будут те, кто действительно... знает. Их навряд ли получится обмануть.

— Я же тебе говорю: сходство у вас и в самом деле потрясающее... А в Рожерионе молодого герцога не видели больше трёх лет... — Энцо снял и протёр очки. — Он и раньше не слишком-то жаловал столицу. Как и его отец — старый герцог тоже предпочитает отсиживаться в их фамильном гнезде близ границы...

От меня не укрылось, что рука Альтара, лежащая на столе, слегка дрогнула.

— Живут они уединённо, гостей не жалуют... — ничего не замечая, продолжал рассказывать Энцо. — Недоброжелатели герцога и его наследника при дворе говорят, что с эльфами... прости, Шаэриэнн... у них куда лучшие отношения, чем с соседями-людьми.

— А где гарантия, что герцог не приедет на Бал и в этот раз? — спросила я. — Вдруг что ему стукнет в голову... Как тогда объяснить, отчего их окажется двое?

— Не приедет, — уверенно сказал друг Антонио. — Приглашение, предназначенное ему, получит Альтар, это я обеспечу. И ты, Шаэриэнн...

— Я?! — мне показалось, я ослышалась. — А ничего, что я... не человек? Вот это уж точно не могут не заметить...

— И не нужно. — Энцо бросил на меня хитрый взгляд. — В минувшем году молодой герцог женился. Вряд ли этот брак освящён церковью, но приглашение по приказу моего старшего я готовил лично, для него и супруги. Её Светлости Дэйдрэ Ад Аллизеа Эн Деарра Лаэританнэ... — имя он выговорил на человеческий лад, но без малейшей запинки. — Поговаривают даже, что у них родилось дитя... хотя это, разумеется, не может быть правдой.

— Может... — неохотно подтвердила я.

Антонио уставился на меня с нескрываемым изумлением.

— Шаэриэнн... но ведь полуэльфов не бывает.

— Бывают, — мне не хотелось касаться этой темы, но я чувствовала, что Антонио теперь не отстанет. — Это случается редко. Исключительно... А если принять во внимание, что союз Росса с человеком и без того явление из ряда вон... Большинство из этого «меньшинства» бесплодны, конечно. Но иногда дети всё же появляются. Говорят, что это возможно лишь тогда, когда мужчину и женщину разных кровей связывает истинное чувство. Та самая Любовь, о которой слагают песни и придумывают легенды... Сильная, чистая и настоящая. Это и среди пар одной расы редко где встретишь... — я невесело хмыкнула. — Оттого и потомки смешанных кровей... почти не встречаются.

Похоже, мне действительно удалось удивить нашего учёного.

— Ладно, оставим в покое научный интерес... — я дёрнула уголком губы и

повернулась к Энцо. — Твоя правда. Думаю, что эту Daiedree точно никто из присутствующих не может знать... Так что, выходит, что мы сможем подобраться к Императору вдвоём?

— Именно, — подтвердил стряпчий.

— А мне как быть? — Антонио перевёл на друга взгляд.

— Прости, друг, — Энцо покачал головой, — но с тобой сложнее. Похоже, тебе придётся остаться. Если бы даже я и мог что-то придумать с приглашением... Магическая стража на входе незаметно проверяет подлинность личности всех представителей знатных фамилий с помощью старой, но надёжной словесной формулы крови. И если кровь в жилах течёт не та, сразу станет понятно, что ты не тот, за кого себя выдаёшь... Ой!... — внезапно осёкся он. — Альтар!... Я совершенно упустил это из виду. Демоны!!! Ничего у нас не выйдет...

— Выйдет, — отворачиваясь к окну, буркнул Каратель.

— Но магию крови нельзя обмануть... — заикнулся Энцо.

— Говорю тебе, об этом не тревожься. — Альтар постарался говорить мягче, но раздражение скрыл с трудом. — Самое главное, чтобы у них не было повода придраться к приглашениям. И есть ещё целый ряд деталей...

— Детали ещё обсудим, — друг Тонио поднялся из-за стола. — А приглашения я принесу уже сегодняшним вечером, когда вернусь со службы. Они будут самые настоящие, не изволь сомневаться. Только не забудьте, что теперь вы будете...

— Daiedree Aed Aellisaea En Dearrann L'laerithanne, — послушно повторила я.

— Алишер Витар Кристофер Ар Кэррайн, герцог Вартасса. Спасибо, Энцо. — Альтар поднялся с дивана и вышел из комнаты.

Друг Антонио проводил его задумчивым взглядом. А затем повернулся ко мне и магу.

— Я не называл полное имя герцога Вартасса... — совсем тихо заметил он.

— В этом не было нужды, Энцо, — так же негромко ответила я. — Это имя и так слишком хорошо ему известно...

* * *

Спальная комната в доме Энцо была всего одна — она же по совместительству являлась и рабочим кабинетом, и залой. Там расположились мужчины; в моё же владение предоставили мансарду. Отдельную!... И для меня не имело никакого значения ни то, что в ней едва хватало места для тюфяка, застеленного стареньким, но чистым постельным бельём, ни наличие кусачих сквознячков, то и дело пробивающихся сквозь законопаченные щели...

Первое, что я сделала, поднявшись «к себе» — втащила наверх ведро воды из сеней и основательно вымылась. Как давно я мечтала о такой возможности — словами не передать... После, с наслаждением натянув на чистое тело запасные штаны и рубашку из вещевого мешка и расчесав волосы, я долго и тщательно перестирывала одежду, краем уха прислушиваясь к звучащим внизу голосам.

Впрочем, разговор в комнате вскоре прекратился и стало совсем тихо. Только ветер то и дело бросал в крошечное окошко пригоршни мелкого снежка — так, словно назойливый кавалер, прячась во дворе, битый час тщился привлечь внимание своей дамы, но та всё никак

не желала к нему выходить...

Я развесила вещи сушиться здесь же, над постелью, натянув верёвку вдоль поддерживающих крышу стропил. Покончив со всеми делами, спустилась вниз, стараясь не слишком грохотать ведром по ступенькам шаткой лестницы. Если мои спутники решили отдохнуть, не стоило их будить.

У лестницы в сенях стояла моя корзинка. Задержав на ней взгляд, я вспомнила о травах, прикупленных мною утром на Осинном рынке. Да, пожалуй, сейчас было самое время заняться ими — вот нынче вечером и заготовлю, что собиралась...

Прихватив перевязанный ниткой растрёпанный пучок, я вышла в кухню и сразу же наткнулась на Альтара, полирующего меч. Он поднял голову, одарил меня хмурым взглядом, и, недвусмысленно сжав губы, вернулся к своему монотонному занятию.

Что бы он там себе ни думал, мог расслабиться: я пришла сюда не для болтовни, а по делу... Я молча прошла мимо него к полке с посудой, прибитой над столом, присматривая кастрюльку или миску подходящего размера. Таковая нашлась, но, на мою беду хозяин, очевидно, ею почти не пользовался. С сожалением окинув взглядом самый высокий ярус полки — под потолком, я привстала на цыпочки, хотя уже и так поняла, что моего роста никак не хватит... Повернулась, чтобы оглядеть кухню в поисках табуретки — и чуть было не вскрикнула, едва не уткнувшись носом Карателю в грудь.

Потянувшись, Альтар безошибочно снял с полки нужную мне посудинку и поставил на стол. Выходит, следил за мной... Я подняла глаза. Его взгляд застыл на пучке травы, который я сжимала в руках.

— Извини...

— Ты о чём? — я даже не сразу сообразила, в чём дело.

— Там, на базаре... Я вёл себя, как идиот, — нехотя признал Каратель, возвращаясь к своему мечу.

— А-а... — протянула я, просто чтобы что-то сказать.

Уже и забыла об этом... По правде говоря, дурачок, возомнивший себя поэтом, к моменту появления Альтара успел мне изрядно поднадоесть. Нет, баллада на *Rossa'lienquaа*, да ещё старинном наречии, которой он пытался меня впечатлить, в его устах и впрямь звучала презабавнейшим образом, но я уже готова была просто сбежать, чтобы отделаться от его назойливого внимания. Появление злобного наёмника рядом лишь сыграло мне на руку, позволив легко и натурально оборвать затянувшийся «спектакль»... хотя Альтар и вправду слишком уж увлёкся ролью. Впрочем...

— Ладно, чепуха... — Острым ножом срезав нитку, я разложила травы на столе. Проверила, есть ли в котелке вода, и сунула его греться в печь за заслонку. — А Антонио где? Спит?

— Пошёл навестить знакомого ювелира, — Альтар снова провёл по лезвию промасленной тряпкой. — Хочет забрать какие-то камни, которые оставлял ему на хранение... Меня с собой не взял.

Я хмыкнула, снимая деревянный пест с гвоздика на стене.

— Надеюсь, он знает, что делает.

Альтар не ответил, и на кухне снова воцарилось молчание. Я сосредоточилась на травах, тщательно перетирая их в миске. Неяркий зимний день потихоньку клонился к вечеру, и пятна света от зажжённых на столе и на подоконнике масляных ламп становились всё заметнее и ярче.

Я думала, что, закончив с мечом, Каратель покинет кухню, но следом он с тем же монотонным тщанием занялся метательными ножами. Мои руки точно так же продолжали выполнять привычную им работу, оставляя мыслям полную волю... И каким бы бесконечным многообразием ни пестрели астральные дороги — готова поспорить, наши мысли, имея они тела, давным давно уже столкнулись бы лбами на одной из них...

... Выходит, он герцогский сын.

Я давно поняла, что Альтар не простолюдин — ещё до того, как довелось услышать его полное имя. Это сложно пояснить, но... Манера речи, некий внутренний стержень, умение держать себя — то, чего не достигнуть одной лишь сметливой хваткой выбившегося «в люди» бедняка или жизненным опытом простого, даже очень хорошего солдата. Однако, признаться, я полагала его незаконным отпрыском барона или графа. Но чтоб так...

Ох, и память же у Энцо! Профессиональное, не иначе... Фамилию Ар Кэррайнов я, к отличию от него, с ходу вспомнить не сумела — не могу похвастаться тем, что хорошо знаю человеческие владетельные дома. Но вот Вартасс — другое дело... Сильный дальний сосед Долины, разумеется, был мне прекрасно известен. Собственно, граничил он не с самой Aellthae, а с широкой полосой Вольницы, официально считающейся свободной землёй, хоть и под рукой Собрания Созвездий и короля.

Я слыхала, как наши старейшины между собой называют вартасского герцога «Kaiell'a Dikxeimte Feinarr» — «Лисом С Волчьей Хваткой»... Ещё до Последней Войны Вартасс подмял под себя значительную и очень лакомую часть Вольницы, но мастерски избежал тогда военного конфликта, сыграв на нарастающем противостоянии между нами и Империей и череде сумятиц внутри самого Собрания. Тогда выступить ещё не решились... а потом время было безнадежно упущено.

... В каземате Орденской Цитадели, ожидая переправки в Седону, слышала я и другое, в обрывках разговоров тюремщиков и слухов, проникающих с воли. Что это именно он, герцог Вартасса, убедил своего Императора остановить кровавое шествие победителей по землям Aellthae и затем активно посредничал в мирных переговорах, положивших конец Последней Войне. Вассальный договор с Империей людей — вошедший в историю Вартасский мир — спас бессчётное количество жизней и одновременно безжалостно стёр свободную Долину Росса с политической карты...

Герцог Вартасса — отец Альтара.

Аласдайра Таргоса ар Кэррайна, прорубающего себе нелёгкую дорогу в жизни остриём меча Орденского Карателя... А также отец «молодого герцога» — того, которого зовут Алишер.

У них ведь даже имена похожи...

— Насколько он младше тебя?

Ночь!!!

И кто только дёргает меня за язык...

Я тут же осеклась, кляня себя за несдержанность — меньше всего хотела беречь открытую рану. Но Альтар почти сразу же ответил — будто бы и вправду ждал, пока я спрошу:

— На семь лет. Крис родился, когда на это уже почти не было надежды...

— Крис? — снова вырвалось у меня.

Альтар кивнул, не поднимая головы.

— Его так звали в детстве. «Ал» был я... До тех пор, пока не отбыл в Орден.

Пестик на мгновение замер в моих руках. Лишь на мгновение — я заставила себя продолжить работу, как ни в чём не бывало. Но внезапно со всей ясностью поняла, насколько ему сейчас нужен этот разговор... Только вот как не разорвать эту хрупкую, едва заметную нить? Не сделать ненароком неверного шага...

— Ты... уехал уже взрослым?

Кажется, не ошиблась. Каратель снова кивнул, проверив в свете лампы безупречную полировку ножа.

— В двенадцать.

— Почему?

Он наконец оставил нож в покое и поднял на меня глаза.

— Шаэриэнн... Поверь, это не самая весёлая история. И, увы, не самая интересная...

— Он вдруг криво усмехнулся. — Вот скажи, надо оно тебе?...

«Надо!» — хотелось выкрикнуть мне. — «Только тебе, а не мне... Неужели не понимаешь?!»

Но я лишь аккуратно отставила в сторону свою посуду и опёрлась бедром на угол стола, вытирая руки о край полотенца.

— Знаешь, у меня длинные уши... — Я постаралась скопировать тон, которым он задал вопрос. — Это, по идее, говорит в пользу того, что слушать я умею. И не только весёлые истории со счастливыми концами... А надо мне оно или нет — это решай сам.

Альтар легонько хмыкнул, на миг окинув меня странным взглядом... Я так и не успела уловить, что именно в нём промелькнуло. И начал просто, минуя предисловия:

— Крис очень тяжело достался родителям... Герцог... очень любил свою жену. Герцогиня Ридда была необыкновенной... Прекрасной, словно фарфоровая статуэтка — но, к несчастью, такой же болезненной и хрупкой. Лучшие лекари до хрипоты спорили о причинах хворей герцогини и о том, как их лечить, но сходились в одном: дитя она не родит. Никогда... И потому герцог, отчаявшись иметь законного наследника, взял в замок своего бастарда, которого за два года до женитьбы на леди Ридде родила ему дочь рыбака с Побережья...

Он замолчал на какое-то время. Пауза чуть затянулась, и я решила, что он больше не будет говорить, однако Альтар просто собирался с мыслями.

— Леди Ридда понимала, что не в её силах что-то изменить. И что у герцога действительно не было иного выхода. Она смирилась с присутствием в доме сына мужа от другой женщины, и... и даже старалась относиться к нему неплохо. — Я заметила, как Альтар запнулся, подбирая слова. — Но никто не мог обязать её его любить...

— А родная мать... мальчика? — осторожно спросила я, поддерживая желание Альтара вести рассказ о себе в третьем лице.

— Умерла, когда мне не было и года. — Каратель сверкнул глазами, очевидно, ошибочно решив, что я увидела в этом проявление малодушия... — Я не помню её. Только деда... Рыбака. Герцог не делал секрета из моего происхождения... Я навещал его, тайком — пока он ещё был жив. Дед был замечательным человеком... Жаль, что Судьба поспешила отмерить нам побольше времени вместе... Я куда охотнее пошёл бы по его стопам, предпочтя стать рыбаком, а не герцогом. Тем более что последнее всё равно не удалось...

— Жалеешь?

Я присела рядом с ним на краешек скамьи. Альтар подвинулся, давая мне место.

— Вот веришь — нисколько...

Он насмешливо фыркнул.

— Когда стало ясно, что леди Ридда беременна — вопреки всем уверениям лекарей — я испытал невероятное облегчение от того, что от меня наконец отцепятся со всей этой маею насчёт наследования отцу. И оставят, наконец, в покое, позволив жить так, как я сам хочу... Но в этот год умер дед. А потом родился Крис. Мой брат... И вскоре я понял, что, забрав одного дорогого мне человека, Боги-Братья поспешили даровать мне другого.

То выражение, с которым он заговорил о брате... Такая глубокая привязанность... Я смотрела на Карателя другими глазами: совершенно не могла представить, что этот человек может быть способен на подобные чувства.

Альтар снова прервался, но я затаила дыхание, даже и не думая его торопить.

— Крис рос славным мальчишкой... Открытым, искренним, любознательным, храбрым. Мне нравилось с ним возиться, а он чем дальше, тем больше почти всюду ходил за мной хвостом... Герцог одобрял это, но леди Ридда... Герцогиня тряслась над единственным сыном похлеще чем наседка над цыплёнком. И никто, включая супруга, не мог убедить её, что большинство опасностей, ужасов и несчастий, грозящих малышу, на самом деле существуют лишь в её воображении... На первом месте среди всех бед был я. Мать моего брата твёрдо считала, что ради титула и наследства, с рождением Криса перешедших к нему, я... — он замолчал, с омерзением покачав головой.

— Пойдёшь на всё, — закончила за Альтара я.

— Именно так. — Каратель посмотрел мне в глаза. — Где уж ей было поверить, что эти радости мне не сдались и даром... Она как могла, препятствовала нашему общению. Не отпускала Криса от себя. Устраивала герцогу нешуточные скандалы... Жизнь в замке становилась всё невыносимее, однако отцу всё же как-то удавалось сглаживать углы. Но, когда однажды Крис, которому к тому времени уже исполнилось пять, попросту сбежал из-под матушкиной непрестанной опеки, герцогиня едва не сошла с ума. Криса искали все, до последнего поварёнка и горничной... В конце концов, я нашёл братца на конюшне, крепко спящим в копне душистого сена. А когда мы с ним вернулись в замок, первой нас встретила герцогиня. — Он поморщился. — Простоволосая, босая, с перекошенным от страха и ненависти лицом, леди Ридда выхватила малыша из моих рук... загородила собой, словно от чумного монстра...

Даже сейчас, когда минуло столько времени, ему ощутимо тяжело было это вспоминать.

— В общем, я узнал о себе много нового и чрезвычайно любопытного... — продолжил он вновь, пряча за ироничным спокойствием себя настоящего. — Замок не рухнул только чудом. Отцу был поставлен ультиматум... Собственно, я и сам не хотел и не мог больше оставаться там. Тем же вечером я отбыл в Орденскую школу в Срединной Империи, имея при себе меч, плащ и коня... И чуточку памяти. Орден Таргоса тут же забрал всё это и потом заменил тем, что полагалось иметь по форме Тёмному Брату.

— Даже память? — тихо проговорила я.

— Даже память. Шаэриэнн, сколько прошло лет... Столько всего случилось. Ведь давно уже нет того пухлого малыша, что ненавидел стричься и тушёную капусту на обед... Молодой герцог женился в минувшем году. Да и старого вполне могло уже не быть на свете... хотя я и рад был узнать, что это не так.

— Они не пытались... разыскать тебя? — меня это не касалось никоим образом, но я не могла не спросить.

— Нет. Зачем?! — недоумённо посмотрел на меня Альтар. — Герцог исправил свою ошибку, которую совершил, когда взял меня в замок. А я исправил свою.

— В чём же твоя ошибка?

— В том, что не стал рыбаком. — Каратель улыбнулся, но глаза оставались серьёзными. — Очевидно, у Провидения на меня были другие планы...

— У тебя есть брат, — напомнила я.

Альтар покачал головой.

— Нет, Шаэриэнн.

— Но...

— Есть герцог Вартасса, — он не дал мне договорить. — И есть Каратель. Беглый, к тому же, Каратель... Кроме нескольких старых ошибок, этих двоих ничего не связывает вместе. И связывать не может. Точка.

В сенях скрипнула входная дверь, и Альтар обернулся с видимым облегчением — он не хотел продолжать разговор.

Через пару мгновений на пороге вырос Антонио с довольной улыбкой на лице.

— Ну вот — теперь у нас есть деньги! — возвестил он, выставляя на стол увесистый тканый мешочек.

Я заглянула внутрь и присвистнула.

— Ты, наверное, ограбил этого бедного ювелира...

— Откуда столько? — Альтар во все глаза уставился на мага.

— Продал камни, — Тонио немного погрузнел. — Маттиас давно просил меня об этом, но я отказывался. Для меня они имели значение не как драгоценности, но как особые, уникальные образцы с редчайшими свойствами... А для него — просто несколько крупных рубинов и бриллиантов. Но зато теперь все довольны... Маттиас сможет наконец изготовить те украшения, о которых давно мечтал. А у нас будут средства, которые нам сейчас так необходимы. Теперь мы сможем как положено организовать ваше появление на Императорском Балу...

При этих словах Альтар поморщился, но я поддержала мага:

— Тонио прав... Даже при том, что нам удастся пройти магическую проверку, одних приглашений будет мало. Те... за кого мы себя выдаём — представители высшей знати. Нам придётся соответствовать тому, что от них будут ждать.

— Именно так, — Антонио энергично закивал. — А это как минимум одежда и украшения, а также хороший экипаж...

— Придётся также снять комнату в гостинице поприличнее, хотя бы на день — прикинула я. — Ведь экипаж не сможет забрать нас прямо отсюда. Но вот если герцогская чета предпочла прибыть в столицу инкогнито, это, в общем-то, не должно никого особенно удивить...

— Да, и придётся нанять парочку слуг, можно даже в той же гостинице, — тут же подхватил Тонио мою мысль. — Пусть обеспечат ваш выезд, а заодно подтвердят при случае, что герцог и герцогиня не возникли «откуда ни возьмись», а остановились именно в их заведении...

— Демоны... — Альтар хотел было что-то возразить, но лишь вздохнул и махнул на нас рукой. — Делайте, что сочтёте нужным. Только не увлекайтесь...

Карету слегка покачивало на мощёной булыжниками мостовой. Кучер то и дело покрикивал на лошадей, но, скорее, для порядку — вышколенная четвёрка и без того превосходно держала шаг, пронося нас сквозь бесконечные переплетения столичных улиц и переулков.

Свет и Тьма! Я уже и забыл, как давно ездил куда-то в экипаже... Сколько себя помню, всегда путешествовал в седле. Иногда пешком, когда приходилось оставить коня и отправиться туда, куда Таргос не ронял и звезды... Пару мучительных раз растрясал все косточки на телеге в обозе, тащившем увечных и раненых с полей сражений в ближайшую Цитадель. Но такая карета...

Уж не знаю, где Антонио её раздобыл, однако как по мне, это было слишком даже для каприза имперской аристократии... Красное дерево, меха, безумно дорогие ткани — внутри, как и снаружи, всё просто вопияло о роскоши и горделивом превосходстве. Я зацепил взглядом мерно подрагивающую бахрому под бархатными шторками — бордовыми с золотом, в точности под цвет роскошной драпировки салона — и досадливо поморщился. Терпеть не могу вопли, даже безмолвные...

Нет, не моё. На редкость неуютное чувство. А ведь это только начало.

... Чай, заваренный Энцо, отчего-то невероятно горчил... а может, мне так казалось оттого, что я был зол, как сотня демонов. Кто же мог знать, что проклятый Бал в довершении всех моих бед ещё и окажется маскарадом!... Выходило, что кроме персональной «маски» собственного брата мне придётся выдумывать ещё какой-то дурацкий карнавальный костюм и, словно паяцу, таскать его весь вечер... И Шаэриэнн, кстати, тоже.

Однако она отнеслась к этому вполне спокойно.

— Ну, маскарад... — эльфийка передёрнула плечами. — И что? Так даже лучше...

— Чем лучше?! — не унимался я.

— Ну, для начала, масками. — Она посмотрела на меня, как на ребёнка. — Теперь, если даже кто и знает Алишера Кристофера в лицо, будет куда проще избежать ненужных вопросов.

— А костюм...

— А что костюм? Я, пожалуй, ничего менять не стану, — она внезапно улыбнулась. — Буду «эльфой» — и пусть все тогда думают, настоящие у меня уши или накладные. Ну и для тебя что-нибудь сообразим...

— Да не хочу я ничего!!! — рявкнул я. — Только шутовского наряда мне не хватало!...

— Да что ты как с цепи сорвался... — Шаэриэнн понизила голос. — У вас там что, никогда маскарады не проводились?

— Нет, — презрительно процедил я, разумеется, сообразив, что она имеет в виду Вартасс. — Герцогиня болела. А герцог не был сторонником... подобных развлечений.

— Ну и зря, между прочим! — отрезала эльфийка. — Знал бы ты, какие в Долине были маскарады!... Это же целая феерия! Бал Цветов... Праздник Всех Звёзд...

Она осеклась, неуклюже попытавшись вернуть своему голосу прежнюю бесстрастность.

— В любом случае, нам это на руку, ты пойми... А насчёт костюма не тревожься. Можно же придумать что-то такое, что не сильно отличается от привычной тебе одежды, но вполне сойдёт. Я поговорю с Мари, она поможет...

Мариэтт, невеста Энцо, после недолгих размышлений тоже оказалась отчасти вовлечена в наши приготовления — её профессия белошвейки оказалась для нас истинной удачей. Энцо горячо поручился за её благонадёжность, к тому же, разумеется, девушку не посвящали в ворох ненужных и опасных деталей. Однако помогла мне всё же не Мари, а её жених... И, как ни странно, Антонио.

Я перевёл взгляд на Шаэриэнн, сидящую напротив. Эльфийка отстранённо смотрела в окно, и по её лицу трудно было определить, о чём она сейчас думает. А я, в который уже раз невольно восхитился тем, насколько же она хороша... И снова удивился тому, что всё ещё этому удивляюсь.

... - Эй!...

Негромкий возглас с порога кухни, где мы с Энцо и Тонио, коротая вечер, резались в кости, заставил нас обернуться.

Мгновением позже Антонио поперхнулся чаем, щедро расплескав напиток по столу.

У Энцо натуральным образом полезли на лоб очки. Стакан с костями, который он держал в руках, выскользнул и закатился куда-то под печку; деревянные кубики, тарыхтя, поскакали врассыпную...

Я вроде бы ничего не выронил и не расплескал, но, должно быть, и без того выглядел забавнее всех, так как эльфийка, обежав нас лукавым, но в то же время каким-то настороженным взглядом, напоследок задержала его на мне. И лишь тогда довольно улыбнулась. Очевидно, именно на такой эффект она и рассчитывала.

В паре шагов позади Шаэ стояла Мариэтт. С трудом скрывая гордость, она кивнула и удовлетворённо закусила губу.

Здесь и вправду было чем гордиться.

... Платье смотрелось великолепно. Длинное, до пят, идеально облегающее фигуру, оно казалось совсем простым — и в то же время вряд ли я когда-нибудь видел наряд более изысканный и утончённый. Узкая юбка при каждом шаге и повороте притягивала взгляд глубокими, едва не до самых бёдер, разрезами по бокам — но замысловатый покрой между тем не оставлял на виду ни на йоту больше, чем отводили приличия. Так же было и с глубоким декольте — обнажённые плечи целомудренно прикрывала короткая накидка-курточка с длинными «летающими» рукавами: один взмах, и вспорхнёт... Лёгкая полупрозрачная ткань, казалось, была сплетена из воздуха — не то синяя, не то зелёная, даже в неярком свете масляных ламп она переливалась настоящей морской волной...

Шаэриэнн откровенно любовалась нашими вытянутыми лицами. Мариэтт — платьем.

А я не мог отвести глаз от женщины, стоящей на пороге.

Что и говорить, в походной одежде она выглядела совсем иначе... Сейчас дико было бы даже представить её в обычных широких штанах, безразмерном кожухе и сапогах из грубой кожи. Обычно Шаэ «утопала» в меховой безрукавке — и совсем не верилось, что гибкий стан, перехваченный широким поясом платья, на самом деле без труда можно обхватить двумя ладонями... Облегающие тканые перчатки мастерски маскировали изъяны пальцев, и я только теперь рассмотрел, насколько же тоненькие у неё запястья...

Почему-то последнее особенно впечаталось в память.

Длинные стройные ноги, высокая грудь, водопад каштановых волос, поднятых в высокую причёску... Именно сейчас Шаэриэнн предстала перед нами истинной Дочерью Ночи. И в то же время — было в ней что-то совсем необыкновенное, не имеющего ничего общего с безликим совершенством эльфийских дев. Их холодная надменная красота, хоть и

считающаяся каноном во всём Мире, никогда меня не привлекала, отчего-то казалась мне неживой, искусственной — словно безупречный облик мраморных статуй. Так было ещё до Последней Войны — ну, а потом все чувства и вовсе затмила всепоглощающая ненависть...

Но Шаэриэнн не была статуей.

Она была — Сама Жизнь...

Эльфийка не сводила с меня пристального взгляда изумрудно-зелёных глаз — наряд заставил их переливаться, подобно настоящим драгоценным камням.

— Ну, что? — наконец, спросила она, видимо, отчаявшись дожидаться внятного ответа.

Я прокашлялся.

— Что? Ты выглядишь... настоящей принцессой.

Комплимент был, разумеется, неуклюжим — никогда не умел в таких случаях верно подбирать слова — но, как по мне, вполне безобидным... И, тем не менее, Шаэриэнн вдруг покачнулась, словно от грубого тычка, правда, тут же мастерски сделав вид, что на туфельке подвернулся каблук. Я удивлённо раскрыл глаза — а она шевельнула губами, почти беззвучно обрывая готовый сорваться вопрос:

— Когда-то давно... так оно и было.

Почувствовав внимание, Шаэ повернула голову и посмотрела на меня, скрывая свои истинные мысли в свете ободряющей улыбки.

— Переживаешь?

Я пожал плечами, не желая добавлять ей беспокойства, но соврать так и не смог.

— Ну... разве что самую малость.

— Не стоит, — она внезапно подмигнула мне. — А орк из тебя всё же — потрясающий!

...

— Не сыпь мне соль на рану... — поморщился я, хотя больше для порядка.

Не мог не признать — костюм и впрямь был хорош. Должно быть, очень непростые обстоятельства заставили вождя орочьего клана расстаться с этой вещью, продав её предприимчивому ростовщику. И уж совсем не представляю, каким образом Антонио и Энцо сумели отыскать в Рожерионе такой клад...

И, тем не менее, Шаэриэнн оказалась права: этот костюм и вправду примирил меня с маскарадом. Потёртые кожаные штаны с «охотничьим» узором, нанесённым рыжеватой охрой и подбитая мехом безрукавка, украшенная деревянными подвесками и растрёпанной бахромой, сидели на мне так, словно были на меня и сшиты. Мариэтт даже не пришлось ничего подгонять...

Сапоги, правда, я надел свои — но это как раз было неважно, поскольку в стране, где верили в Забытого Бога, никогда толком не умели их тачать. Так что воинственный Вар'р в своём боевом облачении и человеческой обуви отнюдь не выглядел чем-то удивительным.

Единственное, без чего я вполне мог бы обойтись, был головной убор... Я покосился на огромный рогатый шлем, лежащий рядом. Однако он наполовину закрывал лицо, тем самым заменяя мне маску, да и в нём я действительно смотрелся орком, а не человеком, напялившим орочий костюм.

— Жаль, меч взять нельзя... — я подтянул ремень пустой перевязи на груди. — Ну ладно, меч... Но что за орк без топора? Или хотя бы булавы...

Эльфийка хмыкнула.

— Ну... надо было вырезать из фанеры. Это единственный вариант, при котором тебя допустили бы во дворец. И то, думаю, пришлось бы ещё не единожды объяснять страже,

простой и магической, что твой топор не таит никакой опасности для коронованных особ...

Я представил себя с фанерным топором...

— Знаешь, лучше сделаю вид, что я настолько серьёзный орк, что разрываю врагов голыми руками.

Шаэриэнн хихикнула.

— Тогда магическая стража от тебя точно не отцепится...

В этот миг карета резко сбавила ход и лошади перешли на шаг.

Эльфийка, вмиг посерьёзнев, вновь прильнула к окну, а я лишь немного отодвинул вбок раздражающую меня шторку.

На площади перед Золотыми Воротами было полно народу. Ближе к полуночи простых горожан тоже ожидали торжества: из императорских подвалов должны были выкатить бочки с вином, устроить угощение и фейерверки — однако зеваки всё равно не желали пропускать возможность хотя бы издали поглазеть на то, как во дворец собирается знать. Подъездная дорога, по которой одна за другой двигались кареты, была свободна — это обеспечивали королевские гвардейцы с непроницаемыми лицами, выстроившиеся вдоль обеих её сторон. Но за их спинами люди были всюду: толпились на мостовой, высовывались из окон стоящих неподалёку домов, занимали удобные позиции на крышах и на толстых ветках деревьев...

Наш кучер ловко вклинился в медленно, но уверенно движущуюся вереницу, и вскоре четверо гвардейцев в парадных мундирах уже распахивали перед нами два ряда широких резных створок, пропуская в Императорский Парк. Мы въехали на центральную аллею, мощённую серым и розовым камнем, и продолжили путь к возвышающейся в самом сердце парка громаде Мраморного Дворца.

Привычная тишина парка в этот вечер уступила место праздничной суете, скрипу карет и гомону людских голосов. Копыта лошадей гулко цокали по каменным плитам, усыпанным лепестками снежных роз и живыми цветами — представляю, сколько задействовали оранжерей, чтобы обеспечить это удовольствие... Правда, заставить деревья зазеленеть в честь праздника всё же не удалось. Парк всё равно выглядел величественно, однако позимнему сурово, и каменные статуи прежних Императоров, не сокрытые листвой, зорко следили со своих постаментов за прибывающими гостями.

Казалось, каретам нет и не будет конца, однако устроители праздника действовали слаженно и чётко, и ни заторов, ни проволочек нигде не возникало. Следуя заданному направлению, мы описали по парку широкий круг и в положенное время замерли у широких ступеней парадной лестницы.

Сбоку от ковровой дорожки, ведущей во дворец, суетился церемониймейстер с огромным свитком в руках, распорядившийся двумя дюжинами лакеев, не устающими встречать и принимать гостей. Из кареты, остановившейся прямо перед нами, только что выбралось семейство, чьи наряды меня изрядно позабавили... Глава фамилии, крепкий высокий мужчина в летах с заметным брюшком, весьма похоже изображал гнома-копателя в камзоле, колпаке и с длинной накладной бородой. Дородная дама в маске — очевидно, его супруга — была облачена во что-то эфемерно-воздушное, бело-розового цвета (этот образ, признаться, я так и не разгадал, но почему-то в моей голове прочно засело сравнение с кремовым пирожным). А вот совсем юной прелестной девушке, отдалённо напоминающей мать, тёмно-зелёный костюм дриады был очень даже к лицу. По знаку церемониймейстера четвёрка лакеев мгновенно взяла вновь прибывших «в оборот» и со всеми почестями сопровождала до самого входа...

Следующими были мы с Шаэ.

Отбросив прочь последние сомнения, я натянул на голову шлем и, едва дверь кареты услужливо распахнулась передо мной, выбрался на алый ворс ковра, едва не зацепив притолоку рогами. Второй лакей тем временем вышколено дёрнулся помочь Шаэриэнн, но я отстранил его и сам предложил своей даме руку.

Когда Шаэ, сверкая изумрудными глазами и такими же драгоценными камнями в ушах и причёске (украшения Тонио взял на время у того же знакомого ювелира), ступила на ковёр, свиток с нашим приглашением на Бал уже был у церемониймейстера в руках.

— Ваша Светлость герцог Ар Кэррайн! Ваша Светлость герцогиня!... — Бросив взгляд на приглашение, пожилой распорядитель склонился в изящном поклоне. — Его Императорское Величество Рожеро Справедливый с радостью приветствует вашу чету на Балу Начала Весны!... Благодарим за честь, оказанную двору вашим прибытием!...

Этикет позволял не отвечать, но я слегка наклонил голову в ответ на слова приветствия и, чувствуя на своём локте руку Шаэриэнн, сохраняя бесстрастный вид, двинулся к дверям. От меня не укрылось, что приглашение из рук церемониймейстера тут же незаметно переключалось к стоящему позади него человеку в богатом, но неброском тёмном камзоле, и уже тот вчитался в свиток не в пример внимательнее.

По дороге сюда я уже видел такие камзолы — рядом с гвардейцами на воротах у входа, наблюдающими за движением карет в парке; кто-то подобный безусловно находился и во дворце. Наверняка, камзолы были и другие... Магическая стража Императора выполняла свою работу. Не знаю, где и когда именно нас подстерегала главная проверка — в любом случае, я ничего не почувствовал, а спросить у Шаэриэнн, разумеется, не мог. Однако, надо думать, проверяющих, как мы и ожидали, всё устроило...

Через пару мгновений под светом тысяч свечей в хрустальных люстрах и звуками музыки знаменитого Императорского оркестра мы вступили в гостеприимно распахнутую свои двери приёмную залу Мраморного Дворца.

* * *

Я, конечно, догадывался, что один из самых главных праздников Империи будет отмечаться с размахом — но масштабы Бала сразили меня наповал. С самого порога, едва главный герольд (или как там зовётся управитель подобной церемонии) во всеуслышание огласил наши имена и медленно двинулся вперёд по очередной ковровой дорожке, я почувствовал себя щепкой, угодившей в пёстрый шумящий океан...

Огромный зал ослеплял своим великолепием, оглушал симфонией тысяч голосов и звуков, убегающих под своды дворца, чтобы рассыпаться там уже миллионами нот... Множество людей одновременно общались, смеялись, пили вино из высоких бокалов. Играла музыка, стучали каблуки, звенел хрусталь... Одни лишь слуги с подносами, словно юркие челноки, уверенно чувствовали себя посреди непрестанно колеблющейся бесформенной толпы, разнося закуски и напитки.

Я отнюдь не мог похвастаться подобным свойством, и давно уже захлебнулся бы в этой яркой круговерти, но мне не давал покоя единственный вопрос — за него я и цеплялся, словно за спасательный круг...

Как же мы сможем отыскать Императора?

— Эй, не спи... — улучив момент, шепнула Шаэриэнн, опираясь на мою руку — она, похоже, ориентировалась здесь намного лучше меня. — Нужно идти за герольдом. Прямо сейчас нас должны представить...

Я и впрямь промешкал — пришлось немного ускорить шаг, чтобы не выпасть за рамки приличий. К счастью, старенький управитель тоже не спешил... Мы двинулись через зал, едва успевая отвечать на учтивые поклоны и обмениваться короткими любезностями.

Герольд на мгновение застыл в проёме арки, ведущей в следующее помещение.

— Его Светлость Алишер Витар Кристофер Ар Кэррайн! Её Светлость Дэйдрэ А Аллизеа Эн Деарран Лаэританнэ!... — прозвучало в очередной раз.

Стоявшие у самого входа люди расступились — и мы, наконец, увидели человека, ради встречи с которым затеяли всё это сумасшествие...

Император Рожеро Справедливый в окружении наиболее близких сановников и личной охраны восседал на огромном мраморном троне в самом сердце залы, которая была куда больше, чем предыдущая. Средний палец его правой руки, покоящейся на каменном подлокотнике, украшал огромный перстень с чёрным камнем — знаменитый Имперский Орион, символ государственной власти.

На Императоре был стилизованный костюм грифона из переливающегося меха, расшитый нитями тончайшего серебра. Из-за спины выступали роскошные серебряные крылья, каждое пёрышко на которых представляло собой лучший образчик изящнойковки и выглядело живым... Однако внушительная маска в виде грифоньей головы вместе с богатым нагрудником из таких же перьев лежала пока на хрустальном столике около трона, дожидаясь своего часа. Гостей Император приветствовал с открытым лицом.

Носящий фамильное имя Рожеро, как и все его предки, уже не первый десяток поколений правящие Империей, он был высок, крепко сложен и синеглаз. Светлые, почти белоснежные волосы скрывали седину, даже если таковая и была. Пятьдесят с лишком зим давно уже стояли за императорскими плечами, но, невзирая на суровые складки на лбу и сетку морщин у глаз, выглядел он значительно моложе.

Я никогда не видел правителя своими глазами — вплоть до сегодняшнего дня.

Взгляд Императора, зоркий и цепкий, был строг — даже несмотря на тронувшую губы лёгкую светскую улыбку. Он внимательно прошёлся по нашим лицам, задержавшись на Шаэриэнн, присевшей в изящном реверансе, немного дольше, чем того требовали приличия.

— Очевидно, в Вартассе весна наступила раньше, чем у нас в Срединной Империи Алишеру Ар Кэррайну посчастливилось сорвать на восходных просторах восхитительный цветок... Благодарим герцога за то, что позволил всем нам сегодня насладиться его дивной красотой...

Я заметил, как вспыхнула, зардевшись, Шаэриэнн — безусловно, слова Императора льстили ей. А вот я отчего-то в этот миг почувствовал досаду — мне никогда не удавалось так изящно строить фразы, пусть даже проявляя простую любезность...

Я поспешил поклониться, опасаясь выдать свои мысли и, увлекая Шаэриэнн под руку, освободил место перед тронном для тех, кого следом за нами препроводил туда герольд. Взгляд Императора Рожеро переместился на новых гостей, а нам с эльфийкой распахнула свои объятия собравшаяся в тронном зале толпа.

... Вот теперь я на самом деле оценил, насколько Шаэ была права, говоря, что нам только на руку маскарад. Крис настоящий, даже невзирая на нелюбовь к публичным выездам, просто обязан был как рыба в воде ориентироваться во всём этом хороводе знатных

фамилий — требовало положение. А я ведь совершенно никого из присутствующих не знал...

Между тем, ко мне несколько раз обратились по имени, сделали пару комплиментов «леди Дэйдрэ» и поинтересовались здоровьем отца. Если бы не костюмы — мне пришлось бы туго... Но, к счастью, не я один не мог распознать «знакомых» — половина зала со смешком гадала и выпытывала друг у друга, кто же скрывается под той или иной маской — и моё невежество не так уж и бросалось в глаза.

Изображая из себя «светского льва», я изо всех сил старался не выпускать из поля зрения Императора, однако момент, когда поток прибывающих гостей иссяк, всё же упустил. Всё так же оставаясь в плотном кольце сановной свиты, Рожеро Справедливый встал и направился к дверям. Двое гвардейцев потащили следом за ним столик с грифоньей маской. Я готов был кусать локти от бессилия: подобраться к Императору, не привлекая внимания, и уж тем более, сказать пару слов, не предназначенных для чужих ушей, было совершенно невозможно.

— Глубокоуважаемого вождя заинтересовал императорский выход?

Я повернул голову. Рядом со мной стоял невысокий толстяк в пёстром колете и зелёных штанах-рингравах, сзади к которым был прикреплён огромный разноцветный птичий хвост. Чулки на кривоватых ногах были ярко-жёлтыми, туфли же изображали мозолистые трёхпалые лапы. Затейливый хохолок на голове... клюв на маске. Птица-говорун, никак не иначе.

Я заставил себя улыбнуться.

— Да вот гадаю, не наняться ли к повелителю в охрану... Хлипенькая нынче гвардия. Я бы тот столик легко съёл и сам.

— Внушительно выглядите, Алишер... — тонкие губы «говоруна» разошлись в улыбке. — Вы меня, конечно, не помните. А ведь я когда-то подолгу бывал в Вартассе и частенько качал вас на коленях... Вам было всего несколько зим.

Демоны!... Разумеется, я не помнил. Хотя, если Крис был тогда совсем крохой, гостей отца должен был видеть и я.

— К сожалению, так сложилось, что мои дороги с тех пор не вели в Вартасс... Однако понемногу подрастала моя Виола, и грешным делом я надеялся, что когда-нибудь мы с лордом Эваном всё же объединим два герцогства... Но и этим моим чаяниям не судилось сбыться... — он с шутливым сожалением поглядел в сторону Шаэриэнн, которую как раз пытались вовлечь в своё чирикание две красотки в откровенных нарядах.

Я, изображая вину, развёл руками.

— Сожалею, Ваша Светлость, что разрушил ваши планы... Однако Любовь даруют нам сами боги — кто мы такие, чтобы спорить с ними?... Я уверен, что несравненная Виола ещё сделает блестящую партию.

— Да, да, конечно... — поспешил согласиться со мной «говорун». — Тем более, я совершенно не удивлён... Ваша супруга — редкая красавица. Его Императорское Величество совершенно прав, этого просто нельзя не заметить. Однако... нравы, царящие в мыслях и словесах, порой становятся преградой чувствам, даже самым сильным. Представляю, как, должно быть, вам пришлось нелегко, отстаивая своё право любить...

— Любовь на самом деле подобна крепкой стали, — припомнил я где-то слышанную фразу. — Трудности лишь закаляют её и делают прочней.

— Конечно, конечно... — он уже начинал мне надоедать. — Но ведь люди порой

достаточно... нетерпимы. Даже ваш отец привсей его лояльности... — он осёкся. — Да и семейство Лаэританнэ, я слышал, крепко чтит старинные традиции, принятые у Детей Ночи. Как вам удалось добиться их согласия на ваш... союз?

— Это было трудно, но вполне осуществимо. — Я понял, что пора сворачивать разговор, пока он не перешёл на опасную дорожку. — Прошу меня простить, но я хотел бы присоединиться к жене: полагаю, она не отказалась бы отведать чего-нибудь из того, что здесь подают. Мой же долг позаботиться о ней.

— Конечно, Алишер, конечно, идите... — снова закивал «говорун» и не успел я сделать шаг, снова выпалил, сверкнув глазами: — А как же ваша дочь? Наследница Вартасса? Не побоялись оставить такую кроху совсем одну?... Сколько же ей — две, три луны?...

— Она в надёжных руках — к тому же, с ней кормилица, — постарался как можно беззаботнее ответить я, проигнорировав последний вопрос. — Супруга подарила мне дитя — так неужели я не в состоянии подарить ей праздник?

Не дожидаясь очередного «да, да, конечно», я поспешил поклониться и почти бегом направился в сторону Шаэриэнн. По дороге попался стол, сервированный закусками. Я подхватил тарелку, на которую почти не глядя кинул несколько тарталеток и канапе, и, не переставая улыбаться, из рук вон любезно похитил эльфийку у плотной стайки дам, к которой, впрочем, уже присоединились и кавалеры.

Найдя кусочек свободного места, мы остановились у широкого стрельчатого окна с видом на парк, и перевели дух. Есть мне совершенно не хотелось, но Шаэриэнн, поблагодарив, взяла с тарелки тарталетку и поднесла ко рту.

— Нами уже интересуются... — негромко сообщил я.

— Так и есть, — кивнула Шаэриэнн, изящно откусив кусочек. — И будут. Но что поделать... Старайся отделяться общими фразами. Как только сможешь — переводи разговор на их собственные дела. Рассказывать о себе тому, кто готов слушать, людям, как правило, всегда интереснее, чем расспрашивать кого-то и слушать самим...

К нам подскочил слуга в бархатной ливрее с подносом, на котором стройными рядами выстроились фужеры. Чтобы поскорее избавиться от него, я взял два бокала, наполненных игристым янтарным напитком, один протянул Шаэриэнн.

— Золотой Водопад? — прищурилась она. — Надо же... Последний раз я пробовала егс на пиру, данном отцом в честь Избранного мною Пути... — на её лицо набежала тучка. — Страшно представить, как же давно это было...

— И что за путь ты избрала? — поинтересовался я.

— Путь Магии и Меча. *Genne Waifarreier*... — эльфийка грустно усмехнулась. — И вроде бы не ошиблась, ибо Ночь тоже согласилась со мной, избрав *Rihanne Daerrt*. Но, очевидно, я встала на сторону не того короля, который был ей угоден — и тогда она без жалости отняла свой дар обратно... Да ты пей вино, — кивнула она, почти физически «страхивая» воспоминание. — Оно действительно достойно королей...

— Пожалуй, не стану. — Я помотал головой. — В свете того, что нам сегодня предстоит, разум должен быть трезв, как стёклышко...

— Ну, так и будет трезв.

Эльфийка протянула над бокалом ладонь, прикрыла глаза, шепнув коротенькую фразу.

— Вот и всё — теперь можешь пить. В голову оно не уда...

— Миледи...

Рядом с нами внезапно выросли двое мужчин с каменными лицами. На них тоже были

маски, однако костюмы отнюдь не напоминали маскарадные.

— Просим нас простить, — заговорил один из них. — Но вы только что применили магию.

Он не спрашивал — утверждал. Я сделал маленький шаг к Шаэриэнн, вклиниваясь между эльфийкой и прибывшими типами. Шаэ, останавливая, поспешно схватила меня за руку.

— Всё в порядке... Да, господа, — кивнула она уже им. — Всего лишь лёгкое заклятье, предотвращающее хмель. Моему супругу... крайне нежелательно пить вино без этой маленькой предосторожности. Лишний глоток способен вмиг испортить ему настроение... А в гневе он страшен, — она обезоруживающе улыбнулась.

Однако стражники не поддержали шутливый тон.

— Ещё раз просим прощения, — любезные слова были произнесены голосом, не терпящим возражений. — Однако совершение любой магии в пределах Мраморного Дворца находится под строжайшим запретом. Мы вынуждены предупредить вас... — он протянул руку в перчатке к моему бокалу — ... и изъять это.

— Что ж — пожалуйста... — Шаэ смешно наморщила нос, искоса взглянув на меня. — По-видимому, придётся сегодня вам, милорд герцог, обойтись родниковой водой. — Она обернулась к стражникам, снова никак не отреагировавшим на её шутку. — Извините за доставленное беспокойство. Своей ошибки я больше не повторю.

Маги молча поклонились и исчезли, прихватив с собой бокал.

— Однако... — Шаэриэнн взглянула мне в глаза. — Хорошо у них тут обставлено дело...

— Да, — вынужден был признать я. — И с остальным, впрочем, тоже. Вокруг Императора такая толчея, что просто так к нему не подойти...

— Ничего, — Шаэриэнн, как ни в чём не бывало, дожевала тартинку. — Ночь долгая... Впереди ещё много чего предстоит. Думаю, у нас ещё будут шансы...

Её голос внезапно потонул в гроыхнувшем раскате. Оркестр неожиданно сыграл «туш», заставив некоторых особо впечатлительных гостей охнуть и подскочить. После этого музыка замолкла, и оказавшийся в самом центре зала герольд, торжественно стукнув жезлом по паркетному полу, весь исполненный собственной значимости, объявил:

— Именем Его Императорского Величества Рожеро Справедливого!!! Бал Начала Веснь открывает... Альтенский Вальс!

Буря оваций, встретившая его слова, сменилась волнами музыки, хлынувшей с новой силой. Радостное волнительное оживление стрелой пронеслось по толпе гостей, вызвав румянец на лицах дам, блеск в глазах кавалеров... Одна за другой на свободном пространстве в центре зала закружились, подхватывая ритм вальса, танцующие пары.

Пальцы Шаэриэнн непроизвольно сжали ножку пустого бокала... С усилием отведя от танцующих взгляд, эльфийка огляделась по сторонам, ища куда бы поставить фужер. Я перехватил его и ловко пристроил на пустом подоконнике.

А потом наши глаза встретились...

... Я всегда отвратительно танцевал — потому терпеть не мог это занятие. И, разумеется, давным давно забыл все те уроки, в течение которых домашний учитель герцога Эвана силился всеми правдами и неправдами побороть мою бездарность.

Но в это мгновение моё сердце пропустило удар.

Я стремительно ухнул в глубину изумрудных омутов — оглушённый, беззащитный,

ослеплённый светом тысяч свечей, которые показались мне в тот миг настоящими звёздами...

А когда осознал себя снова — уже склонялся перед Шаэриэнн в приглашающем жесте.

Вообще-то следовало произнести что-то учтивое, однако все слова куда-то подевались. Но раньше, чем я успел сгрести мысли в охапку, ладошка Шаэриэнн удобно устроилась в моей руке, а вторая легонько скользнула на плечо...

Ещё миг — и мы уже кружились, подхваченные всеобщим волнением и ощущением какой-то лёгкой будоражащей радости, пьянящей без вина.

Нас окружали другие такие же пары, тоже в этот миг без остатка подарившие мелодии свои души... Музыка была везде.

Она дарила ритм, наполняла воздух, лишала смысла всё, что оставалось за пределами перекликающихся нот. То убыстряя темп, то замедляясь, мы стремительно летели по залу — словно яркие листья на буйном осеннем ветру...

Кажется, вначале я переживал, что непременно наступлю ей на ногу... Потом переживал, что собою с шага. Потом — что, как пить дать, налечу на танцующих рядом...

Потом прекратил переживать. И без остатка растворился в непревзойдённом Альтенском вальсе... и зелёных эльфийкиных глазах.

Наверное, это было безумно красиво. Красиво — и безумно... Музыка смолкла — а мы всё не могли перестать кружиться: покидать дарованный ею иллюзорный мир не оставалось ни сил, ни желания... И лишь овации, внезапно посыпавшиеся со всех сторон, резко выдернули нас обратно в настоящее.

С сожалением, бывшим сродни боли, я остановился, заставил себя разомкнуть объятия. Сердито огляделся вокруг — и далеко не сразу понял, что здесь забыла вся эта пёстрая толпа в маскарадных костюмах, и почему люди так горячо аплодируют... нам.

Шаэриэнн, раскрасневшаяся, слегка сбившая дыхание, с лихорадочно блестящими глазами, была не просто красива — прекрасна... Ею неприкрыто любовался не только я — на неё сейчас смотрели все, кто находился в бальной зале. Краем глаза я заметил, что около своего трона снова возник Император, уже в полном обличье величественного крылатого зверя — глядя в нашу сторону, он тоже несколько раз приложил к ладони ладонь...

— Великолепный танец, — раздался сбоку от меня негромкий баритон. — Вы и ваша дама — потрясающе гармоничная пара...

Эти слова произнёс мужчина в костюме монаха-отшельника — чёрном балахоне до пят, подпоясанном пеньковой верёвкой. Длинные широкие рукава полностью прятали его руки; лица я тоже не мог разглядеть — глубокий капюшон с успехом заменял владельцу маску. Но голос был приятным, и слова — тоже.

— Благодарю вас, — склонил голову я.

Вслед за монахом, будто опомнившись, на нас налетели остальные; наперебой принялись хвалить, поздравлять... К счастью, от необходимости долго расшаркиваться нас избавил герольд, которого, впрочем, заметили не сразу. Ему пришлось несколько раз стучать об пол, привлекая внимание, и лишь тогда, наконец, объявить следующий танец...

Мы станцевали вместе ещё медленный эльфийский вэйе и задорную пастораль. А затем нашу пару безжалостно разбили: придворные кавалеры, перебивая друг друга, кинулись просить у меня разрешения пригласить на танец «мою супругу».

К тому времени я уже заметил, что Император в танцах не участвует — только наблюдает за действием со стороны. Нужно было искать к нему подход как-то иначе... Но

лишать Шаэ явно желанного ею удовольствия было бы слишком жестоко, и я, вздохнув, позволил тощему, как щепка, полосатому «манतिकору» увлечь мою эльфийку обратно в танцующий круг...

Тех, кто не танцевал, тоже было достаточно. Однако я, стараясь не встречать ни в один затяжной разговор и не выпускать Шаэриэнн из виду, постарался подобраться к трону как можно ближе. Пригубив бокал с родниковой водой, я занял удобную позицию около уставленного яствами стола — отсюда Император и его окружение просматривались как на ладони — и принялся осторожно наблюдать, делая вид, что устал от плясок и интересуюсь закусками.

Один танец сменялся другим... Шаэ провожали ко мне и тут же снова торопились пригласить. За это время я окончательно убедился, что тайного подхода к Императору нет. Он негромко переговаривался с советниками, почти не удаляясь от трона, отсылал слуг с напитками и едой и на первый взгляд равнодушно наблюдал за происходящим. Однако мне почему-то казалось, что равнодушие это напускное...

Я лишь уверился в своей правоте, когда увидел, как, забывшись, он теребит своё кольцо с Орионом, но не успел додумать внезапно мелькнувшую мысль — в этот миг Император как раз уронил символ власти под ноги, и сразу пятеро сановников наперебой кинулись его поднимать...

— ... Очевидно, это Судьба.

Я резко развернулся — и застыл в изумлении.

В двух шагах от меня, белозубо улыбаясь, стояла... «орка-воительница», лукаво прищуривав небесно-голубые глаза. Короткая кожаная юбка, бросая дерзкий вызов всем правилам приличия, едва достигала половины бедра, оставляя на виду длинные красивые ноги в замшевых мокасинах. В глубоком вырезе безрукавки, подобной той, что была на мне, болталась на шнурках разной длины гроздь резных амулетов. К плетённому кожаному поясу был приторочен боевой диск... очевидно, фальшивый, но очень схожий с настоящим.

— Не ожидала... что встречу соплеменника в этом скучном месте, — «орка» шутливо скрестила руки на груди, красиво обтянутой облегающей безрукавкой...

По правому предплечью «змеился» боевой рисунок, по всем правилам выполненный хной — ящерица, скрывающаяся в высокой траве.

— Тебе ли не знать, о беспощадная, в какие неожиданные места может забросить война прихоть Забытого... — я поддержал тон незнакомки, так как решительно не представлял, кто она и как себя с ней вести.

— Ты верно говоришь, о преисполненный благородной ярости...

Красавица вновь ослепительно улыбнулась... и вдруг стремительно шагнула ко мне, закидывая руки на плечи:

— У бледнокожих другие правила... Но Забытый Бог не привык морочить подобным голову. Если Вар'ра желает танцевать или драться, она вольна сама выбрать достойного себя...

— И... чего желает Вар'ра на этот раз? — от неожиданности едва нашёлся я.

Рассмеявшись, «орка» беззастенчиво прижалась ко мне:

— Отгадай...

Видят Боги-Братья, такой женщины я ещё никогда не встречал!...

Оркестр как раз заиграл стремительную гратту... Мы в два шага выбрались к танцующим и присоединились к ним. К счастью, гратта была лишена строгого порядка

элементов, своим темпом и энергичностью напоминая скорей боевую разминку — танец клинка... К счастью для меня — многие не ценили подобного на бальном паркете, и пространства в середине зала заметно прибавилось.

В компании с нами осталось всего несколько человек, не испугавшихся гратты — включая и Шаэриэнн, в паре с которой стал тот самый таинственный отшельник-монах, высоко оценивший наш с нею вальс. Я успел лишь диву даваться, как он будет танцевать в своём бесформенном балахоне — однако первые же движения развеяли все мои сомнения в пух и прах. «Монах» держался так легко и уверенно, словно неудобная одежда вовсе ничего не значила для него. Стремительно увлекая в вихре танца невесомо-воздушную эльфийку, он казался зловещей безликой тенью, вырвавшейся на свободу из царства Безымянного и бьющейся за право утащить в Хаос безвинную Душу... Я еле сдерживал себя, чтобы не броситься на помощь Шаэриэнн...

Впрочем, моя «орка» тоже мастерски показала себя. Её сила и ловкость не была «напускной», картинной — этой женщине идеально подходил образ, избранный ею. Мечница, не иначе — успел подумать я, захваченный круговертью боя... нет, танца... А она лишь взвинчивала темп, и голубые глаза, смеясь, бросали мне вызов...

Когда выложившись полностью, выбившиеся из сил, мы вчетвером вместе с последним аккордом музыки в шаге друг от друга замерли на паркете, огромный зал вновь взорвался овациями... Они не стихали, пока мы с «монахом» торили в толпе дорогу, помогая своим дамам выбраться к комнатам отдыха, чтобы дать им возможность привести себя в порядок.

И в этот раз герольду удалось объявить следующий танец со значительным промедлением...

... На половине пути «орка» легонько провела ладонью по шраму на моей шее. Затем коснулась правого предплечья — в том месте, где был длинный след от свежезалеченной раны.

— Боевые?

— Да так... — уклонился я. — С мечом не всегда выходит плясать ловко...

— Ну, скажу тебе, что и без него ты только что был просто великолепен!...

Не дав мне опомниться, она вдруг, привстав на цыпочки, легонько коснулась губами моей щеки и, без труда высвободив ладонь из моих пальцев, исчезла в толпе.

Я споткнулся на ровном месте.

Брови Шаэриэнн взлетели вверх... Даже «монах», сопровождающий её, издал какой-то неопределённый звук — не то крикнул, не то что-то невнятно пробормотал.

У неприметной дверцы в комнату отдыха он, склонившись перед эльфийкой, учтиво поблагодарил её за танец и вложил её руку в мою. После чего тоже исчез — как-то незаметно и довольно быстро.

Мы с Шаэриэнн снова остались одни.

Шаэриэнн

Молчание быстро становилось неуклюжим. И каким-то дурацким.

Я поторопилась вернуть себе бесстрастный вид и ляпнула — первое, что пришло в голову:

— А я думала, ты больше не хочешь танцевать...

— Я... и не хотел. Так получилось...

Мой «орк» внимательно изучал паркетины у себя под ногами. Должно быть, пытался найти сто отличий.

Если бы ко всему он ещё не топтался на пороге гардеробной — цены б ему не было!...

— Ну, вот и чудесно, что так получилось!... — преувеличенно бодро сказала я, внезапно чувствуя прилив странной весёлой злости. — И, между прочим, твоя красotka совершенно права. Ты действительно был великолепен. Особенно, как для танцевавшего... через силу.

... Куда меня понесло?! Я же вовсе не думала перегибать палку... Но отчего-то вдруг ужасно захотелось зацепить его, заставить огрызнуться, осадить меня — пусть даже и заслуженно грубо... Я даже не успела удивиться этому странному желанию.

Но Альтар стиснул зубы и промолчал.

О Ночь! Да он... смутился! — внезапно поняла я.

И вмиг вся моя бравада куда-то испарилась.

Меня едва хватило на то, чтобы без слов помахать в воздухе ладошкой: «дай пройти»... Каратель, сообразив, что загораживает мне путь, шарахнулся с порога, да так, словно сверху его окатили ведром кипятка.

Я поспешно юркнула за дверь гардеробной и перевела дух.

Девушка-служанка, скучающая внутри комнаты в одиночестве, не сумела скрыть удивлённого взгляда... Однако она тут же поторопилась загладить свою оплошность, и передо мной на туалетном столике в мгновение ока выросла целая пирамида косметических средств, среди которых преобладали пуховки и пудры всех мыслимых цветов и оттенков.

Увидев себя в огромном настенном зеркале, я нашла этому вполне логичное объяснение: щёки у меня просто полыхали — словно в лихорадке.

Ах, бешеная гратта — чтоб её!... Не к месту раздраконила меня! И, похоже, чуток затмила разум...

Поблагодарив девушку и заверив, что справлюсь сама, я поспешила воспользоваться предложенным мне арсеналом, быстро привела себя в достойный вид и подправила причёску. Честно говоря, я предпочла бы «копаться» подольше... Но что за глупость и малодушие, в конце концов!...

Когда я вновь появилась в зале, Альтар всё так же ожидал меня у двери. Он уже вполне справился с собой, и только взгляд по-прежнему был виноватый. Я вновь почувствовала себя неловко... и вдруг рассмеялась, сама того не желая.

— Прости... — только сейчас до меня дошёл весь комизм ситуации. — Похоже, я слишком вжилась в роль...

Подхватила опешившего Карателя под руку и добавила шёпотом, так, что мог слышать только он:

— ... твоей супруги.

И в самом деле — какая мне разница до того, с кем он танцует?! Ведь никто, строго говоря, не обязывает его проводить всё время со мной... Станцевав совместно первый вальс, мы сполна отдали дань приличиям — кстати, вальс и вправду вышел феерическим... Но потом Альтар вполне волен был пригласить любую приглянувшуюся даму... Да и вообще...

— Шаэ... — вдруг тихо сказал Каратель, напрочь обрывая и без того нестройный ход моих мыслей. — А... давай потанцуем? И заодно придумаем, как нам дальше быть...

Я не нашлась, что ответить — лишь рассеянно кивнула...

И на сей раз музыка не подвела. В ритме лёгкой, размеренной тианы мы медленно кружили на одном месте и негромко переговаривались, делая вид, что любезничаем, не опасаясь при этом вызвать лишние подозрения.

— Итак, Император... — я поудобнее обхватила Альтара за шею и попыталась подытожить то, что имелось у нас. — ... Всё время на виду. Не интересуется танцами, не общается ни с кем кроме десятка приближённых и, очевидно, личной охраны...

— Если так пойдёт и дальше, — неохотно признал Каратель, — праздник рано или поздно закончится, и нам попросту придётся уйти несолоно хлебавши. А другого шанса не будет...

— Не будет, — эхом повторила я, аккуратно заправив торчащую из-под шлема прядь смоляных волос ему за ухо. — Но, надо признать, сейчас мы совершенно бессильны. Остаётся дожидаться, пока дойдёт до цирковых выступлений или начнут запускать фейерверки. И вот когда толпа расступится к стенам, давая место артистам, или же хлынет в парк любоваться зрелищем... Вот тогда надо постараться оказаться с Императором рядом и успеть шепнуть пару нужных слов...

— Может не получится, — мрачно заметил Альтар. — По-моему, правителю умышленно не дают сделать лишнего шагу. И это как-то связано с тем, что заставляет его переживать...

Я уставилась на Карателя.

— Почему ты решил, что Император переживает?

— Так показалось, пока наблюдал за ним. Он много слушает и мало говорит. И, по-моему, при этом думает о чём-то своём... Опять же, кольцо на пальце — он то и дело его теревит... Вот и сейчас, кстати, тоже. Сама посмотри...

Продолжая бережно поддерживать меня за талию, Альтар легонько развернулся, увлекая меня за собой.

— Да, действительно... — с этой точки мне было видно Императора, как на ладони, и я прилежно понаблюдала за ним некоторое время. — А знаешь, складывается занятное впечатление...

— Какое? — прищурился Каратель.

— Что кольцо ему велико.

Альтар тихонько хмыкнул.

— Ну, быть может, так оно и есть.

— Вряд ли... — Я покачала головой. — Орион — это артефакт, уникальный и исключительно сильный. Кроме того, что это символ власти, он наверняка обеспечивает венценосной персоне защиту и, скорее всего, дарит и другие неслабые магические возможности...

Я вспомнила отцовские Пламенные Браслеты... налобный обруч с Туманной Звездой нашего короля.

— Артефакты такого уровня, как правило, сами подстраиваются под своего владельца — к примеру, во время церемонии вступления на престол. Это происходит единожды и уже не меняется до тех пор, пока вещь официально не перейдёт к его преемнику... Кольцо должно сидеть на пальце Императора...

Внезапно я замолчала.

Рука Альтара на моей талии дрогнула.

— Как влитое, — медленно проговорил Каратель. — Да?

Я кивнула.

— А если это не так...

— То, возможно, перед нами... вовсе не Император.

Мы уставились друг на друга, чуть не позабыв о том, что надо кружиться.

— Ты... уверена? — губы Альтара едва шевельнулись.

— Нет, конечно, — честно ответила я. — Но... можно попробовать разобраться.

— Как?

Я пожала плечами:

— С помощью магии — по-другому не выйдет.

Брови Альтара сошлись к переносице.

— Ты не забыла, что случилось, когда ты попыталась зачаровать вино?...

— Нет, разумеется, — я презрительно фыркнула. — Но кто тебе сказал, что я собираюсь колдовать?

Проследив за выражением его лица, я поспешила добавить:

— Да не волнуйся ты... Просто помоги подобраться поближе.

Каратель нахмурился ещё сильнее. Однако послушно повёл меня в направлении императорского трона.

Медленный танец был как нельзя кстати. Я полностью положила на мастерство партнёра — благо, двигался Альтар уверенно и умело, и мне оставалось лишь переставлять ноги, не заботясь о ритме и шагах...

Потому мне не составило особого труда сосредоточиться, «читая» заклятья. Их было не так уж и много, и, разумеется, все относились лишь к императорской персоне.

Точнее — лже-императорской... Через некоторое время я действительно могла поручиться: наша догадка подтвердилась. Кто бы ни предстал перед нами в костюме грифона — это был не Рожеро Справедливый.

— А кто же тогда? — губы Альтара едва шевельнулись.

— Понятия не имею... — так же шёпотом ответила я. — Да это, собственно, и не важно. Куда интереснее другое...

— Где настоящий Император?

— Именно! — Я взглянула на Карателя, чувствуя, как в душе поднимается волна охотничьего азарта. — И, по-моему, теперь я знаю, как нам его найти...

... Ожидая, пока вернётся Альтар, я успела увильнуть от участия в светской беседе, организованной двумя почтенными матронами, «отшить» сразу троих прилипчивых кавалеров и устроиться в укромном уголке с гроздью спелого винограда. Впрочем, к угощению я едва прикоснулась — меня захлёстывало волнительное предвкушение предстоящей «игры»...

Я была почти уверена, что справлюсь... Главное, чтобы получилось у Карателя. Но когда я заметила его, спускающегося по лестнице с широкой галереи, на которой играл оркестр, мне даже не понадобилось задавать вопрос.

Поймав мой взгляд, Альтар улыбнулся и едва заметно кивнул.

Удача!...

Значит, теперь нужно только чуточку подождать...

Звуки очередного вальса понемногу стихли, и когда седоволосый герольд снова ударил посохом по полу, привлекая внимание, для меня уже не было секретом, что он объявит в следующий миг.

Я поспешила покинуть своё «укрытие» и словно невзначай занять место у ближайшей колонны из череды, оббегающей зал.

Ну... да поможет мне Ночь!

— Милостивые дамы и господа! Следующий танец не оставит равнодушным ни единого гостя на этом Балу! С нескрываемым удовольствием хочу пригласить всех на весёлую стакатту — яркую и красочную, как ожидающий нас впереди фейерверк!!!

Стакатта — «Колода Карт»... У нас такой танец зовётся Avelenchae — «Водяная Лавина». Наверное, у каждого народа есть подобный, вовлекающий в стремительное действие всех вокруг без исключения — будь ты хоть юная девушка, хоть почтенный старик...

Драгоценные перстни, «пожалованные» Альтаром герольду и дирижёру с целью исполнения «своей маленькой прихоти», себя оправдали. Огромная пёстрая толпа, послушно разбившись на две волны, расступилась к противоположным концам зала, чтобы через мгновение схлестнуться вновь — случайным образом соединив кавалеров и дам, словно брошенные на гадальный столик карты...

Исполнив вместе несколько фигур, пары стремительно рассыпались, подобно брызгам водяного шквала, и тут же объединялись вновь, но уже с другими партнёрами. Ровно столько у меня было времени — пока музыка, играя слитный отрывок, не успевала «перепрыгнуть» на новый, подавая всем знак. И я изо всех сил старалась не потратить даром ни одного отведённого мне мгновения, вскоре уже потеряв счёт бесконечному числу поклонов... поворотов... пируэтов...

Первым мне «попался» высокий мужчина в костюме скорпиона — с ним я уже танцевала сегодня, но тогда ещё даже не представляла, что именно вскоре заинтересует меня... Он был весьма неплохим танцором, и заметно гордился этим. Однако сейчас меня совершенно не заботил уровень его мастерства.

Скользкий поворот, полукруг, четыре положенных шага по квадрату... Чист! — успела отметить я, приседая в заключительном реверансе... Глаза уже высматривали по соседству нового «кандидата» на проверку.

В последний миг «скорпион» попробовал задержать мою ладонь, делая попытку многозначительно поднести её к губам и тем самым «отбить» себе право на ещё один совместный фрагмент стакатты. Однако я была начеку. Танец, конечно, обещал быть длинным. Но и подходящих «подозреваемых» оказалось очень, очень много...

Змейкой ускользнув от расстроенного «хищника», уже не представлявшего для меня интереса, я, удачно рассчитав шаги, «подвернулась» под руку крепкому «мореходу-пирату».

И здесь тоже оказался «промах»... Но я не отчаивалась, понимая, что затеянное мною дело — отнюдь не быстрое.

Третьим привлёкшим моё внимание был «гном». Четвёртым — «благородный орёл». Пятым — «трактирщик»...

Где-то в середине танца, когда от напряжения и мельтешащих вокруг цветастых платьев уже рябило в глазах, я на мгновение утратила инициативу... Однако в этот миг меня внезапно подхватили сильные мускулистые руки, не дали «утонуть», стремительно, но бережно закружив в «волне».

«Чист!» — механически отметила я, блаженно позволяя мужчине вести и наслаждаясь драгоценным мгновением отдыха. — «И вообще не годится — слишком высок... Да и моложе, к тому же...».

Подняла глаза — и поймала взгляд Альтара.

«Что??» — одними губами спросил он.

Я успела лишь легонько качнуть головой прежде, чем мы снова разлетелись, по велению музыки обретая новых партнёров...

Я мимоходом позавидовала Карателю: в отличие от меня, он просто танцевал. А вот мои силы были уже на исходе.

Однако я старалась держаться, прекрасно понимая, что вот она — та возможность, ради которой мы пробились сюда... Если она упорхнёт, другой уже не случится. И потому собрала в кулак волю и внимание — и проверяла, проверяла, проверяла мужчин, по возрасту, росту, телосложению напоминающих Императора, попутно намечая в толпе новые «может быть»...

Я выбивалась из сил ещё пару раз — и оба раза Альтар тут же приходил мне на помощь, неизвестно каким образом подгадывая так, чтобы в нужный момент оказаться рядом. В миг короткой передышки я повисала на его руках безвольной куклой — зато потом словно обретала второе дыхание...

Оба эти раза мне было нечего ему сказать — все те, с кем мне довелось танцевать, были «чисты», будто стёклышки.

И лишь на финальном отрезке стакатты, уже начиная отчаиваться и даже малость паниковать, я внезапно обнаружила именно то, что с таким трудом искала.

Разумеется, я не подала виду, старательно протанцевав доставшийся нам коротенький пассаж и в положенное время поменяв партнёра — хотя в душе едва не подскочила до потолка.

Хвала Ночи! Дальше можно было не продолжать...

Остаток танца я пустила «на самотёк», попросту принимая приглашения тех, кто был ближе. И, едва дождавшись финальных аккордов и поклонов, стремглав кинулась разыскивать Альтара в толпе.

Теперь уже ничего не спрашивал он — очевидно, понял всё по моему лицу. Просто позволил подхватить себя под руку и увлечь туда, где в данный момент находился опознанный мною субъект — я больше не выпускала его из виду.

— Уверена? — единственное, что шепнул мне Альтар на бегу.

— Да! — выпалила я, ликуя. — К счастью, мы с тобой всё поняли верно...

— Сударь?... — От волнения и спешки мой голос слегка дрожал. — ... Вы позволите нарушить ваше уединение?

Высокий крепкий мужчина легко отставил в сторону изящный фужер с напитком и повернулся ко мне.

— Прекрасная Дочь Ночи... — Он легко, но очень галантно поклонился. — Вы подарили мне большую радость, осчастливив возможностью танцевать с вами... По-хорошему завидую вашему супругу.

Он бросил внимательный взгляд на Альтара, стоящего рядом. Каратель склонил голову и негромко произнёс:

— Я очень прошу нас простить... Но причина, заставившая меня и мою... спутницу оказаться на этом празднике, на самом деле весьма далека от веселья и танцев. Мы пришли сюда с единственной целью — просить о разговоре, исключительно важном, без лишних ушей. От того, состоится этот разговор или нет, зависит очень и очень многое... Будущее и безопасность Империи, людей... и не только их. Человек, доверивший нам эту тайну, поплатился за неё жизнью... Однако он был уверен, что вам следует об этом знать.

— Вот как? — я не могла видеть его лица, но вот голос неумолимо изменился. — И что же это за человек?

— Его имя Просперо.

— И он... направил вас именно ко мне?

Альтар напрягся, так, что под кожей заходили желваки, и ответил — словно прыгнул в воду с моста:

— Да. Ваше Величество. Он считал, что вы — единственный, кому можно доверять.

Человек в костюме монаха-отшельника великолепно владел собой — но всё-таки едва заметно вздрогнул. И надолго замолчал.

— Как вы догадались? — наконец разлепил губы он.

— Почти случайно. — Я бросила в дальний конец зала быстрый взгляд. — У того, кто сейчас сидит на троне, помимо охранных заклятий и кое-каких отвлекающих чар ещё и магически изменён голос. Вы же — единственный в этом зале, на кого наложена магия с той же самой целью: не позволить голосу ненароком выдать вас. И, в любом случае, единственный, на чьи действующие чары магическая стража усердно закрывает глаза...

— Ловко... — вынужден был признать «монах».

Он поднял со стола свой фужер, отпил глоток вина — внешне неторопливо и даже слегка вальяжно, но я готова была поспорить на что угодно, что мысли его работают в лихорадочном темпе.

Но когда он заговорил, его голос вновь ничего не выражал.

— Я выслушаю вас. Но, разумеется, не здесь... Через десятинку выйдете из этой залы в левую арку и сверните на галерею — там вас будет ждать мой человек. Вас проведут туда, где мы действительно сможем спокойно поговорить.

Альтар

Десятинка, казалось, длится вечность...

Шаг за черту был сделан — однако ощущение «камня на плечах» не только не пропало, но почему-то стало ещё сильнее. Впрочем, назад дороги всё равно не было.

Шаэ тронула меня за рукав.

— Нам пора.

Мы направились к выходу из зала, пробиваясь сквозь весёлую кутерьму, но больше не ощущая себя её частью... Праздник был в самом разгаре, так, разумеется, и не заметив, что потерял нас.

За огромной аркой, украшенной лентами и искусственными цветами, тоже толпился народ, но поменьше. Здесь нашли себе место те, кто желал слушать музыку и наблюдать, но не участвовать в действе. То и дело поглядывая в зал, гости чинно восседали на скамьях, скамейках и пуфах, потягивали напитки и неспешно ковыряли ложечками пирожные, развлекаясь беседой и светскими сплетнями.

Мимо нас, крепко держась за руки, проскользнула влюблённая парочка — юноша едва не задел меня плечом. Перешёптываясь и хихикая, молодые люди стремительно пересекли галерею и исчезли за углом — должно быть, в поисках укромного местечка, чтобы уединиться. Видимо, мы в глазах остальных выглядели такими же...

Так или иначе, но у самой арки нами никто не заинтересовался. Скорее всего,

«человек» Императора поджидал нас дальше, и мы медленно пошли вперёд, мимо череды ростовых портретов, украшающих стены.

Галерея была парадной, и на картинах были изображены сплошь представители императорской династии. Сам Рожеро Справедливый, как и следовало правящему ныне, расположился над аркой у входа. Рядом был Рожеро Воин, его отец — рука на эфесе меча... Далее шёл Рожеро Скромник, задумчиво застывший у карты Империи, Рожеро Мудрец, увлечённо читающий книгу. Рожеро Лекарь, Рожеро Ястреб, ещё какой-то Рожеро... поди упомни всех. На пятом или шестом портрете мне стало скучно, и я было ускорил шаг, однако через пару мгновений удивлённый возглас эльфийки заставил меня остановиться и обернуться.

Шаэриэнн в молчании замерла у одной из картин.

— Что случилось?

— А разве вашей Империей когда-нибудь правила... женщина? — вопросом на вопрос ответила она.

Только теперь я рассмотрел, чей портрет привлёк её внимание.

— Императрица Береника? — Я подошёл поближе.

Красавица с фиалковыми глазами была изображена придворным художником в латном доспехе верхом на вздыбленном вороном жеребце. Насколько я помнил историю, в эпоху правления Береники Рожерии не было войн — главным её оружием было красноречие в переговорах, превзойти которое по сегодняшней день не удалось никому из её потомков. Да и панцирь с поножами, сверкающие золотом, при внимательном рассмотрении вряд ли годились для боя — зато, несомненно, подчёркивали достоинства фигуры, которых хватало...

Очевидно, портрет был написан именно таким образом, чтобы поменьше выделяться среди толпы мужчин, окружающих Императрицу в галерее — и в истории государства.

— Да, — я сообразил, что Шаэ всё ещё ждёт ответа. — У одного из Рожеро пару столетий назад не было сыновей...

— У Рожеро-Молчальника. — От затемнённой стены впереди отделилась тень. — И ему наследовала дочь, ставшая единственной за все времена женщиной на императорском троне. Пока — единственной...

Фигура ступила вперёд, окунувшись в слабый свет факелов, и передо мной с Шаэриэнн оказалась «орка» — та самая, с которой я танцевал гратту некоторое время назад... Но теперь шлема, заменяющего маску, на ней не было, и её лицо было полностью открыто. Выступив на свет, женщина остановилась прямо под картиной, и мы замерли, поражённые: сходство с белокурой красавицей, изображённой на портрете, было потрясающим. Только волосы в отличие от длинных локонов Береники были подстрижены коротко, напоминая пажескую причёску, да глаза цветом походили не на фиалку, а на безоблачно-голубое небо...

Наконец я с запозданием понял, кого вижу перед собой.

— Ваше Высочество... миледи Тира, — я почтительно склонил голову, приложив руку к груди.

Шаэриэнн, подобно статуе, неподвижно застыла за моим плечом, широко распахнув глаза.

— Не нужно имён, — остановила меня красавица, сполна насладившись нашим замешательством. Изящно очерченные губы тронула уже знакомая мне улыбка... — Вас ждут. А я — провожу.

Галерея с портретами осталась где-то позади. Дочь Императора вела нас в самое сердце Мраморного Дворца, уверенно лавируя в череде переходов, узеньких лестниц, скрытых за портьерами потайных дверей... Я, как правило, недурно ориентировался в пространстве — но если бы пришлось, пожалуй, не сумел бы самостоятельно повторить пройденный нами путь.

Когда мы оказались в одной из комнат — маленьком зале со множеством выходов — принцесса внезапно попросила нас подождать. Она покинула зал так быстро, что я едва успел заметить, за какой именно дверью она скрылась. Мгновением позже я ощутил направленный на себя чужой настороженный взгляд.

— Стой спокойно, — остановила меня Шаэриэнн, когда я принялся оглядываться по сторонам, пытаюсь понять, откуда наблюдают — поток внимания, казалось, шёл отовсюду. — Нас проверяют... можно сказать, обыскивают.

М-да...

Я нахмурился, но вертеться всё же перестал. В конце концов, наивно было бы полагать, что нас допустят к императорской персоне, не убедившись окончательно в отсутствии возможных неприятных «сюрпризов». Как и следовало ожидать, не найдя при нас сокрытого оружия или артефактов, нас «отпустили», а через мгновение вернулась и наша провожатая, как ни в чём не бывало подав нам знак дальше следовать за ней.

Впрочем, идти оставалось недолго. Остановившись перед очередной ничем внешне не примечательной дверью, принцесса бросила куда-то в сторону короткий внимательный взгляд, затем толкнула деревянную створку и вошла, промолвив с порога:

— Ваше Величество. Ваша просьба исполнена.

Она слегка склонила голову, останавливаясь перед массивным круглым столом. С полдюжины кожаных кресел вокруг него пустовали — было занято лишь одно...

Держа в руках кружку с исходящим паром напитком, Император кивнул:

— Спасибо... Присаживайтесь, господа! — обратился он уже к нам. — Если желаете чаю или чего-нибудь покрепче, я велю капитану моей охраны всё организовать.

— Нет... благодарю Вас, — с запинкой ответил я за нас с эльфийкой, сообразив, что капитаном собственной охраны Рожеро назвал дочь...

Шаэриэнн первая заняла ближайшее к нам кресло. Я уселся рядом.

— Как пожелаете. — Император пожал плечами. — Хотя чай, надо сказать, здесь умеют заваривать отлично... Что ж, в таком случае, предлагаю сразу перейти к делу. Кто вы и для чего искали встречи со мной?

Я полагал, что белокурая принцесса, исполнив свою миссию, оставит нас наедине, однако она невозмутимо села в свободное кресло по правую руку от отца. Я покосился в её сторону.

— Тира не только мой личный страж, — заметив мой взгляд, произнёс Император, — но и моё доверенное лицо. Она останется. Говорите — более нас никто не слышит.

— Моё имя Аласдайр Таргос ар Кэррайн... — преодолев в душе последние сомнения, начал я. — Я состою на службе Ордена Таргоса, и ношу плащ Карателя последние восемь лет... В поисках встречи с Вашим Величеством я оказался на этом балу, выдав себя за Алишера ар Кэррайна, наследника герцога Вартасса и моего единокровного брата...

Император медленно кивнул. От меня не укрылся внимательный взгляд, которым он обменялся с дочерью. Равно как и то, что моё признание их вовсе не удивило.

— Имя моей спутницы... — я взглянул на эльфийку, — Шаэриэнн. Судьба столкнула

нас случайно, в маленькой деревеньке на Полуночи, где она, живущая неподалёку отшельницей, не один год считалась ведуньей...

А вот персона Шаэриэнн явно заинтересовала правителя и его дочь куда больше моей.

— Ведунья? — задумчиво проронила Тира. — Надо же... Дочь Ночи, в жилах которой течёт явно не простая кровь. Определённо, не лист Звёздного Древа, и даже не его ветвь... Что же? Ствол?... Или...

— Корень, — Шаэриэнн с достоинством выдержала её взгляд. — Некогда моё имя было Shaerriaenne Ad Aella En Thal'liae Ness'edhi-Ra...

— Тёмное Пламя?! — не сдержавшись, присвистнула принцесса.

— Так когда-то было, — Шаэриэнн, определённо, оценила её познания. — Но более — нет. Меня лишили права считаться частью Созвездия...

— Почему? — поинтересовался Император.

— По политическим мотивам, — спокойно ответила эльфийка, хотя я видел, чего ей это стоило. — Если Ваше Величество заинтересуют детали, я готова их прояснить. Однако это потребует времени. Позвольте прежде моему... спутнику открыть вам то, ради чего мы оказались здесь.

— Хорошо, — Император коснулся гладко выбритой щеки и перевёл взгляд на меня. — Я слушаю тебя, Альтар-Каратель. Продолжай...

То, что раньше было моей догадкой, теперь обратилась в уверенность: Император меня проверяет... Обратившись ко мне по Орденскому имени, которое я ему не называл, он поступил так намеренно — давая мне понять это.

— Да, я знаю, кто ты такой, — словно отвечая на мои мысли, подтвердил Рожеро. — Мне рассказали об этом почти сразу после того, как вы были представлены двору.

Но... как? Как, во имя Тьмы и Света?!

Где же мы «прокололись»?...

Быстро они тут работают...

Мимходом подивившись тому, что мы с Шаэриэнн всё ещё не в каземате, я, тем не менее, постарался поправдоподобнее усмехнуться:

— Смотря что именно рассказали...

Рожеро мгновение помолчал, не скрывая того, что смотрит на меня оценивающе.

— В любом случае, я имел возможность пообщаться лично с вашей... весьма колоритной парой, — уклонился он от прямого ответа, и я понял, что ничего хорошего он, безусловно, не слышал. — Кроме того, я хочу знать, что скажешь ты сам. Что связывало тебя и Просперио?

— Давнее знакомство. Затем — служба под его началом, — склонил голову я. — И, осмелюсь сказать, многолетняя дружба...

От меня не укрылось то, что Император произнёс «связывало» в прошедшем времени. Выходит, о смерти Магистра ему известно. И, разумеется, известна «официальная» версия...

Однако он внимательно выслушал мой пересказ событий, с того самого момента, как, собираясь выступить в Полуночную Цитадель на подмогу, я получил известие от Просперио с просьбой проведать его, когда появится время — и до роковой встречи с Мечами Ордена на постоялом дворе Каменного Ключа.

Я постарался не упустить ничего важного, понимая, что от того, поверит мне Император или нет, зависит теперь всё... Упомянул случай, заставивший меня заехать в лежащий по пути Нижний Рогачик, своё «знакомство» с Шаэриэнн и распутанную нами

историю об эльфийской магии и агмарилле, которая впоследствии исключительно заинтересовала Магистра. Не скрывая деталей, рассказал о задании, порученном мне Просперо, о его догадках, и о роли, которую должна была исполнить в его замысле эльфийская колдунья... И, наконец, описал увиденное нами в Оплоте Туманного Клинка, опустив ряд подробностей нашего бегства оттуда, до того самого момента, как я узнал из уст Ильдариана, что Просперо мёртв, а мы теперь находимся вне закона, как его убийцы...

Император и принцесса слушали очень внимательно, не перебивая, но в то же время никак не выказывая своё отношение к услышанному. По мере повествования Рожеро Справедливый лишь задал несколько уточняющих вопросов... однако, кажется, я успел уловить на его лице кроме тени сомнения ещё и отблеск нешуточной озабоченности, подаривший мне надежду...

То есть, он всё же не исключал того, что сказанное мною действительно могло оказаться правдой.

И правда эта не сулила ничего, кроме беды...

— Ты понимаешь, какая страшная сила сокрыта в твоих словах? — после заметной паузы тяжёлым голосом произнёс Император. — Просперо мёртв, и, так или иначе, он сам ничего больше не скажет. А ты... ты можешь подтвердить хотя бы что-нибудь из того, о чём поведал?

— Да. Могу, — кивнул я, чувствуя, как вспотели от напряжения виски и затылок. — У меня есть записи, сделанные Светлым Жрецом Дейарисом — псоглавцем — в которых около двадцати разработанных им заклинаний. Агмарилл и эльфийская магия в них выступают единым целым — мы же, люди, по сей день были уверены, что этого не может быть!... Есть волны нежити, накатывающие на приграничье — и летописные хроники недавних сражений при участии усиленных церковным металлом магов и солдат... Сопоставьте их, как это сделал Просперо — и вы увидите, что привело его к выводам, на первый взгляд кажущимся кощунством и бредом... Наконец, есть... молодой и талантливый чародей, нащупавший связь между агмариллом и таинственными Гробницами Демонов, следы которой скрываются в Седонских копиях! Что на самом деле там происходит, ведомо одним богам... и псоглавцам.

— Псоглавцы наши союзники, — подала голос Тира.

Я повернулся к ней:

— Они так говорят. Но мы их совершенно не знаем. И если сейчас упустить из внимания всё то, о чём только что было сказано... Безымянный знает, что произойдёт, когда они достигнут своих неведомых целей.

На этот раз молчание за столом длилось заметно дольше.

— Агмарилл — сам по себе великая сила, — проронил Рожеро Справедливый наконец, направив невидящий взгляд куда-то в пустой центр стола. — И по сей день он считался великим благом для людей. Только мы, люди, можем использовать этот металл безо всякого вреда для себя, и только нам подчиняется содержащаяся в нём магия. Агмарилл помог нам прочно утвердиться на вершине Мира...

— Но если прав на самом деле Просперо... — упрямо продолжал настаивать я, — ... нам, людям, придётся искать другие способы сохранить первенство в Мире за собой! Этот путь, кажущийся самым лёгким, заведёт лишь в могилу... Вкупе с прочими расами мы попросту захлебнёмся в очередной волне нежити, с которой даже агмарилл не поможет нам совладать...

— Может, ты прав, а может, и нет... — задумчиво протянул Император.

— Но прояснить это может только Седона! — Я, забывшись от волнения, подался вперёд. — Туда и только туда нужно отправляться в поисках истины! Я и мои спутники готовы сделать всё возможное, чтобы узнать, что затевают псоглавцы, и разыскать доказательства... Прошу вас лишь об одном, Ваше Величество: не оставляйте без внимания этот вопрос!...

— Эти знания могут спасти Империю, — медленно произнёс Рожеро Справедливый, — а могут её погубить. Вы понимаете это?

— Да, Ваше Величество, — склонил голову я. — И потому мы пришли с ними к вам. Магистр Просперо считал, что только вы сможете распорядиться ими так, как нужно, и принять справедливое решение...

— Что ж... — проговорил Император с едва уловимой ноткой горечи в голосе. — По-видимому, так оно и есть. Но прежде скажите мне: кто кроме вас знает то же, о чём рассказали мне вы? Молодой маг, имени которого вы не назвали... — цепкий взгляд из-под густых бровей обжёг моё лицо, — ... это ясно. Просперо — но он мёртв. Кто ещё?

— Не знаю, — честно признался я. — Возможно, те, кто на самом деле убил Магистра... Возможно, чародей по имени Зельде со своими союзниками, имеющий какое-то отношение к Орденскому Капитулу...

Император поморщился:

— Я имел в виду — кто, помимо меня, слышал об этом от вас?

— Более никто. — Я покачал головой.

— Хорошо...

Император глубоко вздохнул и поднялся со своего места, вынуждая всех остальных сделать то же самое.

— Я подумаю над вашими словами. И сделаю то, что должен сделать, — веско сказал Рожерио. — В том числе и для вас... Тира, — обратился он к дочери, — как обстоят дела?

— Слежки за нами не было — ни простой, ни магической, — уверенно отчиталась принцесса. — Но их исчезновение с бала, разумеется, заметили... И, зная вас... — она хмыкнула, почти незаметно, — ... всё-таки не исключают возможность беседы.

— Что ж, — повторил Император, внимательно взглянув ей в глаза. — Тогда... позаботься о безопасности наших гостей. Всё должно быть так, чтобы комар носа не подточил...

— Обижаете, — проронила Тира с ноткой кокетства.

— Ваше Величество... — негромко начал я, но Император повелительным жестом руки заставил меня замолчать.

— Я вас выслушал. И я вам верю... Об остальном не беспокойтесь — вы всё узнаете позже... Всё, что будет необходимо.

Он скользнул внимательным взглядом по нашим лицам, развернулся и, накинув на голову капюшон «монаха-отшельника», быстрым шагом вышел за дверь, покинув зал.

— Итак, — подала голос Тира, — встреча состоялась. Теперь прошу за мной... Император терпеть не может, когда исполнения его решений запаздывают.

Подобно тому, как пришли сюда, вслед за белокурой принцессой мы вышли из зала и двинулись назад... Или нет? Я не мог понять, ибо она повела нас другим путём.

Вскоре откуда-то издали стал доноситься шум людских голосов, похоже, даже отзвуки музыки... Мы приближались к бальной зале. Выйдя на галерею с широкими окнами, мы

увидели, что находимся на втором этаже дворца: внизу хорошо просматривался уголок парка, в котором прятались пушки. Специально обученные слуги суетились подле них вместе с магами-пиромантами, готовясь к запуску фейерверков...

— Всё, — внезапно Тира остановилась. — Дальше вы не заблудитесь. Галерея выведет вас ко внешней лестнице во двор, а там как раз сольётесь с толпой и сделаете вид, будто фейерверки — именно то зрелище, что выманило вас из укромного уголка... А моя роль провожатого на этом исчерпана.

— Благодарю вас, миледи... — произнёс я.

Тира легонько кивнула в ответ и тут же исчезла — словно и впрямь растворилась в тенях...

— Идём? — Шаэ взяла меня под руку.

— Да... — Я кинул в окно рассеянный взгляд, пытаюсь собраться с мыслями. Сделал пару шагов вперёд и внезапно признался: — Знаешь... а я почему-то представлял себе этот разговор совсем иначе.

— Ты ждал от этой встречи слишком многого... — прокомментировала эльфийка. — Что Император всплеснёт руками и тут же кинется организовывать тот самый поход за правдой, поставив нас во главу копыя... Так, конечно, тоже могло бы быть. Но... Ему, похоже, видней. В любом случае, всё, что было необходимо, мы донесли до нужных ушей. А дальше — будем решать сами...

Внезапно её слова потонули в гуле и грохоте. Небо над парком озарил радужный фонтан первого фейерверка, встреченный бурными аплодисментами и радостными криками. Мы с Шаэриэнн подняли на него глаза, как раз сворачивая на лестницу...

... которой не оказалось.

Вместо неё за поворотом начинался широкий длинный коридор, увешанный порттьерами и гобеленами. И из-за них во мгновение ока появились фигуры в тёмных неброских костюмах и масках, лишь условно напоминающих карнавальные...

И эти фигуры, словно по маху волшебной палочки, профессионально и слаженно вдруг набросились на нас.

Что и говорить — взяли нас «тёпленькими»... Ни я, ни эльфийка не успели даже сообразить, что случилось. До моих ушей донёсся хриплый вскрик Шаэриэнн... я дёрнулся, пытаюсь разбросать нападавших в стороны, но безуспешно... Через мгновение я уже лежал на паркетном полу с надёжно спуганными за спиной руками и мешком на голове, и готов был взвыть от бессилия и злобы, когда бы не мешал кляп, ловко всунутый в рот...

Ещё через мгновение меня с усилием подняли на ноги, поддерживая со все сторон и, позволяя делать лишь крошечные шаги, почти волоком потащили куда-то... по плиткам, по лестницам... я плохо представлял, куда. Десятинка сумасшедшей дороги — судя по морозцу вокруг и скрипу снега под ногами, дальше меня тянули по двору... И, наконец, затолкнули в узкую каморку с низким потолком, сопроводив ощутимым тычком в спину.

Не успел я сгруппироваться и попытаться встать на ноги, как прямо на меня швырнули ещё что-то... вернее, кого-то, и с громким лязгом захлопнули дверь.

Шаэриэнн!...

Боги-братья, я понял это раньше, чем смог наконец, подняться, зацепиться краем мешка на голове за какой-то крюк, торчащий из стены, и сдёрнуть его прочь...

Эльфа была здесь, рядом.

Демоны, хоть это... Хоть жива!...

Она сдавленно мычала, силясь встать, точно такая же связанная и беспомощная. Я изловчился и, нагнувшись к ней, сдёрнул мешок зубами. На миг встретился с ней взглядом...

Тень Безымянного и всех его поганых отродий!...

... Крюк, спасший меня из мешка, торчал прямо из деревянной стены. Её прочность определённо наводила на мысль, что доски эти либо толстые чересчур, либо же усилены с помощью чар. Я примерился и попробовал зацепить за него связанные руки. Эльфийка, прекратив напрасно тратить силы, молча следила за мной с пола — только горели глаза, яростно и горько... В тот миг, когда с третьей попытки задуманное мне удалось и я принялся перетирать бечевку, наша «каморка» внезапно покачнулась и... двинулась с места.

Фургон!... — пронеслось у меня в голове. Раздавшееся откуда-то снаружи лошадиное ржание подтвердило мою догадку. Шаэриэнн у моих ног лишь горестно фыркнула. Нас куда-то везли.

Куда — известно было одним Братьям-Богам...

Глава 6

Встреча с прошлым

Шаэриэнн

Перетереть верёвку у Альтара не вышло. Однако по счастливой случайности ему, похоже, повезло вогнать крюк в самую середину узла. После нескольких сильных рывков путы, связывавшие руки Карателя, ослабели и провисли, так что высвободиться из них он смог без труда. Избавив себя от кляпа, он яростно швырнул его в сторону двери, падая рядом со мной на колени...

Моё освобождение заняло чуть больше времени, однако распутывать узлы у Альтара получалось мастерски. Фургон то и дело потряхивало на неровной дороге, но Каратель этого даже не замечал. Наконец, и я смогла выпрямиться и сесть, опираясь о стену, вдохнуть полной грудью и растереть передавленные верёвкой запястья.

— Д-демоны!!!

Словно загнанный в клетку лев, Каратель метнулся к одной стене, ко второй... Окон, разумеется, не было. Щелей между досками — тоже. Даже замок, по всей видимости, снаружи был навесной, так как в двери не было и намёка на какое-то подобие замочной скважины. Примерившись, Альтар врубился в дверь плечом. Потом ещё раз...

— Не надо... — поморщившись, остановила я Карателя.

В отличие от него, мне сразу стало понятно, что надежды высадить её всё равно нет.

Не отвечая мне, Альтар упёрся в дверь обеими руками, до предела напрягая мускулы — будто на самом деле пытался титаническим усилием выдавить её из петель — но вместо этого вдруг беззвучно выругался и застыл, глядя себе под ноги...

Влекомая каким-то мгновенным порывом, я дёрнулась с места, едва удержавшись на сломанных каблуках. Фургон снова ощутимо качнуло, и я чудом не запуталась среди лохмотьев, в которые превратилась моя юбка, но всё же успела шатнуться к Альтару и вцепиться в его руку.

— Демоны... — проронил он, не глядя на меня. — Быть таким идиотом...

— Ты не виноват, — твёрдо сказала я. — Ты не мог знать...

— Должен был!... — тяжело дыша, Каратель покачал головой. — Я должен был хорошо подумать... чем это может обернуться. Взвесить все возможные варианты. В том числе и такой...

— Ты не мог знать, — упрямо повторила я. — Всего не предусмотритишь. Твой Просперियो доверял Императору... И мы с Антонио тоже считали, что вернее всего будет открыться ему...

— Вот и надо было мне... думать головой, — слова давались Карателю с трудом. — Прежде чем впутывать... Тебя и его... Во всё это...

— Проклятье! — как же тяжело порой бывает найти нужные фразы! — Альтар, послушай... Сей же момент прекращай себя казнить! Ты не можешь быть виноват в том, что ваш Рожеро иначе расставил приоритеты!... И вместо того, чтобы бороться против реальной беды, предпочёл оставить всё, как есть, усмотрев опасность лишь в тех, кто об этом знает, —

я сощурила глаза. — Не такой уж, выходит, он и Справедливый... Да, это наша проблема! Но вина — его, а никак не твоя!...

Внезапно я резко осеклась, поймав себя на том, что, оказывается, не ограничиваюсь одной лишь пламенной речью...

О Ночь!...

Я почувствовала, как предательски алеют уши, сообразив, что всё это время весьма увлечённо, чтобы не сказать — ласково, глажу Карателя по незащищённому безрукавкой плечу...

Альтар, к моему несчастью, тоже это заметил. И от неожиданности даже прекратил подпирать дверь.

— И вообще! — рывкнула я, непроизвольно повысив голос и отдёргнув руки, словно от огня. — Не о том печёшься, Каратель!... Судьбы Империи подождут! Равно как и мотивы Императора Рожеро... Нам бы собственные шкуры спасти, для начала...

Альтар сконфуженно моргнул. Я успела заметить, как догорают в глубине чёрных глаз остатки бесполезной ярости, выпуская рассудок на волю — и украдкой перевела дух...

— Знать бы, куда нас везут... — пробормотал Каратель.

— Скоро узнаем, — невесело хмыкнула я. — Только вот то, что там ждёт, нам навряд ли понравится.

— Если б хотели заткнуть нам рот — уже бы убили.

— Верно. Но, боюсь, прежде с нами ещё раз «поговорят»... — я мимо воли сжала кулаки. — С особым вниманием. Следя, чтобы мы ничего не утаили... Ну, а потом... Два пути: либо плаха, либо — темница. В любом случае, то место, откуда не выбираются...

— Значит, наш единственный шанс — пробиваться! — Альтар хмуро посмотрел на меня.

— Быстрая смерть... — без особого выражения бросила я. И хотела бы возразить, но — увы...

— У нас есть крохотное преимущество — они не знают, что мы освободились, — продолжил свою мысль Каратель. — И, как только за нами придут...

Внезапно фургон снова подпрыгнул, да так, что мы едва не попадали на пол. Затем он накренился набок, словно давшая течь барка — в шторм, пронзительно скрипнул всеми колёсами и резко остановился.

Мы с Альтаром, не сговариваясь, рванулись в противоположные углы по обе стороны от двери, готовясь атаковать, едва кто-то попытается её открыть.

«Неужели... приехали?» — мелькнуло в голове. Я, конечно, и предполагала, что дорога не займёт много времени, но по моим прикидкам мы едва успели покинуть город.

Так близко...

Однако вытаскивать нас наружу не торопились. Прошло несколько томительных мгновений, и фургон вновь покачнулся и затрясся — однако с места не двинулся. Внезапно что-то несколько раз глухо стукнуло по крыше... И снова... А потом нечто ощутимо тяжёлое бухнуло в противоположную стенку от нас.

Снаружи явно что-то происходило.

Я, вся обратившись в слух, прикинула к толстым доскам.

Лошадиное ржание... Топот. Крики, но слов не разобрать... Снова град ударов — по бокам, сверху... Что-то, похожее на drobные шаги. И ещё какой-то странный звук, словно фон ко всему этому... Лязг! Металлический лязг!... Оружие!

... Там, за стенами, идёт бой!

— Альтар... — выпалила я, и в этот миг дверь внезапно просела, а затем распахнулась настежь.

Я, не задумываясь, швырнула в проём «Огненный Шторм»...

Следом Альтар, словно тигр, рванулся вперёд в отчаянной попытке повалить вошедшего наземь и, завладев его оружием, выторговать у Судьбы наш единственный шанс... но замер на полушаге.

В фургон никто не вошёл.

Более того, все звуки снаружи стихли — так, словно вдруг в единый миг на это место набросили Пелену Безмолвия...

— Выходите! — послышался снаружи басовитый мужской голос. Не было сомнений, что он обращается к нам. — Мы... друзья.

— Доказательства? — хрипло рявкнул Каратель.

— Вы живы, — просто ответил неизвестный. — И неприятности в данный момент — не у вас...

Мы с Альтаром молча встретились глазами.

По большому счёту, спалить фургон с помощью магии можно в считанные мгновения... А значит, выбора у нас всё равно нет.

— Ладно! — крикнул Альтар, выпрямляясь у дверного проёма. — Мы выходим!

Я постаралась не отстать, всё-таки продолжая удерживать на кончиках пальцев самый простой, но весьма мощный Шквал. Спасти бы, конечно, он нас не смог, но с заклятьем всё же на душе было немного легче...

Широкая спина Альтара загородила проём, но как только он спрыгнул вниз с невысокой подножки, моим глазам предстала любопытнейшая картина.

Вокруг фургона, безнадёжно застрявшего двумя колёсами в придорожной канаве, в ожидании нас собрался нешуточный отряд... Пара дюжин человек, вооружённых до зубов, к этому времени уже надёжно скрутили шестерых — очевидно, наших караульных — избавив их от оружия и напрочь лишив всякой возможности сопротивляться. Двое мужчин, слабо шевелясь, лежали чуть поодаль на земле — впрочем, крови я не заметила. Ещё один внимательно наблюдал за нами с крыши, приставив кривой нож к горлу бывшего возницы, в то время как троица его товарищей сноровисто выпрягала из постромков напуганных лошадей.

На первый взгляд все они — и нападавшие, и оборонявшиеся — выглядели очень похоже: неброская тёмная одежда, плащи без опознавательных знаков... Однако у тех, кто угодил в плен, лица были открыты, а вот нападавшие тщательно скрывали их под разбойничьими платками.

Худощавый мужчина, ожидавший у самого входа, очевидно, был здесь за главного. Он по-свойски кивнул нам, едва мы с Карателем выбрались на свет. Через его руку были перекинута два плаща, точно такие же, как у его людей. Он протянул их Альтару:

— Надевайте. Чай, не лето...

Каратель без лишних слов развернул один, набрасывая мне на плечи. Только сейчас, закутавшись в тёплую шерсть, я почувствовала, насколько на самом деле озябла... Лохмотья, оставшиеся от моего бального платья, и одеждой-то толком назвать можно было с трудом...

— Вы не понимаете, с кем связались... — подал голос один из нашей бывшей

охраны. — Мы императорская гвардия... У нас приказ...

— Плевать, — коротко бросил главарь.

— Вас повесят...

— Пусть сначала поймают!

По его знаку один из людей, держащих гвардейца, ощутимым тычком под рёбра заставил того замолчать. В это время двое других разбойников, вынырнув откуда-то сбоку, подвели к нам осёдланных лошадей.

Главарь первым вскочил на коня. Мы последовали за ним. Разбойники тоже сели в сёдла, не забыв собрать разбросанное оружие и увести упряжных лошадей. Гвардейцам, сгрудившимся у сломанного фургона, оставалось лишь бессильно проводить нас взглядами, полными лютой ненависти.

Отряд поднялся в галоп, разбрасывая снег из-под копыт, и через некоторое время зимняя ночь полностью поглотила нас.

Не могу сказать, как долго мы ехали и куда. С тракта почти сразу же свернули; главарь лишь молча подгонял свою лошадь, уверенно выбирая дорогу, а все остальные как приклеенные следовали за ним. Нас с Альтаром держали в середине отряда: вроде бы как не в плену, но и без малейшей возможности вырваться и сбежать. Все попытки расспросить наш новый конвой наткнулись на стену молчания, и моя слабая надежда, что это Антонио каким-то непостижимым образом организовал нам отступной путь, сама собой развеялась в прах.

Однако тьма вокруг ещё даже не успела поблекнуть, когда, пустив коней чистым полем, отряд выбрался напрямик к небольшому замку, окружённому высокой стеной из белого полированного камня. Нас там, похоже, заметили ещё на подъезде: створки ворот были открыты, через небольшой, но глубокий ров перекинут мост, а зубцы решётки убраны вверх. Лошади, фыркая, влетели во двор и остановились, устало поводя боками.

Главарь спешил первым. Не скрывая усталости, вытер лоб тыльной стороной ладони, а затем повернулся к нам.

— Прощу простить за это представление... — хриплый мужской голос вдруг неуловимо преобразился, и заканчивал фразу уже знакомый нам... женский.

Альтар изумлённо распахнул глаза. Я же в который раз помянула про себя Извечного.

Будь неладна моя невнимательность!... Надо же было так сосредоточиться на собственной магии, в итоге оказавшейся бесполезной, и даже не подумать при этом отследить чужую...

Главарь между тем стянул повязку и капюшон, открывая лицо.

Синеглазая дочь Императора Рожеро спокойно выдержала наши взгляды, но остановила готовые было сорваться вопросы:

— Теперь мы можем поговорить в спокойной обстановке. Угроза вашей жизни миновала... Только предлагаю вначале подняться наверх — там есть камин, горячее вино и подходящая одежда. Сожалею об испорченном платье, Дочь Ночи, — она слегка склонила голову, повернувшись ко мне, — но другого выхода действительно не было...

Она бросила повод коня одному из своих людей и, сделав приглашающий жест, направилась к двери вверх по ступеням.

— Мы в плену? — с вызовом произнесла я.

Тира замедлила шаг.

— Вы гости, а не пленники... — Она сделала лёгкое ударение на начале фразы, но

окончание не оставило сомнений в её истинном смысле. — Однако ваша безопасность превыше всего.

Нашего появления в замке явно не ожидали. Но сориентировались быстро.

Проворные горничные отперли для нас пустующие покои, в которых впрочем, царил образцовый порядок, лакеи притащили воду для умывания и несколько комплектов одежды на смену. Я с наслаждением избавилась от останков изорванного в клочья бального наряда, оценив, что среди вещей, предложенных мне, были не только платья, но и костюмы.

Очевидно, эти вещи принадлежали самой Тире. Долго не раздумывая, я выбрала узкие штаны из тончайшей шерсти, кипенно-белую шёлковую сорочку и лёгкую, но тёплую куртку, доходящую мне до середины бедра. Одежда сидела на мне неплохо, но в бёдрах всё же была чуть свободней, чем мне хотелось бы. В груди, впрочем, тоже... но вовсе не настолько, чтобы эта разница вызывала неудобство или бросалась в глаза. Я дополнила новообретённый костюм парой высоких замшевых сапог, облегающих ноги, как вторая кожа, расчесала волосы и осталась довольна.

На выходе из комнаты я встретила Карателя. Тёмные штаны и глухая куртка, сменившие его орочий наряд, сделали его похожим на одного из «разбойников», вместе с которыми мы прибыли сюда. От меня не укрылось то, как Альтар время от времени поводит плечами — видимо, куртка всё же была ему узка... Впрочем, и то хлеб — пусть эта одежда и не совсем впору, однако куда уместнее зимней порою, чем наши маскарадные костюмы. Хотя платья, в которое мы с Мариэтт вложили столько времени и вдохновения, всё же было немного жаль...

Дочь Императора собственной персоной поджидала нас в коридоре. Сидя на широком подоконнике стрельчатого окна, она с наслаждением прихлёбывала что-то горячее из кружки, которую держала в руках, и в задумчивости болтала ногой, совсем не царственным движением пиная большую кадку с амариллисом...

Как только мы появились в дверях, она окинула нас заинтересованным взглядом и легко спрыгнула вниз.

— Очаг в каминном зале уже растопили, — сообщила она так, словно мы всего лишь походя заглянули сюда с визитом. — После я покажу вам замок. Здесь есть красивый зимний сад и неплохая библиотека. Полагаю, они немного скрасят ваше пребывание... К тому же, я велела мажордому слушаться вас, как меня.

Наше пребывание... Вежливая фраза в очередной раз царапнула слух. Нашим мнением не интересовались — просто уведомили о том, что мы здесь, скорее всего, надолго. Что ж, тюрьма остаётся тюрьмой, даже если при этом она обставлена, как лучшая гостевая комната...

— А если мы захотим... уехать? — разлепил губы Альтар, явно подумав о том же. — Нас... выпустят?

— Выпустят, — к моему глубокому удивлению, Тира равнодушно пожала плечами. — И лошадей дадут. Но что дальше?

Внезапно принцесса остановилась. Обернулась и привстала на цыпочки, так, чтобы её глаза оказались почти вровень с глазами Карателя.

— Как только вы покинете это место, — резко произнесла она, вмиг без следа растеряв всю свою легкомысленность, — никто не даст за ваши жизни и ломаного гроша... Если бы не спектакль, который мне пришлось разыграть чуть ли не на ходу, вы бы едва успели после бала сделать шаг за пределы дворца... Нет, я, безусловно, могу оставить вас самих по себе и

проследить, кто доберётся до вас первый. Это тоже даст определённые зацепки. Однако вариант, при котором вы остаётесь живы и мы помогаем друг другу, всё же кажется мне более перспективным. Лично я бы предпочла его...

Я видела, как напрягся Альтар — сохранять спокойствие ему удавалось с трудом. У меня тоже многое готово было сорваться с языка... Однако Тира, похоже, всё же не собиралась долго испытывать наше терпение — просто продолжила путь по коридору вперёд.

Следуя за ней, мы переступили порог большой комнаты — просторной, но при этом не лишённой уюта. Судя по всему, она служила хозяевам замка и для торжественных приёмов, и для частных бесед. Длинный стол, окружённый множеством стульев, сейчас пустовал, однако в дальнем конце помещения — там, где, дразня теплом и отдыхом, ярко пылал камин — суетились двое слуг, расставляя мягкие кресла. Подле самого очага нас уже поджидал низенький столик, сервированный фруктами и сыром, и третий слуга, держа прихваткой чугунок с подогретым вином, как раз наполнял кружки.

Едва мы вошли, лакеи поторопились закончить приготовления и с поклоном удалились, оставив нас одних.

Тира с видимым наслаждением упала в одно из кресел, вытянув ноги в сторону огня. Её пример был столь заразителен, что, несмотря на всю напряжённость ожидания, не последовать ему мы просто не смогли.

Кружка с горячим вином грела пальцы. Я сделала глоток, потом ещё один, чувствуя, как упоительное тепло разносится по каждой клеточке тела, а безумный калейдоскоп событий этого дня, наконец, замирает в долгожданном покое...

— Ну, вот... — удовлетворённо заметила принцесса.

Прищурившись, она цапнула с блюда кусочек сыра и негромко заговорила:

— Начну, пожалуй, с конца... Место, где мы сейчас находимся — охотничий замок, некогда подаренный матери моим отцом. Сейчас он мой. И во всей Империи, пожалуй, не может быть стен надёжнее и безопасней... Как я уже сказала, — она выдержала маленькую паузу, и Каратель, уже готовый было задать ей какой-то вопрос, так и не раскрыл рта — ... я привезла вас сюда для того, чтобы сохранить вам жизнь. О том, что мы находимся здесь, знают только люди, сопровождавшие нас — мой личный отряд. Они не менее надёжны, чем сам замок. Им тоже можно доверять. Но более — никому...

— А как же те, кто связал нас и швырнул в фургон? — я, в отличие от Альтара, сдерживаться даже не пыталась. — Они ждали нас там, куда направила ты. Разве они не действовали по твоему приказу?

— Разумеется, — Тира невозмутимо кивнула. — Но это были обычные гвардейцы. И приказ у них был другой...

Но я увидела, что сыр она отложила в сторону, так и не надкусив.

— Они должны были схватить особо опасных преступников, проникших во дворец обманом. — Её голос, однако, оставался спокойным и бесстрастным. — Преступников, чьё пребывание во дворце несёт прямую угрозу жизни и безопасности Императора... Подразумевалось, что я изыщу предлог удалить вас из бальной залы и с рук на руки «тёпленькими» передам начальнику дворцовой гвардии. А уж он и его люди довершат остальное — обезвредят вас и вывезут в тюремный форт за городом, где можно будет без помех заняться вами вплотную...

— Почему за город? — хмуро поинтересовался Альтар. — Разве в столице нет своей

тюремь?

— Есть, — вздохнула Тира. — И мне стоило немалых сил навести капитана Редесса на мысль, что в тюрьме Рожериона вашими персонами прежде всего заинтересуются маги и члены Орденского Капитула. А это похоронит его шанс проявить себя, раскрыв заговор против Императора собственноручно... Но к счастью, Редесс столь же тщеславен, сколь и недалёковиден. И главное — отбить вас у его людей можно было постараться без кровопролития... С магами подобный фокус бы не прошёл, — принцесса хмыкнула, передёрнув плечами. — Потому мэтра Димана пришлось занять другим. Поиском ваших несуществующих сообщников...

— Кто такой мэтр Диман? — я почувствовала, что теряю нить.

— Глава отцовской магической стражи, — пояснила Тира. — Более серьёзный персонаж... Однако и он не лишён слабостей, на которых можно сыграть. Пришлось оскорбить старика в лучших чувствах, высказав беспокойство, что его хваленый контроль над ситуацией во дворце дал трещину... Пока он суетился, проверяя и перепроверяя то, что и без того было в порядке, вы успели встретиться с отцом. А я... — она двинула вперёд наполовину опустевшую кружку, — успела сделать ход Редессом...

Кружка принцессы скользнула по столу и задиристо звякнула, налетев на ту, что стояла перед Карателем. Я заметила, что он к вину даже не притронулся.

— Не понимаю... — Альтар поднял на Тиру тяжёлый взгляд. — Для чего, к Безымянному, нужны были все эти сложности?! Если вы сочли нас преступниками, почему сразу же не схватили? Отчего Император вообще согласился на встречу?... Но если поверили нам — так зачем был нужен этот спектакль, Тень его дери? Захваты, перехваты?...

— Спектакль, как ты метко заметил, — на лице дочери Рожеро по прежнему не дрогнула ни одна чёрточка, — был нужен для зрителей... Ещё до того, как был объявлен первый танец, начальник гвардии примчался к отцу с шокирующим докладом. Якобы Алишер Ар Кэррайн и его супруга с высокой вероятностью могут оказаться вовсе не теми, за кого себя выдают... То же самое, и примерно тогда же отец услышал от главы магической стражи, включая леденящие душу подробности о наличии у молодого герцога незаконнорожденного брата-преступника. Карателя, спутавшегося с эльфийской Отвращённой ведьмой и пошедшего против своих... Заодно — виновного в убийстве бывшего Первого орденового Магистра...

Тира внимательно взглянула на нас и добавила:

— Вы удивитесь, но именно последнее и сыграло вам на руку.

— То есть?! — выпалили мы с Альтаром одновременно.

Принцесса сдержала понимающую усмешку.

— Отец очень хорошо знал Магистра Просперио, — пояснила она. — Они продолжали поддерживать отношения и после его отставки... — Её глаза какое-то время отстранённо следили за пламенем в очаге — как мне показалось, сейчас Тира взвешивала, что стоило нам говорить, а что нет... — Магистр был первым, кто обратил внимание отца на некие странные веяния... в Капитуле, в Церкви, в Академии Магов, при дворе... Гибель его стала полной неожиданностью. Но Император не сомневался, что она напрямую связана с тем, что Просперио сумел-таки проникнуть в суть этой тайны. А уж она оказалась не в пример сложнее и опаснее заурядного заговора... С того момента, как стало известно о его смерти, доверенные люди Императора в строжайшем секрете самостоятельно разыскивали тебя и её, — посмотрев на Альтара, она кивнула в мою сторону. — Отец считал вас единственной

ниточкой, способной вывести на то, из-за чего на самом деле погиб Просперо. И, как видите, он не ошибся... — Лёгкая тень улыбки вдруг тронула самые уголки её губ. — Надо ли говорить о степени его изумления тем фактом, что вы «нашлись» сами, да ещё и на главном императорском Балу... Самоубийцы!... — Тира покачала головой. — Знали бы, в какое пекло лезете... Вот моей задачей и стало вытащить вас оттуда — да так, чтобы все стерегущие вас там демоны лишь утёрли носы...

— Но как получилось, что... нас так быстро раскрыли? — Каратель на мгновение опередил меня, задав волнующий нас обоих вопрос.

— Воду начал мутить один из гостей. — Тира задержала на Карателе испытывающий взгляд. — Именно он ещё до начала бала прибежал к капитану Редессу и мэтру Диману, уверяя, что под именем Алишера Ар Кэррайна на бал проник совершенно другой человек... Редесс и Диман поначалу вежливо выслушали скорбного умом и сочувственно покивали, заметив между прочим, что магическую проверку герцог Ар Кэррайн прошёл блестяще... Но тот клялся и божился, что младшего Ар Кэррайна знает лично, хотя признал, что давненько его не видел, но, задав несколько вопросов, убедился окончательно, что перед ним — не Алишер.

— Демоны!... Кто же и когда... — недоговорив, Альтар поморщился, словно от боли. — Я же старался быть предельно осторожным...

— И у тебя получалось, — кивнула Тира без намёка на шутку. — Даже я поначалу, взявшись проверить, правдивы ли эти опасения или нет, никак не могла определиться с ответом... Сообразила лишь под конец, — усмехнулась она.

— Но как?!

— Твои шрамы. На руках, на шее... Они явно получены в боях, — принцесса сощурила глаза. — Во множестве боёв, не на жизнь, а на смерть. Наследник Вартасса не мог участвовать ни в чём подобном... Он молод, неопытен и его берегут. Вот и ответ...

— Тень Безымянного!... — вырвалось у Карателя.

— А... тот гость? Как же он сообразил... — я недоговорила.

— Говорит, спросил о ребёнке. Дочери герцога и его эльфийки. — Тира повернула голову ко мне. — «Алишер» ответил, что она осталась с кормилицей...

— И что? — понятнее мне всё равно не стало.

Тира, не сводя с меня глаз, откинулась на спинку кресла:

— Он клянётся, что знает доподлинно точно о том, что у герцогской четы — сын.

Альтар выдохнул сквозь сжатые зубы, готова поспорить — заковыристое проклятье...

Однако дочь Императора медленно покачала головой.

— Всё не так просто... Главный вопрос — в другом. Того, кто донёс на вас, я хорошо знаю. Этот человек не отличается ни особым умом, ни проницательностью... А вот по части переполоха он — непревзойдённый мастер, да и на самом деле шапочно знает Вартасский правящий дом. Ставлю на что угодно: к мысли, что герцог Ар Кэррайн — не настоящий, да ещё к тому, чтобы увериться в этом, его грамотно подвели. Вложили в голову нужную идею: доложить об этом капитану гвардии и главе маг-стражи, более того — подсказали, как убедить их поверить своим словам. А когда те, поверив, начали проверять — как-то слишком уж быстро всплыло то, что у герцогского наследника имеется братец, печально знаменитый убийством бывшего Орденского Магистра... Повторюсь, когда об этом докладывали отцу, ещё не был объявлен и первый танец!

— Что же выходит... — я, распахнув глаза, воззрилась на принцессу, догадавшись,

наконец, к чему она клонит.

— На мой взгляд, кто-то «сыграл» их, — помолчав мгновение, ответила Тира. — И «бдительного» герцогского знакомого, вовремя наведя того на нужные мысли. И отцовских стражей, проверивших сказанное им и так своевременно получивших информацию, которая вовсе не лежит на поверхности... Вывод напрашивается сам собой. Кто-то из тех, кому известно наверняка, как и почему погиб Просперио, оказался на балу и совершенно случайно узнал вас. Справившись с шоком, он понял, что у вас на уме, и допустить вашу встречу с Императором, разумеется, никак не мог... Однако шёл Бал, и руки этого человека были связаны. Ему надо было во что бы то ни стало вытянуть вас из дворца... хотя бы и в тюремном фургоне. Полагаю, если бы мой отряд малость промешкал, фургон всё равно бы перехватили... И вряд ли вы вышли бы из этой передраги живыми. Да что там... — голубые глаза принцессы внезапно сверкнули холодным огнём. — Я знаю! Я практически уверена, что это так!...

Альтар

Тира приняла решение вернуться в город с рассветом. Я должен был ехать с ней — нужно было забрать бедолагу Антонио, который, наверное, уже весь извёлся в тревоге за нашу судьбу...

Поскольку времени в моём распоряжении было всего ничего, я, хоть и пошёл в отведённые мне покои, но прилечь даже не пытался, скоротав то, что осталось до отъезда за книгой, взятой из библиотеки, и горячим чаем.

Книга мне досталась интересная и вполне по теме — история Имперского правящего дома. Её автор, учёный монах-летописец, обладал талантом и острым пером, коротко, но красочно излагая события. Поэтому вскоре я с головой погрузился в описание знаменитой Битвы Пяти Королей, в ходе которой молодые и амбициозные правители людских держав, претендуя на единовластное господство над формирующейся Империей, попросту уничтожили друг друга. Мгновения полетели незаметно...

Скрипнула дверь и послышались лёгкие шаги — должно быть, горничная, которую я попросил принести ещё чаю, исполнила мою просьбу. Я мимоходом отметил это, пробормотав слова благодарности, но так увлёкся, что оторвался от книги лишь когда сообразил, что девушка, выставив чашку на столик, так и не спешит уходить.

Посмотрел вверх — и встретился с насмешливыми синими глазами.

— Ва... ше Высочество.

Я потянулся было встать, однако принцесса качнула головой, жестом велев мне оставаться на месте.

— Оставим титулы, ладно?... «Тиры» будет вполне достаточно. Я пришла сказать, что лошади ждут. Заодно увериться, что вас обоих хорошо устроили.

— Благодарю, всё в порядке... — Я всё же поднялся с кресла. — Я готов.

Тира хмыкнула.

— Успеем. Чай хотя бы допей...

Её взгляд задержался на книге, которую я отложил в сторону.

— «Рожериада»? Хороший выбор... Видно, что хронист пишет со знанием дела. Моя любимая часть — та, где говорится о самом первом герое нашего имени, ещё в бытность его

четвёртым братом Полуночного короля...

Я покосился на раскрытый том.

— Как раз читал о нём.

Тира коснулась обложки, задумчиво перелистала страницы.

— Так и остаться бы безызвестному принцу на задворках истории, когда б король и двое старших наследников были поумнее и не столь завистливыми и алчными... Впрочем, нежданно-негаданно оказавшись на престоле, Рожеро Первый сделал правильные выводы. С тех самых пор, чтобы свести на нет самую возможность братоубийства, Императоры, следуя его завету, рожают более одного наследника исключительно редко...

Я напряг память:

— «Да будет Империя силой, куда престол неделим...»? ?

— «Единый у трона — на троне Богами он будет храним», — Тира посмотрела на меня с уважением. — А ты, верно, много читаешь?

Я смутился.

— Ну... Когда есть время. И книги...

— А Рожеро Первый, говорят, умел читать будущее... — принцесса скептически хмыкнула под нос. — Но, по-моему, он просто здраво смотрел на вещи. Хотя надо признать, что послушные ему потомки и впрямь оказывались хранимыми Судьбой. За всю историю фамилии каждый Рожеро правил долго и вполне плодотворно, успевая внести свой вклад в процветание державы и летописцам на радость... Ну, и дать жизнь тому самому единственному преемнику, который точно так же становился хранимым Богами.

— Но ведь есть... исключения, — не удержался я.

— Есть. Но, как правило, причины этих исключений не идут вразрез с Заветом, — ответила Тира мирно, но довольно туманно. — И претендент на престол, в результате, всё равно только один... Ну что, едем?

— Едем. — Я отставил в сторону пустую чашку, в очередной раз зарекаясь лезть в дела, которые меня не касаются.

Присев на краешек стола, Тира подождала, пока я накину и зашнурую плащ.

— А это тебе... — она внезапно подняла ножны с мечом с банкетки у входа. — Полуторный. Я не ошиблась? Или ты всё же предпочитаешь двуручники?

Я с удивлением и благодарностью принял меч. Не смог удержаться и наполовину извлёк клинок наружу — оружие было превосходным.

— Нет — это именно то, что нужно. Благодарю, Ваше Вы...

— Тира, — поправила принцесса. — Привыкай. Нам как-никак сражаться вместе...

— Сражаться вместе?! — мне показалось, я ослышался. — Ты что же... собираешься с нами в Седону?!

— Разумеется! — Тира откровенно любовалась моим вытянувшимся лицом. — Корни неясного заговора, гибель Магистра Проспериио, тайна агмагилла — этот узел непременно следует распутать — или же разрубить! В любом случае, поездка будет горячей...

— И... что скажет на это Император? — единственное, что нашёл сказать я.

— Благословит в дорогу! — уверенно заявила принцесса. — Ведь лучшей возможности доказать, что я не уступлю ей, когда взойду на престол, у меня не будет никогда!

Она подтолкнула ко мне книгу, распахнувшуюся на странице, где была изображена Береника Рожерия...

Обратно в Рожерион меня и Тиру сопровождали всего три человека из её отряда. По

настоянию принцессы я закрыл капюшоном лицо. Тира сделала то же самое, и небольшая группа конных воинов, скачущих по предрассветному тракту, и вовсе утратила какие-либо приметные черты. Даже определить, кто из пятёрки возглавляет отряд, стороннему наблюдателю было бы затруднительно.

Тира ехала вровень со мной, изредка обмениваясь со своими людьми короткими фразами. Я отмалчивался, больше наблюдая за дорогой, хотя предосторожность, похоже, была излишней — в такой час на ней не было ни души.

— Ну — спрашивай... — до меня с запозданием дошло, что принцесса обращается ко мне.

— Что?

— То, что ты хочешь спросить, — глаза Тиры задорно сверкнули из-под капюшона. — Но никак не решаешься...

Демоны! Неужели я настолько плохо скрываю мысли?!

Я ругнулся про себя.

— Это не моё дело. Прости.

— Какая разница? — скривившись, бросила она. — Тебе же хочется знать. А я не прочь ответить. Дорога длинная, делать нечего. К тому же, нам вместе... скажем так, много чего предстоит.

Резонно, не мог не согласиться я. В конце концов, сама предложила. Ну что ж...

— Ты... говоришь о себе как о наследнице престола.

— Да, так и есть, — спокойно подтвердила Тира.

— А как же твой брат? Он старше тебя. Его имя — Рожеро... И официальный наследник Императора — тоже он...

Принцесса невозмутимо кивнула головой.

— И это — правда.

— Но это значит, что ты... — я поморщился, но закончил, поскольку уж начал — ... интригуешь против собственного брата?

— Вот что тебя беспокоит.

Тира сдвинула капюшон на затылок — так чтобы я мог видеть её лицо.

— Нет, Альтар, — ответила она неожиданно мягко. — Против брата я не играю. И ни за что не стала бы... Более того — и с братом, и с отцом я как раз на одной стороне.

Я молча смотрел ей в глаза, не считая себя вправе требовать продолжения. Но Тира отмалчиваться вовсе не собиралась:

— Альтар, ты хороший и правильный парень. И, судя по всему, отличный воин. Да ещё и, о редкость, с головой на плечах... Но вот император из тебя бы не получился. Даже если бы тебе случилось появиться на свет наследным принцем и при рождении тебя нарекли Рожеро.

Я даже не успел удивиться такому неожиданному обороту, когда принцесса продолжила:

— Так и мой брат. Роже — самый лучший и светлый человек из всех, кого я знаю... У него золотая голова, он добрый, чуткий и справедливый. Но при этом — слишком мягкий, прямолинейный и доверчивый. Когда стало ясно, что этого никак не исправить, отец схватился за голову. Послушная марионетка в руках когорты стервятников, столпившихся у трона, которые едва что не облизывались, предвкушая отдалённую, но неизбежную власть... А Роже... Именно он убедил отца, что Империи нужен другой наследник. А он сделает

лучшее, что сможет для него и для себя, оставаясь советником... Так что моё появление на свет — заслуга брата.

Тира сделала паузу.

— Не ожидал, да?

Что тут скажешь... Я ошарашенно молчал.

— Однако даже Императору не всё оказалось подвластно. Отец желал сына — а родилась дочь. Впрочем, вскоре он понял, — Тира усмехнулась выразительно, но без самодовольства, — что женский пол — единственное, в чём я не оправдала его ожиданий.

Я прочистил горло:

— Так значит... твой брат отказался от трона? В твою пользу?

Подобная новость подняла бы на уши всю Империю. Но, как ни силился, я не мог припомнить, чтобы хоть где-то об этом слышал.

— Увы, — подтверждая это, моя собеседница покачала головой. — Было бы всё так просто... Империя ещё залечивает раны, нанесённые войнами. А герцоги и бароны у трона слишком значимы и сильны, чтобы их чаяния можно было просто так списать со счетов. Кроме того, что я дочь, я — младшая, впридачу об меня эти господа явно обломают зубы...

— Тира презрительно хмыкнула. — Для того чтобы эта кодла, поворчав, расступилась, позволив мне взойти на престол в обход брата, я должна совершить нечто такое, что не дало бы им права оспорить высказанное к месту решение отца. К примеру, раскрыть заговор, на кону которого — судьба Империи.

— Но что, если... ты погибнешь? — я не мог не спросить. — Ведь тогда это всё потеряет смысл...

Тира сжала губы.

— Не забывай, меня с детства готовили к чему-то подобному. Я превосходно владею мечом, прошла персональный курс обучения в Академии Магов, разбираюсь в политике и веду переговоры. А, кроме того, как рыба в воде чувствую себя в омуте самых разнообразных интриг... Если я сяду на трон, сам Безымянный со всей его сворой уже не сдвинет меня оттуда... — голубые глаза яростно сверкнули. — Но это если сяду. А для того нужно постараться, и даже рискнуть...

— Собственной жизнью?

— Да! — выпалила принцесса. — Пойми... Если я погибну — выходит, отец и брат во мне ошиблись. А это будет значить, что трона я действительно недостойна.

Голос Тире зазвучал со стальной убеждённой уверенностью.

— Поэтому так не случится. Никогда.

Чтобы не возвращаться по дороге, на которой был остановлен тюремный фургон, принцесса отдала приказ двигаться вкруговую. Въехать в город тоже предполагалось через другие ворота, бывшие, кстати, намного ближе к району, в котором стоял домик Энцо. Поскольку наш путь лежал как раз через то предместье, где мы с Шаэриэнн оставили лошадей, я попросил у Тире разрешения забрать их. Она не возражала.

Заслышав с порога мой голос, старина Рио вышиб дверь в деннике, вусмерть перепугав остальных животных, и на радостях едва не разнёс конюшню... Хозяин гостиницы, вдохновившись крошечным размером внесённого мной задатка, возможно, и рассчитывал оставить лошадей себе, но тут же прикусил язык и беспрекословно принял у меня остаток платы.

— Ну и зверюга!... — восхитилась Тира, глядя на то, как угомонившийся довольный

Рио поедает с моей ладони хрустящие сухари.

— Да уж... — я не удержался и взъерошил косматую длинную чёлку, падающую вороному почти на глаза. — Мне с ним повезло...

— Сразу видно, что тебе под стать, — принцесса легонько хлопнула по шее своего буланого жеребца, воинственно раздувающего ноздри и косящего в сторону Рио недобрым взглядом. — Как правило, конь и воин долго держатся вместе, если они похожи. Вот и мы с Демоном встретили вдвоём уже полдюжины зим...

Как по мне, на свете не было коня лучше Рио — но и Демон, безусловно, был хорош. Хотя сходства у него с Тирой я при всём желании не находил совершенно. А вот горячая норовистая гверетте, длинноногая, горделивая и изящная — снежно-белая без единого пятнышка — на мой взгляд, подошла бы принцессе в самый раз... Я отогнал прочь мысли, завернувшие в сторону, и, разумеется, благоразумно оставил их при себе.

Повод Мирри я прикрепил к луке своего седла. Шаэриэнн, должно быть, обрадуется ей — мне показалось, что к лерренке, подаренной Просперии, она успела привязаться.

Тира взглянула на лошадку с интересом.

— А это — эльфийкина?

— Да. — Я кивнул. — А что?

— Ничего. — Она вдруг по-детски наморщила нос. — Просто любопытно...

Когда мы двинулись в путь, Тира снова поравнялась со мной. Для этого ей пришлось изрядно постараться, сдерживая Демона, откровенно нарывавшегося на ссору. Однако Рио, как и я, пребывал в таком благостном расположении духа от долгожданной встречи, что вопреки обыкновению, не обращал на соперника ни капли внимания.

— Теперь, наверное, моя очередь проявить любопытство... — смахнув со лба волосы, Тира бросила на меня лукавый взгляд. — Можно?

— Пожалуйста... — удивился я: насколько успел понять, кротко интересоваться разрешением было совсем не в её духе.

— Вы с Шаэриэнн — любовники?

Я опешил.

— Нет...

— Тогда, выходит, потрясающие лицедеи! — с усмешкой заявила принцесса и неожиданно призналась: — Знаешь, когда я увидела вас двоих на балу, первой моей мыслью было прибить идиота-герцога, поднявшего на пустом месте панику... Вы, казалось, настолько поглощены друг другом, что не замечаете ничего вокруг. У меня не возникло и тени сомнения в том, что передо мной влюблённая пара, едва успевшая стать супругами...

Мне в очередной раз не нашлось что ответить. Тира вновь улыбнулась и, дав Демону шенкеля, понеслась во главу отряда.

Встреча с Антонио вышла бурной и эмоциональной. Лишённые возможности присутствовать на балу, они с Энцо проговорили всю ночь, терзаясь догадками одна страшнее другой. Когда я ступил на порог, друзья уже окончательно пришли к выводу, что всё было затеяно зря и наверняка провалилось, и теперь продумывали план, как будут утром нас выручать...

— Альтар!!! — обернувшись на скрип двери, Тонио, вскочив из-за стола, бросился мне навстречу. — Ну, что там было?! Вы в порядке? Видели Императора? И где же Шаэриэнн?...

— Всё нормально... — поторопился я успокоить его. — Мы... В общем, у нас получилось. Шаэ ждёт... в очень надёжном месте. Мы сейчас отправимся к ней. Я обо всём

расскажу тебе по дороге...

Мы поблагодарили Энцо за помощь и гостеприимство. Он, в свою очередь, пожелал нам удачи. Тепло, но быстро распрощавшись, мы подхватили сумки с вещами, которые оставляли в прихожей под лестницей, и вышли за дверь в пустынный ночной переулок.

В домах по соседству, разумеется, давно уже спали — нигде не светило ни единого окошка, а морозец, ударивший под утро, делал эту ночь вовсе неприглядной для романтических прогулок под луной и прочих приключений. Однако на всякий случай Тира и её люди предпочли не «светиться» у самого дома, остановившись на ближайшем перекрёстке.

При виде небольшого, но внушительного отряда, явно ожидающего нас, Антонио нерешительно замедлил шаг, но я легонько хлопнул его по плечу:

— Не волнуйся... Это — свои.

Друг легонько моргнул, прищурился... и вдруг расслабленно выдохнул, разглядев среди четвёрки в плащах женскую фигуру.

— Ох, Шаэ... — с облегчением проговорил он, делая шаг вперёд. — Ну и напугали же нас вы с Альтаром... Хвала Богам, что всё хорошо!

— Это и вправду так, — Тира откинула капюшон, заставив обескураженного мага оступить и вздрогнуть. — Однако Шаэ здесь нет. Она встретится с вами чуть позже.

Надо отдать Тонио должное — с растерянностью он справился куда быстрее, чем спохватившийся я успел вставить слово:

— Прошу меня простить... сударыня. Антонио Ярош... к вашим услугам.

— Тира Рожерия, — принцесса, не моргнув глазом, протянула руку, легонько пожимая пальцы мага. — Но фамилию по понятным причинам лучше опускать. Так что — «Тира» и на «ты», ладно?

Памятуя, какое впечатление произвело на меня наше знакомство, я совершенно не удивился, глядя как Антонио, вновь растеряв слова, едва нашёл силы в ответ кивнуть головой.

— Надо двигаться... — не собираясь затягивать церемонии, Тира легонько кивнула на ожидающих нас лошадей. — Вы поедете обратно и — счастливы! — проспите всё, что осталось от ночи, а также утро и, если пожелаете — день...

— А ты? — непонимающе уставился на неё я. Если честно, пребывал в полной уверенности, что, забрав Тонио, мы отправимся в замок все вместе...

— Увы мне, — иронически хмыкнув, Тира покачала головой. — Нужно вернуться на Бал, будь он неладен... Снова влезть в орочью одежду и до утра старательно делать вид, что отлучалась исключительно в туалетную комнату попудрить нос... А потом полдня, не меньше, выслушивать причитания Редесса, вопли Димана и старательно подыгрывать отцу, распекая олухов, из-под носа которых непонятно как упорхнули преступники и убийцы. Так что, ждите меня не ранее вечера. А то и на следующий день...

— Выдержишь? — спросил я.

— Шутишь... — откликнулась Тира. — Привыкать мне, что ли...

Лёгким движением вскочив в седло, принцесса дала знак одному из своих людей следовать за собой. Махнув нам рукой на прощание, она повернула жеребца на улицу, ведущую в сторону центра столицы. Через несколько мгновений топот копыт растворился в ночной тишине.

— Нам тоже пора, — напомнил один из двоих оставшихся с нами сопровождающих,

подавая нам с Тонио поводья.

Мы вскочили в сёдла — и впрямь, задерживаться на этом месте не стоило. В любой момент могли появиться стражники, берегущие покой городских улиц, или просто какому-то местному жителю спозаранку приспичит выйти по нужде... К тому же, неминуемо близилось утро, и отдыха после бурных ночных событий хотелось всё неистовей.

Искренне сочувствуя Тире, я, тем не менее, стиснул ногами бока Рио, с упоением чувствуя, как он переходит на бодрую рысь. Значит, скорее попадём в замок... Тем более что дорога до него тоже предстоит неблизкая.

Рассвет успел превратиться в обычное солнечное утро, когда мы снова прибыли в резиденцию Тиры. Шаэриэнн встретила нас на крыльце — похоже, спать она так и не ложилась. Спешившись у самых ступеней, Тонио всё-таки дал волю чувствам, заключив её в крепкие объятия; эльфийка немного оторопела, но даже не пыталась отстраниться или возражать.

Мажордом, очевидно, выполняя указания, данные хозяйкой заранее, проводил Тонио в предназначенную для него комнату, однако он лишь оставил там вещи и тут же вернулся к нам, расположившись в каминном зале.

— Ну, а теперь рассказывайте... — он просто сгорал от нетерпения. — Что там случилось, на балу? И как вам удалось заполучить в союзники... принцессу?

Расслышав в голосе друга несвойственные для него восхищённые нотки, я взглянул на Тонио с интересом: неужели синеглазой Тире Рожерии удалось зацепить какую-то потаённую струнку в его душе?...

А вот голос Шаэриэнн внезапно повеял холодом.

— Это заслуга Альгара, — ни с того ни с сего буркнула она. — Хотя, вообще-то, она не слишком интересовалась нашим мнением.

— Шаэ! — возмутился я. — Между прочим, если бы не Тира, вообще неизвестно, как бы мы выбрались из этой передраги...

— Если бы не Тира, — эльфийка одарила меня весьма колючим взглядом, — вообще неизвестно, попали бы мы в подобную передрагу или нет.

— Но ты же видишь, что мы бы не справились своими силами!

— Это она так говорит... — Шаэ недобро прищурилась. — Но она же и завела нас в ловушку. А что действительно могло бы получиться, не вмешайся она, мы не знаем...

— Шаэриэнн... — Тонио, казалось, был удивлён не меньше, чем я.

— Да уж Ночь весть сколько лет как Шаэриэнн... Потому что привыкла полагаться на себя, а не Извечный знает на кого и с каким камнем за пазухой... В общем, сами разберётесь, демоны с вами... А я спать хочу.

Эльфийка резким движением поднялась с кресла, едва не зацепив рукавом куртки кружку, стоящую на столе, и, демонстративно подавив зевок, вышла из комнаты.

Мы с Тонио молча посмотрели ей вслед.

— Что это с ней? — пробормотал маг.

— Понятия не имею, — я покачал головой. — Очевидно, сказываются последствия тяжёлой ночи... Ей и вправду пришлось нелегко. Ничего... Отдохнёт — придёт в себя.

Вопреки собственным ожиданиям, заснула я, едва коснувшись подушки, и крепко проспала всю ночь, вновь раскрыв глаза далеко за полдень. Выспаться и вправду удалось отменно. Однако хорошего настроения мне это не прибавило.

Мне совершенно не нравилось то, что сейчас происходило. С того самого момента, как выяснилось, что на балу мы, считая, что действуем самостоятельно, едва ли не с самого начала лишь послушно дёргались по чужому сценарию, словно марионетки в руках у кукольника. И кукловодом, несомненно, мнила себя дочь Императора. Хотя вполне вероятно, что и её точно так же «вёл» кто-то куда более умелый и искусённый в подобных делах...

Тира мне тоже не нравилась. Вернее сказать, я ей не доверяла. И не собиралась доверять... Я ни мгновения не сомневалась в том, что она ведёт свою игру, и наши роли в ней могут поменяться в любой момент. А вот Альтар и Антонио, похоже, с головой угодили в сети, умело раскинутые её обаянием. За поздним завтраком, на конюшне, в зимнем саду — разговор постоянно вертелся около личности синеокой принцессы, такой притягательной и завораживающей... Я сделала пару попыток раскрыть им глаза, заставив посмотреть на происходящее трезво, однако не удивилась, когда мои намерения встретил вполне предсказуемый провал. Меня в два голоса принялись уверять, что я устала и обозлена, оттого вижу призраков там, где их не существует, а Тира Рожерия на самом деле — ягнёнок, белый и пушистый. И, разумеется, исключительно на нашей стороне.

Я плюнула и больше ничего доказывать не пыталась. Однако выслушивать нескончаемый поток дифирамбов в адрес умницы и красавицы мне тоже поднадоело. Поэтому я намеренно старалась проводить больше времени одна, в саду или в библиотечной башне.

Я бродила мимо растений и цветов по усыпанным гравием дорожкам, перелистывала страницы в свете масляных ламп и отдавала себе отчёт в том, что ничего изменить не могу. Без Тире, её помощи и влияния в Седону нам не попасть. Однако было бы куда лучше, если бы Император попросту снабдил нас необходимыми средствами и рекомендациями и предоставил действовать самим. Но, к сожалению, и тут моё мнение оставили без внимания. Приходилось принимать всё, как есть. Однако принудить меня доверять Тире Рожерии, к счастью, никто не мог.

Принцесса приехала через два дня, усталая, но довольная. По её словам, наше исчезновение с праздника прошло «без сучка и задоринки». Большинство, не посвящённые в ситуацию, не обратили на это особого внимания, а вот для всех остальных сработала легенда, что по дороге в тюремный форт нас освободили таинственные сообщники. Теперь императорская гвардия и маги нас усиленно разыскивают, однако нам, разумеется, ничего не грозит. Конечно же, в компании с ней.

— И как долго нам тут пребывать? — не выдержала я. — Оставаясь диковинными зверюшками в твоём личном зверинце, проблему агмарилла мы не решим. И заговор не раскроем...

— Шаэ!... — тут же «зашикали» оба мои спутника.

Тиру мой выпад откровенно позабавил.

— Зверинец, говоришь? У тебя интересные ассоциации... Не знаю, поверишь ты мне или нет, однако, закончив с вашей «легендой», теперь я работаю исключительно над тем, как нам попасть в Седону. Оттого и задержалась дольше, чем рассчитывала... И, видать, ещё задержусь.

— Так, может быть, хотя бы поделишься планами? — поинтересовалась я. — Или нас снова ожидает засада и тюремный фургон за углом?

Тира насмешливо фыркнула.

— Затем и вернулась, собственно говоря... Ладно, раз вам так не терпится, пойдёмте поболтаем. А отдохну позже...

— Постой, ты же с дороги... — Альтар, разумеется, не мог промолчать. — Если ты поспишь несколько часов, ничего не изменится. Разумеется, мы подождём...

— Не хочу испытывать ваше терпение, — хмыкнула Рожерия. — Оно, похоже, и без того на пределе. Тем более что планов — и так не громадье... Яснее будет, когда я сама доберусь до сути.

Тира набросила дорожный плащ на руку каменному рыцарю, охраняющему холл и, окликнув подоспевшего дворецкого, распорядилась подать ужин в оранжерею. Сделав нам знак следовать за собой, она пошла в сторону крытой галереи, ведущей в зимний сад, легонько насвистывая себе под нос.

— Ну вот что ты за... эльфа, — набросился на меня Альтар, когда она уже не могла нас слышать. — Действительно, что решит пара-тройка ор?

— Добавь эту пару-тройку ко времени, которое мы прохлаждаемся здесь, и ты увидишь, что это не так уж и мало, — парировала я и не удержалась от колкости. — Пусть твоя принцесса сперва посвятит нас в курс дела, а затем со спокойной душой отсыпается, жалостливый ты мой...

Альтар скривился, словно я угостила его лимоном.

— Шаэ, Тира — нам не враг... — подал голос Антонио.

Я поморщилась.

— Ты откуда знаешь?

— Ну посуди сама... — маг примирительно поднял руки. — Она заинтересована в удачном исходе дела не менее чем мы, и чем её отец. Она готовит поездку. Подбирает легенды, отводит от нас подозрения... И более того — она отправляется туда вместе с нами.

— Авантюризм чистейшей воды, — презрительно фыркнула я. — И немеряно амбиций...

— Но ведь ты и сама непростых кровей, — слегка прищурившись, заметил Тонио. — Что вовсе не мешало тебе сражаться двумя мечами наравне с обычными солдатами, и наверняка участвовать не в одном рискованном мероприятии...

— Rihanne Daerrt — я едва не задохнулась от возмущения, — это совершенно иное! А вовсе не страсть к приключениям сумасбродной принцессы...

— Но что заставило тебя выбрать эту дорогу, — поинтересовался Ярош, — если не упомянутая страсть?

— Долг! — выпалила я. — Способности! Необходимость!

— Долг можно исполнять и иным образом, — глаза Тонио непонятно сверкнули. — Среди Рокка много магов, врачей, учёных... И все они не менее необходимы своему народу, чем первоклассные бойцы. Так отчего же твой путь — путь воина, а не незаурядной целительницы? Тем более что я сам видел, насколько ты способна к этому делу...

— Я люблю... — я прикусила язык.

Тонио взглянул на меня с улыбкой.

— Вот и она — любит.

— План таков...

Тира откинулась на спинку резной скамьи, утопающей в цветах, и на мгновение блаженно прикрыла веки:

— Вы — отдыхаете и набираетесь сил, они ещё понадобятся. Я — жду весточки от надёжного человека, в настоящий момент «выбывающего» нам пропуск в сердце рудников... Как только он даст отмашку — можем ехать. Вот, собственно, и всё...

— Всё? — Я подозрительно сузила глаза. — Что за человек? И какова будет наша легенда?

— Ещё не знаю, — Тира передёрнула плечами, при этом мельком взглянув на Альтара. — Её подскажет один из Примархов твоего Ордена, помогающий нам.

— Примарх? — наклонил голову Альтар.

— Да... Не Магистр, конечно — но всё же далеко не рядовой Меч Тьмы.

— Примарх — правая рука Магистра, — пояснил Каратель мне и Антонио. — Которого из них?

— Того, что возглавляет дознание. Шестого, кажется...

— Райв Ультимас, Мастер-Дознаватель — Седьмой Магистр Ордена, — отчеканил Каратель.

— Значит, седьмого, — согласилась принцесса. — Его влияние, увы, не распространяется на Седону. Но доступ к определённой информации всё-таки есть...

— Чем он сможет нам помочь? — спросила я.

— Везде и всегда что-нибудь происходит... — Тира усмехнулась. — В Седоне тоже. В какое-то из текущих событий непременно можно будет вцепиться, чтобы расследовать на месте. Наш Примарх и подберёт такое событие. А потом докажет своим старшим, что без отправки группы на рудники никак нельзя обойтись...

— Ты... можешь быть в нём уверена? — заговорил Антонио.

Тира энергично кивнула:

— Абсолютно. Это молочный брат моего отца. Его преданность и верность не подлежат сомнению, он доказывал их не раз.

— Проспериио погиб оттого, что его предал кто-то близкий, — обронила я.

— В смерти Проспериио ещё предстоит разобраться. Но его близких людей я вижу перед собой, — Рожерия взглянула мне в глаза, — и они его не убивали... Впрочем, не переживай. Мы будем осторожны — так, насколько это только возможно. Нам за спину не зайдут.

Я вовсе не разделяла уверенности принцессы, однако продолжать пикировку было глупо.

— Что ж... Надеюсь, ты знаешь, что делаешь.

— Знаю, — Тира невозмутимо склонила голову. — И знаю точно, что ожидание долгим не будет. Потому и советую расслабиться и отдохнуть... — она тонко улыбнулась, — ... пока кров этого «зверинца» ещё способен дать нам свою защиту. Опытному хищнику хорошо известно, что настоящая опасность поджидает его как раз за пределами вольера, а не в уютных тёплых стенах...

— До тех пор, пока владелец не решит пошить себе из шкур новый плащ, — не удержалась я.

— Тем, кому нужна шкура, зверинец ни к чему, — откликнулась Рожерия, — достаточно хорошего охотничьего выезда. Зверинец держит тот, для кого жизнь зверя гораздо ценнее, чем его мех. А потому зверинцев, как и умных людей, вокруг не так уж и много...

Примарху-дознавателю никому ничего доказывать не пришлось.

Легенда, созданная им, нашла нас через три дня. Пересказывая суть событий, Тира, азартно сверкая глазами, назвала то, что случилось в Седоне, редкостной удачей. Судя по её словам, Бастион Ордена, распоряжающийся на Копях, изо всех сил пытался утаить происшествие, вероятно, рассчитывая замять его или справиться собственными силами. И, если бы означенный Примарх не уделял столь пристальное внимание всему, что касалось Седоны — скорее всего, грамотно составленной строчке в рапорте благополучно не придали бы значения.

Однако, споткнувшись о маленькую «нестыковку» в бумагах, человек Тиры не медля потянул за нить — и извлёк на свет такой спутанный узел почти что месяцевалой давности, что навскидку стоил нешуточного скандала, лишения плащей и, вполне возможно, нескольких высоко стоящих голов. Следствие не просто можно было «придумать» — оно было необходимо, как ясный дневной свет. Примарх мгновенно получил благодарность верхушки Ордена за проявленную бдительность, и вместе с тем все нужные печати. Теперь ему оставалась только прямая обязанность: отправить в Седону своих людей. Верительная грамота, подписанная им несколько ор назад, сейчас подрагивала у Тиры в руках.

Я разобрала легенду буквально по косточкам. Сложила и разобрала вновь. Явных слабых мест и нестыковок не ощущалось.

Удача...

Да, наверное, так оно и было. Однако избавиться от странного двойственного чувства и комка в горле мне не удавалось никак...

Нелюди.

Не люди.

Я, словно наяву, видела этих каторжников — маленький отряд растоптанных чародеев и измученных бывших солдат, брошенный на разработку нового дальнего прииска.

Как им удалось освободиться от цепей? Долгая кропотливая подготовка, разгильдяйство охраны или просто удача?... Кто знает... Но они не упустили свой единственный и ничтожный шанс, без сожаления швырнув остатки жизней в мимолётный проблеск безумной надежды...

Это звучало дико. Однако им удалось перебить конвой, не ждавший ничего подобного, и захватить в плен Орденского мага, приставленного к охране отряда. На невообразимое счастье каторжников, это был один из штатных палачей. Чародея быстро заставили разомкнуть колдовские Ошейники — последнюю преграду между узниками и иллюзорной свободой, после чего они убили его и скрылись в неизвестном направлении.

Смена караула, прибывшая через несколько часов, обнаружила ещё тёплые тела и забила тревогу. Мгновенно поднят был весь состав Бастиона, маги и охрана. Не прошло и полуоры, как над горами раскинулась мощнейшая поисковая сеть.

Маги прочёсывали каждую пядь Седоны в астрале, Чёрные Плащи и солдаты — на земле... По всем канонам наслаждаться свободой узникам оставалось считанные мгновения. Сбежать из Копей по собственной воле до сих пор не удавалось ни одной живой душе.

Каторжанам некуда было деться. И, тем не менее, они пропали. Просто исчезли, без следа растворившись в самом сердце проклятых рудников.

Почти четверть вся Седона стояла на ушах. Однако о беглецах не было ни слуху ни духу. Верховный смотритель каторги вместе с главным Чёрным Псом Бастиона в бессильной

ярости готовы были есть землю, но чем дальше, тем яснее становилось, что поиски зашли в тупик. Прекрасно понимая, чем им это грозит, Седонские набольшие, взвесив все за и против, решили эту историю «замолчать», уповая на то, что рано или поздно сумеют разрешить её сами. Рапорт в Капитул был составлен хитро, без сучка и задоринки... за исключением маленьких оговорок, которые не получилось опустить.

Их-то и разглядел помощник Седьмого Магистра, битый час размышлявший надо всеми относительно свежими седонскими донесениями...

И вот теперь, под предлогом того, чтобы разобраться в ситуации, в Копи отправлялись мы.

Ранним морозным утром мы покинули замок вчетвером: предстоящая поездка должна была оставаться исключительно нашей тайной. Роли распределились без труда. Рожерия, разумеется возглавляла отряд, выступая магом-дознавателем из Академии, состоящим у Ордена на гражданской службе.

Со мной было сложнее. Однако Тира, хорошенько поразмыслив, обосновала моё присутствие в отряде в качестве чародейки-Росса из тех, что лояльны Империи — её помощницы и советчицы в делах, связанных с нелюдской магией. Звучало запутано, но я не вникала. Лишь устало отметила про себя почти без эмоций, что ещё не так давно стёрла бы в порошок того, кто бы осмелился поставить на одну линию Shaerriaenne Ad Aella En Thal'liae Ness'edhi-Ra и компаньонку людской чародейки из ренегатов, предавших свой народ. Хотя бы это была и всего лишь личина...

Альтару и Антонио предстояло стать нашей охраной, приставленной Орденом, чтобы сопровождать магичек в пути. Разворачивая свёртки с чёрными плащами, Тира заметила, что Каратель — слишком легендарная личность для того, чтобы не привлекать внимание, и поэтому Альтару доведётся быть обыкновенным Мечом Тьмы. Каратель молча набросил на плечи плащ со звездой на спине... и только я, должно быть, успела заметить странное «мёртвое» выражение, на миг проявившееся в его глазах. А ведь «легенда», похоже, тяготит его не меньше, чем меня — моя...

Антонио принял плащ со смешанными чувствами. Он честно признался, что воин из него совсем слабый, тем более если сравнивать с человеком, который получил Орденскую закалку... Однако Тира лишь качнула головой, обронив, что его главной задачей будет не лезть на рожон и делать то, что он умеет лучше всего, используя образ лишь в качестве прикрытия.

Что ж... Оставалось надеяться, что бумаги, которыми располагала императорская дочь, прикроют нас не слабее. Но это предстояло проверить только в Седоне. А пока мы медленно, но верно двигались по Срединноимперскому тракту, понемногу оставляя позади как Рожерион, так и призрачную возможность пока не поздно, повернуть назад.

Надо сказать, принцесса меня несколько удивила. Я была уверена, что нескольких дней — четверти, не больше — ей с головой хватит, чтобы «спечься» и понять, наконец, что затяжной поход — отнюдь не выезд в летнюю резиденцию... Однако Тира, к её чести, вела себя так, словно ей было вовсе не привыкать к длительным переездам и тяготам дороги.

Лихо работая ложкой, она съедала в харчевнях солидную порцию фасоли с салом или тушёной с луком картошки, шутливо чокаясь с Альтаром или Тонио штофом местного кисловатого вина. Плескаясь и фыркая, мыла светлые волосы над дубовой лоханью, поливая голову из жестяной кружки. Мгновенно засыпала на застиранном белье поверх выдавшей виды перины в стылой комнатке какой-нибудь захудалой гостиницы, которую мы с ней

делили на двоих.

При этом на губах её неизменно присутствовала лёгкая небрежная улыбка, превосходно скрывающая настоящие мысли. Иногда в ней проскальзывала жёсткость и даже жестокость, иногда — задумчивость, иногда интерес. Причём последний чаще всего относился к Альтару.

Меткие шутки и реплики принцессы на отдыхе и привале подбадривали всех, но предназначались Карателю. В дороге она то и дело стремилась вовлечь его в разговор — и ей всё чаще это удавалось. Хмурый и молчаливый, Альтар временами оживал и даже иногда улыбался... Я с удивлением узнала, что он, оказывается, равнодушен к чтению, в особенности исторических книг, а также о том, что азы нашего языка освоил, изучая «Испытание Феирунна» в библиотеке своей Орденской школы.

— «Faeieerunn Daesteann»? — удивилась я, припомнив не совсем пристойную байку про хитреца-портного, пару раз слышанную в раннем детстве. — Зачем тебе нужна была эта старая сказка?

— Попался на удочку старших учеников... — Каратель состроил сконфуженную мину. — Эти двое позволили желторотым юнцам подслушать свой якобы очень секретный разговор. Мы все с лёгкостью поверили, что осиливший эту старинную хронику постигнет тайны величайшего воина древности, не знавшего поражений и с лёгкостью выступавшего в одиночку против семерых... Но только я один после этого пошёл к Наставнику просить грамматику и словари.

— И как скоро ты понял, что тебя надули? — не смогла я удержаться от смеха.

— Примерно добравшись до середины, — сознался Каратель.

— И что же — отправился разбираться с обманщиками?

— Да нет... В конце концов, сам дурак — никто ведь не заставлял меня подслушивать и верить всему, что услышу. Так что помянул Тень Безымянного и... перевёл трактат до конца.

— Зачем?!

— А было уже интересно, чем закончится... — Глаза Альтара откровенно смеялись. — Заодно пополнил свою речь несколькими крепкими фразами, которыми при случае щеголял в компании таких же балбесов. Так что нет худа без добра...

— А Феирунном, должно быть, тебя звали до самого окончания школы? — подколола Тира.

— Звали, — невозмутимо кивнул Каратель. — Только не меня.

— А...

— Я не стал дожидаться, пока мои приятели разнесут по всем углам весть о моих... успехах в эльфийском. И в ближайшем учебном бою продемонстрировал пару необычных приёмов, знанием которых был обязан капитану отцовской стражи. А потом похвастался, да погромче, что в байке про Феирунна, как и во всех эльфийских текстах, имеется другой, скрытый смысл — и мне удалось его отыскать... Рассказывали, что парня, который подстроил эту шутку, с тех пор несколько раз заставляли в библиотеке. С эльфийской грамматикой и весьма озадаченным выражением на лице...

— Знаешь, — подмигнув, вдруг обронила Тира. — А может быть, я и ошиблась тогда. Император из тебя, пожалуй, вполне бы мог получиться...

Глаза Антонио удивлённо расширились — о чём велась речь, он явно не понял. Я, признаться, тоже — хотя что-то неприятное на краткий миг шевельнулось в душе.

«Тогда»... Надо же. Выходит, уже успели обзавестись общими секретами? Притом весьма занятыми — вон как Альтар-то смутился...

— Тебя уже прочтат в императоры? — я приподняла бровь. — Любопытно...

— Разве что в Императоры неудачников, — под насмешливым взглядом Тиры Каратель весьма неуклюже «съехал вбок», не желая развивать тему. — Если буду и дальше вспоминать чепуху вместо того, чтобы думать о деле. Седона ошибок не простит...

— Ну-ну... — многозначительно протянула я, и, потянувшись к седельной сумке за фляжкой с водой, случайно встретила с Тирой глазами.

Рожерия улыбалась.

Как обычно.

Только в этот миг мне показалось, что в изогнутых уголках её губ я вижу скрытое торжество.

Да Бездна с тобой... Глупая, самоуверенная человеческая девчонка, думающая, что читаешь души, как открытую книгу. А на деле даже не соображаешь, насколько нелепо играть в соперничество за того, с кем связывает лишь ненависть, боль и общая беда...

Знать бы только, отчего вода во фляге так горчит?...

По мере того, как мы приближались к Седоне, земля мрачнела и пустела, напоминая источник, иссякающий в засуху.

Первыми исчезли харчевни и постоянные дворы — здесь не ждали гостей. Тракт выродился в каменистую просёлочную дорогу, изрытую оспинами ухабов и каверн. Деревушки и сёла встречались всё реже. Они уже не жались к дороге так, как в имперских землях, а, напротив, стремились укрыться подальше от глаз тех, кто имел несчастье очутиться в этом краю.

Пару раз мы совершенно случайно наткнулись на такие поселения. За полосами засек и высокими частоколами едва просматривались жмущиеся друг к другу кучки домишек, словно наспех слепленные из глины и камня. Рядом с ними не было ни души, да и сами они, казалось, давно заброшены — однако я ещё издали чувствовала угрюмые внимательные взгляды, недвусмысленно направленные в нашу сторону. Нас провожали долго и настороженно, ни на миг не показываясь на виду — и, возможно, решали в уме нехитрую задачу, испокон веков не дающую всем разбойникам покоя: «стоит или нет?» Однако две звезды на чёрных плащах вкупе с оружием, тускло поблескивающим у наших поясов, служили достаточно веским аргументом в пользу второго решения, продиктованного здравым смыслом.

Мы двигались вперёд.

Не обошлось без происшествий. Когда объезжали глубокую трещину в земле, расколовшую тракт на две части, Демон, конь Тиры, оступился и повредил ногу. Теперь он, прихрамывая, шёл налегке без седока, а Рожерии приходилось ехать в одном седле то со мной, то с Антонио. Видно было невооружённым глазом, насколько маг обрадовался этой случайности... Его глаза буквально-таки сияли, когда он вдохновенно развлекал всех нас, но прежде всего — свою попугачицу, бесконечными забавными историями из будней студентов и преподавателей. Тира смеялась вместе с нами и непринуждённо поддерживала скрашивающий дорогу разговор, хотя я готова была поручиться, что сидеть она предпочла бы за спиной Альтара. Однако Рио и без того тянул на себе основной груз нашей поклажи, поэтому Каратель оставался его единственным седоком. Возможно, тоже вопреки своему желанию...

Вторым неприятным открытием стало то, что вода в скудных ручьях, сочившихся из каменных расселин, оказалась совершенно непригодной к питью. К счастью, отравиться мы не успели: Антонио проявил чудеса бдительности, по каким-то одному ему ведомым признакам определив этот факт, когда в котелке уже закипал суп на ужин. Я перебрала весь арсенал эликсиров и трав, прихваченных в дорогу, и всё же вдохнула в «мёртвую» воду крупицу жизни. Однако даже после того как лошади и мои спутники сумели напиться, сама так и не смогла сделать ни глотка... К счастью для меня, во флягах, наполненных несколько дней назад из лесного ключа, оставалось ещё немного. Их слили в одну и теперь в моём распоряжении неизвестно, как надолго был лишь этот крохотный запас. Я считала каждый глоток и старалась не прикасаться к воде без крайней необходимости, но неизвестность, словно сговорившись с тёмным свинцовым небом, давила на плечи всё сильнее...

Последнюю ночь перед вступлением на земли псоглавцев мы провели в замке, принадлежавшем старому рыцарю. Его сумел отыскать Каратель. Именно Альтар настоял на том, чтобы на сей раз не ночевать на голой земле, а использовать случай и в открытую постучаться в наглухо запёртые ворота.

Он оказался прав. Хозяин каменной твердыни — небольшой, но внушительной и вполне надёжной — радушно принял внезапных гостей из Имперской столицы. Поручив супруге вместе с дочерьми и парой старых слуг накрыть на стол, сир Келгор, слегка припадая на правую, деревянную, ногу, самолично показал комнаты, где нам предстояло ночевать, и провёл в свой небольшой, но уютный кабинет.

Здесь, за кружками с самодельной травяной настойкой на спирту, заменяющей далёкие и недоступные имперские вина, мы узнали много полезного и интересного. Седовласый рыцарь жил на этих землях уже без малого два десятка лет, получив за отвагу, проявленную в бою, от отца нынешнего Императора свой титул и замок на окраине. Он многое знал об этом крае, давно ставшем ему родным, и радовался возможности поделиться своим знанием со столь редкими здесь новыми лицами.

Близость самой страшной имперской каторги не пугала его — здесь давно привыкли к факту такого соседства. С интендантом же Копей он и вовсе водил близкое знакомство. Чёрным Плащам и солдатам требовались овощи и зерно, выращенные местными крестьянами, Келгору же — свежие новости и редкие здесь товары.

Бастион Твердыня Мрака стоял на склоне одноименной горы менее чем в дне пути отсюда. С другой стороны к горе прилепился городок, где проживали цивилизные смотрители Копей, обслуга и редкие вольноотпущенники. В обеспечении жизни колонии активно участвовали и псоглавцы, но обитал этот народ далеко за каторжными приисками, в дикой глуши лесов на дальних Седонских горах, и жизнь свою напоказ не выставлял.

Рудники, в которых добывался агмарилл, занимали большую территорию в низине между тремя горами. На одной из них находилось местная Святыня (что это такое, рыцарь толком не знал). Склон же второй горы был отведён под кладбище.

При мысли о нём меня передёрнуло. Я знала, что век нелюдя в агмарилловых копиях, а уж тем более — век колдуна, исчисляется от силы несколькими годами. Я боялась даже представить, каких размеров должна была достигнуть к теперешнему времени эта общая безвестная могила...

Разговор давно уже свернул в другое русло и сир Келгор, раскурив трубку, увлечённо обсуждал с моими спутниками дела в столице. А мне с трудом удавалось изобразить интерес к блюдам, поданным на ужин, чтобы по меньшей мере не обиделась хозяйка... Даже

горстка подаренных нам кристаллов, возвращающих питьевые свойства здешней воде и, по сути дела, суливших мне истинное спасение, не смогла вытеснить из моей головы гнетущие мысли.

Ужин закончился, но беседа затянулась далеко за полночь. Впрочем, вскоре хозяева спохватились и, рассыпавшись в извинениях, отправили нас отдыхать — хотя видно было, что сами они были бы не прочь продлить общение до самого утра.

Постель в моей комнате была не в пример мягче и приятнее тех, что доставались мне в гостиницах, и уж тем паче не шла ни в какое сравнение с одеялом на ложе из ветвей у костра — но я так и не могла сомкнуть глаз.

Ночь!... Именно сейчас я никак не могла отделаться от навязчивого сознания того, что всё это происходит не со мной... Гнала это чувство от себя, едва не отмахиваясь, словно от тучи мелкого назойливого гнуса — а оно с той же настырной непокорностью всё громче зудело над головой, жаля и кусая исподтишка, стоило лишь забыться на краткий миг...

Свет и Тьма!... Этого не может быть.

Нет... Я настоящая, закованная в кандалы, должно быть, изо дня в день долблю ржавым кайлом агмарилловую породу, задыхаясь и умирая... А может, уже умерла и обрела долгожданный покой на лысом склоне кладбищенской горы. Мне могло повезти сохранить глубоко внутри искру жизни, и, годами дожидаясь своего шанса, наконец организовать отчаянный прорыв вместе с горсткой тех самых каторжников. Я могла оставаться колдуньей в лесной избушке, волей Провидения избежавшей уготованной ей страшной участи — и по сей день оплакивать своих мёртвых и мечтать за них отомстить...

Но ехать в Седонские Копи с мирным визитом под защитой Чёрных Плащей и в расчёте на имперское гостеприимство... Всё это походило на уродливое отражение в кривом зеркале.

Я не была уверена, что готова к тому, что там увижу. И самое худшее — что моего смятения не заметят чужие глаза.

Но это значило, что по моей вине вся легенда, а главное — жизни Альтара, Антонио и Тиры оказывались под угрозой.

Я отдавала себе в этом отчёт... и всё же, положила руку на сердце, не могла поручиться в том, что чувства в какой-нибудь неурочный миг не выдадут меня.

В сотый раз скрипнув зубами и повернувшись на другой бок, я не выдержала. Встала, оделась и, стараясь двигаться как можно тише, выскользнула из отведённой мне комнаты в коридор.

Факел в проржавевшем кольце на стене давно уже потушили — очевидно, это сделали слуги, обойдя замок перед тем, как он погрузился в сон. Однако сквозь широкие окна открытой галереи, обегавшей строение по кругу, в коридор попадал лунный свет, и его вполне хватало. Я прошла вдоль окон с десятков шагов, пока не отыскала арку, через которую шагнула на балкон и замерла, опершись о перила.

Каменный двор замка пустовал — неудивительно, в такую-то пору... Вальяжно кружась в тихом воздухе, наземь медленно падали редкие снежинки. Тонкий белый налёт подсвечивал стены, лишая строения чётких форм и делая камень ещё темней. Не было слышно ни звука, и даже вечно беспокойные сторожевые собаки никак не проявляли себя — тишина плотным стёганым одеялом укутала всё вокруг...

Похоже, она и грела не хуже — ночной холод совершенно не ощущался.

Я выдохнула струйку пара и переступила на другую ногу. Не знаю, для чего я сюда

пришла и сколько ещё простою — но так всё же было легче, чем маяться без сна...

— Как красиво...

Негромкий голос, вдребезги разбивший тишину, стал для меня полной неожиданностью. Вздогнув, я резко обернулась. В пролёте арки за моей спиной стояла Тира Рожерия и, задумчиво прищутив глаза, смотрела на падающий снег.

Ashratt!... Менее всего мне сейчас хотелось кого-нибудь здесь видеть. А уж Тира и так шла последней в списке моих предпочтений...

Я отвернулась, гася внутри волну раздражения и оставив её реплику без ответа. Жест был весьма красноречив, и я очень надеялась, что принцесса сообразит, что это место занято и найдёт другое для того, чтобы полюбоваться природой.

Увы мне... Как раз наоборот: позади послышался лёгкий скрип снежной крошки под ногами и через мгновение Тира опёрлась на локти о перила балкона в шаге от меня.

В первый миг онемев от такой беззастенчивой наглости, я набрала в лёгкие побольше воздуха, собираясь доступно объяснить императорской дочке, что составлять мне компанию её никто не приглашал. Внезапно Тира заговорила, опередив меня буквально на один взмах ресниц:

— Когда-то очень давно я наблюдала за таким же феерическим танцем с балкона чужого замка. Только тогда плясали не снежинки, а листья. Шла моя пятнадцатая осень... Я молчала, глотала слёзы и кусала губы до крови... Ночь казалась бесконечно длинной. На следующий день наш отряд должен был въехать в Вартасс.

Несказанные слова застыли у меня на губах. Я в немом изумлении воззрилась на принцессу, но Тира, словно не замечая меня, по-прежнему смотрела вперёд. Подставив ладонь, она дождалась, пока на неё опустится снежинка, и поднесла к глазам.

— Подпись отца на соглашении о мире должна была положить конец Последней Войне. Эльфийское посольство уже ожидало нас там... — она тихонько хмыкнула. — Помню, когда мы выехали из Рожериона, меня разбирало любопытство: каковы они — настоящий эльфийский король, главы Звёздных Домов и их свита?... Однако отец заложил неслабый крюк и повёл отряд вдоль границы.

Снежинка давно растаяла, однако принцесса по-прежнему не сводила с неё глаз, как будто крошечная капелька воды на руке позволяла ей лучше видеть прошлое.

— Отправляясь заключать мир, мы проезжали деревеньки, посёлки и города, сожжённые и разрушенные до основания... Останавливались в монастырях, давших временный кров беженцам, переполненных больницах и приютах для сирот... Несколько раз отца просили произнести последнее слово над свежими братскими могилами, в которых лежали ополченцы, солдаты и простые люди, напоившие своей кровью вражеские мечи...

Я вздрогнула: Тира неожиданно резко сомкнула ладонь.

— В последнюю ночь накануне церемонии я силилась поверить в то, что буду сидеть с остроухими за столом переговоров, делить хлеб и вино, вести положенные по этикету беседы — и не могла... Я ненавидела эльфов — всех и каждого, за их вероломное нападение и всё то зло, которое они принесли... Я недоумевала, почему отец не послушал своих генералов, клявшихся, что за несколько лун сметут саму память об эльфийском королевстве с лица земли... Я желала сама оказаться на передовой... в отряде Калисса Векса, бывшего моим наставником в ратном деле и потерявшего правую руку на этой войне... и убивать, убивать, убивать, не зная ни сожаления, ни пощады...

Тира тряхнула головой, сбрасывая с непокрытых волос уже успевшие облепить их

снежинки, и заговорила снова, вернув голосу прежний спокойный тон:

— Не знаю, что чувствовал тогда отец... Но ночь кончилась. И мир на следующий день был подписан, со строгим соблюдением всех тонкостей и правил. Я не подвела его — ни словом, ни жестом, в точности исполнив небольшую роль, отведённую мне в церемонии.

Она оттолкнулась ладонями от перил и в первый раз повернула ко мне лицо:

— Всё, что я увидела тогда, в самом тяжёлом в моей жизни путешествии, буду помнить, пока живу. Но моё участие в заключении мира... стало моим шансом внести свой вклад в то, чтобы кровь больше не лилась. Ни с чьей стороны. Сохранить множество жизней наших солдат... и защитников ваших деревенок, посёлков и городов. Сейчас я рада, что тогда воспользовалась данным мне шансом. И понимаю, что всё случившееся... было правильно.

— Зачем... ты говоришь мне всё это? — наконец прочистила горло я.

Тира пожала плечами.

— Не знаю... Это просто старая история из моего прошлого. Она некоторым образом касается эльфов... В конце концов, дело ведь не в душевных терзаниях наивной девчонки, внезапно ощутившей себя не на той стороне? Ты и без меня прекрасно знаешь, что жизнь далеко не всегда расписывает нам те роли, которые мы хотели бы сыграть... Но если спектакль разыгран ради благой цели, и собственную роль в нём нельзя никому передать — куда ж ты денешься? Просто соберёшь волю в кулак и сыграешь так, как никогда не играл — прочь все тревоги и сомнения!... Та девчонка в итоге так и поступила. И лишь потом поняла себя... Но на самом деле, это просто старая наивная история...

Усмехнувшись, принцесса повернулась и пошла назад, в сторону арки, успев негромко бросить перед тем, как скрыться в коридоре:

— К чему я её вспомнила? Должно быть, навеяло погодой...

Альтар

Про себя я прозвал их Тонким и Толстым.

Комендант Твердыни Мрака походил на сушёную воблу, поданную трактирщиком к пиву. Щекастый Смотритель Копей, напротив, весь лоснился от жира, точно откормленный к празднику гусь. Первый был угрюм и немногословен, второй же тараторил как заводной, ни на миг не убирая с лица фальшивую заискивающую улыбку.

Двоих менее схожих людей ещё следовало поискать. Однако бледные от волнения лица, а также неуклюжие попытки обелить себя, при этом беззастенчиво сваливая вину на другого, роднили их словно братьев.

— Нет сомнения — причина случившегося в действиях стражи. Точнее, в её бездействии и пренебрежении прямыми обязанностями. Не проверили цепи, не обыскали заключённых, следили вполглаза... И вот результат. На моих плечах Бастион и транспортировка агмарилла, метресса Веккьо. Я не могу быть в ответе ещё и за то, как господин Дасси натаскивает своих подчинённых...

— Я уверен, просто уверен: этого никак не могло бы произойти, не воспользуйся эти проклятые магией!... Их охраняли лучшие солдаты! Разумеется, они сделали всё, что могли... Но вот куда, куда смотрел Орденский чародей? Маг-Палач, между прочим, Третьей ступени посвящения... Впрочем, милейшая госпожа Рита, об этом вам лучше всего расспросить Мастера-Рыцаря Вальдеца...

Тира выслушала каждого из них с одинаково каменным лицом, то и дело черкая что-то на бумажном листке. Задала несколько общих вопросов и решительно пресекла все попытки узнать, насколько серьёзно в Рожерионе настроены по поводу кары, сухо сообщив, что «следствие разберётся».

Затем она отклонила приглашения на ужин, последовавшие вначале от Тонкого, потом от Толстого, объявив, что остаток дня намерена провести, отдыхая от долгой дороги.

Толстый, которого мы посетили последним, усмотрел в этом ещё одну возможность выставить себя в выгодном свете. Он лично, с полудюжиной солдат «почётного эскорта», сопровождал нас в посёлок, едва ли не замечая дорожку перед лошадиными копытами. В наше распоряжение был предоставлен двухэтажный дом на главной улице, по соседству с его собственным особняком. На пороге, вручив Тире ключи и ещё несколько раз пламенно заверив, что сделает всё для того, чтобы помочь следствию, Смотритель, наконец, откланялся, пообещав тотчас же прислать слуг, а заодно и горячий обед.

Когда за Толстяком, наконец, захлопнулась дверь, Тира привалившись к косяку, выразительно подняла вверх глаза. Однако расслабляться было ещё рано.

— Ну что же — вот мы и на месте, будь оно неладно... — принцесса выразительно взглянула на Шаэриэнн. — Аэлла! Посмотри пока, что тут есть внизу... А ты, Брат, — она обернулась к Антонио, — возьми-ка мои вещи, и пойдём выберем комнату, в которой мне предстоит жить и работать.

— Да, госпожа метресса.

Тонио без лишних слов подхватил сумки и зашагал вслед за Тирой по лестнице, ведущей на второй этаж.

Шаэ внимательно оглядела прихожую. Тронула картину подле сундука для вещей, постояла у широкого окна во двор и лёгкими шагами направилась в залу. Я побыл у порога, слушая, как Тира с недовольством замечает Антонио, изображающему «смиранные уши», что жильё могло бы быть и попримечнее, а комнат побольше... Маги были заняты своей игрой — им помочь я ничем не мог. Поэтому вышел во двор и занялся лошадьми.

Конюшня при доме оказалась вполне пристойной. Денники были чисто прибраны, по полу разбросана свежая соломенная подстилка. Рядом в мешках нашлись и сухой овёс, и зерно. Поильники были пусты, но вёдра для воды стояли на видном месте — сходить к колодцу во дворе было парой пустяков. Пусть в этом доме и не жили, однако всё держали в образцовом порядке. Я разместил нашу четвёрку со всем возможным комфортом, насухо обтёр им шкуры войлоком и вернулся в дом.

Моя компания к этому времени расположилась в просторной зале. Тира полулежала в кресле, закинув ногу на подлокотник. Шаэриэнн, заняв уголок дивана, перебирала сумку с эликсирами. Тонио ворошил кочергой поленца в камине, разводя огонь.

— Порядок, — едва я вошёл, сообщила принцесса. — Дом чист. То ли мы свалились как снег на голову, и расставить здесь они ничего не успели. То ли просто не обладают артефактами, позволяющими подслушивать и наблюдать.

— А если вы чего-то не заметили? — осторожно поинтересовался я, не разделяя подобной уверенности.

— Если и так, — заявила Тира, — те вещицы, что я разложила по комнатам, успешно прикроют нас от любого вида слежения при помощи магии. Ну а уж с чужими глазами и ушами будем справляться своими силами. Ну, — хмыкнула она, — и как вам Рита Веккьо?

— Стерва и снобка, — подала голос Шаэриэнн.

— Совсем на тебя не похожа, — поспешно добавил Тонио, наконец справившись с очагом.

— По-моему, эту даму больше заботит, как правильно составить отчёт, чем то, что произошло здесь по-настоящему, — не мог не признаться я. — Не хотел бы, чтобы такой дознаватель вёл моё дело...

Однако Тира кивнула, несколько не обидевшись:

— Так и есть. Она вне себя от «счастья» из-за командировки в Седону. Столько лиг трястись в седле, а на закуску — копать в каторжных отбросах... Излишним служебным рвением метресса не страдает, это уж точно. Однако исполнить задание требуется — во всяком случае, на бумаге. Главное, чтобы это поняли наши фигуранты и не ждали реальной опасности от столичной штучки...

— Да они и так уже трясутся как осиновы листья, — фыркнула эльфийка, презрительно скривив губы. — В ожидании того, кто больше отгребёт...

— Вот и пусть трясутся, — согласилась Тира, — заодно попытаюсь перещеголять друг друга в кляузничестве и сладких речах. А мы тем временем присмотримся, что здесь происходит на самом деле...

Рывком поднявшись с кресла, она сделала шаг в середину комнаты.

— Я, как и обещала, сегодня никуда из дому не сунусь. Буду поддерживать легенду о недалёкой и всем недовольной бумажной крыске... А вот у вас — свободный вечер, и никто не мешает провести его так, как пожелаете. К примеру, — взгляд принцессы остановился на мне, — Брат Атор может навестить кузницу Бастиона для того, чтобы... пополнить запас метательных ножей или подновить лезвие кинжала. А метресса Аэлла, вполне возможно, после обеда пожелает прогуляться по городку. Под охраной Брата Тонио, разумеется. Ну а вечером соберёмся за горячим чаем... и поделимся впечатлениями.

Твердыня Мрака была высокой горой, заметной издали. Но лишь узкая скала на самой её вершине резко выдавалась вверх, «сжатым кулаком» грозя небесам. Покатые склоны, укрытые деревьями, плавно сходились вместе на широком плато. Можно было попробовать поехать напрямик — лес выглядел мрачно, но не казался таким уж непролазным. Однако из посёлка до самого Бастиона вела отличная торная дорога, полукольцом огибающая гору. Для начала я решил воспользоваться ею.

Рио, передохнув несколько часов в тепле и сытости, шёл легко, и менее чем за ору я уже был на месте. Днём мы лишь мельком видели форт, по сути дела, ограничившись кабинетом Коменданта. Теперь же у меня появилась возможность внимательно всё рассмотреть.

Бастион выглядел довольно внушительно — издали... Когда-то его возвели «в неизвестности» — первый человеческий форпост на землях псоглавцев. Ожесточённая постоянными войнами с нелюдьми, Империя ещё не вполне доверяла неожиданно объявившимся среди них союзникам.

Орден готовился ко всему — однако за минувшие полтора десятка лет псоглавцы не дали повода усомниться в том, что они верные и надёжные вассалы. И теперь походило на то, что из часового, ежесекундно готового к бою, Твердыня Мрака постепенно превратилась в надзирателя, лениво приглядывающего за работой каторжников и сыпавшего агмарилл в свой глубокий карман... Судя по всему, изрядно погрузневшего и обзаведшегося лысиной.

Сухой ров вокруг стен замка некогда был весьма глубок. Сейчас же он с трудом угадывался под толстым слоем мусора и каменной пыли. Да и мост через него, похоже, не поднимали уже который год.

Тяжёлые створки ворот были распахнуты настежь. Мечи Тьмы, несущие караул, ещё не успели смениться. По приезде Тира лично предъявляла им все бумаги, подтверждающие нашу «легенду», и меня без лишних слов пропустили внутрь.

Почему-то я представлял, что в Седоне должен присутствовать солидный Орденский гарнизон, но, вопреки моим ожиданиям, Тёмных Братьев во дворе оказалось не так уж и много. Конечно, многие Рыцари Тьмы могли находиться в казармах, дежурить на Копях или быть в разъездах по территории. Однако когда я устраивал Рио в конюшню, то убедился, что из всех денников используется по назначению от силы третья часть.

Румяный широкоплечий Брат Эктор, заправляющий в кузнице, подтвердил мою догадку.

— Так оно и есть, Брат Атор... — Он поднял повыше к свету кинжал с погнутым лезвием (привести отличную сталь в такое состояние удалось с большим трудом). — Этот форт может принять самое меньшее три сотни плащей. А на самом деле их здесь всего несколько десятков...

— Почему?

— Ну а зачем больше-то? Раньше да, был смысл, когда каторжан охраняли. Но теперь этим занимаются солдаты... Здесь тебе не Империя!... Глянь вокруг — лес да камень. Прокормить и занять такую орду дорогого стоит. — Кузнец неодобрительно покачал головой. — Да и грешно держать на задворках лишние мечи, когда их настолько не хватает в порубежье... Вот и шлют сюда в основном молодёжь зелёную, набираться уму-разуму. Ну и парочка Паладинов зализывает раны, да заодно следит, чтобы всё было в порядке...

— А маги? — прищурился я.

Эктор фыркнул.

— Ну, маги — другое дело. Смотри, — Он принялся с готовностью загибать пальцы. — Охрана. Учёные. Несколько шгук целителей. Итого с три десятка человек наберётся... Ну, и те, конечно, что заняты агмариллом. Но эти, последние, особая статья... Они к каторге отношения не имеют — сами по себе. Сидят в хранилище, копошатся, как муравьи. Проверяют, сортируют, клеймят... Даже не уверен, что всех их знаю в лицо.

Обернувшись через плечо, Брат Эктор неожиданно гаркнул во всю мощь своих лёгких — я едва не вздрогнул:

— Бальдрин!!!

Через несколько мгновений откуда-то из тёмных недр кузницы вынырнул низенький коренастый работник в холщовом фартуке до пят, на ходу вытирая руки куском ветоши.

— Где тебя носит, гномий сын? — рявкнул мастер, хотя видно было, что больше для остротки.

— Или у тебя с памятью неладно? Сам же велел мне подправить кольчугу... — откликнулся Бальдрин ворчливым баском, огладив короткую, но густую рыжую бороду.

Только теперь я разглядел, что передо мной и в самом деле гном.

— Велел... А теперь другое велю! — Брат Эктор подкинул на ладони мой кинжал. — Надо привести его в порядок.

— Кэр дхайне васта!... — Бальдрин смачно сплюнул под ноги и уставился на меня. — Камень ты, что ль, им рубил?!

Я многозначительно промолчал, хотя догадка мастера была весьма точной.

— Твоё какое дело? — напустился на гнома кузнец. — До ума довести сможешь?

— Дхайне! Да как два пальца... — гном снова сплюнул, на сей раз презрительно. — Иди давай, пропусти с братцем по кружке пива и не мешай тому, кто действительно знает,

как обращаться с металлом...

— Поговори мне тут... — Эктор сурово свёл брови, однако хлопнул меня по плечу. — Пойдём, Брат Атор, плотнём... свежего воздуха. Этот малахольный кого хочешь выведет из себя...

И добавил шёпотом, когда мы уже направлялись во двор:

— Но кинжальчик твой будет как новенький...

— Он — каторжник? — вполголоса спросил я.

— Да... — отозвался Эктор. — Демоны, Брат — у него и впрямь золотые руки! Кому гнить в забое, и так хватает... Так какая разница, где он будет тянуть свой срок и работать на благо людей?

Я кивнул:

— Твоя правда...

— В конце концов, нигде прямо не сказано, что каторжанину положено только долбить руду... — Мне показалось, что кузнец оправдывается. — А так всяко лучше и ему, и нам. Ты б знал, сколько отличного оружия Ордену они за это время сковали...

— Они?

— Таких, как он в кузне ещё двое, — помедлив, признался Брат. — Из любого, самого дерьмового металла сделают превосходную вещь!... Не ставлю их только на агмарилл, — кузнец хмыкнул, — по понятным причинам...

— Сбежать не пытались? — спросил я.

Эктор одарил меня тяжёлым взглядом.

— Понимаю, о чём ты. Но тем убогим и вправду нечего было терять... А моим — есть. Возможность дотянуть живыми до конца каторги дорогого стоит... Они не полудурки и не самоубийцы какие. И так, поди, каждый день радуются тому, как им сказочно повезло — да работают на совесть, чтоб я, не приведи Таргос, не передумал воротить их на Копи в общий барак...

— Понятно.

— Вы, конечно, разберётесь, что там да как. — Эктор притворил тяжёлую дверь кузницы, выходя в сумерки следом за мной. — Но, если хочешь знать моё мнение, Брат — судьба тех двоих, что пропали, немногим радостнее, чем у троицы, прибитой охраной на месте. Те хотя бы погибли сразу — эти же просто обрекли себя на дополнительные муки... Если вам повезёт, то наткнётесь где-нибудь на их кости. А скорее всего, не найдёте и тех...

Внезапно наше внимание привлекли громкие выкрики и лязг металла, донесшиеся откуда-то из-за угла. Недоговорив, кузнец нахмурился и свернул туда. Я последовал за ним.

Двор позади кузницы очевидно, служил оружейным. Однако мишени для стрельбы из арбалета и лука, а также несколько кинтан с изрядно побитыми щитами были кое-как свалены на дальней его стороне. С десяток Братьев толпились около импровизированного ристалища, наспех огороженного верёвками, на все лады ругая и подбадривая бойцов, схватившихся на мечях.

Эктор без лишних церемоний оттолкнул в сторону молодого Меча Тьмы, стоящего у него на пути. Остальные, заметив кузнеца, расступились, пропуская его к самому месту боя.

— Да Тень же вашу матушку!... — рыкнул Эктор, с силой дёргая за верёвку.

Вокруг мгновенно воцарилась тишина. Даже бойцы прервали поединок и остановились, опустив мечи и тяжело дыша. Ближний из них, раскрасневшийся вихрастый парень, одетый в чёрное с серебром, с укоризной обернулся к нам. Второй — широкоплечий мускулистый орк

— без движения замер на месте, хищно прищурился жёлтые по-волчьи глаза.

— Эктор... — начал было вихрастый, однако кузнец не дал ему договорить:

— Вам что, олухи, неясно сказано было?! Такие бои вести только на арене! Только! На! Арене! — стиснув зубы, отчеканил он.

— Там душно и темно... — заикнулся стоящий рядом Брат и умолк, получив чувствительный тычок в бок:

— Так тащите туда свои ленивые задницы, проветрите и зажгите факелы!

— Эктор, ну чего ты?... Здесь же удобнее... Всегда было так!... — слышался с разных сторон неуверенный ропот.

— Всегда так, а теперь вот не так! Не слушаете Мастера-Рыцаря, так я вам втолкую! Так втолкую, что до конца дней будете помнить, как следует соблюдать правила!... — бушевал кузнец.

— Мы соблюдаем... — один из Братьев с арбалетом в руке тряхнул в воздухе парой ручных кандалов, кивая на неподвижного орка. — Тем более, это же Эрик, он смирный...

— Тот тоже был смирный! — рявкнул Эктор. — Совсем одурели, Безымянный вас всех раздери! Развели тут... цирк, дубины стоеросовые! А два мага в охране? Где они, я вас спрашиваю??

— Раймон отлучился по нужде. — Откуда-то сбоку к нам тихим шагом подошёл псоглавец в неброской тёмной одежде. — А я исполняю обязанности второго.

— Ты проводник, а не маг! — заявил кузнец, однако от меня не укрылось, что его тон заметно сбавил обороты.

— Но могу подменять одного из магов, когда идёт тренировочный бой, — ответ псоглавца прозвучал так же спокойно. — Чем и занят. Не тревожься, Эктор... Я контролирую ситуацию.

— Так почему вы тогда здесь, а не на арене? — кузнец не собирался отступать.

— Там убирают кровь... — псоглавец слегка поморщился. — Последний бой закончился... не совсем чисто.

— Но Мастер-Рыцарь запретил драться до смерти!

— Мечам Тьмы, — обронил псоглавец, походя бросив быстрый, но внимательный взгляд на меня. — А там работали маги.

Дверь мне отперла незнакомая девушка. Едва слышно пожелала мне доброго вечера, а потом, потупив глаза, отступила в тень, очевидно, ожидая распоряжений. Горничная, догадался я. Судя по всему, толстый господин Дасси сдержал обещание прислать нам своих слуг и, по совместительству, соглядатаев.

Время «вечернего чая» уже давно миновало. Я вернулся за ору до полуночи, и совершенно не удивился бы, застав своих спутников спящими. Однако в зале горел свет и раздавались голоса, причём как мне показалось, не только знакомые... Я предпочёл бы вначале прислушаться, однако присутствие служанки в коридоре связывало мне руки. Пришлось просто толкнуть дверь и войти.

Я не ошибся — в доме оказались «гости». Стол посреди комнаты ломился от блюд, простых и хорошо знакомых, приготовленных без лишних изысков, но отменно вкусных даже на вид... В огромной посудине исходил паром какой-то пряный суп, умопомрачительно пахли жареные цыплята и свиные рёбрышки в подливе, а гарниры из тушёных овощей, соления и перцы в масле нешуточно разжигали аппетит.

Ти́ра, восседающая во главе стола, обернулась на скрип двери и сделала мне знак рукой:

— Брат Атор! Вот, наконец, и ты... Присаживайся и воздай должное этому превосходному ужину! Любезный господин Дасси делает всё, чтобы мы поменьше скучали по Рожериону, оставленному так далеко...

Бледный Толстяк, сидящий напротив принцессы, нарисовал на лице очередную улыбку.

— Погостите у нас ещё немного, госпожа Рита, так и вовсе не пожелаете возвращаться в свои столицы, — негромко хохотнул коренастый лысый мужчина в летах, вольготно расположившийся на стуле справа от Толстяка. Мне почувствовалась в нём военная выправка.

Тира кокетливо наморщила носик:

— Остаться здесь — на каторге? Да вы шутите, капитан Легран!

Выходит, я не ошибся...

— Ну и зря! — отвечивал тот, поднимая кубок, наполненный красным вином — явно не в первый раз за этот вечер. — Каторга, госпожа Рита — это для преступников! Ну а для людей, послушных закону и Императору — вот таких, как мы с вами — здесь... вполне себе достойная жизнь! Пусть городок и мал, всяких увеселений-развлечений не так и много... Зато — ты сам здесь и власть, и закон, и король! И Ярош, и Таргос, и Импе...

— Остынь, остынь... — Толстяк поспешно хлопнул его по плечу. — Простите, госпожа метресса... Капитан просто хочет сказать, что представителей императорской власти здесь ценят и уважают... А мы уж прилагаем все усилия, чтобы обеспечивать в этом непрестом месте мир, порядок и закон.

— Да я вот, собственно, о том же... — капитан, сверкнув глазами, явно собрался продолжить мысль, однако в этот момент свой кубок приподнял третий гость — псоглавец, негромко, но веско произнеся:

— За здравие Рожеро Справедливого!

— Славы и долгих лет! — мне показалось, что толстяк выдохнул слова с большим облегчением.

— Славы и долгих лет! — с удовольствием подхватил Легран, осушив кубок в несколько глотков.

— Славы и долгих лет! — Тира пригубила вино, так же поступила и Шаэ.

Я, наконец, пристроил плащ на вешалку у двери и подсел на край стола к Антонио, скромно занятому своим ужином. Он в разговоре не участвовал. Собственно, про меня Тира тоже сразу «забыла», разумеется, не став представлять мне гостей. Да и какие могут быть церемонии в отношении простого охранника? Впрочем, такое положение вещей я давно нашёл несказанно удобным: каждому — своё...

Выпорхнувшая из кухни служанка сноровисто наполнила мою тарелку, налила в кубок вина и снова исчезла. Я с удовольствием приступил к ужину, собираясь без помех понаблюдать за представлением со стороны, однако гости, допив вино, засобирались прочь.

Тира с любезной улыбкой проводила их до самых ворот. Затем собрала слуг, велела им убрать со стола и приготовить ванну. Дождавшись выполнения своих приказов, она отправила прислугу домой, велев явиться завтра утром. Одна из горничных робко попыталась навязать своё общество, однако Тира не терпящим возражения тоном сообщила, что её услуги до утра не понадобятся. Слугам пришлось уйти.

— Ох... Ну и вечер!

Принцесса с наслаждением плюхнулась в кресло у очага, приглянувшееся ей ранее.

— Поздновато ты... — кивнула она мне. — Как твоя поездка?

— В общем-то удалась, — я отодвинул от себя тарелку, поворачиваясь к остальным. — Удалось узнать кое-что интересное...

— Доешь, — кивнула принцесса на мой незаконченный ужин. — Оставим тебя на закуску... Мы, как видишь, тоже не скучали.

Тира обернулась к Антонио и Шаэ:

— Итак, Седонский городок... Каков он из себя?

— Нечто среднее между мелким посёлком и большой деревней, — подала голос эльфийка: Тонио уступил ей право высказаться первой. — Местная аристократия живёт в центре, но в направлении окраин дома стремительно множатся и беднеют... Главная улица здесь всего одна, но очень длинная — та, на которой мы и живём. Всё, вокруг чего кипит местная жизнь, находится на ней. Мы видели ратушу, несколько харчевен, рынок, игорный дом и даже бордель.

— Ясно, — заметила принцесса. — Ещё что?

— Город достаточно плотно населён, — словно нехотя, проронила Шаэриэнн. — К моему несказанному удивлению. Я видела гномов и орков, торгующих на рынке... Полурослика, копающегося в господском саду... Женщину-Росса, стирающую бельё... Видимо, какая-то часть бывших каторжников после освобождения остаётся здесь. Пополняют ряды местных бедняков и прислуги, но в родные края возвращаться не желают...

— Может, им просто некуда идти? — осторожно заметил Тонио. — Срок заключения на каторге — как правило, много лет... Возможно, их никто не ждёт... и от обычной жизни они успели отвыкнуть...

— Не знаю! — оборвала его Шаэ. — Ты сам видел, насколько их много... Но не могу представить, что есть сила, способная заставить кого-то добровольно остаться здесь...

— А наш любезный капитан за ужином заливался соловьём, уверяя, как замечательно здесь живётся, — едко обронила Тира.

— Ему и ему подобным — безусловно! — Шаэриэнн не поддержала шутку. — А каторжникам? Тем более — бывшим?? Ночь! Не представляю, что может удерживать здесь столь многих из них...

— Любопытно, — Тира невозмутимо кивнула. — Может, и выясним это... Дальше?

— Псоглавцы. — Антонио сделал шаг вперёд. — Живут они явно не в городке — не видел ни одного дома, ни бедного, ни богатого, который принадлежал бы представителю этого народа. Однако их тут тоже хватает...

— Чем заняты? — Тира прищурила глаза.

— Кто-то просто торопился по своим делам, — Шаэ посмотрела вверх, вспоминая. — Двоих видели в компании кого-то из знати. Некоторые выбирали что-то на рынке — среди них даже была одна женщина...

— Женщина? — вырвалось у меня.

Я вдруг сообразил, что женщину-псоглавца не видел ни разу в жизни. Как и псоглавца-ребёнка...

— А как ты думал они живут? — иронично взглянула на меня Тира. — Женщин у них тоже хватает, как и у всех остальных. Только они, как и дети, почти не покидают пределы своих общин. Во всех отношениях с внешним миром участвуют исключительно мужчины. Семьи свои они берегут как зеницу ока — настолько хорошо, что это, пожалуй, всё, что нам известно о них... — она вернулась к Тонио и Шаэ. — Есть ещё что-нибудь, достойное внимания?

— Пожалуй, всё, — подумав, Антонио покачал головой. — В конце концов, это была пусть длительная, но всего лишь прогулка...

— Тем не менее, вы справились неплохо, — подытожила принцесса и взглянула на меня. — Твоя очередь, Альтар.

Стараясь быть последовательным, я начал с того, что описал Бастион и свои впечатления от него.

— Расслабились, — прокомментировала Тира. — Чего и следовало ожидать. Значит, здешние Плащи — в основном, сборище зелёных юнцов, от которых на границах не было бы никакого проку... Оригинально Орден решил вопрос с охранением Седоны... Ну, а маги?

— Их не видел, — признался я. — Хотя там, похоже, куда более серьёзная организация. Их реально больше, к тому же, магическая охрана каторги, а также контроль и учёт агмарилла — целиком на них. Зато столкнулся с псоглавцем...

— На территории форта?

— Да. Он считается проводником, однако чувствует себя в Бастионе, как дома, — я коротко описал его разговор с кузнецом, а затем и приведший к нему поединок.

— Весьма интересно... — протянула Тира. — Выходит, они активно используют каторжников не только для того, чтобы добывать руду...

— В кузнице трудятся гномы, — кивнул я. — А тем, кто неплох как воин, предоставляют возможность участвовать в тренировочных битвах, освобождая от общей повинности. Многие соглашались, видя в этом возможность дотянуть до освобождения живыми — если, конечно, повезёт...

— Бои до смерти? — подала голос Шаэриэнн.

— Как я понял, вначале ограничений не было — во всяком случае, для Мечей Тьмы, — помедлив, признался я, видя, как темнеют глаза эльфийки. — Сейчас, после на шумевшей истории с побегом каторжников, многое поменялось. Усилили меры безопасности и официально ограничили все поединки первой кровью. Хотя магов и их... «тренировки»... это распоряжение, похоже, не коснулось. Но об этом мне узнать ничего не удалось. Пока, во всяком случае...

Я потянулся к графину, плеснул себе воды в пустой кубок от вина, с наслаждением выпил.

— Что ещё? — поинтересовалась Тира, когда я вернул кубок на стол.

— Мне кое-что рассказали о тех каторжниках, которых мы «ищем». Всего их было пятеро. Трое гномов, орк и... эльф, — я мельком взглянул на Шаэ, стоящую с каменным лицом. — Двух гномов и орка уложила охрана. Сбежать сумели эльф и третий гном. Примечательна личность этого эльфа... Очевидно, он очень толковый боец, поскольку долгое время — как я понял, несколько лет — участвовал в тех самых тренировочных боях с Мечами Тьмы. Но потом там что-то случилось... то ли кого-то он всё-таки убил, то ли нарушил какие-то указания... — кузнец так и не смог вспомнить, что именно произошло, — ... и снова был отправлен на рудники, примерно полгода тому назад...

— Так... — задумчиво протянула Тира. — Чувствую, нам совсем неплохо было бы действительно разыскать этих беглецов. Они могли бы рассказать много интересного...

— А потом что? — внезапно выпалила Шаэриэнн. — Обратно в цепи или сразу на плаху?

— Зачем? — принцесса встретилась с ней глазами. — Кто же поступает так с ценными свидетелями? Неразумно... Впрочем, их ещё поди найди... — она подавила зевок. — Вот

этим и займёмся завтра с утра. Мне, как видите, тоже недолго пришлось наслаждаться спокойным вечером. Господин Дасси так и не смирился с моим отказом от совместной с ним трапезы. Поэтому нагрянул в гости сам и притащил с собой милейшего капитана, якобы начальника имперского гарнизона.

— Почему якобы? — спросил Антонио.

— Потому что на бумаге, — хмыкнула Тира. — Ты видел и слышал капитана. Я — тоже... Как я поняла, на деле гарнизоном командует его помощник, некий лейтенант Ярош. Именно он не вылезает из форта в Седонских Копях, пока Легран ведёт светскую жизнь и расхаживает по гостям. Полагаю, этот лейтенант — куда более интересная личность. Завтра нам предстоит познакомиться с ним...

— Значит, завтра мы едем на каторгу? — спросил я, уже зная ответ.

— Именно, — подтвердила принцесса. — А проводником у нас будет тот самый псоглавец, которого Дасси привёл с собой третьим.

— Рэи Ранамон, — Антонио, очевидно, слышал, как обращались к псоглавцу. — Необычное имя...

— Да. Приставка к имени говорит о том, что он возглавляет какую-то из общин, — Тира кивнула. — И сам он необычен. В отличие от этих двух олухов, очень и очень непрост... И это всё, что мне удалось понять. Поэтому при нём нам следует держаться тройне бдительно!

Шаэриэнн

— Вот это место...

Лейтенант Нико Ярош, лично сопровождающий нас на дальний прииск, остановил коня на невысоком, но крутом хребте и повёл рукой, обозначая путь в усеянную камнями долину.

— Здесь вам лучше спешиться, — псоглавец, шагающий вровень с конём Тире, прищурил янтарные глаза. — Спуск не совсем надёжен... Лошади могут споткнуться.

Тира послушно соскочила на землю. Я последовала её примеру, с наслаждением разминая мышцы. Дорога из форта заняла несколько ор, и хотя мы двигались через лес, напрямую — в обход собственно каторги, разместившейся между горами — всё равно название «Дальний прииск» целиком себя оправдало.

Альтар, подойдя сзади, перехватил у меня повод Мирри. Я проследила за его взглядом и вздрогнула: далеко внизу, на самом дне каменистого котлована, копошились тёмные фигуры.

— Вы же сказали, прииск законсервирован! — Тира посмотрела на лейтенанта.

— Так и есть, — подтвердил он. — Это я отдал приказ привести сюда отряд.

— Для чего?

— Чтобы проще было восстановить события. Так будет без лишних слов понятно то, что я хочу вам показать.

Тира кивнула, запахивая плащ, трепыхнувшийся в шальном порыве ветра.

— Держитесь за мной, — посоветовал Рэи Ранамон, делая шаг вперёд. — И следите за животными...

— Ир, Лэнг, Триши — замыкаете! — коротко распорядился лейтенант Ярош, бросив взгляд на следующих за нами солдат. Приказ был исполнен мгновенно.

Мы медленно двинулись вниз, растянувшись широкой вереницей. Тира следовала за псоглавцем, я шла четвёртой, видя перед собой широкую спину лейтенанта. Что и говорить, этот персонаж был куда приятнее слащавого господина Дасси и мрачного коменданта Вальдеца, а также недалёкого капитана... Он был собран, спокоен и деловит, а также не выказывал ни малейшего пиетета перед столичными «шишками». Человека, добившегося своего нынешнего положения собственным тяжким трудом, выдавала в нём не только фамилия.

Однако было и в нём что-то неуловимое, явственно не дающее мне покоя. Вначале я объясняла это чувство общей неприязнью к Седонским набольшим, однако позже всё же призналась себе, что не могу назвать лейтенанта неприятным. Быть может, знай я его лучше, моя интуиция оправдала бы себя. Однако на первый взгляд Ярош был простым толковым солдатом до мозга костей, этим самым напоминающим Альтара.

Впрочем, когда я поняла это, странное ощущение всё равно не пропало, а своей интуиции я привыкла доверять... Хмыкнув, я дала себе слово присмотреться к этому человеку повнимательнее, а пока сосредоточилась на каменной осыпи у себя под ногами.

Вниз спустились без происшествий. Десяток солдат, оцепивших раскоп, завидев лейтенанта, взяли под козырёк. Пятеро заключённых, греющих руки у костерка на обочине, повернули к нам худые измождённые лица.

Трое гномов. Орк. Эльф...

Я встретилась глазами с юношей-Росса, совсем молодым, но с заметной проседью в золотистых волосах.

... О Ночь! Сколько же тебе было, когда ты ввязался в войну?

Evangerreill, мой маленький двоюродный братец... Ты внезапно так живо напомнил мне его — хотя как, ведь вы совсем не похожи?! Что-то с ним теперь?...

Я выдержала всего несколько мгновений прежде, чем отвела глаза. Силилась прочитать во взгляде парня хотя бы что-нибудь: узнавание, ненависть, боль, презрение — но...

В его глазах не было ничего кроме холода. И пустоты.

Это было слишком... жестоко.

— Аэлла, — Тира легонько коснулась моего локтя рукой. — Лейтенант Ярош предлагает нам погреться... Впрочем, можем приступить к делу сразу же. Ты как, сильно замёрзла?

— Практически нет... Я в порядке, — я кивнула Тире, а затем и лейтенанту. — Справиться раньше — в наших интересах, так что давайте лучше начнём, не теряя времени.

— Как скажете, метресса.

Нико Ярош подал знак солдатам. Двое мужчин отделились от оцепления и двинулись на заранее распределённые места. Каторжники, позвякивая цепями, принялись по одному спускаться в широкую трещину в земле, где некогда планировалось делать раскоп.

Мы с Тирой, следуя за лейтенантом, прошли по самому краю котловины к месту, расчищенному от снега.

— Вот...

Лейтенант прыгнул вниз и провёл ладонью в рукавице по стене из камня и мёрзлой земли почти в полный его рост. На ней виднелись следы, оставленные кирками и лопатами.

— Как видите, это только начало. Они прибыли сюда рано утром и работали почти до обеда. В середине дня караульный расчёт должны были менять... Вот, очевидно, за пару ор до этого всё и случилось.

Один из солдат охраны тем временем разомкнул общую для всех каторжников цепь. Они заученно разбрелись вдоль границы раскопа, подхватывая с земли тяжёлый инструмент. Через мгновение кирки, монотонно бьющие о камень, затянули свою унылую песню...

— Где кто стоял — в точности сказать не могу, — зло хмыкнул лейтенант, повышая голос, чтобы мы могли его слышать. — Живых свидетелей нам не оставили. Прочее было так...

Он встал за спиной одного из каторжников — гнома, работающего в средней части стены, и легонько хлопнул его по плечу, заставляя замереть.

— Улучив время, когда один из охранников находился поблизости, кто-то из каторжан привлёк его внимание, очевидно, изобразив припадок или потерю сознания...

Гном уронил кирку и, вскрикнув, тяжело осел на землю. Солдат, шагающий по кромке раскопа, остановился, затем спрыгнул вниз и склонился над ним.

— В этот момент каторжники напали, — продолжил лейтенант.

Четверо заключённых, оставшихся на ногах, послушно изобразили нападение, занеся над солдатом лопаты и кирки.

— О чём только думал этот охранник? — Тира передёрнула плечами.

— Ручные и ножные кандалы на каждом из них, — лейтенант кивнул в сторону каторжников, — неминуемо обратили бы такой шаг в форменное самоубийство. Однако к этому времени заключённым удалось каким-то образом незаметно разомкнуть замки...

— Каким-то образом? Хорошенькое дело, лейтенант! Каторга здесь или курорт?! — Тира едва не задохнулась от возмущения. — Скажите, чем занята здесь ваша охрана, если заключённые вольны делать, что им вздумается...

— Метресса Веккьо, целостность кандалов и цепей тщательно проверяют всякий раз перед тем, как вести каторжников в поход, и перед обратной дорогой, — Нико Ярош не моргнул и глазом. — Если имела место фатальная ошибка, допустившие её будут наказаны. Но нам ещё предстоит разобраться, откуда у них ключи и как их удалось незаметно пронести сюда с собой.

— Продолжайте, лейтенант!

— Оставшийся охранник, заметив, что творится в карьере, выхватив меч, бросился туда... — Ярош подал знак второму солдату, и тот, обнажив оружие, рванулся в сторону заключённых. Трое гномов и орк, вооружённый мечом, «отобранным» у «убитого» охранника, изобразили вступление в бой, эльф же, подхватив кирку, кинулся к каменной стене.

— А маг?

Лейтенант посмотрел Тире в глаза.

— А маг... промешкал.

— То есть?

— Он, вероятно, отошёл в сторону и обратил внимание на происходящее слишком поздно. Ранамон?

Псоглавец подошёл ближе.

— Поможешь?

— Конечно.

Проводник гибким движением подхватил с земли палку и, следуя жесту лейтенанта, удалился на значительное расстояние.

— Когда он понял, что заключённые подняли бунт, — проговорил Нико Ярош, — ему

достаточно было лишь сомкнуть Ошейники Каторжников... Однако он почему-то не сделал этого. Вместо того он бросился к раскопу, швыряя в нелюдей боевые заклятья...

Псоглавец скользящими шагами метнулся к карьру, вытянув перед собой ладони.

— Успел пустить в «молоко» Шаровую Молнию и поразить одну цель, к тому времени уже мёртвую, Дыханием Дракона... А потом, видимо, споткнулся и упал...

Рэи Ранамон, взмахнув руками, артистично растянулся на камнях.

— ... И, поднявшись на ноги, очутился лицом к лицу с нашим эльфом.

Лейтенант оглянулся через плечо, но тут вышла заминка. Золотоволосый юноша отчаянно цеплялся за выступы в стене, но влезть наверх ему просто не доставало сил...

Я закусил губу. Но в этот момент с боковой стороны в карьер чёрной тенью метнулся Альтар, подхватывая с земли кирку, выпущенную молодым Росса из рук.

— Позвольте мне, лейтенант?

Ярош пожал плечами:

— Действуйте, Брат...

Каратель примерился — и в три прыжка буквально взлетел вверх по стене, вырвавшись вверх перед поднимающимся с земли псоглавцем. Коснувшись его макушки киркой, развёрнутой плашмя, он обернулся в нашу сторону. Лейтенант кивнул головой:

— Да. Полагаю, это было именно так...

Тира скептически прищурила глаза.

— Странное поведение для опытного мага-Палача...

— Более чем странное, — согласился лейтенант. — Если бы Гэлдур не погиб, клянусь, он был бы первым, кого стоило бы подозревать в соучастии. Однако участь его оказалась даже менее завидной, чем у охраны, которая пала жертвой его глупости... Солдаты погибли, сражаясь, и успели обменять три жизни на свои... Этого же уцелевшие гном и эльф попросту зарезали, как свинью, поначалу вынудив снять с них ошейники.

— А потом? — спросила я.

Брови лейтенанта дрогнули — он настолько явно не ожидал, что я заговорю, что, очевидно, уже привык считать меня немым дополнением к Тире.

— Потом? Потом... они сбежали, госпожа метресса.

— Пробовали взять след? — вступила принцесса.

— Разумеется, — вздохнул лейтенант, давая своим людям отмашку заканчивать «представление». — И маги, и псы, и проводники.

К нам приблизились Альтар и Ранамон. Последний всё ещё отряхивал одежду.

— Маги потеряли след вон там, — Ярош указал направление рукой, — сразу на границе котлована. Собаки не взяли его даже здесь — поджимали хвосты и жались к ногам псарей. Это Седона — здесь они часто ведут себя так, ничего не поделаешь... Была надежда на проводников, — он взглянул на Ранамона.

— Но мы тоже не всемогущи, — псоглавец выдержал его взгляд. — Двойной след обрывается у леса — там, за холмом. Так, словно они испарились. Или улетели по воздуху...

— Мы можем взглянуть? — поинтересовалась я. Неплохо было бы проверить одну идею...

— Конечно, — лейтенант кивнул Ранамону и отступил, оборачиваясь к своим. — Поднимайтесь. Я соберу отряд и нагоню вас у кромки леса.

— Здесь, — коротко бросил псоглавец и сделал шаг в сторону, подпуская меня к буйной поросли кустарника, оцетинившейся колючками.

Я снова оставила повод Мирри Альтару и медленно двинулась вдоль густо переплетённых ветвей, привычно настраиваясь на Разговор...

Здравствуй, — шепнули мои губы, — Пожалуйста, не волнуйся. Лишь выслушай меня и, если можешь, помоги...

Лес молчал, настороженно и угрюмо. Я чувствовала потоки его внимания, направленные на меня, и старалась поймать их, открыться, чтобы дать ему увидеть, что мои намерения честны.

Я не желаю зла, — продолжала я, — ни тебе, ни тем, о чьей судьбе хочу тебя расспросить. Я не стану тревожить тебя... Прошу лишь, помоги мне...

Протянула руку, бережно прикасаясь к зелёному побегу — и тут же отдернула её, в недоумении уставившись на подушечку безымянного пальца. Алая бусинка крови стремительно увеличивалась в размере, однако сильнее всего болел не укол, а обида.

Но почему? Почему?!

Не вполне сознавая, что делаю, я, словно маленькая девочка, растерянно сунула палец в рот... и услышала за спиной голос псоглавца.

— Это наш лес, Говорящая... — заметил он совсем тихо. — И ему нечего нам сказать. Он бы уже поведал, что знает... если бы мог.

— Но ведь не улетели же они, в самом-то деле! — Тира Рожерия подошла ближе и остановилась в нескольких шагах. — Куда они могли деться? Неужто открыли портал?!

Псоглавец перевёл взгляд на неё. Медленно покачал головой:

— Нет. След от портала распознали бы ваши чародеи. Но они уверяют, что его не было, и быть не могло...

— Почему?

— Спросите у них сами, метресса. — Рэи Ранамон пожал плечами. — В конце концов, я только проводник...

— И у вас нет предположений?

— Есть, — псоглавец кивнул. — Я уже высказал их... вашим властям. Скорее всего, беглецы погибли. Думаю, отсутствие следов говорит о том, что им действительно удалось попасть в лес...

— Так значит...

— Лес в этом месте заканчивается через полсотни шагов. Дальше начинается болото. В переводе на ваш язык мы зовём его «Зовом в Вечность»... С давних времён преступники, приговорённые общинами к смерти за самые страшные деяния, получали шанс искупить преступление, проведя три дня и три ночи в ограждающем Зов лесу...

— Три дня и три ночи — не так уж и много. Можно просто пересидеть... — обронила Тира, испытующе глядя на псоглавца.

— Быть может, — спокойно согласился Ранамон. — Однако свеча жизни самого стойкого из них, если верить преданиям, угасла вместе с закатом его первого дня.

В форт мы вернулись к полудню. И буквально у самых ворот угодили «в объятия» капитана, который едва не приплясывал на месте, ожидая нас.

Было очевидно, что «дела» здесь у него отыскивались именно в связи с нашим прибытием. Легран усиленно делал вид, что с трудом оторвался от прорвы работы, чтобы пройтись, размяная ноги, и выкурить трубку. Однако, судя по тому, что трубка давно простыла, а яркий румянец щедрыми пятнами размалевал лысину, щёки, нос и даже лоб, «прохаживался» капитан уже достаточно долго.

Нико Ярош, спрыгнув с коня, коротко отпартовал старшему о поездке. Стоя рядом с красномордым надутым начальником, лейтенант тем более выглядел настоящим командующим форта; Легран же казался карикатурой на такового, намалёванной завистником-злопыхателем. Едва соизволив дослушать, он отпустил лейтенанта торопливым кивком головы.

— Ясно, ясно, Ярош... Возвращайтесь к исполнению своих обязанностей, далее я сам позабочусь о наших гостях!... Помнится, вчера я обещал вам экскурс по моей каторге, прекрасные метрессы?

«Его» каторга... Меня внутренне передёрнуло. Ночь! С каким удовольствием я вогнала бы ему в глотку эти слова!... Я поспешила вперить взгляд в землю, хотя капитан был явно не из тех, кто умеет читать по глазам...

Тира же невозмутимо кивнула, пропустив явно фамильярный комплимент мимо ушей:

— Именно так.

— Но вначале — обед!... — радостно громыхнул Легран. — Госпожа Рита... Госпожа Аэлла... — Он на мгновение скользнул взглядом по мне, после чего продолжил пожирать Тиру глазами. — Для меня честь принимать вас и ваших спутников в стенах своего форта! Ранамон — ты, разумеется, тоже останься! Стол я велел накрыть в моём кабинете...

Вид преисполненного собственной значимости капитана напрочь отбивал всякий аппетит, однако приглашение пришлось принять.

Повара форта, очевидно, получив на этот счёт жёсткие указания, расстарались на славу. Стол был богат — даже слишком богат: вряд ли подобные блюда часто бывали на столе даже у самого капитана. Антонио и Альтар обедали молча, как и положено охране, псоглавец тоже невозмутимо налегал на кушанья, мне же компания капитана была просто противна, однако, к счастью, львиная доля его внимания доставалась другой. Я от души сочувствовала Тире, однако та держалась молодцом, милостиво внимая капитановым «велеречиям» и время от времени лениво пробуя то одно, то другое поданное яство. К счастью, терпеть назойливо-топорный юмор Леграна довелось всего около оры: потом Тира весьма прозрачно намекнула, что не хотела бы затягивать «экскурс» до темноты. Капитан понимающе закивал и зычно гаркнул адъютанту:

— Выезжаем немедленно!

Шум мы слышали ещё в пути. Вначале странный и далёкий, он неумолимо приближался с каждым шагом лошадей по каменистой дороге, виляющей между скал — подъезд к каторге со стороны форта был широким, но весьма заковыристым. То, что вначале напоминало монотонное зудение насекомых где-то над головой, понемногу преобразалось в гул, рокот и перестук, множество раз отражённый от каменных стен затейливым эхом...

Дорога сделала последний поворот... и резко, насколько хватало глаз, раскаталась прямой лентой вниз, в долину.

— Вот!... — оборачиваясь к нам, едва ли не с любовью произнёс капитан.

Привстав в стремях, он горделиво повёл рукой, широким жестом охватывая панораму, открывшуюся впереди. Но я и так уже прикипела к ней взглядом.

... Вот он, мой приговор, который так и не был исполнен. Однако разминуться с ним всё же не удалось.

Седонские Копи, не счесть сколько раз виденные мною во снах. Так вот, оказывается, какие вы наяву...

Взгляд притягивала глубокая рваная рана в серой земле — словно ветвистый след

молнии, расколовшей грозное небо и по неведомой прихоти Созидателя впечатавшейся в него навсегда. Тёмный разлом, зигзагом рассекающий камень, был настолько велик, что две горы с разных его сторон выглядели небольшими холмиками и почему-то напомнили мне детей, растерянно окликающих друг друга с разных берегов разлившегося по лужайке ручья. Третья гора, с которой мы спускались, вряд ли была большей — просто её нельзя было увидеть со стороны.

И совсем уж ничтожными на фоне разлома и гор — ничтожными и чуждыми этому месту — казались крошечные фигурки, заполонившие долину. Однако они были повсюду, подобно серой хвори, не дающей зажить ране — терзали тяжёлыми кирками каменную плоть, ползали по накатанным дорогам с гружёными вагонетками, сновали во все стороны, конные и пешие, распоряжаясь и отдавая приказы...

Словно утверждая власть людей над этим местом, везде, где только можно, были понатыканы нелепые постройки, мостки, стропила, леса. Мой взгляд тут же «споткнулся» о три огромных купола на дальнем конце долины — двое совсем рядом друг с другом, у самого подножия «кладбищенской» горы, и один чуть поодаль, выше по её склону...

— Плавильня и Чаровальня, — пояснил капитан Легран, щуря глаза — порывы ветра на дороге так и норовили исподтишка швырнуть в лицо мелкую каменную пыль. — А там дальше, за ними — Хранилище, где потом и собираются слитки...

— Чаровальня? — Тира оценила словцо.

— Тьфу ты, Тень... Лаборатория, уж простите меня, метресса — ну, там, где ритуалы эти проводят... Это каторжников придумка... а магам и понравилось, теперь и сами так её зовут.

— Что за ритуалы? — поинтересовалась Тира.

— Ну, эти... с агмариллом которые... — явственно замаялся капитан — темой он явно не владел. — Ну... чтоб «раскрыться» он мог, в общем... Так как-то...

— Хм... — задумчиво произнесла Рожерия. — Я, признаться, полагала, что все известные нам свойства агмарилла проявляются сами по себе.

— Не совсем, — вступил Ранамон, перехватив беспомощный взгляд капитана. — Большинство присущих агмариллу магических качеств находятся в «дремлющем» состоянии. Ритуал помогает полностью пробудить их.

— Интересно, как?

— Существует особый обряд... — пояснил псоглавец. — Он досконально известен лишь верховному предводителю нашего народа... Дэри Карсиндар пятнадцать лет назад раскрыл магам Ордена и Церкви людей его секрет и теперь помогает его проводить.

Вот как... Этого я не знала. Вот и ещё одна ниточка, прочно соединяющая людей и их странных союзников... При этом кончик, за который дёргают, всё таки находится у последних — иначе люди давно бы уже перехватили всю инициативу в собственные руки. Выходит, псоглавцы для Империи не менее ценны, чем собственно агмарилловая жила...

— Да! Если б не требовался этот ритуал, каторжане мёрли бы как мухи, — поспешил вставить своё мудрое слово капитан. — Когда б руда сразу могла проявлять себя в полную силу, мы бы давным-давно потеряли всех нелюдей ещё на этапе её добычи... А так — бьём, переплавляем в слитки, а потом уже чародеи делают с ними... всё, что им там требуется, прежде чем пустить их на Светочи и оружие...

Спуск с горы, наконец, закончился, и мы въехали в Седонскую долину. Капитан, залихватски подкрутив ус, поспешил оставить тему, выставляющую его в неприглядном

свете, и взялся с усердием знакомить нас со «своей» каторгой.

Я ехала, с замиранием сердца прислушиваясь к внутренним ощущениям. Близость агмарилла чувствовалась отчётливо, хотя до разлома было ещё далеко... Она тоже «давила», однако, к моему огромному удивлению, не так оглушительно и резко, как Меч Тьмы, принятый на клинок, или активированный в бою вражеский артефакт.

Правда, какое-то время я бы здесь продержалась...

Но год... три года... десяток лет...

Ночь Всеблагая!

Я скользнула взглядом по отряду худых оборванных рудокопов, шагающих по обочине дороги под конвоем солдат, и почувствовала пробежавший по коже мороз.

— Аааааоооооооо!

Пронзительный звук рога, раздавшийся совсем рядом, заставил всех нас резко повернуть головы. Однако капитан, раздосадованный тем, что пришлось прерваться на полуслове, поспешил заметить:

— Не беспокойтесь, сударыни! Сейчас как раз развозят обед...

И вправду, неподалёку от нас прямо на перекрёстке дорог остановилась широкая телега, гружённая увесистыми бочками и котлами. Возница и его помощник в форме имперских солдат спрыгнули с облучка и взобрались на один из бортов, снимая мешковину с ящика, где лежали груды ложек и мисок. Однако раздавать еду почему-то не торопились, хотя в ожидании этого к телеге уже подтянулись целых три отряда каторжан.

— Чего они ждут? — услышала я собственный голос.

Рэи Ранамон, стоящий рядом с испуганно прядущей ушами Мирри, поднял голову:

— Должно быть, задерживается маг.

— Маг? — я ошарашено уставилась на псоглавца. — И без него... не могут накормить заключённых?

— Нет, не в этом дело... А вот, кстати, и он.

К телеге с обедом на взмыленном коне подскочил человек в тёмном плаще и камзоле. Спешившись, он без церемоний бросил поводья ближнему конвойному и кивнул головой солдатам на возу, давая знак начать раздачу. Вереница заключённых, скованных длинной цепью, заученно двинулась вперёд. Каждый успевал получить по тарелке с варевом, дымящимся на холоде, и куску серого хлеба прежде, чем отойти от борта телеги, давая место следующему за ним.

Маг, прислонившийся плечом к облучку, чего-то ждал, внимательно глядя на проходящих в шаге от него каторжан. Большинство прятали взгляд или смотрели в свою тарелку, однако один из заключённых внезапно поднял на него глаза и кивнул головой. Маг шевельнул рукой, что-то бросив в его миску с супом и, словно лягушка, поймавшая комара, снова неподвижно опёрся об облучок.

— Что... это?

На моих глазах чародею кивнули ещё двое, точно так же получив что-то в свои тарелки. Затем одна цепь закончилась, и место первого занял второй отряд.

— Это... специальное снадобье, метресса Аэлла. Магу не человеческой расы, принимающему его, становится намного легче работать с агмарилловой рудой. Это... недавнее изобретение... магов Ордена, — от меня не ускользнули лёгкие запинки в его словах. — Оно помогает многим каторжникам, бывшим чародеями, уменьшить губительное воздействие на них священного металла. Чем зачастую продляет им жизнь...

— В таком большом отряде... всего три чародея? — вырвалось у меня.

— Нет, — спокойно сказал Ранамон. — Должно быть, больше половины.

— Но почему тогда... его дают не всем?

— Многие не хотят, — псоглавец пожал плечами.

Я смотрела на него во все глаза.

— Не хотят... меньше мучиться?!

— Не хотят... привыкать.

— Ранамон! — в зычном голосе капитана послышались ревнивые нотки: он не слышал, о чём мы говорили, но «блистать», представляя нам «свою» каторгу, желал исключительно сам. — Ты слышал? Метресса Рита желает проехаться к баракам, осмотреть тот, где держали сбежавших негодяев...

— Я правильно вас поняла, капитан? — Тира натянула повод и Демон, уже нацелившийся ущипнуть с земли торчащую меж камней колючку, разочарованно фыркнул. — Койки беглецов куда свободны?

— Вроде бы так, госпожа, — туманно отрапортовал Легран. — На всякий случай их не должны были занимать до выяснения всех обстоятельств...

— Бараки рудокопов находятся неподалёку от рабочей зоны карьера, — псоглавец указал направление рукой. — Их удобно посетить, пока заключённые на работах.

— Ну, тогда поехали, — Тира первая развернула в нужную сторону коня.

Отряд двинулся, и Ранамон, единственный пеший среди нас, слегка ускорил шаг, оказываясь между ней и капитаном Леграном. Мне показалось, что он сделал это, намеренно уходя от продолжения нашего разговора. Впрочем, открывшееся мне и так оглушало похлеще удара дубинкой по затылку.

Швыря победённых нелюдей на добычу агмарилла, победители изначально добивались того, чтобы окончательно сломить их, растоптать, заставив побольше мучиться... И вдруг — сами же выдумывают средство для облегчения их страданий... Бессмысленно?

О, нет.

Вовсе нет!...

С ужасом, внезапно охватившим душу, я вдруг поняла, отчего так много нелюдей, отбывших каторгу, остаётся жить в городке.

Бараки, примыкающие вплотную друг к другу, явно строили так, чтобы сэкономить как можно большее количество материалов. И всё равно в шеренге грубо сбитых, неуклюже вытянутых одноэтажных хибар не было ни одной с целыми стенами или более-менее ровной крышей. Многочисленные прорехи там, где сгнило дерево или выкрошился камень, латали множество раз, очевидно, усилиями самих заключённых, и жалкие крупицы тепла, которым их тут тоже не баловали, вряд ли могли надолго удержаться внутри. Помещения выглядели стылыми даже на вид, какими-то измождёнными и насквозь больными, как и те, кому долгие годы они служили единственным жильём.

В дальнем конце широкого двора, напоминающего плац, небольшая группа каторжников пилила дрова на самодельных козлах, время от времени перетаскивая груды поленьев куда-то в сарай. Чуть поодаль пара человек возилась у врытого в землю колодца, очевидно, прочищая его. Рядом, лениво присматривая за работой заключённых, обретались несколько солдат из охраны. При виде своего начальства они подобрались и изобраили служебное рвение, принявшись грозно покрикивать на своих поднадзорных. Впрочем,

капитан их усердия не оценил.

Спешившись и бросив поводья услужливо подскочившему молоденькому сержанту, Легран уверенно повёл нас за собой в третий барак с краю. Проигнорировав дневального-полурослика, кинувшегося в нашу сторону, он двинулся вдоль плотных рядов двухъярусных нар, то и дело указывая нам на конкретные лежанки:

— Вот... Здесь — и во-он там — размещались гномы... Орк ночевал тут... Это тоже койка гнома — того поганца, который сбежал... Ну, а дальше, под стенкой — стало быть, место эльфа...

Не знаю, что Тира рассчитывала найти — здесь давно уже всё осмотрели вдоль и поперёк... Тем не менее, мы по очереди изучили койки. На грубых досках не было ничего, кроме тонких истлевших одеял, состоящих, казалось, из сплошных дырок.

— Тюфяки сразу же сняли и распороли, — доложил капитан, наблюдая за нашими действиями. — И щели меж досками все проверили. И в полу... Пусто, сударыни — как пить дать, пусто. Зуб даю, не отыщете вы тут ничего...

Игнорируя его болтовню, Тира подошла к неширокому окну, затянутому бычьим пузырьём. Потрогала решётку, сплетённую из толстых металлических прутьев, покосившийся подоконник... Альтар и Антонио остановились в проходе — места было слишком мало, чтобы хватило нам всем. Я же оказалась у тех самых нар, что принадлежали моему соотечественнику.

Узкая лежанка на втором уровне — вот она, как раз перед самыми моими глазами. Доски плохо ошкурены, та же ветхая тряпка сверху. Со стороны окна тянет сквозняком, от пола — сыростью...

... Уже давно протрубили отбой, и каждая клеточка измученного за день тела жаждет сна, но проклятый холод не даёт забыться — разве соперник ему тяжёлое дыхание сотен душ? Разве способна согреть сырая солома под изодранной мешковиной? Холод — холод везде, холод внутри, потому что нет просвета ни в крошечной тьме короткой зимней ночи, ни в том, что теперь называется жизнью...

Осколок камня в ладони... а может, выступ замка на железном «браслете» вокруг запястья... Жалкие попытки отвлечься, согреться и рухнуть в сон, словно в омут, на те мгновения, что останутся до утра — почувствовать себя если не свободным, то хотя бы не умершим до конца...

Поскрипывая и крошась, неохотно поддаётся шероховатый камень... вязь царапин, цепляющихся друг за дружку, постепенно обретает форму и смысл...

... Мой взгляд переместился к изголовью, на серую стену, испещрённую рисунками и словами.

И земля подо мной пошатнулась.

Рядом оказалась Тира. Посмотрела на стену, затем — на меня. Перевела глаза в сторону и вбок, с любопытством изучая десятки надписей — творчество не одного поколения каторжников, сменивших на этих нарах друг друга.

А я едва удержала в груди изумлённый вскрик... Со стены прямо на меня смотрели три лепестка пламени, заключённые в чёрный кристалл.

Знак моей крови.

Символ Созвездия, давшего мне жизнь.

Разумеется, этому рисунку могло быть и пять, и десять, и все пятнадцать лет.

Мало ли сгинуло в этих стенах детей Ночного Народа?...

Но я почему-то была уверена: Росса из Тёмного Пламени, доверивший камню частичку собственной души — именно тот самый «эльф», которому удалось сбежать.

А ещё я внезапно поняла, что он жив. Для этого у меня и подавно не было никаких оснований. Но, если бы мне потребовалось в том поклясться — сделала бы это, не задумываясь.

Ashratt с ними — с логикой, магией, интуицией!... Он жив — я просто это знала.

И мы обязательно должны отыскать его...

— Ты в порядке?

Едва слышный шёпот над самым ухом прозвучал подобно раскату грома. Я вздрогнула и поторопилась кивнуть: Альтар, как уже не раз до этого, чётко уловил моё смятенное состояние. Не хватало ещё заставлять его волноваться, не имея возможности прямо сейчас объяснить причину...

Поэтому я поскорее отвела глаза и ускорила шаг, догоняя Тиру, вокруг которой не уставал приплясывать капитан Легран.

— Для вас — хоть звезду с неба, моя драгоценная госпожа! — донеслось до моих ушей.

— Оставьте звёзды в покое, капитан, — Тира слегка поморщилась. — Я прошу только карты территории.

— Будут, будут вам карты, сударыня! — вдохновенно заявил Легран. — Сегодня же отдам Ярошу приказ отобрать все, что есть, и завтра утром лично вручу их вам в собственные руки!

— Благодарю вас, капитан, — поспешно откликнулась Рожерия, — но, право, не стоит затрудняться. Я попросила лейтенанта об этом ещё утром, а форт нам всё равно по пути. Так что мешает заехать за картами прямо сейчас, перед возвращением в посёлок? Тем более что я планирую перед сном ещё успеть поработать с ними.

Капитан заметно приуныл, упустив возможность спозаранку набиться в гости, но, прибавив в голос напускной бодрости, ответил:

— Ваше слово — закон, несравненная метресса Рита! Через пол-оры всё, чем располагает форт, будет в вашем распоряжении...

Тира терпеливо кивнула, направляясь к лошадям. Около них нас поджидал псоглавец, отчего-то не пожелавший идти вместе с нами в барак. Может, это было и к лучшему — в отличие от капитана, от него вряд ли ускользнуло бы моё замешательство...

Мы снова взобрались в сёдла и спустя несколько мгновений двинулись в обратный путь.

Молоденький солдатик выскочил из-за поворота коридора внезапно, словно демон из табакерки. Капитан, слишком увлечённый тем, что он считал светскими речами, не успел никак отреагировать, и служивый на всём бегу врезался прямо в широкий начальственный бок.

— Да ты что, олух!!! — Легран в ярости схватил его за рукав. — Не видишь, куда прёшь и кто перед тобой?!

— Простите, господин капитан... — солдат споткнулся и забормотал нечто, совершенно не похожее на доклад по уставу. — Просто там... Там... Лейтенанту Ярошу... опять плохо стало...

— Ох, твою ж мать... — капитан, вмиг забыв о любезностях и обществе дам, изменился в лице. — Где... он?

— В арсенале, — поспешно ответил солдат. — Он как раз на плацу был, с сержантами. Распоряжения давал насчёт завтрашней строевой подготовки... Когда у него кровь носом

пошла, ну, как в прошлый раз... Все замолкли, и он догадался. Ладонь к лицу приложил, ни слова не сказал, развернулся, и исчез в ближайших воротах... Хлопнул дверью, ажно стены вздрогнули. И — всё...

— Что — всё?! — на наших изумлённых глазах капитан натурально побелел и... схватился за голову. — Его хоть заперли?? Или — как тогда...

— Да... К-кажись... — ещё больше съёжился солдатик.

— «Кажись»?! — простонал Легран, вмиг растеряв всю свою браваду. — Боги-Братья... Арсенал!... Он же разнесёт половину форта!

— Где целитель? — Псоглавец шагнул вперёд, глядя в глаза солдату. — За ним послали?

— Н... не знаю, — икнул тот. — То есть... Так точно, послали. М-меня...

— Выполняй приказ, — тихо, но чётко произнёс Ранамон, освобождая рукав рядового от цепкой хватки капитана. Обретя свободу, парень стремглав помчался по коридору.

— Что происходит? — Альтар выступил вперёд.

Псоглавец обернулся к нам:

— Простите, господа. Но лучше всего вам будет прямо сейчас уехать из форта.

— В чём дело? — от волнения голос Тиры охрип.

Ранамон дёрнул верхней губой, но терпеливо пояснил:

— Видите ли... У лейтенанта Яроша... обострилась болезнь. А в такие мгновения... с ним сложно иметь дело. Мы с капитаном Леграном должны поторопиться. Возможно, целителю понадобится наша помощь...

Болезнь?! Но ведь Нико Ярош ещё утром выглядел здоровее некуда...

Я сделала шаг к псоглавцу, уже предчувствуя нехорошее:

— Чем болен лейтенант?

— Когда-то давно он сильно переутомился... — при всём своём желании Ранамон не мог уйти от ответа — ... и на какое-то время утратил контроль над собственным сознанием. Изредка после сильных нагрузок приступы возвращаются. Однако маг-целитель быстро приводит его в чувство...

— Физически в момент приступа он здоров? — быстро уточнила я.

— Да, — подтвердил Ранамон. — В этом-то и проблема...

— В это время он полностью теряет связь с реальностью? — я, кажется, начала понимать. — Принимается вести себя так, словно кругом — опасность, везде враги?...

— Да... — снова кивнул псоглавец. — А боец он отменный. Силой и ловкостью Братья-Боги тоже не обошли...

— Похоже на «Паутину Иллюзий», — быстро сказала я: симптомы мне были знакомы.

Повернулась, мельком глянула на раздавленного известием Леграна:

— Так ваш подчинённый — маг?

— Что? — блуждающий взгляд капитана на миг остановился на мне. — Какой маг?... Кто, Ярош?! Да нет... откуда?...

— Ясно.

Нет, от этого типа не приходилось ждать внятного ответа... Что происходит, я и так уже в общих чертах сообразила — и если оказалась права, то терять время впустую не стоило.

— Мы идём вместе с вами! — заявила я Ранамону. — Думаю, моя помощь пригодится.

— Это опасно, госпожа Аэлла, — Псоглавец, прищурившись, покачал головой. — Наш

целитель справится с ним сам. Ему уже приходилось делать подобное...

— Мне — тоже.

Чувствуя молчаливую поддержку Альтара, вставшего за моей спиной, я оборвала все возражения проводника не терпящим противоречий тоном:

— Показывайте, куда идти.

Альтар

Арсенал занимал отдельную постройку во внутреннем дворе, сразу же за плацем. К моменту, когда мы подоспели туда, у ворот уже толпилось немало народу в форме. Кто-то из присутствующих, очевидно, успел отдать необходимые распоряжения: в окованные железом пазы уже вложили засовы, а неприметную дверь запасного хода заблокировали подводой, груженной мешками с солью.

С появлением капитана все замолчали и расступились, выпуская к нам двоих: молоденького сержанта с умными глазами и невысокого пожилого капрала.

— Господин капитан, — сержант заговорил, обращаясь к Леграну, но при этом выразительно поглядывая на псоглавца. — Господин лейтенант... внутри. Пока всё тихо. Ожидаем распоряжений...

— Целитель? Целитель где?? — набросился на него капитан.

Сержант помрачнел.

— За метром Ларионом послали сразу же, но... Его не оказалось в форте. Сегодня с утра он отбыл в Хранилище за какими-то эликсирами...

— Демоны!!!

— Я отправил на Копи верховых с приказом без промедления доставить к нам если не Лариона, то любого мага-целителя, которого разыщут первым...

— Ещё и арсенал... — простонал Легран. — Прошлый раз это была книжная башня... и то он вышиб решётку с окна и наворотил дел!...

— Я - целитель, — произнесла Шаэриэнн.

Множество взглядов немедленно обратилось к ней, но на лице эльфийки не дрогнул ни единый мускул.

— Мне знакомо течение этой болезни. Чем больше минует времени с того мгновения, как начался приступ, тем труднее будет помочь лейтенанту очнуться. Сейчас это сделать несложно — но через пол-оры будет не в пример тяжелей!...

— Но, быть может... приступ можно переждать? — осторожно предположил сержант. — Если просто не трогать его какое-то время, запереть снаружи все окна и двери...

Эльфийка повернулась к нему:

— Никто не может точно знать, как долго продлится приступ. Борясь за своё сознание, лейтенант может попросту истратить все внутренние силы. И тогда безумие будет окончательным, — припечатала она.

Сержант понурился и отвёл глаза в сторону.

Ранамон скосил взгляд на капитана. Тот, вскинувшись, словно задремавший осёл, внезапно получивший соломинкой по крупу, дробно закивал головой и едва не прокричал:

— Конечно!!! Разумеется... Метресса Аэлла! Я разрешаю! Всё разрешаю!!! Делайте всё что сочтёте нужным!...

— Что ж, — тихо проронил псоглавец. — Действуйте — если знаете, как.

— Тебе понадобится помощь, — произнёс Антонио, подходя ближе.

— Разумеется, — Тира согласно кивнула. — Пойдём все вместе...

— Нет.

Шаэриэнн покачала головой.

— Это не опасно, и мне целиком по силам. Сознание лейтенанта просто придётся «подтолкнуть» — дальше он справится сам. Я в нужный момент лишь «уколю» его слабым магическим разрядом, но должна буду сделать это исключительно точно... А присутствие рядом других магов или магических артефактов вполне может сбить мне прицел.

Тира вопросительно взглянула на Антонио.

— Это так, — со вздохом признал маг. — Шаэриэнн хочет воспользоваться чистой силой... Но она слишком нестабильна, и чужой магический потенциал, даже неактивный, может в любой момент потянуть импульс на себя, словно магнит — металлическую нить...

— Значит, мне придётся снять амулеты.

Лица спутников повернулись ко мне. Разумеется, Шаэ тут же попыталась возразить, но я не дал ей этого сделать:

— Я не маг, и помешать тебе при всём желании не смогу. Но вот помочь и прикрыть спину на случай чего-нибудь неожиданного — с этим справлюсь.

— Ладно, — после короткого замешательства Тира подняла ладони вверх и обратилась к Шаэ. — Если нам действительно с тобой нельзя, значит, пойдёте с Альтаром. Только не рискуйте по-глупому, договорились?

— Да.

Эльфийка коротко кивнула и, повернувшись, направилась к капитану с псоглавцем, ожидающим нас в нескольких шагах в компании сержанта и капрала.

— Твоё мнение? — спросила Шаэриэнн, едва я, расставшись с плащом и агмарилловыми побрякушками, подошёл ближе. — Сержант говорит, есть возможность попасть внутрь через подвал, общий с продовольственным складом, или воспользоваться одной из калиток в примыкающих башнях...

Я, прищурившись, внимательно оглядел арсенал.

— Лейтенант, должно быть, тоже прекрасно знает об этом. А ведь нам лучше оказаться внутри незаметно для него...

Эльфийка кивнула.

— Тогда думаю, стоит пойти через крышу. Те неприметные окошки на самом верху — их слишком много, чтобы лейтенант мог контролировать их все. Они ведут на чердак?

Сержант покачал головой.

— Это просто воздуховоды, чтобы не сырели припасы... Чердака там нет, Тёмный Брат. Только балки и стропила.

— Отлично! — я встретился взглядом с Шаэ. — Раз так — значит, они тянутся через весь арсенал. Тебе ведь не обязательно быть с Ярошем лицом к лицу, чтобы твоя магия подействовала?

— Нет, — кажется, эльфийке понравилась моя идея. — Если только смогу подобраться достаточно близко...

В последний момент Шаэриэнн, спохватившись, заставила меня вынуть из ножен агмарилловый меч. Взамен пришлось позаимствовать у капрала обычный. Тем временем солдаты притащили несколько лестниц и, соединив их друг с другом, приставили к глухой

боковой стене...

Я первым выбрался на скат, покрытый бурой, раскрошившейся от времени черепицей. Угол наклона был достаточно мал, и равновесие удавалось держать без труда. Я быстро огляделся вокруг, оценивая ситуацию — место оказалось удачным. «Горбики» воздухопроводов начинались дальше, напоминая раскрытые перевёрнутые книжки, разбросанные по столу. Ни одно из окон не смотрело в нашу сторону. Если Нико Ярош и прятался около какого-либо из них, заметить нас он пока не мог.

Шаэриэнн, вовсе без оружия, налегке, двигалась следом. Я подал ей руку, помогая перебраться на крышу. На всякий случай приложил палец к губам, однако предосторожность была излишней — эльфя и сама прекрасно знала, как следует себя вести.

Дав ей возможность выровнять дыхание и осмотреться, я легонько указал на облюбованное мной окошко, крайнее в заднем ряду. Эльфийка кивнула, одобряя выбор, и я, пригнувшись и стараясь как можно меньше шуметь, перебежал к нему.

Проверить окно аккуратно, но быстро не составило сложности. Как я и предполагал, здесь было чисто — нас не ждали. Я проскользнул в затянутый паутиной проём прямо на широкую балку, начинающуюся под ногами, сгруппировался и замер, давая глазам возможность привыкнуть к полумраку, царящему внутри.

Вокруг было тихо. Слабый свет из окошек и нескольких бойниц позволял хорошо рассмотреть сплетённую под всей крышей паутину стропил. Дальше, внизу обширное пространство занимали груды каких-то ящиков, пузатых бочек, мешков... Повсюду, как и положено в арсенале, находилось оружие: какое-то было без церемоний попросту свалено беспорядочными горами и охапками; другое, тускло поблескивая, стояло в держателях вдоль стен.

Лейтенанта Яроша не было ни видно, ни слышно. Однако где-то впереди, скрытый от меня бесконечными рядами оружия и боеприпасов, слабо брезжил невыразительный огонёк.

Готов был поклясться — там горела масляная лампа...

Желание не медля пробраться в ту сторону по лесам было просто невыносимым. Я вздохнул, вновь подтягиваясь в проёме окна — и нос-к-носу встретился с Шаэриэнн, от неожиданности шатнувшейся назад.

— Ashratt!...

Я не услышал, но догадался по тому, как шевельнулись её губы. Покаянно прикрыл глаза — и скользнул обратно, чуть вперёд, освобождая место. Через мгновение за моей спиной мягко спружинив, оказалась эльфийка.

— Там... — шепнул я, вытянув руку в сторону находки.

— Идём... — услышал тихий шёпот позади.

Я двинулся вперёд, выбирая путь по сплетению балок так, чтобы не попадать в пятна света из окошек под крышей. Шаэриэнн без труда поспевала следом — краем уха я мог уловить её лёгкие шаги. Благо, леса были достаточно широкими, чтобы эльфийка спокойно могла обходиться без помощи рук — в ином случае я рассчитывал помочь ей, но наше продвижение сделалось бы не в пример сложнее.

Огонёк впереди-внизу становился всё ярче, заметнее, и наконец развернулся в широкий круг света. Он в мгновение ока выхватил из полутьмы довольно большое пространство в окружении стоек с оружием, стол, заваленный бумагами и пухлыми книгами, и... лейтенанта Яроша, застывшего подле него на коленях.

Я остановился, замер без движения, казалось, прекратил даже моргать... Через миг

дыхание Шаэриэнн щекотнуло мне затылок.

— Кажется, он... молится?

Я наострил уши. Действительно — в гулкой тишине оружейного склада снизу отчётливо доносилось странное глухое бормотание... Слов было не разобрать, но это и в самом деле напоминало молитву.

Я медленно пригнулся, присел на корточки, оперся о балку руками... С этого места лейтенант, смиренно опустивший голову, был виден нам как на ладони. Шаэ повторила мои движения, однако почему-то медлила со своими чарами.

В ответ на мой недоумевающий взгляд эльфийка, кончики пальцев которой уже тронуло знакомое мне золотистое сияние, на мгновение провела ладонью вдоль своих глаз — и снова замерла, как кошка, караулящая добычу.

Взгляд, сообразил я. Ей нужно поймать его взгляд... Но лейтенант определённо не собирался смотреть вверх. Даже если он надумает прекратить своё странное занятие, вряд ли его внезапно заинтересуют балки под потолком...

А момент не следовало упускать — как только Нико Ярош решит отойти в тень или погасит лампу, мы рискуем и вовсе потерять его из виду.

Ну... Была не была.

Я сунул два пальца в рот и, мысленно сосчитав до трёх, легонько свистнул.

Ярош мгновенно вскинул голову вверх.

Шаэ не мешкала. Молния, крошечная, словно золотая нить, вмиг сорвалась с её пальцев, ярко вспыхнув перед его лицом. Краем глаза я увидел, как эльфийка с облегчением перевела дух... и вскрикнув от неожиданности, чуть не свалилась с балки. Лейтенант, дико взревев, прижал руки к глазам и стремительным перекатом метнулся куда-то в сторону, походя сбив лампу со стола.

— Безмянный!... — я сам едва удержался на бревне. — Ты что, промахнулась?!

— Нет!... — Шаэриэнн яростно тряхнула головой — таиться дальше больше не было смысла. — Попала!!! Клянусь, я попала!... Но...

— Что?!

— Он... не маг!

— Проклятье! И что из этого?!

Мой выкрик утонул в грохоте рассыпавшегося оружия, заполонившем, казалось, всё помещение до краёв. Я ничего... ровным счётом ничего не понял, но растерянность в голосе эльфы, без труда слышная в её последней фразе, не оставляла ждать ничего хорошего. Тем более, что теперь «как на ладони» был уже не Ярош, а мы.

Скорее почувствовав, чем услышав тонкий свист рассекающего воздух лезвия, я шарахнулся в сторону, перепрыгивая на соседнюю балку. На моё счастье, пущенный лейтенантом нож был не метательным, а боевым, оттого бросок вышел неточным.

— Ложись!!! — рявкнул я.

Шаэриэнн послушно приникла к стропилу — однако это мало что меняло. Балка была явно тоньше эльфийкиного тела. И если лейтенант пристреляется... или же сообразит взять лук...

Демоны!!!

... Зазубренная стрела с глухим треском вошла в деревянный столб у самого уха, обрывая дальнейшие связные мысли. Заорав благим матом, я кубарем рухнул вниз, в последний миг успев вцепиться рукой в перекрещенные стропила.

Только это спасло меня от прямого падения на десяток длинных пик, торчащих из креплений стойки, словно хищные акулы зубы. Их я подскёл мгновением позже, уже распахав груды мешков с селитрой, которые, к моему неописуемому счастью, рухнули на меня несколько раньше, чем дорвавшиеся до свободы остря.

— Альтаааарррр!!!

В ушах дико шумело, но крик Шаэриэнн откуда-то сверху прибавил мне сил, позволив отбросить сначала один, затем второй мешок.

Ярош!!!

Тень Безымянного!...

... Одна! Без оружия!

Связать его боем!... Не дать добраться до эльфийки!...

О дальнейшем я не загадывал.

— ... Ээйий!!! — я вложил в свой рык все силы, отчаянно выкарабкиваясь из селитряного плена. — Ярош!!! Я здесь! Здесь — слышишь?! Ты хочешь меня убить — так приди и убей!!!

Нет, он не медлил... Гора мешков вздрогнула под тяжестью ещё одного тела, рвущегося наверх, как раз тогда, когда я успел сбросить часть груза с левого бедра. Но моя правая нога по-прежнему была намертво зажата.

Справа от меня возникла рослая фигура в порванном на груди мундире. Демоны — и это Ярош?! Тяжёлый взгляд безумца встретился с моими глазами.

Не отводя взгляда, я попытался вытянуть меч из ножен за спиной.

... Тень Безымянного!!! Его издевательский хохот я слышал, словно наяву! Схватиться за рукоять над плечом я мог без труда — но освободить оружие, не выбравшись из тисков самому, было невозможно...

А вот у лейтенанта меч был. Славный полутораручник — мне бы такой! — в сумраке выглядел продолжением его правой ладони.

— Ярош! Послушай... — начал я, делая жалкую попытку воззвать к остаткам сознания, которое, как уверяла Шаэриэнн, где-то там внутри ещё пыталось бороться.

Тщетно... Большой блеск в глазах и кривая гримаса-улыбка не оставляли мне ни единого шанса.

Широко размахнувшись, лейтенант занёс клинок над головой.

И мешок под его ногами, не выдержав натуги, поехал вниз, цепляя по дороге другие, словно двинувшаяся с горы лавина.

Ярош неловко взмахнул руками в попытке удержать и равновесие, и меч. Клинок действительно остался с ним... и покатился вниз вместе со своим владельцем.

Но мало того... Отведя от меня верную смерть, солдатская удача, расщедрившись, опять поспешила подбросить мне «пряник»... В отчаянной попытке остановиться Ярош свободной рукой ухватился за какой-то из мешков, навалившихся на мою правую ногу. Потянул его за собой... и я почувствовал, что вновь могу двигаться.

Изо всех сил рванул ногу на себя — и, наконец, обрёл полную свободу.

... Меч вылетел из ножен, будто птица. Я в три шага сбежал по мощёному мешками «пути» — и едва не поседел.

Шаэриэнн, вооружённая лишь коротким копьём, наконечник которого был обращён... назад, в этот момент заступила Ярошу дорогу.

— и... !!! Убирайся оттуда! Ярош!!! — заорал я, прорываясь вперёд.

— Нет!!! — рывкнула эльфийка, довольно ловко уходя от лезвия, свистнувшего над головой. — Прочь оружие!... Я смогу ему помочь!

— Безымянный и все его демоны!

Смутно понимая, что делаю, я отшвырнул в сторону свой капральский меч как раз тогда, когда Шаэриэнн, необычно маленькая и хрупкая в сравнении со своим противником, уклонившись от очередного удара, достигла цели. Палка в её руках стремительно и точно ударила лейтенанта по правому запястью, вынуждая выпустить из рук клинок.

Ярош, даже в безумии, был не лыком шит. Мгновенно шатнувшись назад, он пригнулся к земле, быстрым текучим движением подхватывая валяющийся под ногами двуручник... и, так и не коснувшись его, полетел на спину: я сбил его, словно таран, повалив с ног. Мы оба рухнули на пол и покатались, награждая друг друга градом ударов — но силы были примерно равны, а ситуацией владел всё-таки я.

Не дав лейтенанту опомниться, я прижал его к земле, от души впечатав между лопаток колено. Ярош взревел, словно раненый медведь, рванулся вверх в попытке высвободиться из моей хватки, но шею на мгновение всё же открыл. В последний миг я успел надавить на три знакомые точки, и остатки сознания, наконец, покинули безумца.

Убедившись, что Ярош действительно в беспамятстве, но дышит, я поднялся с колен и, тяжело дыша, обернулся к Шаэриэнн:

— А теперь объясни мне, наконец — что, Безымянный дери, происходит?!

— Ты... в порядке?

Подбежавшая Шаэ торопливо схватила меня за руки, окинула внимательным взглядом, заглянула в глаза. Облегчённо вздохнула, проведя пальцами по скуле под левым глазом.

Я с раздражением отшатнулся — и так было ясно, что кровоподтёк вырастет неслабый.

— Тень!... Так какого демона он не среагировал на твою магию?!

— Альтар, я... ошиблась! — запнувшись, призналась эльфийка.

Склонившись над распростёртым на полу Ярошем, она сделала неловкую попытку перевернуть его на спину.

— Это я уже понял.

Отстранив её, я приподнял тяжёлое тело лейтенанта за плечи, уложил лицом вверх на перевёрнутый мешок. Шаэ тут же засуетилась вокруг него — принялась ощупывать голову, приподнимать веки, сосредоточенно водить ладонями вдоль лица и груди...

— Понимаешь... — Её голос звучал прерывисто — то ли из-за сбитого дыхания, то ли в сильном волнении. — Я ведь действительно знаю эту болезнь!... Всё то, что рассказал Ранамон о приступе — все симптомы! — говорили о том, что лейтенанта поразила «Паутина Иллюзий»... Это — хворь начинающих магов. Как правило, даже не инициированных...

Не оставляя своих манипуляций, она кинула в мою сторону беглый взгляд.

Я поморщился:

— Брось ты... Можешь не на пальцах — они у тебя заняты. Хоть как-нибудь...

Эльфийка закусил губу, но послушно продолжила:

— Скажем, у человека... есть магический дар, но он не знает об этом... Или, что случается чаще, не хочет или не имеет возможности свои способности развивать. А ведь дар внутри никуда не девается... У одних он может оставаться «искрой» всю жизнь. А вот у других будет понемногу крепнуть и прибывать, словно... вода в запруде. Только управлять им человек не сумеет — не обучен.

— А как же врождённые маги? — вырвалось у меня.

Шаэриэнн прищурилась.

— И много ты знаешь таких «самородков»? — ответила она вопросом на вопрос. — Да, бывает и такое, что способности обращаться с магией даются существу от рождения... Однако исключительно редко — в этом больше легенды, чем правды. На самом деле подавляющее большинство чародеев обучают едва не с пелёнок... Да и все эти наставники, школы-академии, инициации тоже выдуманы не просто так...

— Так а Ярош здесь при чём? — теряя терпение, прервал я эльфийку. — Он — необученный маг?

— Я была уверена, что да! — горячо откликнулась Шаэ. — «Паутина Иллюзий» — не что иное, как воздействие какого-то сильного раздражителя на неокрепший магический дар. И если этот дар достаточно силён... он может «рвануться» на волю, проявить себя. Это сильный удар для неподготовленного сознания... Дар будет всё настойчивее «глушить» разум, яростно требуя выхода. И, не найдя его, проявится в «бесноватом» поведении, бешеной злобе, приступах беспричинной ярости...

Она вздохнула.

— Снять припадок на начальной стадии довольно легко — сознанию достаточно «толчка» со стороны, и оно благополучно «возвращается» на своё место. Упустив время, это сделать сложнее: представь себе море во время разыгравшегося шторма. Там лёгким «толчком» уже не обойтись... Однако маг-целитель вполне справляется и с таким.

— Выходит, ты не такой уж хороший целитель, — не удержался я.

— Не думаю, что дело в этом, — после едва заметной паузы ответила Шаэриэнн, опять оставив мою колкость без внимания. — В Долине... я делала подобное несколько раз, потому и сейчас точно рассчитала свои силы. Я была уверена, что приступы у лейтенанта вызывает близость агмарилловой жилы... Только не поняла, почему здешний маг-лекарь не попытался инициировать его после первого же раза, избавив от беды. Но магии в Яроше оказалось не больше, чем в тебе — и это спутало мне все карты...

— И потому ты встала у него на пути, размахивая палкой?! — взорвался я наконец. — ... Свет и Тьма! Чем ты думала?! А если бы я запоздал?...

— Альтар! — Вот теперь эльфийка оторвалась от лейтенанта и, выпрямив спину, возмущённо взглянула на меня. — Ты кое-что забываешь... Я — воин! И стала Rihanne Daerrt не за красивые глаза!

— Была ею... — Я сам изумился себе, но уже не мог остановиться. — Это ты забываешь — о том, в каком состоянии у тебя руки! И из-за того, что переоцениваешь себя в бою, можешь погибнуть! В любой момент!...

— Аласдаир Таргос ар Кэррайн! — в голосе Шаэриэнн прорезались шипящие нотки. — Я... благодарна тебе за помощь. Но вот опекать меня тебя никто не про...

Нико Ярош слабо шевельнулся и застонал.

Эльфийка, оборвав фразу на полуслове, снова дёрнулась к лейтенанту.

Я тоже придвинулся ближе, чтобы суметь, если придётся, опять обезвредить его. Однако Ярош больше ни на кого не пытался напасть. Тело лейтенанта начала бить мелкая дрожь, как будто озноб или лихорадка, глаза приоткрылись, а с губ стал срывался невнятный шёпот.

— ... Молиться... — склонившись ещё ниже, разобрал я. — ... Я должен молиться... Святыня... скорей!... Никогда... никогда больше... Нет!...

— О чём это он? Какая святыня?... — Я напряг память. Кажется, кто-то такое

упоминал... — Стой!... По-моему, так зовётся то место на горе, где... Где, собственно, что? Шаэ?...

Я поднял на эльфийку глаза — и осёкся.

Шаэриэнн словно окаменела. Одна ладонь замерла в пяди от жилки, истово бьющейся на шее лейтенанта, на пальцах второй, так и не получая приказа, медленно угасал магический свет.

— Шаэ? — осторожно позвал я, силясь прогнать гнетущее впечатление прочь. — Ты что-то поняла?!

— Альтар... — голос эльфийки, вдруг исказившись до хриплого шёпота, зазвучал почти по-чужому. — Ночь!... Это вовсе не «Паутина»... Это блок!

— Что это значит?

Но она, по-моему, вовсе не слышала меня.

— Ashratt! И... какой странный!...

— Шаэ!... — я повысил голос, легонько встряхивая её за плечо — демоны, этот её внезапный транс страшил меня куда больше десятка Ярошей с мечами...

Внезапно эльфа стремительно обернулась ко мне и быстро-быстро заговорила, едва не проглатывая слова:

— Ты не представляешь!... У него магическим образом заблокировано сознание... Но такого я, сколько живу, не встречала!... Личность «заперта» не полностью — лишь отчасти!

Настолько обескураженной я видел Шаэриэнн впервые.

— В основном лейтенант остаётся самим собой, — эльфа смотрела на меня во все глаза. — Но при каких-то условиях в дело вступает магический контроль, «выключая» настоящего Яроша... И работает нужная наложившему чары «подмена» — до тех пор, пока «острый угол» не будет обойдён. Понимаешь?

— В общих чертах, — признал я.

— И это сделано настолько филигранно, что даже магу со стороны неясно, в какой момент заканчивается истина и начинается фальшь! А лейтенант... — Шаэриэнн задержала дыхание. — Ночь! Он, похоже, пытается с этим бороться!

— Демоны!...

Взглянув на Яроша, я прочистил внезапно пересохшее горло:

— Так ты... можешь как-то ему помочь?

— Барьер очень сильный... — даже в полутьме от меня не укрылось, как подрагивают эльфийкины руки. — И вместе с тем настолько хитро сработан!... Я только навскидку вижу четыре уровня... И боюсь даже представить, сколько их в глубине!...

— И всё же? — допытывался я.

— Я... могу попробовать, — она прикусила губу. — Сделать то, что, очевидно, удавалось здешнему целителю. «Успокоить» его сознание, штурмующее барьер. Очнувшись, он ничего не будет помнить... Как это было после его предыдущих припадков...

— И останется рабом?

Я внимательно взглянул эльфийке в глаза.

— Альтар, чего ты от меня ждёшь?! — взорвалась вдруг она. — Ashratt! По-твоему, снять чужие, чрезвычайно сильные и запутанные чары так же легко, как выпить стакан воды?

— Ну а хотя бы... частично? — не отступал я. — Если не ломиться в лоб, а обойти с краю?

— Издеваешься? — с горечью произнесла Шаэриэнн. — Ты хоть представляешь себе, как это работает??

И внезапно встрепенулась:

— Хотя...

Я затаил дыхание.

— Постой... А если... Ночь! Это, конечно, форменное сумасшествие... Но можно попробовать...

Забыв обо мне, эльфийка вновь занялась лейтенантом; золотистый свет ещё ярче разгорелся на пальцах рук и они затрепетали с удвоенной силой...

Я смотрел на неё — а в ушах звучал хриплый голос Просперо...

«Я сказал тебе! Ты — живой! А значит — будешь жить, а не впустишь занимать койку... Давай же! Демоны, давай — двигай этим проклятым пальцем! И через четверть ты шевельнёшь рукой... Ещё через луну — сядешь, а ещё чуть погодя возьмёшь в руки меч... Раны и чары — ничто, одни заживут, другие себя исчерпают. Истинная магия — она в тебе, парень! И ты справишься — только по-настоящему захоти!...».

Свет и Тьма! Что бы она ни задумала — пусть у неё получится...

Лейтенант Ярош закашлялся и медленно открыл глаза.

Я напрягся — но почти сразу понял, что моя предосторожность излишняя.

— Что... случилось? — Ярош заговорил тихо, но вполне осмысленно. — Метресса Аэлла? Брат... Атор? Проклятье...

— Получилось? — спросил я эльфийку.

Она кивнула, не сводя напряжённого взгляда с лейтенанта.

— Кажется, да.

Ярош поморщился, приподнимаясь на локтях.

— ... Я вошёл в арсенал. А потом... Снова этот проклятый припадок, так ведь? Что я уже натворил?

— Ничего непоправимого, — Шаэриэнн поддержала его за плечи, помогая сесть. — Нико, послушайте меня! У нас мало времени. Это касается вашей болезни...

— Вы... можете мне помочь? — в глазах Яроша вдруг сверкнула такая отчаянная надежда, что даже мне на мгновение стало не по себе.

— Сама я не справлюсь, — честно ответила эльфа. — Но думаю, что смогут мои... друзья.

— Метр Ларион пробовал... — Ярош слабо качнул головой, — но так и не преуспел.

— Лейтенант, — веско произнесла эльфийка. — У меня есть основания думать, что метр Ларион каким-то образом причастен к тому, что с вами происходит. И определённо, не только он...

— Что??

— То, что вы сейчас услышите, должно остаться только между нами. От этого напрямую зависит ваше выздоровление... И наши с вами жизни. Вы сохраните тайну?

— Да, — лейтенант неплохо держал удар. — Я... слушаю вас.

— В Седонских Копях... что-то происходит. И вы каким-то образом прикасаетесь к этому. Чтобы вы не смогли помешать происходящему или выдать секрет, вас «околдовали», заставляя в нужные моменты вести себя так, как удобно тем, кто стоит во главе этого... действия. Но вы не смирились и пытаетесь побороть навязанную вам волю. В этом и заключается ваша мнимая «болезнь».

— Боги Всеблагие... — Ярош потрясённо обхватил руками голову. — Как... я могу вам верить?

В глубине эльфийкиных глаз сверкнула непонятная искра.

— Приступы всякий раз провоцирует какое-то действие, напрямую связанное с тем, что касается Седонской тайны. Постарайтесь вспомнить, чем вы занимались до того, как отправились к арсеналу давать указания солдатам?

Лейтенант прищурился, восстанавливая в памяти сегодняшний день.

— Вернувшись с Дальнего Прииска, я... выпил чашку грога. Бегло просмотрел журнал текущих событий у дежурного по форту, принял несколько отчётов... А после отправился в архив подобрать карты, о которых меня просила ваша коллега, метресса Рита. Карты... Я... никак не мог перестать думать о них, потому что... потому что хотел... вспомнил... мне показалось...

Глаза Яроша внезапно закатились.

— Стоп! — выкрикнула Шаэриэнн, уперев в грудь лейтенанту ладонь.

Я вскочил на ноги, уже готовый отражать атаку безумца, но вдруг с изумлением увидел, как он, несколько раз дёрнувшись, снова пришёл в себя.

— Боги-Братья!... Что... это?!

— Вот так действует ваша «болезнь», — эльфийка отняла руку — я заметил, что она украдкой переводит дыхание... — Поэтому слушайте меня, Нико! Этим вечером — и ночью! — вы не будете размышлять о картах и уж тем более, о вопросе, который беспокоил вас в связи с ними в архиве. Это сложно, я знаю — но воли у вас предостаточно, справитесь... А завтра утром вы, также без лишних размышлений, просто соберёте карты в охапку и привезёте их к нам, в посёлок, поскольку сегодня мы их забрать непременно забудем... Только сделайте это так, чтобы вместе с вами ненароком не увязался капитан. Сможете?

— Да уж... — невзирая на испарину, покрывшую лицо, Ярош нашёл в себе силы усмехнуться. — Зная о его высоких чувствах к метрессе Рите... Это будет сложнее, чем не думать о картах. Но придумаю что-нибудь...

— Мы сделаем всё, чтобы освободить вас, лейтенант. — Шаэриэнн не колебалась. — Однако без вашей помощи нам тоже не обойтись.

Все указания Шаэ Нико Ярош выполнил в точности — хотя можно было только представить, насколько нелегко ему пришлось. Когда наутро конь лейтенанта остановился у ворот, мы только успели приступить к завтраку, который сервировали неминуемо налетевшие к нам с утра слуги господина Дасси.

Попеняв на свою забывчивость, Тира приняла у Яроша тубус и, разумеется, тут же пригласила гостя за стол. Лейтенант быстро понял правила игры и умело их поддержал, с порога принявшись неловко благодарить меня и «метрессу Аэлли». Не трудно было догадаться, отчего капитан не воспылил желанием нанести «благодарственный визит» вместе с подчинённым: вряд ли собственное жалкое поведение у арсенала было тем, о чём ему хотелось бы вспоминать, да ещё и в присутствии Тиры...

Мы с Шаэриэнн так же неуклюже отнекивались — по легенде, которую мы озвучили, выбравшись на свет, магической помощи лейтенант Ярош так и не дождался. Заметив нас раньше времени, он напал на меня и в ходе борьбы ударился головой о стойку с мечами. Придя в сознание, он, разумеется, ничего не вспомнил, но приступ миновал — так некогда с ним уже было. Эта ложь в основном была рассчитана на магов — прежде всего, на целителя,

примчавшегося в форт через пол-оры на взмыленном коне и расквохтавшегося, точно насадка... Во всяком случае, Шаэ очень надеялась, что так мы сможем избежать лишних подозрений со стороны контролирующих поведение Яроша мерзавцев.

Закончив завтрак, мы расселись у камина с бокалами. Однако как только слуги, собрав посуду и споро прибравшись, покинули дом, от нашей «вальяжной трапезы» не осталось и следа. Шаэ и Тонио, вмиг посерьёзнев, с бледными от волнения лицами едва не под руки потащили лейтенанта на верхний этаж, где в одной из комнат вчера полночи оборудовали нечто, похожее на магическую лабораторию. Тира чуть задержалась внизу, в очередной раз проверяя, в полном ли порядке установленная ею защита, а затем тоже побежала наверх, перепрыгивая через ступеньки...

Я снова остался «не у дел». Всё, чем я мог сейчас помочь, это предупредить магов в том случае, если к нам вдруг зайвится неожиданный визитёр.

Мгновения потянулись нескончаемой чередой. Желая скрасить напряжённое ожидание и занять себя чем-нибудь полезным, я вскрыл привезённый Ярошем тубус и разложил карты на столе...

Карт оказалось довольно много. Но их приблизительность и крайняя скудность буквально резали глаза... Признаться, я был немало удивлён: приступая к освоению новых земель, войсковые и Орденские картографы как правило, работали, не покладая рук. Неужели эти убогие наброски — всё, на что они сподобились за пятнадцать лет?!

Я бегло просмотрел одну карту, вторую... И вскоре уже держал в руках ту главную, с которой, словно через кальку, была срисована большая часть прочих.

Седонские горы и предгорья — только самый общий план... Кусок каменистой долины на Восходе, испокон веков принадлежащий Империи, словно в виде извинения, отрисован не в пример чётче и подробнее — даром, что там действительно ничего, заслуживающего внимание, нет...

Ну, и разумеется, сама каторга и прилегающие к ней территории — правда, совсем небольшие — это тоже выполнено на совесть и по всем правилам. Однако Копи — это только три горы и хорошо, если десятая часть всей Седоны. А остальное?! Прочие горы, ущелья, дороги, границы лесных массивов... Они есть — грубые, ровные линии, безликие и бесформенные, не говорящие почти ни о чём. Такое впечатление, что их рисовали попросту «со слов»...

Одна из подобных «схем» оказалась размечена тонкими границами. Как я понял, тоже примерно — но всё же хоть что-то... Я взгляделся в полустёртые руны, разбирая названия. Дэ-ри... Са-мэй-и... Рэ-и... Всего с полторы дюжины местностей.

Территория, подписанная «Рэи», захватывала каторгу, прииски и основательно углублялась в леса. Она была одной из самых больших, наравне ещё с двумя.

«Рэи Ранамон» — всплыли в памяти слова Тиры, — «глава одной из местных общин». Да, очевидно «Рэи» — так называется община, которую возглавляет наш проводник-псоглавец. Значит, эта земля принадлежит его племени?... Надо будет уточнить у лейтенанта...

Скрипнула лестница, и я поднял голову от стола.

Тира, пошатываясь, спускалась вниз, тяжело опираясь о перила.

Я бросился к ней, подхватывая под плечи. Благодарно кивнув, принцесса обняла меня за шею, без лишних церемоний позволив поднять себя на руки — лишь устало прикрыла глаза... Я бережно снёс свою ношу вниз, устроил в мягком кресле.

— Воды?

— Можно... — откликнулась Тира, так и не открывая глаз.

С видимым наслаждением она отпила несколько глотков из поданного мной стакана, после чего с лёгкой улыбкой взглянула на меня:

— Альтар... Что я в тебе ценю, притом безмерно — ты никогда не засыплешь вопросами. Даже, если при этом умираешь от любопытства...

— Ты же затем и спустилась, — хмыкнул я под нос. — Чтобы рассказать...

— Ага, — кивнула принцесса. — И ещё потому, что позорно сошла с дистанции... Твои друзья не в пример более сильные чародеи, как ни прискорбно мне это признавать.

— У вас получилось?

— Да... Уверена, что да, — Тира кивнула, и я перевёл дыхание. — Шаэриэнн — молодец. А Антонио — ещё больший... Идея была эльфийкина — а маг осуществил её просто блестяще!...

Она огляделась вокруг.

— Вон там... Видишь, у шкафа, мышеловка? Дай её мне...

Я аккуратно подал принцессе маленький пружинный «капкан». Тира приняла его на ладонь. Взяла со стола карандаш и легонько ткнула наживку — маленький кусочек сыра, заставляя стальные «челюсти» с лязгом захлопнуться, сжав добычу.

— Видишь? Это и есть «барьер». Убрать его совсем мы не сможем, да и нельзя — иначе те, кто ставил эту «ловушку», быстро поймут, что лейтенанта «освободили», а это наш провал. Поэтому... Мы оставили его, как есть, за исключением маленьких манипуляций...

Она снова взвела мышеловку и, легонько вывернув пару пружин у самого основания, коснулась кусочка сыра указательным пальцем. Капкан остался неподвижным.

— Вот. Тонио тоже нашёл такие «пружинки» и обезвредил. Теперь барьер вроде бы и цел — да толку от него мало. «Болезнь» лейтенанта он больше не спровоцирует — придётся ему симулировать приступ, если его «контролёры» заподозрят неладное... Но думаю, это всё же не понадобится, — она устало улыбнулась, — Ну какой дурак лезет пальцами во взведённую им самим мышеловку?...

Лейтенант Ярош в компании Тонио и Шаэ спустился по лестнице через пол-оры. К этому времени Тира уже успела немного передохнуть, а маги хоть и выглядели «взъерошенно», но всё же не такими измотанными, как она.

Время поджимало — хотя барьер удалось обезвредить довольно быстро, всё же слишком «загоститься» у нас лейтенанту не стоило. Понимая это, Ярош торопливо заговорил:

— Мне известно не так много. Но вы будете знать всё то же, что и я. И имейте в виду — я готов оказать вам любую помощь, как только это потребуется...

... Шесть лет назад Нико Ярош прибыл в Седонские Копи в отряде пополнения имперских солдат, имея звание сержанта. Способный молодой офицер быстро поднялся по службе, получил повышение и железной рукой принялся наводить порядок в достаточно запущенном и расхлябанном гарнизоне. Но, очевидно, к тому времени его заметил не только капитан, с радостью сбросивший на Яроша всю свою повседневную работу. Лейтенант ещё только начал осматриваться вокруг и понемногу понимать, что не всё на Копях происходит так, как видится из Срединной Империи, когда однажды капитан Легран вызвал Яроша к себе и приказал лично сопровождать господина Смотрителя Копей на торжественную службу к местной Святыне...

— К Святыне? — не удержавшись, переспросил я.

— Да, — наклонил голову Ярош. — Это место на горном плато некогда было для псоглавцев священным. Они почитали какие-то безобидные силы природы вроде ветра или дождя... Но после того как псоглавцы вступили в Империю и приняли нашу веру, на месте бывшего святилища с берегами поставили изображения Яроша и Таргоса, возвели небольшой храм. В общем, верхушка нашего общества время от времени навевается туда по церковным надобностям. На тот момент ничего дурного я даже не заподозрил...

... Церковная служба прошла без сучка и задоринки. После неё, как водится, Светлый Жрец — возведённый в сан псоглавец — поднёс каждому освящённого вина. Получив свою чашу, Ярош сделал глоток... и всё поплыло у него перед глазами.

Дальнейшее он помнил очень смутно. Откуда-то взялись несколько Орденских магов, взявших его в кольцо и приказавших следовать за ними. Он вяло пытался сопротивляться, однако это было глупо и безнадёжно...

Прямо возле церкви их встретил другой псоглавец, до той поры Ярошу не знакомый. Он отошёл к зелёной стене кустарника, в изобилии растущего вокруг, что-то приказал или произнёс... и ветки растений сами собой раздвинулись, открывая дорогу. Яроша заставили ступить на неё и пойти вперёд... Он не чувствовал ни времени, ни направления — только сплетённые ветви вокруг и над головой, при этом ни одна из них ни разу не коснулась его. Через какое-то время — лейтенанту показалось, совсем недолгое — кусты точно так же разошлись на небольшой пропешине в густом лесу. Лейтенант осознал себя стоящим у подножия огромной стены, сложенной из гигантских каменных блоков...

Следом за Ярошем выступил псоглавец. Он коснулся ладонью шероховатой поверхности камня — и на глазах изумлённого лейтенанта в стене «протаяла» брешь, способная пропустить высокую широкоплечую фигуру. Псоглавец неподвижно застыл у отверстия, пропуская пленника и магов, шедших следом, и отправился за ними, замыкая цепь.

Место, где они оказались, походило то ли на храм, то ли на рукотворную пещеру. У Яроша, и без того нетвёрдо стоящего на ногах, вскоре зарябило в глазах от резких сводов, теряющихся в туманной дымке, топорщащихся со всех сторон каменных «сосулк», постоянно меняющихся уровней... Однако конвоирующие его чародеи, определённо, хорошо знали путь, потому что совсем скоро очередной «коридор» вывел их на поверхность земли к огромному озеру, заполнившему каменный котлован.

На ближнем берегу их уже ждали — там суетились несколько псоглавцев, людей... Кажется, среди них была и пара лиц, мельком виденных Ярошем среди заключённых — однако воображение лейтенанта поразила одна-единственная картина, от которой он, как ни силился, не мог отвести взгляд.

Посреди озера, на широком круглом камне, находилось нечто, напоминающее исполинский сужающийся кверху сосуд. Узкое горлышко устремлялось куда-то высоко в грязно-серое небо, на котором вопреки природе и здравому смыслу не было ни единого облачка, ни светила. А внутрь прозрачной колбы с самой высоты сочилась и сочилась бесконечная тёмная струя не то воды, не то песка, уже успевшая заполнить сосуд более чем наполовину...

Что это было, лейтенант так и не понял... Однако первобытный ужас, накотивший на него при виде этого действия, Ярош с содроганием вспоминал и теперь. Этот страх заполнил собой всё его существо, затмив всё остальное, включая и детали странного ритуала, проводимого псоглавцами и магами. Ему что-то приказывали — он подчинялся, о чём-то спрашивали — он отвечал... В какой-то момент он просто лишился сознания. А когда

пришёл в себя — с изумлением осознал, что лежит в своей комнате в собственной постели, и ровным счётом ничего не помнит, кроме отголосков этого всепоглощающего страха...

Лейтенант вышел из казармы — день снаружи клонился к вечеру. Холодея, Ярош вспомнил, что как раз сегодня должен был сопровождать господина Дасси на проповедь — и уже безнадёжно опоздал. Пришлось отправиться с повинной к капитану. Однако, вопреки ожиданиям, Легран, рассмеявшись, хлопнул его по плечу. Известие, что как раз во время проповеди лейтенант внезапно сомлел, перепугав всю высокопоставленную паству, был немедленно доставлен в форт и после этого отлёживается уже почти сутки по велению мага-целителя, повергло Яроша в шок. Но кроме него, казалось, никто не был удивлён.

С тех пор его жизнь опять вошла в свою колею... однако теперь в ней появились приступы. И случались они, когда лейтенант, борясь с собой, всё же пробовал докопаться до сути некоторых вещей.

— Псоглавцы... — отрывисто произнёс Ярош, почти не веря в то, что сейчас может думать и говорить об этом свободно. — Они насторожили меня ещё вначале... На первый взгляд это не так заметно, но ведь они везде!... Проводники или просто... непонятно кто, без должности и полномочий... Без них не решается ни один мало-мальски важный вопрос. Дасси и Вальдец пикнуть не смеют без дозволения своих «советчиков» из местных... А капитан, наверное, испрашивает у Ранамона даже разрешения сходить по нужде!...

— Бледность... — проговорила вдруг Шаэриэнн, меняясь в лице.

— Что?!

— Бледность... Вот что не давало мне покоя. И Комендант, и Смотритель... и вы, лейтенант. Бледная кожа, нездоровый цвет лица... Их я списывала на страх перед грозящей из столицы карой. А вас просто не могла понять...

— Но капитан-то румяный, словно яблочный пирог! — заметил эльфийке я.

Шаэриэнн презрительно хмыкнула:

— Дурня зачаровывать — только портить... Капитан и без «барьера» — весь их, с потрохами!... Вы, Нико, опаснее не в пример — вот за вас они и взялись! Теперь всё сходится! — Она обернулась ко мне. — Зельде помнишь?

— Зельде? — встрепнулся вдруг Ярош. — Невысокий, тощий, с жидкими волосёнками и буравящим взглядом?

— Вы знаете его?! — во все глаза воззрились на лейтенанта мы.

— Знал... Отвращённый, отбывавший здесь пожизненный срок. Редкостная тварь!... — сквозь зубы произнёс лейтенант. — Некромант, душегуб, мучитель... То, что он творил, пока не поймали, не поддаётся описанию. К счастью, он умер несколько лет назад.

— Умер?! — Я перевёл взгляд с Шаэриэнн на Антонио. — Демоны! Да он... живее всех живых! Хотя и выглядит изрядно болезненным...

— Но я сам подписывал все бумаги!... — Ярош сжал кулаки. — Проклятье!... Точно помню — Вэлиону в очередной раз понадобилась услуга на Плавильню... Нелюдей мы им не даём — там, где дело имеют с агмарилловыми слитками, заняты только люди, Отвращённые... И всё равно долго никто не выдерживает — это демонова работа, смертность на Плавильне самая высокая на Копях...

— Почему? — перебила Шаэриэнн. — Ведь агмарилл безопасен для вашей расы...

— Не знаю, — помедлив, ответил Ярош. — Плавильня, Чаровальня и Хранилище находятся полностью в ведении магов. Солдаты форта не имеют туда допуска, маги сами обеспечивают там охрану и работу. Мы лишь даём им заключённых... по нередким, но

вполне выполнимым запросам. Как правило, отбираем самых отпетых мерзавцев из тех, кто приговорён пожизненно, таких хватает... Зельде я отправил туда лёгкой рукой. И когда луны через три, заверяя очередной список умерших каторжан, наткнулся на его имя, лишь подумал, что эта мразь наконец получила по заслугам...

— То есть, вы не можете знать, что происходит с теми заключёнными, которых они забирают? — подытожила Тира.

— Нет, — покачал головой лейтенант. — Только то, что большая часть из них гибнет в первые несколько лун. Остальные — чуть позже. Вэлион исправно присылает нам списки... и новые запросы.

— А тела? — спросила принцесса. — Маги возвращают их вам, чтобы похоронить?

— Нет, никогда. Они занимаются этим сами.

— Надо же!... И не гнушаются чёрной работы... — картинно вздохнула Тира. — Очевидно, ваш Зельде — вовсе не единственный «живой покойник», разгуливающий за пределами Копей по поручению этого самого Вэлиона. Кстати, а не приложил ли он руку и к побегу наших заключённых?

— Сомнительно, — подумав, произнёс лейтенант. — Во-первых, мы исправно поставляем им Отвращённых-людей. Что же касается нелюдей, то обращаться к нам Вэлиону даже нет смысла. Для чародейских «тренировок» или испытаний чего-либо вроде порошка, облегчающего муки от агмарилла, он действует напрямую через Вальдеца или Дасси. Для чего бы им понадобились поднимать здесь такой шум?! Кроме того, Гэлдур ведь действительно погиб... Вот его-то тело я видел лично — как и натуральное изумление на физиономиях колдунов, вместе с которыми прибыл на место убийства...

— Кто, кстати, такой этот Вэлион? — вдруг спросил до того внимательно слушавший Антонио.

— Мастер-Маг, — неприязненно обронил лейтенант.

— Мастер-Маг?

Шаэ подняла на меня глаза, и я, успев слегка удивиться, пояснил:

— Да... Официально это — первый помощник Мастера-Рыцаря, Коменданта Бастиона или Твердыни. Но эта должность устарела — обычно Комендант сам справляется с руководством несколькими подчинёнными магами и не нуждается в лишнем «советчике»...

Ярош фыркнул.

— У нас, скорее, «лишний» — это Вальдец... Вэлион, хоть и проводит почти всё время в своём агмарилловом «гнезде», но все маги Твердыни Мрака из нашего охранения держат доклад ему и только ему... Когда нам требуется магическая помощь или усиление, мы тоже связываемся с ним, и он присылает своих учёных из Чаровальни...

— Так... — протянула принцесса. — Выходит, что вместе с псоглавцами здесь всем заправляют орденские маги. Но что у них может быть общего?!

— Даже не представляю... — Шаэриэнн непроизвольно вжалась в угол дивана. — Но то, что лейтенант увидел у озера, определённо, как-то относится к этому.

— Нам нужно туда попасть, — хмыкнула Тира. Не мешало бы повнимательнее посмотреть на эту Святыню...

— Способ, которым лейтенанта провели к месту ритуала... — эльфийка наморщила лоб, — ... очень напоминает то, что наши Говорящие-с-Лесом называют «Leithe Caemmine»

— «Краткий Путь», — вырвалось у меня.

— Да, — кивнула Шаэ. — Так зовётся это заклятье. Вернее, даже не заклятье, а

магическая дорога, которую по просьбе Говорящего может предоставить ему лес.

— Портал? — недоверчиво прищурилась Тира.

— Нет. Но тоже особым образом искривлённое пространство, дающее возможность за считанные минуты преодолеть значительные расстояния. Главное, чтобы лес желал помогать Говорящему, а также распространялся на всю нужную ему территорию.

— С этим здесь нет проблем, — я кивком указал на карты, разбросанные на столе. — У меня сложилось впечатление, что Седона — суть один сплошной лес, растущий на горах. Либо ваши картографы попросту больше ничего рисовать не умеют.

— Карты действительно препаршивые. Но это всё, что есть в нашем распоряжении, — признался Ярош. — Картографы, изучавшие Седону, так и не смогли сделать внятного описания земель, хотя по слухам бывали везде с проводниками-псоглавцами.

— Почему «по слухам»? — спросила Тира.

— По картам этого не скажешь. А их самих тоже не спросишь: никого не осталось в живых. Так или иначе, но к тому времени, как я прибыл на Копи, все специалисты, рисовавшие карты, уже покоились на склоне Кладбища. Кто-то внезапно заболел, чью-то жизнь унёс несчастный случай... Я сам собирался организовать поход по этим землям с целью внятного их описания, — Ярош вздохнул. — Но успел только заикнуться о своём желании капитану...

— Понятно, — склонила голову Шаэриэнн. — Так вот что волновало вас перед тем, как случился приступ...

— Нет. — Ярош подтянул к себе охапку карт. — Вы ошибаетесь, метресса Аэлла. Я думал совсем о другом...

Бегло перебрав схемы местности, он отобрал три штуки и протянул их нам.

— Пожалуйста, разверните карты. А теперь скажите, что находится в самом центре, на территории примерно с ладонь?

— ... Ничего, — после небольшой заминки ответила Тира. — Ну, то есть, ничего необычного... Просто лес. Как и примерно в трёх ладонях вокруг...

— Нет, — качнула головой Шаэриэнн, взглядываясь в одну карту с Тонио. — Граница леса проходит как раз под ладонью. А здесь равнина, или каменная долина... Вот, даже отмечена расселина в земле... Дальше идут горы.

— Не дальше, а здесь! — возразил я.

То место, которое обозначил лейтенант, пересекала высокая горная гряда. Именно, ладонь в самом центре...

— Горы! — сообщил я. — Вот же, чётко видно, что цепь начинается на восходе и проходит как раз...

Я поднял глаза — и замолчал.

Лейтенант Ярош кивнул головой.

— Ваша карта, метресса Рита, — тихо произнёс он, — работа наших картографов. Ваша, — он перевёл взгляд на Тонио и Шаэ, — составлена в Твердыне Мрака. А ваша, Брат, начерчена магами — один молодой чародей тайно сделал мне копию, отдавая карточный долг...

Казалось, сам воздух в комнате сгустился и потяжелел.

Тира оправилась от изумления первой.

— И что... из всего этого правда?

— Не знаю, — пожал плечами лейтенант.

— Полагаю, ничего. — Шаэриэнн отложила свою карту в сторону. — Картографы действительно там не были... А если и были, то подобный вашему «блок» заставляет их описывать эти места по-другому, иначе говоря — врать кто на что горазд. В этом месте находится пещерный «храм» и озеро, виденное вами, лейтенант. Вероятнее всего, это и есть та самая главная тайна псоглавцев...

Шаэриэнн

— Кладбище?!

Тира разочарованно поджала губы.

— Нет уж, увольте, капитан!... Придумайте что-нибудь более жизнеутверждающее...

— Тогда, может быть, спустимся в раскоп? — с надеждой предложил Легран, заглядывая принцессе в глаза. — Посмотрите, так сказать, на агмарилл в первоизданном виде... Процесс его добычи, знаете ли, весьма интересен...

— У меня и так в глазах уже рябит от каторжников с кирками и солдатских мундиров! ... — перебила Рожерия. — А мне ещё предстоит работа над отчётом об этих ваших беглых заключённых... Следов которых, кстати сказать, мы так и не нашли!

— Да померли они давно, метресса Рита... — потупившись, пробормотал Легран.

— Вот то-то же!... — Тира деланно нахмурилась и погрозила ему пальцем. — Везде, вокруг — одна только смерть!... Ну что это такое? Умоляю, капитан — организуйте в этот раз экскурс в какое-нибудь более приятное и спокойное место! Или на вашей распрекрасной каторге таких попросту нет?

— Нет, ну как... Есть, конечно же, отчего же... — окончательно стушевался капитан, лихорадочно соображая, чем бы таким порадовать капризную «метрессу». — Кхм... Можем вернуться в форт — сегодня как раз готовятся небольшие учения... И Дасси будет несказанно рад, если вы всё же изволите у него отобедать...

Тира картинно зевнула, прикрыв рот рукавом.

— В лесу закатнее посёлка — превосходное маленькое озеро. Быть может, рыбалка... — заикнулся Легран.

— Ловить рыбу?! — возмутилась Тира. — Да храни меня Ярош Пресветлый и вся небесная братия — я боюсь её, как огня!...

Я незаметно наострила уши, делая вид, что поправляю подпругу седла: ну, а сейчас-то сработает или нет?...

— Госпожа Рита!!! — встрепенулся капитан. — А ведь есть ещё одно место, где мы с вами не были!... Бьюсь об заклад, вам понравится!

— Питейный дом... — убитым голосом произнесла Рожерия. Ох, переигрывает...

Но капитан даже не почувствовал иронии:

— Как можно, сударыня! Разве я бы посмел... Напротив, речь идёт об исключительно пристойном и благостном месте!... Поглядите туда — во-он на эту гору! Там находится наша Церковь! — с гордостью сообщил он. — Полагаю, вам... и метрессе Аэлле будет интересно её посетить! Да и Братьев... — он кинул косой взгляд назад, в сторону Альтара и Тонио, как всегда почтительно следующих за нами на расстоянии нескольких шагов, — ... думаю, обрадует возможность как должно воздать хвалу Таргосу-Судии...

— Нууу... — с сомнением в голосе протянула принцесса.

Я мысленно покачала головой. Хвала Ночи, сегодня с нами нет Ранамона... Уж его-то Тирин «цирк» навряд ли бы впечатлил. В отличие от капитана, который так отчаянно цеплялся за «внезапно пришедшую» хорошую мысль, что едва не подпрыгнул до самых небес, когда «метресса Рита» с видом большого одолжения всё же изволила согласиться «посмотреть одним глазком» на здешнюю Обитель Богов.

На гору к Святыне вела довольно длинная, но вполне наезженная дорога. Правда, шла она не с каторги, а со стороны форта, поэтому нам пришлось изрядно отъехать назад. Здесь действительно в изобилии рос вечнозелёный кустарник, однако заросли отнюдь не выглядели пугающе. Живописная изгородь по обе стороны пути была не такой уж высокой и умеренно густой, почти не закрывая обзора. Со склона горы хорошо просматривалась прилегающая к ней часть каторги — полагаю, и нас на некоторых открытых участках дороги снизу было видно, как на ладони.

Зато уж где спрятано плато, на котором расположились церковные строения, я никогда бы не догадалась... Когда мы, поднявшись примерно на две трети высоты горы, внезапно свернули вбок и миновали несколько нестройных рядов деревьев, я едва не охнула — настолько неожиданным зрелищем оказалась уютная круглая долина, внезапно открывшаяся глазам.

Церковь — маленький, но очень изящный храм с двумя куполами — словно жемчужина внутри раковины, находилась в самом сердце долины. Рядом с нею из большого отломка скалы бил родник — струя воды, журча, наполняла аккуратный бассейн, выложенный изразцами. Площадка перед церковью была ухожена, расчищена от булыжников и растительности, оформлена декоративными коваными ограждениями и посыпана каменной крошкой. Справа и слева от храма на постаментах, высеченных из цельных кусков скалы, стояли каменные статуи богов, выполненные в человеческий рост.

Ярош, как и положено, выглядел представительным старцем с окладистой бородой и увесистой книгой в руках. Таргос же смотрелся широкоплечим молодым воином с орлиным взором, скрестившим перед собой пару мечей, как две капли воды похожие на мои.

Надо же... Почему-то я была свято уверена, что каноническое оружие младшего бога людей — полутораручник, каким вооружены все без исключения Тёмные Братья. Однако, когда мы подъехали ближе, я с ещё большим изумлением поняла, что со здешним Таргосом нас объединяют не только мечи...

Уши человеческого Бога, не прикрытые прямыми волосами, были явно длиннее, чем положено людям, да ещё и характерно заострёнными кверху.

Ночь!...

Здешний скульптор, спору нет, талантлив — но, должно быть, когда он работал над своим Тёмным Богом, то пил, не просыхая... Иначе с какого перепугу его вдохновили «эльфийские» уши?!

И как сиё, с позволения сказать, непотребство не заметили здешние служители церкви?! Отчего эта статуя до сей поры стоит на своём месте, словно глумясь над тем, что они почитают святым?!

— Прошу меня простить, сударыня... — голос, послышавшийся совсем рядом, заставил меня вздрогнуть и повернуться вбок.

Высокий худощавый человек в дорожном плаще, появившийся у стремени Мирри, поспешно сделал шаг назад, виновато вытянув перед собой ладони.

— Простите ещё раз... Не хотел вас напугать. Просто увидел... предмет вашего

интереса... — он поднял на каменного Таргоса глаза — ... и решил взять на себя смелость кое-что пояснить.

Я сообразила, что мои спутники уже давно спешили. Тира, вокруг которой продолжал увиваться капитан, с интересом осматривалась вокруг, воспринимая его, должно быть, как неизбежное зло. Альтар и Тонио, держа под уздцы лошадей, настороженно смотрели в мою сторону. Мой неожиданный знакомый выразительно замолчал, давая мне возможность опомниться и тоже спрыгнуть на землю.

— Я вижу, вас заинтересовал Таргос Темнейший... — негромко заметил он. — Вернее сказать, некая не совсем обычная деталь в его облике?

Я кивнула, сдерживая удивление:

— Его... уши.

— Это не ошибка. Скульптору было велено взять за основу старинный церковный канон... настолько древний, что теперь он почти нигде не встречается. А ведь на самой заре нашей Церкви Защитника и Судию изображали именно так...

— Метр Вэлион!

Рык капитана громовым раскатом врезался в уши, и я изумлённо прикусила язык. Поистине, день сюрпризов!...

— Надо же!... Вы здесь? Какими судьбами?

— Заглянул помолиться, капитан Легран, — негромкий голос Мастера-Мага звучал веско и сдержано. — Приветствую вас и ваших спутников. Госпожа Веккьо... — он учтиво поклонился Тире. — Как вы находите нашу церковь?

— Превосходный образчик изящества и хорошего вкуса. — Рожерия слегка прищурилась, притворяясь, что не поняла, кого видит перед собой. — Вижу, моё имя вам известно. С кем имею честь?

— Вэлион, — чародей снова склонил голову. — Помощник коменданта Твердыни по вопросам магии.

— Надо же... — брови Тиры взметнулись вверх. — Вот уж, как говорится, на рыцаря и дракон!... Я собиралась нанести вам визит в самое ближайшее время...

— Для того, чтобы поговорить о Гэлдуре, полагаю? — понимающе произнёс маг, не сводя с принцессы внимательных глаз.

Рожерия кивнула.

— Именно так.

— Что ж, в таком случае, провидение не случайно перекрестило сегодня наши дороги около Божьей Обители. В последнее время я исключительно занят в хранилище и лаборатории... Скорее всего, с вами беседовал бы кто-нибудь из помощников. Разумеется, они бы тоже рассказали всё, что нам известно, без утайки...

— В таком случае я настаивала бы на встрече именно с вами, — заметила Тира.

— Это было бы достаточно сложно организовать. — Вэлион развёл руками, изображая сожаление. — Увы, доступ в лаборатории требует исключительных полномочий. А я вынужден находиться там почти всё время, контролируя ряд магических процессов... Но поскольку мы встретились здесь, я с удовольствием отвечу на все ваши вопросы. Если, разумеется, сударыни пожелают уделить мне немного внимания... А господин капитан тем временем покажет Братьям Церковь.

— Ну разумеется, господин Вэлион! — с готовностью откликнулась Тира.

Следуя жесту Мастера-Мага, она набросила повод Демона на кованный «ус» оградки. Я

сделала то же самое. Убедившись, что мы готовы идти вместе с ним, Вэлион неспешно направился вперёд по одной из дорожек, указывая нам путь.

Капитан вздохнул, провожая Тиру глазами, однако перечить не посмел, смиренно развернувшись к Антонио и Альтару.

— Итак, Гэлдур... — Тонкие пальцы Вэлиона легонько коснулись лба. — Простите мою иронию, сударыни, однако самое запоминающееся, что он успел сделать за время своей работы в Седоне — так вот бесславно погибнуть.

— Как давно он находился здесь? — поинтересовалась Рожерия.

— Прибыл три года тому назад из столицы.

— Провинился? — подала голос я.

Вэлион покачал головой.

— Нет... Обычное транзитное направление. На самом деле он проходил службу в какой-то из Цитаделей близ границы. Потом, видимо, решил поискать себе место поспокойнее... Мы, разумеется, приняли его — Палачи здесь требуются всегда.

— Сколько лет ему было? — спросила Тира.

— Сорок семь, — отозвался Мастер-Маг. — Уже немолод, хотя ещё и не стар. Стаж Палача у него был немалый. Однако ни особым рвением, ни талантом он не отличался, поэтому по службе не рос. Впрочем, работу свою знал и выполнял исправно. Так что нареканий на него тоже не было...

— Кто назначил его в тот раз сопровождать заключённых на прииск? — принцессе не терпелось сразу перейти к делу.

— Прямого назначения не было, — Вэлион покачал головой. — Маги, охраняющие заключённых, как правило, стараются заранее распределить обязанности между собой — так, чтобы не выходило, что одни трудятся в поте лица, в то время как другие празднуют лентяя. Имеется у них и график, закрепляющий очерёдность дальних конвоев. В тот день просто наступила очередь Гэлдура...

— Господин Вэлион, — Тира облизнула заветрившиеся губы. — Если я правильно поняла, погибшему магу совсем не в новинку была возложенная на него работа. Тогда чем вы можете объяснить его столь странное поведение во время стычки с каторжниками? Почему он не пресёк их сопротивление в зародыше — хотя имел для этого все возможности — а начал действовать так опрометчиво и глупо, что в итоге оказался убит и сам?

Чародей помолчал некоторое время, на первый взгляд рассеянно наблюдая за тем, как неподалёку по ветке куста прыгает неутомная коноплянка.

— Я очень много думал об этом, госпожа Веккьо, — медленно произнёс он наконец. — И, как вы понимаете, успел провести собственное расследование. Результаты которого, к сожалению, меня не порадовали.

— Полагаю, вы поделитесь ими? — Тира прищурила глаза.

— Разумеется, — чародей наметил грустную улыбку. — Вы — дознаватель, сударыня, и ничего скрывать от вас я не собираюсь. Хотя это и выставит меня не в самом приглядном свете...

— Почему?

— Потому что я — Мастер-Маг, — глаза Вэлиона сверкнули. — И в ответе за всех своих подчинённых. Одним из которых был и Гэлдур... То, что я в нужное время не сумел разглядеть в заурядной посредственности едва заметную червоточинку, в итоге и привело к беде...

Рожерия не сводила с него внимательного взгляда.

— Что вы имеете в виду? Он пил?

— О, нет, — чародей помимо воли рассмеялся. — У нас с этим строго — и это я, к счастью, в самом деле могу гарантировать. К тому же, я лично занимался осмотром тела и проводил все нужные исследования. Ни следов горячительного, ни иных веществ, которые могли бы воздействовать на сознание, не было и в помине.

— А магии? — задала вопрос я.

— Нет. Нет и нет! — Вэлион решительно замотал головой. — На момент гибели он был в абсолютном порядке!

— И, тем не менее, он в открытую пренебрёг всеми инструкциями и своими обязанностями, — припечатала Тира. — До такой степени, что проморгал, как все пятеро заключённых успели освободиться, спохватившись уже тогда, когда они сцепились в драке с солдатами...

— Этому у меня нет объяснения, — покаянно признался маг. — Хотя я долго бился над тем, что именно могло тогда отвлечь Палача. Возможно, это была часть хитроумного плана, так удачно осуществлённого каторжниками, возможно — роковое стечение обстоятельств... Но вот по какой причине Гэлдур не привёл в действие Ошейники, а помчался к ним, на бегу швыряя боевые заклинания — мне, пожалуй, понятно...

— Неисправный Посох? — предположила Тира.

— Нет, Посох не был повреждён. Более того — при маге имелись также кольцо и браслет из агмарилла. Если бы — волею случая или диверсии — посох вдруг не смог бы ему помочь, Гэлдур достаточно было послать Ошейникам Приказ посредством любого из этих артефактов...

Моя ладонь мимо воли дёрнулась к шее.

Не так уж и давно боевые перстни Альтара едва не убили меня, хотя сам он в тот момент даже не представлял, с чем, вернее, с кем имеет дело. Ошейник почувствовал прикосновение агмарилла... и подчинился ему. А если бы Каратель знал о том, что я ношу это «украшение», ему не понадобилось бы даже меня касаться...

... Вовремя спохватившись, я принялась тщательно поправлять воротник плаща: ветер, налетевший в этот миг, добавил «правдоподобия» моему внезапному порыву. Рядом чуть слышно ругнулась сквозь зубы Тира, приглаживая растрепавшиеся волосы.

— Дело вовсе не в Посохе, — повторил Вэлион, — а в самом Гэлдуре. Он был достаточно замкнут и не общался слишком тесно ни с кем из коллег. Однако все работавшие вместе с ним маги, которых я расспрашивал, отмечали то, что в обращении с заключёнными покойный зачастую был... достаточно суров.

Я хмыкнула и зло уточнила:

— Жесток, вы хотите сказать?

— Жесток, — согласился Вэлион. — Пожалуй, даже чересчур... Однако никогда не допускал, чтобы это кончалось взысканием. Нелюдей он ненавидел. Вернее, даже не так — презирал, считая существами второго сорта — простите, госпожа Аэлла... ненамного отличающимися от животных. Возможно, поэтому и избрал для себя карьеру Мага-Палача...

— И нашёл себя в работе на Седонской каторге, — едко подхватила Тира, вращая в пальцах выпавшую из причёски шпильку для волос.

— Но и душу в неё не вкладывал, — невозмутимо откликнулся маг, — потому, что не воспринимал поднадзорных всерьёз. Нелюди-заключённые, которые каким-то образом

сумели освободиться, стали для него подобием грома среди ясного неба. Не исключено, что, оправившись от изумления, Гэлдур мог воспринять сей факт как вызов. Вызов, брошенный ему лично. И... наломать дров.

— Что навело вас на эту мысль?

— Во-первых, пренебрежение Ошейниками — можно представить, что он счёл подобный способ наказания недостаточно серьёзным. И, главным образом — странный, чтоб не сказать больше, выбор использованных им заклинаний... Ну, Шаровая Молния — ещё ладно, хотя и ею он ухитрился промазать... Но Дыхание Дракона... Огненная волна, способная нанести серьёзные поражения многочисленному вражескому отряду...

— На открытой местности в ближнем бою, — подхватила Рожерия. — Он что же, из «отмеченных войной»?

— Я навёл справки, — Вэлион развёл руками. — Гэлдур действительно воевал — что, впрочем, неудивительно для Палача из Ордена его лет... Там, должно быть, и нахватался «по верхам» боевых заклятий, использовать которые должным образом не доставало навыков и способностей. И вот представился случай... Но Молния уходит «в никуда», а Дыхание — страшное оружие, но в умелых руках — лишь опалило трупы тех, кто полёг в рукопашной схватке... Гэлдур жестоко просчитался — и упустил время, после чего сам оказался жертвой тех, кого недооценил.

Что ж, выглядело очень правдоподобно. Как и сам Вэлион — грустный и слегка ироничный главный чародей на Седонских копях, благородно принимающий на себя вину за роковую глупость, совершённую своим подчинённым... Молодой столичной дознавательнице оставалось только одно — преисполнившись сознания собственной важности, благополучно «скушать» предложенную версию. Благо, виновного — возможно, что и в самом деле такового — ей аккуратно преподнесли «на блюде», ненавязчиво уводя вбок от прочих Седонских дел... И Тира, разумеется, «проглотила наживку» — однако не преминула спросить:

— И всё же, господин Вэлион, а что случилось с беглецами? И как получилось, что они сумели освободиться?

— Полагаю, что ответ на второй вопрос мы уже нашли, — произнёс Мастер-Маг. — Очевидно, имели место некоторого рода проблемы с кандалами, которыми и воспользовались заключённые.

— Проблемы магического толка?

— Вовсе нет... Чары к оковам не применялись. Однако все пять комплектов, бывшие в тот момент на заключённых, оказались порядком изношены и истёрты, включая и запирающий механизм. Видимо, каторжники обнаружили способ расстёгивать такие замки, не используя ключей... В любом случае, сейчас мы уже устранили даже призрак подобной возможности. Заключённые, все до единого, уже ходят в «обновках» — а мы утроили бдительность.

— А что касается судьбы двоих пропавших... — не отступала Тира.

— Она незавидна, госпожа дознаватель, — краешками губ усмехнулся маг. — Они погибли.

— Но ведь следов так и не нашли!

— Мы нашли оборванный след. — Вэлион внимательно посмотрел ей в глаза. — Как обычный, так и магический. Они отправились через болото — в этом нет никаких сомнений. Как и в том, что там оба и сгинули.

— Вы так уверены в этом? — спросила я.

— Абсолютно, — убеждённо произнёс чародей. — В своё время, когда Орден только начал осваивать Седону, у нас там погибло несколько магов, не поверивших псоглавцам и пытавшимся самостоятельно исследовать феномен «Зова в Вечность». Топь в этом месте непроходима. Более того — она обладает собственной очень сильной магией, которая напрочь глушит сознание и затягивает жертвы вглубь, словно паук в паутину...

— А что, если заключённые сотворили портал?

— Это исключено, — покачал головой маг. — Седонские горы — одна из самых обширных в Мире «мёртвых» зон. Магия порталов здесь не работает... Так что «Зов» попросту исправил просчёт, который допустила охрана. Из Седоны никто никогда не сбежал — и впредь не сбежит.

— Что ж — благодарю вас, господин Вэлион, — Рожерия улыбнулась. — Беседа с вами многое для меня прояснила. Осталось уточнить лишь некоторые детали — но, пожалуй, я уже представляю, о чём доложу в столице.

— Рад был помочь, госпожа Веккьо. Госпожа Аэлла... — склонил голову маг. — Надеюсь, следствие учтёт тот факт, что мы сделали всё, что в наших силах, для того, чтобы исправить ошибку и впредь подобного не допустить...

— Безусловно, сударь. Как и вашу помощь в расследовании происшествия.

Развернувшись на дорожке, мы втроём медленно двинулись назад, возвращаясь к Церкви, от которой уже успели отдалиться на значительное расстояние. Вэлион галантно предложил каждой из нас опереться на его руку; я вежливо отказалась. Тира же охотно позволила Мастеру-Магу подхватить себя под локоть, непринуждённо поддерживая какой-то общий разговор.

И только я одна успела заметить, как шпилька для волос, повинувшись незаметному движению ловких пальцев принцессы, стремительно летит в густую зелёную поросль около самых скал...

— Портал?!

Глядя Тире в глаза, я недоверчиво прищурилась:

— Но ведь Вэлион назвал Седонские горы «мёртвой зоной»... Я «прощупывала» местность около болота, да и Святыню тоже — «эха» нет. Он не лжёт — ни в одной из этих точек портал сотворить невозможно.

— Это не портал, — Рожерия тряхнула головой.

— Тогда что же?

— «Игла»! — объявила принцесса. — Новое слово в магии пространства... Экспериментальная разработка нашей Академии, — она мельком взглянула на внимательно слушающего Тонио. — Когда я отхватила этот образец, его едва успели испытать...

— И в чём соль? — я с любопытством взглянула на «двойник» крошечной Тириной шпильки, лежащий сейчас перед нами на середине стола.

— «Мёртвая» зона не позволяет раскрыть портал, — пояснила Рожерия, — однако не препятствует псоглавцам создавать «Краткий Путь» через лес. Действие «Иглы» отчасти похоже на подобный «Путь», однако «стежок» не привязан к особенностям и магии местности.

— Как действует эта штука? — поинтересовался Альтар.

— «Сшить» можно любые две точки — правда, на относительно малом расстоянии друг от друга — если предварительно отметить каждую из них такой вот «булавкой». А дальше

всё зависит от мастерства «швей».

— И как ты «шьёшь»? Достаточно искусно? — не удержалась я.

— Пробовала несколько раз — получалось, — лаконично ответила принцесса.

— Ты уверена, что это сработает? — скрывая волнение, Каратель сдвинул к переносице брови.

Тира хмыкнула.

— Нет. Но попробовать стоит. Если получится, это будет самый удобный для нас способ посетить Святыню вновь, не привлекая ничьего внимания. К тому же, мы выдвинемся глубокой ночью, и если возникнут сложности, то попросту тихонько сдадим назад...

Ночи я ждала с нетерпением — даже с каким-то особенным азартом, который, надо признать, немало меня удивил. Я пребывала в полной уверенности, что давно уже оставила подобные чувства в прошлом, принадлежавшем юной, ещё толком не знавшей жизни Rihanna Daerrt — на первых порах столь же дерзкой, сколь и удачливой...

Однако факт был налицо. Мне, почти семь лет существовавшей лишь ради призрачной возможности отомстить и по крупицам возвращавшей искалеченным рукам навыки боя, сейчас с трудом хватало терпения на то, чтобы выдержать назойливое внимание местных «князьков»... А они, как на грех, именно сегодня липли к нам, словно мухи к сладкой патоке.

Почти сразу же по возвращении в посёлок нам нанёс «визит вежливости» Вальдец. Не успели распрощаться с Командором, как нагрянул Дасси на пару с не оставляющим нас в покое капитаном.

Быстро же тут распространяются новости...

После нашей беседы с Вэлионом, в «случайности» встречи с которым я с самого начала глубоко сомневалась, угрюмый Командор ошутимо повеселел, а толстяк-Смотритель уже не так вымучено улыбался и даже пытался шутить. Они были настолько уверены в том, что тень угрозы, нависшей над ними вместе с приездом дознавателя из столицы, благополучно миновала, что мне сделалось смешно. Не знай я, кто из людей действительно вертит всем на Седонской каторге, уже могла бы благополучно догадаться — хотя такая вера во всемогущество Мастера-Мага забавляла...

В особенности, в свете того, что мы собирались предпринять.

Наконец, моё терпение было вознаграждено.

Напольные часы в гостиной у камина, глухо «покашливая», пробили полночь. Я поднялась с застеленной кровати, на которой после ужина честно пыталась подремать до назначенного времени, однако так и не сомкнула глаз. Спустилась вниз, не зажигая света — и встретила с Альтаром, сидящим на диване в темноте.

Каратель поднялся мне навстречу. Глухо звякнул меч, нашедший своё место в ножнах за широкой спиной. На одном из рукавов Альтара я разглядела крепление с ножами. Жгут цепи у пояса, кинжал на боку...

— Как на войну, — неловко попыталась сострить я.

Он так же тихо, но без тени шутки ответил:

— Шаэриэнн... возможно, нам и предстоит война.

Еле слышно скрипнула лестница. Следом за мной спускался Тонио. Лунный свет, пробившийся в комнату сквозь тюлевые занавески на окнах, преувеличивал степень бледности молодого чародея, однако губы его были решительно сжаты.

Тира в тёмном камзоле, с платком, повязанным поверх светлых волос на разбойничий

манер, появилась самой последней.

— Готовы? — от меня не укрылось, что она изрядно волнуется, хоть изо всех сил пытается это скрыть.

— Мы за тобой, как нитки за иголкой... — преувеличенно бодро откликнулась я. — Что нужно делать?

— Просто держитесь следом, — принцесса внимательно взгляделась в наши лица. — Старайтесь поменьше шуметь... и не теряйте меня из виду.

Ти́ра сделала глубокий вдох, повернулась и шагнула вперёд, исчезая в сенях. Я, не мешкая, двинулась за ней, стараясь в точности повторять её действия: магический «коридор», опирающийся на личность создателя, вряд ли станет долго ждать остальных...

За спиной почти сразу же уловила дыхание Тонио. Альтар, стало быть, идёт замыкающим...

Мрак, поглотивший сени, не стал мне помехой. Я чётко увидела, как Рожерия направилась в сторону запертых уличных дверей, однако, не дойдя до них, развернулась вправо и сделал ещё один шаг... вдруг исчезла, словно провалившись во тьму. Не дав зрению сбить себя с толку, я поторопилась развернуться вслед за ней... и осознала себя стоящей на пустынной улице под самой стенкой какого-то дома.

Ти́ра снова стояла в шаге впереди, хорошо заметная на фоне светлого кирпича в лучах лунного света. Немного дальше темнел заложённый ставнями четырёхугольник окна. Где-то впереди встревожено забрехала собака...

Рожерия подняла голову, словно прислушиваясь к чему-то, ведомому только ей одной — и снова, внезапно взяв «с места в карьер», через три стремительных шага повернула налево. Теперь я хорошо видела, как она исчезает — словно прячется в прореху холста с нарисованной на нём картиной ночной улицы со спящими домами. Бегло оглянувшись назад и убедившись, что Тонио точно так же успеваает за мной уследить, я повторила её путь — и, сделав решающий поворот, споткнулась от неожиданности, едва не врезавшись принцессе в спину.

Следующей «вешкой» на нашем пути оказалась комната в каком-то особняке — роскошно обставленная спальня. Наличие пожилой пары, мирно посапывающей в собственной постели, очевидно, слегка выбило Ти́ру из колеи... Однако она быстро взяла себя в руки — благо, наш путь не пересекал огромное ложе, а просто шёл мимо. На всякий случай прикрыв лицо рукавом, Рожерия на цыпочках пробежала вдоль свисающего балдахина, по-хозяйски направившись к тумбочке у изголовья дамы, на которой светился зажжённый ночник. Как и следовало ожидать, она исчезла ровно в полушаге от огонька, трепыхнувшегося в слабом воздушном потоке. Я не промешкала ни мгновения — и всё же успела заметить, как тучная пожилая женщина, словно почувствовав что-то неладное, беспокойно шевельнулась во сне...

Ночь!... Надеюсь, Тонио и Альтар хотя бы успеют... — мелькнуло в моей голове, когда мы с Ти́рой уже во весь дух неслись по лесу. Почувствовав вокруг дикое безлюдное пространство, Рожерия, похоже, слегка расслабилась и прибавила скорость. На мой взгляд, это было слишком беспечно — даже если исключить умышленные встречи с людьми, в лесу нас могло поджидать много опасностей иного рода, да хоть те же овраги или волчьи ямы... Однако сказать об этом Ти́ре я всё равно не могла — поэтому сосредоточилась на том, чтобы хотя бы видеть, куда ставлю ноги, и в нужный момент успевать поворачивать.

К счастью, мои тревоги и на этот раз не оправдались. Лесная дорога оказалась вполне

пристойной, и никаких неожиданностей нам не преподнесла. Да и длилась она от силы десятинку... Когда, готовясь сделать очередной поворот, принцесса опять резко притормозила и потянула носом воздух, словно гончая, берущая след — я догадалась, что мы почти у цели.

Последний «стежок», как и следовало ожидать, вывел нас в гущу кустов у скалы на самой дальней оконечности Святилища. В паре шагов отсюда начиналась тропинка, по которой я и принцесса сегодня прогуливались с Вэлионом при свете дня.

Место для «стежка» Рожерия действительно выбрала на редкость удачно: долина с Церковью, залитая лунным светом, отсюда просматривалась, как на ладони. А вот нас буйная зелёная поросль надёжно скрывала от посторонних глаз, если таковые и были. Хотя лейтенант Ярош утверждал, что в здешней Церкви не живут, а только правят службы и по ночам это место должно пустовать — это вполне могло оказаться очередной «легендой», призванной отвести глаза. А искушать Судьбу лишний раз не стоило.

Только теперь мне в полной мере стало ясно, какой авантюрой на самом деле оказался наш путь. Похоже, что «стежки» сшивали пространство вне всякой зависимости от воли державшего «иголку», и в равной степени могли «выбросить» нас в какой-нибудь караулке, полной ночных стражников, или посреди игорного дома на глазах у десятков изумлённых завсегдатаев... Впрочем, Тира, вроде бы, особо не тревожилась по этому поводу. Или всё-таки она может каким-то образом влиять на свою «иглу»?...

— Могу...

Я поняла, что задала вопрос вслух.

Привалившись к камню, Рожерия внимательно проследила, как из-за поворота выступает сначала Антонио, а затем — Альтар, и облегчённо расслабила плечи.

— Только не влиять, — устало выдохнула она. — Выбирать поворот... Из нескольких вариантов, которые она мне предлагает. Что за ними, я, ясное дело не вижу. Но степень опасности чувствую...

— Так. Отдышись и передохни немного! — велела я, увидев, насколько нелегко далась принцессе эта «дорога».

Тира попыталась протестующе мотнуть головой, однако лишь ещё сильнее пошатнулась, судорожно царапнула пальцами камень, на котором сидела... Альтар мгновенно очутился рядом — дёрнулся к ней, подставил плечо.

Я повернулась к Тонио, отставшему от Карателя ровно на полшага:

— А нам с тобой тоже есть, чем заняться. Пора проверить, не ошибся ли лейтенант...

Маг понимающе кивнул и, закусив губу, заставил себя сосредоточиться на долине. Я не отстала, внимательно изучая сонную «раковину» Святыни — и к тому времени, когда Тира, немного переведя дух, «вернулась в строй», у нас с чародеем уже был готов «вердикт».

— Место очень странное... — я внимательно оглядела своих спутников. — И в высшей степени необычное. Чего и следовало ожидать, учитывая, куда ведёт берущая здесь начало дорога...

— Однако сейчас в долине никого живого нет. За исключением нас, разумеется, — поспешил добавить Антонио, слегка суеверный, как и большинство магов-людей. — Впрочем, нет никакой гарантии, что так будет продолжаться долго... Нам желательно поспешить.

— И сильно не «высовываться», — подытожила я. — Мы всё-таки на «их» территории... Кто знает, какие здесь могут таиться сюрпризы для незваных гостей?...

— Работаем... — согласно кивнула Рожерия.

Роли мы продумали и распределили заранее. Тира и Тонио прикрывали нашу четвёрку от магических «глаз», попутно выискивая возможные ловушки. Альтар внимательно следил за обстановкой вокруг. Мне же, как Говорящей-с-Лесом, выпало решить основную задачу — разыскать место, где начинается Краткий Путь, которым псоглавцы провели лейтенанта Яроша, и попробовать его для нас открыть.

Видит Ночь, я с самого начала сомневалась в успехе этого предприятия... Печальный опыт «общения» с растительностью, окружающей болото, не оставлял повода для иллюзий. Здешний Лес встретил «чужачку» в штыки, не желая ни принимать меня, ни помогать. Да, я знала его «язык» — но что проку, если меня не хотели даже слушать, и все мои доводы, уговоры и просьбы попросту разбивались о непролазную глухую стену... Однако Тира горячо убеждала меня попытаться, усмотрев в этом наш единственный шанс. Как ни странно, Тонио и Альтар были на её стороне... Такая горячая вера большинства нашего отряда в мои «таланты» в конечном итоге заставила меня поддаться — хотя, боюсь, они попросту не понимали, что Говорящая не приказывает Лесу, а лишь пытается договориться с ним...

Как бы то ни было — я честно приступила к Разговору, выбросив из головы всё иное, включая и свой скептицизм.

— Выслушайте меня, Лесные Братья!... — От волнения мой мысленный «голос» зазвучал совсем тихо, но почти сразу же начал набирать обороты. — Да, я не та, с кем вы привыкли иметь дело. Но я не враг вам — и никогда им не стану... Как и весь мой народ, испокон веков живущий с Лесом в гармонии. Как гномы, орки и все остальные — даже люди! — куда более опасные друг для друга, чем для вас, тех, кто в сущности и есть Мир... — Я перевела дыхание. — То, что затевают Peirro'cabaess, грозит обернуться очень большой бедой. Для всех под этим Солнцем и Небом, без исключения... Представьте себе полчища нежити, разгуливающие по лесам. Губящие растения и животных. Разрушающие совершенство магии Природы тленным дыханием Бездны, не имеющей представления о том, что такое Жизнь... Представьте — и вы поймёте, что привело нас сюда! И если можете — прошу, помогите нам!

Почти ни на что не надеясь, я протянула руку. Разлапистая ветка кустарника, оцетинившаяся мелкими иглами, походила на затаившегося ежа, готового в любой момент пырнуть колючками...

Зелёные острия соприкоснулись с обнажённой кожей. Я прикрыла глаза, мимо воли ожидая укола... но его не последовало. Лес по-прежнему мрачно, тяжело молчал — однако вдруг, не веря сама себе, я ощутила лёгкое ментальное «прикосновение», знакомое каждому Говорящему. Словно нехотя, через силу, Лес указывал мне направление...

— Молодец!... — где-то совсем рядом выразительно прошептала Тира.

Я вздрогнула всем телом, рывком разворачиваясь в нужную сторону: через пару дюжин шагов в сплошной зелёной стене под самой скалой зияла внушительная брешь.

Ещё мгновение назад её не было.

— *Leithe Saemmine*... — мой собственный голос показался мне незнакомым.

Быть не может... Открыли — и так быстро!... А что, если это... ловушка?!

Ночь!...

Я тут же устыдилась этой мысли. Лес, каков бы он ни был, никогда не станет играть на чьей-то стороне. Он сам по себе — всегда.

Лес может не помочь, если не захочет. Однако хитрость и подлость, свойственные двуногим, чужды ему — равно как и жалость, сочувствие, сострадание. Что подтолкнуло его сейчас открыть мне Краткий Путь, проторенный псоглавцами, для меня оставалось загадкой: моя «речь», как по мне, звучала на редкость неубедительно. Я предполагала долгие уговоры, которые должны были с великой вероятностью закончиться ничем. И вдруг...

Однако на удивление времени не оставалось. Я обернулась к своим спутникам, застывшим за спиной — от меня явно ждали команды.

— Вперёд! — с уверенностью велела я, первой вступая на Leithe Caemmine...

... Путь был как Путь. Он ничем не отличался от других, без счёта виденных или «открытых» мною в родных, знакомых Лесах. Плотный сплетенный зелёный «коридор» по бокам и над головой, мягкая и густая, невзирая на раннюю весну, травяная подстилка под ногами... Это мало походило на Тирину «Иглу» — во всяком случае, от ведущего не требовалось ни капли собственной магии. Всё это сотворил и поддерживал Лес — нам оставалось только бежать.

— Только не касайтесь стен, — на ходу предупредила я.

— Почему? — поинтересовался Альтар.

Вряд ли это в самом деле его занимало — Каратель явно чувствовал себя неуютно в этой сплошной магической круговерти, и просто хотел услышать звук знакомого голоса. Именно потому я постаралась ответить как можно обстоятельнее:

— Они не везде сплошные... Местами это может быть просто видимая нами иллюзия. А выскочить в незнакомом месте где-нибудь посередине пути не хотелось бы...

К счастью, это было маловероятно. Путь был «протоптан» давно и надёжно — лесная дорога уверенно бежала вперёд, местами закручиваясь в чёткие широкие повороты. Ярош и тут не ошибся — он и в самом деле оказался коротким. На очередном участке кусты знакомо разошлись в стороны. Я, внутренне собравшись, выскользнула прочь из-под защиты зелёных стен — и замерла, глядя во все глаза на открывшуюся картину...

Что и говорить, скала впечатляла... Тёмно-серое лезвие огромного ножа раскрыло лес, словно пучок салата на кухонной доске. Гигантские сосны и лиственницы, растущие здесь в несметном количестве, выглядели ворохом тоненьких былинки, скрывающим от глаз края скалы. Верхняя её часть также терялась где-то высоко в небесах, еле видимых в переплетении древесных крон...

Нет, вряд ли скала — Стена, внезапно поняла я... Шлифованные камни величиной в два или даже три человеческих роста были сложены и пригнаны друг к другу так плотно, что издали создавали иллюзию монолитности. За моей спиной изумлённо присвистнул Альтар, сжимающий в руке обнажённый клинок. Тира и Тонио красноречиво промолчали — но потрясены были явно не меньше.

Позади нас неслышно сошёл, закрываясь, коридор Краткого Пути — Лес исполнил свою часть уговора. Разобраться, что делать со Стеной, нам предстояло самим.

Убедившись, что у каменного блока нас не ждут ловушки или «маячки» хозяев, я двинулась к Стене, ступая по ковру из похрустывающих прошлогодних веток. Деревья на этом участке росли не так густо, как вокруг; подлесок из колючих непроходимых кустов тоже почти отсутствовал.

На половине пути мы наткнулись на тропинку, бегущую параллельно Стене. Узкая, словно верёвочка, вьющаяся меж соснами, она, тем не менее, была хорошо заметна и протоптана здесь явно не местным зверьём...

Тишина вокруг казалась зловещей. Только где-то высоко порывы ветра то и дело шевелили верхушки деревьев, заставляя их колыхаться и скрипеть, роняя наземь сухие иголки. Нас здесь не ждали — словно стайку мышей, дерзнувших вылезти из подпола в избе в отсутствие кота. Любое лишнее мгновение могло обернуться смертельной опасностью...

Стараясь не выпускать друг друга из виду, мы рассредоточились вдоль Стены в поисках хода, ведущего внутрь. Подсвечивая себе крошечными магическими огоньками, мы с Тирой и Тонио внимательно осматривали и ощупывали шершавые камни, ища хоть какую-то зацепку. Однако повезло Альтару.

— Шаэ!... — услышала я его негромкий голос откуда-то сбоку. — Кажется, здесь что-то есть...

Через мгновение я была рядом.

Ночь... Как ему удалось разглядеть это в крошечной темноте?...

Бледный свет магического огонька выхватил небольшое углубление в поверхности камня, аккуратно на уровне груди. Я склонилась ближе, напрягая глаза.

— Ashratt...

— Что там? — не выдержал Каратель.

— Замочная скважина...

Как обидно!...

Вздыхнув, я расправила плечи и пояснила ему, а также приблизившейся Тире:

— Под артефакт. Скорее всего, Ключ-камень на перстне... Вот и приплыли. Можем поворачивать назад или искать другой путь... Здесь нам явно ничего не светит.

Антонио аккуратно, стараясь не задеть меня плечом, прищурился рядом:

— Погоди, не торопись...

— Взломать магический замок, требующий Ключ-камень? — Я холодно взглянула на чародея. — Тонио... При всём моём уважении к тебе и твоему таланту...

— Понимаю, о чём ты. И всё же, Шаэ... — Тонио внимательно изучал крошечную впадинку, легонько касаясь её подушечками пальцев, — я не был бы так критичен...

— Ты знаешь, как взломать эту штуку? — терпение Альтару в этот раз явно изменяло.

— Взломать её невозможно, — подтверждая мою правоту, Тонио на миг встретился со мной взглядом. — А вот открыть я бы попробовал...

— Как ты собираешься это сделать? — хмыкнула я. — У тебя есть Ключ-камень?

— Нет, — маг покачал головой, но, не дав мне скептически высказаться, извлёк из мешочка на поясе тускло блеснувший прозрачный кристалл. — Но есть камень, который может стать Ключом...

— Это безумие! — я скрестила руки на груди. — Ключ-камень подделать нельзя!

— Несомненно, — покладисто согласился Антонио, но глаза его азартно сверкнули. — Однако можно попытаться подделать замок...

— Ночь!... — выдохнула я. — Ты сумасшедший!

— Вовсе нет, — спокойно заметил Тонио. — Стена, в которой выточена скважина, сложена из цельных блоков природного анцедана. О его способности длительное время хранить следы магического воздействия я некогда делал для Академии доклад... Думаю, можно попытаться снять с замка магический «слепок» и попробовать настроить его на новый Ключ. А потом аккуратно «подживить» настройки обратно...

— А потом вернуться хозяева, обнаружат, что их Ключ не работает, и непременно пожелают узнать, кто же это испортил им дверь... — подытожила Тира.

— Не пожелают. — Тонио остался невозмутимым. — Теоретически, если у меня всё получится, то открывать дверь смогут оба Ключа...

Я пожала плечами и честно призналась:

— Звучит крайне сомнительно. Но что ж — попробуй, раз другого варианта всё равно нет...

— Я могу помочь? — Не желая мешать, Тира подошла к Антонио и встала рядом. — Правда, с камнями я дела почти не имела. Но общую теорию знаю неплохо...

— Пока нет, — легонько улыбнулся маг, уже всю «колдующий» над кристаллом и скважиной. — Но буду весьма признателен, если составишь компанию...

— Может быть, пока прогуляемся по тропинке? — Альтар развернулся ко мне.

Я, очнувшись, кивнула:

— Да. Имеет смысл... Если Тонио и справится, то без нас. Тем более, я и вправду смутно представляю, как он планирует это сделать... Может, тем временем и мы наткнёмся на что-нибудь интересное...

Тропинка позволила нам сделать с полсотни шагов, виляя между деревьями. А потом она резко «нырнула» прямо под корень раскидистого куста, за которым стояла целая рать таких же зелёных «воинов», задиристо топорща пики колючих ветвей...

— Что это? — Каратель нахмурил брови.

— Похоже, ещё один Краткий Путь, — догадалась я. — Только сейчас он закрыт...

— А открыть сможешь?

— Если позволит Лес, — повернувшись, я посмотрела Альтару в глаза. — Только эта дорога явно ведёт в «волчью пасть»...

— Уж не более чем те ворота, над которыми ломает голову Тонио, — бросил себе под нос Альтар.

— Резонно... — Поколебавшись, я кивнула, признавая его правоту. — Ну, если не соваться на рожон, а попробовать просто определить, куда он ведёт... В принципе, могу попытаться...

«Берегись!...».

Я застыла, как вкопанная.

Изменившись в лице, Альтар, сжимая меч, быстро осмотрелся вокруг, пытаясь прикрыть меня со всех сторон одновременно.

— Что?! Где?...

Но я не замечала его, вся обратившись в слух.

«Берегись!...».

Порыв ветра где-то в вышине прошуршал по иголкам и листьям...

Колючие сквознячки взволнованно разметали клубы пыли низко над землёй... Едва заметно дрогнули узловатые корни, покачнулись стволы... На наших фигурках — таких крошечных по сравнению с вековыми вечнозелёными гигантами — во мгновение ока сошлись множество пристальных взглядов...

«Уходи!... Назад... Опасность!...».

— Ночь!...

«Поспешии!!!»

Ветка куста, вытянувшись вперёд длинным кривоватым пальцем, указывала направление...

— Бежим! Быстрее!...

Я вцепилась Альтару в локоть, дёрнула за собой, увлекая назад — туда, откуда мы только что пришли. Какое счастье, что он, как всегда, доверился мне без промедления!... Не теряя лишних мгновений, мы бегом рванулись к Стене, где оставались Антонио и Тира.

— Быстрее!... — На бегу выкрикнула я. — Уходим! Сейчас же!!!

— Но... — Тонио растерянно поднял на меня глаза: увы, он вовсе не обладал Альтаровой реакцией и чутьём ситуации...

— Демоны!... — А вот Тира, похоже, сориентировалась куда быстрее.

Встряхнув мага за плечо, она на лету подхватила кристалл, выпавший из его ладони и рывкнула:

— Бежим, живо!!!

В считанные мгновения промчавшись мимо деревьев, мы выскочили к тому месту, на которое нас вывел Краткий Путь.

— Лесные Братья!... — отчаянно воззвала я.

Но коридор не открылся. Однако шум Леса, слышный только мне, сделался ещё сильнее. «Сюда!...».

Я развернулась вбок.

... Огромная ель, окружённая пушистым подлеском, опустила нижние ветви почти до самой земли. Естественный «шалаш», совершенно неприметный снаружи, вполне мог вместить всех нас четверых...

«Быстрее!...».

Времени на раздумья не оставалось.

— За мной! — Я первая нырнула под сень раскидистых еловых лап, подавая пример остальным.

Тира, подтолкнув и Тонио, тут же оказалась рядом — тесно прижавшись ко мне, приникла к едва заметной брешке меж колючками... Через миг рядом с нею, тяжело дыша, устроился маг.

Альтар, по-прежнему держа наизготове клинок, забрался в укрытие последним. Протянул руку, аккуратно опуская за собой огромную ветку — готова поклясться, та сама ткнулась ему в ладонь, торопясь укрыть нас от неведомой угрозы...

Мы замерли в своём необычном «убежище», отчаянно стремясь не выдать себя ни движением, ни неосторожным словом. Пока не было ясно, в чём заключалась грозящая нам опасность, однако мы поверили в неё сразу же и безоговорочно.

Стало тихо — на несколько бесконечно долгих ударов сердца.

А потом до наших ушей донеслись негромкие, но отчётливо слышные голоса.

— ... именно так, — знакомый спокойный баритон Вэлиона заканчивал какую-то фразу. — Уверяю тебя, не стоит беспокоиться на этот счёт.

— И всё же мне не нравится, что сюда прислали посторонних! — А вот этот резкий рокошущий тембр я ещё не слышала... — Селлорио должен был позаботиться о том, чтобы в Седону прибыли его люди!

— Полагаю, он и позаботился, — третий голос, без сомнения, принадлежал Ранамону. — А именно — увидел, кого Дознаватели собираются отправлять на Копи, и остался доволен их выбором...

Подтверждая мои догадки, говорящие показались на тёмной дорожке со стороны, противоположной той, которую обследовали мы с Альтаром. Ранамона и Вэлиона даже в темноте узнать удалось без труда. А вот третий их компаньон — тоже псоглавец — нам ещё

не встречался...

— Ты сам видел их, — приостановившись, Ранамон повернулся к человеку. — И, как я понял, лишь убедился в правоте моих слов.

Мастер-Маг легонько наклонил голову:

— Да, так и есть.

— Карсиндар, я присматриваю за ними с самого первого дня... — Теперь Ранамон смотрел на второго псоглавца. Тон его звучал спокойно и уверенно:

— Девчонка, ведущая следствие, совсем юна и неопытна. Её напарница, эльфийка, похоже, более проницательна — однако у той какая-то своя беда... Каторга давит на неё — это видно невооружённым глазом. Она угнетена, нервна и забита...

— Не удивлюсь, — подхватил Вэлион, — если её завербовали прямо в палаческих застенках. И тень отправки в Седону в кандалах заключённой до сих пор не отпустила её...

Я скрипнула зубами.

— В любом случае, Селлорио обещал прибыть сюда, как только освободится, — продолжил Мастер-Маг. — Хочет посмотреть своими глазами на то, что произошло, и убедиться, что опасности нет...

Псоглавец, названный Карсиндаром, скептически хмыкнул:

— Не очень-то он спешит...

— Напомню тебе, что в столице он не груши околачивает... — Голос Вэлиона зазвучал с укоризной. — Чего стоит только устранение Паука... Старый хрыч и на покое мог бы стать нешуточной проблемой. Боги знают, как ему удалось до всего докопаться — но, к счастью, Селлорио всегда начеку. Не подвёл и здесь...

Ночь!...

Лица Тонио со своего места я видеть не могла. Но когда перевела взгляд на каменный профиль Альтара — у меня перехватило дыхание.

Потемневшие от боли глаза, стиснутые в ярости зубы... Бездна! Как же мне это было знакомо!...

Держись, Каратель! — мысленно взмолилась я, чувствуя, как в глазах предательски защипало. Ты не вернёшь его к жизни... Но завершить его дело и отомстить — это тебе целиком по силам!...

Разумеется, он не мог ни видеть, ни слышать меня. И хвала Ночи... Но в этот миг я отчётливо поняла, что Селлорио, кем бы он ни был, только что нажил себе смертельного врага. И я ему очень не завидую...

Между тем два псоглавца и человек вплотную приблизились к Стене. Видно было, как Карсиндар подносит к углублению-«скважине» четырёхпалую руку-лапу, сжатую в кулак.

— Что за... ?

Ночь Милосердная... Что Антонио уже успел там натворить?!

— Позволь мне. — Ранамон, подвинув Карсиндара плечом, поднёс к замку камень собственного перстня. Через миг на Стене рядом с ними с глухим скрипом проступил овальный контур портала, открывающего проход.

— Сразу видно, что это земля Рэи, — прежде чем шагнуть внутрь, Вэлион усмехнулся. — Вижу, Ранамон, ты здесь на короткой ноге не только с лесом, но и с камнем...

Слышно было, как хмыкнул Карсиндар, даже не пытаясь скрыть раздражение: шутка явно не пришлась ему по вкусу.

— Да нет... Просто этот Ключ стоит вставлять немного сильнее, — кратко ответил наш бывший Проводник.

Три фигуры друг за дружкой скрылись в тёмном коридоре. Механизм, запирающий за ними невидимую дверь, снова закрипел, приходя в действие, после чего Лес опять погрузился в тишину.

Какое-то время мы по-прежнему сидели молча без единого движения — но всё оставалось спокойно.

— Тень Безымянного!... — выдохнул Альтар наконец.

— Вот теперь нам пора уходить отсюда... — Рожерия перевела сбитое от волнения дыхание. — И поскорее!... Шаэ! Ты откроешь нам Путь?

— Постараюсь... — услышала собственный голос я.

Однако Leithe Caemmine распахнулся перед нами сам — стоило нам выбраться из укрытия. Разумеется, мы не медлили, торопясь быстрее покинуть опасное место — и совсем скоро снова выбрались в пустующую ночью долину Святыни. Тира Рожерия заставила себя сосредоточиться, собрав остатки сил — и опять при помощи своей Иглы повела нас в обратный путь.

В дом, отданный в наше распоряжение, мы вернулись без приключений. Выбираясь из своего последнего поворота, я с облегчением услышала знакомые звуки — в зале у камина хрипло били часы.

Ночь!... Нас не было всего около оры — а такое чувство, что целая вечность осталась позади...

Впрочем, удивиться этому я так и не успела.

Тире ещё хватило выдержки повернуться и увериться, что домой попали все, кого она вела за собой. После этого она глухо хрипнула и кулём повалилась на пол.

Сердито отогнав в стороны взволнованных Тонио и Альтара, я склонилась над принцессой, быстро убедилась, что она дышит, и поудобнее перехватила её запястья...

— Мою сумку сюда, быстро! — не глядя бросила я, спеша сосредоточиться на внутренних ощущениях. Через пару мгновений знакомую кожаную торбу, пахнущую лекарствами, мне сунули прямо под нос.

— Альтар! Найди там жёлтый флакон с притёртой пробкой и сломай на ней печать...

— моя Сила понемногу уже начала подпитывать исчерпанную ауру Тиры, и я не хотела прерывать налаженный контакт.

Когда Каратель исполнил мою просьбу, я, извернувшись, но по-прежнему не выпуская Тириных рук, прихватила флакон губами и выпила содержимое единым глотком. Всё тут же завертелось перед глазами, контуры предметов утратили чёткость и расплылись, зашумело в ушах... однако Силы ощутимо прибавилось и управлять потоком мне стало намного легче. Через какое-то время принцесса задышала ровнее и глубже, а я, по-прежнему почти слепая и глухая, смогла наконец с чувством перевести дух.

Следуя моей указке, Альтар бережно перенёс Тиру в её спальню на втором этаже. Туда же, опираясь на плечо Тонио, с горем пополам доковыляла и я, после чего велела оставить нас одних. Выставив мужчин за двери, я какое-то время посидела у изголовья принцессы, прислушиваясь к её дыханию, после чего сама улеглась здесь же, на другой стороне кровати, чувствуя себя вдребезги разбитой.

Я была уверена, что провалюсь в мёртвое забытьё, едва голова моя коснётся подушки — однако, вопреки всему, сон не шёл. Ворочаясь с боку на бок, я мысленно снова и снова

возвращалась к разговору, невольными свидетелями которого мы стали около Стены. Это было редкой удачей — получить ценнейшие сведения о том, кто поддерживает псоглавцев и магов «на Большой земле», кто организовал убийство Проспериио... К тому же стало ясно, что мы не выдали себя — это не могло не радовать.

Однако что-то во всём этом неуловимо казалось мне неправильным. Только вот что?... Как ни силилась, я понять так и не смогла.

Сон сморил меня под самое утро, и то всего на пару ор. Однако когда я открыла глаза, то с облегчением убедилась, что зрение и слух снова при мне.

Тира посапывала рядом. Вернувшийся на её скулы румянец, хорошо заметный даже в бледных лучах рассветного солнца, был лучшим свидетельством того, что проснётся она уже в полном порядке — ну, разве что немного покружится голова... Я с лёгкой душой оставила её досыпать, а сама спустилась вниз в гостиную залу.

Угольки в камине ещё тлели... Мой взгляд сразу же зацепил две кружки, забытые посреди стола, и чайник, едва успевший остыть.

Альтар и Тонио отправились отдыхать совсем недавно... Неудивительно — им было, о чём поговорить. Но что же так явно не даёт покоя мне?...

Я подошла ближе и, не церемонясь, плеснула себе в одну из кружек прохладного чаю. Присела поудобнее за стол и принялась размышлять, прихлёбывая глоток за глотком.

... Внезапно локоть коснулся холодного металла — это вмиг заставило меня обернуться. На столешнице, слегка свисая с краю, лежала тонкая длинная цепь. Не агмарилловая, простая...

Странно, мимоходом отметила я. Не похоже на Альтара — ни разу не видела, чтобы он швырял оружие кое-как, оно у него всегда в идеальном порядке...

Я рассеянно протянула руку и легонько провела пальцем по холодным, тускло поблескивающим звеньям. Одно из них показалось мне более толстым и отличным по цвету. Заинтересовавшись, я подтянула цепь поближе и поднесла к глазам.

— А я всё думаю, куда её подевал...

Я подняла взгляд. Альтар спускался по лестнице — когда и спал? — виновато поглядывая на стол.

— Интересный металл, — я кивнула на кольцо цепи, отливающее оловянным.

— Гномский рейлл, — пояснил мне Каратель.

— Ого! — я присвистнула. — Ты знаешь, сколько он стоит?

— Мне достался бесплатно, — Альтар усмехнулся. — Однажды цепь просто лопнула надвое — когда отбивались с одним гномом от озверевшего скорпикора... А из стали, подходящей, чтобы её подлатать, нашёлся только рейлл — потом расщедрился тот самый гном. Так что теперь одно звено в ней хоть и неродное, зато намного крепче прочих...

И в этот миг я внезапно всё поняла.

Альтар

Маленькая колонна, один пеший и несколько верховых, продвигалась вперёд, приближаясь к Дальнему прииску — медленно, чтоб лошади не поломали ног... Я замыкал отряд и никак не мог избавиться от стойкого ощущения, что всё это уже происходило.

И лейтенант Нико Ярош, сосредоточенно выбирающий дорогу на изрытой кавернами

почве среди отломков скал.

И наша четвёрка, мерно покачивающаяся в сёдлах.

И проводник-псоглавец, лёгким скользящим шагомдвигающийся вровень с лошадьми.

Вот только в этот раз с нами не было отряда охраны из солдат форта — умница-Ярош правильно понял Тиру, обронившую, что целиком доверяет сноровке приставленных к ней «Чёрных Плащей». Не было вообще никого лишнего — кроме лейтенанта и проводника.

Когда вчера «метресса Веккьо» объявила о том, что её отчёт почти закончен и для того, чтобы уточнить последние детали, ей необходимо ещё раз посетить место происшествия — ничего неожиданного не произошло. Капитан горестно повздыхал, однако, как и предполагалось, всё же не потащился сам сопровождать нас «в такую даль», а отрядил с этой целью лейтенанта. Единственная загвоздка была с Ранамоном: мы не могли точно знать, решит он отправиться с нами на сей раз или нет, потому готовы были импровизировать.

Он решил.

И пока всё шло в точности так, как мы и рассчитывали.

Имея возможность со своего положения незаметно наблюдать за всеми, я почти не спускал глаз с Шаэриэнн. Эльфийка умела великолепно «держатъ лицо». Даже на мой придирчивый взгляд она выглядела попросту сосредоточенной на дороге — и ничего более. Во всяком случае, для того, кто не знает, какой ураган чувств сейчас бушует в её душе...

Когда она в первый раз выложила нам свою догадку, мы, дружно утратив дар речи, уставились на неё, как на безумную... А потом последовал жаркий и долгий спор, изнурительный поединок — она одна против нас троих.

Впрочем, Шаэриэнн выиграла его блестяще... Никто из нас — ни я, ни Тира, ни Тонио — так и не смогли найти ни единого аргумента, способного нарушить железную логику эльфийкиной выкладки, какой бы невероятной она на первый взгляд ни казалась...

Ошеломлённые, потрясённые, мы долго пытались возражать — но в итоге уступили, мал по малу признав: то, что со всей свойственной ей горячностью пытается доказать нам Шаэ — неожиданная, невероятная, в высшей степени странная правда. Сама по себе задающая нам множество вопросов, за ответами на которые мы и ехали сейчас в дальний путь...

Как и в прошлый раз, мы спешили на гребне каменного холма и спустились в котловину прииска, ведя лошадей в поводу. Однако колючий ветер, неизменный хозяин Седонских гор и пологих склонов перед ними, сегодня нас почти не тревожил, а хмурые грязно-бурые небеса даже слегка прояснились, местами пестря заплатками из серо-синих «лоскутков». Я не был суеверным, однако счёл это хорошим знаком...

— Ну-с... Приступим, пожалуй!... — бросив повод Демона в руки Антонио, Тира достала из складок плаща блокнот и грифельный карандаш.

— Раньше начнём — раньше справимся, — легонько кивнула Шаэриэнн, устраивая Мирри на «привал» около торчащего кверху камня, похожего на гигантский гриб.

— И покинем это живописное место... — энергично подхватила принцесса. — Сегодня вечером нас ждёт прощальный ужин у господина Смотрителя. К этому времени я планирую покончить наконец с бумажной волокитой и оставить эту нелепую историю с беглецами на развлечение столичного начальства...

Слегка рассредоточившись, мы приблизились к раскопу. Как и положено охраннику в спокойной обстановке, я изображал внимание пополам с безразличием, однако старался держаться так, чтобы в случае чего вмиг оказаться рядом с любым из моих друзей.

— Ах, какая погода!...

Взобравшись на верхний край каменного отвала, под которым некогда трудились злополучные каторжники, Тира с упоением подставила лицо под слабенький проблеск солнца.

— Лейтенант Ярош, — внезапно бросила она, лукаво взглянув на ожидающего внизу офицера. — Не хотите поинтересоваться, о чём именно будет отчёт?

— Простите... госпожа метресса... — Ярош даже запнулся от неожиданности. — Но я... не имею права...

— И тем не менее, не сомневаюсь, что вам любопытно. А мы охотно поделимся с вами... своими выводами, — любезно заверила принцесса. — Почему бы и нет — верно, Аэлла?

— Верно. — Шаэриэнн, легко прыгая с камня на камень, приблизилась к ней с противоположной стороны. — Как-никак — первый успешный побег с Седонской каторги... Он заслуживает того, чтобы рассказать о нём поподробней.

— Успешный побег?! Но ведь... — оторопел Ярош. — ... уже известно, что заключённые погибли!

— Не думаю, — Шаэ в упор взглянула на лейтенанта. — Полагаю, что они живы. Иначе всё то, ради чего это было затеяно, потеряло бы смысл...

— Но ведь... Как же расследование?! — Ярош с трудом подбирал слова. — Все — маги, форт, Орден... Вэлион... клянутся, что они утонули в болоте!... Я сам видел, где обрывались следы...

— Всё так — и не так... — не дала ему опомниться Тира. — Видите ли, лейтенант... Маги, солдаты форта и Тёмные Братья, расследовавшие это происшествие, кое-как сплели в цепочку разобщённые звенья фактов и остались вполне довольны. А то, что подходит по какой-то причине не желало, они попросту не заметили, либо отбросили в стороны...

— Как и самое главное звено — на первый взгляд, совершенно чужое... — подхватила эльфийка. — Но достаточно вставить его — и цепь сплетётся сама, причём вобрав в себя как явные, так и незамеченные обрывки.

— Не понимаю... — вконец растерялся лейтенант. — Так... что же произошло с заключёнными?

— Немного терпения, — произнесла Шаэриэнн. — Давайте всё же вплетём в цепь то самое недостающее звено. А для этого оставим пока заключённых... — она повернула голову и послала куда-то за своё правое плечо долгий взгляд, — и обернёмся к погибшему Палачу...

— Лейтенант, — позвала Тира. — Или вы, господин Ранамон. Проводите нас ещё раз на то самое место, где с ним расправились.

— Вы стоите в пяти шагах от него... — голос Ранамона звучал глуше, чем обычно — хотя, возможно, мне только показалось.

— Здесь? Хорошо... — Тира встала на указанный клочок земли и повернулась к нам. — А где именно он был, когда заметил, что делается в раскопе и кинулся на подмогу?

— Пара десятков шагов полуночнее, — Ранамон указал направление рукой.

— Обозначите место? — поинтересовалась принцесса.

Псоглавец коротко кивнул и принялся подниматься вверх по пологой стороне склона. Лейтенант, мгновение промедлив, двинулся следом. Мы с Антонио держались за ними, отставая строго на расстояние броска.

— Значит, здесь покойный Гэлдур находился, когда внезапно заметил, что в раскопе идёт не работа, а бой, — оглядев ничем не примечательный кусок каменистой дороги, Шаэриэнн подняла глаза, встретившись взглядом со стоящей на прежнем месте Тирой. — И вот отсюда он рванулся вперёд, одержимый желанием жестоко наказать каторжан — забыв про Посох в своей руке и швыряясь сильными, но бесполезными боевыми заклятьями?

— Да, госпожа метресса... — непонимающе глядя на неё, подтвердил лейтенант. — Но ведь всё это было очевидно с самого начала...

— Это — было, — согласно кивнула эльфийка. — А вот то, почему опытный Маг-Палач так странно себя повёл — нет.

— Но метр Вэлион говорит, что Гэлдур... — начал было Ярош.

— Да, нам известна его версия, — подтвердила Шаэ. — Из первых уст... Не сомневаюсь, что неоправданная жестокость Гэлдура в отношении не-людей действительно имела место. И многие об этом знали...

— О чём вы? — вскинулся лейтенант.

— И всё же — многое из того, что произошло, так и остаётся непонятным, — проигнорировала его реплику эльфийка — как пить дать, намеренно. — Отсюда неплохо видна большая часть раскопа и то, что в ней происходит... Допустим, Посох он и впрямь проигнорировал сознательно, отдав предпочтение заклятьям. Но для чего ему понадобилось бежать вперёд, если достаточно было, оставаясь на месте, просто хорошенько прицелиться? И самое интересное: что отвлекло его внимание до такой степени, что он не заметил, как освободившиеся от цепей каторжники втянули в бой двоих солдат?

— Вряд ли это когда-нибудь будет известно, — задумчиво заметил псоглавец. — Ведь никто, кроме самого погибшего, не может сказать наверняка, что тревожило в тот момент его мысли и душу...

— Но можно попробовать предположить, — Шаэриэнн внимательно взглянула ему в глаза. — В особенности, если речь пойдёт не о чём-то вымышленном. А о ком-то вполне настоящем... Напомните, кто находился на прииске в тот роковой день, лейтенант?

— Пятеро каторжников, двое солдат и маг, — отчеканил Ярош.

Эльфийка повернулась к нему.

— Вы перечислили тех, о ком нам наверняка известно. Но что, если кроме них там присутствовал и кто-то ещё?

— Кто?! — изумлённо вскинул брови лейтенант. — Нет, это совершенно невозможно, госпожа Аэлла. Никому чужому сюда доступа нет!

— Отчего же «чужой»? — заметила Шаэ. — Напротив... Оказавшийся здесь неизвестный персонаж, скорее всего, был настолько «своим», что его появление не встревожило никого — ни Палача, ни охрану... Однако если представить, что он действительно был, всё в этой истории сразу станет на свои места. Что именно он сообщил чародею и под каким предлогом отвёл его в сторону на разговор — скорее всего, так и останется тайной... Впрочем, это и неважно. Несомненно одно: действуя в интересах каторжан, которые наверняка знали об этом, в нужный момент он переключил внимание мага на себя, оставив им «на откуп» солдат...

— Демоны Безымянного... — Ярош, казалось, утратил дар речи. — Так Гэлдур...

— Гэлдур действительно спохватился слишком поздно, — Тира, неслышно подошедшая ближе, коснулась плеча Шаэриэнн. — Надо полагать, он резко развернулся на звуки битвы, скидывая Посох... Да-да, именно Посох, поскольку вряд ли он на самом деле думал о

какой-то дурацкой мучительной казни или чём-то подобном...

— Однако воспользоваться им не успел, — продолжила эльфийка. — Оглушающий удар в висок настиг его куда раньше, чем из раскопа сумел выбраться каторжанин с киркой наперевес... Тем более, последнее вряд ли удалось бы.

— Но... я сам проводил эксперимент... — заикнулся Нико Ярош.

Шаэриэнн легонько качнула головой:

— То, что это получилось у вас, лейтенант, или у... брата Атора, ещё ни о чём не говорит. Полагаю, тому, кто проведёт в этих цепях несколько лет, на подобное уже не хватит ни силы, ни сноровки.

— Ваши чародеи уверяли, что Гэлдур бросал заклятия, — янтарный взгляд Ранамона встретился с зеленою эльфийкиных глаз. — Я не маг... но разве их следы можно подделать?

— Нет, нельзя. — Шаэ выдержала взгляд. — Потому заклятья действительно были настоящими.

— Но кто же тогда их бросал? Следы ещё одного мага Вэлион наверняка бы заметил... А их не было! — Лейтенант помотал головой, словно разгоняя в стороны запутавшиеся мысли.

— Знаете ли вы, что такое артефакты, лейтенант? — вступила в разговор Тира. — Вам когда-нибудь приходилось ими пользоваться?

— Артефакты? — Ярош поперхнулся. — Вы имеете в виду...

— Уже готовые заклинания, — кивнула принцесса. — Или целые их наборы, «спрятанные» в конкретный предмет. Амулет, браслет, боевой перстень, не требующий от владельца ничего сверх возможности мысленно приказать...

— Большая часть солдат Ордена не является магами, — подал голос я. — Однако благодаря артефактам на основе агмарилла вполне может противостоять чародеям самых различных рас...

— Впрочем, раньше, ещё до того, как люди узнали о священном металле, на вооружение нашей армии тоже поступали различные «консервированные» заклятья — этим занималась, да и занимается Академия... — заговорил Антонио. — Остальные расы, насколько мне известно, тоже не отстают. Лет двадцать тому назад Шаровую Молнию и Дыхание Дракона в виде простеньких артефактов можно было за вполне вменяемые деньги прикупить практически на любом чёрном рынке...

— То есть... — проговорил Ярош. — Колдовал не Гэлдур? Но ведь он... бежал...

— Нет, — Шаэриэнн покачала головой. — Его, оглушённого, просто перенесли на нужное место. А чары — дело рук либо того самого «чужого звена», либо кого-то из двоих заключённых, оставшихся в живых после схватки с солдатами. В любом случае, заклятья бросали действительно «в молоко» — и, скорее всего, уже после смерти Мага-Палача, которого действительно уничтожили, заставив разомкнуть каторжные Ошейники...

Повисла тяжёлая тишина.

— Хорошо, — Ярош прочистил горло. — Быть может, всё действительно так, как вы говорите. Но кто же в таком случае помог каторжникам бежать? И куда, ради всего святого, что существует в Мире, они пропали?!

— Последний вопрос не ко мне...

Шаэриэнн развела руками — но, не дав лейтенанту вставить ни слова, внезапно отвела от него глаза.

— Рэи Ранамон!

Её голос зазвучал с выражением, напомнившим мне хлѣсткий лязг выхваченного из ножен клинка:

— Готова поклясться, что Болото послушно вам так же, как и весь окрестный Лес... Объясните нам, где сейчас те двое заключѣнных — и для чего вы помогли им и нам?...

... Демоны!!! Внезапный выпад Шаэриэнн не только Ранамона, но и всех нас застал врасплох!...

Невероятное изумление вспыхнуло в широко раскрытых глазах языком янтарно-жѣлтого пламени.

Дрогнув, взмыли торчком острые уши.

Шерсть на мощном загривке, не скрытом воротом одежды, встопорщилась дыбом.

... И если, не приведи Боги-Братья, она хоть на толику ошиблась...

Приглушѣнный клѣкот в глубине горла псоглавца перешѣл в утробный рык.

Опомнившись, мы с лейтенантом Ярошем одновременно рванулись вперѣд в попытке вклиниться между эльфийкой и человекозверем... однако Ранамон, совладав с собой, отступил на маленький шаг, медленно поднимая раскрытые в мирном жесте ладони.

— Когда ты взывала к Лесу... — произнёс он хрипло, но чѣтко, не делая ни малейшей попытки отпираться — ... то говорила о большой беде, которую хочет сотворить мой народ...

Слова давались псоглавцу с трудом, однако он упрямо не отводил взгляда от пылающих глаз Шаэриэнн, словно видел перед собой только её одну — задавшую вопрос:

— Я хочу... чтобы этой беды не случилось.

* * *

Седонская каторга шаг за шагом оставалась позади. Капли лѣгкого дождика, поутру провожавшего нас в дорогу, понемногу смыли с души налѣт напыщенной фальши от минувшего вечера, приторный осадок лжи и подобострастия, которыми Смотритель и Комендант щедро приправляли наш прощальный ужин. Позади осталось и сдержанное прощание с лейтенантом Ярошем — нашим верным союзником в стане врага...

Блаженно прикрыв глаза, Тира ехала с непокрытой головой, то с наслаждением потягиваясь и расправляя плечи, то по-детски лоя дождинки на язык. Тонию, держа своего коня строго на полкорпуса позади, неприкрыто любовался ею, то и дело чуть слышно нашѣптывая какие-то ободряющие слова... Капитан Легран, самолично возглавивший конный эскорт, отряженный провести нас до границы, после долгих расшаркиваний наконец всё же откланялся полторы оры назад. Отвратительный тип... Похоже, принцесса всё ещё не могла поверить, что пытка общения с ним наконец подошла к концу. Всё это время я лишь дивился её безграничному терпению — жгучее желание раздавить поганца подошвой сапога, точно мерзкое насекомое, не счесть сколько раз посещало меня за эти дни...

Капюшон плаща Шаэриэнн тоже оставался на плечах. Вот только эльфийка вовсе не замечала дождь. Мне показалось, что она напряжена, как струна — или тетива боевого лука, готового вот-вот послать стрелу... С того момента, как мы выехали на тракт, она не отводила пристального взгляда от кустарника, очажками растущего вдоль дороги. А когда вслед за ними замаячили и деревья, казалось, вовсе перестала замечать что-либо вокруг кроме зелени, умытой дождѣм...

Прибавив шаг, Рио поравнялся с Мирри и пошёл рядом. Фыркнув, ласково ткнул подружку носом в бок — та отозвалась тоненьким ржанием.

Я негромко поинтересовался:

— Как ты узнаешь, куда следует свернуть?

Шаэриэнн пожала плечами, по-прежнему не поднимая на меня глаз:

— Услышу. Должна услышать... В прошлый раз — там, у Стены — это удалось без труда...

Однако волнение в её голосе от меня не укрылось, хотя эльфийка и пыталась не выдавать своих чувств.

— Ты не веришь ему? — вырвалось у меня.

— Верю, — кивнула Шаэ. — Но вот доверяю ли — ещё не знаю...

— А в чём разница? — удивился я.

— Думаю, он действительно сказал нам правду. — Эльфийка нахмурила брови. — В любом случае, ему очень даже есть что терять — делая ставку на нас, псоглавец рискует всем, что имеет — и даже большим... При этом выйти «сухим из воды» он даже не попытался.

— Не думаешь, что это ловушка?

Шаэ качнула головой:

— Вряд ли. У него была чудная возможность избавиться от нас без шума и пыли ещё там, у Стены. Достаточно было просто не вмешиваться в ситуацию... Однако же он нам помог, — она невесело усмехнулась. — В этом нет сомнения, уж поверь Говорящей-с-Лесом: когда б не Ранамон, мне бы там ничего не светило... Показательно уже одно то, что Лес выдал ему наш с ним Разговор... Так что — да, я ему верю. Но вот мотивы и смысл его поступков для меня по-прежнему тайна... Какую роль в своих планах он отводит нам — не знаю. Как не ведаю и того, до какой степени он будет откровенен с нами...

— Ясно.

Я помолчал, но потом всё же добавил:

— Но мне кажется... что тебя беспокоит не только это.

Взгляд Шаэриэнн на мгновение скользнул по мне и снова вернулся к лесу.

— Ты прав, — нехотя призналась она. — Такое чувство...

— ... что переживать тебя заставляет не только грядущая встреча с Рэи Ранамоном на его территории.

— Пожалуй, да, — подумав, согласилась эльфийка. — Только я никак не могу понять причины...

— Со мной такое бывает, — заметил я, — когда в дело вступает интуиция.

— Что ж, — Шаэ наметила улыбку. — Если ей есть, что мне сказать — рано или поздно это произойдёт. Хотя лучше, конечно, поскорее... Альтар!

Её рука, выпустив повод, внезапно легла на мою кисть. Я вздрогнул от неожиданности и холода: прикосновение было обжигающе ледяным... И, не вполне соображая, что делаю, торопливо накрыл второй ладонью её озябшие пальцы.

Вспыхнув, Шаэ отдернула руку.

— Ты... что?!

— Прости... — растерянно обронил я: этот мгновенный порыв удивил меня не меньше, чем её.

Лошади, остановившись, нервно зафыркали — и я, наконец, увидел то, к чему она

пыталась привлечь моё внимание.

Псоглавец, выступивший нам навстречу из-под сени раскидистой ели, был совсем молод — во всяком случае, мне так показалось с первого взгляда. Длинное серое одеяние до пят — нечто среднее между плащом и мантией, какое чаще всего носят его соплеменники — скрывало комплекцию фигуры. Но когда он, откинув капюшон, поднял на нас знакомые янтарно-жёлтые глаза, я без труда представил себе Ранамона лет эдак... наверное, пару дюжин назад — интересно, сколько живут псоглавцы и когда они взрослеют?...

— Приветствую вас...

Изо всех сил стараясь держаться с достоинством и уверенностью взрослого мужчины, которому доверили дело исключительной важности, юноша склонил голову в лёгком поклоне.

— Рэи-мэрато благодарит за доверие... Мне поручено провести вас к нему.

— Можем ли мы узнать ваше имя? — поинтересовалась Шаэриэнн, выбираясь из седла. Похоже, ей пришла на ум та же догадка, что и мне.

В какой-то мере подтверждая её, юноша согласно кивнул:

— Меня зовут Ранован.

Подождав, пока мы спешимся и возьмём лошадей под уздцы, Ранован повернулся обратно к ёлке, из-за которой вышел — и ветки деревьев беззвучно качнулись в стороны, раскрывая уже знакомый нам коридор Краткого Пути.

Правда, на сей раз Путь оказался далёкий и нелёгкий... Больше всего мороки доставили животные. Даже Рио, которого обычно не так легко напугать, не переставая прядал ушами и вздрагивал всем телом, то и дело оказываясь в опасной близости от зелёных стен. Памятуя предупреждение Шаэриэнн о том, чем это может закончиться, я как мог, заставлял коня шагать по самой середине неширокой тропинки, хотя местами и приходилось отчаянно бороться с ним. У самой Шаэ как-то получилось «уболтать» Мирри: лошадка боялась, но шла; да и Тонио вроде сумел сговориться со своим спокойным каурым жеребчиком. А вот Тире приходилось худо: Демон по силе и стати уступал Рио совсем немного и сейчас, во власти страха и тревоги, почти совсем вышел из повиновения. Она буквально висла на его поводу, однако возмущённое ржание взбрыкивающего коня слышалось всё чаще, и пару раз только чудо спасало принцессу от столкновения со стеной...

Мне, вцепившемуся в узду Рио у самых губ, оставалось только бессильно скрежетать зубами: если бы даже мой вороной внезапно проявил чудеса послушания, разойтись с ним в узком пространстве коридора, чтобы добраться до Тире, я всё равно не смог бы...

Однако Шаэриэнн смогла! Внезапно предоставив Мирри саму себе, эльфийка пропустила её вперёд, затем лёгким текучим движением миновала меня с вороным и, поравнявшись с Демоном, схватила его за гриву.

Неистовое протяжное ржание наряду с заковыристым ругательством Тире вдруг утонуло в наступившей тишине. Изловчившись на миг повернуть в ту сторону голову, я увидел, что буланый, понурившись, смиренно шагает по центру тропы рядом с еле переставляющей ноги хозяйкой. Шаэриэнн же с другой стороны что-то шепчет в чуткое лошадиное ухо.

Я почти не удивился, вспомнив, как бывает послушен ей мой собственный норовистый зверь. И почему-то вдруг подумал, что если бы это Шаэ, а не Тира выбрала себе такого коня, то я бы счёл это само собой разумеющимся...

Краткий Путь окончился на уютной круглой поляне, уже всюю поросшей ранней

весенней травой. По настоянию Ранована животных мы оставили здесь. Кроме того, достаё из тайника под корнями векового дуба четыре сложенных одеяния — таких же, как у него — псоглавец протянул их нам.

— Это земля Рэи, — сдержанно пояснил он. — Но глаза и уши здесь могут быть не только у нас...

Мы облачились в одежду, набросив её прямо поверх своей. Достаточно было спрятать руки в глубокие рукава и накинуть плотные капюшоны на лица — и теперь только рост отличал нас от представителей живущего здесь народа. Впрочем, далеко не факт, что всем псоглавцам полагалось быть чересчур высокими — так, я, хоть и уступал Ранамону, но был выше нашего провожатого почти на пол-головы...

Дальше мы пешим ходом двинулись через лес, больше не прибегая к магическим уловкам.

Селение оказалось совсем рядом: настолько близко, что я не успел даже толком нафантазировать себе, как оно должно выглядеть. Лесная дорога вывела нас к подножию высокой горы. Однако деревья и здесь не сдавали своих позиций. Цепляясь узловатыми корнями за каменные отломки и скалы, они выбирались на укрытые плодородной почвой пологие террасы, вырастали на склонах, искривляясь под самыми необычными углами, и надёжно укрывали под своей сенью небольшие дома, сложенные из пористого тёмного камня.

Не скрывая любопытства, я присмотрелся к жилищам псоглавцев повнимательнее — и ничего такого уж необычного не заметил. Разве что небольшие ниши под плоскими крышами, заменяющие им окна в стенах, да пологи, плетёные из гибкой лозы, наряду со шкурами каких-то крупных животных прикрывающие вход вместо дверей... Дома стояли кучно, однако вовсе не жались друг к другу. Навскидку я насчитал их около полусотни — но, несомненно, селение было намного больше: ведь мы вошли в него снизу и могли видеть только то, что нам позволял рассмотреть лес и царящий под его кронами полумрак.

От меня не укрылось, как дрогнули плечи Ранована, первым ступившего на ленту стремящейся вверх тропинки, которая брала начало от русла небольшого ручья. Псоглавцы оберегали свои селения, словно святыню — вряд ли по этому пути вообще когда-либо ступала нога чужака... А если чужие и появлялись, то уж точно не ведомые этим мальчиком, одновременно безоговорочно верящим своему старшему и трепещущим при мысли о том, что сердце его племени через миг раскроется инородцам...

Задумавшись, я едва уловил какое-то движение внизу под ногами, однако успел-таки в последний миг уклониться. Маленький кожаный мяч, ударившись о камень, отлетел в сторону и запрыгал вниз, заставив нас поневоле замедлить шаг.

Вдогонку за ним из-за угла ближайшего дома вылетели двое запыхавшихся детей: смешные вихрастые мальчишки-«волчата» с озорными искорками в ярких глазах. Вылетели и замерли, настороженно прижавшись друг к другу, виновато поджимая длинные хвосты.

Ранован, откинув капюшон, одарил их недовольным взглядом и отрывисто произнёс несколько резких хриплых звуков на чужом гортанном языке. Парни понурились ещё больше и, опустив головы, поспешили исчезнуть с глаз долой, напрочь позабыв про «сбежавший» мяч.

Не сдержавшись, я вполголоса поинтересовался у нашего проводника:

— Не слишком ли сурово с ними?

Ранован, вновь превратившись из грозного наставника в юношу, обременённого грузом

взрослых проблем, дёрнул ухом и сухо пояснил:

— Время учёбы. Не игры.

Что ж... Чужой град — другой уклад. И Ранован явно не стремился развивать эту тему. Я прикусил язык и продолжил молча осматриваться по сторонам.

А посмотреть было на что. Поселение вовсе не было «вымершим», невзирая на царящую вокруг тишину... По мере того, как мы продвигались вглубь, перед глазами появлялось всё больше местных жителей, занятых своими делами. И, на самом деле, их нехитрый быт не так уж сильно отличался от нашего, человеческого...

Мой взгляд упал на старика с поседевшей от времени шерстью: он сидел на пороге своего дома и, шуря подслеповатые глаза, плёл туесок из желтоватых ленточек лыка, ловко перебирая их своими широкими пальцами. На небольшом отдалении прошли двое мужчин, негромко беседующих между собой, и свернули куда-то в сторону. А чуть дальше наш путь пересёкся с женщиной в нарядном синем хитоне. Невысокая и грациозная, с несметным количеством серёжек, украшающих острые уши, она опустила очи долу, на кувшин с водой, который держала в руках, и посторонилась, давая нам пройти...

Наша четвёрка вовсе не выглядела необычно: многие местные точно так же скрывали под капюшонами лица, хотя и тех, кто игнорировал эту деталь одеяния, было немало. Но я заметил, что Ранован немного ускорил шаг, стремясь побыстрее провести нас через жилую часть поселения. Куда мы направлялись — стало понятно спустя пару десятинок...

С каждым шагом наклон горы становился всё круче. Миновав последние дома, тропка резко оборвалась, словно завершившая работу портняжная нить. Широкие каменные ступени, очевидно, естественного происхождения, полукругом поднимались на плоское плато. В высокой скале, воинственно вздымающейся из самого его центра, хорошо просматривался тёмный зев пещеры.

Перед первой ступенью Ранован остановился.

— Храм Памяти, — ответил он на незаданный нами вопрос. Почтение и трепет в его голосе выдавали особое значение этого места.

— Вы не с нами? — подала голос Тира.

Юноша с видимым сожалением покачал головой:

— Нет... Рэи-мэрато желает видеть в Храме только вас. Такова его воля.

Грот встретил нас коротким сумрачным коридором. В конце его просматривалась такая же узкая высокая арка как и та, через которую мы попали внутрь. Когда глаза привыкли к темноте, я увидел, что её прикрывает занавесь из множества плетёных из лозы длинных «кос», свисающих с каменного потолка. В точности так же в поселении обустроивали входы в дома...

Отчего-то эта деталь придала уверенности в том, что ничего плохого нас не ждёт.

Я сделал шаг вперёд, раздвигая «косы» плечом — и, забывшись, замер у самого порога, окунувшись в море мягкого золотого света...

Свечи!... Несчётное количество ярких маленьких огоньков глядело на нас со всех сторон, словно диковинные светлячки, облепившие стены круглой широкой пещеры. Казалось, достаточно лишь неосторожного движения — и они замечутся, закружатся, взмывая под высокий свод...

В самом верху, подрагивая, сливались с камнем тени, создавая иллюзию ничем не ограниченной высоты. Им вторили пляшущие под дуновениями сквозняка тёмные пятнышки, робко прячущиеся за пламенные язычки. Неповторимый «живой» узор на стенах

и полу невольно приковывал взгляд, заставляя зачарованно следить за тем, как свет и тьма бесконечно перевоплощаются друг в друга — но сам миг перехода всякий раз оставался неуловим.

За моей спиной восхищённо вздохнула Тира. Антонио подавил восторженный возглас. Шаэриэнн молчала — но почему-то мне без труда удалось представить её зелёные глаза, широко распахнутые в изумлении...

Я непроизвольно втянул ноздрями воздух, пахнувший можжевельником и сосновой смолой — к нему примешивался едва уловимый аромат каких-то неизвестных благовоний. И тогда в гулкой торжественной тишине, наполняющей всё вокруг, до моих ушей донеслось это...

Шорох.

Нет, шёпот.

Шёпот тысячи голосов, едва уловимых на самой грани слуха... Слова, одновременно знакомые и неизвестные, расплываются, теряются — достаточно попытаться разобрать, расслышать хотя бы одно. Удивлённый вопрос... резкий ответ... нежное воркование... колыбельная песня... грубый окрик... испуганный вздох... Что это?

Гуляющий под куполом ветер?

Капли подземной воды, точащей камень?

Моя фантазия, разыгравшаяся от души?

Но мне почудилось — перешёптываются свечи: переглядываясь, перемигиваясь друг с другом... и с нами. Ярош и Таргос — сколько же их тут?... Сотни — а может быть, даже тысячи...

— Их — пятьсот сорок две.

Знакомый хрипловатый голос вдребезги разбил тишину — и властвующие над нею таинственные голоса испуганно замолкли. Я моргнул, сбрасывая пелену наваждения, почти физически пленившего меня.

В центре пещеры, подле невысокой каменной плиты — не то стола, не то алтаря, тускло отблескивающего глянец — стоял Рэи Ранамон, откинув капюшон своего «плаща». Одной рукой он легонько опирался о поверхность камня, в другой же держал тоненький длинный стек со сплюснутым краем.

— Здесь — пятьсот сорок две свечи, — негромко повторил он, медленно обводя пещеру глазами. — Какие-то из них зажглись совсем недавно. Многие уже вошли в силу, разгоревшись самым ярким светом. А некоторые уже догорают, светя нам последние дни...

— Что... это за свечи? — волнение в голосе Шаэриэнн выдавало какую-то догадку.

Я тоже смутно почувствовал, к чему ведёт Ранамон, но он не собирался долго нас томить.

— Это — всё племя Рэи, — склонил голову псоглавец. — Все живущие ныне его дочери и сыновья. Почти столько же свечей горит сегодня в Храмах Дэри и Самэйи... И если добавить к ним неполную тысячу огоньков, зажжённых в крошечных Святынях ещё полутора десятков племён, перед вами будет весь народ R'ea-Kitarr — все те из нас, кто сегодня дышит воздухом этого Мира. Чуть больше двух с половиной тысяч жизней.

— В элитном отряде Императорской гвардии три тысячи человек, — невольно вырвалось у Тиры.

Уголки губ Ранамона дрогнули в грустной усмешке.

— Так и есть. Мы — очень малочисленный народ... Нас намного меньше, чем существ

любой другой расы Мира. Даже полурослики, даже дриады, живущие, как и мы, лишь в пределах единственной в Мире собственной территории, превосходят нас самое малое в десять раз. Я уж не говорю о людях, эльфах-Росса, гномах и орках — сравнивать с ними просто нелепо... Нам не тягаться ни с кем из них в численности, силе, влиянии, магических способностях, богатстве собственной земли. И только Память — то единственное, в чём все вы уступаете нам...

— Почему? — не удержалась принцесса, чуточку уязвленная за человечество.

Ранамон бросил задумчивый взгляд вверх. Янтарный блеск его глаз отражал огоньки свечей.

— Потому, что наша Память намного древнее и глубже, чем у всех остальных под этим Солнцем и Луной. Она хранит прежние величие народа R'ea-Kitarr... и боль его сокрушительной гибели в междоусобной борьбе. Она не даёт нам забыть о том, как пламя этой борьбы дотла спалило мир, в котором мы жили, и жалкие остатки R'ea-Kitarr, спасённые своим богом, вынуждены были искать новый приют. О том, как мы обрели его в юном, только что созданном Мире, и как на наших глазах другие народы и расы заполняли страницы его истории...

— Так значит, вы всё-таки лгали нам, — не выдержал я. — Когда торжественно клялись в вере в Яроша и Таргоса, переходя в подданство Империи и в лоно нашей Церкви? Становились Светлыми Жрецами, проповедовали Истины, правили службы во имя Братьев-Богов... Лгали от начала и до конца?...

— Нет, — Ранамон спокойно покачал головой. — Не лгали. Хотя и не были откровенны во всём... Ярош и Таргос действительно существовали. И на самом деле создали этот Мир, а также многих его жителей — хотя и не нас. Память об этом также живёт в наших Храмах и говорит с нами голосами предков — тех, чьи свечи уже давно погасли, но тени от них по-прежнему здесь...

Он подошёл к стене, чтобы поправить слегка накренившуюся свечу лёгким касанием стека.

— Вот — наша истинная религия, — произнёс он. — Она не даёт забыть ни о чём из того, что было с тех самых пор, как первые из R'ea-Kitarr увидели свет... И не возбраняет славить других богов и служить им, продолжая помнить о том, что мы творения Дагона.

Дагон...

Чужое имя резануло слух, отчего-то показавшись неприятным. Я напряг память, перебирая все ереси или ложные пророчества, о которых слышал или когда-либо читал...

— Никогда не слышала о нём... — Шаэриэнн почти что озвучила мои мысли.

— Поверьте, я очень удивился бы, будь это иначе, — отозвался Ранамон без тени иронии. — Вашим народам, хозяевам Мира, не было нужды хранить его историю... Вы сорили, разбрасывались ею, словно пьяный богачей — серебром из кошелька: когда бездумно, а когда и умышленно подчиняя многое из прошлого непрестанно меняющимся собственным интересам. Мы же были лишены такой роскоши, хорошо зная цену каждому сбережённому медяку...

— Но летописи и хроники Императорской библиотеки ведут начало от Ярошева Слова! Его записывали первые Жрецы под диктовку самого Пресветлого! — в запале выкрикнула принцесса.

— А Хранилище Свитков в Долине Aellthae бережёт уникальные рукописи Предтеч, повествующие о начале времён!... — Шаэриэнн отстала от неё лишь на миг.

Но Ранамон безжалостно покачал головой:

— И все они переписывались не один десяток раз в угоду тому или иному правителю, окольным путём взошедшему на престол. Или служителям культа, желавшим непременно доказать, что именно их бог — единственно истинный или самый главный...

— Все эти источники тщательно изучались магами, — Антонио скептически пожал плечами. — Достоверность большинства из них давно доказана...

— Вам ли не знать, — псоглавец прищурил глаза, — что у магов всегда и везде есть свои интересы. И уж этим «доказательствам» стоило бы верить в последнюю очередь...

— И кому же тогда верить? — Шаэриэнн опасно прищурилась. — Очевидно, вам, не так ли?

Но Ранамон не принял вызова.

— Нет, не нам. Мы лишь храним монеты, однако не чеканим их. Верить нужно Вам: эльфам, людям, гномам, оркам... Вам. Только не переписанным, а настоящим...

Он повернулся к стене, у которой стоял. Его пальцы легонько тронули шершавый камень. Миг — и часть стены со свечами на уровне его груди бесшумно скользнула вбок, открывая глубокую нишу.

— Я позвал вас сюда не только для того, чтобы показать Свечи Жизней. — Когда псоглавец обернулся к нам, в его руках были две толстые книги. — Я хотел, чтобы вы увидели... это. Ибо только так вы сможете понять, что же происходит в Мире на самом деле. И что пытаются из этого извлечь... набольшие моего народа.

Последние слова он произнёс с видимым усилием, бережно опуская фолианты на блестящий «алтарь». Заинтригованные, мы подошли ближе, столпились у импровизированного стола.

Одну из книг Ранамон отодвинул в сторону. Вторую, большего размера, в переплёте из золотистой кожи с коваными уголками, он поместил в самый центр «алтаря». И легонько прикоснулся стеклом к потёртой обложке.

Книга дрогнула и медленно раскрылась... Со страниц полился яркий лучистый свет, заставивший нас поневоле прыгнуть назад. Однако он не слепил, а всего лишь приковывал взгляд к картине, проступавшей в воздухе прямо над подрагивающими листьями.

... Перед нашими глазами разворачивался ясный летний день — где-то в Срединной Империи, как мне показалось вначале... Широкая ровная дорога бежала через холмы, укрытые сочным разнотравьем. Вдалеке зеленели кроны смешанного леса, из-за которого на чистую гладь неба выплывали стайки облаков. Сбоку на горизонте просматривалась блестящая на солнце лента небольшой реки.

Внимание сразу же привлекли к себе две фигуры, неспешно шагающие по пути. Словно уловив наш интерес, незримое «око» приблизилось к ним, позволив хорошо рассмотреть обоих беседующих друг с другом мужчин. Старший — человек, среднего роста и коренастый — ещё не был по-настоящему стар, хотя во вьющихся светлых волосах и короткой бороде уже проступила седина. Длинный дорожный плащ золотого цвета, похоже, вовсе не тяготил его в разгар летней жары. С улыбкой, смягчившей приятные, но достаточно суровые черты породистого лица, он что-то увлечённо рассказывал спутнику — высокому молодому эльфу, облачённому в тёмный воинский доспех. Тот, напротив, был сухощав, подтянут и предельно серьёзен. За плечом его торчала рукоять меча... нет, двух мечей — клинки были парными, такими, как у Шаэриэнн. Эльф внимательно слушал светловолосого человека, время от времени согласно кивая, и несколько раз сам вставлял короткие реплики. Пара прошла

совсем близко от центра магического «ока» и исчезла из кусочка пространства, ограниченного ожившей картинкой. Холмы, дорога и лес немедленно принялись растворяться в потоке света со страниц...

— Ярош и Таргос, — услышал я за спиной негромкий голос псоглавца. — Или... Jearosheann и Tearr — говоря на другом языке.

— Tearr?! — не своим голосом произнесла Шаэриэнн.

— Таргос? — одновременно вырвалось у меня.

— Именно, — подтвердил Ранамон. — Что вас так удивляет?

— Но... у Созидателя не было братьев!... - выдохнула эльфийка. — При чём тут боги людей?!

— Брат был, — наклонил голову псоглавец. — До тех пор, пока его имя не стёрли из переписанных летописей...

— Но зачем?!

— Для того, чтобы подчеркнуть, что у вас с людьми совершенно разные боги. И ваш, эльфийский, безусловно, важнее и главнее... Впрочем, люди тоже не остались в долгу... — он кинул быстрый взгляд на меня.

— Светлая Книга учит... что всё живое в мире суть творения Яроша. — Нет, никогда не думал, что одна из прописных Истин способна звучать совершенно по-новому!... — Однако... неблагодарные нелюди, забыв об этом, вскоре отвернулись от истинных богов, впав во грех ересей. Верными Свету и Тьме остались только люди — любимые дети Мудрейшего...

— Эту книгу... — произнёс Ранамон, вновь касаясь стеклом страниц — ... написали и проиллюстрировали двое. Эльф и человек... Было это на заре времён, когда вражда между вашими племенами ещё не успела зародиться. Не удивлюсь, — с грустью признался он, — если этот экземпляр — последний из уцелевших... О чём она? О том, как двое могущественных братьев-богов, воплощения Света и Тьмы, пожелали создать собственный Мир — и преуспели в этом... О том, как младший из них — Таргос, или Теарр, сотворил первых разумных жителей нового Мира — племя Рокка. А немного погодя старший брат, Ярош-Джеарошеанн, поселил рядом с ними и собственные творения — людей...

Листы послушно переворачивались, и образы, сменяющие друг друга в облаке волшебного света, оживляли произносимые псоглавцем слова.

— ... О том, как люди и эльфы, держась вместе, как и создавшие их божественные Братья, познавали подаренный им Мир и учились в нём существовать. А тем временем к творению Яроша и Таргоса потянулись другие Боги...

— Завоеватели? — Антонио с жадностью впитывал новые знания.

— Нет. Просители... Ибо многие из них жаждали быть творцами разумных существ, но вот созидание мира оказалось под силу далеко не каждому...

Книга показала нам коренастого кузнеца с суровым лицом и пудовыми кулаками, в раздумьях застывшего у плавильной печи, огонь в которой раздували два послушных ему крылатых ящера.

— Гномий бог Тройгар, выковавший Горный народ из самородного железа и закаливший в пламени драконьего огня... — прокомментировал Ранамон.

Следом стройная красавица в летящих одеждах с густой гривой зелёных волос до самой земли, опустившись на колени у ручья, бережно высадила во влажную почву крошечное семечко.

— Ареитанне, Мать-Дриада, выращивает первое ивовое дерево в будущем Великом Лесу, из плоти которого суждено появиться первой из её дочерей...

Странное существо, напоминавшее огромного крота-слепыша, только в плотной косматой шкуре, оказалось Глиппом, богом подземелий, вылепившим собственный народец — гоблинов — из комьев жирного чернозёма... Лорко, создатель полуросликов, так же, как и они сами, походил на шаловливого пухлого мальчишку. Своих существ он сотворил, играя: смешал в диковинном сосуде капли цветочной росы, дуновение ветра и солнечный луч, макнул туда полую соломинку и принялся выдувать их одного за другим, словно мыльные пузыри... Орочий бог — Забытый — предстал перед нами странником в длинном плотном плаще, скрывавшем и лицо и фигуру. Материалом для резца в его руках послужили серые камни у обочины, густо припорошенные дорожной пылью...

Страницы следовали за страницами; одни боги на них сменяли других, даруя жизнь всё новым и новым существам.

— А что же Ярош и Таргос... Они не возражали? — в голосе Тиры вдруг прорезалась не свойственная ей робость.

— Вовсе нет, — развеял её сомнения Ранамон. — Они весьма благосклонно отнеослисе к тому, что их Мир дополняется новыми разумными обитателями — ведь тем богаче и совершеннее он становился. Они привечали всех. И лишь единственный из богов, обратившийся к ним с подобной просьбой, получил поначалу отказ.

Книга дрогнула и закрылась. Мне показалось, что в пещере стало темнее.

— Дагон? — догадался я.

— Дагон...

Ранамон пододвинул к себе вторую книгу. Отложив стек в сторону, раскрыл простой чёрный переплёт, бережно перевернул несколько листов. Затем, не говоря ни слова, развернул фолиант к нам.

Одна из страниц была покрыта вязью странных затейливых знаков — отчасти символов, отчасти картинок, отчасти штрихов — не похожей ни на одни знакомые мне письмена... На второй был рисунок.

Статный высокий псоглавец, чем-то напомнивший мне недоброй памяти Брата Дейариса, стоял, скрестив на груди мускулистые руки-лапы, на крутом отломке какой-то скалы. На нём не было привычной для его племени одежды, и нагая фигура, покрытая густой тёмной шерстью, лишь подчёркивала его резкие звероподобные черты. Рисунок был выполнен в нарочито грубой, чёрно-белой технике, штрихами. Однако художнику удивительно точно удалось передать и недюжинную физическую силу, и тщательно контролируемую ярость, и напряжённость позы наряду с гримасой раздражения и коварства, застывшей на зверином лице. Цветных пятен на рисунке было всего два, и оба они были рубиново-красными: хищно прищуренные щёлочки глаз чужого бога и большой камень в навершии магического посоха, который он сжимал в руке.

— Псоглавец-маг? — поразила Шээриэнн.

— Да. Маг и воин... — Ранамон помолчал, подбирая слова. — Равно искусный и сильный в обеих этих сферах. Такими же он создал и нас, R'ea-Kitarr...

— И чем же он не угодил творцам этого Мира? — нетерпеливо поинтересовалась Тира, изучая рисунок почти что с детским любопытством.

— Своим прошлым. — Видно было, что продолжение истории не доставляет Ранамону удовольствия, однако заявленная им откровенность выбора не оставляла. — Не имея

возможности создать нам обитель собственными руками, он, нарушив негласное правило всех богов, лично помог нам завоевать тот мир, в котором нас сотворил. При поддержке Дагона это удалось почти без труда. Мы быстро подчинили себе большинство населявших его народов и прочно утвердились на позициях властителей. Но когда Дагон, спокойный за наше будущее, наконец предоставил нас собственной судьбе, он не учёл одного. Мы так и не смогли на этом остановиться...

Повествование разорвал тяжёлый вздох псоглавца.

— Повергнув ниц наших соперников, мы стали сражаться друг с другом, — признался он. — Племя боролось против племени, одна ветвь рода яростно билась с другой... Шаткое главенство постоянно переходило от одних ко вторым, затем к третьим... десятым... сотым... А мы всё никак не могли успокоиться, остервенело уничтожая в жуткой погоне за властью собственных братьев и сестёр. Когда Дагон снова обратил внимание на наш мир, тот уже агонизировал. Жестокая боевая магия, непревзойдённая в своём губительном совершенстве, не оставила ему ни единого шанса... Хаос яростно рвался сквозь многочисленные «прорехи», орды нежити заполонили всё вокруг, тесня и уничтожая живых. Мир было уже не спасти — однако горстку R'ea-Kitarr, кое-как державшихся на руинах, Дагон вытащил из этого пекла, откупившись жизнями всех остальных.

Повисло тягостное молчание.

— Книга об этом? — еле слышно спросил Антонио.

— Не совсем, — туманно отозвался Ранамон. — Книга начинается уже с того, как, не имея возможности медлить в поисках для нас нового пристанища, Дагон бросился к Ярошу и Таргосу. Однако Боги-Братья отказали ему, ибо знали, как именно погиб наш прежний мир. В отчаянии гордый и своенравный Дагон пал перед ними на колени, униженно моля спасти жизни своих неразумных детей... Чтобы Братья-демиурги не сомневались в том, что подобное в их Мире не повторится, он полностью уничтожил в нас магический Дар, который прежде сам взрастил и отточил — напрочь лишая любых способностей к волшебству...

— А как же... эта, первая книга? И стек, который в твоих руках? — вмешалась Шаэриэнн. — Leitthe Saeminne, который вы можете создавать?... И... то неведомое, что скрыто за каменной Стеной?

— Книга — ваша, эльфийская и человечья. Я ведь уже говорил... — псоглавец покачал головой. — Магия её рисунков — это стиль, давно забытый художниками ваших народов. А стек — всего лишь редкий артефакт, оставшийся нам в память о прошлой жизни... Чтобы создать Лесной Путь, не обязательно быть чародеем. Тебе ли не знать, Дочь Ночного Народа, что общаться с Лесом способен тот, кому он сам позволит себя услышать и с кем пожелает говорить? Но вот у того, что за Стеной — особенная правда... Позволь, я доберусь до неё немного позже.

— Хорошо.

Шаэ кивнула, готовая дальше внимательно слушать. Ранамон перевёл дыхание:

— Так вот. Лишив нас магии, Дагон, непревзойдённый охотник и следопыт, пообещал также помочь Таргосу с Ярошем «прибраться» в их новом Мире — отыскать остатки следов Хаоса и «подчистить» их. Братья, увлечённые процессом творения, очевидно, сами не горели желанием выполнять «чёрную работу». Подумав, они согласились приютить нас в Седонских горах... А наш бог отправился отрабатывать долг.

Псоглавец скосил взгляд на чёрно-белый рисунок.

— Мир расцветал, богател, наполнялся новыми народами... Их боги приходили сюда

для того, чтобы создать, одарить, благословить. И лишь один из них в обличье простого смертного существа неустанно рыскал по суше и морю, заглядывал в самые дальние и дикие уголки, тщательно выискивая и уничтожая любые проявления не-жизни... В тех местах, где упокоил нежить или залатал «прореху» в гармоничной плоти Порядка, Дагон возводил курганы из чёрных камней...

— Гробницы Демонов!... — пробормотал я. — Так значит, это не Таргос...

— Нет, — повторил Ранамон. — Курганы сотворил Дагон. То ли отчасти сочувствуя его нереализованному желанию создавать, то ли просто не усмотрев в этом ничего дурного, Боги-Братья прикрыли на это глаза. Тем более что свою работу Дагон и вправду выполнял на совесть. Рано или поздно — по меркам богов, должно быть, прошло всего-ничего, а по нашим, так целая вечность — он сделал всё, чего от него хотели. И, перед тем, как оставить Мир навсегда и уйти своей дорогой — таково было условие, поставленное ему Братьями-демиургами — он пришёл сюда, в Седону, попрощаться с нами...

Псоглавец сделал небольшую паузу.

— К тому времени наш народ уже понемногу обжился в этих горах... Остатки племён основали собственные поселения — крошечные подобия тех, что существовали некогда в нашем погибшем краю. Освоили горы и лес, а самое главное — искусство жить в мирном соседстве друг с другом. Мудрые старики выбирали вождей-мэрато и решали судьбы народа, женщины сообща воспитывали детей, мужчины добывали пищу, обеспечивали семьям защиту и кров, а некоторые выбирались в Мир за пределами гор... Жизнь, подобно реке, обретшей иное русло, освоила новый путь и потекла размеренно и спокойно. Однако наш бог ничего не забыл и не простил.

Ранамон превосходно держал себя в руках. Но в этот момент стек в его пальцах дрогнул, выдавая истинные чувства.

— Дагон не простил нам утраты собственного мира, практически вложенного им в наши руки, а Ярошу и Таргосу — боли своего унижения. И потому нам было велено ждать. Ждать долго и терпеливо, многие годы, десятки лет, века... Быть незаметными для всех, однако самим замечать абсолютно всё. И дожидаться времени, когда Боги-демиурги, вдоволь «натешившись» со своим Миром, оставят его и отправятся дальше...

— Как... оставят? Для чего?! — Тира недоуменно подняла брови.

— А если они не станут уходить? — спросила Шаэриэнн.

— Так не бывает, — покачал головой Ранамон. — Боги уходят всегда... На то они и боги. Вечность, дарованная бессмертием, наряду с их могуществом оборачивается жаждой всё новых и новых свершений, и это никому не под силу изменить... — он вздохнул. — Так было и в нашей предыдущей обители: покорить населяющие её народы оказалось нетрудно именно потому, что их боги давно уже покинули её...

— Но как вы, простые смертные, могли узнать об этом? — поразилась принцесса.

Псоглавец невесело хмыкнул:

— Это как раз понять довольно легко... С уходом богов процветание и благодать медленно, но верно сходят на нет. На смену тёплому лету постепенно приходит изнуряющий зной, прохладной зиме — лютый холод... Живые существа всё больше начинают страдать от неведомых прежде болезней. Некогда обильно родившие земли то и дело терзают засуха и неурожай... Но самое главное — народы, привыкшие существовать в мире и согласии, отдаляются друг от друга, возводя стены и границы, начинают соперничать, завидовать и наконец, воевать. Из тех, кто прежде были ближе, чем братья, получают самые лютые и

непримиримые враги...

— Теарр-Созидатель!... — вырвалось у Шаэ. — И тогда этот мир... тоже погибает?

— Как правило, нет, — ответ псоглавца прозвучал неожиданно. — Войну сменит период затишья, а тепло и прохлада вернутся осенью и весной. От болезней найдутся лекарства, зерно и воду научатся запасать и беречь... Мир продолжит жить и без богов — пусть хуже, чем с ними, но полноценно жить.

— Если не случится ничего такого, с чем справиться под силу только богам... — подал голос я.

— Именно так.

Промолчав, Ранамон снова повернулся к книге.

— Нам было велено выжидать до той поры, пока не уверимся, что богов здесь больше не осталось. И тогда, определив самый сильный и развитый народ, примкнуть к нему, в знак верности преподнеся им дар. Агмарилл... Это был первый прощальный подарок Дагона. Агмарилловая жила возникла из его крови, брызнувшей на землю, когда мечом, уничтожившим нежить, он рассёк себе правую ладонь... Раса, получившая этот металл из наших рук, мгновенно обрела бы сокрушительное превосходство над всеми остальными. И, разумеется, немедля принялась бы закреплять успех... Не догадываясь, что чем больше гибели и мук будут нести живым агмарилловые мечи и амулеты, тем больше нежити пропустят в Мир курганы, разбросанные Дагоном везде, где он успел побывать...

— Демоны!... — не сдержался я. — Просперио... был прав! Во всём прав!...

— Во многом, — Ранамон встретился со мной глазами. — Я бы дорого дал за то, чтобы поговорить с этим человеком... Увы, когда я узнал о нём, судьба его была уже предрешена.

Селлорио!... Я скрипнул зубами. Второй помощник Верховного Жреца Света гниловатый, но на первый взгляд, недалёкий тип, озабоченный исключительно мыслями о чревоугодии и плотских утехах... Свет и Тьма!... Ни я, ни Просперио не разглядели в негодые «второго дна» — и это стоило жизни Магистру...

— Но в чём смысл этих действий? — тихо спросил Антонио. — Дагон желал нашему Миру судьбы вашего предыдущего, захлебнувшегося в Хаосе и крови?

— Нет. Каждая смерть живого существа и развоплощение нежити с применением агмарилла — это песчинка, падающая в Чашу, укрытую в самом сердце Седонских гор. Второй прощальный подарок Дагона... Ярош и Таргос позволили ему возвести Храм на озере за стенами из камня — со статуей сломанных Песочных Часов. Якобы вечное напоминание нам о том, как истекло для нас время старого мира... — Псоглавец вздохнул. — Они всегда придавали много смысла символам и храмам, ваши Боги... И не предвидели, что настанет день, когда пустая Чаша начнёт стремительно наполняться...

— И что будет, когда сосуд окажется заполненным до краёв? — в глазах Тиры сверкнул странный огонёк.

— Тогда Чаша перевернётся, выпуская в Мир всю ту губительную силу, что собрана внутри. Последует ментальный всплеск такой мощи, что тонкие связи, на которых зиждется вся существующая ныне магия, не выдержав, мгновенно разрушатся. А божественная кровь, черпая силы из пролитой смертной, взовёт к Дагону — и он услышит, где бы ни находился. Услышит и поймёт, что пришла его пора...

— А дальше...

— Дальше? — переспросил Ранамон. — Дальше повторится всё то, что происходило на нашей родине. Вернувшись, Дагон восстановит наш магический дар и сам поведёт нас в

бой... Ваши народы, ослабленные наплывом нежити и войнами друг с другом, лишившись магии, останутся беззащитны... Взяв вас «тёплыми», он расправится с тварями Хаоса — так, как делал это всегда — и вручит нам ещё один шанс оправдать его надежды... Мир будет наш. А те из вас, кто сумеет выжить, навек останутся бессловесными и бесправными рабами, лишёнными любой надежды на просвет...

— Маги Ордена, пляшущие под вашу дудку... — вступила Шаэриэнн. — Чем вы купили их?

— Обещанием власти. — В голосе псоглавца послышалась нотка презрения. — Мы открыли им Храм. Показали Часы, представив их сосудом, собирающим высвобожденную агмариллом силу... Вэлион и его собратья пришли в восторг. Неограниченное могущество, ставящее их выше всех прочих чародеев, включая собственных коллег из Ордена и Академии... Им удаётся понемногу оттуда черпать, и теперь они делают всё, чтобы агмарилл распространялся по Миру и в Седону совалось поменьше любопытных носов... Взамен они делают вид, что работают над выполнением нашего «условия»: пытаются найти способ вернуть нашей расе утраченный магический дар. Мы же... делаем вид, что с нетерпением ждём результата, хотя прекрасно знаем: то, что забрал у нас Дагон, под силу вернуть только ему самому...

Псоглавец замолчал, отводя глаза к фолианту. На мгновение задержал на изображении взгляд, затем бережно закрыл книгу и, словно через силу, отодвинул в сторону.

— Знаю, что сейчас вертится у вас на устах, — медленно произнёс он. — Для чего это мне? Зачем я рассказываю вам всё это, предавая прошлое и веру моего племени? Чего хочу добиться?...

— Будущего... — внезапно подала голос Шаэриэнн.

Он поднял на неё глаза.

— Значит, предки не ошиблись, когда сказали мне, что вы сможете меня понять... Да, я хочу будущего, дочь народа Рокка. Для всех нас. Для этого Мира. И в первую очередь для R'ea-Kitarr... В нашем прошлом пролито достаточно крови, собственной и чужой. Боги этого Мира дали нам второй шанс — попытаться жить. И мы жили, на первых порах с удивлением ощущая, как сладок вкус мяса только что загнанного оленя, поджаренного на костре в компании охотника из соседнего рода... Какие удивительные топазы и хризолиты рождают эти горы: даже гномы одобрительно цокают языками, покупая эти сокровища у нас. Какая гибкая и прочная кора у растущего в этих местах дерева кэррио — эльфы, признанные ценители прекрасного, выискивают наши циновки и плетёные цепи на ярмарках и торгах... Ныне мой народ един так, как никогда прежде не был... — сверкнул глазами он. — Женщины одного племени свободно берут себе мужей из другого. На свет появляются здоровые и крепкие дети, чьи матери и отцы учат их охотиться, рыбачить, исследовать, беречь, жить в гармонии с лесом и окружающим Миром — однако не воевать... Да, мы не способны к магии!... — в его голосе звучало всё больше и больше чувств. — Но это значит, что мы никогда не обратим её друг против друга, как это было прежде. И как, несомненно, произойдёт снова, стоит Дагону «наиграться» и оставить нас самих по себе... То, что было, не должно повториться! Никогда...

— Похоже, среди своих ты в меньшинстве... — осторожно заметил Антонио.

Ранамон горько усмехнулся.

— В подавляющем... Практически каждый из ныне живущих мэрато грезит о возвращении былого величия, не считая предложенную цену слишком высокой. Я тоже...

пришёл к тому, что есть, не сразу. Хотя задумываться начал ещё до того, как пятнадцать лет назад Карсиндар убедил Совет Племян в том, что настало Время... Примечательно, — заметил он, снова взглянув на Шаэ, — что парой десятков лет ранее агмарилл хотели преподнести эльфам. Однако в последний момент Старейшие всё же решили подождать...

Глаза Шаэриэнн неистово полыхнули.

— И ты... бездействовал все эти годы?! Всё то время, пока ваш проклятый подарок перекраивал по-своему Мир...

— Я действовал! — прервал эльфийку псоглавец. — Так, как мог... Не забывай, я один. А за мной — лишь пятьсот сорок две Свечи, горящие в этом Храме. И рукоять ворота в руках, способного повернуть судьбу Мира... Я не имел права на ошибку — даже на одну-единственную. Поэтому — наблюдал, думал, сопоставлял факты. Старался побольше узнать о набольших ваших рас, пытаюсь понять, к кому из них можно обратиться за помощью. И говорил, говорил с предками прежних мэрато, видевших гибель старого мира...

— Они поддерживают тебя? — спросил я.

— Да, — В голосе Ранамона зазвучала стальная уверенность. — Это они подсказали мне, когда и с чего следует начать... Они провели меня безопасной тропой через самое сердце Зова-в-Вечность, позволив надёжно укрыть в нём следы освобождённых каторжан... И именно они указали на вас, приехавших разыскивать беглецов, как на тот единственный шанс, который я так долго и безуспешно искал.

— Так где же беглецы? — вмешалась Тира.

— Мы встретимся с ними в моём доме в селении, — псоглавец провёл по темени ладонью, приглаживая вздыбившуюся шерсть. — Я долго присматривался к ним прежде, чем решиться на этот рискованный шаг... Они тоже знали, что обещанная свобода достанется нелегко, однако, не колеблясь, согласились.

— Как это у тебя получилось? — спросила эльфийка.

— Я контролирую форт и охрану заключённых... — Ранамон пожал плечами. — Собрать чужими руками нужный сводный отряд для работы на Дальнем прииске не составило труда. Несложно было сделать слепки ключей, изготовить копии и заранее спрятать их в раскопе в условленных трещинах камня. Но дальше я мог только отвлечь Палача — всё остальное зависело от них... Из пятерых выжили двое. Однако они... — он пошевелил пальцами, подбирая слова — ... в высшей степени необычные.

— Почему?

— Поймёте, когда познакомитесь с ними.

Псоглавец дёрнул ухом — насколько успел понять, этот жест у них выдавал волнение.

— Предки недаром благословили их. Это у них появилась идея, как уничтожить Песочные Часы...

* * *

Мы возвращались в посёлок, снова накинув капюшоны на лица. Теперь нас вёл Ранамон. Его дом оказался совсем близко — почти у самой скалы. Я ожидал увидеть какие-то внешние признаки того, что здесь живёт мэрато, однако их не было. Дом главы племени ничем не отличался от всех прочих жилищ.

Пологом, прикрывающим вход, служила шкура пещерного медведя. Подвинув её плечом,

псоглавец переступил порог первым, давая понять, что внутри нас не ждёт ничего дурного. Несмотря на всю напряжённость ситуации, мне стало забавно: после всего, что он рассказал и что мы видели в Храме Памяти, наивно было бы именно теперь опасаться ловушки...

В просторной комнате нас дожидался Ранован, суется у очага, хитрым образом устроенного в глубокой стенной нише. Огонь внутри горел ярко, служа также источником света в единственном помещении; дым же стягивался к узкому окошку под потолком, и воздух оставался чистым. В ответ на короткую отрывистую фразу, произнесённую мэрато с порога, юноша покорно склонил голову и поспешил уйти, не забыв, впрочем, перед этим наполнить кружки, стоящие на столе, источающим ароматный пар травяным напитком. Я обратил внимание, что кружек было семь.

— Присаживайтесь, — Ранамон широким жестом указал нам на каменный стол, занимающий значительную часть места посреди комнаты. — Я отправил Ранована за теми, кого вы разыскиваете. А пока — утолите голод и жажду...

В центре стола стоял большой котелок с горячей мясной похлёбкой. Мэрато сам разлил её по тарелкам, подал пример, пробуя первую ложку. Мясо оказалось олениной, а суп, хоть и густоватым, но вполне приятным на вкус. Непривычно было есть такое блюдо без хлеба или лепёшки, однако псоглавцы, похоже, совсем не употребляли этот продукт.

Ти́ра и Тонио тоже не заставили себя уговаривать. И лишь Шаэриэнн почти ничего не ела, лишь для приличия шевеля ложкой в тарелке.

— Ваши предки... Они способны предвидеть будущее? — обратилась она к псоглавцу.

Ранамон покачал головой, но вопросу не удивился.

— Нет, это не так. В их силах скорее почувствовать, что должно произойти. И подавать знаки, верен или нет твой выбор...

— Я о заключённых, которых ты освободил...

— Я понял, что тебя интересует. Нет, я не знал, какую роль им отведёт судьба... Предки благословили меня, дав понять, что я действую правильно, однако ничего более сказать не могли... На самом деле я подыскивал тех, кому смогу доверить всё это и выпустить в большой мир затем, чтобы предупредить об опасности и получить помощь. Все пятеро принадлежали к древним и непростым родам своих племён, так что должны были знать, как, вернувшись, обратиться к самым надёжным из своих вождей... Каждый из них, пройдя годы каторги, сумел сберечь в себе личность, не опустившись до уровня животного или раба... И самое основное — все эти личности проявили черты, которые, как я надеялся, перетянут чашу весов, когда будет решаться судьба всего моего народа. Они умели сочувствовать и сопереживать... В итоге из пятерых в живых остались двое. Оба были ранены и измождены. За это время они окрепли и почти излечились, и я уже готов был отправить их в путь — когда на Копях появились вы...

Медвежья шкура на входе дрогнула, прерывая речь Ранамона. Рэи-мэрато поднялся из-за стола и сделал шаг к двери; мы последовали за ним. У порога возник Ранован, пропуская внутрь двоих в точно таких же, как у нас, одеяниях, скрывающих фигуры и лица.

Первый из вошедших, по-свойски кивнув Ранамону, поспешил сбросить капюшон, едва переступил порог. Это был гном — плечистый и коренастый, с густой шапкой пепельных курчавых волос, носом-«картошкой» и цепкими светлыми глазами. Судя по всему, он был молод, хотя возраст мешала определить неизменная борода, которую у этого народа не носят лишь женщины и малые дети... Остановившись у входа, он скрестил руки на широкой груди, окидывая всех нас дерзким взглядом с прищуром, в котором смешались вызов и

любопытство.

Следом за гномом в помещение шагнул высокий эльф. Бледная кисть руки с длинными пальцами также потянулась к капюшону... и замерла, так его и не коснувшись. Тёмная фигура без движения застыла на пороге. Взгляд невидимых нам глаз был направлен вперёд...

Я непроизвольно покосился за плечо. Шаэриэнн... И увидел, что эльфийка, точно его зеркальное отражение, утратив способность двигаться и дар речи, как будто приросла к полу.

Похоже, это успел заметить только я один.

— Торгрин, — мэрато представил нам гнома. — И...

Вздрогнув всем телом, эльф качнулся вперёд.

Я сделал маленький шаг вбок, заслоня собою Шаэ...

Однако высокая фигура вдруг плавным движением опустилась на одно колено. И убрала капюшон с лица.

— Teinne'ho dvarne leithe ve Akira-nai... — зазвучали произнесённые тихим, но чётким голосом незнакомые мне слова. — Settorino vaho y diembre daenne...

Он медленно поднял голову. Прямые тёмные волосы, скрывшие лицо, упали назад на плечи. Бледная до синевы кожа... тонкие черты... Лишь глаза, пылающие странным бирюзовым огнём, казались единственно живыми на каменном лице статуи. Эти глаза не мигая смотрели вперёд, но видели, казалось, только Шаэриэнн...

За моим плечом послышался то ли стон, то ли сдавленный хрип... Эльфийка поднесла руку к горлу, скомкала воротник, точно в припадке удушья...

Не представляя, что происходит, я дёрнулся к ней. Коснулся локтя... но внезапно Шаэ с невесть откуда взявшейся силой оттолкнула мою руку прочь и рванулась вперёд...

Теперь от неожиданности застыли мы все, включая гнома и обоих псоглавцев.

Мгновение — и Шаэриэнн, смеясь и рыдая, точно блаженная, рухнула рядом с темноволосым на колени и... кинулась ему на шею, обхватив так крепко, точно желала задушить.

— Viderrie!... Viderrie!!! Hermeanno... Hermeanno-nai... A'... Kari... aell...

Крик перешёл в шёпот... Шаэ уткнулась ему в плечо и затихла.

Эльф вздрогнул ещё раз — зарываясь лицом в каштановые волосы и прикрывая глаза.

Его бледные руки, скользнув по её спине, сомкнулись в кольцо объятия...

Глава 7

В глубинах гор

Шаэриэнн

Весна медленно, но уверенно вступала в свои права. И чем дальше мы двигались к полудню и закату вдоль Имперской границы, тем это становилось заметнее.

Снег в здешних краях давно уже сошёл, обильно напитав лесную почву влагой. Кусты и деревья с наслаждением избавлялись от рамок строгости и однообразия, навязанных им зимой, торопясь на все лады украсить ветви франтоватыми шишечками почек. А яркие первоцветы, то и дело попадаясь на глаза, днём отважно боролись за мимолётные ласки вешнего солнышка, а ночью яростно соперничали с заморозками, неизбежными до сей поры...

Глинистая земля под примеченным мною раakitным кустом уже успела подёрнуться зеленоватым пушком первой молоденькой травки. И лишь в одном месте — там, где комки почвы казались аккуратно взрыхлёнными лопатой — зияла небольшая, но вполне заметная в зыбкой ночной темноте проплешина.

Я ждала. Без движения, без единого шороха — даже дыхание затаила.

Когда верхний пласт, легонько дрогнув, вдруг рассыпался в стороны мелкой пылью, я окончательно уверилась: нет, не ошиблась... И покрепче стиснула пальцами рукоять кинжала.

Глаза, привыкшие к темноте, уловили движение. Из-под земли, извиваясь, словно червяк, на поверхность выскользнул толстый гладенький корешок, матово поблёскивая в неровном лунном свете. Несколько раз ткнулся кончиком — «щупальцем» по сторонам, замер на пару мгновений, но опасности не почувствовал. И потянулся дальше, окончательно осмелев.

Я знала — у меня только одна попытка.

Рывок! Комья земли брызнули в разные стороны. Вцепившись левой рукой в отчаянно извивающееся скользкое растение, правой стремительно взмахиваю кинжалом...

Телмарис в единый миг втягивает корни под землю — можно лишь подивиться такому проворству — но кусочек размером с ладонь всё же остаётся у меня в руке. Трепыхнувшись пару раз, корешок замирает, вместе со связью с растением утратив всю прыть, и я перевожу дух.

Успела!...

Теперь можно и назад.

Спрятав драгоценный «улов» в холщовый мешочек у пояса, я направилась обратно в сторону костра, на ходу вытирая тряпицей перепачканные в земле ладони. Но, сделав по тонкой тропинке лишь несколько шагов, остановилась и подняла голову, даже не пытаясь сдерживать улыбку.

А'Karjaell, поджидающий меня впереди, пошевелился, прекращая изображать изваяние, и так же тепло улыбнулся в ответ.

— Вижу, что охота удалась...

Фраза на Россал'ienquaа, сказанная таким родным голосом наяву, а не в мираже тягостных воспоминаний, звучала лучшей музыкой в Мире.

Я кивнула, не скрывая радости:

— Да! Сегодня Торгрину повезло... — Теарр-Созидатель!... Почти десять дней в пути, а на родное наречие перехожу до сих пор лишь после запинки! — Мазь будет готова уже через пол-оры... А заживляющие свойства у этого вёрткого чуда Природы — потрясающие! ...

Мой Страж Судьбы легонько посторонился, дожидаясь, пока я поравняюсь с ним, и двинулся дальше шаг-в-шаг вместе со мной.

— Я могу помочь?

— Можешь, Кар, — искренне ответила я. — Просто... побудь рядом, ладно?

В ответ он легонько приобнял меня за плечи.

— До сих пор не могу поверить, что ты жив... — вырвалось у меня.

— Ria... — чуть слышно выдохнул он мне в висок. — В тот день... я умер вместе с тобой на Теондарре. До сей поры лишь жажда возмездия держала меня в этом Мире, моей персональной Преисподней, ни на миг не давая забыть о том, что не смог защитить... уберечь...

Теондарр.

На мгновение перед глазами слепяще полыхнуло солнце. Яркие блики на волнах стремительной реки... на чёрных лезвиях агмарилловых мечей.

... Их слишком, слишком много. Они не жалеют сил, не считают средств, не щадят себя. Они знают, что уже победили.

... Deanoгг и Lu'Avenn бьются спина к спине... и уходят точно так же, вместе, с разницей в один вздох. Миг, когда я перестаю их чувствовать — моя смертельная рана. С ней не выжить... даром что тело, каким-то чудом оставаясь на ногах, ещё продолжает этот безумный обречённый бой...

... A'Kariaell держится дольше всех. Ещё удар... ещё... Разворот, блок в прыжке — но его время, как и моё, уже на исходе. Шаг, полшага... вот и всё. Он поскользывается на щедро залитой кровью шелковистой траве...

Я вижу, как сразу три агмарилловых клинка пронзают грудь моего последнего Стража... и мою Судьбу, оставшуюся без защиты, в следующий миг сминает и плющит, точно оловянную заклёпку, сокрушительный молот боевого заклятья...

— Ria... Ria!... — Мои плечи уже не обнимали, а беспокойно трясли.

Я с усилием отогнала воспоминания прочь и призналась:

— Я ведь больше не чувствовала тебя... И оплакала вместе со Стражами Сердца. Твои раны... Они ведь не оставляли шансов.

A'Kariaell криво усмехнулся.

— Нет, не оставляли... Я уже вполне уверенно шагал по Вечному Пути, выбирая дорогу. Однако Чёрным вдруг в последний миг почему-то вздумалось выдернуть меня обратно... И, что самое странное — им это удалось.

Я мельком взглянула на свои руки, вспомнив седого Магистра Проспериио и его лекарский талант.

— О, да. Людям многое под силу — даже без агмариллового подспорья. В свете того, что рассказал Ранамон, это многое проясняет...

— Я много думал об этом, — признался A'Kariaell. — Хотя представить, что некогда мы

с ними были близки, словно братья, не могу до сих пор...

— И тем не менее, это так, — со вздохом произнесла я. — Книги, подкрепившие слова псоглавца, не оставляют повода усомниться. Хотя те, кому была выгодна эта вражда, изрядно постарались... За прошедшие века между Росса и людьми было вбито столько клиньев, что выдёргивать их предстоит долго и тяжело...

— Если вообще возможно.

Я с удивлением подняла глаза, уловив в голосе моего Стража незнакомые прежде нотки. Раздражение, скепсис, и... едва прикрытая злость?

И поразилась вновь, увидев, что А'Kariaell намеренно избегает моего взгляда, упрямо высматривая впереди на дороге нечто, чего там не было и в помине...

Tearr-Созидатель!...

Семь лет, проведённых порознь, в этот миг показались мне чудовищной пропастью. Что эти годы сделали с тобой, мой Страж Судьбы — ироничный, спокойный и всегда уверенный в лучшем исходе? Неужели я теперь совсем не знаю тебя?

А... я? Кто теперь я сама? И узнаёшь ли нынешнюю меня ты?...

Всё это молнией пронеслось у меня в голове. Я едва сумела сдержать нервную дрожь во внезапно похолодевших руках и не выдать собственные чувства. Вслух же поспешила ответить как можно спокойнее:

— Придётся, Кар. Это — единственная возможность выжить в Мире — как для нас, так и для них. Выжить и не утопить его в крови, повторяя печальную судьбу Peirro'cabaess...

А'Kariaell промолчал, но я заметила, как упрямо сжались его губы. К счастью, в поле зрения уже показался костёр, и больно ранящая тема, которой мы поневоле коснулись, до поры до времени затухла сама по себе.

На поляне, которую мы выбрали для ночного привала, похоже, царил идиллия. Антонио, вооружившись мешочками с провиантом, уверенно подсыпал крупу и сухие грибы в аппетитно булькающий над пламенем котелок. Параллельно он успевал давать наставления Тире, которая, пристроившись рядышком на большом валуне, старательно вычаровывала огненный пульсар. Торгрин, сидящий по другую сторону костра, наблюдал за ними обоими с лёгкой усмешкой, не скрывая, впрочем, своего интереса. Правой рукой, малоподвижной из-за раны, он придерживал большое полено, левой же ловко управлялся с топориком, откалывая от деревяшки ровные тоненькие чурочки.

Заметив нас, Тонио улыбнулся и махнул рукой:

— Скоро всё будет готово... Так что надолго не исчезайте.

— Спасибо, — кивнула я. — Мы здесь, рядом. Хочу до ужина закончить лекарство.

— К чему это, хоть убей, не пойму... — топорик чуть смазал удар, и гном с досадой отбросил забракованную плашку. — И так заживает, как на скагарровой шкуре! Лучшее лекарство — кружка доброго эля!... Да хоть пару глотков — и больше ничего не надо!...

— Я знаю, — невозмутимо ответила я: ворчание Торгрина по любому поводу уже давно не удивляло. — Но с мазью заживёт ещё быстрее.

— Доверься Ria, Тор, — подал голос А'Kariaell. — Она знает, что делает.

— Так ты поймала корешок? — поинтересовалась Тира, не отвлекаясь от своего занятия.

— Да. — Я перебрала стопку глубоких мисок у костра, разыскивая подходящую. — Сейчас разотру с травами и наложу компресс. Пара дней — и будешь, как новенький...

— Я и так вполне себе не старый, — буркнул Торгрин под нос, разумеется, оставляя

последнее слово за собой.

А'Kariaell с усмешкой покачал головой, направляясь вместе со мной на дальний конец поляны, где паслись лошади.

— Вредничает, — прокомментировал он, снова переходя на родной язык. — Не обращай внимания. На самом деле Тор не будет тебе перечить... Он весьма умён и рассудителен. И хороший друг, а это всё так, наносное.

— Да я это давно уже поняла, — рассеянно отозвалась я по-прежнему на имперском. Кажется, нужный мне порошок так и остался в маленькой сумке, притороченной к седлу. Хотя уверена я совсем не была...

Поклажа была сложена под кустами, рядом с рассёдланными лошадьми. Мирри встретила меня радостным ржанием. Я погладила её по носу, обходя и делая шаг к сумкам, и едва не вскрикнула, когда из темноты мне навстречу выступил Альтар со скребком и куском войлока в руках.

— Шаэ?...

Его взгляд тут же переместился выше, за моё правое плечо.

— Напугал? Извини...

Слова звучали вполне мирно и были адресованы мне, но я мгновенно почувствовала, как он напрягся.

— Нет, что ты. Всё в порядке, — быстро ответила я, наклоняясь к сумке. — Мне нужен порошок нимерики, чтобы приготовить Торгрину мазь. Помню, что он был где-то здесь...

При этом я успела кинуть тревожный взгляд назад. Ну разумеется!... А'Kariaell молча замер в шаге позади, и глаза его сузились совсем недвусмысленно.

— Посмотри, — Альтар пожал плечами, подчёркнуто неторопливо отворачиваясь к лошадям. — Я просто сложил вещи, как были, ничего не трогая.

Кивнув, я принялась быстро изучать содержимое седельного мешка. Ashratt!... Ну где же, где проклятый порошок? Краем глаза я видела, как Альтар, отойдя к Демону, ощипывающему поодаль с кустарника молодые побеги, принялся умелыми движениями чистить шкуру коня. Однако даже спина его, казалось, излучает неприязнь и неприкрытый вызов.

Бездна! Ну почему это так?!

Напряжение между Альтаром и моим Стражем возникло практически с самого момента их знакомства — и как ни силилась, поделаться с этим я ничего не могла...

Ворчливый Торгрин на самом деле вписался в нашу странную компанию без труда. А вот А'Kariaell — всегда, сколько я его знала, бывший своим в любом обществе — нашёл общий язык с Антонио и Тирой, но Альтара категорически не принимал. Впрочем, Каратель платил ему той же монетой... И я даже не могла поручиться, кто из них первый начал эту странную молчаливую вражду — непризнаваемую, но от того не менее сильную. За минувший десяток дней я сбилась с ног, пытаюсь начистоту поговорить и с одним, и с другим, но так ни в чём и не преуспела. Оставалась надежда, что, делая одно дело, они постепенно разберутся друг в друге и «притрутся» — но пока ничего так и не двигалось с мёртвой точки. Альтар с моим Стражем упорно игнорировали друг друга и избегали встреч. И всякий раз их вынужденные столкновения лицом к лицу заставляли меня нервничать и волноваться...

Вот и сейчас А'Kariaell не шевелился, с ослиным упрямством продолжая прожигать спину Карателя глазами. Я прикусила губу и попыталась побыстрее найти тряпицу с

порошком — но, как назло, второпях выронила сумку из рук, рассыпав по земле свёртки и флаконы. Хвала Ночи — хоть это заставило моего Стража отвлечься... Опустившись рядом на колени, он принялся мне помогать. Вместе мы быстро справились с неприятностью и нашли среди разбросанного добра то, что я искала.

— На твоём месте я бы ему не доверял... — внезапно услышала я, когда уже держала в руках злосчастный порошок.

— О Ночь! Кар! — я возмущённо уставилась на своего Стража. — Аль... Он — друг. Как ты не понимаешь...

— Он — Каратель, Ria! — Неслыханное дело — А'KaríaeII перебил меня, сверкая глазами! — Каратель Ордена! А эти твари «бывшими» не бывают... Он уничтожит тебя, стоит тебе неосторожно повернуться к нему спиной!...

— Ashratt! Он уже не раз прикрывал мою спину! Так же как и я — его! — не выдержала я.

Опомнившись, заставила себя подавить чувства и постаралась заговорить со Стражем спокойно:

— Послушай! Я ведь уже рассказывала тебе...

— Шаэ есть на своём месте, — внезапно вмешался в наш диалог третий голос, звучащий слегка хрипловато. — И способна сама разбираться с тем, кому следовать доверять, а кому нет.

Ночь!...

До сих пор я ни разу не слышала, как Альтар говорит на 'lenguaa... Он немного коверкал слова, но произносил их чисто и чётко, почти без акцента.

От неожиданности я на миг растерялась.

— Надо же, — поднял брови А'KaríaeII. — Он знает нашу речь?...

— Я тоже положен удивляться тому, что ты осилил имперский? — в голосе Альтара явственно прозвучала издёвка.

— Успел выучить в пыточной, пока истязал пленных? — разумеется, тут же подхватил вызов Страж.

— Нет, в бою. Много слышал, как такие, как ты молить пощаду, когда против вас не дети и не старики, — мгновенно парировал Каратель.

— Хватит!!! — рявкнула я.

Вскочила на ноги, и для пущего веса повторила ещё и на имперском:

— Хватит уже! Прекратите, сейчас же — оба!!!

Как ни странно, но они действительно замолчали. Альтар снова занялся шкурой Демона, перед тем хрипло откашлявшись в кулак. Ночь — а он ведь, похоже, действительно простыл...

А'KaríaeII легонько коснулся моей руки.

— Прости меня, Ria. Меньше всего я хотел расстроить тебя...

Я молча сунула свёрток за пазуху и развернулась обратно к костру. Страж двинулся за мной, но не успели мы сделать и двух шагов, как он, полуобернувшись, презрительно проронил уже на имперском:

— Чтоб ты знал, Shae — на Россa'lienquaа означает «ястреб».

В ответ немедленно прозвучало:

— Чтоб ты знал, Риa — по-человечески вид сорной травы.

Я в отчаянии замотала головой... Теарр-Созидатель!... Ну сколько же так можно?!

Подавила стон бессилия и попросту сбежала от них обоих прочь — к костру, манящему спокойной беседой, теплом и вкусным запахом кулеша.

Здесь по-прежнему ничего не изменилось. Лишь Торгрин, прихватив свои дощечки, перебрался поближе к Антонио, и теперь они кашеварили вдвоём, одновременно негромко что-то обсуждая.

Не желая мешать им, я тихонько заняла место гнома, разложила на освободившемся камне бутылочки и свёртки с нужными компонентами и принялась готовить мазь.

Как раз напротив меня оказалась принцесса. Сквозь колеблющуюся завесу пламени между нами мне было хорошо видно, как в её руках набирает силу новый огненный шар. Прикусив от усердия кончик языка, Тира тянула энергию прямо из горящего костра — очевидно, именно этому приёму её обучил наш чародей, и теперь она закрепляла умение на практике.

Привычная работа успокаивала и отвлекала от дурных мыслей. Краем глаза я заметила, как следом за мной из окружающей поляны темноты вынырнул А'Kariaell. Постоял немного поодаль, очевидно, ожидая моей реакции, а затем, подойдя ближе, виновато склонил голову и мягко опустился на брошенный на землю плащ. Теперь у костра осталось лишь одно свободное место, слева от меня — однако и оно пустовало недолго. Альтар неслышно появился с другого конца поляны — так, будто шёл вовсе не от лошадей — и, расчехлив меч, коснулся точильным камнем клинка...

— Ну вот, все в сборе... — в голосе Антонио прозвучали виноватые нотки. — А проклятое пшено всё никак не соизволит развариться!... Я уже начинаю думать, что оно тоже подверглось воздействию Седонских чар...

— Ерунда! — тут же ворчливым баском откликнулся Торгрин. — Зерно в Седоне не растёт. Его везут сюда от вас, имперцев, и понемногу от нас, когда на высокогорьях Верхней Рубии случается избыток урожая.

— Такое бывает? — поинтересовалась я, методично орудуя толкушкой. — Ведь Рубия сама вынуждена закупать зерно, чтобы прокормить себя...

Торгрин набычился, точно я произнесла что-то донельзя обидное.

— Раньше часто бывало! — отрывисто бросил он. — Когда в Верхней Рубии проживало так же много детей народа Гор, как и в Нижней... Когда все перевалы были открыты, все мастерские работали в полную силу — на мир, а не на войну! — и нежить не пёрла из-под земли, точно тесто из забытой растяпой кадки!...

— А Мастер-Кузнец, к которому мы едем... — вполголоса вступила Тира, — Он живёт в Верхней или в Нижней части вашей страны?

— Без малого восемь лет тому жил в Нижней, — буркнул гном. — Но, насколько я его помню, он никогда не мог долго усидеть на одном месте...

Он сгрёб широкой ладонью охапку наколотых щепок и подкинул в огонь под котелок, проворчав:

— Если б ехали через Малахитовый, уже давно бы успели... Спустились бы прямо в Райне, а оттуда Глубинными путями до Митрога — рукой подать...

— Малахитовый перевал уже три года, как вами запечатан, — заметила принцесса. — Так же, как Угольный и Снежный...

— Мы пытались помочь вам отстоять последний, — подал голос Альтар. — Рубия обратилась к Империи за помощью, Рожерион немедленно послал несколько сводных отрядов Рыцарей Тьмы и солдат...

— И? — колочае произнёс Торгрин.

Альтар виновато покачал головой.

— Нежити было слишком много... — признался он. — Копальни вместе с перевалом пришлось завалить.

— Дхайне варга! — выругался гном, сжав кулаки. — Лучшие угольные шахты страны! ... Саггар! Если даже из пяти Восходных перевалов действует лишь один... За эти треклятые семь годов от Рубии вообще что-нибудь осталось?

У костра повисло молчание — ответ на этот вопрос звучал бы куда более жестоко, чем всем известный факт, что в гномьей стране плохо родят зерновые...

Длинная горная гряда, изогнутой спиной огромного дракона протянувшаяся вдоль закатных имперских границ, от себя былой сохраняла теперь лишь территорию... Обескровленная, полностью выжатая войнами Крови и Огня, Рубия — страна суровых горняков и мастеровых — так и не смогла полностью возродиться к прежней жизни. А волны нежити, буквально затопившие ущелья и предгорья в последние годы, практически изолировали горы-города как друг от друга, так и от поселений людей. По слухам, всё было настолько печально, что даже знаменитые Глубинные Пути — сеть подземных артерий в толще камня, протянувшихся по всей стране — сейчас были доступны гномам хорошо, если наполовину...

Толкушка едва не выскользнула из руки. Я поудобнее перехватила посудину с мазью, намереваясь сменить тему, однако Тонио меня опередил:

— Знаешь, — обратился он к гному, — эта ваша идея — сплавить агмарилл и терибальт — всё никак не даёт мне покоя... Мне хорошо знакомы оба эти металла. Да, терибальт хорошо поддаётся воздействию магии — однако сам по себе он исключительно податлив и мягок... С ним практически невозможно получить прочный сплав...

Торгрин передёрнул плечами.

— Что я, по-вашему, никогда не имел дело с терибальтом? — нехотя произнёс он. — Идея не наша. Взяли займы у Вэлиона с его чернокнижниками... Когда я первый раз увидел такую кирку — её велено было опробовать — меня едва не разобрал смех... Да любой, кто хоть раз брал в руки кузнечный молот, скажет вам, что эта штука годится лишь на украшения и амулеты, которые предстоит после зачаровать!... Однако в первый же день в забое я ощутил себя ни много ни мало — безбородым юнцом, который ничего не смыслит в металлах...

— Перед тем, как попасть на арену, — вступил A'Kariaell, — я провёл несколько лун на рудниках... Работая обычной киркой от рассвета и до заката, каждый из нас едва вырабатывал за день неполную тачку породы. Я и сейчас помню, как тяжело удавалось отколоть даже самый крохотный кусочек...

Пальцы Стража, крепко сжатые в замок, хрустнули, выдавая, как нелегко ему даются воспоминания.

— Потом, уже следуя совету Ранамона, я «сорвался с цепи», чтобы меня вернули в забой. Памятуя, как было вначале, я готовился к мучительной изнуряющей каторге, и лишь призрачная возможность обрести свободу давала мне силы верить, что я продержусь. Вот тогда я с изумлением увидел, что эти новые кирки дробят агмарилловую жилу как обычный камень, превращая добычу руды в тяжёлый, но вполне посильный труд...

— Правда, если бабахнуть этой дурой по чему-то иному, — подал голос гном, — плющило её в один миг, что твой блин... Терибальт, он и есть, дхайне тавва!... Да и хватало

такой кирки от силы дней на пять.

— То есть? — подняла брови принцесса.

— В один прекрасный момент от удара она разлеталась, словно фарфоровая или стеклянная, — пояснил Каг. — Тогда её попросту заменяли на новую.

Я заметила, что Антонио серьёзно задумался — казалось, даже перестал дышать. Как бы и вправду не сгорел кулеш...

— Постой! — внезапно спохватилась я. — Но как же ты, Торгрин и остальные заключённые не из числа людей могли держать такой инструмент голыми руками? А мгновенные ожоги? Раны и язвы, заживающие с большим трудом?!

Страж развёл руками.

— Я сам был потрясён, Ria. Но... ничего такого не было и в помине. Так, словно в руках была самая обычная кирка — тяжёлая и не очень удобная, но и только.

— Но как же им это удалось? — я в очередной раз едва не выпустила из рук многострадальную мазь.

— Как сплывили, догадываюсь, — вмешался Торгрин. — Много размышлял на досуге. Не так уж это и тяжело, когда б была сноровка и нужный инструмент... А вот как удалось агмарилл настропалить против агмарилла — да так, чтобы нас, нелюдей, он и вовсе не замечал... — гном едко усмехнулся, — ... то уж вам, чародеям, должно быть видней.

Агмарилл против агмарилла.

Я уже не раз задумывалась об этом и всякий раз склонялась к тому, что Торгрин, пожалуй, прав. Кровь бога, создавшего Песочные Часы, должна обладать потенциальной способностью их уничтожить. И если чародеям Вэлиона удалось заставить агмарилловую кирку вгрызаться в агмарилловую жилу — то, должно быть, есть возможность обратить дар Дагона в оружие, чтобы направить против другого его же дара...

Ashratt! Понять бы, как Вэлиону это удалось...

Внезапно ответ с пугающей ясностью всплыл перед моими глазами.

Цепочка каторжников в очереди за обедом... Маг, бросающий что-то в жестяные миски... «Лекарство» от губительного воздействия агмарилла на магов нечеловеческих рас, вызывающее странное привыкание...

Бездна!...

Нет, эта дрянь не просто подавляла магическую силу, как мне показалось тогда. Она искру за искрой вытягивала у этих несчастных их собственный Дар, ослабляя и делая менее восприимчивыми к проклятому металлу... А дальше? Дальше достаточно передающего заклинания — да хоть вплетённого в тот самый паршивый Ошейник! — и крохотные частички Силы, сливаясь в единый поток, послушно устремятся в нужном направлении, наполняя искусственный Источник...

... Время, проведённое у Песочных Часов, не было потрачено орденскими магами зря. Сотворённое ими подобие божественной «игрушки» наверняка было примитивным и слабым — но лишь в сравнении с ней. Силы на то, чтобы зачаровать терибальт, заставляя агмарилл в составе сплава с остервенением рубить самое себя, им хватало с избытком. Благо, источники её в Седонских Копях не переводились — Чёрные Плащи исправно поставляли на каторгу всё новых и новых «Отвращённых», примерно половина из которых не являлась людьми...

Я подняла глаза, собираясь озвучить остальным свою догадку — и не успела.

Уже изрядно «накачав» шар огненной силой, Тира Рожерия, ещё не осознавая, что

делает не так, случайно «зацепила» порыв ветра, взметнувший облако искр...

— Вверх! — рывкнула я.

Принцесса, вздрогнув от неожиданности, послушно вскинула вверх ладони — но было поздно. Шар, сверкнув всеми цветами радуги, скачком увеличился вдвое и, сорвавшись с её пальцев, стремительно понёсся вперёд — прямо на меня.

В принципе, ничего страшного не случилось — сгусток энергии не был сильно велик и поглотить его не составило бы труда даже новичку. Я выставила ладони перед собой, готовясь перехватить сверкающую «звезду» и перенаправить её силу обратно в костёр...

В тот же миг в пяди передо мной, глухо звякнув, сошлись клинки: тяжёлый полутораручник Альтара и чуть более короткий прямой меч моего Стража... Оба они успели среагировать на грозящую мне «опасность», и оба собирались сделать одно и то же: принять на меч летящий на меня магический шар. Но клинки скрестились, намертво блокируя друг друга — и шар, без труда промелькнув между замерших в воздухе лезвий, благополучно «угомонился» в моих руках.

— Боги! Шаэ... прости!... — пробормотала Тира заплетающимся от волнения языком.

— Да ничего... — я украдкой перевела дыхание, разминая ладони. — Только лучше всё же предупреждай, когда в следующий раз решишь поиграть в мяч...

Моя ирония не разрядила обстановку. Тонио и Торгрин, застывшие от неожиданности, наконец, обрели способность шевелиться. Маг пошатнулся, едва не свалившись в костёр; гном тихо выругался под нос, успев прикусить язык...

А'Karíael и Альтар продолжали, тяжело дыша, без движения буравить друг друга взглядами. Наконец, словно спохватившись, они медленно потянули клинки назад.

Бросив ложку в котёл, Антонио осуждающе покачал головой.

Тира спрятала пылающее от стыда лицо в ладонях...

Однако маг смотрел вовсе не на неё.

Альтар

Митрог.

Это имя вполне подходило сказочному великану, способному взвалить на плечи небесную твердь. Век за веком он терпеливо держит свой тяжкий груз, изредка покряхтывая от натуги, и совершенно далёк от мысли о том, что на самом деле является всего лишь камнем — исполинским пиком бескрайней Пограничной гряды...

Митрог, небрежно прикрывший подножие и склоны ошетилившимися складками хребтов и гребней, встретил нас, едва только мы вынырнули из леса, и больше без присмотра не оставлял. Казалось, сам его вид прибавлял Торгрину силы: мрачный гном оживал на глазах, довольно шурился, разглядывая, как играет солнце на камнях, с помощью света и тени высекая из скал диковинные фигуры.

— Это Кузнец, — то и дело пояснял он, указывая рукой на очередной живописный отломок. — Рядом с ним — Уставший Лев. Лежит, положив голову на лапы... А вон там, дальше — Гигантская Улитка...

— Вижу! Вижу, вон она, рогатая — ползёт вверх! — Тира азартно крутилась в седле, радуясь, как ребёнок.

— Если я правильно помню, где-то здесь должен быть Козопас? — Тонио задал вопрос

гному, но сам с мягкой улыбкой глядел на принцессу.

— Правда твоя, чародей! — довольно крикнул Торгрин, почувствовав ещё одну «родственную душу». — Видишь скошенную вершину вон там, справа? Вон он, Пастух — опёрся на посох и смотрит ниже, в долину. А камни, рассыпанные по склону — его стадо...

Я прилежно вглядывался в нагромождения каменных глыб. Иногда действительно казалось, что за ними проступают некие таинственные персонажи, но куда чаще для меня они оставались просто скалами, выщербленными временем и ветром.

Шаэриэнн тоже задумчиво разглядывала камни. Однако различала ли она что-нибудь в их очертаниях или просто в это время думала о чём-то своём, мне оставалось неизвестно. А вот её новообретённый «телохранитель» явно чувствовал себя неудобно. Он горбился в седле позади эльфийки, изо всех сил стараясь сохранять невозмутимое лицо, однако хмурая гримаса на надменной физиономии смотрелась на редкость нелепо. Что и говорить — в Аэльте любой холм считается высотой, а изобилие голых тёмных камней вокруг, должно быть, претит утончённой эльфийской натуре...

Впрочем, Шаэриэнн, по-моему, горы вовсе не угнетали, взамен сполна одарив своей неприязнью А'Кариэлла...

Я любил горы, и пристальный «взгляд» сурового гиганта, закрывающего собою горизонт, вовсе не был мне в тягость. Улучив момент, я незаметно подмигнул Митрогу — и великан не преминул почтить меня в ответ лёгким бликом с белоснежной вершины. Да, Альтар, ещё чуток — и станешь фантазёром похлеще нашего гнома...

Эта мысль меня изрядно позабавила... впрочем, усмехаться расхотелось, когда взгляд скользнул по руке остроухого, уверенно обнимавшей эльфийку за тонкую талию. Насколько я успел понять, Шаэ с трудом переносила чужие прикосновения. Но А'Кариэлл, похоже, был счастливым исключением — его она, казалось, даже не замечала...

Определённо пользуясь случаем, «Страж» склонил голову к самым её волосам, слегка растрёпанным лёгким ветром. Отдельные прядки то и дело щекотали его лицо, давая возможность наслаждаться их дурманящим запахом...

Тень!...

С долгой дороги что только не полезет в голову... Откуда, Безымянный дери, я могу знать, как пахнут её волосы? И какого демона меня вообще это тревожит?!

Я сердито тряхнул головой, сбрасывая наваждение. Рио обиженно фыркнул, получив шенкеля, но послушно перешёл в галоп, первым вынося меня на тракт, ведущий к перевалу.

Стоило нам выбраться на широкую наезженную дорогу, как ощущение себя одинокими муравьишками, что первыми проснулись весной в вековом сосновом лесу, пропало без следа...

Жизнь на тракте кипела ключом, ни на миг не успокаиваясь. В обе стороны торопились пешие и мчались верховые, двигались подводы и возы всех мастей и размеров, поодиночке и целыми караванами... А городок перед пограничной имперской заставой и в самом деле напоминал растревоженный муравейник, разросшийся до необъятных размеров.

С трудом сориентировавшись в этом шумном пёстром хаосе, галдящем на все голоса, мы разыскали постоялый двор. Однако тут нас ждало разочарование.

— Так ведь торговый же сезон... — усталый трактирщик со вздохом развёл руками, давая понять, что свободных комнат нет.

— В начале весны?! — не поверил Торгрин.

— Да круглый же год, милсдарь гном! — Трактирщик посмотрел на него, словно на

юродивого. — Единый же перевал остался на весь Полночный Закат! Весь купеческий люд... и нелюд только сюда и тянется... Где ж им ещё с вашими-то торговаться?

— А другие гостиницы... — Тира обвела глазами просторный двор.

Ржали лошади у забитой коновязи, протяжно мычали упряжные быки, суетились, сновали туда-сюда, болтали и переругивались люди...

В помещении, судя по гомону и ору из-за дверей за спиной корчмаря, народу было никак не меньше.

— Даже и не суйтесь! — с потаённой гордостью в голосе заверил хозяин. — На несколько лун вперёд комнаты расписаны... Загодя, сталбыть, места заказывают. Всё — и ночлег, и конюшни, и сараи для товару...

— Ashratt!...

Шаэриэнн тоскливо взглянула через плечо, и я увидел, как тает в её глазах надежда на мягкую постель и горячую воду для мытья.

— Опять на тракт? — в сердцах бросила она.

— Ну... — замялся хозяин. — Отчего ж так сразу и на тракт... Может, и ещё чтой-то придумается...

— Говори! — велел я, вкладывая в его ладонь серебряную монету.

— Да тут многие комнаты сдают, с этого и живут... — оживившись, зачастил трактирщик. — Вам, любезные, к старой Заречихе надо — изба у неё большая, добротная, да и сейчас вроде никто не живёт... И вам места хватит, и лошадок поставить будет где...

Обернувшись к приоткрытой двери, он споро кликнул вихрастого мальчишку, снующего меж столами с пивными кружками, и, едва заметно дёрнув глазом, наказал проводить нас к Заречихиной хате. Я мгновенно насторожился, ожидая подвох — однако всё дело, должно быть, оказалось в том, что бабка, которую он нам рекомендовал, приходилась ему какой-либо роднёй или попросту платила откат за постояльцев.

Сама Заречиха оказалась строгой, но вполне вменяемой хозяйкой. Запрошенная ею цена звучала справедливо, две выделенные нам комнаты были тёплыми и просторными.

Обстоятельно попробовав монеты на зуб, она довольно кивнула и поспешила на свою половину избы. Впрочем, почти сразу же хозяйка вернулась, таща крытый чугунок, поверх которого лежала замотанная в тряпицу коврига хлеба, пара луковиц и с десяток яиц.

— Щи... — пояснила она, с размаху грохая чугунок на дубовый стол у окна. — А с этим разберётесь что делать. Стара я уже угощение каждый день стряпать... Чай бабы-то у вас две, сумеют и сами...

— Спасибо, — не моргнув глазом, поблагодарила Шаэ, принимая продукты.

— Сковорода там, — Заречиха кивнула на огромную печь с лежанкой, занимающую весь противоположный угол. — Прочая утварь в сенцах. Разберётесь, — повторила она. — А лошадок своих в сарае привяжите... Чем кормить-поить, там есть.

— Спасибо, — склонил голову я.

Старушка, пошамкав губами, двинулась к себе. Но с порога обернулась:

— Только чтой-то не похожи вы на торгашей, — обронила она. — И товару никакого с собою нет...

— Так мы не торговать, бабушка... — Тира невинно хлопнула ресницами. — Так, по делам едем...

Заречиха окинула всех нас цепким взглядом, слегка задержав его на насупившемся Торгрине.

— А коль не торговать, значит, в гору, — заключила она. — Тогда вы вот что, послушайте... На лошадях туда нельзя. Завтра утречком до Врат через Заставу двинется караван, пойдёте с ними. Они у базара останутся, а вам дальше, внутрь... Если, конечно, гномы пустят. А лошадок своих покуда можете оставить здесь — я покормлю и пригляжу... Там хватитесь, у Врат — да негде будет...

Мы переглянулись.

Торгрин мрачно кивнул:

— Это так. В горе кони не ходоки... Там только одни скагарры и справляются.

— Хорошо. Спасибо, матушка... — я достал из кошелька ещё несколько золотых.

Старушка с достоинством приняла их, спрятав в карман поношенного фартука, кивнула и ушла.

Когда мы поужинали щами и яичницей на сале, нашедшемся среди наших припасов, Шаэ и Тира затеяли стирку грязной одежды — за время наших вынужденных ночёвок в лесу её собралось немало. Антонио принялся помогать, с помощью магии подогревая воду в кадушке и заставляя быстрее сохнуть вещи, которые уже были постираны. Понаблюдав за ними немного, Торгрин, крикнув, вытащил из-за пояса свой топор и отправился на двор колоть дрова. Я собрался было натаскать из колодца воды для стирки и умывания, однако инициативу перехватил А'Кариэлл — вместе с единственным имеющимся в хозяйстве ведром...

Я снова остался не у дел. И, как обычно, отправился к лошадям — тем паче, что забота о них меня несколько не тяготила...

Разумеется, здесь было чем заняться. Я обтёр всей четвёрке шкуры, подсыпал овса и отрубей. Найденными здесь же инструментами укрепил Демону и Мирри расшатавшиеся подковы, залил свежую воду в поилки, почистил копыта...

Лёгкие вечерние сумерки плавно перетекли в ночную темноту. Однако я так увлёкся, что сообразил, как мало света даёт зажжённый мною второпях огарок свечи лишь, когда на пороге сарая появилась Тира с ярким масляным фонарём в руках.

— Остался только ты, — сообщила она. — Все уже справились и вымылись. Теперь сидят, болтают и готовятся спать...

— Скоро буду, — кивнул я, не отрываясь от работы.

— А я тебе помогу, чтоб быстрее! — Повесив фонарь на крюк, принцесса встала рядом со мной и, перехватив скребок, принялась чистить Мирри переднее копыто.

— Не пачкай руки, — попытался я возразить. — Мне недолго, я почти завершил.

— Вот и хорошо! — заявила Тира и призналась: — Знаешь, я ведь тоже рассчитываю на твою помощь. После того, как приведёшь себя в порядок и передохнёшь, разумеется...

— Конечно, — слегка удивившись, заверил я. — Если ты объяснишь, что от меня потребуется.

— Помоги мне составить верительные грамоты для нашей и для гномьей заставы, — внезапно попросила принцесса, повернув ко мне лицо. — При мне есть все необходимые бумаги и печати, но как представляю, что следует сочинять формулировки...

Выпустив копыто Мирри, она обречённо махнула рукой, и лошадь недовольно заржала.

— Формулировки?! Постой... — вот теперь я действительно удивился. — Но я же далеко не специалист во всех этих официальных бумагах... Тебе лучше всего обратиться к Шаэ — она наверняка не раз имела с подобным делом...

— Знаю. Но я хочу обратиться к тебе, — настойчиво повторила принцесса.

— Почему?

Я тоже оставил в покое лошадиное копыто и встретился с Тирой глазами.

— Потому что ты — прямой, — заявила принцесса. — Прямой, резкий и точный, словно удар меча... В делах и в суждениях. Мне это нравится, — добавила она, выдерживая мой взгляд. — И потому... я прошу, чтобы в этом деле мне помог именно ты.

— Хорошо... — я пожал плечами. — Если ты так хочешь, сделаю всё, что смогу — хоть и не обещаю, что смогу многое. Всё же Шаэриэнн была бы тебе намного полезнее.

Я помолчал, но справедливости ради добавил:

— Или даже её... Страж. Подозреваю, он тоже эльф не последнего селянского рода...

Тири внимательно посмотрела мне в глаза.

— Альтар... — негромко сказала она совсем другим тоном. — А'Кариэлл... Он ей как брат. Больше, чем брат, но...

— Я заметил, — проронил я сквозь зубы, сам удивившись себе.

— ... но вовсе не так, как ты думаешь. — Рука принцессы, выпустив скребок, вдруг мягко легла поверх моей ладони. — У них... у эльфов правящих родов так принято, понимаешь? Испокон веков главы Созвездий и их наследники имели возможность приближать к себе самых верных и преданных друзей, с которыми их сводила Судьба. Пройдя священную Церемонию Уз, все они, вне зависимости от рода, знатности, происхождения становятся Стражами своего... Акеро. Ну, это как бы Покровитель, или Сузерен... но на деле просто старший друг. Он объединяет их, вдохновляет и ведёт за собой — а они помогают, советуют, оберегают его... Такая вот обоюдная зависимость, на деле куда сильнее, чем кровное родство. Эльфы говорят, что даже брат венценосной особы способен её предать, но Страж — никогда...

Я нахмурился, догадываясь, к чему она ведёт.

— В основном они становятся Стражами Сердца... — принцесса взглядом попросила меня дослушать. — А'Кариэлл — её Страж Судьбы. Брат, верный вассал, второе «я»... Не знаю, как точнее сказать. Однако... не её мужчина.

— Тири, зачем... ты мне всё это говоришь? — сердито спросил я, наконец прочистив горло.

Румянец на скулах принцессы был заметен даже в свете фонаря.

— Просто хочу, чтобы ты это знал, — Тири блеснула глазами. — Даже если после этого пошлешь меня куда подальше за то, что лезу, куда не приглашал.

Я напрягся ещё больше, чувствуя раздражение и злость — но внезапно сообразил, какой непоколебимой уверенностью вызвана её прямота... Боги!... Это казалось настолько нелепым, что я изумился, на миг утратив дар речи... а затем усмехнулся.

— Не пошлю.

— Почему?

Она по-прежнему смотрела на меня с трогательной решимостью. Свет и Тьма!...

За что мне злиться на тебя, Тири? За то, что ты так пылко и яростно пытаешься оспорить столь ненавистную мне прописную истину?...

За то, что в твоих глазах я — и вправду человек, умеющий и имеющий право на то, чтобы по-настоящему чувствовать? Любить?...

Не удержавшись, я легонько провёл костяшками пальцев по её щеке:

— Нет причин посылать. Благодаря тебе узнал об эльфах много интересного... Так что, напротив — спасибо.

Тира ожидала любого другого ответа, но этот явно застал её врасплох.

— Извини... — растерянно пробормотала она. — Просто я была уверена, что...

Пламя фонаря внезапно дёрнулось и затрепетало, подхваченное порывом ветра от распахнувшейся входной двери.

Мы резко повернули головы и, не стовариваясь, прынули друг от друга прочь.

На пороге возникла Шаэриэнн — да так и застыла, вздрогнув от неожиданности. В руках она держала кружку с каким-то горячим напитком, который едва не разлила.

Возникло неуклюжее молчание. Эльфийка нарушила его первой.

— Я... принесла тебе лекарство от кашля, — негромко произнесла она. — У нашей хозяйки нашёлся козий жир... И немного молока. Должно помочь...

— Спасибо, Шаэ. Но я в порядке... — Отчего-то чувствуя себя неловко, я качнул головой.

— Как хочешь.

Шаэриэнн пожала плечами — этот разговор как будто тяготил её — и сделала шаг обратно в сторону двери.

— Постой... — Тира сорвалась с места, настигая её в два прыжка. — Он выпьет.

Она протянула руку, касаясь кружки, и мягко добавила:

— Спасибо тебе...

— Что ж, — холодно обронила эльфийка, передавая ей снадобье. — Может, тебя он послушает лучше, чем меня.

Она обернулась и поспешно вышла в ночь, явно торопясь покинуть сарай поскорее.

Тира ещё мгновение постояла на пороге, глядя ей вслед. Затем вернулась ко мне, протянула лекарство.

— Выпей, — попросила она. — Шаэ старалась...

Я молча поднёс кружку к губам. Осушил в несколько глотков, не ощущая вкуса.

— Давай, — принцесса аккуратно забрала пустой сосуд из моих рук. Мне показалось, что она намеренно избегает случайного прикосновения.

— Отнесу в дом. — Голос Тиры звучал по-прежнему спокойно, но что-то в нём неуловимо изменилось. — Как справишься — приходи, — не глядя на меня, она улыбнулась уголками губ. — Твоя помощь мне по-прежнему нужна...

— Хорошо.

Я подождал, пока принцесса тоже скроется за дверь. Потрепал по носу Мирри, протянувшую ко мне любопытную морду, прислонился к балке, подпирающей крышу и устало прикрыл глаза.

... Её волосы пахнут вереском. Дымом осеннего костра... Пряной летней травой на заливном лугу... Дыханием зимней изморози и свежестью весеннего солнца.

Я точно знаю.

Я почувствовал это, когда мы танцевали...

* * *

До сей поры жизнь ни разу не заносила меня на гномий базар, хотя в Верхней Рубии пару раз бывать доводилось. Что я мог сказать? Знаменитая Имперская Ярмарка, каждый год проходящая в предместье Рожериона, по сравнению тем, что я увидел у подножия Митрога,

выглядела провинциальным местечковым рынком...

Это был настоящий торговый город, заполонивший собой огромную каменистую долину. Плотные ряды шатров и палаток, примыкая друг к другу, образовывали проспекты, улицы и переулки. Место подле них занимали самодельные лотки и прилавки — от серьёзных замысловатых конструкций до примитивных настилов из пары досок, сбитых кое-как. Пространство в центре базара выглядело строго и организовано, позволяя разминуться меж рядами не только пешком, но даже паре повозок; по краям же долины просматривались настоящие баррикады ящиков и мешков, целые кварталы из состыкованных вместе телег.

Размеры базара и выбор товара поражали. Казалось, нельзя было вообразить ничего, что не было бы представлено на каком-нибудь из прилавков — от них уже рябило в глазах. Часть привозимого предназначалась гномам — впрочем, большинство купцов, как я успел понять, специально съезжались к Митрогу, чтобы успешно торговать не только с ними, но и между собой.

Торговые места, принадлежащие Горному Народу, находились у самого подножия, в непосредственной близости от Врат. Суровые бородатые купцы, щуря глаза от блестящего по-весеннему солнца, зорко приглядывали за добротным оружием, драгоценными камнями и образцами металлов, разложенными на каменных столах.

Старший обоза, к которому мы пристали — высокий ражий детина с заметной проседью в тёмных волосах — уже давно внимательно разглядывал гномий ряд с облучка повозки, приставив ладонь козырьком ко лбу. Наконец, удовлетворённо крикнув, он соскочил на землю и поспешил навстречу обернувшемуся к нему рыжеволосому бородачу, на ходу давая телегам отмашку остановиться. Возницы послушно натянули вожжи. Их помощники, бросив прохлаждаться и травить байки, споро разбежались вдоль крытых повозок, сворачивая куски холстины и выгружая наземь тюки и мешки...

Нас здесь больше ничто не держало. Выбравшись из подвезшей нас телеги и оставив обоз за спиной, мы двинулись к митрожским Вратам.

Огромные ворота, закрывающие путь в гору, издали казались литыми из диковинного металла, сверкающего в солнечных лучах. И лишь подойдя ближе, я с удивлением понял, что обе громадные створки на деле — образчик изящнойковки из плотно пригнанных друг к другу тончайших фигурных изразцов... Поистине, только гномам с их кропотливостью и усердием по силам было сотворить такую красоту!...

Пока я любовался Вратами, Тира и Торгрин, взявший на себя роль проводника, уже успели переговорить со стражниками, несущими здесь караул. По-видимому, наши подорожные грамоты на имперских гербовых бумагах, сочинённые мной и принцессой накануне, не вызвали у гномов ни вопросов, ни подозрений. Врата, разумеется, отпирать не стали — подозреваю, что на самом деле эту махину приводили в движение исключительно редко и то лишь в особо торжественных случаях. Однако одна из множества неприметных калиток, цветом сливающаяся с окружающим ворота камнем, дрогнув, отворила створку, пропуская нас внутрь.

— Спокойно, Гарред! Свои!

Стражник первым переступил порог, отталкивая высунувшуюся было из проёма сплюснутую лобастую морду без глаз, покрытую жёсткой щетиной. Существо, чем-то напоминающее то ли мохнатого жука-носорога, то ли шершня, покрытого хитиновым панцирем, послушно прянуло назад, уступая дорогу. Гном подобрал кожаный ремень, прикрепленный к кольцу, вделанному в нагрудную пластину, и зверюга, в холке достающая

мне до пояса, кротко засемила рядом.

Я знал, что гномы выводят скагарров из яиц, специально разыскивая кладки на Глубинных Путиях. Существа, обучаемые ими с момента появления на свет, на деле образцово послушны и безопасны... Однако я всё равно сделал шаг вперёд, оказываясь между стражником и Шаэриэнн, идущей следом за ним, на миг опередив тем самым А'Кариэлла. Как обычно, проигнорировал его ненавидящий взгляд и пошёл бок-о-бок со скагарром, внимательно глядя, чтобы ненароком не наступить на одну из пяти лап, стучащих по камню с моей стороны. Кто знает, где проходят границы того самого легендарного послушания...

Проведя нас по короткому, но широкому коридору, подсвеченному висящими на стенах магическими фонарями, стражник остановился в десятке шагов от широкой арки, за которой виднелось гораздо больше света и слышался лёгкий неясный шум.

— Дальше сами справитесь, али чего подсказать? — осведомился он.

— Шутишь, — сварливо отозвался Торгрин. — Да я затупил на здешней Глубинке с десяток кирок ещё когда ты, парень, клянчил у отца свой первый игрушечный молот!...

Но от меня не скрылось, как его пальцы отбивают на рукояти топора, висящего на поясе, нервную дробь, да и в привычном ворчливом тоне местами проскальзывали необычные нотки...

— Дом Тэн-И-Мор ещё стоит? — бросил он словно невзначай.

— Аметистовые? А то!... — бодро отозвался страж, и Торгрин слегка расслабил напряжённые плечи.

— Идём! — бросил он нам, едва не бегом направляясь к арке.

Мы догнали Торгринна уже у самого выхода — и, поражённые, замерли за его спиной, разглядывая картину, открывшуюся глазам.

Сложно было вообразить, что мы находились именно в пещере, если забыть, что вошли сюда через двери, прорубленные в каменной плоти горы. Стены разбегались в стороны и скрывались за призрачным горизонтом, купол также терялся где-то в бесконечной высоте... Прямо перед нами, насколько хватало глаз, находилось обширное открытое пространство, в котором царили плотные сизо-коричневые сумерки, едва уловимо пахнувшие сыростью и дымом. Плоским каменным хребтом из бездны выступала широкая огороженная дорога, подсвеченная множеством факелов. Виляя некрутыми поворотами, она плавно спускалась вниз — туда, где, словно на ладони, раскинулся гномий город, сияя мириадами окон и фонарей... Должно быть, внушительный великан Митрог на самом деле был лишь оболочкой, полой «скорлупой», надёжно прикрывающей поселение Горного Народа от солнца, ветра и чужих глаз.

— Это и есть Нижняя Рубия? — зачарованно произнесла Тира.

Торгрин хмыкнул, на миг покосившись в её сторону.

— Куда там!... Это всего лишь нулевой горизонт, один из самых скромных... — с деланной небрежностью пояснил он. — А Нижняя Рубия, принцесса, — это ещё с полдюжины горизонтов под твоими ногами...

Следуя за Торгринном, мы направились вниз по дороге, оказавшись в этот час единственными путниками на ней. По мере того, как мы шли, я сумел разглядеть ещё два или три подобных пути к городу со стороны Врат, теряющихся в сумеречной дымке на разной высоте... Мне подумалось, что когда мы входили в пещеру, там, на поверхности, время близилось к полудню. Здесь же, казалось, правит бал поздний осенний вечер...

— Один эльфий поэт, некогда побывавший в Рубии, так и назвал её в своих строчках —

«Страной Вечной Осени»... — негромко сказал Торгрин, и я сообразил, что последнюю свою мысль, должно быть, произнёс вслух. — Правда, горы его так и не приняли — вон, как тебя, Кэр...

А'Кариэлл мрачно промолчал, а вот Шаэ, похоже, разволновалась.

— Что это значит? — нахмурившись, спросила она. — Он что, погиб?

— Нет, — Торгрин покачал головой. — Просто не выдержал. Вскороости сбежал домой в свою Аэльту, только его и видели... А сам-то ни разу не спускался ниже второго горизонта.

— А нам на какой горизонт нужно? — с интересом спросила Тира. — На этот или ниже?

— Ниже. На четвёртый, — пояснил гном. — Здесь, на поверхности, ютятся только торгаши да голытьба разная, неспособная инструмент в руках удержать... Настоящие Мастера со своими Домами непременно селятся поближе к мастерским — не выше третьего горизонта, стало быть...

Четвёртый горизонт... Из скольки там? Из полудюжины? Доселе я смутно представлял себе внутреннее устройство гномьих гор-городов, но если это место у них считалось «поверхностью»... Я скосил взгляд вбок и заметил, что А'Кариэлл ещё больше нахмурился и приуныл. Впрочем, злорадства я не почувствовал, внезапно с удивлением сообразив, что в первый раз испытываю к надменному Стражу Шаэриэнн что-то вроде жалости...

Между тем мы вступили в город, оказавшийся вовсе не пустым, как это виделось с дороги. По довольно узким в сравнении с человеческими улочкам между каменными домами в два или в три этажа, как и положено в послеполуденный час, то и дело торопились прохожие, спеша по своим делам. Чаще всего нам встречались женщины — миловидные улыбчивые пышки в длинных платьях и неизменных чепцах, затейливо подвязанных цветными лентами под самым подбородком. Несколько раз мимо с хохотом и гиканьем проносились стайки неугомонной детворы, гоняющей мяч или колесо на палке. «Квартал торгашей и голытьбы», как охарактеризовал эту часть города Торгрин, оказался весьма уютным и аккуратным: улицы были чистыми и мощёными затейливой брусчаткой, стены домов украшены яркой мозаикой, окна радовали глаз разноцветными занавесками, а перед входными дверями лежали яркие тканые половики. На паре перекрёстков мы успели заметить небольшие аккуратные фонтаны, бьющие из каменных чаш, но рассмотреть их не успели: гном уверенно повёл нас краем поселения и, миновав несколько улиц, вновь вывел на огороженную дорогу, спускающуюся вниз.

— Не бойсь, принцесса — хитро ухмыльнулся он, когда Тира высказала сомнение, что до четвёртого уровня мы сможем добраться без остановки на ночлег. — До ста сосчитать не успеешь, как будем уже на месте!

— Ой ли? — недоверчиво протянула Тира.

Гном хитро прищурился:

— Ну, давай, начинай!

— Раз... два... три... — азартно принялась чеканить принцесса.

Через десяток шагов дорога делала новый широкий поворот. Вместо того чтобы дальше двигаться вниз, гном неторопливо подошёл к самому краю, опёрся об излом кованой изгороди и для чего-то глянул вниз. Обернувшись к нам, остановившимся посреди дороги, он махнул рукой, подзывая к себе.

— Двадцать пять... Двадцать шесть... — уже сосчитала Рожерия, но Торгрин оставался невозмутим. Поневоле происходящим заинтересовались все — даже хмурый

А'Кариэлл...

Уловив это, гном фыркнул в бороду и, едва Шаэ со своим Стражем, Тира, я и Тонио приблизились к нему, вновь отвернулся к изгороди и повернул на ней какой-то завиток. Земля под нашими ногами внезапно дрогнула... и легко поехала вниз, отделившись от общей дороги аккуратной полукруглой платформой.

Тонио и Тира, вздрогнув, ухватились за поручни, во все глаза глядя, как дорога плавно, но стремительно уплывает вверх. Шаэ вскрикнула от неожиданности, вцепившись в локоть Стража.

— Ashratt! Top! Что за шуточки?! — рявкнул эльф, сам едва удержавшись на ногах.

Торгрин довольно хохотнул в ответ:

— Ну, я ж обещал принцессе, что до ста она досчитать не успеет...

Наш спуск и вправду был совсем недолгим — десятинку, от силы две. Платформа, глухо скрипнув, вошла в незаметные пазы, стыкуясь с новым участком дороги, и остановилась. Гном снова повернул невидимый рычаг, фиксируя её в этом положении, и, обернувшись к нам, изобразил церемонный поклон:

— Четвёртый уровень! Прошу, как говорится, разделить со мной эль, похлёбку и тепло очага...

Мы все с интересом огляделись вокруг. С широкого круглого «пятака», на котором мы оказались, в стороны вели сразу четыре «дороги над бездной», в конце каждой из которых виднелись огни строений и жилищ.

— Нам вот по этой, — повернувшись направо, Торгрин указал направление.

— Дом Тэн-И-Мор? — А'Кариэлл прищурил глаза.

— Именно, — кивком подтвердил тот.

— Так это оттуда ты...

— Оттуда родом тот самый Мастер-Кузнец, который способен нам помочь, — перебил эльфа гном. — Тобин Стальная Рука долгое время возглавлял этот дом, представляя его в Зале Мастеров и за пределами Рубии... И если кто и сможет помочь нам его найти, то только Васта Повелительница Пружин, его первая и единственная супруга.

Шаэриэнн

Дорога к Дому Тэн-И-Мор резко оборвалась над бездной, когда до сторожевых башен, оберегающих вход в гномье поселение, оставалось чуть меньше полёта стрелы. Однако Торгрин это ничуть не смутило.

— Эй, там!... — гаркнул он, сложив руки рупором у рта. — Хватит спать! Часовые, дхайне варга, разуйте глаза!

Пару мгновений всё было тихо. А затем послышался тихий скрежет хорошо смазанных деталей, и над бездной одна за другой «всплыли» на невидимых механизмах широкие металлические пластины, формируя сегменты моста. На дальнем его конце маячили три коренастые фигуры в доспехах, украшенных аметистами. Ближний стражник — очевидно, старший — уже грозно насупил брови, явно собираясь положенным образом поинтересоваться, кто мы такие и что забыли здесь. Внезапно он вытаращил глаза, словно увидел привидение, и судорожно схватил наизготовку гизарму, едва не выронив её из рук.

— Т-торгрин? — пробормотал он.

— Твоего саггара!... Веддер! — напустился на него вместо приветствия гном. — Вы там что, эля перепились? А если б это Тобину вздумалось подойти с той стороны и проверить, что делает его стража? Отправил бы гонять скагарров — и то, если б вам очень свезло!...

— Т-так... Дэра Тобина уже давно здесь нет... — сглотнув, зачастил стражник. — И ты... Все думали, тебя убили... Тогда, на войне...

— Да нет, жив, как видишь... — Торгрин едко ухмыльнулся. — А вы-то вообще что тут делаете? Сколько помню, мостом всегда управляли Вастовы «молчуны»! И, дхайне, делали это не в пример расторопнее...

— Нынче другие времена.

На пороге караульной башни появился гном постарше, с окладистой пегой бородой и цепкими глазами, взгляд которых мне почему-то сразу не понравился.

— Нежить из глубин то и дело пытается заглянуть «на огонёк». «Молчуны» не справляются, Торгрин — только солдаты. Стража теперь на всех входах и выходах — даже в мастерских... Сколько лет прошло?

— Восемь, — произнёс Торгрин, делая шаг навстречу. — Здравствуй, Ламар.

— Дхайне табия! — Гном, названный Ламаром, сошёл с крыльца и заключил Тора в крепкие объятия. — Мы ведь давно похоронили тебя, скагарров ты сын! Васта чуть с ума не сошла от горя...

И опять тревожное чувство царапнуло душу: его слова звучали безупречно тепло, но шли не от души...

— А старик? — Торгрин отстранился, пытливо взглянув ему в лицо. — Небось, не преминул заметить, что он так и знал...

— ... что этот полудурок сложит свою голову ни за дхайне мэрдо, — кивнул Ламар. — А потом сам всё забросил и подался в очередную блажь — не прошло и полгода со дня твоих официальных похорон.

— А Молот теперь у кого? — поинтересовался Торгрин.

— У Грида. — Мне показалось, что гном чуть промедлил с ответом. — В цепи наследования он шёл за тобой. Будешь оспаривать своё право?

— Посмотрим, — Торгрин неопределённо отмахнулся. — Так где, говоришь, Тобин теперь?

— Саггар его знает... — Ламар пожал плечами. — Вроде, где-то на Широких Равнинах, учит орков кузнечному мастерству.

— Орков?! — изумился Тор.

Ламар снисходительно фыркнул.

— Ты же знаешь, он всегда был Мастером Мастеров. И при этом шестерёнки в его голове всегда вертелись как-то по особому... Впрочем, поговори-ка с Вастой. Она сама всё расскажет тебе...

Возвращение Торгрин в родные края не прошло незамеченным. Пока мы успели добраться к дому, в котором проживали его ближайшие родичи, должно быть, каждый встреченный нами по дороге гном вначале в изумлении застывал, затем всплескивал руками и с радостным воплем торопился сжать его в медвежьих объятиях. Моложавые близнецы, бдительно следившие за тем, как диковинные механизмы обрабатывают мох на специальных каменных «полях», оказались его троюродными дядьями. Три девицы, наполнявшие у огромного водяного колеса самоходные бадьи на колёсах, с визгом повисли у Тора на шею —

они приходились ему племянницами. Совсем старый дедок, что на радостях пустился в пляс, отшвырнув подальше свою механическую клюку, как выяснилось, был мужем родной сестры его бабушки и помнил нашего гнома ещё младенцем...

— Сколько же у тебя родни и как все вы держитесь друг друга! — восхитилась Тира.

— А как же иначе? — искренне удивился гном, представляя нам очередного сияющего от счастья родственника. — На то ведь и Дом. Ты со всеми, и все с тобой... Иначе в горах не прожить.

Мне снова вспомнился неприятный взгляд Ламара. Его с нами уже не было — он верхом на скагарре поторопился обратно домой, чтобы подготовить к «воскрешению» Торгрин домочадцев. Интересно, а кем он приходится нашему гному? И снова показалось, что я упускаю какую-то важную деталь...

— А этот Ламар? Кто он тебе? Брат? — словно читая мои мысли, поинтересовался Альтар.

— Нет, — Торгрин покачал головой. — Младший брат покойного отца — сталбыть, мой дядька.

— А что за Молот ты должен был унаследовать? — тут же подхватила и развила Тира мысль. — Символ власти? Так ты у нас, выходит, тоже королевских кровей?

— У Народа Гор нет королей! — нахмурился Торгрин. — У каждого из Домов есть глава, который руководит его жизнью и представляет его в Зале Мастеров. Но это не король, а Мастер, непременно лучший в каком-нибудь своём деле...

— А при чём тут тогда наследование? — недоумённо спросил Антонио.

Торгрин хмыкнул — эта тема явно ему не нравилась, однако терпеливо пояснил, опустив даже обычные в таком случае бранные слова:

— Молот невозможно унаследовать — он сам испытает, достоин ли тот, кто желает стать во главе Дома, называться Мастером Мастеров, и покорится лишь таковому. Наследуется не Молот, а очередность прохождения испытаний... Вначале идут ближние родственники прежнего Мастера в строго определённом порядке. А если не окажется достойным никто из них, то очередь доходит и до более далёкой родни... Странно, что Молот выбрал Грида, — внезапно добавил он. — Сколько его помню, он никогда не был силен в своей механике... Даже на меньшого-то Мастера слабо тянул. Разве что за те годы, что прошли, он раскопал в себе талант к чему-нибудь другому...

— А Грид... — начала Тира.

— Тоже дядька мой, — Торгрин невесело усмехнулся. — Только отцов средний брат, у него их двое оставалось...

Да уж. По всему видать, отношения гнома с его дядьями не были особо тёплыми... И потому, когда с широкого каменного крыльца его отчего дома, ликуя и вопя от счастья, высыпала нам навстречу пёстрая толпа самых близких родных, я безошибочно угадала Грида, отгёртого в самый её «хвост». Он, правда, тоже изо всех сил пытался изображать радость и ликование, но выходило у него откровенно слабо. А пойманный мною вскользь испуганный и затравленный взгляд позволил мне лишь увериться в своей правоте. Что-то во всём этом было явно не так...

Рядом с Гридом внезапно возник Ламар. Грозно сдвинул брови и, видимо, что-то еле слышно бросил сквозь зубы, отчего «Мастер Мастеров» дёрнулся вперёд, неуклюже пытаюсь протолкнуться через спины стоящих впереди, и даже пролепетал что-то вроде: «Торгрин! Я так рад...». Впрочем, расслышать последнее, похоже, смогла только я — и то лишь

благодаря тому, что исподволь за ним наблюдала. А меньший брат, похоже, имеет власть над старшим, и немалую — хотя глава Дома, номинально, всё же второй. Интересно...

— Ринни! Рин, крошка!...

Статная седоволосая гнома в мужских штанах и глухой длинной куртке со множеством карманов с несвойственной возрасту быстротой бежала впереди всех. Она налетела на Тора подобно вихрю, со слезами радости покрыла тысячей поцелуев его щёки, лоб, глаза...

— Ну что ты, ба... — смущённо бормотал Торгрин, неловко обнимая её за талию. — Ну ладно, жив я, жив... Ну будет, что ль, тебе...

Гнома на миг отстранилась, пыгливо взглянув ему в лицо, и внезапно на глазах у всех с размаху закатила ему подзатыльник:

— Восемь лет! Восемь, Рин!!! Где, дхайне ноббаро верто, тебя всё это время носило? И почему ни разу ты не подал нам даже весточки о том, что на самом деле жив?!

— Ба, я всё тебе расскажу... Дай только время, — взмолился Торгрин, потирая затылок — рука у седоволосой, похоже, была тяжёлой. — К тому же со мной... друзья. Нам всем не помешало бы немного придти в себя и передохнуть с дороги...

Гнома, мгновение помедлив, кивнула. Заставила себя разомкнуть объятия и повернулась к нам.

— Вернувшие мне единственного внука — самые желанные гости в моём доме! — во всеуслышание заявила она; толпа домочадцев поддержала её восторженным рёвом. — Я, Васта Повелительница Пружин, низко кланяюсь вам, славные и достойные дэры, и жду у своего очага! Самый выдержанный эль, вкуснейшая похлёбка и лучшие из драгоценностей Аметистового Дома не в силах сполна вознаградить за счастье, которое принёс нам ваш визит!

Каменные комнаты на втором этаже, в которые нас со всеми почестями провели после краткой церемонии знакомства, оказались очень тёплыми и уютными донельзя. Приведя себя в порядок, я выглянула из отведённых мне покоев — и тотчас же угодила в компанию двух солидных дам, ожидавших меня, чтобы сопроводить вниз.

Вид с верхней ступени широкой лестницы, по которой я поднималась не больше оры назад, меня просто потряс. Пока мы мылись и меняли одежду, проворные гномы успели затеять в огромной зале на первом ярусе дома настоящий пир...

Громадный стол, за которым уже собралось не менее сотни персон, ломился от яств и напитков — а гости всё прибывали и прибывали, неся с собой блюда с различными лакомствами и собственные табуреты... Те, кому не хватало места, не теряясь, рассаживались у окон с широкими подоконниками, вдоль стен и даже на укрывающих лестничные ступени коврах. Впрочем, хозяев дома такое положение вещей, похоже, нисколько не смущало. Молодые, ещё совсем безбородые юноши неустанно втаскивали откуда-то в зал всё новые столики и столы, а расторопные внучки или правнучки Повелительницы Пружин немедленно ставили на них тарелки и приборы, подкладывали гостям еду и разливали эль.

Руководили всем этим Васта и Грид. Впрочем, на деле все распоряжения отдавал зычный голос бабушки Торгрин; Глава Дома понуро держался за её плечом, и вид у него по-прежнему был испуганный и растерянный.

— Дэра Шаэриэнн!

Заприметив меня, хозяйка дома, уже успевшая переодеться в нарядное фиолетовое платье, быстрыми шагами пересекла зал и с улыбкой коснулась моего локтя.

— В честь возвращения Торгрина мы здесь на скорую руку организовали праздничный ужин, — не без гордости поведала она. — Понимаю, что с долгой дороги вам сейчас больше всего хотелось бы отдохнуть без шума и суеты. Но простите каприз старой бабке, вновь обретшей давно утерянный смысл её жизни — для вас за этим столом отведены самые почётные места...

— Почту за честь разделить с вами трапезу, дэра Васта, — учтиво склонила голову я.

Бабушка Тора, сияя, точно новенькая золотая монета, прошла вместе со мной к богатым резным скамьям в начале пиршественного стола и усадила меня около себя. Кресло справа от Васты, в торце стола, пустовало. Ко второму такому же, рядом с ним, направился Грид.

Повинуясь знаку Васты, на меня тут же налетели три молоденькие гномы, наперебой предлагая попробовать те или иные блюда. Позволив наполнить свою тарелку тем, что показалось знакомым, я украдкой осмотрелась, убедившись, что все «наши» уже находятся тут. Торгрин, «виновник переполоха», занимал место напротив бабушки, по правую руку от отмеченного властью дяди.

Рядом с ним оказался Тонио. Чародея развлекал беседой очень пожилой гном, нескончаемые бороздки морщин на лице которого придавали ему сходство с печёным яблоком. Призвав на помощь память, я сообразила, что его нам представляли как семиюродного прапрадедушку нашего приятеля — самого старого гнома среди Аметистовых.

Чуть поодаль обосновалась Тира Рожерия, уютно устроившаяся между Альтаром и моим Стражем. А'Karíaell выглядел недовольным и напряжённым, словно туго сжатая пружина. Поймав тревожный взгляд, который он с меня не сводил, я глазами велела ему расслабиться и не волноваться зря: даже в отдалении от него мне ничего не грозило.

Тира, как впрочем и всегда, успевала следить за всем, что происходило вокруг, одновременно оживлённо о чём-то повествуя. И, видимо, речь шла о неких весьма занимательных вещах: Альтар внимательно слушал болтовню принцессы, по своему обыкновению слегка наклонив голову к плечу. Заинтересованный взгляд, лёгкая улыбка на губах... Вряд ли он сейчас замечал кого-либо кроме своей собеседницы.

Я непроизвольно сжала в руке салфетку. Впрочем, а только ли сейчас?... Грешно было не признать: синеглазой красотке всё чаще и чаще удавалось безраздельно завоевать его внимание.

Да... Похоже, Тира не на шутку им увлечена. Да и Альтар, вероятно, тоже... неравнодушен.

Ночь!... Как же, однако, тяжело в этом зале дышать!... Наверное, гномы слегка перестарались с каминами.

Я потянулась к кубку с элем, поспешно отпила несколько глотков — впрочем, легче не стало.

А ведь они и в самом деле безумно гармоничная пара! — отчего-то внезапно пришло мне на ум. Суровый черноволосый красавец — и смешливая белокурая синеглазка, такая беззащитно-хрупкая рядом с ним... Точно истинные Король и Королева людей, сошедшие со старинного портрета...

Но ведь Альтару никогда не стать королём. Только будет ли это помехой настоящему чувству?...

Бедняга Тонио, — с неожиданной горечью вдруг подумала я. Как ему, должно быть, тяжело — так вот любить, отчаянно и тайно... Безо всякой надежды на взаимность...

— Дэра Шаэриэнн... Вы позволите?

Я подняла глаза, «выныривая» из омота сумбурных мыслей.

Кресло рядом со мной оказалось незанято. Рядом с ним скромно стоял Ламар, ожидая моего разрешения. Спohватившись, я поспешно кивнула:

— Да, дэр Ламар. Разумеется...

— Пришлось немного опоздать на ужин, — вполголоса произнёс гном, опускаясь на стул. — Но, надеюсь, племянник меня простит.

— Куда ты запропал? Я тебя обыскалась... — недовольно заметила Васта.

— Выполнил поручение Грида, матушка. — Ламар невозмутимо подхватил штоф с элем, наполнив вначале мой, а затем Вастин и свой кубки. — Брат попросил меня съездить за Азалией. Если ты помнишь, она отбыла навестить своих ещё утром, и намеревалась у них заночевать. Но поскольку у нас такое событие...

— Ну разумеется! Грид, какой же ты молодец!... — Повелительница Пружин бросила одобрителный взгляд на старшего сына. — Конечно же, должна быть в сборе вся семья! Так где же Залка?

— Должно быть, пудрит нос с дороги. Вон, уже бежит... — снисходительно усмехнувшись, Ламар обернулся назад.

Я с долей любопытства проследила за его взглядом. Со стороны дверей к столу спешила молоденькая остролицая гнома с убранными в затейливую причёску тёмными волосами. Грид неловко поднялся ей навстречу, едва не пролив эль из кубка на стол. Девушка, легонько чмокнув его в щеку, остановилась у свободного кресла в торце стола, обегая всех нас любопытным и в то же время взволнованным взглядом, который задержала на Торгрине.

— Милый! Матушка! Я так торопилась!... Ламар рассказал... — защебетала она.

— Ты как раз вовремя, Азалия. — Васта приподнялась со своего кресла; повинувшись её жесту, Тор сделал то же самое. — Знакомься, дитя — это Торгрин, племянник твоего мужа и мой внук. Рин, ты, должно быть, не помнишь Азалию...

— Отчего же — помню, конечно, — произнёс Торгрин. — Мы играли вместе детьми на Всеобщих праздниках и встречах Домов... Так что, ты теперь моя тётушка, Залка?

Темноволосая гнома улыбнулась, продемонстрировав едва заметную щербинку между передними зубами.

— Выходит, что так, — заявила она, крепко обнимая Тора. — Дхайне, а ты умеешь делать сюрпризы! Когда за мной примчался Ламар, я не поверила собственным ушам...

— Как же так получилось, что ты остался жив, когда все считали тебя погибшим? — внезапно негромко заговорил Грид, подняв на Торгрину глаза.

Пожалуй, с момента нашего с ним знакомства это была первая произнесённая им внятно фраза. И от меня не укрылось, что после неё он снова искоса бросил взгляд на Ламара, невозмутимо наливающего густой ароматный суп в свою тарелку.

— Да так и получилось.

Аккуратно высвободившись из «тётушкиных» объятий, Торгрин сел обратно на своё место. Поднял штоф с элем, плеснул себе.

— Там, у Трога, как водится, попал в самый переплёт... Был ранен, да только сразу не помер. Дальше плен, потом — каторга... — гном мельком взглянул на бабуку.

Залка, округлив глаза, прижала ладошку ко рту.

— Когда наша армия... была разбита, Тобин с Ламаром везде разыскивали тебя, — сказала Васта с каменным лицом. — Империя обменивала пленных на оружие, золото и

камни, по весу каждого из них. Дед готов был заплатить вдвойне. И втройне... Любую цену. Но нам сказали, что ты убит... Ламар привёз доказательство. Твой оплавленный медальон и пластину с кирасы, — не сдержавшись, она поднесла салфетку к глазам. — Я не верила до последнего. Но вот тогда...

— Я остался жив, бабушка, — мягко сказал Тор. — Ну, поработал немного на благо Империи. А когда надоело... Вот, решил воротиться к вам. И весь сказ.

— Ну, на сей раз уже навсегда? — подал голос Ламар.

Торгрин хмыкнул:

— Ну... Там будет видно.

— То есть... как это «видно»?! — Васта едва не поперхнулась элем. — Кому видно? Дхайне, Рин?! Ты что же, несносный дрянной мальчишка, едва успев воскреснуть, опять собираешься куда-то пропасть?

Кулак седоволосой гномы негодуя грохнул по столу, заставив ближайшие тарелки с бокалами испуганно звякнуть и подскочить.

— Васта, успокойся! — Тор слегка повысил голос. — Никуда я исчезать не собираюсь. Только навещу деда, выполню одно дело и вернусь! Что ты, право слово...

— Деда?! Ты в уме ли? — От волнения из глаз Васты даже исчезли слёзы. — Нет уж, Торгрин! Хватит нам одного Мастера Мастеров, тронувшегося рассудком! Тебя я к нему не отпущу!...

— Матушка! Ты неправа... — вступил в разговор Ламар. — Тор — давно уже взрослый мужчина, Мастер и воин, а не безбородый сопляк! Ты, женщина, не можешь решать за него...

— Могу! И решу!... — Васта вскочила на ноги, кипя от гнева, поневоле заставив примолкнуть разговоры даже на другом конце застолья. — Дхайне тэра мэрдо! Я не могу лишиться внука ещё раз!...

— Нет, ба! — Тор тоже поднялся из-за стола. — Ты знаешь, я всегда уважал тебя и не раз слушал твои советы. Но сейчас — Ламар прав — я уже решил. И поступлю по-своему.

— Ты не можешь так...

— Могу. — Торгрин не мигая выдержал её взгляд. — Тем, что я здесь, я обязан друзьям, с которыми приехал. И ещё одному... мудрецу. Поэтому прежде всего я должен встретиться с дедом и выполнить данные мною обещания. А уж после этого, Васта, я вернусь домой, к тебе. И, дхайне варга, сделаю всё, что ты мне скажешь: хоть засяду намертво в дедовой кузнице, хоть пойду к тебе в подмастерья клепать «молчунов»...

Васта замолчала, медленно присаживаясь обратно за стол. Надолго задумалась, теребя золотую цепочку.

— Могу я ждать, что ты остепенишься? — наконец проговорила она.

— Можешь, — твёрдо пообещал Торгрин. — Когда сделаю всё, что обещал. С меня приключений уже хватает.

— И женишься? — цепко спросила гнома.

— Ну ба! — взмолился Торгрин. — Ты тоже не перегибай, ладно?!

— Ладно... — внезапно Васта, словно нехотя, улыбнулась. — Дхайне, Ринни! Ты не оставляешь мне выбора... В точности как твой сумасшедший дед.

— Ты расскажешь нам, как его найти? — теперь и Торгрин усмехнулся в ответ.

— Расскажу. — Отвернувшись, Васта смахнула слезинку с ресницы. — Дам тебе всё: карты, скагарров, сопровождение. Только пообещай мне, что вы помиритесь, наконец!...

Волынщики у камина переглянулись. Дали отмашку двоим молодцам с дудками, закрученными в рога, хлопнули по плечу бородача с барабаном и грянули третью плясовую подряд. Половина собравшихся, в основном молодёжь, едва присев на свои места, снова с готовностью ринулась обратно вглубь зала сбивать каблуки. Стол в очередной раз горестно скрипнул и покачнулся. Впрочем, оставшихся за ним это совершенно не тревожило... Я видел, как бабушка Торгина мимоходом остановила поехавшее было на край блюдо с бараниной в подливе, не прекращая делиться новостями Аметистового дома, которые скопились за время отсутствия внука. Ей вторила невестка и ещё изрядная группа родных, бесконечно вставляющих реплики. И даже ёрзающий на стуле Глава Дома порывался пару раз добавить своё слово — хотя, по-моему, его не особенно слушали...

А вот А'Кариэлл, едва атмосфера за ужином утратила всякий официоз, покинул отведённое ему место, перебравшись поближе к Шаэ. И, хотя делал вид, что беседует о жизни с Тонио и забавным стариком, похоже, тоже оказавшимся чародеем, на деле внимательно приглядывал за ней. Эльфийку битый час развлекал светскими речами младший из дядюшек Тора, первым встретивший нас у моста, и мне он почему-то не нравился, хотя рационально объяснить я это не мог.

Так и получилось, что мы с Тирой оказались сидящими дальше всех — однако не скучали. В компании троих близнецов, сколько-там «юродных» то ли дядек, то ли братьев Торгина, это было просто невозможно...

Марвин в очередной раз громко икнул, виновато прикрыв рот рукавом. Карвин, очевидно, счёл это напоминанием и снова радостно заставил штоф по очереди поклониться нашим кубкам. Третий из братцев, Дарвин, тут же подхватил свой, торопливо сделал большой глоток, аппетитно захрустел половинкой яблока и продолжил:

— ... Так вот. С того момента, как он сделает свой выбор, взять его в руки может один только Мастер Мастеров! И лишь тот, которого он сам избрал, — с удовольствием вещал он внимательно слушающей Тире. — Наш Дом, как водится, славен кузнецами... И уж если таковой станет во главе, то Молот в его руках просто поёт!... Ты б видала, красавица, какие они сокровища вытворяли... Филигрань, чеканка, литьё... Это ж заглядение просто!

Да уж... Гному определённо повезло. Слушателем (как впрочем и рассказчиком) принцесса всегда была отменным. Тем более что я видел — тема ей на самом деле интересна.

— А оружие! — встрял Карвин, эмоционально грохнув штоф на стол. — Да того же Тобина возьми... За такие мечи и топоры не стыдно было бы самому Горному Кузнецу, говорю как есть! Жалко только, что Стальная Рука отрёкся... — он на миг стрельнул глазами во главу стола. — Грида-то Молот хоть и признал, а до тех красот, что Мастерам до него удавались, ему, дхайне, как ползком через Митрожский хребет!...

— Но ведь ты сам сказал, что он не кузнец, а механик, — заметила Тира. — Что механик сможет сделать с кузнечным молотом? А?

— Да не в этом дело!... — Карвин горестно вздохнул и махнул рукой. — Были у нас и механики в Мастерах Мастеров, и каменщики, и ювелиры... И целители даже были. И у всех, у каждого из них с Благословения Молота такие вещи выходили из рук, что впору было на них самих, точно на святыни молиться...

— Целители? — вырвалось у меня. — А они-то что изготавливали?

— Понятно что — зелья-эликсиры, — Дарвин посмотрел на меня, точно на ребёнка. — Да взять хоть янтарный порошок Малия Каменной Смолы!... Представь — сумел излечить Пылевую Хворь, что каждый год уносила по сотне жизней... А за год до смерти Малий придумал настой, всего пара капель которого вмиг без следа снимает любое, самое тяжёлое похмелье... И после него ни один целитель повторить этот настой потом так и не смог. Хотя Каменная Смола оставил уйму свитков с самым подробным рецептом. Вот и суди сам, парень — в Молоте тут дело али нет...

— Каменная Смола...

Тира попробовала прозвище «на вкус» и полюбопытствовала:

— А Грида у вас как зовут?

— Мастеровое имя? — Дарвин хитро сощурился. — Вообще-то, Железный Молчун. Кто говорит, потому, что эти шгуки и впрямь недурно у него получаются. Кто — оттого, что он тоже Вастой сделанный, молчит и катается, куда велят...

— Дхайне! Язык у тебя, что помело... — Марвин беззлобно одёрнул братца, хотя видно было, что больше для порядку.

— А у Ламара какое имя? — мне стало интересно.

— Ламар, — выразительно протянул Дарвин, — Меч Без Лица... Так-то он тоже кузнец слабоватый, Тобину, да и племяню своему отчаянному, не чета. Да только по-настоящему ладно у него выходит повторять чужую работу... Порой почти и не отличишь, где другой Мастер делал, а где Ламар. Оттого и «без лица» все его мечи, топоры и прочая по-настоящему хорошаяковка.

— Вот как...

Значит, Меч Без Лица. Мастеровое имя Ламара тоже показалось мне каким-то скользким, двусмысленным. И лишь укрепило меня в мысли, что моя неприязнь к нему всё же не на пустом месте...

— А Тора вы как зовёте? — продолжала допытываться Тира.

— Торгрин — Оживляющий Камень! — Карвин на мгновение опередил остальных братьев.

— Почему?

— Ты б, дорогая, его скульптуры хоть раз увидала — больше б не спрашивала! — снисходительно ухмыльнувшись, заявил гном. — Да только ему про то не напоминай. Не любит...

— А что так? — сощурила глаза принцесса.

— Да с Тобином они, сколько помню, из-за этого грызлись, — Карвин цыкнул языком. — Тор, по правде, ещё и кузнец, каких мало — видать, дедово наследие... Но душе не прикажешь — резать по камню он всегда куда больше любил.

— А Стальная Рука всё никак не мог примириться, — подхватил Марвин. — Всё костерил его почём зря, что, дескать, в игрушки играется, а настоящим делом — ковкой, стало быть — заниматься не желает.

— Однако Тор и сам такой же вредный да упрямый, — вставил и Дарвин своё слово. — Весь в него! Не боялся старику перечить и на своём стоять... Как подросток уже, всё собачились они сильно. Вот и в последний раз было — аккуратно перед войной...

— Тор, дурень, и на войну-то, думаю, попёрся оттого, что дед его в Зале Мастеров против оной выступал... — Марвин залпом осушил полкубка эля.

— Да Мастера других Домов его числом задавили. А тут ещё и внука дёрнула нелёгкая... — Карвин огорчённо махнул рукой, всё больше распаляясь. — Эх, да что там говорить!... Будь всё по-другому, был бы у нас сейчас Мастер Мастеров — всем Мастерам Мастер!...

Дарвин присвистнул:

— Ты-то хоть сам понял, чего сказал?!

— ... И Молот при Торе пел бы, не умолкая, — не поддался на провокацию брат, — а не пылился бы годами в своём хрустальном гробу, точно сломанная погремушка...

— В хрустальном гробу? — Тира округлила глаза. — Это что — как в сказке?

— Ну да, — подтвердил Дарвин с деланной небрежностью. — Сказка-то тоже наша, гномья... Как и завещал нам Горный Кузнец, первые Мастера Мастеров, возглавившие потом Дома, соорудили такие вот схроны для дарованных им инструментов... У нас он, наверное, вышел самым красивым, — не сдержавшись, похвалился гном. — Только представь себе: грот подле кузнечных мастерских, сложенный, точно изо льда, из цельных хрустальных глыб... От порога внутрь поднимаются прозрачные ступени, и каждая сияет разноцветным огнём... А за ними — огромный хрустальный престол, висящий на четырёх цепях. Вот на нём и покоится Молот, терпеливо ожидая, когда, наконец, понадобится своему Мастеру... Только нынче, глядишь, и запылится уже весь, за семь годочков-то, — едко закончил он. — Первый и последний раз его аккуратно на церемонии в руки брали...

— Красота какая... — мечтательно протянула Тира. — А можно... Можно это увидеть?

Я неодобрительно покачал головой, покосившись на кубок в её руках — похоже, эля принцессе изрядно перелили.

Однако гномы, переглянувшись, дружно хмыкнули и пожали плечами.

— Отчего ж нельзя-то? — ответил Дарвин за всех. — Оно-то можно, конечно... Если на пятый горизонт спуститься не побоишься...

Тира с вызовом фыркнула в ответ:

— Не побоюсь!

— А ты подумала, Торгрин что скажет?... — попробовал я всё же воззвать к здравому смыслу, хотя вдохновенно горящие глаза принцессы заранее обрекали мои попытки на бесславный провал. — Или Васта? Грид?

— Да ничего они не скажут! — уверенно заявил Дарвин, нахмутив брови. — Это ж не запрещено!

Я не был знаком с обычаями Аметистового Дома, но почему-то мне показалось, что эта идея вряд ли вызвала бы у серьёзных гномов восторг. А наши новые знакомцы серьёзными явно не были... Словно подтверждая это, Марвин, понизив голос, уточнил:

— А во-вторых, вы ж орать об этом на всю залу не станете...

— Тира, послушай... — начал я.

— А как мы узнаем, куда идти? — азартно выпалила принцесса.

Я прикусил язык. Демоны, ну как есть — престарелый гувернёр-зануда при малолетней сорвиголове... И так ведь ясно, что она уже всё решила!...

Гном уставился на неё во все глаза.

— Так мы ж с вами будем! — выпалил он. — Покажем, расскажем и назад проведём.

— Альтар! Ну пожалуйста... — принцесса повернулась ко мне. Глаза её умоляли.

— Тень Безымянного! — выругался я, понимая, что всё равно ничего не изменю. —

Дался тебе этот Молот...

— Спасибо!

Не иначе как сочтя мои слова согласиём, Тира едва что не бросилась мне на шею.

— Так что нам делать, парни? — заговорщически прошептала она.

— В залу идите, туда вот... — Карвин глазами указал в сторону плясунов и музыкантов. — Так, вроде бы вам тоже сплясать захотелось. Там, в дальней стенке, есть вторые двери. Вот к ним и подходите — а мы уже там вас ждать будем...

— Идёт! — Тира с готовностью подхватила меня под руку.

Я дёрнул головой, подавляя последний внутренний протест, но всё же поднялся из-за стола следом за принцессой. А я ещё, помнится, удивлялся, как Император решился отпустить её с нами в Седонские Копи...

Дхайне, как сказали бы местные... Да разве такую остановишь?!

— Ну! Не сердись... — прошептала Тира мне на ухо, ловко увлекая за собой в танцующую круговерть. — Мы только одним глазком взглянем — и обратно, правда!

— Зачем тебе это? — недовольно буркнул я.

— Так интересно же! — в глазах принцессы, отражая огни со стен, плясали тысячи бесенят. — Готова поспорить, мало кто из не-гномов, когда-либо бывавший в Нижней Рубии, видел их Символы Власти собственными глазами... Разве что тот, чьими устами сказка про хрустальную гробницу была рассказана в первый раз! В таком случае мы будем вторыми...

Усердно изображая пляшущих, мы, наконец, протолкались сквозь веселящуюся толпу туда, куда было нужно. К тому времени я уже всерьёз подумывал о том, чтобы схватить принцессу в охапку, забросить на плечо и утащить в её комнату отсыпаться. Впрочем, вопреки моим скверным предчувствиям, наше исчезновение, вроде бы, не сильно бросилось в глаза тем, кого мы оставили наверху.

Двери, около которых нас снова перехватили шустрые гномы-братцы, как оказалось, вели в некое подобие замкнутого общего двора. Если, конечно, так можно было назвать плоскую каменную площадку, на одну сторону которой выходили задние стены строений и домов, по другую же возвышалась сплошная скальная стена... Карвин, Марвин и Дарвин уверенно сопровождали нас прямо к ней.

В толще скалы обнаружили шахты, ведущие вниз. По ним к Мастерским и обратно двигались клетки огромных подъёмников, способные за один раз перевезти с места на место, наверное, не менее полусотни гномов. Потолок той из них, в которой мы разместились, оказался для меня низковат, однако спуск был не настолько долгим, чтобы я успел в полной мере ощутить его неудобство.

Вибрирующий пол под ногами вздрогнул в последний раз и замер — клеть прибыла вниз. Карвин с Дарвином налегли на железные створки дверей, раздвигая их в стороны, и Тира, едва не подпрыгивающая в нетерпении, впечатлённо ахнула: сказка её не разочаровала...

Хрустальная полусфера в нескольких сотнях шагов впереди моментально приковала взгляд. Мягкий серебряный свет, льющийся изнутри, не слепил глаза, однако разгонял тьму в огромном пространстве пещеры, куда мы спустились, точно горящий посреди комнаты магический фонарь...

Само Хранилище показалось мне величиной с трёхэтажный дом. Его поверхность, идеально гладкая снаружи, очевидно была каким-то хитрым образом отшлифована

изнутри... Скрытое под ней представало глазам калейдоскопом бесформенных цветных пятен, перетекающих друг в друга — словно в насмешку над хитрецом, желающим разглядеть все укрытые под куполом тайны, не утруждая себя тем, чтобы войти.

Дальше, за полусферой, каменное пространство под ногами теряло монолитную целостность и разбегалось во все стороны многоуровневыми дорогами, ведущими в зевы подземных туннелей. Видимо, за ними и находились принадлежащие Аметистовому дому кузнечные мастерские. В любом случае, нам нужно было не туда.

Гномы, довольно усмехаясь в усы, провели восторженную Тиру и меня, поневоле растерявшего свой мрачный настрой, к арке, ведущей внутрь сияющего грота, незаметной с первого взгляда.

По обе стороны от входа в Хранилище застыли две статуи, напомнившие мне так популярных в имперских замках «рыцарей» из старинных доспехов. Однако, присмотревшись хорошенько, я понял, что передо мной вовсе не латы. Соединённые вместе металлические детали разной величины складывались в грубое подобие фигур, очертаниями и пропорциями напоминающих гномов в шлемах и кирасах. Впрочем, каждый такой «гном» был на добрую голову выше меня, отчего в плечах, должно быть, и вовсе получался никак не меньше сажени...

Мастера, создавшего их, очевидно, не тревожила художественная красота: поднятые забрала зловеще сверкали пустыми металлическими пластинами вместо лиц; пудовые кулаки, как и широкие ступни ног, не имели даже намёка на пальцы или скрывающие их детали одежды. Но вот суставы и сочленения доспехов были выполнены со всем возможным тщанием.

— Молчуны, — пояснил Марвин, заметив мой интерес.

— Стражи Хранилища? — полюбопытствовал я.

— Да нет, — заметил Карвин. — Скорее, привратники. Прибрать, что-нибудь перетащить. Мастерам вот помочь и рабочим...

— Эй, вы! — внезапно бросил Дарвин, смерив статуи неодобрительным взглядом. — Дхайне, встали тут!... Дорогу не заслоняйте!

И железные гномы-великаны, вздрогнув и заскрипев, вдруг как по команде скользнули в стороны, даже не поднимая ног: похоже, в стопы были встроены колёса...

Тиры пискнула. Моя рука дёрнулась к рукояти меча.

Тень!...

Лишь сомкнув пальцы вокруг пустоты, я сообразил, что на ужин спустился без оружия. Клинок пришлось оставить в комнате, отведённой мне на втором этаже, чтобы не оскорбить недоверием хозяев...

Однако гномы не проявили ни малейшего беспокойства.

— Или дел у вас больше нет? — Дарвин, прищурившись, продолжал распекать Молчунов. — Тогда отчего вы здесь, а не в Дремариуме? Полы вон подметите, что ли... А хотите — механику проверьте...

«Великан» справа послушно откатился ещё дальше. Согнулся «в три погибели», вытянул вперёд удлиняющуюся на наших изумлённых глазах руку. Что-то лязгнуло, клацнуло, зашуршало... Через миг кулак, раскрывшись «цветком», аккуратно втянулся в пазы на запястье, а длинный стержень на его месте выбросил в стороны ворох тонких гибких прутьев... Молчун бесстрастно заработал получившейся метлой, мерными движениями подметая камни, в то время, как второй его собрат, остановившись у ближайшей стены,

грустно сделал шаг на невысокий приступок и, подняв обе руки на уровень лица, принялся что-то аккуратно ощупывать перед собой.

— Демоны!... — вырвалось у Тиры. — Что это? Магия?

— Разве что самая толика, — Марвин горделиво хмыкнул. — Механика! Вастины красавчики! — похвалился он. — Она-то, до того, как за нашего Тобина вышла, была у Ониксовых лучшая мастерица!... То-то они локти кусали, когда она в наш Дом перешла!...

— А женщина может быть Мастером Мастеров? — Тира с опаской проводила метущего пыль Молчуна глазами.

— Да нет! Что ты!... — замахали на неё сразу три брата. — Ещё чего удумала! Бабу — и в Мастера!... Даже представить жутко! Да она ж весь Дом вверх дном поставит!...

Я, не сдержавшись, фыркнул, заметив, как Тира закусила губу.

— Твоё счастье, — шепнул ей, улучив мгновение, — что ты не дочь гномьего властелина...

И удостоился весьма красноречивого взгляда в ответ:

— Нет — их счастье. Уж у меня бы этот Молот запел!...

Тиры, Тиры...

Я качнул головой, но ничего не сказал. Тем более что Марвин уверенно направился под свод хрустальной арки, делая нам знак следовать за собой.

Прозрачная лестница, подсвеченная снизу, казалась сложенной из цельных глыб чистейшего льда. Отсветы магических огней в её глубине непрестанно двигались... По поверхности ступеней, меняя цвет, то и дело пробегали то вверх, то вниз волны огней, напоминающих полярное сияние.

Мы поднялись на самый верх — на небольшую площадку, очерченную низенькой кованой оградкой. На четырёх цепях, закреплённых высоко под самым куполом, висела массивная хрустальная плита, в центре которой лежал Поющий Молот.

Символ Власти гномов действительно впечатлял... Я не был знатоком кузнечного дела, но тяжёлый инструмент из тёмного, тускло поблёскивающего металла, с резной рукоятью из материала, напоминающего белую кость, так и представлялся в руках кряжистого мастера в кожаном фартуке — занесённым над наковальней в преддверии рассчитанного удара...

— Он весь прямо искрится магией!... — благоговейно шепнула принцесса у моего плеча.

Этого я ощутить не мог — да, впрочем, и не жалел. Мне вполне хватало собственных впечатлений. Вдоволь налюбовавшись Молотом, мы двинулись в обратный путь.

Безмянный!... А вот спуск оказался во много раз тяжелее подъёма. Лестница и вправду смотрелась красиво, не спорю... Но отчего, Тень дери, мастер придумавший и воплотивший всё это, не предусмотрел снабдить её обычными периллами?!

Двигались мы медленно. Я — вполоборота и впереди, тщательно выбирая, куда поставить ногу, чтобы не промахнуться со ступенькой... Демоны — они едва угадывались за круговертью огоньков, которая уже не радовала глаз, а ужасно раздражала...

Тиры пробиралась за мной — осторожно, след-в-след, опираясь на мою руку. Гномы-братья дружно топали замыкающими, очевидно, сожалея, что уступили гостям дорогу и не пошли вперёд. У них выходило шагать куда увереннее — во всяком случае, в отличие от меня, не отрывающего напряжённого взгляда от лестницы под своими и принцессиними ногами... И потому, когда на середине пути Тира вдруг резко остановилась, я, кинувшись было подхватывать её, сам едва удержался на ногах.

— Демоны!!! Ты чего?! — рассерженно рявкнул я, едва сдержав словцо покрепче.

Поднял глаза.

Принцесса смотрела куда-то мне за спину.

— Мы здесь не разойдёмся... — вполголоса заметила она.

— С кем?! — Я развернулся назад.

Внизу, у самой лестницы, застыла огромная фигура Молчуна. Похоже, это был тот, кого Дарвин отправил подметать полы. Точно... Гладкий черенок метлы по-прежнему торчал у него вместо правого кулака.

— Дхайне!!! — раздалось выше.

Марвин за спиной Тиры возмущённо вытаращил глаза, в ярости подскочил на месте и гаркнул:

— Вррайде кхасте мэрдо! Молчун! Куда ты, к саггаррам, собрался?! А ну катись прочь, дурья жестяная башка! Дхайне рэ крэсто...

Молчун не двигался.

— Завод у него, что ль, кончился? — услышал я недоумевающий голос Карвина.

И в этот момент железная фигура, словно в задумчивости, медленно подняла правую ногу и поставила на первую ступень...

В первый миг все мы застыли посреди лестницы: я и Тира — обескуражено, гномы — растерянно, отказываясь верить собственным глазам.

А Молчун всё так же медленно, шаг за шагом поднимался нам навстречу.

Одним демонам известно, что творилось в этой механической голове... Ясно было только, что ещё немного — и поневоле мы окажемся у него на дороге...

— О Боги! — в голосе Тиры прорезались панические нотки. — Наверх! Скорее!...

К счастью, я так и не выпустил её ладонь.

— Нет!!! — прорычал я, буквально силой стаскивая принцессу за собой по ступеням. — Вниз! Когда скажу — прыгайте в стороны и бегите!...

Тира, широко распахнув глаза, ещё неосознанно пыталась сопротивляться мне, волокущему её прямо навстречу опасности... Но моя интуиция, не оставляя времени на раздумья, выла в голос: в этом был наш единственный шанс. Узкий пяточок вокруг плиты с Поющим Молотом никак не мог бы укрыть пятерых от сошедшего с ума железного великана. А вот его гигантские ступни вряд ли смогут развернуться на неширокой лестнице...

Даже если Молчун сумеет спрыгнуть следом, у бегущих прочь будет фора... но я хорошо представлял, как быстро это чудо гномьей механики может передвигаться по гладкому как ледяной каток полу на своих колёсах.

А потому — спрыгнуть следом он не должен.

Я рявкнул: «Давай!», когда до пола оставалось меньше, чем два человеческих роста, а между мной и Молчуном — всего четыре нешироких ступени. Принцесса повиновалась мгновенно — зажмурилась, но прыгнула правильно, присев на край лестницы и чуть оттолкнувшись руками. Гномы слаженно посыпались вниз с другой стороны.

А я стиснул зубы, выпрямился и замер, глядя на грудку ожившего железа прямо перед собой.

Металлический гном остановился. Поднялся во весь рост. Пустая лицевая пластина на миг застыла на уровне моих глаз...

Я ждал, отчётливо слыша, как стучит собственное сердце.

Ещё теплилась надежда, что Молчун просто прекратит движение, почувствовав, что

дорога занята... как было бы замечательно! Но — увы...

Детали чуть слышно скрипнули и огромный кулак, дрогнув, двинулся по широкой дуге назад, уходя в замах...

Со всей скоростью, на какую был способен, я рванул по ступеням вверх.

— Альтар!... — растерянно вскрикнула Тира внизу, не дождавшись моего прыжка.

Сзади слышалась размеренная поступь Молчуна — и это было хорошо. Значит, у меня получилось отвлечь его на себя...

Если б к тому же ещё знать, как его обезвредить...

Отыграв у машины несколько драгоценных мгновений, я вылетел на площадку. Поющий Молот по-прежнему возлежал на своей хрустальной плите. Но что толку?!

Демоны!... Будь ты не артефакт, а простой кузнечный инструмент — как пригодился бы ты мне сейчас...

Я не представлял, что должно случиться с тем, кто коснётся этой штуки, не имея на то законного права. Но ни главой Аметистового Дома, ни Мастером Мастеров я уж точно не был, и опробовать на собственной шкуре уготованную нечестивцу кару мне хотелось ещё меньше, чем разбираться с обезумевшим Молчуном.

Впрочем, последнего так и так не избежать... Не теряя времени, я укрылся за плитой, так, чтобы она оказалась между мной и лестницей. Вовремя — Молчун как раз преодолел последнюю ступеньку и, в точности как я и предположил, встал на колёса.

На них он и вправду был гораздо манёвреннее, и, если бы не хрустальная глыба, мне пришлось бы худо... Пару раз Молчун дёрнулся вдоль неё в одну, затем в другую сторону. Я с зеркальной точностью повторил его движения, и он снова замер, ощутив, что достать меня таким образом не удастся. Я ругнулся сквозь зубы: мелькнувшая было надежда добраться до лестницы, по которой я смог бы сбежать гораздо быстрее, чем грузно топающий великан, растаяла без следа.

Между тем Молчун опять ожил, пробуя достать меня вначале кулаком, а затем длинной палицей, что осталась в его правой руке от метлы. Кулак, на моё счастье, не дотягивался. От палки я тоже ушёл без труда: достаточно было слегка пригнуться. К тому же цепи, тянущиеся от углов плиты с Молотом вверх, изрядно мешали Молчуну сделать полноценный размах...

Железный болван застыл в очередной раз. Я, переводя дыхание, опёрся на плиту... которая вдруг, дрогнув, двинулась прямо на меня.

Безымянный!!!

Мои ноги, теряя опору, заскользили по хрустальному полу.

Молчун подналёг ещё больше — и я почувствовал, что упираюсь пятками в символический заборчик на самом краю...

Едва успел!... Подпрыгнул, подтянулся на руках, рывком перебрасывая тело на плиту. Ещё рывок, и я вскочил на ноги — для того, чтобы тут же рухнуть, как подкошенный, когда стальная палка ошеломляюще сильно врезала мне под колени...

Я заскользил по накренившейся плите прямо на Молчуна. Извернулся, со всей силы впечатал обе ноги прямо в металлическую грудь... Но гигант лишь слегка качнулся назад, да новый удар палицы, вышибая искры, грохнул по плите в какой-то пяди от меня.

Что-то в очередной раз скрежетнуло и скрипнуло. Молчун снова навалился всем корпусом на хрустальную глыбу, высвобождая на сей раз и левую руку. Кулачище исполинских размеров взмыл над моей головой...

Цепи сбоку от плиты задержали моё падение. Одной рукой я отчаянно впился в металлические звенья, понимая, что уже не смогу ни вывернуться, ни заблокировать удар; вторая же, беспомощно скользнув по глади хрусталя, внезапно ощутила под пальцами костяную рукоятку...

Мгновением раньше или мгновением позже!... — молнией пронеслось в голове... Какая к Безымянному разница...

Древко Поющего Молота на удивление удобно скользнуло в ладонь. Я опередил Молчуна не более, чем на один взмах ресниц... Удар пришёлся по стальной голове, заставив её нелепо дёрнуться вбок. Гигант пошатнулся, на миг утратив контроль над тяжёлой хрустальной плитой.

Сверкающую глыбу немедленно повлекло назад. Молчун снова упёр в неё руки, пытаюсь удержать в равновесии — но я не дремал, понимая, что другого шанса не будет...

Второй удар вышел не таким сильным, зато более точным, оставив заметную вмятину посреди лицевой пластины. Скрип и лязг деталей резко усилились. В местах сочленений кое-где показались искры... Очевидно, налаженный механизм управления дал сбой — Молчун внезапно выпустил из подошв колёса, что и определило его судьбу. Глыба на цепях обрела подвижность, возвращаясь на место — и стальная машина, не в силах погасить приданное ей ускорение, проломил кусок ограждения и вылетела с площадки вниз.

Грохот, раздавшийся через мгновение, казалось, заполнил собой всё пространство грота.

Я тяжело перекатился по мерно раскачивающейся плите, всё ещё сжимая Молот в руках. Заставил себя сползти на площадку и подойти к зияющей в ограждении изрядных размеров дыре. И увидел, как посреди груды покорёженных обломков металла, оставшихся от разбитого Молчуна, шевелится нечто грязно-белое, торопясь выбраться на свет...

— Дхайне тэра мэрдо! — заорал кто-то из братцев. — Будь я проклят — дихостора! Здесь! У самых Мастерских!...

Существо, напоминающее покрытую линялым мехом жирную бабочку размером с человеческую голову, медленно расправило бледные крылья и вальяжно воспарило в воздух.

— Это нежить! Нежить!... Тира!... — не в силах ничего сделать, отчаянно выкрикнул я, заметив сбоку принцессу.

Но она и так была начеку. Изумрудное облако сорвалось с её вытянутых рук и, окутав бабочку, полыхнуло ослепительным светом.

Вспыхнуло, заискрило — и через миг то, что было дихосторой, опало кучкой белесого пепла на блестящий пол.

Я вернулся к плите. Поколебался, но всё-таки аккуратно положил Молот на место. Вновь оставаться безоружным страсть как не хотелось — но уж лучше будет поискать что-нибудь подходящее среди обломков Молчуна...

Похоже, мне и так изрядно повезло, что артефакт вдруг оказался благосклонен — но испытывать Судьбу просто так не стоило.

Я спустился по лестнице, почти не замечая ступеней. Тира, подволакивая ногу, заковыляла мне навстречу.

— Демоны! Подвернула?! — не удержался я.

Вместо ответа принцесса, грозно сдвинув брови, накинулась на меня:

— Ну зачем? Альтар, зачем ты это сделал?! А если бы... Проклятье, если бы он тебя убил?!

— Не убил же, — я постарался хмыкнуть как можно небрежнее. — А другого я всё равно ничего не придумал... Тира! Тира, ты...

Пальцы принцессы внезапно судорожно сжали отворот моей куртки. Всхлипнув, она уткнулась носом в мой воротник.

— Это из-за меня... — сбивчиво пробормотала она. — Если бы с тобой что-то случилось... я никогда бы себе не простила...

— Ну что ты придумала... Брось! Перестань, слышишь... — решительно не представляя, что делать, я неловко прижал её к себе, погладил по волосам.

Гномы деликатно отвели глаза.

К счастью, Тира быстро взяла себя в руки.

— Что... с ним случилось, ты понял? — скороговоркой спросила она, отстраняясь и украдкой вытирая покрасневшие глаза. — Что за нежить — дихостора? Я... не слышала о такой.

— Да эта паразитка — бич рудных жил... — ответил за меня Марвин. — Там, на выработках и в глубине её навалом...

— Последнее время, часто бывает, ловим её на границах, — Карвин фыркнул. — Так-то она малоопасна, с тех пор, как Пылевую Хворь научились лечить. Но вот Молчунам с ней настоящая беда!... Присосётся к узлу на шее — там, где все соединения проходят — и вертит им как хочет — пока не разобьёт. Пришлось убрать их со всех границ и шахт — теперь сами маемся...

— Но чтоб здесь — в самом сердце Дома!... — Дарвин сплюнул в сердцах. — Не было такого никогда. Я не сразу-то и сообразил... Представить не мог, что это — та самая рудная дрянь...

— А что со вторым Молчуном? — Тира, явно сердясь на себя, подняла на гнома суровый взгляд.

— Дхайне! Не представляю... — нахмурился тот. — Сейчас сходим, проверим...

— Стойте! — охладил я их пыл. — Не так быстро...

— Если в нём сидит такая же... — недоговорив, Тира поморщилась от отвращения, — я сразу же ударю по нему Живительным Ветром. Должно сработать...

— Хорошо, — порывшись среди обломков, я вытащил толстый железный прут длиной в полторы руки, подкинул в ладони. — Но это пусть тоже будет. Так, на всякий случай...

«Всякий случай» не пригодился. Второй Молчун прилежно копошился в механизмах около стены, и на нас, с опаской покинувших арку Хранилища, не обратил ни малейшего внимания. Расхрабренный Карвин окликнул его издали, велел отправляться в Дремариум — и металлический гигант, послушно свернув работы, покотился по одной из дорог в сторону пещер.

По всей видимости, дихостора оказалась только одна. Мы без приключений добрались до шахты, по которой спустились сюда, и забрались в клеть.

— Нет, но всё-таки — как же ты управился с Молчуном? — любопытствовал Марвин, когда подъёмник, глухо скрипнув, уже пополз наверх. — Нет, я конечно вижу, ты парень дюжий и всё такое... Но без магии и без оружия завалить такую махину... голыми руками...

— Мне повезло, — перехватив внимательный взгляд Тире, я неопределённо качнул головой. — Удачно врезал ему ногами, когда он толкнул плиту. А остальное случилось без моего участия...

В дверь постучали — негромко, но настойчиво, бесцеремонно выдёргивая меня из плена глубокого сна. Я поморгала глазами, повернулась на бок... Ashratt, неужто проспала?! Но затейливая клепсидра на прикроватной тумбочке только начинала отсчитывать рассветную ору, а отправляться в путь мы собирались после завтрака...

Однако стук повторился, и я, с сожалением заставив себя выбраться из тёплой постели, кое-как натянула рубашку со штанами и, отчаянно стараясь не зевать, выглянула на порог.

За дверью обнаружился Альтар в полном облачении — разве что без меча. Я хмуро воззрилась на него, в последний момент проглатывая едкий вопрос, а ложился ли он вообще сегодня спать. Однако его слова напрочь отбили у меня желание вредничать.

— Шаэ, прости... Нужна твоя помощь. У Тиры с ногой совсем плохо... Можешь посмотреть?

Я закусила губу и молча кинулась вглубь комнаты за сумкой с запасом лекарств.

Когда мы вошли в комнату Рожерии, принцесса, закутавшись в тёплый халат, восседала в подушках посередине кровати; около неё хлопотал встревоженный Тонио. Я без лишних слов опустилась рядом и откинула одеяло с её ног.

Тира вздрогнула, едва заметно скривившись от боли, но покорно позволила мне размотать бинты, скрывавшие правую лодыжку.

Даром говорить, что увиденное мне совсем не понравилось. Сустав от души распух и, похоже, воспалился... хорошо, если целы были связки. В таком состоянии не то что движение — любое стороннее прикосновение должно было причинять нешуточную муку. Похоже, до утра Рожерия продержалась исключительно на фамильном упрямстве...

— Ashratt! Вот это потанцевали!... — не сдержалась я.

На бледных скулах Тиры проступил румянец.

— Шаэ... — начал Альтар, виновато отведя глаза.

Но я не дала ему договорить, сердито набросившись на принцессу:

— Почему не позвала меня раньше?! Так нравится страдать?

— Так я спала... — негромко пробурчала Тира. — Азалия наколотила какое-то зелье...

Велела выпить перед тем, как лягу.

Азалия...

Я раздражённо мотнула головой. Бездна — а ведь в том, что вижу перед собой, есть немалая часть и моей вины...

Вчера, едва Альтар под руку привёл из круга танцующих прихрамывающую Тиру, невестка Васты немедленно развила бурную деятельность по оказанию ей неотложной лекарской помощи. Я попробовала взглянуть на лодыжку принцессы собственными глазами, однако Азалия и не менее чем пятеро её компаньонов попросту оттёрли меня в сторону, под аккомпанемент охов и вздохов утащив пострадавшую наверх в её покои. Следом за ними двое молодцов, спешно отправленных в комнаты Азалии и Грида, потянули огромный сундук с микстурами, порошками и притираниями, а Васта и Ламар наперебой заверили, что Тира находится в надёжных руках. Рассудив, что целительнице, обучавшейся по обмену в одной из имперских Академий, не составит труда совладать с небольшим растяжением, я не стала навязывать собственную помощь... И, как оказалось, зря.

Выбросив из головы посторонние мысли, я заставила себя сосредоточиться.

— Терпи теперь...

Рожерия задержала воздух в груди и стоически не проронила ни звука, пока я касалась травмированной лодыжки кончиками пальцев, направляя лёгкие потоки чар в нужные места.

— Что, так плохо? — не выдержал Антонио, когда я, наконец, убрала руки и перевела дух.

— К счастью, нет.

Я сердито сбросила назад прядку волос, сползшую на глаза, и кивнула Тире:

— Жить будешь... Это действительно лёгкое растяжение. Но вот за подобную помощь кое-кому и впрямь стоило бы пооткручивать руки. Целительница, Ashratt ad Aen...

— Ты о чём? — вскинулся Альтар, после первых моих слов облегчённо расслабивший плечи.

— Об Азалии и всей этой чепухе... — Я отшвырнула подальше ворох бинтов, щедро пропитанных бальзамом с резким запахом. — При растяжении достаточно было чего-нибудь живительного и охлаждающего, вроде вытяжки из релангуса и ромашкового корня. А она мажет твою ногу лавинией, совершенно в этом случае бесполезной... Впридачу оставляет этот компресс на всю ночь. Да ещё добавляет сонное питьё, сделавшее тебя совершенно нечувствительной к боли...

Вытащив из сумки чистый платок, я смочила его водой и принялась аккуратно обтирать остатки бальзама с кожи принцессы.

— Всё бы ничего — только вот сок змеглава и каменное масло, на которых настояна мазь, как водится, проникли глубже и усилили вызванное травмой раздражение...

Я, не сдержавшись, поморщилась.

— Ещё немного такого лечения, Тира — и не факт, что когда-нибудь тебе в принципе повезло бы избавиться от хромоты...

Принцессу передёрнуло.

— И что теперь? — дрогнувшим голосом спросила она.

— Думаю, ничего. — Я в очередной раз выжала над чашкой платок. — Всё же ты как нельзя вовремя проснулась... Сейчас сотру эту дрянь. Дальше — смешаю тебе регенерирующий эликсир, а ногу подлечу чарами... До завтрака придётся попотеть. Но зато, полагаю, потом забудешь всё это, как страшный сон.

— Хвала Богам!... — выдохнул Тонио. — Какое всё-таки счастье, что у нас есть ты, Шаэ...

— Счастье было бы, когда б глядела в оба, — нехотя буркнула я. — А не доверилась бы неизвестно кому...

— В этом нет твоей вины! — как обычно в подобных случаях, горячо заверил маг. — Знаешь, вчера за ужином Азалия тоже показала мне весьма образованной и толковой... Она присоединилась к нам с почтенным дэром Уррином, когда мы беседовали о свойствах камней и металлов. Со знанием дела высказала несколько очень интересных мыслей... Если честно, я очень удивился, когда узнал, что она целитель.

— Не знаю, Тонио, какой из неё камневед или металлист, — в сердцах бросила я, — но подобные вещи — азы, которые обязан знать любой мало-мальски толковый травник! Ладно бы ещё деревенская полуграмотная бабка... Но маг-целитель с Академским дипломом просто не имеет права на такой вопиющий ляп!... Так, ладно... — Я спохватилась. — Оставьте-ка нас все в покое! Дайте сосредоточиться, наконец...

Тонио и Альтар покорно вышли за дверь и я не медля приступила к делу. Лечение

вышло хлопотным: не только принцессе, но и мне самой пришлось подкреплять эликсиром силы... Однако к завтраку, как я и предполагала, Тира спустилась самостоятельно и почти без хромоты.

За ночь пиршественную залу уже успели прибрать, и ничто, кроме огромного стола в середине, не напоминало о том, что вчера здесь веселился и гулял почти весь Аметистовый Дом. Утреннюю трапезу с нами разделили лишь самые близкие родичи Торгрин: его бабушка, Грид с женой и Ламар. При виде Азалии Тира легонько прикусила губу, но промолчала: из уважения к чувствам Тора мы решили не затевать в его семействе скандал — тем паче, что через несколько ор нам предстояло всех их покинуть.

Азалия, разумеется, ничего не заподозрив, по-прежнему мило щебетала, как птичка, в то время как её супруг угрюмо ковырялся в своей тарелке, не поднимая ни на кого глаз. Ламар был по-светски вежлив и мастерски поддерживал за столом беседу о пустяках. Васта же явно выглядела расстроенной, с трудом смирившись с желанием внука снова уехать, хотя изо всех сил старалась не показывать этого.

После завтрака Ламар с братом отправились вместе с нашими мужчинами в оружейные мастерские — нынешняя экипировка Торгрин и моего Стража, наспех подобранная из того, что нашлось у псоглавцев, не выдерживала никакой критики. Тира и Васта занялись сбором провизии и вещей первой необходимости для предстоящего нам путешествия. Мне же было предложено пополнить в компании Азалии запасы целебных средств — разумеется, я с радостью воспользовалась такой возможностью.

Невестка Васты сопровождала меня в просторное хранилище под самой крышей, полное всевозможных магических ингредиентов, эликсиров и сушёных растений. Я быстро отобрала снадобья, самые нужные для дальней дороги. Попутно, задав несколько осторожных вопросов, окончательно убедилась в том, что в целительском деле Азалия разбирается крайне слабо. Хотелось бы думать, что она была не единственной лекаркой Аметистового дома — иначе несчастным гномам оставалось только посочувствовать...

В то же самое время я с удивлением обнаружила, что непринуждённое «чириканье» моей спутницы кажется легкомысленным только на первый взгляд. Пока мы возились с порошками и травами, девушка неоднократно пыталась «прощупать» меня, аккуратно выводя разговор на Торгрин и цели нашего визита к его деду. Причём делала она это настолько тонко, что, возможно, в иное время её интерес даже не бросился бы мне в глаза... если бы только вчера теми же самыми вещами не интересовался Ламар, развлекавший меня беседами во время праздничного ужина.

Я, не моргнув глазом, отделялась общими фразами или делала вид, что не понимаю, о чём речь — хотя тревожный звоночек уже прозвенел. Так что с чердака я вернулась, нагруженная не только целебными снадобьями, но и неприятными мыслями.

С другой стороны — что мне было предъявлять Торгрину: что один из его дядьёв и жена второго проявляют явный интерес к его дальнейшим планам? Пожалуй, об этом всё же стоило бы сказать... Однако такой возможности у меня уже не было: оставшееся до отъезда время нас больше ни на мгновение не оставляли одних.

А'Karjaell и Тор вернулись к нам в обновках — удобных и прочных штанах и куртках из проваренной кожи, одинаково ладно сидящих на их непохожих фигурах. Не только для Торгрин, но и для Стража кудесники-гномы даже смогли отыскать подходящего размера сапоги с металлическими набойками на пятках и носках, добротные тёплые плащи, перевязи для оружия.

У пояса гнома висела массивная боевая секира-«затмение» с широким полукруглым лезвием, смертельно опасная даже на вид. Я взглянула на Тора с интересом: эта вещь далеко не каждому покорялась в бою. И если наш приятель нацепил её не ради форсу, то его мастерство воина заслуживало не меньшего уважения, чем скульпторский талант...

Мой Страж сменил простенький прямой меч на почти такой же, только превосходного качества и из гораздо лучшей стали. Впридачу ему посчастливилось раздобыть комплект метательных звёзд — этим редким оружием A'Kariaell владел в совершенстве. Альтар остался при своём клинке, выкованном императорскими кузнецами, но тоже не удержался от соблазна обзавестись парочкой гномских кинжалов.

Мы с Тирой и Тонио не стали менять оружие, но вместо этого прибавили к своему дорожному скарбу несколько весьма полезных придумок гномьих мастеров. Наш чародей и принцесса получили из рук Васты по набору лёгких универсальных инструментов, незаменимых в любом походе. Мне же достался хитроумный механический компас, способный верно указать направление в любой точке на земле и под её поверхностью. Ремешок его Грид самолично защёлкнул у меня на запястье.

Но вот кто действительно произвёл на меня неизгладимое впечатление — так это скагарры... Оказалось, что по Глубинному Пути нам предстояло отправиться верхом на этих зверюгах. Неистовая лошадица в душе, я с замиранием сердца приблизилась к огромным мохнатым «насекомым», смиренно ожидающим, пока несколько расторопных парней навьючат на их бронированные спины тюки с нашими вещами.

Ночь Всеблагая!... Даже не представляю, как удержаться на таком верхом...

— Да проще простого!

Торгрин, с ходу уловивший мои сомнения, самолично закреплял на своём скагарре самую большую нашу ценность — полученный от Ранамона тяжёлый свёрток с агмарилловыми слитками. Справившись, он продемонстрировал мне специальные выемки в ковальной «сбруе» существа.

— Гляди! Сюда вот ставишь ноги... Здесь упираешься коленями... А вот за эту скобу перед собой держишься руками. Вот так!...

Он ловко запрыгнул на скагарра и объехал вокруг меня неширокий круг, попутно поясняя, как велеть зверю поворачивать, ускорить либо замедлить шаг. Мохнатый «жук» подчинялся всаднику беспрекословно. Но Торгрин всё-таки был гномом, а мы — нет.

— Да какая разница! — сморщив нос, беспечно отмахнулся тот. — Они повезут тех, кого велели погонщики — и точка! Наше дело — следить за дорогой. Но ежели стрелки на Глубинке переведены верно, то можешь даже и заснуть в седле — главное, не свались...

— Рин... — Васта остро взглянула в лицо внуку. — Не стоит относиться к Путям так легкомысленно. Они сейчас далеко не столь безопасны, какими ты их запомнил семь зим тому назад...

— Матушка, — укоризненно заметил Ламар. — Ну что ты, в самом-то деле... Ты же сама вместе с нами полночи разбирала дорогу. Выверяла каждый отрезок, каждую стрелку до самой последней... Они пересекут гряду напрямик, не приближаясь ни к завалам, ни к диким участкам. И ужинать будут уже на поверхности, в компании стражей Крылатой горы, которые с утра пропускают их на Равнины...

— Пусть так, — вынуждена была признать Повелительница Пружин. — Но спать в седле всё равно не стоит.

Ламар покачал головой и, улучив момент, шепнул так, чтобы Васта не слышала:

— Самая большая опасность — это эль, который варят Крылатые. Крепкий, зараза!... Не дай вам Кузнец хоть малость перебрать... Забудете о дороге дня на три, это уж точно!...
Альтар понимающе хмыкнул. А'Kariaell тут же презрительно скривил губы.
— Не волнуйся, Ламар, — усмехнувшись, вполголоса произнес Торгрин. — Сам знаешь: пугать элем Сына Гор — последнее дело...

* * *

Огромная клеть, плавно подрагивая, опускалась вниз. Мерно проворачивались валики и шестерёнки, хорошо заметные сквозь отверстия в крыше; их полированные плоскости отражали мягкий свет встроенных в стены магических фонарей.

С Гридом и Азалией мы простились раньше, ещё в резиденции Аметистовых. Но вот бабушка и младший из дядьёв Торгрин пожелали лично проводить нас до самого выхода на Глубинный Путь.

Васта не сводила глаз с лица внука, как-то в один миг подобравшегося и утратившего показную бесшабашность. Тира, прижавшись к боку Альтара, с любопытством разглядывала невозмутимых скагарров, под присмотром двоих погонщиков выстроившихся у противоположной стены. А вот Тонио не отводил замороженного взгляда от просветов в густом частоколе дверной решётки...

Я тоже попыталась было развлечь себя наблюдением за нашим спуском, но долго выдержать не смогла. Стены каменного колодца, прорубленного в толще горы, то смыкали вокруг клетки плотные кольца «объятий», то внезапно разбегались в стороны, оставляя её «парить» на невидимых нам цепях посреди пугающей пустоты... Какое-то время лишь едва слышимый скрип хорошо отлаженного механизма не давал забыть о том, что мы продолжаем движение — до тех пор, пока клеть не погружалась в недра очередного коридора, начинающего следующий по счёту ярус.

Позади оставался один подземный уровень за другим.

А'Kariaell, стоящий рядом со мной, вздрогнул и ещё ниже опустил голову. Гора давила на него чем дальше, тем сильнее, словно наяву заставляя ощущать всю тяжесть громоздящегося над головой камня на своих плечах...

Я нащупала кисть руки Стража, крепко сжала, буквально силой добиваясь от него такого же пожатия в ответ. И до самого окончания спуска уже не выпустила его ладонь из своей.

Время в этом узком кусочке пространства, огороженном четырьмя стенами, совершенно не чувствовалось. Когда шестерни, глухо скрипнув в очередной раз, внезапно застыли без движения, я, вторя им, не сдержала облегчённого вздоха. Неужели, наконец, добрались?

Подтверждая мои мысли, Ламар сделал шаг к дверям, скинул железную скобу, блокирующую запирающий механизм. Решётчатые створки, задрожав, поползли в разные стороны, освобождая нам дорогу. Нет, не сами собой, как мне поначалу показалось — просто внизу уже были готовы к нашему прибытию.

Двое стражников-гномов в украшенных символами Дома фиолетовых плащах почтительно застыли у дверей опустившейся клетки, держа в руках магические бездымные факелы. Пока все выбирались наружу, выводили скагарров, я огляделась вокруг с немалым интересом и любопытством: как-никак, мы находились на самой границе обжитого гномами

пространства.

Клеть доставила нас прямым во внутреннюю башню форта — маленького, но оборудованного со всем возможным тщанием. Во дворе, на массивных стенах и укрепленных бойницах несло караул не менее десятка воинов, вооруженных до зубов. Стражи крепости зорко оберегали подъемник в обитаемый мир от всех возможных опасностей, что способно было затаить раскинувшееся вокруг первозданное царство камня, эха и сумеречной мглы...

Единственным рукотворным чудом за пределами форта были двустворчатые ворота в три человеческих роста, как будто бы вдавленные в монолитную каменную твердь. Чтобы добраться до них, следовало покинуть крепость через главный вход и двинуться напрямик по широкой дороге, превосходно просматривающейся и простреливающейся со стен.

Очевидно, следуя установленному порядку, половина солдат гарнизона отправилась к воротам вместе с нами. Действуя слаженно и быстро, они привели в движение хитроумную конструкцию, «втянувшую» стальные пластины внутрь глубоких прорезей в камне, и подсветили нам путь внутрь. За воротами оказался широкий коридор с гладкими стенами, в дальнем конце которого хищно сверкали стальные зубья решетки.

— И всё же, — переступая невысокий порог, Васта окинула взглядом одну из стен у самого входа, — ты зря отказываешься от сопровождения, Ринни... Ещё несколько вооруженных воинов вашему отряду не помешали бы.

— Они нам просто ни к чему, бабушка. Хороших мечей у нас и так хватает... — Торгрин шагнул в коридор следом за ней, в точности повторяя её движения. — Сама же знаешь эту паршивую особенность Глубинки: чем больше народа движется по Пути, тем длиннее в результате выходит дорога...

— Правда? — заинтересовалась я. — А почему это так?

— Скорее всего, какой-то сбой в расчётах магов, прокладывавших Пути, — пояснила Васта, проводя ладонью по стене. — А может быть, и не сбой, а просто действие какого-то хитроумного закона... Кто ж их знает?

— Да маги и знают, — подхватил Ламар. — Те из них, кто пережил войну. Только теперь их осталось до ничтожного мало... Вряд ли им действительно до того, чтобы заниматься каким-то мелким побочником, в целом никак не влияющим на исправную работу Глубинных Путей...

Логично, не могла не признать я. То, что Рубия растеряла в ходе Войны Огня и Крови почти всех своих чародеев, отчаянно прикрывавших передовые гномы, а заодно и орочьи отряды, ни для кого не являлось тайной. И всё же что-то в выкладке дядюшки Торгрина резануло мне слух и снова заставило насторожиться... Но в этот момент темноту вокруг нас вдруг разогнало мягкое серебристое сияние — словно где-то под невидимыми сводами пещеры внезапно взошла ясная луна.

Прямо на наших глазах на шероховатой поверхности камня начало проступать, с каждым мгновением обретая чёткость, изображение огромной карты пещерных коридоров и ходов, занимавшее почти всю ближайшую к нам стену. Прорисованная подробно, со множеством деталей, карта, казалось, жила своей собственной жизнью: с отвесных скал и утёсов то и дело осыпались камни, в глубоких расселинах текли стремительные подземные реки и неспешные лавовые озёра; местами земля подрагивала, ощущая подземные толчки...

Зрелище было удивительным и завораживающим... И только гномы остались к нему равнодушными — рассредоточились вдоль чудесной панорамы и обстоятельно принялись за дело.

Васта отцепила с пояса металлический футляр. Развернула в руках широкий свиток, исчерченный от руки... Отрывистые указания Повелительницы Пружин, уткнувшейся в бумажную карту, нам были совершенно неясны — зато Торгрин и Ламар схватывали их с полуслова. Длинные тонкие указки, неведь откуда взявшиеся в их руках, мелькали, словно мечи в моменты стремительных выпадов, касаясь стены то здесь, то там, когда слаженно, а когда и по очереди...

Я поначалу решила, что мне чудится — но присмотревшись, поняла, что на самом деле вижу, как неуловимо меняется рисунок на стене. Линии на отмеченных гномами участках стирались, проявлялись иначе, выстраивались по-другому и снова сливались, постепенно образуя ведущую через всю карту дорогу...

Наблюдая за нами, старший из стражников подал знак, и двое его подчинённых резво пробежали к решётке, подналегли на ворот. Тяжёлые зубья со скрипом потянулись наверх. Погонщики засуетились, принялись по одному проводить через коридор навьюченных скагарров — определённо, терять время здесь не привыкли.

В этот миг у порога замаячила фигура ещё одного солдата в плаще... Я заметила его потому, что этот стражник был не из числа тех, что покинули форт вместе с нами. Он быстро обежал глазами пещеру и почти бегом направился к старшему.

Тот, поморщившись, бегло выслушал какое-то донесение, с каждым мгновением всё больше мрачней. Затем, почти не глядя, выхватил из рук солдата мятый бумажный листок и торопливым шагом направился к бабушке Торгрин.

— Дэра Васта... — откашлявшись, произнёс гном. — Тут... сообщение для вас из Мастерских.

— Дхайне!... — На мгновение оторвавшись от карты, Повелительница Пружин кинула на него крайне нелестный взгляд. — Дактор! А это не может подождать?

Страж переступил с ноги на ногу, явно чувствуя себя неудобно, однако упрямо покачал головой:

— Простите, дэра Васта... Но действительно никак...

— Ты бы глянула, матушка, — подал голос Ламар. — Вдруг и впрямь что-то важное?

— Тэра крэсто!... Мой единственный внук, не успев воскреснуть, вновь норовит упорхнуть из родного дома на сагаррово застолье... Что может быть более важным? — раздражённо откликнулась Васта, но бумажку всё-таки взяла.

Пробежала торопливым взглядом несколько строк — и натурально изменилась в лице.

— Дхайне табия!!!

— Что там?... Что?!

Почувствовав неладное, мы все подтянулись поближе. Торгрин с Ламаром, оставив указки, напряжённо вытянулись перед ней.

— Рабочие наткнулись на гнездовье дихосторы... В Мастерских!... — убитым голосом сообщила Повелительница Пружин. — Кладку удалось уничтожить. Но несколько яиц к этому времени были уже пусты... Ты представляешь, что это значит?!

— Мэрдо! Но там же Молчуны!... — выдохнул Торгрин. — Прорва Молчунов!

— И теперь их всех придётся отозвать с работ, отключить. Проверить, с ног до головы — каждого! Каждого!... Дхайне... Мастерские полностью замрут на несколько дней...

— А печи? А плавильни? — Тор цокнул языком. — Они-то не смогут встать...

Васта сокрушённо покачала головой.

— Придётся занимать всех — детей, стариков, домохозяек... Да ещё и, вполне

возможно, просить помощи у соседних Домов...

— Дхайне!... — убито проговорил Торгрин, переводя взгляд с бабушки на нас. — Но я не могу остаться!... Никак не могу...

— Да что толку-то с тебя одного...

Ламар удручённо махнул рукой.

— Матушка, — вздохнув, обратился он к Васте, закусившей губу. — Десятинка-вторая всё равно ничего не решит... Проведём Тора, раз мы уже всё равно для этого здесь. А потом — прямым ходом в Мастерские... Быть может, там не всё так печально, как кажется... — он кивнул на бумажку в её руках. — Грид уже наверняка на месте. Не сомневаюсь, что ему сообщили... А там уже мы подтянемся и сообщая что-нибудь решим.

— Хорошо, — мгновение подумав, согласилась гнома, усилием воли беря себя в руки. — Ты прав, сынок... Тор, возвращайся к стрелкам — и ты тоже, Ламар... Надо завершить то, что начали.

«Колдовство» над стеной продолжалось ещё некоторое время. Наконец Васта тяжело вздохнула и убрала в тубус бумажную карту.

— Пусть будет у тебя, — произнесла она, вложив футляр в руки внука. — На всякий случай... Береги себя, слышишь? И не будь дураком...

— Не буду, — серьёзно пообещал Торгрин, подставляя щеку для поцелуя.

Крепко обнял бабушку, пожал руку Ламару.

— Удачи вам... — совсем тихо произнёс он. — И... простите за то, что не с вами.

Выйдя вместе с нами за решётку, Повелительница Пружин дождалась, пока все мы взберёмся на скагарров, уже выстроенных удобной вереницей. Подняла руку, осеняя вечным, как Мир, знаком благословения, единым у всех народов...

И, когда послушные звери двинулись вперёд бодрой слаженной рысью, украдкой отвернувшись, смахнула слезинку со щеки.

Оказалось, что переживала я даром — ход у скагарра был плавным и нетряским, совершенно не утомляющим всадника. Три подвижных сустава на каждой из десяти лап, обманчиво хрупких и тонких, позволяли существу с лёгкостью преодолевать любые неровности и шероховатости пещерной дороги, словно ровную ленту широкого наезженного тракта. Скоростью скагарр, быть может, и поступился бы лошади, зато так долго и без усталости держать темп не сумел бы ни один, даже самый лучший наземный скакун.

Кованое седло на поверку тоже оказалось на диво удобным и даже мягким, поскольку было с присущей гномам изобретательностью обтянуто вычиненной кожей и мехом. Даже управлять зверем мне почти не понадобилось: скагарры, словно привязанные, строго следовали друг за дружкой, так что на самом деле всю вереницу вёл Торгрин, чей «жук» бежал головным.

Впрочем, Тору тоже не приходилось перетруждаться... Глубинный Путь стелился перед нами, точно и впрямь оставался лишь сплошной линией на карте, а серебристый свет, аккомпанирующий нашему движению прямо из камня под ногами скагарров, разгонял темноту на много саженой вокруг и не давал сбиться с дороги.

Одна пещера сменялась другой. Огромные каменные залы переходили в узкие ходы и галереи — и снова расширялись до бесконечности. Мы проносились под высокими сводами по тоненьким дорожкам, выющимся, точно серпантин, лавировали в причудливом «лесу» натёков и кристаллов всех размеров и форм, растущих из земли и свисающих с потолка... Промчавшись по каменным мостам, пересекли несколько пропастей и без счёта неглубоких

ущелий, тенью проскользнули вдоль берега мёртвого озера с неподвижной тёмной водой...

Поначалу я с любопытством разглядывала диковинные каменные пейзажи. Но ора сменялась орой, а до конца пути было ещё далеко.

Мерная поступь скагарров на самом деле убаюкивала... Впору было действительно, послушавшись совета гнома, задремать в седле под отголоски гулко-го эха, доносившего сквозь цокот когтей по камню то слабый шум далёкого водопада, то дыхание подземного ветра, то дробный рокот просыпавшихся где-то камней.

Привала на обед не планировалось — не тратя лишнего времени, мы должны были добраться до гномьей крепости в Крылатой горе аккуратно к ночи. Я сгрызла пару яблок, не слезая с седла. Подумала — и закусила ломтем румяного лукового пирога: заботливая бабушка Торгринна передала нам в дорогу множество всяких домашних «вкусностей». И когда полезла в сумку за флягой, собираясь хлебнуть водицы, внезапно услышала глухой щелчок из-под правого рукава собственной куртки.

О Ночь!... Компас! — сообразила я... Затейливая вещица, полученная мною от гномов, уже успела прийти мне по душе. Будет ужасно обидно, если поломала...

Когда я со всеми предосторожностями отвернула рукав, то с огорчением увидела, что компас и вправду сломан. На поверку приборчик оказался весьма хрупким: верхняя часть выглядевшего массивным корпуса попросту съехала вбок — видимо, открепилась какая-то деталь, соединяющая её с основанием. Я попробовала осторожно вернуть корпус на место, однако он не поддавался, а пальцы, ощупывавшие механизм, вдруг нашарили под крышкой помеху...

Кусок бумаги?

Подивившись, как он туда попал, я аккуратно потянула за уголок, извлекая бумажный клочок наружу. Он поддавался на диво легко, и через мгновение я держала в руках тугой листочек, сложенный в несколько раз.

Нет, это не могло быть случайностью...

Чувствуя, как тревожно становится на сердце, я медленно развернула листок — так, словно это в самом деле могло отсрочить неумолимо грозящую беду. Перед глазами замелькали буквы, написанные на имперском, бегло вычерченные неровные линии...

Всего несколько строк, выведенных торопливой рукой. Но едва до меня дошёл смысл написанного...

— Стойте!!! — заорала я так громко, что просторный пещерный зал, в который мы только что успели вступить, на все лады отозвался мне гулким перепуганным эхом.

— С ума сошла! — рявкнул Торгрин, от неожиданности едва удержавшись в седле — но вереницу всё же остановил. — Дхайне табия! Кто ж орёт в глубинах гор?!

— Дальше нельзя!... — я вытянула вперёд руку с листком бумаги, чувствуя, как пальцы начинают легонько дрожать.

— Что это? — недоумённо пробормотала Тира.

Альтар подался вперёд, нахмурился, без лишних слов спрыгнул с седла — почти одновременно с моим Стражем. Торгрин тоже спешил, торопливо направляясь ко мне.

— Предупреждение... — Я облизнула пересохшие губы. — Вряд ли кто-то способен так нелепо шутить...

— Но... от кого оно?... — Антонио обрёл дар речи.

Я помотала головой:

— Не представляю... Но если верить этой записке, то движемся мы вовсе не к

Крылатой горе. — Придать голосу спокойствие при всём желании не получалось. — Здесь сказано, что мы умрём, если продолжим ехать той же дорогой...

Альтар

«Остановитесь!!! Этот путь — ловушка! Он обрывается после десятой стрелки, посреди Багряной Впадины, кишащей нежитью! Если хотите жить — строго держитесь иной дороги. а все стрелки переводите вручную».

Ниже была набросана схема — корявые линии, змеящиеся между жирными точками, обильно сдобренные прорвой непонятных значков и рун.

— Дай сюда!

Торгрин, мрачный, словно грозовая туча, выхватил записку из моих рук. Вгляделся в текст и набросок, ещё больше темнея, а затем, ни слова не говоря, сорвал с пояса кожаный футляр. Уже понимая, что ничего хорошего ждать не приходится, мы молча столпились за спиной гнома, раскатавшего карту прямо в пыли под ногами. Возился с нею Тор долго и дотошно, как муравей, лишь сопение его с каждым мигом делалось ещё раздражённое и злее.

— Дхайне!... — выплюнул он наконец, и это звучало как приговор.

Поднял глаза на Шаэ — единственную, кто оставался в седле:

— Откуда у тебя... это?

— Было вот здесь, — эльфийка расстегнула ремешок компаса на запястье, протянула гному. — Он внезапно сломался, а записка была внутри.

Торгрин внимательно изучил круглую коробочку. Что он сделал, я так и не понял — успел уловить лишь ловкое движение пальцев, и сдвинутая набок крышка со стрелкой с тихим щелчком встала на место.

— Не внезапно. И не сломался, — Тор вернул компас эльфийке, словно через силу выговаривая слова. — Значит, Грид...

Шаэриэнн кивнула.

— Да. Компас я получила от него...

— Боги-Братья! — изумлённо выдохнул Тонио. — Но... почему он это пишет? Кому вдруг понадобилось убивать нас?!

Картина происходящего внезапно всё чётче стала проступать у меня перед глазами.

— Тем, кому «воскрешение» Торгина спутало все карты... — ответила за гнома эльфийка, и я понял, что прозрение снизошло не на одного меня.

Встретился с ней глазами и произнёс, кляня себя за то, что не сумел чуть раньше соединить несколько звеньев воедино:

— Скажи, Тор... Твой второй дядя, Ламар, мог бы желать тебе смерти?

— Мог бы. — Мне показалось, что Тор совсем не удивился. — И, чего уж, порою желал. Только вот от его тайных чаяний мне, дхайне, не было ни холодно ни жарко...

— А решился бы он устранить тебя, если бы счёл, что ты заступаешь ему дорогу? — задала вопрос Шаэ.

— Я всегда думал, что нет, — тяжело проговорил гном. — Кишка у него на то была тонковата... И потом, всё же, как ни взять, родная кровь... Тем паче, что наши дороги не слишком-то и пересекались. А уж когда я разругался с дедом и сдуру рванул воевать...

— Похоже, что минувшие семь лет изрядно закалили твоего дядю, — обронила

эльфийка. — И вовсе не лучшие его черты... Или у него и вправду появилось теперь, что с тобою делить.

Торгрин остро взглянул на неё:

— Так... — выдохнул он, помотав головой. — Погоди... Для начала, нам надо сойти с Пути. Его магия оберегает только движущихся. А мы стоим, да ещё на открытом месте... Любая пробегающая мимо тварь, охочая до тёплой крови, может подумать, что ей внезапно ниспослали обед...

— Здесь есть твари? Какие? — Эльфийкин Страж цепко осмотрелся, пытаясь разглядеть неведомую опасность за сумеречными очертаниями камней.

— Разные, — уклончиво ответил гном.

Местность вокруг напоминала холмистую равнину, усыпанную булыжниками: от исполинов, похожих на маленькие горы, до обычных окатышей размером не более кулака. Впереди, на видимом расстоянии, маячила каменная стена и несколько ярусов неровных наростов на ней — точно грибы-паразиты, облепившие ствол гигантского дерева...

Торгрин свернул карту и вернулся к головному скагарру, беря его под уздцы. Мы поспешили рассредоточиться вдоль вереницы, делая то же самое.

— Но за всю дорогу, — осторожно заметила Тира, выводя своего зверя со светящегося отрезка тропы, — мы так и не видели ни одного существа — живого или нет...

— Принцесса... — подчёркнуто мирный тон Торгрин заставил Тиру вздрогнуть. — Если ты их не видишь — ещё не значит, что они не видят тебя.

Убежище отыскалось довольно быстро — один из каменных горбов, изломанными ступенями рвущийся ввысь, оказался полым внутри. Тонио и Шаэ проверили его с помощью магии, затем мы с А'Кариэллом шагнули внутрь, держа наизготовку клинки. Небольшой круглый грот действительно оказался «ничей»: внутри было прохладно и пусто, а толстый слой каменной крошки и пыли на полу не хранил ни единого отпечатка. Разлом в камне, служивший входом, был достаточно широк, чтобы мы смогли по одному провести внутрь скагарров, навьюченных поклажей, а затем разместиться самим.

Я выбрал место около самой «двери» — отсюда в бурой дымке вечных Рубийских «сумерек» вполне сносно просматривалась оставленная нами местность. Эльф, мельком взглянув на меня, занял такую же позицию у входа, но с другой стороны. Что ж, разумно: как бы я к нему не относился — но два меча в охране в любом случае лучше, чем один...

Внутри нашего импровизированного укрытия было гораздо темнее, и Шаэриэнн зажгла лепесток магического огня.

— Сперва скажу я. — Дождавшись, пока все рассядутся, Торгрин отцепил ножны с «затмением» и тяжело плюхнулся на плащ. — То, о чём предупреждает нас Грид, похоже, правда... Узнать это наверняка я смогу, лишь увидев десятую стрелку. Он в точности рассчитал время, когда мы должны были получить его писульку — девятый рубеж мы проскочили около полуоры назад...

— А если мы повернём обратно? — вступил Антонио. — Я понимаю — конечно, потеряем уйму времени. Но зато целыми и невредимыми выберемся в Митроге...

— И заодно получим возможность поговорить кое с кем по душам, — резко бросил А'Кариэлл.

— Это невозможно. — Торгрин медленно покачал головой. — Вчера, разбирая с Вастой и Ламаром все детали Пути, я сам остановился на односторонних стрелках. Так скорость нашего передвижения вырастает в десятки раз... Но за это с каждым новым перегоном Путь

расплетается за нашими спинами. И подправляет его я могу только лишь наперёд...

— Демоны, но зачем?! — поразила Рожерия.

— Потому что так мы уложились бы за день, — не выдержав, рявкнул гном. — А иначе ползли бы дюжину, а то и полторы...

— Но ведь ты сам лишил нас возможности, случись что, отступить!... — повысила голос принцесса.

— Да пойми же ты — здесь, для гномов это самое привычное дело! — прорычал Торгрин в ответ. — Иначе какой смысл в Глубинке?! И по ней таскались бы, как у вас на поверхности — точно скопища сонных мух!...

— Ладно, хватит вам! — поспешно вмешалась Шаэ. — Так или иначе, но мы уже здесь, и этого не изменить. Теперь главное — понять, как нам выбраться и заодно избежать ловушки...

— В записке Грида рассчитан другой вариант пути, — Торгрин вновь зашелестел картой. — Начиная с той самой десятой стрелки... Смотрите! Вот Багряная Впадина... — мизинец гнома отчеркнул на схеме широкую чёрную «лужу» с неровными краями. — Если двигаться так, как он предложил, то мы пройдем самым её краем — вот здесь, где начинаются проходы в глубину. Они должны быть завалены... — он криво усмехнулся. — Хотя теперь уже я сам не знаю, чему верить...

— Если бы Грид хотел тебя убить, — заметил Антонио, — ему достаточно было бы просто промолчать, не находишь?

— Пожалуй, — хмыкнул гном. — Хотя храбрости ему хватило аккурат на то, чтобы предупредить меня на самом пороге гибели... В любом случае, этот путь выглядит единственной возможностью обойти Багряный котёл — если сейчас нас и впрямь отделяет от него лишь несколько слабеньких каменных стенок...

Пальцы Торгрина с хрустом сжались на рукояти секиры.

— Поганец Ламар!... — горько выдохнул он сквозь стиснутые зубы. — Да и я хорош — ослепший на радостях от встречи с домом дурень!... Выходит, это он организовал и письмо Васте, и дихостору в мастерских... Надо же — заварить такую кашу, и всё ради того, чтобы отвлечь бабку и в нужный момент подправить проклятый Путь!... Но, дхайне рэ крэсто, почему?! Я ведь и так уезжал...

— Рано или поздно ты бы вернулся, — веско произнесла эльфийка. — И с большой вероятностью стал бы претендовать на власть.

— Власть? Ты о Молоте? — Тор поднял на неё глаза. — Так он ведь всё равно у Грида...

— Думаю, что Грид в качестве главы вашего Дома для него куда интереснее и выгоднее, чем ты, — Шаэриэнн внимательно посмотрела Торгрину в лицо. — Я знакома с ними обоими всего ничего, но у меня уже сложилось впечатление, что влияние Ламара на старшего брата очень велико...

Тира встрепенулась, согласно склонила голову:

— Мне, кстати, тоже показалось, что уста вашего Мастера Мастеров лишь повторяют чужие слова.

— Так, в общем-то, и есть, — признал Тор. — Васта как-то обмолвилась, что Ламар даже ездит вместо Грида на Советы...

— Видишь, — резюмировала эльфийка. — Стало быть, пока Молот в руках Грида, ничто не мешает Ламару вертеть им так, как он того желает.

— К тому же, — заметила Тира, — поговаривают, что твой старший дядюшка не особенно-то талантлив и искусен в своём деле. Не только в сравнении с тобой, но и со многими другими вашими умельцами...

В памяти всплыл наш недавний разговор с братцами близнецами за кружкой эля. Внезапно мне показалось, что вместе с ним я вот-вот «ухвачу за хвост» что-то очень важное... Что-то, чего ни в коем случае нельзя упустить...

— Так что вполне может быть, — между тем усмехнулась Рожерия, — что Молот достался Гриду не самым честным путём.

— Артефакт такого уровня нельзя подчинить! — тут же возразила Шаэ.

— А это и не обязательно! — Тира азартно сверкнула глазами. — Достаточно просто не допустить до участия в Испытании тех Мастеров, которые сильнее. Подкуп, обман, шантаж... Да мало ли способов?...

— Ты не понимаешь, принцесса... — Торгрин тяжело вздохнул. — Пусть хоть пол-Дома считает себя толковее, достойней и талантливее... Но Грид взял Молот в руки первым — и тот признал его право. А значит — он останется первым из Мастеров, покуда не умрёт или не отречётся... Формально я — единственный, кто может потребовать повторного Испытания, потому что моё право на участие в нём, можно сказать, было нарушено... Да и то не факт, что в результате Молот, уже даровавший своё благословение Гриду, вдруг оставит его и предпочтёт меня...

Вот оно!...

— Торгрин! — скороговоркой выпалил я, рывком вскакивая с места — А'Кариэлл вздрогнул и изумлённо распахнул глаза... — А что произойдёт, если ваш Молот возьмёт в руки кто-нибудь иной? Совсем не Мастер?

— Если прежний Мастер уже не у дел — то ничего особенного, — удивлённо покосился на меня гном. — Ровно до тех пор, пока не будет избран новый... А как ещё, по-твоему, можно было бы проводить Испытания?

— А если Мастер Мастеров всё ещё правит и здравствует?

Тор неопределённо хмыкнул.

— Ну... Давненько такого не бывало, конечно. Если верить преданиям, первый и последний «иной», что решил полюбопытствовать, навсегда остался в памяти Дома тремя пригоршнями золы...

Я содрогнулся, соображая, как же мне в очередной раз нечеловечески повезло.

Подозрение в глазах Тиры вдруг сменилось изумлением.

— Альтар!... — ахнула она, прижав ладошку ко рту.

— Я не знаю, как Ламар и Грид это сделали... — Демоны, комок в горле изрядно мешал говорить!... — Но на плите в хрустальном хранилище у вас лежит хороший кузнечный инструмент — однако никак не Поющий Молот... Вместо того, чтобы испепелить меня, он спас мне жизнь. Так что поневоле, Тор, я должен быть твоим дядькам благодарен...

— Ты... с ума сошёл!... — гневно выдохнула Шаэриэнн. — Ashratt Ad Aen... Что ты там делал?!

— Это я!... — поспешно встряла Тира. — Я во всём виновата...

— Погоди!... — Стараясь быть кратким, но в то же время ничего не упустить, я пересказал нашехождение на ярус Мастерских, включая подробности битвы с Молчуном, до сей поры известные только мне.

Когда я умолк, эмоций не сдержал никто, даже делано-бесстрастный А'Кариэлл. А затем я с трудом уговорил разъярённую Шаэ, накинувшуюся на принцессу, точно коршун на рябчика.

— Ну всё, всё, прекрати! — заступил я ей дорогу. — Я не спорю с тобой!... Да, безответственные, безалаберные!... Глупые, точно малые дети... Согласен, только смысл не в этом... А в том, что если б нас не понесла туда... хорошо, пусть будет дурь в пустых головах, если тебе так легче... откуда, скажи, мы бы узнали о том, что Поющий Молот — на самом деле подделка?!

Шаэриэнн понемногу утихла, перевела дыхание. Спыхватившись, прынула от меня в неловкой попытке отстраниться, сердито засопела, не сразу сообразив, отчего не получается.

Убедившись, что нервный порыв позади, я разжал объятия, отпуская её на свободу. Эльфийка тут же сделала несколько торопливых шагов назад — в такой спешке, что мне отчего-то даже стало обидно...

Вездесущий Страж — куда ж без него — мигом вырос у неё за спиной, бережно подхватывая под локотки... Но в этот миг заговорил Торгрин, заставляя обратить внимание на себя:

— Дхайне! Если всё так, как ты говоришь, Альтар... Где же тогда настоящий Молот?!

— Да где угодно... — Шаэриэнн отвернулась к стене, приглаживая встрепавшиеся волосы. — Мало ли мест в ваших пещерах, где можно без труда оборудовать тайник? Там он, должно быть, и покоится с тех самых пор, как твой дедушка, сняв с себя бремя власти, отправился к оркам и предоставил Аметистовый Дом самому себе... Кстати, вот тебе, Тор, задачка, — я с непередаваемым удовольствием отметил, что она мягко, но решительно отстранила от себя руки А'Кариэлла. — Смекни на досуге, когда выберемся из этой передрыги... Для того, чтобы выдать фальшивый молот за настоящий, да к тому же провести «ритуал», в который поверили бы все остальные, просто необходим был маг. Достаточно сильный, сведущий в том, как зачаровывать металлы и, несомненно, полностью посвящённый в тайну... При этом ни один из твоих дядьёв к магии отношения не имеет.

— Залка!... — выдохнул Торгрин, задумавшись лишь на мгновение. — Дхайне табия! Теперь понятно, почему она пошла за Грида... Опаловые — самый малочисленный из митрожских Домов, зато они почти не воевали, и колдунов у них уцелело довольно много... Васта говорила, что вместе с Азалией к нашему Дому присоединились некоторые из их чародеев... Это было одним из условий брачного договора, выгодное для нас и для них...

— Подзреваю, что и сама Азалия вовсе не та, за кого себя выдаёт, — холодно добавила эльфийка. — Она представляется целительницей, но в лекарском деле знает очень слабо...

— Зато металлами и камнями действительно интересуется, — вступил Антонио. — Во всяком случае, за ужином мы с нею довольно долго поддерживали на эту тему разговор. И могу с уверенностью сказать — в этих вопросах она вовсе не дилетант...

— Кроме того, её, как и Ламара, очень интересовало, для чего Торгрину вдруг так срочно понадобилось повидать деда, — Шаэ зло хмыкнула. — Думаю, в самом факте этой поездки они увидели возможную угрозу собственному положению: а ну как вы помиритесь и вернётесь вдвоём с тем, чтобы Торгрин прошёл Испытание Молота? В таком случае вывести их на чистую воду было бы парой пустяков...

— Что ж, — подвёл итог я. — Выходит, мы должны сказать спасибо Гриду. Каким бы безвольным и трусоватым все его не считали, всё же убийцей собственного племянника, в отличие от Ламара, он быть категорически не желает. Хотя не может не понимать, что все

их тёмные дела вскроются, едва мы получим и прочитаем его записку...

— Я учту это, — очень серьёзно сказал Тор. — Когда вернусь домой и спрошу с них за всё. Не упущу ни единой мелочи... Но пока... — он вздохнул и расправил плечи, — ... для начала нам действительно нужно остаться в живых. И разыскать деда. Поэтому — сейчас доставайте-ка припасы. Раз уж мы вынуждены были сделать этот привал, то хотя бы подкрепим силы...

Тира с готовностью зашуршала ремешками сумок.

— А дальше? — спросил Антонио.

— Дальше — двинем к десятой стрелке, — Тор криво ухмыльнулся. — Грид не ошибся. За эти семь лет я ещё не забыл, как налаживать Пути вручную.

* * *

Покончив с обедом и вновь выбираясь на Путь, мы получили подтверждение того, что в глубинах подземелий действительно царит своя жизнь, скрытая от нас иллюзиями магических дорог. По каменным «наростам» на скале впереди резво прыгала вверх небольшая стайка скагарров — то ли пять, то ли шесть «жуков».

Я поспешил покрепче намотать на руку повод своего зверя — кто знает, как среагируют воспитанники гномов на появление в зоне видимости своих диких собратьев... Однако, похоже, тревога была напрасной — наши «верховые» повели себя совершенно равнодушно.

— Ух ты!... — замедлив шаг, Тира проводила вольных скагарров восторженным взглядом.

Торгрин же, напротив, нахмурил брови и буркнул под нос что-то вроде того, что следует поторопиться. Волновался он не зря... Когда мы уже выстраивались в вереницу на знакомом участке Пути, отмеченном слабым сиянием, вдалеке у скалы промелькнула размытая чёрная тень — словно сорвалась откуда-то из-под свода, затерянного в вышине.

Стремительное движение — и последний скагарр из тех, что поднимались по скале... попросту исчез, скрытый с глаз тёмным облаком, а остальные его собратья перепугано рассыпались во все стороны, чудом не срываясь вниз. Кто это был, как и куда уволок немаленького зверя, мы так и не успели рассмотреть. Однако моя рука сама дёрнулась к клинку, Тонио вздрогнул, а Шаэ помянула Ашратта...

— Быстрее, быстрее!... — Торгрин поспешил занять место в седле во главе отряда. — Надо выезжать! Путь от многого защищает, и от этого тоже...

— Что это было? — севшим голосом произнесла Тира.

— Двейрин. Или локарр... Сагарр его знает... — убедившись, что все на местах, гном поспешно пустил «головного» рысью, и лишь тогда перевёл дыхание.

Впрочем, наши трудности, похоже, ещё только начинались...

Как Тор распознал ту самую десятую стрелку — для меня так и осталось загадкой. Просто в один момент вдруг резко натянул поводья, заставляя скагарра остановиться, спрыгнул на землю и почти бегом кинулся к ничем не примечательному камню на обочине дороги. Уверенно ткнул пальцем ему одному различимую выемку — в сторону тут же откинулась проявившаяся на рельефной поверхности «крышка», обнажая часть какого-то сложного механизма. Гном закопошился внутри, без конца щёлкая разными рычажками, нажимая кнопки, вращая колёса... Мы замерли в ожидании — Впрочем длилось оно

недолго.

Торгрин поднял голову, прилаживая крышку на место, и скупно проронил:

— Порядок. Едем дальше...

— Так Грид написал правду? — спросила Тира.

— Относительно Багряной Впадины — да, — хмуро бросил гном. — Там она, за этой самой стеной... — он с досадой мотнул головой вбок, обозначая направление. — А вот сможем ли и в самом деле пройти по ободку котла, да не свалиться...

Что-то в тоне его последней фразы повеяло такой тоскливой обречённостью, что пробирало до костей похлеще колючего подземного сквозняка. Нет, так не годится!...

— Постараемся! — с нажимом сказал я, встречаясь с ним взглядом.

Тор сердито зыркнул исподлобья и отвернулся, возвращаясь к своему скагарру.

— Постараемся... — после паузы глухим эхом откликнулся он.

После десятой стрелки дорога потянулась вверх, виляя и неумолимо сужаясь. Холмистая равнина понемногу оставалась внизу. Лишь несколько самых упрямых «горбов», растеряв по пути всю силу и мощь, с трудом дотягивались узкими хребтами до тёмных зевов грубо слепленных друг с другом пещер...

Новая местность напоминала кусок ноздреватого сыра, щербатый и надгрызенный со всех сторон. Путешествовать дальше предстояло по «дырам», точно мышам, выбираясь из одного хода и ныряя в другой. Только в отличие от них, мы, к сожалению, не могли прогрызть себе дороги напрямик...

Десятую стрелку сменила одиннадцатая, в «шляпке» каменного гриба, затем — двенадцатая, обнаружившаяся прямо на земле под ногами.

— Как ты их находишь? — не выдержал я.

— По свету, — буркнул Тор, в очередной раз взбираясь в седло. Видя, что я так и не понял, пояснил: — Узлы Глубинки всегда подсвечены особенным образом...

Как по мне, серебряное сияние на узкой полоске Пути везде было одинаковым — но гному всяко видней... Я сосредоточился на дороге и на внутренних ощущениях, не забывая, впрочем, поглядывать по сторонам.

Зловещее ожидание беды неизменно присутствовало рядом — как и огромная глухая стена слева от нас, в которую буквально «влип» наш пористый камень. Так, словно сыр пришёлся не по вкусу надкусившему его великану и неряха-владелец, скривившись, швырнул недоеденный ломоть подальше с глаз, в самый тёмный угол чулана...

Но десятинки бежали за десятинками, понемногу складываясь в ору, вторую, а ничего ужасного не происходило.

Мой скагарр следовал вторым, прямо за зверем Торгрина. Со своего места я хорошо видел, как пристально наблюдает за стеной гном, когда мы «выныриваем» из очередного хода, как вглядывается в полускрытую сумерками даль, пытаясь выявить сквозные трещины или бреши... Однако их не было. Стена оставалась сплошной и монолитной, и Тор, поначалу застывший в седле, словно статуя, понемногу начал оттаивать и шевелиться, и даже что-то временами бурчал под нос, явно отпуская прочь чудовищное напряжение.

Хороший знак... словно подтверждая мои мысли, гном обернулся назад, в очередной раз натягивая поводья.

Скагарры замерли на нешироком полуосыпавшемся «мосту», кривым ходом соединявшем две пещерные «дырки». Очевидно, в этом месте некогда случился обвал: многие каменные норы на разных уровнях впереди нас были как будто стёсаны огромным

напильником; мостики между ними обрывались, не доходя и до середины. Где-то переходы полностью обрушились: о том, что они здесь были, напоминали лишь голые зубья опор, зловеще торчащие из тёмной глубины ущелья...

— Тринадцатая! — объявил гном, спрыгивая на землю — так, чтобы услышали все. — Ещё один перегон вдоль Багряной — и помчимся отсюда прочь! Так, будто у наших скагарров выросло по десятку крыльев вместо лап!...

За моей спиной шумно вздохнула Тира. Шаэриэнн негромко бросила короткую реплику на эльфийском — должно быть, чтобы подбодрить А'Кариэлла.

— Да услышат тебя Боги... — тихо проронил Антонио, пока Торгрин торопился к щербатому входу в следующую пещеру, привычным жестом раскрывал невидимую крышку, добираясь до заветного механизма.

Возможно, мне показалось, но на этот раз гном возился несколько дольше, чем обычно. Я присмотрелся, и в его движениях, поначалу размеренных и ловких, мне внезапно почудилась... паника? Страх?

— Тор! Всё в порядке? — на мгновение опередил меня эльфийкин Страж.

— Нет.

Торгрин повернулся. Одного взгляда на его лицо было достаточно, чтобы мы, не сговариваясь, покинули сёдла. Дождавшись, пока все соберутся рядом, гном убийственно спокойно произнёс, до хруста сжав кулаки:

— Не получается... Я не могу перевести эту стрелку. Здесь что-то стряслось, и Магия Пути заблокировала механизм... возможно, это из-за обвала...

— Что делать, ты знаешь? — подала голос Шаэ.

— Знаю, — тем же лишённым эмоций голосом ответил Тор. — Где-то неподалёку должен быть дублирующий переключатель. Он позволяет снять блок... Но я его не вижу.

— Как он выглядит? — спросил Антонио.

— Да такая же вот дура в камне, — Тор кивнул головой на раскрытую панель с кнопками и шестернями. — Только поменьше... Как правило, там всего один рычаг. И обычно его размещают рядом с самой стрелкой... Ну, может, чуть поодаль, чтобы его не вывела из строя та же дрянь, что и основной механизм...

— Так, — голос Тире предательски дрогнул, но тут же выровнялся. — Давайте все вместе внимательно осмотрим это место...

— Думаешь, сможешь его распознать? — скептически прищурился А'Кариэлл. — Тор его не увидел, а ты...

— Его здесь нет, принцесса, — мотнул головой гном. — Почему уж, не знаю — любая стрелка всегда боится таким рычагом. Но — нет...

— Постойте... — проронил Антонио.

Маг заглянул в туннель, прошёлся вдоль стены, изредка касаясь её рукой.

— Я вот что думаю, Тор, — обернулся он к гному. — Это ведь традеит. Исключительно хрупкая и непрочная порода... Возможно, те, кто проектировал Путь, предпочли разместить рычаг подальше, закрепив его на более стабильной основе...

Прикусив губу, Торгрин задумался.

— Дельная мысль, чародей...

Он поднял голову, окидывая внимательным взглядом зевы соседних пещер:

— Я такого не видел... Но это не значит, что такого не может быть.

— Но как тогда найти этот рычаг? — осторожно спросила Тира.

— А если по фону? — встрепенулась Шаэ. — Ведь крышку переключателя наверняка маскируют те же чары, что и стрелку...

Недоговорив, она подбежала к механизму, приникла к оконцу с деталями, поводила руками вперёд-назад...

— Там попробуй, колдунья!... — Когда она поднялась на ноги, Тор, легонько взяв её за плечи, развернул в нужном направлении. — зуб даю: или вон тот ход, чуть выше справа, или сразу за ним, ближе к стене...

Эльфийка сосредоточилась, помедлила. Выставила ладони вперёд, широко растопырив пальцы, и замерла. Несколько долгих мгновений мы все напряжённо вглядывались в серые разбитые камни, когда внезапно Тира вздрогнула, без слов вытягивая руку перед собой.

Я сместил взгляд чуть правее и выше — и увидел, как на участке стены у самого входа ближней из указанных Тором пещер мало-помалу разгорается знакомый жемчужно-серебристый свет...

Шаэ, устало вздохнув, опустила руки.

— Это там, — уверенно подтвердила она. — Что дальше?

— Дальше? — Торгрин прищурился. — Надо придумать, как добраться до рычага и отключить блок.

— Хм... — заметила Тира. — А ничего, что мостов больше нет?

— Есть.

Я кивнул на тоненькую неровную кромку вдоль пористой стены, начинающуюся в шаге сбоку от нашей пещеры. Каменная ленточка в самых заметных местах едва достигала ширины ступни — и, тем не менее, насколько я мог проследить, уверенно змеилась вперёд, перерастая в плоский «блин» прямо перед входом в тёмную дыру.

Десяток шагов, не больше... Всего десяток.

Подойдя к самому краю нашей «дороги над пропастью», А'Кариэлл поддел носком сапога осыпающуюся крошку. Опустился на корточки, следя, как камешки, глухо дребезжа, скачут вниз.

— Издеваешься? — сквозь зубы проронил он. — Это осыпь. Всё здесь давно рухнуло... А по той полоске не проползти и таракану.

— Таракану, может, и не проползти...

Я ещё раз прикинул расстояние. Затем скинул плащ, меч, вытянул пару кинжалов. Примерившись, с силой всадил один из них в стену пещеры — и тут же вытащил. Что и требовалось доказать — прочная сталь входила в пористую субстанцию легко, однако держалась в ней достаточно крепко...

— Альтар!... Не смей!... — ужаснувшись, выпалила принцесса.

— Это безумие! Ты умрёшь!... — тут же подлетела ко мне Шаэриэнн.

— И не собираюсь. Вспомни Форт Туманного Клинка... — свободной рукой я легонько сжал её пальцы, вцепившиеся мне в запястье. — Когда мы выбирались из «гостевой» башни, ты тоже говорила, что нам не спуститься по стене. И тем не менее... Я точно знаю, что делаю, Шаэ. Иначе бы и не пытался...

Внезапно меня прервал тычок в бок — неожиданный, но не сильный. Я резко развернулся и встретился лицом к лицу с эльфийкиным Стражем.

— Самоубийца, — процедил А'Кариэлл. В руках он держал толстый моток верёвки, конец которого протягивал мне. — Обвяжись... Хотя бы получишь шанс не сдохнуть, когда полетишь в пропасть...

— Точно! — Торгрин без лишних слов встал рядом с эльфом; рядом с ним тут же вырос Тонио, деликатно, но уверенно оттесняя в сторону Тиру. — И не спорь! Раз ты единственный, кто может туда забраться, нам остаётся тебя страховать, и если ничего не выйдет, то хотя бы вытянуть!

— Идёт, — я принял верёвочный «хвост».

Обернул вокруг пояса, закрепляя — и не удержался:

— Но я сам убью тебя, остроухий, если посмеешь дёрнуть хоть на миг раньше...

— Не переживай, Пёс, — улыбка Стража вышла настолько же искренней, насколько и зверской. — Лично прослежу, чтоб вначале ты от души приложился о камни, дабы вышиб все свои идиотские идеи из головы...

— Ashratt Ad Aen... — простонала Шаэ.

Я тоже улыбнулся. Эльфийке — мягко, аккуратно разжимая её пальцы. Кариэллу — в точности скопировав его гримасу. В душе уже поднимался злой весёлый азарт, будоража кровь перед рискованным подъёмом...

Эльф молча бросил несколько локтей верёвки на землю, прижался плечом к стене пещеры, крепко упёрся ногами в камень.

— Пошёл, — бросил он, не глядя на меня. — Theidda Tearr...

— Mira'nke... — откликнулся я, не успев удивиться: понятно, что все мы в одной лодке, но того, что остроухий вслух пожелает мне удачи, не ожидал.

Вогнал в стену один из кинжалов на уровне плеча и сделал первый осторожный шаг вперёд.

Шаэриэнн

Время для меня замедлило ход. А может, и вовсе прекратило...

Я отчаянно кусала губы, сжимала кулаки, не замечая при этом, что впиваюсь ногтями в собственные ладони.

Ночь! Насколько же легче, когда можешь действовать сама — и как невыносимо тяжело, уступив право на риск другому, бессильно наблюдать за ним с безопасной дистанции, не в силах ничем помочь!...

Я не сводила глаз с Альтара, медленно, но уверенно продвигавшегося к пещере. Боялась даже моргнуть — словно сила моей мысли могла удержать его на стене, не позволила бы сорваться в коварное жерло пропасти, только и ждущее роковой ошибки. A'Kariaell, Торгрин и Тонио были начеку, однако верёвка в их руках спасла бы Карателя от гибели, но не от увечий...

Да только Альтар не желал оставлять бездне ни единого шанса. Ножи в его руках казались когтями, цепко впивающимися в пористую плоть камня, похожего на застывшую пену. А сам он в эти мгновения походил на диковинного хищного зверя, одарённого самой Природой столь гармоничным сочетанием ловкости и силы, каким не может похвалиться больше ни одно живое существо...

Воистину, только он один мог пройти этот путь... И он прошёл его — хотя время, за которое он преодолел дюжину шагов, показалось мне вечностью. Когда, оттолкнувшись от стены, он мягко спрыгнул на каменный козырёк перед входом в пещеру, я не сдержала победного крика.

Словно в ответ по стене мимо натянутой вдоль неё верёвки прошуршал водопад мелких камешков. Торгрин укоризненно обернулся ко мне, зажавшей рот рукой:

— Запомни раз и навсегда: здесь не кричат, колдунья... Горы такого не любят. И могут не простить...

Я торопливо кивнула.

— Запомню, Тор. — Наблюдая за тем, как Альтар обматывает снятую с пояса верёвку вокруг камня у входа и устремляется к островку серебряного света, я ощутила вдруг, как ликование за его успех омрачил смутный отголосок тревоги.

— Будь осторожен! Пожалуйста... — вполголоса проговорила я, но он вроде бы услышал. Не оборачиваясь, кивнул головой, склоняясь над прикрывающей рычаг каменной крышкой.

— Что нужно сделать, Тор? — донеслись до нас его негромкие, но чёткие слова.

— Осмотри там, где свет, — гном переступил с ноги на ногу, поднял глаза к потолку. — Или ощупай камень пальцами. Там есть кнопка... Подвижный участок, он должен легко поддаться. Утопи его — крышка откинется... Под ней увидишь рычаг. Его надо просто переключить...

— Погоди... — прервал его хриплый голос Альтара. — Что-то опять не так...

Тор нахмурился.

— В чём дело?

— Кнопка есть, — Каратель развернулся к нам. — Жму её, только без толку... Крышка как сидела, так и сидит на месте. Только пальцы колет...

— Колет пальцы?... — повторила я.

— Да... Покалывает. Противно так, точно пытаюсь рвать весеннюю крапиву... — Он мог бы не продолжать.

Ashratt!...

Я прикрыла глаза, проклиная собственную глупость.

— Шаэ... — Тонио повернулся ко мне, но я перебила его, торопясь признаться:

— Да!... Когда я искала источник магии с таким же фоном, я попросту пробудила и «потянула» на себя похожие чары... А вместе с тем, должно быть, активировала и магическую защиту. Бездна, я совсем не приняла это в расчет...

— Можешь убрать защиту? — спросила Тира.

— Могу. Причём легко... — Я нервно хохотнула — весь ужас ситуации заключался в том, что это было правдой на самом деле. — В одно касание ладони...

Моим друзьям понадобилось несколько мгновений, чтобы осознать, о чём я говорю.

— Дхайне ре крэсто!!! — Торгрин от души въехал кулаком в ближайший камень.

— Шаэ, а по-другому никак? — спросил A'Kariaell.

— Никак, — я помотала головой. — Мне тоже нужно туда перебраться...

— Ты не сможешь! — выпрямился во весь рост Каратель — так, словно с той стороны мог удержать меня на этой.

— Ты не Альтар, — сверкнула глазами Тира.

— Разумеется! — Возникшая идея была весьма сомнительной, но отказываться от неё я не собиралась. — Кинжалов я не удержу, и по стене не перелезу. Но у нас есть верёвка, а с ней дело пойдёт несоизмеримо легче...

Свою идею я прокляла почти в тот же миг, как успела убедить остальных в том, что у нас нет другого выхода. Но отступить было уже поздно.

Проползая над пропастью на петле из кожаной вожжи, переброшенной через туго натянутый канат, я старалась не смотреть вниз и не думать о том, что будет, если он вдруг оборвётся... Однако пока верёвка ходила ходуном в такт моим неуклюжим движениям, но держалась, закреплённая с обеих сторон на подходящих камнях.

Впридачу, её не выпускали из рук мужчины... Но если с той стороны, откуда я уже успела отдалиться почти наполовину, меня страховали сразу трое, не считая принцессы, то у пещеры с рычагом, который я так неосмотрительно «заперла», подсобить Альтару было некому. И, тем не менее, всякий раз, как я заставляла себя оттолкнуться от стены корпусом и ногами, продвигаясь ещё на чуть-чуть, мне становилось спокойнее от сознания того, что Каратель становится ближе...

— Представляешь, — говорить приходилось урывками, в коротких передышках после каждого «шага», — так привыкла к тому, что ты всегда начеку... И всегда нас защищаешь... Что свято уверена в том... что рядом с тобой даже в пропасть упасть не получится...

— Не получится, — серьёзно подтвердил Альтар, хотя глаза его улыбнулись. — Так что даже не пытайся... Ну, давай, ещё немножко!... — аккуратно, стараясь не раскачивать трос, он высвободил из-под него правую руку и потянулся мне навстречу...

— Riaaa!!!

Окрик Стража прокатился по каменным стенам и эхом унёсся ввысь. Я втянула голову в плечи и тоненько закричала, не узнавая собственный голос — на миг раньше, чем почувствовала, как рывком провис канат... Чем увидела, как за спиной Альтара стремительно кружит вокруг подножия камня непонятно, как вырвавшийся на волю верёвочный «хвост»...

Карателя дёрнуло вперёд, чудом не сбросив с неширокого пяточка. Я увидела совсем рядом его вмиг окаменевшее лицо. Буквально в последний момент он успел удержаться на самом краю, избежав, казалось бы, неминуемого падения, и отчаянным усилием рванул верёвку на себя.

Я опять подлетела вверх, больно ударившись боком о стену. В глазах потемнело от ужаса — я уже знала, что сейчас произойдёт... Но за мгновение до того, как верёвка, окончательно сорвавшись с крепления, увлекла нас обоих вниз, Альтар выпустил канат из рук, перехватывая моё запястье...

Как он это сумел, для меня так и осталось тайной. И всё же, мы оба действительно рухнули — Альтар на спину, у самого входа в пещеру, я — сверху на него. С той стороны что-то кричали, суетились друзья, бессильные что-либо сделать. Но прошла, казалось, целая вечность, пока я смогла заставить себя сделать вдох и обрела способность нормально воспринимать действительность.

— Ты цела?

Севший голос Альтара послышался над самым ухом. Я сообразила, что всё ещё лежу на нём, а он продолжает сжимать мою руку. Осознав, что он ждёт ответа, я кивнула. Пошевелилась, сползая на каменистую плоскость. Села, потянула ладонь к покрытому испариной лбу...

Каратель медленно, словно нехотя, разжал пальцы. Я машинально отметила, что на правом запястье наливаются неслабые синяки... Сила рывка Альтара была ошеломляющей — но именно она и спасла нам жизнь.

— Ashratt... — прошептала я. — Я так и знала, что с тобой не свалишься в пропасть. Теперь будешь думать, будто решила проверить...

Альтар, приподнявшись на локтях, изумлённо уставился на меня, а потом рвано, хрипло расхохотался — давало знать пережитое только что безумное напряжение.

Я подняла глаза — туда, где у самого края «моста», не меньше нашего риска свалиться, столпились побледневшие друзья.

— Демоны! Что с ней стряслось? Ты как закрепил её?! — Торгрин потрясал в воздухе бесполезной уже верёвкой.

— Нормально закрепил, — в ответ рявкнул Каратель, окончательно приходя в себя.

— Ты же чуть не убил её! — в ярости выкрикнул A'Kariaell, добавив несколько витиеватых ругательств на 'lenguaa.

— Он спас меня! — повысив голос, оборвала Стража я. — Не говори, если не понимаешь!...

— Боги-Братья!... И как же... теперь? — Тира, прикусив губу, беспомощно смотрела через пропасть.

Альтар, слегка покачнувшись, поднялся на ноги.

— Ну, — проронил он, — ножи-то у меня остались... Вернусь назад, притащу верёвку обратно. Потом вернёшься ты, а следом снова я...

При мысли о том, что путь придётся повторить, меня передёрнуло.

— О Ночь!... Нет!

— Шаэ...

Альтар вздохнул, делая шаг к краю плато, остановился и замолчал. Так резко, что я поневоле подобралась ближе и опасно выглянула из-за его плеча.

Доброй половины каменной дорожки вдоль стены больше не существовало. То ли она осыпалась, не выдержав грохота и шума, то ли, что вероятнее, обломилась целым участком, задетая мною при падении. Но кинжалы Карателя теперь становились бесполезны — даже при всей его сноровке перебраться на ту сторону, не имея опоры для ног, он не мог.

И глупая радость, испытанная мною в первый миг оттого, что не придётся повторно пробираться над пропастью, почти сразу же сменилась первобытным страхом.

Потайная кнопка плавно ушла вглубь камня. Чужая магия, поневоле выставленная мною «на стражу», уступила без борьбы, распознав во мне ту, которая так некстати потревожила её...

Крышка сдвинулась с тихим щелчком, подпуская к рычагу — и он легко поддался моим слабым пальцам.

— Давайте! — развернулась я в сторону «моста».

Торгрин сухо кивнул и исчез в тоннеле, за спиной принцессы. Тира, яростно жестикулируя, напирала на Тонио, выдвигая очередную безумную идею нашего спасения. Маг слушал терпеливо, внимательно, но лишь время от времени виновато разводил руками.

— Даже не вздумай! — Я поймала взгляд Стража — напряжённый, полубезумный, не сводимый им с пропасти: он явно оценивал расстояние и собственные возможности... — Ты мне нужен живым, Kar!... Как твоя Akira, запрещаю даже думать о подобных глупостях, Seidanhe-nai!

A'Kariaell скрипнул зубами:

— Ria! Я...

— Ты нужен мне живым! — с нажимом повторила я. — Как и всем нам. Тор предложил разумный, и, чего уж там, единственно возможный выход... Вы отправитесь по прежнему курсу до ближайшей стрелки. Потом сойдёте с Глубинного Пути и вернётесь за нами... А

мы с Альтаром тем временем тоже будем осторожно продвигаться вперёд. Раз уж эти туннели всё равно дальше сообщаются...

— Старайтесь держаться правой стороны! — Гном снова возник у входа, энергично оттряхивая ладони от пыли. — И ни в коем случае не приближайтесь к чёрной стене! Если туннель поведёт туда... если наткнётесь на трещину, раскол, разлом — лучше не рискуйте! Спрячьтесь где-нибудь, замрите и дождитесь нас, ясно?

— Ясно, — Альтар покладисто кивнул, хотя повторял это Тогрин уже, наверное, раз третий, не меньше.

— Я прикреплю к вам поисковые заклятья, — вмешался Антонио. — Постараюсь ни на миг не выпускать ваши ауры из виду. Так мы сможем определить, где вы и всё ли у вас в порядке...

— Отлично! — отозвалась я.

Повернулась к Стражу:

— Кар, имей в виду! Мой «Искатель» будет ориентирован на тебя...

— Это безумие!... — А'Kariaell сердито дёрнул головой и отвернулся.

Казалось, его устами говорила моя интуиция... Тем не менее, я заставила себя усмехнуться и преувеличенно бодро помахала рукой:

— Встретимся через пол-дня...

Пока я вычаровывала лёгкий огонёк, призванный осветить нам путь, Альтар с кинжалом наизготовку первым ступил в узкий ход туннеля. Мои слова о том, что первому стоит двигаться магу, предпочли не услышать... Я прикусила губу, но высказать своё недовольство спине Карателя, изрядно закрывающей мне обзор и поле возможной атаки, так и не успела.

Через десяток шагов пещера понемногу начала раздаваться в ширину и ввысь, и вскоре мы с Альтаром уже шагали бок-о-бок, вынужденно любуясь изломами тёмно-серого камня, окружающего нас со всех сторон. Мы не ослабляли внимания ни на миг, однако пока что единственной грозящей нам опасностью было ненароком споткнуться на неровностях каменного пола, образовывавших самые причудливые «западни» в неожиданных местах. Причём рассчитаны эти ловушки были, похоже, исключительно на эльфов: Альтар двигался спокойно, точно по гладкой равнине, но вот я, должно быть, не пропустила ни одной.

В очередной раз запнувшись о коварный «порожек», я прикусила губу: в глазах потемнело от боли. Выругавшись про себя, я сердито проигнорировала Карателя, протянувшего мне руку, распрямила спину, тщательно высматривая, куда станет правая нога... и на следующем же шаге подвернула левую.

— Шаэ... — негромкий голос Альтара нарушил молчание, повисшее между нами с самого начала пути. — Я не собираюсь учить тебя жизни. Но принять предложенную помощь ещё не означает проявить слабость... А предложить её в нужный момент — вовсе не попытка обидеть или уесть.

Я вспыхнула до кончиков ушей, вскидывая на спокойное лицо Карателя гневный взгляд — и вдруг со всей горечью внезапного озарения поняла, как глупо себя веду. Проглотила колкую отповедь, едва не сорвавшуюся с языка, покаянно склонила голову и, преодолев колебания, обхватила ладонью его предплечье.

— Прости меня... — Слова вырвались сами собой раньше, чем я спохватилась, что не собиралась оправдываться или что-то пояснять. — Слишком давно я привыкла полагаться только на себя саму.

Я прикусила язык и, невесело усмехнувшись, добавила, неловко попытавшись свести всё

к шутке:

— Совсем одичала, видать, в лесной-то жизни...

— Ты просто разучилась доверять, — неожиданно серьёзно сказал Альтар.

Определённо, ступать теперь получалось куда увереннее... Я хмыкнула — но Каратель не издевался и не сочувствовал. Внезапно мне захотелось ему ответить.

— Возможно, именно поэтому и прожила так долго. Доверие — весьма сомнительная ценность, Альтар. И цена, которую за него приходится платить, порою непомерно высока...

— Ты права и неправа, — заметил Каратель, помогая мне взобраться на крутоватый уступ: подземный путь понемногу начал стремиться вверх. — Дорого обходится не доверие, а ошибки в выборе тех, на кого осмелился положиться... И всё равно жить, не доверяя абсолютно никому, невозможно.

Нехарактерное для него многословие меня изрядно удивило. Насколько я успела узнать Альтара, он никогда не был любителем порассуждать на отвлечённые темы... Что же здесь? Что-то личное?...

— А ты сам доверял хоть кому-нибудь настолько, чтобы судить?

— Доверял, — уверенно кивнул Альтар, легко вспрыгивая на уступ следом за мной. — Иначе давно был бы уже мёртв. И не раз.

— И я доверяла... — с внезапной горечью бросила я в ответ. — И сожалею об этом. Иначе сейчас были бы живы те, кому выпало расплатиться с Судьбой по моим счетам...

Всего лишь один удар сердца... И уже не серый полумрак пещеры — мягкие сумерки сизой кисейной дымкой опускаются на укрытый посреди озера островок. Вздрагивает сырой стоялый воздух, волнуется, задышав жизнью, веет тёплой весной, мгновенно вскружив голову дурманящим ароматом водяных лилий и ночной виолы...

... Белый цветок амарантиса словно только того и ждёт: вырывается из плена разметавшихся локонов, трепещет на ветру — но тонкие длинные пальцы, ловким движением подхватывая его, бережно и умело вплетают обратно в мою причёску.

Едва уловимое прикосновение губ к виску... Тёплое дыхание, бархатистым шёпотом у самого уха дарящее изысканную ласку вечных слов, которые всякий раз звучат по-новому:

— *Shaerriaenne... Mea vallore... lo'ke te deio... Shaerri-nai...*

Я чуть слышно смеюсь, замирая от счастья... Легонько трюсь головой о его плечо, обнимаю за шею. Он с мягкой улыбкой склоняется ближе... ещё ближе... так близко, что в глубине лучащихся нежностью невероятных фиалковых глаз я вижу отражение себя — любящей, любимой, просто до безобразия счастливой... Неужели это правда?... неужели так действительно может быть?!

Правда, отвечают его губы, мгновение спустя сливаясь с моими в бесконечности поцелуя...

Так и есть, понимаю я, блаженствуя в кольце его объятий, зарываясь пальцами в длинные платиново-белые пряди его волос, и озорник-ветер, куражась, то и дело щекочет ими моё лицо...

Один удар сердца — и я теряю себя, забываю о пространстве и времени, вне которых на крошечном застывшем посреди озера островке существуем здесь и сейчас только мы двое: я и он... И, с сожалением вспоминая на краткие мгновения о том, что всё-таки нужно дышать, успеваю шептать в ответ прерывистым эхом:

— *Vallore tea querra... Tea querra, Llireadan!*

— Ты так любила его?

Я мгновенно опомнилась, вырываясь из власти призраков прежней жизни.

Голос Альтара, ворвавшись в сознание точно ураган, отшвырнул пелену наваждения прочь — и Каратель тут же виновато отвёл глаза в сторону, явно коря себя за то, что невольно сумел разглядеть отблески чужой, очень сокровенной тайны.

— Извини, — глухо произнёс он. — Разумеется, это не моё дело.

Я, не удержавшись, повела плечами, словно сбрасывая с них невидимый груз. Запах каменной пыли в воздухе, уже успевший стать привычным, удивительным образом успокаивал: глубоко вдохнуть его оказалось даже приятно.

— Llireadan... — За столько лет я впервые вслух произнесла его имя, даже не удивившись, насколько чужим и холодным оно стало теперь. — Он был... смыслом моей жизни, Альтар. Глупой романтичной девчонке понадобилось слишком много времени, чтобы понять простую вещь: наличие в сказке прекрасного принца ещё не означает, что у этой сказки счастливый конец.

— Ллиреадан... — повторил за мной Альтар так нарочито по-человечески, что я, на миг забывшись, воззрилась на него с удивлением: обычно в его произношении почти не чувствовался акцент. — Так, кажется, зовут вашего нынешнего короля?

— Верно, — подтвердила я: слова звучали отстранённо, точно краткий пересказ придворной хроники, покрытой вековой пылью. — Что бы и кому ни казалось, на самом деле его душой всегда владела лишь одна страсть — Туманный Венец... И в итоге он его заполучил.

Коридор, по которому мы шагали, внезапно вильнул, делая поворот, и резко оборвался за ним обрубленным зевом пещеры. В поле зрения слева вновь замаячила чёрная Стена, полускрытая пористыми наростами. Дальше, сразу за широким переходом над ущельем, углублялись в камень два просторных хода-«рукава».

Памятуя наставления Торгринна, мы с Альтаром, не колеблясь, выбрали правый, самый дальний от Стены, и двинулись дальше.

Я была уверена, что теперь Каратель оставит эту тему. По правде сказать, подобные вопросы из его уст были для меня не менее неожиданны, чем собственный порыв ему на них ответить. Какое-то время мы шагали молча, и я вздрогнула, когда Альтар снова заговорил:

— Он был... твоим мужем?

— Почти. — Я невольно усмехнулась. — По горькой иронии судьбы день нашей несостоявшейся свадьбы я встретила на Теондарре. Не удивлюсь, если вдруг окажется, что как раз тогда Llireadan обрёл благословение Совета Созвездий: Провидение обожает подобные игры... Так что впору сочинить очередную дурную сказку. Что-то типа того... — я театрально пошевелила в воздухе пальцами. — «Он пожертвовал любовью ради короны, тогда как Она отреклась от короны во имя любви»...

— Вот как... — странные нотки в голосе Карателя царапнули мой слух. — Так значит, ты была королевой?

— Почти, — повторила я. — Слышал что-нибудь об обряде Предназначения?

Он молча покачал головой.

— Среди Корней Звёздного Древа — высшей знати Долины — всё ещё считается модным примерять на себя традиции предков... — не сдержавшись, хмыкнула я. — Когда мне исполнилось две зимы от роду, меня Предназначили в жёны наследнику Созвездия Растущей Луны. Ему на тот момент было девятнадцать... Через год Kaidenn встал во главе своего рода, заменив престарелого отца. А ещё спустя полдюжины зим на очередном

Собрании Созвездий на его чело был возложен Туманный Венец...

Я вздохнула: странно было пересказывать историю своей жизни, точно старую балладу...

— Старейшие не прогадали: тем самым был положен конец распре между могущественными ветвями Древа, жаждавшими королевского престола. А недюжинный ум и таланты молодого Владыки вкупе с поддержкой, которой Kaidenn пользовался в Созвездиях, предрекали, что править он будет долго и благополучно...

Я помолчала, вспоминая. Альтар не торопил.

— Мой отец был вне себя от радости. Лучшей партии для единственной дочери грех было и желать... Не учёл он только одного: того, что дочь, которую с младых ногтей все уже видели будущей королевой, однажды вырастет. И с горячностью, свойственной юности, разрушит все его планы сама.

Очередной поворот подземного туннеля закончился развилкой: путь здесь разбежался натрое. Мы опять свернули направо, но не прошли и сотни шагов, как оказались в тупике: ход был завален. Пришлось возвращаться назад и выбрать средний коридор.

Мимоходом я проверила заклятье-«Искателя», наложенное на моего Стража. Сердце тревожно ёкнуло: ничего...

Впрочем, и не удивительно — мгновением позже подоспела спасительная мысль. Так, в общем-то, и должно быть... Пока они под действием магии Глубинного Пути, любые иные чары просто не пробьются. Зато, как только отряд сойдёт на следующей стрелке, мы сразу же будем об этом знать...

Альтар молча следил за дорогой. Однако и он, и я понимали, что прерванный поневоле разговор ещё не окончен... Я была уверена, что более он не подтолкнёт меня ни словом, ни взглядом — и в то же время буквально кожей чувствовала, что он ждёт продолжения.

А я... я, Ashratt Daebbr, действительно хотела продолжать.

... Каратель совершенно не удивился, когда я вновь подхватила его под руку, чтобы не отвлекаться на камни — только, подстраиваясь под мою походку, слегка убавил шаг.

— Llireadan был младшим братом Kaidenn'a. Моим ровесником... — Я выждала пару мгновений, собираясь с мыслями. — Тесные связи между нашими родами способствовали тому, что мы росли и обучались вместе, постигали науки и искусства магии и меча у одних и тех же наставников... Увы, Llireadan не был и вполовину так же талантлив, как его брат. Однако ещё в детстве он несколько раз во всеуслышание заявлял, что непременно будет королём. Разумеется, все считали это шуткой, а пару раз его даже откровенно подняли на смех... — Я вздохнула. — И Llireadan сделал нужные выводы.

Впереди опять замаячила развилка. Надо же!... Теперь уже семь ходов, разбегающихся в неизвестности.

Вероятно, часть из них сходилась где-то впереди: во всяком случае, два крайних правых туннеля вновь через короткое время упёрлись в осыпь. И только с третьей попытки нам, наконец, повезло: коридор оказался просторным и вроде бы крепким, и, похоже, не собирався резко обрываться тупиком.

— Время шло. Мы росли... — Гулкая тишина вокруг придавала голосу мистические нотки, отчего мои слова звучали странно: временами печально, временами — зловеще... — И как-то совершенно незаметно куда-то исчез противный и вздорный мальчишка, не раз получавший от меня хорошие трёпки за заносчивость и лицемерие. А появился... Появился тихий юноша с грустными фиалковыми глазами. Обожающий закаты и лошадей,

зачитывающийся трактатами о бое на мечах и превосходно декламирующий стихи любимых мною поэтов... — Я смежила веки — всего на миг, не дожидаясь, пока проклятый образ встанет перед ними, как живой. — Но главное — уже смирившийся с тем, что всю жизнь он обречён быть лишь бледной тенью своего яркого, успешного старшего брата. И, конечно, неимоверно страдающий от того, что ничего изменить не в силах.

Альтар понимающе хмыкнул.

— Ага, — чуточку иронично подтвердила я. — Теперь сама не верю, что могла быть такой глупой. А тогда, разумеется, тут же со всем рвением и горячностью бросилась убеждать его в обратном... ну, и конечно, полыхнула любовь, наперекор всем договорам и политическим интересам. Llireadan, как и положено герою печального образа, только вздыхал и сокрушённо качал головой, лишь подогревая во мне желание отвоевать право на наше чувство у всего мира...

Туннель постепенно расширился и начал кривиться поворотами. Чтобы лучше видеть, я подняла повыше магический огонёк.

— Нелегко выиграть такую войну, — заметил Альтар.

Я вздохнула:

— Не то слово... Отец был в ярости. Увещевал, запугивал, грозил... Клялся, что отречётся от меня перед Собранием Созвездий, лишит права на родовое имя, изгонит из дома. Кричал, что я, должно быть, помутилась рассудком, поскольку «предпочла серую посредственность великой чести стать супругой Владыки»... В ответ я бросила ему, что способна прославить Тёмное Пламя собственными заслугами, куда более весомыми, чем честь разделить ложе с избранным королём. Отец рассмеялся мне в лицо... — Я зло хмыкнула, прикусив губу — воспоминание об этом до сих пор причиняло боль. — А через несколько дней, выстояв ритуальный поединок против семи лучших воинов Созвездий, неожиданно даже для себя получила Благословение Ночи и право называться её Избранницей — Rihanne Daerrt...

— Право считаться лучшим воином? — Альтар поудобнее перехватил кинжал.

Я качнула головой:

— Не просто. Ночь, стихия Созидателя, сама отмечает Избранника своей божественной благодатью... Это происходит во время ритуальной молитвы, когда он благодарит за победу, дарованную в бою. Не буду лгать тебе или скромничать: такие случаи крайне редки, и потому к Rihanne Daerrt особенное отношение и почёт. К моменту моего Избрания в Долине был всего лишь один Daerrt, получивший своё Благословение более сотни лет назад... Слушаешь дальше?

Альтар молча кивнул.

— Тем же вечером я и Llireadan упали в ноги моего Нареченного, нашего Владыки. И Kaidenn, любящий брата и тепло относящийся ко мне, встал на нашу сторону... Ума не приложу, как ему удалось убедить моего отца, — я покачала головой, — однако же тот, скрепя сердце, смирился с нашими чувствами. Обряд Предназначения был мирно расторгнут, и в скором времени Тёмное Пламя и Растущая Луна объявили о нашей с Llireadan'ом помолвке. Эта новость на какое-то время всколыхнула высший свет Долины, но вскоре к этому привыкли. Я светилась от счастья рядом с возлюбленным, в компании своих Стражей участвовала в нескольких рискованных приключениях, увенчавшихся успехом, на правах Rihanne Daerrt заседала в Малых Советах Владыки... Llireadan'a перестали воспринимать как неудачника, а начали видеть в нём будущего супруга наследницы одного

из самых влиятельных и сильных Созвездий... — Я кисло усмехнулась. — Ну, дальше прямо напрашивается сокровенное: «Они жили долго и счастливо...». Или как там по правилам?

Альтар осторожно вернул усмешку.

— Примерно так. Но... Как всегда, есть какое-нибудь «но», правда?

— Зришь в корень, — кивнула я. — Но — началась война...

И внезапно запнувшись на полуслове, встала, как вкопанная. Где-то впереди слышался слабый шум: не то шуршание, не то невнятное бормотание на разные голоса!...

— Альтар!...

Но Каратель оставался спокойным.

— Шаэ, это ручей.

Мимоходом легонько потрепав мои пальцы, Альтар указал мне, куда нужно подсветить. Магический огонёк, мигнув, послушно дёрнулся вперёд и правее, выхватив из тьмы узкую ленточку бегущей воды, наискосок пересекающую проход.

Мы подошли ближе. Каратель отцепил с пояса флягу, встряхнул, проверяя, сколько в ней осталось, явно намереваясь пополнить запас. Но я удержала его, чувствуя неясную тревогу.

Склонилась над ручейком, задержала дыхание. Сосредотачиваясь на своих ощущениях, медленно повела вдоль струйки ладонью...

Вода была мёртвой. И сочилась она сквозь крошечные просветы меж камней с левой стороны...

— Это ещё ничего не значит, Шаэ. — Альтар вернул флягу обратно на пояс. — Мёртвая вода — не редкость под землёй. А если ещё учесть, на какой мы находимся глубине...

Я молча подняла ладони над головой, ожидая, пока в них послушно опустится мой светящийся шар. Сделала несколько шагов к истоку ручейка и медленно пошла вдоль стены туннеля, сверху донизу освещая её. И, словно пугаясь меня, окружающее нас монотонно-серое каменное царство разделилось, расколосось на две неодинаковые части.

Потолок и пол из пористого желтоватого материала грубыми рубцами «припаивались» к левой стене — почти монолиту из массивной чёрной тверди, плотной и маслянисто-глянцевой на крупных отломах и сколах...

Чёрная Стена, в которую невесть когда обратилась боковая часть коридора, едва заметно подмигивала магическому шару тусклыми зловещими бликами — точно скалила зубы в хищной ухмылке огромная кошка, вдруг выпрыгнувшая из тени перед двумя глупыми мышами, вообразившими, что комната пуста.

Альтар

— Тень Безымянного!!!

Как — и когда же, во имя Света и Тьмы — я успел это пропустить?... Напрасно понадеялся на чувство направления, утратившее силу здесь, в глубине подземелий? Или непростительно отвлёкся, ловя каждое слово внезапно решившей довериться мне Шаэ?... Ведь так легко было неуклюжим движением или словом разрушить хрупкий мост, по которому она вдруг впустила меня в свою прошлую жизнь...

— Ты помнишь те заваленные туннели? — Шаэриэнн повернулась ко мне. — Или сколько раз и куда поворачивал коридор?

Я покаянно качнул головой.

— Мне казалось, мы строго держимся правой стороны...

— Я тоже так думала, — закусила губу эльфийка. — Значит, мы оба ошиблись и чувство пути здесь не работает. Во всяком случае, для нас, «наземников», — она невесело хмыкнула. — Вот когда и в самом деле жалеешь, что ты не гном... Что ж, идём дальше, Альтар — только ради всех Богов, осторожнее!...

Оставив позади ручей с мёртвой водой, точно перешагнув невидимый рубеж, мы пошли вперёд. Как будто подыгрывая нашему напряжению, подземный ход почти сразу же принялся расширяться, словно раструб воронки. Разговоры смолкли сами собой, и даже свет магического шара Шаэ почти полностью приглушила, чтобы он ненароком не выдал нас. Когда дорога под ногами достигла ширины хорошего просёлочного тракта, правая стена туннеля, в тени которой мы старались оставаться, внезапно оборвалась. За ней открывался путь в просторный каменный зал, по форме напоминающий лежащую на боку бутылку.

Здесь не было настолько темно, как в узких подземных лазах. Привычные сизые сумерки, наполняющие «сосуд», давали возможность рассмотреть, что из него, как и положено бутылке, вёл дальше только один ход. Прищурив глаза, я указал Шаэриэнн на длинное «горлышко» в паре десятков саженей над уровнем пола, к которому, по счастью, поднималась кривая, но вполне удобная дорога.

— Альтар!...

Шаэ вдруг замерла, легонько сжала мои пальцы:

— «Искатель» заработал! A'Karjaell... и все остальные. Вот теперь я чувствую их! Они сошли с Пути, а значит, идут нам навстречу...

— Хвала Великим Братьям! — Это и в самом деле была хорошая новость.

От мысли о том, что скоро отряд будет в сборе и мы, наконец, сможем покинуть это богами забытое место, казалось, даже прибавилось сил. Я без труда поднялся по ведущей наверх тропинке, прокладывая дорогу для Шаэриэнн, и остановился на пороге «бутылочного горлышка».

В узком проходе резвился подземный ветер, и эхо изгалялось вовсю: то зловеще шипя, то стеная, то завывая на разные голоса... Воздушный поток легонько ударил мне в лицо, растрепал волосы. На удивление, он оказался тёплым, почти горячим — словно не подземелье породило его, а дышащая жаром пустыня.

Внутри «горлышка» было пусто. В длину оно составляло всего с десятков шагов, и я, пригнувшись, бесшумно скользнул было внутрь, рассчитывая подобраться к самому краю и разведать, что ждёт нас за ним...

Но за спиной прозвучало:

— Остановись! — и я послушно замер на полушаге.

Мгновением позже Шаэриэнн крепко вцепилась мне в локоть.

Я повернул голову к эльфийке — и вопрос, который готов был задать, застрял у меня в горле.

Побледнев, как мел, Шаэ не мигая смотрела вперёд, и глаза... глаза её, утратив свой изумрудно-зелёный цвет, слабо отсвечивали в темноте тусклым белесым пламенем, затопившим и радужку, и зрачки.

— Шаэ! Что... с тобой?!

Она пошатнулась. Показалось, что сейчас она лишится сознания: я подхватил её под плечи, притянул к себе, лихорадочно соображая, чем могу помочь... Но почти сразу же

Шаэриэнн дёрнулась, замотала головой, буквально силой заставляя жуткий свет в глазах погаснуть.

— Там... опасно, Альтар, — отрывисто пробормотала она, тщетно пытаясь унять сбившееся дыхание. — Опасно!... Очень опасно...

Повинуясь её незримому приказу, магический шар, точно крадучись, заскользил вперёд, почти не отрываясь от земли, и застыл у выхода из коридора.

Эльфийка вздрогнула всем телом. И медленно разжала кулак, который крепко прижимала к груди... В её пальцах трепетал маленький медальон, светящийся точно так же, как мгновение назад её взгляд.

— Что это? — Я нахмурился: от «игрушки» ощутимо веяло бедой.

— «Сторожок». — Шаэриэнн медленно опустила руку. — И сейчас он просто надрывается. В ужасе... — Она подняла на меня глаза и призналась — И, по правде сказать, я тоже...

— Почему? — вырвалось у меня.

Шаэ тяжело вздохнула. И я почувствовал, как её ладони легонько ложатся мне на виски.

— Вот поэтому...

Я и так уже понял, что дела плохи. Но когда разошлась тёмная пелена перед глазами, стараниями эльфийки даруя мне магическое зрение, то, холодея, ощутил, как начинают шевелиться волосы на затылке...

Выныривая из «бутылочного горлышка», дорога плавно спускалась вниз, а потом снова поднималась, обходя по самому краю широкое плоское ущелье. Гигантским следом от тележного колеса оно устремлялось налево, теряясь в сумеречной дали, мимоходом раскроив пористый камень вместе с Чёрной Стеной, точно жиденькую поросль чертополоха на просёлочном тракте... Сквозь глубокие трещины на дне ущелья, слепя глаза пятнами жидкого золота, местами проступали озерца лавы. Их становилось куда больше по ту сторону пролома, зловеще сверкающего обрубками чёрного глянца — но завораживало и страшило вовсе не это.

Нежить!...

Боги-Братья! Такого скопления детищ Хаоса я не видел со времён расчисток Злосчастных Могильников в местах главных сражений Войн Крови и Огня, на несколько лет опрометчиво выпущенных победителями из виду... Ущелье буквально кишело тварями всех размеров и мастей. Медленно кружили в воздухе бледные дихосторы, яростно грызлись ракусы, вырывая друг у друга куски распадающейся плоти, переползали с камня на камень неуклюжие на вид мартеры, оставляя за собой слизкие зловонные следы...

Керрены, дхоббсы... Зелгары, жинтайи, трагги... Я сбился со счёта, едва успев его начать. Совсем рядом с нашим укрытием стремительно пронёсся над дорогой то ли нетхоен, то ли вирм-а-рос, расправив крылья-паруса, состоящие, казалось, из одних костей. Я невольно отшатнулся, на миг прикрыв глаза — и колдовское видение пропало.

— Ты представляешь, что случится, едва вся эта орда учует каплю тёплой живой крови? — мой собственный голос звучал глухо и незнакомо. — Нас растерзают в клочья и пожрут, не дав сделать по дороге и единого шагу.

— Представляю... — слегка отстранённо пробормотала Шаэриэнн.

Ей явно пришла на ум какая-то идея. И, зная, на что она порой бывает способна...

— Ты что, всерьёз рассчитываешь пробиться?! — не поверил я.

Так и знал... Эльфийка закусила губу и промолчала.

— Шаэ... — я беспомощно развёл руками. — Просто поверь мне на слово. Полусотне вооружённых до зубов бойцов, подкреплённых магами и артефактами, пришлось бы исключительно туго на этой дороге. А у нас... — я скосил глаза на собственный кинжал.

Однако, осмыслив мои слова, Шаэриэнн лишь досадливо поморщилась:

— О Ночь! Что я, по-твоему, выжила из ума?! Кто говорит о драке? Погоди, Альтар...

— она явно что-то прикидывала про себя. — Нет, мы не будем драться. Мы попробуем пройти просто так.

— Конечно!... — Нет, похоже, я рано порадовался её здравомыслию. — Вирм-а-рос, стало быть, махнёт нам хвостом и пожелает счастливого пути. А ракусы с мартерами...

Шаэ прервала меня:

— Они нас просто не заметят.

— С чего бы это? — сощурился я. — Ты рассчитываешь их ослепить? Всех?

— Нет, — эльфийка поневоле усмехнулась. — Ты льстишь моим колдовским способностям, но такое никакому чародею не под силу... Всё проще, Альтар. Я рассчитываю их обмануть. Сделать так, чтобы они приняли нас за своих.

На короткий миг незримые духи подземелья потрясённо умолкли. А затем — превзошли сами себя: выли, свистели, издеваясь и дразнясь, безудержно хохотали над двумя безумцами, бросившими дерзкий вызов судьбе, стенам и плачу, умоляли нас остановиться... Но я почти не слышал ни игрищ ветра, ни звука наших шагов по каменному коридору. Лишь стук собственного сердца, гулкий и пронзительный, удар за ударом неотвратимо приближал меня к выходу из убежища, за которым не-жизнь правила свой чудовищный бал.

«Доверься мне» — сказала Шаэриэнн. И я доверился, как было уже не раз, хотя всё моё существо сейчас яростно противилось этому — точно норовистый конь, изо всех сил рвущийся из узды...

Эльфийка ровно шагала рядом — высоко подняв голову, расправив плечи, с неестественно прямой спиной. Её ладонь, узкая и прохладная, неподвижно лежала в моей — и не существовало в Мире силы, которой удалось бы разнять наши переплетённые пальцы...

Когда до выхода оставалась пара шагов, Шаэ приостановилась. Требовательно взглянула мне в глаза — и я внутренне дрогнул, увидев, как в глубине их вновь разгорается зловещий бледный свет.

— Помни... — веско произнесла она. — Самое главное — оставайся спокойным, что бы ни происходило вокруг. Моей силы хватит, чтобы на какое-то время внушить порождениям Хаоса, что мы одни из них. Однако многие виды нежити умеют «ловить» чужие чувства... Агрессия, ненависть или страх со стороны себе подобных может побудить тварь напасть.

— Я понял тебя, — склонил голову я, изо всех сил стараясь оставаться верным её указанию.

— Второе... Чары действуют на тебя до тех пор, пока мы с тобой — «одно существо». То есть — касаемся друг друга... Что бы ни случилось — не разрывай контакт. Хоть за волосы меня ухвати, если так удобнее... — она попыталась улыбнуться.

— Шаэ... — не выдержал я.

— И ещё, — она не дала мне договорить. — Если вдруг... Вдруг я начну... вести себя странно. Не знаю, нести бред... или уходить... Делай что угодно — тормози меня, дёргай, щипай. Можешь ударить или уколоть... Лишь бы я оставалась «в себе», а не чересчур... увлеклась ролью.

— Ты не говорила, что такое может быть... — Я сжал зубы, уже предвидя её ответ.

— Не может. — Глаза Шаэриэнн, полные бледного пламени, смотрели в упор — и словно бы сквозь меня. — Я рассчитала силы и контролирую себя. Но всё же магия Хаоса для меня не просто чужая, Альтар — она мне враждебна. Как и любому живому в Мире существу... Вот почему я сказала тебе то, что сказала. Считай, что на всякий случай... Ну, а теперь — вперёд!...

Я выбрался на дорогу первым, не выпуская из левой руки ладони Шаэ. Пальцы правой намертво вцепились в кинжал, хотя смешно было возлагать на него хоть какие-то надежды... И первые мгновения, растянувшиеся для меня почти что в вечность, всё ждал, когда же эта орда — непрестанно двигающаяся, смердящая, перекликающаяся на разные голоса — вдруг замрёт, изумившись столь неслыханной наглости, а затем обрушится на нас бледным гибельным шквалом...

Но позади оставался шаг, другой, третий — а мы всё ещё жили. Нежити действительно не было дела до нас.

— Оставайся спокоен... — вполголоса напомнила Шаэриэнн.

Впрочем, она сама платила за спокойствие дорогую цену. Сейчас Шаэ напоминала тетиву боевого лука, натянутую до предела. Я не мог не замечать, как она зябко поводит плечами, хотя набег ветра со стороны далёких лавовых луж, подобно дыханию исполинского спящего дракона, изрядно насыщали воздух теплом, даже жарой... Только вот хрупкая ладошка эльфийки делалась всё холодней.

Я не выдержал. Осторожно поднёс её пальцы ко рту, согревая дыханием.

— Не надо... — Шаэ сделала слабую попытку трепыхнуться.

Ну кто б ожидал от неё чего иного...

— Ещё как надо.

Справиться с застёжками собственной куртки не составило труда. Потом я осторожно сменил руку, держащую эльфийкину ладонь. Распахнул полу, обхватывая Шаэ за плечи — так, чтобы она оказалась укрытой под тёплым «крылом»... Плащ, конечно, пригодился бы лучше — но даже так неплохо.

Шаэриэнн вздрогнула. Затем тяжело вздохнула — и... крепко прижалась к моему боку, с наслаждением лоя тепло, точно жаждущий — капли воды из спасительной фляги. Чужеродные чары давались ей очень нелегко.

Но — давались.

Мелкие гролеусы, копошившиеся прямо у нас на пути, внезапно порскнули врассыпную... Жинтайя, ни с того ни с сего заинтересовавшаяся моим сапогом, передумала «знакомиться» и поползла себе дальше, разъедавая камень кислотой, капающей с кончика хвоста.

А вот притаившийся на скальном отломке дхоббс, которого я уже собрался обойти по широкой дуге, вдруг приподнял сплюснутую голову на тонкой шее, настороженно вытаращив на нас мутные буркалы глаз.

— Х-ххс-с-с! — с присвистом выдохнула эльфийка, развернувшись в его сторону.

Тварь заворчала, мгновенно встопорщив шипастый гребень вдоль спины. Холодея, я сделал шаг вперёд, пытаясь одновременно заслонить Шаэ и выставить клинок перед собой... Но нежить, по-прежнему издавая утробные звуки, медленно пятилась назад, открывая нам дорогу.

— Тише. Не дёргайся, — хрипло попросила Шаэриэнн. — Я внушила ему, что мы — тс

же, что и он. Только сильнее.

Я перевёл дыхание.

Общение с нежитью для меня представлялось возможным только на языке клинка; как ни силился, я не мог представить себе иного. Всё происходящее по-прежнему казалось мне каким-то диким, сумбурным, лишённым всякой логики сном — включая тот факт, что мы всё ещё были живы.

— Откуда ты знаешь... как следует вести себя со всеми этими тварями?

— А я не знаю. Чувствую. Сейчас я и в самом деле... почти что одна из них, — бледные губы эльфийки скривились в подобии улыбки. — Даже собственный голос, когда долго молчу, потом звучит непривычно. Поначалу резко становится любопытно, что за странные и нелепые звуки. И где спряталось существо, которое их издаёт...

— Тогда не молчи. Пожалуйста... — очень настойчиво попросил я, сглатывая горький комок, подступивший к горлу.

Поколебавшись, переступил через ложноножку развалившегося поперёк дороги карда — я знал не понаслышке, какой бывает эта обманчиво неповоротливая туша, когда учует добычу. Но тот не повёл и... Демоны, что у этих гадов там, вместо уха?

— Хорошо. Не буду... — покладисто кивнула Шаэ, шагая рядом со мной — и замолчала.

Я раскрыл рот, лихорадочно соображая, что такого спросить «о погоде и природе», но с языка внезапно сорвалось совершенно другое:

— Но — началась война...

— Война? — переспросила Шаэриэнн.

— Война. Ты получила благословение Ночи, стала советницей вашего короля и собралась замуж. Но началась война... Как раз на этом месте ты прервалась, потому что мы нашли мёртвый ручей. Ты ещё не передумала рассказывать?

— Ну... — откликнулась Шаэ после едва заметной паузы. — Если ты ещё не передумал слушать...

— Я - здесь.

Незаметно отеснив эльфийку от края обрывающейся «ступеньки», я помог ей спуститься с менее крутого порожка, всеми усилиями стараясь не замечать стаю очередных мелких поганцев, облюбовавших излом скалы.

— Война... — меланхолично повторила Шаэ. — Началась война — Крови и Огня... Орки и гномы, доведённые до отчаяния, насмерть схлестнулись с вашей Империей. Aellthae Росса напряжённо следила за ходом сражения, но... выжидала.

Её речь понемногу выровнялась и зазвучала отчётливее.

— Послы Вар'ракха и Рубии молили нас вступить в бой. Имперские атташе склоняли наш народ пусть не к союзничеству, но, хотя бы, к нейтралитету... Однако все они вынуждены были довольствоваться витиеватыми запутанными отговорками наших советников — и более ничем. На самом же деле Долину в ключья раздирали противоречия... Примерно половина Звёздного Древа настаивала на том, чтобы поддержать гномов и орков. В происходящем им виделся единственный шанс сбросить людей с мирового трона и урвать от победы собственный куш пожирнее. Вторая же половина яростно спорила с ними, выступая за невмешательство, так как считала эту войну бесперспективной и изначально проигранной начавшими её сторонами. Не было и тени сомнения, что месть Империи поверженным врагам будет страшна...

— И ваш король, поколебавшись, всё-таки решил поддержать первых, — заметил я.

Однако Шаэ покачала головой.

— Нет. Не так. Kaidenn как раз относился к тем, кто твёрдо считал, что вступать в войну мы не должны.

— Погоди... — от неожиданности я даже убавил шаг. — Так разве же не его сместила с престола партия сторонников Вартасского мира? Не его клеймили у вас на всех углах как «навязавшего войну отбивавшейся и упирившейся вовсю Аэльте»?

Шаэриэнн поморщилась.

— Говорю тебе: Kaidenn не желал этой войны. Категорически не желал... Моё Созвездие официально тоже поддерживало позицию Владыки. Невмешательство. Ни на чьей стороне. Далее — посредничество в переговорах между участниками конфликта для того, чтобы, где возможно, свести гибельные последствия к минимуму...

— А именно ты? — спросил я с неожиданно болезненным любопытством. — Какова была твоя позиция, если отбросить официальное?

— Я была полностью согласна с доводами Владыки и моего отца, — подтвердила к моему вящему спокойствию Шаэриэнн. — Но в Созвездиях, точно так же как и в стране, не было единомыслия. Юных и горячих голов хватало, даже с избытком. Младшие братья и сёстры, кузены, племянники, внуки Глав Созвездий и их ближайшей родни... Порознь они, обретающиеся около самой власти, но толком не обладающие ею, так и остались бы потихоньку подрастать и умнеть. Но нашёлся тот, кто, тонко играя на их гоноре и амбициях, сумел по-настоящему сплотить этот круг около себя. Он действовал крайне осторожно и хитро. Так, что его долгое время не принимали всерьёз...

— Ллиреадан, — догадался я.

— Llireadan. Он по-прежнему жаждал Венца... И готов был идти к нему любыми путями. Но, во-первых, Венец всё ещё носил Kaidenn и снимать не собирался. Во-вторых, Llireadan прекрасно понимал, что, даже случись что с его братом, Собрание Созвездий в нынешнем составе уж точно не его изберёт Владыкой. И в-третьих... В-третьих, была ещё я.

— Боги-Братья!... — Я настороженно проводил глазами блеклое туманное облако,двигающееся в нашу сторону. — Ты-то чем ему тогда мешала?

— Пока любила и верила ему — ничем.

Шаэриэнн походя отмахнулась рукой, и то, что я вначале принял за туман, рассыпалось сотнями крошечных подобий насекомых, мгновенно облепивших костяного жмура, на свою беду пробегавшего мимо.

— Однако я ни за что не поддержала бы его, если бы знала о его планах. Более того — я имела все шансы разрушить их, неминуемо выступив против... На моей стороне было положение в обществе, репутация, уважение и доверие многих, включая самого Владыку, место в Малом Совете... На правах моего Нареченного Llireadan умело пользовался этими привилегиями, заставляя их работать на собственное имя. Но теперь я становилась опасной, оказываясь в числе преград на его пути к Венцу...

Её голос становился всё глуше, а дыхание — тяжелее. К тому же, эльфийка снова начала спотыкаться — причём на совершенно ровных местах: дорога здесь была не в пример удобнее, чем в начале, и даже крен её вниз почти не ощущался.

— Может, передохнём? — я кивнул на маленькое плато чуть поодаль, относительно, на мой взгляд, безопасное.

Шаэ с усилием покачала головой.

— Нет, нельзя... Нужно идти, пока снова не укроемся в пещере. Я не смогу держать иллюзию для нежити бесконечно.

— Чем я могу тебе помочь? — спросил я.

Шаэ наметила улыбку:

— Ты уже помогаешь. Я чувствую себя... живой. Даже более живой, чем когда-либо.

— Так что же с тобой случилось? — ладно, раз не выйдет помочь, хотя бы перехвачу её под руки, чтобы дать возможность опереться...

— В Войне Крови и Огня вы, имперцы, одержали победу. Но далась она вам нелёгкой ценой, — напомнила мне Шаэ то, что я и так прекрасно знал. — Огромные потери... Нежить, прибывающая, точно из бездонной бочки. Да ещё и собственные Отступники-маги, не желающие принять церковный запрет... Нашим сторонникам войны было ясно, что её следует развязывать сейчас — либо похоронить эту идею навсегда. И вот, на закате одного из дней, когда обстановка в Долине накалилась до предела — так, что впору было плавить железо в горнах жарких дебатов и споров до хрипоты — мой возлюбленный разыскал меня для того, чтобы поверить мне величайшую тайну...

Шаэриэнн перевела дыхание. Помолчала.

— Троице молодым магам из круга его друзей, похоже, удалось невероятное. Они сумели вычислить месторождение агмарилловой жилы — точно такой, как та, что была дарована псоглавцами людям. Они уверяли, что жила должна быть сокрыта в предгорьях Ледяных Пиков, что на полуночном восходе от Aellthae...

— Но это же невозможно! — я изумлённо взгляделся в лицо эльфийки. — Агмарилловое месторождение в Мире всего одно! Ведь его природа...

— Как давно мы с тобой узнали об этом? — горько спросила Шаэ, и я прикусил язык. — Тогда, без малого восемь лет назад, в такое вполне можно было поверить. Представь себе, что это могло означать для Долины, если бы маги оказались правы... В то же время проверить их расчёты следовало крайне тихо — любая искра в тот момент могла зажечь в обществе нещучное пламя... И Llireadan пришёл ко мне. Той же ночью я вместе со своими Стражами тайно отбыла в Ледяные Пики, сопровождая магов на пути к их открытию.

— Король знал об этом? — в моей голове замелькали тревожные догадки.

— Знал, — Шаэ горько усмехнулась. — Llireadan сам организовал мне срочную встречу с братом и сопровождал к нему. Kaidenn благословил меня и пожелал удачи.

— Как долго ты отсутствовала? — Шаэ в очередной раз попыталась шагнуть мимо ступеньки, но я был начеку.

— Две лунных четверти. Мы исследовали предгорья вдоль и поперёк, вначале в указанной точке, затем — в её окрестностях. Маги были подавлены, но не сдавались. Судорожно перестраивали свои карты и схемы, проверяли новые направления, но жилу так и не нашли. На пятнадцатый день мы отправились назад. Расставшись, как и планировалось, с магами в пути, я и Стражи вернулись в Долину, где и узнали ошеломляющую новость... Aellthae развязала против Империи войну. А нас уже ожидали королевские гвардейцы, тут же исполнившие приказ без промедления взять нас под арест.

Я, не удержавшись, присвистнул.

Толстый трагг, присосавшийся к покатой стене ущелья под дорогой, дёрнулся, мгновенно приобретая боевую окраску. Но Шаэ вновь зашипела, пронзительно и резко, глядя на него в упор — и тварь предпочла опять прикинуться камнем.

— Я оказалась в темнице. В одиночной камере, понятия не имея, что происходит и в

чём меня обвиняют, где находятся мои друзья и что с ними. Мне отказывали во встречах, не давали писать письма и на первых порах ничего не объясняли. Потом пришли дознаватели... Мне казалось, запутаннее уже некуда. Я ошибалась... Пропавшая Большая Печать Владыки. Поддельные приказы войскам, собранным у границ. Смещение и казнь «именем Kaidenn'a» нескольких командиров, обвинённых в измене. Мой персональный кошмар только начинался... Я напрочь отрицала все обвинения. Требовала... просила поговорить с Владыкой, Llireadan'ом, магами, наконец — меня не желали слушать.

Невзирая на то, что она по-прежнему мёрзла, Шаэ отёрла рукавом испарину, выступившую на лбу.

— Llireadan появился лишь спустя четверть. Всклобоченный, усталый, с тёмными кругами вокруг глаз. Я бросилась ему на шею... Он едва не плакал от собственного бессилия...

Я поморщился, чувствуя ядовитую злость.

— Сказал, что делает всё, чтобы доказать мою невиновность, но даже этого свидания добился с огромным трудом. Что вместе свойной всё в Долине перевернулось с ног на голову. Созвездия грызутся между собой, в Совете смута... А Kaidenn... Его брат молчит. И ведёт себя странно, точно вовсе не понимает, что происходит. Более того... Троица магов, которых мне выпало сопровождать, не возвращалась в Долину. Зато нашлись некие чины в гарнизонах, которые уверяли, что я и Стражи лично привезли приказы наступать. И даже курировали ход действий... Llireadan был уверен, что меня подставили... — Шаэриэнн едко усмехнулась — ... и клялся, что непременно разыщет того, кто это сделал. А я умоляла его быть осторожным и самому не попасть под удар. И лишь о том, что он ни слова не сказал дознавателям о миссии, которую я выполняла по его просьбе, более того — «спасая доброе имя своей невесты», вызвался сам официально участвовать в следствии, мой любимый в тот день умолчал.

С губ сорвалось короткое, но заковыристое ругательство. Я спохватился, пробомотал:

— Прости...

Она усмехнулась:

— Напротив — спасибо. За понимание. Ну а дальше... Дальше, Альтар, было ещё занятнее. Моё дело ввиду особой важности должно было рассматривать Собрание Созвездий — и я с нетерпением ждала этого. Личное присутствие всех фигурантов дела, допросы с помощью магии — я не сомневалась, что правда выплывет наружу, кто бы и с какой целью не затеял всё это. Но продолжала оставаться в камере — шла война, и собрать с фронта в столице «чинов», показавших против меня, на тот момент не представлялось возможным... Положение Aellthae становились хуже день ото дня.

Эльфийка сделала глубокий вздох, снова мысленно возвращаясь к своему прошлому.

— Не прошло и луны, как Империя оклемалась от внезапного нападения и сумела переломить ход войны в свою пользу. Бои шли уже на нашей территории... Оборону удавалось держать с трудом. С каждым днём имперские войска подходили всё ближе к сердцу Aellthae — Долине. Сторонники войны были подавлены, противники — растеряны и в ссорах между собой... На фоне этого и зазвучали, становясь всё громче и громче, голоса тех, кто выступал за соглашение с людьми. Теперь уже за то, чтобы сохранить хоть что-нибудь от державы, совершившей опрометчивый шаг и пожинающей его плоды... И самым слышным среди них был Llireadan, пользующийся влиянием среди молодёжи разных Созвездий. Любящий брат Владыки, не способный смириться с его бездействием в

критический для страны час. Несчастный жених, стремящийся отыскать правду, снимающую жуткие подозрения с его возлюбленной — но вместо этого шаг за шагом раскрывающий почему-то совсем другую картину. Только, разумеется, я на тот момент не знала всех самых интересных подробностей... Позже, уже в Орденском каземате, я долго складывала целостную мозаику из обрывков фраз палачей, из слухов, просочившихся с воли, из того, чем успели поделиться другие заключённые-Росса, с которыми сталкивала меня судьба...

Уклон дороги совсем сошёл на нет. Мы добрались почти до середины пути, разделяющего две пещеры в пористом камне. Но оставшаяся половина была сложнее: более резкие перепады уровней под ногами, более извилистые повороты... Кроме того, дальше предстояло подниматься вверх.

— Шаэ, — я видел, что эльфийка уже совершенно выбилась из сил. — Можно, я... понесу тебя на руках?

Она резко повернулась ко мне, сверкнув бледным огнём в глазах.

— Даже не вздумай!

— Ладно, ладно! — примирительно пробормотал я. — Только не шипи на меня, как на того несчастного дхоббса...

Шаэриэнн сердито качнула головой, но не удержалась — фыркнула.

— Ох, Альтар... Ладно. Просто чуть-чуть постоим и пойдём дальше, хорошо?

Я пожал плечами:

— Тебе виднее. С нежитью вокруг я уже как-то свыкся. А твою историю хочу дослушать до конца...

— Конец был печален, — усмехнулась Шаэриэнн. — Страна уже была на грани краха, и партия сторонников мира на условиях, предложенных Вартасским герцогом, инициировала созыв Собрании. Lireadan должен был представить проект соглашения перед Главами Созвездий и Владыкой, что в любом случае определило бы позицию правителя. Но за день до Собрании Kaidenn был найден мёртвым в собственной постели... И в то же утро нашли Большую Печать. Тайник принадлежал Elenidalle из Созвездия Огненного Заката. Christaienn младший из моих Стражей Сердца, был её Нареченным... Вместе с Печатью в тайнике хранился кинжал, в рукояти которого обнаружилась полость с «секретом»...

— Яд?! — не сдержался я.

Шаэриэнн кивнула.

— Следы. Очень редкостная и сильная дрянь, медленно убивающая и тело, и разум... О моём увлечении травничеством в то время знала вся Долина. Яд, правда, был минерального происхождения, но тогда это уже мало кого волновало... Lireadan очень убедительно опознал в кинжале моё оружие и «вспомнил» о тайной встрече с Владыкой, которую устраивал по моей просьбе как раз перед тем, как я отбыла прочь.

— Тень Безымянного!

— Подозрение в убийстве правителя не оставляло больше возможностей медлить. Меня и Стражей ждал допрос на предстоящем Собрании, аккурат после решения вопроса о подписании мира. Так бы и случилось, однако в это утро заговорил Глас Истины — священный колокол у входа в Резиденцию Ночи. Lireadan, которого в тот момент многие сочли помутившимся с горя рассудком, воззвал к высшей Справедливости, и право стать Мечом Теарра он просил для себя...

— Не понимаю... — витиеватые эльфийские обычаи были мне очень плохо знакомы. — Он что... вызвал тебя на поединок?

— Да. На Суд Меча — до смерти одного из соперников. Он объявил, что покарает меня сам, если я виновна в гибели его брата, в противном же случае собственной кровью искупит запятнавшее нашу любовь недоверие... Все понимали, что поединок будет неравным: Llireadan недурно владел оружием, но против меня шансов у него, можно сказать, не было. Но формально отказать ему в праве были только Старейшие, хранители традиций. Однако же они благословили его... Суд Меча был назначен на предраассветный час ночи Полнолуния, как и полагалось по ритуалу. Эта ночь была следующей после ночи Собрания — таким образом, решение «моего» вопроса переносилось немного вперед...

— Демоны! — выдохнул я. — Но, если он не самоубийца, чего он добивался всем этим?

— О, — хмыкнула Шаэ, снова ступая по дороге и увлекая меня за собой. — Многого... Ты бесконечно далёк от мира интриг, Альтар — как и я была тогда далека... Я узнала о грядущем Суде Меча из первых уст — со ступеней Гласа Истины мой любимый отправился напрямик ко мне в темницу. Разговор наш был без лишних свидетелей... Я, не успев придти в себя от ужаса и боли, услышала, что на самом деле это единственный шанс для него меня спасти. По его словам, после смерти Kaidenn'a он уже не сомневался в том, что до суда Созвездия мне дожить не дадут, и решил ценой своей жизни выкупить у Теарра мою... Llireadan обвинял себя в том, что не смог сберечь брата, но меня он клялся вырвать из цепких когтей его убийц, пусть даже таким страшным способом... Я твёрдо сказала, что не подниму против него меча, хотя это лишь означало, что меня незамедлительно казнят вместо ритуального боя. Он проклинал собственное бессилие, говорил о том, что, верит в меня — в то, что, оказавшись свободной, я смогу сама отыскать доказательства, снимающие с меня вину, а также найти и покарать тех, кто затеял и осуществил всё это. Но «отыграть назад» было невозможно... Когда, отчаявшись убедить меня, Llireadan «внезапно» высказал безумную мысль попытаться устроить мне и Стражам побег, я согласилась, видя в этом единственный шанс спасти и его, и себя.

Я скрипнул зубами:

— Он же просто не оставил тебе выбора...

— Не оставил. Я, правда, почти не верила, что у моего возлюбленного что-то получится. И, тем не менее, в ночь, когда Собрание Созвездий решало судьбу страны, ко мне в каземат вошёл не дознаватель, а верное моему жениху лицо... Всё прошло как по маслу — подкупленные им тюремщики открыли двери камер, где содержали меня и Стражей, несколько магов и бойцов провели нас тайными коридорами на хозяйственный двор, в котором уже ожидала крытая повозка... В ничем не примечательном доме на окраине Долины чародеи открыли для нас портал, ведущий в приграничье, дали координаты места, где нас ожидали свежие лошади и самое необходимое в пути, и откуда Llireadan просил меня выйти на связь...

— Надо же, как ловко, — не удержался я. — Прямо какая-то прогулка по парку, а не побег из государственной тюрьмы! Да ещё и организованный второпях...

— Если бы тогда я придавала этому значение... — голос Шаэ поневоле дрогнул. — Всё могло бы сложиться по-иному. Но — увы... А тем временем на Собрании Созвездий избирали нового правителя. Сильные партии, претендующие на власть, совершенно не были готовы к смерти Kaidenn'a и попросту не успели «распределить роли»... Но подписать прошение о мире мог исключительно носитель Туманного Венца. Все понимали, что Вартасский договор неизбежен, но никто не желал войти в историю как Владыка, лишивший Aellthae Росса самого ценного — свободы... Никто, кроме Llireadan'a, которого заранее

считали смертником — и потому «король на час» был выбран практически единогласно. В сущности, только для того, чтобы шлёпнуть под унижительным прошением Большую Печать... Известие о моём побеге ввергло всю правящую верхушку в смятение и шок. А когда они опомнились, сообразив, что переиграли сами себя, было уже поздно...

Шаэ сбила дыхание, закашлялась. Я поднёс к её губам флягу с водой. Она сделала несколько жадных, торопливых глотков, после чего, благодарно кивнув, отвела мою руку прочь.

— Об остальном ты, наверное, уже догадался. В условленном месте меня и Стражей ждала засада, отряд чародеев и воинов в чёрных Орденских плащах... При нас были мечи — теперь понимаю, что так убедительнее выглядела бы «попытка к бегству» — и мы приняли неожиданный бой, даже попытались прорваться... Но их было слишком много. И они, в отличие от нас, в точности знали, кого и когда им предстояло встречать. Там, на живописном берегу стремительной реки, отсекающей земли Росса от имперских владений, защищая меня, один за другим сложили головы мои верные Стражи. Мы, «пособники прежнего короля и зачинщики войны», оказались частью «откупного», в качестве «жеста доброй воли» переданного Ордену Таргоса новым Владыкой. Однако меня, вопреки уговору с предателем, оставили жить... За сильную колдунью, доставленную в Седонские копи, твоим братьям... прости... полагалась нешуточная премия. Только сперва обезвредили. Чтобы уж точно обошлось без неприятных сюрпризов...

Пальцы эльфийки в моей руке произвольно дрогнули, сжались, царапнув по коже ноготками.

— Прости меня, — сказал я глухо, понимая, насколько нелепо это звучит.

Шаэ мотнула головой.

— Не нужно, Альтар. Это война. Ты тоже от души хлебнул из этой чаши... Я видела шрамы на твоей спине и груди, когда ты мылся с дороги. И не понаслышке знаю заклятья, способные оставить такие... Я знаю, почему ты не спишь ночами. Мои призраки лишь тогда перестали сниться мне, когда у меня уже не осталось слёз... Но ты не плачешь. И оттого, когда забываешься на мгновения, с твоих губ сами собой срываются их имена...

— И часто... — через силу произнёс я, — ... такое?

— Редко. Очень редко... — Шаэ помолчала. — Но одно имя чаще, чем другие...

Рэйни... Рэйни.

Я прикрыл глаза, на мгновение крепко смежил веки. Хрупкая темноволосая девушка с лучистым взглядом, сжимающая в тонких пальчиках грубый боевой нож, в который раз робко и ласково улыбнулась мне, вдребезги разбивая душу на тысячи осколков...

— Ты любил её? — невольно повторила Шаэриэнн мой вопрос.

Я разлепил губы:

— Её невозможно было не любить.

— Прости...

— Я не спас её. Не защитил... — Слова вдруг хлынули сами собой, и я уже не мог остановиться. — Когда она... погибла, меня даже не было рядом. А ведь она должна была быть счастлива, Шаэ! Выйти замуж за хорошего парня. Родить детей... Она просто должна была быть, понимаешь? Вот скажи, есть в Мире хоть толика справедливости? Где же её искать, во имя всех демонов и богов?!

— Есть. — Я замолчал, и ладонь эльфийки легонько прикоснулась к моей груди. — Она — здесь, Альтар. Мы не боги... И не можем заставить время изменить свой ход. Но у нас

хотя бы появился шанс сделать так, чтобы подобное больше не повторялось...

Тревожный холодок пробежал по спине на миг раньше, чем где то над головой, стремительно приближаясь, захлопали сильные крылья. Я замер, почти сразу же шагнул вбок, увлекая Шаэ поближе к стене. Разномастная нежить, обосновавшаяся впереди на дороге, спешно прерывала свою возню и торопилась убраться прочь. Через миг на освободившееся пространство, неуклюже пружиня огромными когтистыми лапами, опустилось чудовищное подобие драконьего скелета, местами дополненного массивной костяной бронёй.

Нетхоен... Так близко я видел подобную тварь впервые. А он и не торопился, словно нарочно давая рассмотреть себя во всех подробностях. Скрипя и противно щёлкая множеством сочленений, гигантские крылья медленно складывались, убираясь за спину. Затем пришла в движение длинная шея, в противоход с массивным изогнутым хвостом, на конце которого подрагивала острая «стрела». Слепая голова с приоткрытой зубастой пастью плавно качнулась в одну, затем — в другую сторону... Если бы я не знал, что у нетха напрочь отсутствуют чувства, присущие всем живым существам, мог бы поклясться, что он внимательно высматривает или вынюхивает кого-то. И даже с пониманием, что это не так, мне было не по себе... В особенности когда, скрежетнув зубами, нетхоен опустил голову почти до самой земли и, припадая на короткие передние лапы, медленно двинулся по узкой дороге нам навстречу.

И вот тут я действительно растерялся. Бежать назад? Нельзя... Уж не знаю, как, но на резкое движение тварь отреагирует молниеносно. Остаться, где стоим? Через миг он будет здесь, и если даже просто протиснется мимо, от нас не останется даже мокрого места... Словно в подтверждение моих сумбурных мыслей нетх, походя дёрнув головой, ухватил поперёк туловища немаленького зелгара, сдуру замешкавшегося на его пути, с лёгкостью перекусил пополам и отшвырнул останки далеко в ущелье... Я дёрнулся — но Шаэ покачала головой и прижалась ко мне ещё сильнее, вынуждая оставаться на месте. Одной рукой она крепко обхватила меня за талию, вторую же медленно протянула вперёд.

И — о, чудо! — почти поравнявшись с нами, костяной дракон вдруг замедлил шаг. Как-то нерешительно, растерянно переступил с ноги на ногу, затем с силой ударил хвостом по камням... Но ладонь эльфийки не дрогнула, и нетх, неохотно, но всё же повинувшись некоему молчаливому приказу, медленно приблизил голову к самым кончикам её пальцев — и застыл.

Не имея возможности более ничего делать, я во все глаза смотрел на чудовище, против которого бессильной оказалась бы, пожалуй, даже имперская скорострельная баллиستا... Его голова казалась горой, сплетённой из костяных пластин. В ней было не менее половины моего роста... Пасть, утыканная острыми зубьями, точно частоколом развёрнутых остриями вверх мечей, мерно покачивалась в пяди от ладони Шаэ — нашей единственной защиты. Я заметил, что бледный свет в глазах эльфийки разгорелся ещё сильнее... Несколько бесконечных мгновений Шаэриэнн и нетх внимательно изучали друг друга. Затем тварь, резко вскинувшись, гортанно заклекотала, вновь выпуская крылья, и взмыла вверх, грузно оттолкнувшись от земли. Что колдунья внушила ей, я так и не понял: побледнев до синевы, Шаэриэнн резко осела мне на руки. Струйка крови, показавшись в уголке рта, ручейком побежала вниз по щеке...

То, что было дальше, виделось мне, словно в тумане. Со всей скоростью и ловкостью, на какую был способен, я летел вверх по извивающейся дороге, прижимая к себе

бесчувственную Шаэ, глаза которой, тем не менее, продолжали светиться даже сквозь прикрытые веки... Должно быть, именно это нас и спасало, так как дороги я совершенно не разобрал, на бегу врезаюсь прямо в скопления мелких тварей, иногда задевая более крупных, но при этом лишь прибавляя ход. Нежить, возможно, была обескуражена подобным нахальством якобы собрата, однако по счастью ни одному порождению Хаоса так и не суждено было меня достать. Где-то пришлось прыгать через пересекающие путь трещины, пару раз — карабкаться на нависшие ступени, в одном месте лишь чудо спасло меня от падения вниз кувырком — однако оставшиеся до пещеры в скале две трети дороги я преодолел так быстро, как не бегал в жизни ещё никогда...

Внутри пролома в жёлтом пористом камне я ворвался как ураган, и ещё какое-то время мчался вперёд по тёмному неширокому коридору, прежде чем осознал, что, кроме нас, здесь больше никого нет. Тяжело дыша, я заставил себя замедлить шаг, хотя подсознание упорно продолжало гнать меня вперёд; наконец, остановился, едва не падая с ног.

Шаэриэнн, будто сломанная кукла, лежала на моих руках. Я как мог, бережно опустил её на землю, нагнулся к ней, проверяя дыхание, провёл ладонью по щеке...

Глаза эльфийки вдруг распахнулись, полыхнув нечеловеческим светом. В следующий миг она дёрнулась вперёд. Я едва успел отшатнуться, когда её зубы глухо клацнули в пяди от моей шеи... Успел перехватить предплечья, крепко прижать брыкающееся тело к земле, и быстро зашептал прямо в искажённое гримасой лицо, пытаясь остановить на себе её взгляд:

— Ну всё, всё, Шаэ... Что же ты, милая... Всё нормально... Это я, успокойся... Тише тише... Шаэ, слышишь меня? Всё хорошо...

Я действовал исключительно по наитию, имея за плечами лишь опыт взаимодействия с обезумевшими от магии или сильного испуга лошадьми. Но Шаэриэнн понемногу стала вести себя тише и, к моему несказанному облегчению, бледное сияние в её глазах тоже принялось угасать.

Когда яростные рывки сменились слабыми бессвязными движениями, я рискнул ослабить хват. Отёр лоб рукавом — с него крупными бисеринами скатывался пот. По-хорошему следовало двигаться дальше, но мне нужна была хотя бы десятинка передышки... Я стянул куртку с плеча, собираясь положить её эльфийке под голову. Осторожно завёл руку ей под плечи и затылок, чуть приподнял, потянул на себя...

С губ Шаэриэнн сорвался еле слышный стон. Так и не открывая глаз, она шевельнулась — и внезапно послушно подалась мне навстречу... От неожиданности я едва удержал её на весу, чудом сам не рухнув сверху — в последнее мгновение успел упереться локтем в каменный пол.

На какой-то момент лишённый возможности двигаться, я навис над Шаэ, невпопад соображая, что очень крепко... непростительно крепко прижимаю её к себе. И в тот же миг руки эльфийки скользнули вверх, упираясь мне в грудь.

Но... не оттолкнули. Лишь легонько смяли ворот рубахи — так, словно, напротив, не желали отпускать. И это невинное прикосновение опьянило вдруг похлеще штофа выдержанного вина...

Я дрогнул.

Её голова, покачнувшись на моей ладони, чуть запрокинулась назад. Рот приоткрылся... Слабо затрепетали веки, под которыми всё ещё пламенели магические огоньки: чуждые Шаэриэнн чары настойчиво требовали выхода. Но... На краткое мгновение я вдруг отчаянно захотел поверить в нечто совсем иное.

В то, что даже мысленно не смел позволить себе представлять.

Наше дыхание смешалось — и, забыв обо всём на свете, я потянулся вперёд, трогая её губы своими...

... Неясный шум из тёмного зева коридора, усиливающийся с каждым мгновением, стал «ведром ледяной воды», миг вернувшим меня в реальность. Холодея, я успел лишь опустить Шаэ на камни и встать в полный рост, подхватывая брошенный рядом кинжал.

Мрак расступился, и из бокового отнорка в десятке шагов впереди грузно вывалились ракус и трагг в слабеньком ореоле бледного света.

Магия Шаэ больше не действовала — учуяв столь лакомую для них тёплую кровь, твари атаковали без промедления...

Я взвыл от отчаяния и безысходности — и изо всех оставшихся сил рванулся им наперерез.

Глава 8

Мечи и магия

Шаэриэнн

Сознание и силы возвращались ко мне тяжело.

Вначале были покой и забвение... Я, невесомая, безразличная ко всему и безучастная, медленно парила в туманном океане, сотканном из односложных звуков и цветных пятен, плавно перетекающих друг в друга. Иногда какое-либо из них, задерживая мой взгляд, двигалось чуть медленнее или, напротив, быстрее, тускнело или сверкало ярче, на миг обретая контуры и объём.

... Мертвенно-бледное сияние вокруг пары странных бесформенных глыб, безуспешно пытающихся поглотить одинокую чёрно-алую фигуру. Золотая арка портала, развёрнутого во тьме, заполняющаяся стремительно растущими на глазах смутно знакомыми силуэтами. Серебряный росчерк лезвия меча, метко брошенного одной умелой рукой и перехваченного второй...

Постепенно, словно потайные чернила на бумаге, нагретой над свечой, начали проявляться чувства. Сковывающий душу страх от разлитого в воздухе ожидания скорой гибели... Бессильное отчаянье от невозможности помочь единственному защитнику рубежа между жизнью и смертью, упрямо противостоящему неизбежности... Проблеск надежды во вспышках спасительной магии и молниях клинков, в последний миг подоспевших на выручку...

И — холод, холод, холод, над которым не властно ничто... Даже разливающаяся по жилам живительная сила эликсиров. Даже тёплый плащ, окутавший тело с головы до ног. Даже надёжные объятия сильных знакомых рук, согревающий шёпот на родном языке в такт ровной стремительной рыси существа под седлом. Шёпот, умоляющий не уходить... подождать... вернуться...

Бесконечная рысь обрывается. Тьму пререзает яркий свет, ослепительный на первых порах, дарящий радость и блаженство...

Шаги, шаги, шаги — тщательно выбирающие, куда ступать. Бережные объятия, боящиеся потревожить. Изнуряющий длительный переход, рождающий волнение, тревогу и ожидание новой опасности.

Свет меркнет, словно наползает гигантская туча.

Мгновение отдыха. Постель из веток, укрытых плащом. Фляга у губ... ключевая вода. Нет, не могу... Холодно.

Очень холодно.

Холодный ветер, пахнувший бедой. Холодные голоса... Яростный, полный ненависти, шипящий на 'lenguaa бранные слова... Жёсткий, рубящий, словно мечом, короткие фразы... Хрипловатый, точно простуженный, с ворчанием вклинивающийся между ними. Сдержанный, мягкий, призывающий всех к миру. И женский, порывистый — то сбивающийся чуть ли не до крика, то горячо шепчущий — убеждая, увещевая...

Холодно.

Шелест карты, споры, раздумья... Торопливые шаги, крики, бег, лязг оружия, вылетающего из ножен. Новый голос, незнакомый, гортанный — с явной натугой произносящий имперские фразы... Молчание. Короткий, но важный разговор, на кону которого судьба...

Быстрые сборы, снова переход. На этот раз короче, но не в пример трудней. Несущий меня на руках дышит тяжело и натужно, иногда сбивается с шага — под ногами камни, но на попытки помочь ему рычит, как зверь — не позволяет никому прикасаться ко мне.

Я слушаю стук его сердца — рваный, горячечный. Отчаянно хочу успокоить его... Пытаюсь сказать, что попробую идти сама. Но сознание снова вырывается прочь, и меня опять затягивает в пёструю гудящую круговерть, лишая связи с тем, что происходит наяву...

Когда я снова возвращаюсь, понимаю, что я в седле. Но не в бронированном, твёрдом. Седло мягкое, кожаное, однако явно не для коня. Голые ладони, не укрытые плащом, ощущают под собой космы густого, плотного меха...

Меня поддерживают, не давая упасть, уже другие руки — мускулистые, уверенные руки воина, однако я совсем не помню их... Всадник сидит позади меня, но мои глаза устремлены вверх и сквозь туман в них я вижу бронзовое лицо на фоне вечеряющего неба, хвост смоляных волос, спускающийся с плеча, резкие неподвижные черты.

Всадник бесстрастен — он точно знает, куда держит путь. Его неведомый скакун, повинувшись отрывисто брошенной команде, плавными скачками прибавляет скорость, но в прохладном воздухе вместе с сумерками разливается тревога, и она становится всё гуще и всё сильнее...

Воин коротко спрашивает, и ему так же отвечают — откуда-то сбоку, сзади, совсем близко, издалека. Внезапный крик... ещё... Опасность успели обнаружить — но при этом нечто заметило и нас.

Где-то на грани слуха, резко нарастая, ушей достигает злобное шипение и клёкот. Накатывают пронзительные вопли, леденящие кровь... Чугунным гулом в голове отзывается попытка ментальной атаки. Я не выдерживаю, «отключаюсь» практически сразу же, но ещё успеваю почуять магию — эхо брошенных в ответ боевых заклятий — и понять, что зверь под седлом, мчится, должно быть уже на пределе сил...

... Скачки больше нет. Вокруг — сумрак и мягкая тишина, в которую так и тянет закутаться, точно в шерстяное одеяло. В воздухе пахнет мучными лепёшками, вычиненной кожей, душистым сухим сеном... Так пахнет покой — и, должно быть, именно это внезапно рождает по-детски наивную уверенность в том, что ничего плохого больше не случится.

— Пей! — слышу я.

К губам прижимается чашка с отваром, отдающим терпкой горечью трав. Первый глоток даётся с трудом, но после него внезапно просыпается настоящая, звериная жажда. Я взахлёб выпиваю чашку до дна...

Тело вдруг прекращает быть невесомым, обретая привычную тяжесть, и куда-то резко деваается вязкий туман в голове. На совсем короткий миг я ощущаю себя лежащей на удобном ложе, застеленном мягкими шкурами... Вокруг стремятся ввысь стены шатра из плотной ткани, натянутой на шесты. Посреди жилища горит выложенный на земляном полу очаг. Сквозь отверстие под куполом, выпускающее наружу дым, подмигивает мне пронзительно-синий кусочек неба...

И — о, блаженство! — ледяной холод внутри меня, дрогнув, начинает отступать, не в силах сопротивляться живому неумному теплу. Как будто выпитый мною напиток

приготовили из чистых солнечных лучей...

Стоя рядом с моей постелью, бронзовокожая женщина с раскосыми жёлтыми глазами и гладкими чёрными волосами, зачёсанными назад, сдержанно улыбается, чуть обнажив заострённые, точно у волчицы, клыки. Морщинистая рука с узловатыми пальцами аккуратно отнимает чашку от моего лица, поправляет подушку у изголовья.

— Теперь спи! — велит она.

И я послушно проваливаюсь в глубокий крепкий сон, не имея ни капли желания сопротивляться.

Сны потянулись бесконечной чередой — яркие, красочные, до невозможности живые... Словно за то время, пока моё тело по крупице восстанавливало исчерпанный магический ресурс, в сознание одновременно ринулась вся толпа видений, упорно пронесившихся мимо долгие восемь лет. Одна картина сменялась другой, причудливо переплетая воображение и реальность, но чёткий след в памяти оставили только некоторые из них...

Я видела себя огромным белым волком, летящим по волнистой степной равнине, и загоняющую его стаю костяных тварей, почти замкнувших кольцо. Ещё миг... Но, сотрясая землю тяжёлыми шагами, навстречу мне из ниоткуда вдруг выступал каменный великан. Сбивая лапы в кровь, я мчалась ещё быстрее, исполненная странной уверенности в том, что он не причинит мне зла... И в самом деле, исполин даже не глядел на меня — обманчиво медленный, он преграждал путь моим преследователям, вскидывал голову... Под капюшоном каменного плаща озерцами лавы полыхали его глазницы — и степь за моей спиной тонула в волнах кроваво-красного огня...

Я была потоком вольного весеннего ветра, бесшабашно выплясывающим на руинах некогда прекрасного города — древнего почти как Мир, но уже давно погребённого под травой и песками... Печально шелестел вокруг лес. Горестно вздыхали обломки камня и стали — творения неведомых рук ещё хранили память о былых славе и величии... И лишь призраки, единственные здешние обитатели, радостно вторили мне, носясь меж останками старинных строений и причудливых непонятных конструкций...

Я становилась магической душой удивительного металлического слитка, сплавленного из ненависти и злобы первозданной чистоты. Меня раскаляли в жарком пламени горна, сминали ударами тяжёлых молотов и вновь вытягивали клещами несметное количество раз... И всё равно конец был един: мастера отступали, шепча сквозь зубы крепкие словечки — доведённые до полного изнеможения, однако так и не сумевшие меня покорить. В сухом горячем воздухе кузницы, в натужном шипении мехов, в пару, клубящемся над лоханью с водой, их отчаяние переплавлялось в моё торжество...

Было и ещё одно видение. Особенное — в том числе и потому, что оно повторялось. В нём я снова была собою, юной и полной сил, замершей на корме лодки, что несла меня на укрытый посреди озера маленький остров... Только пальцы мои, здоровые и крепкие, как тогда, вначале, сжимали рукоять полуторного меча. Теперь я знала, что должно произойти, и не сомневалась ни на миг в том, как именно предотвращу это...

... Вокруг поднимаются сизые туманные сумерки. Лодка мягко тыкается носом в песчаный берег и замирает. Высокий мужчина, прогуливающийся по пляжу в ожидании моего прибытия, быстрым шагом направляется ко мне. Но это не Llireadan.

Это Альтар.

Меч выпадает у меня из рук, с тихим плеском уходя под воду. Я изумлена и

ошарашена... Но вот Альтар, кажется, вовсе не удивлён. Он заботливо подаёт мне руку, помогая сойти на берег — и я только сейчас замечаю на нём парадный мундир воина Росса в цветах дома Тёмного Пламени. Чёрный и серебристо-синий удивительно ему к лицу — но откуда...?! Я распахиваю глаза — и в этот самый миг его ладонь мягко ложится на мою талию. Я вдруг понимаю, что сейчас должно произойти...

В сумеречной тиши острова звучат аккорды Альтенского вальса. Мелодия как будто льётся с неба — не иначе как звёздный оркестр исполняет её для нас под аккомпанемент лунного маэстро... Альтар уверенно ведёт меня в танце — сперва медленно, затем быстрее, быстрее... и вся моя злость, решимость и обречённость шаг за шагом истаивает без следа.

Мне удивительно хорошо и спокойно рядом с ним. А ещё... Свет и Тьма, как же в самом деле он красив!... Я поднимаю глаза, даже не особо скрывая, что люблю его чертами... Мимходом отмечаю лёгкую улыбку, тронувшую его уста. И замираю, встретив взгляд, исполненный щемящей нежности, теплоты и... желания?

Ночь! Но это же невозможно!...

Это сон — внезапно осознаю я...

Словно подслушав мои мысли, музыка замолкает, и мы останавливаемся на середине движения. Я отступаю назад, чувствуя, что сейчас проснусь, едва не плача от несправедливости и обиды. Но Альтар... Альтар даже в моём сне не желает мириться с тем, что не по нему. За мгновение до того, как меня «выкидывает» в реальность, он удерживает мои руки в своих и... целует меня — яростно, трепетно, нежно, жадно ловя мой отклик, требуя и требуя ещё...

Невероятно, но сон тоже замирает, не в силах сопротивляться его безмолвному приказу — и действительность воровато «выхватывает» меня лишь тогда, когда его губы наконец отпускают мои...

Этот сон изводил меня неимоверно. Всякий раз невыносимо тяжело было освободиться из его плена — но, едва это удавалось, я, точно одержимая, жаждала видеть его вновь и вновь.

И видение возвращалось. Порой предсказуемо, порой — внезапно, проявляясь вдруг в потоке множества других. Лишь мгновения реальности, оборачивающиеся негромким голосом моей «сиделки» или чашкой тёплого питья у губ, ненадолго дарили спасительный покой.

Однако мои силы прибывали, и вместе с тем истончалось кружево сна, понемногу теряя надо мною свою власть. И наступил момент, когда, вдохнув полной грудью, я, наконец, сумела сбросить призрачные оковы морока прочь и распахнуть глаза, встречая реальный мир.

Шатёр не снился мне — он оказался настоящим. Просторным, тёплым и сухим, как и положено обитаемому жилью, и в самом деле упоительно уютным... Как я оказалась здесь?

Я шевельнулась, выбираясь из-под одеяла.

Гибкая черноволосая девушка, управляющаяся у очага, краем глаза уловила моё движение и обернулась:

— С возвращением, Помнящая...

Помнящая... Люди бы сказали — «колдунья». Но среди вар'рен, орочьего народа, в ходу поверье о том, что каждому, кто живёт под этим солнцем и небом, дарована магическая сила. Однако многие просто забыли об этом, и оттого владеют ею лишь те, кто от рождения по-настоящему «помнит себя»...

Я напрягла память, вспоминая орочий этикет:

— Благодарю тебя, славная дочь Забытого, за помощь, пищу и кров. Пусть твоя доброта обернётся победой в бою, удачной охотой и счастливой дорогой в любви. Могу я узнать твоё имя?

— Ин'ке. — Белозубая улыбка была искренней. Вроде бы, я ничего не напутала... — Да не оставят тебя те, в кого веришь ты.

Орки. Значит, мы всё-таки добрались... Но последнее, что я помнила худо-бедно отчётливо, была проклятая дорога вдоль кишасящего нежитью подземного ущелья — дорога, которая никак не желала кончаться. Слепая морда нетхоена прямо передо мной... Сузившиеся глаза Альтара, сжимающего кинжал... Дальше в голове был полный кавардак — мешанина из обрывков воспоминаний и горячечных снов. Но, если хоть часть из этого на самом деле была правдой...

— Где я? — Сообразив, что на мне лишь бельё и рубашка, я принялась оглядываться вокруг в поисках одежды. — Ты знаешь, что с моими спутниками? И как давно... это со мной?

— Ты в Оро'чане, Помнящая. В Шагающем Городе. — Ин'ке легонько скользнула вперёд, подала мне стопку моих вещей, аккуратно сложенных у изголовья. — Это тэйп Эм'син, нашей Видящей. Пока ты возвращалась из мира снов, она присматривала за тобой.

— Мои друзья... — неуклюже натягивая куртку и штаны, я ждала и боялась ответа.

— Здесь. Эльф, гном, люди — двое мужчин и одна женщина, — быстро перечислила орка, верно истолковав моё смятение.

Живы... У меня отлегло от сердца.

— Отряд Наблюдающих три дня назад вернулся с Проклятых Просторов вместе с вами, — продолжала Ин'ке. — Вейгееран сказал, что тебя привезли уже такой...

— Исчерпавшей источник чар внутри себя почти до последней капли — но, к счастью, всё же почти. Обессиленной и оттого немного заблудившейся во снах... — Край полога, прикрывавшего вход в шатёр, откинулся, впуская яркий солнечный свет. Внутрь вошла хозяйка жилища — в ней я с первого взгляда узнала ту, что поила меня целительным отваром. — Много болтаешь, Ин'ке.

Девушка, вскочившая на ноги при её появлении, виновато потупилась. Я тоже сделала попытку подняться — голова тут же предательски закружилась, земляной пол поехал вбок... Но Видящая жестом велела мне оставаться на месте.

— Не торопись. Ты ещё слишком слаба... А к тебе гости, — Эм'син внезапно улыбнулась, почти растеряв строгость. — Просились все. Но в тэйп Видящей мужчинам вход закрыт. Так что... — недоговорив, она снова потянула полог на себя, и в шатёр, щуря со света глаза, осторожно шагнула светловолосая принцесса.

— Тира!...

В этот миг я обрадовалась ей, как родной.

Лицо Рожерии тоже осветила улыбка. Тира порывисто шагнула ко мне, обняла, легонько сжала мои руки в своих.

— Ох, Шаэ, Шаэ!... Ну и мастерица ты трепать нервы!...

— Идём! — велела Эм'син, повелительно беря за локоть Ин'ке. — У очага стоит кувшин с питьём, восстанавливающим силы. Напой свою подругу, — обратилась она к Тире. — Вставать ей уже можно. Пусть лишь воздержится от творения чар.

— Спасибо тебе, мудрейшая, — вслед за мной склонила голову принцесса. — Ты очень

много сделала для нас.

— Должен ли благодарить взваливший на плечи небо того, кто подаст ему воды? — У самого порога Эм'син на миг замедлила шаг. — Никто из нас: ни я, ни Стальная Рука, ни Креддок с Вейгеераном не в силах исполнить ваше предназначение. Но будем помогать вам всем, чем сможем. Этого Судьба запретить не в силах... Да пребудет милость богов на вашей стороне!

— ... Так что четырнадцатой стрелки мы достигли без проблем. — Тира взяла из моих рук чашку с напитком, потянула носом, вдыхая травяной аромат. — А начались они, как только Торгрин развернул нас обратно...

— Сработал Искатель Тонио, — понимающе кивнула я.

— Не угадала, — усмехнулась принцесса. — Первым «сработал» А'Кариэлл... Он и так всю дорогу дёргался, как на иголках. Но едва мы сошли с Пути, твой Страж чуть ли не волком взвыл, что твоя жизнь на волоске... Искатель подействовал, когда мы уже рванули вам навстречу. Тонио засёк тебя и Альгара довольно быстро, но никак не мог найти участок со стабильным фоном, чтобы напрямую открыть к вам Врата...

Хвала Созидателю!... Я содрогнулась, представив, что было бы, развернись окно перехода прямо посреди кишащей нежитью клоаки.

— Вот мы и двигались «короткими перебежками», — ничего не заметив, продолжала принцесса. — Проще говоря, «ныряли» в скользящий портал, срезая кусочек дороги, дальше снова гнали скагарров напрямик, выбирая, где опять можно «пробить окошко»... Пока, наконец, не наткнулись на вас. И, как оказалось, очень вовремя...

— Да уж... Альтар... — я вздрогнула, чуть запнувшись перед тем, как произнести имя. — Он не ранен?

— Нет, успокойся, — Тира качнула головой. — Я же говорю: мы успели. Хотя картинка перед глазами и впрямь была та ещё... Ты без чувств лежишь на земле, Альтар едва не с голыми руками против парочки тварей, на которых и во всеоружии-то выйти страшно... Мы, конечно, не ожидали такого, но сразу вписались в бой. И знаешь, — она понизила голос, — я просто восхищена А'Кариэллом... Это он догадался бросить Альтару меч — да ещё так ловко, что, считай, просто вложил ему в руку. Первый раз вижу такое! Невероятный приём!...

— Он по праву считался одним из лучших воинов Долины, — не скрывая гордости, подтвердила я.

— Это и уберегло Альтара от ран, — Тира всё же решилась и с опаской отхлебнула из чашки глоток. Прищурила глаза, оценивая вкус, и отпила ещё. — Правда, когда с нежитью было покончено, Кариэлл сам едва его не убил — за тебя. Хорошо, Тор и Тонио успели вмешаться, а то как пить дать была бы драка...

Я вздохнула. Ну вот что мне с ним делать?! Как всегда был безупречным Стражем... Раньше мы с ним понимали друг друга с полуслова. Но теперь, после нашей чудесной встречи, нездоровый фанатизм в его стремлении меня защищать лишь возрастал, одновременно и раздражая меня, и пугая.

— Я пыталась привести тебя в чувство, но ты была слишком слаба... — В голосе принцессы зазвучали виноватые нотки. — Да и целительство явно не мой конёк. Поэтому Страж поднял тебя в седло, не уставая, впрочем, рычать на Карателя, и мы продолжили путь, торопясь поскорее покинуть эти чересчур гостеприимные, не в обиду Торгрину, горы.

— А как вы нашли Стальную Руку? — заинтересованно спросила я.

— О, это целая история... — Тира мгновенно приободрилась. — Во-первых, мы вылезли на поверхность на десяток лиг в стороне от обещанной нам гномьей заставы. Ну, что делать... Скагарров пришлось оставить — эти замечательные тварюшки попросту впали в спячку, получив такой приказ. Дальше двинулись поверху, держась у самых гор, чтобы не нарваться на нежить, которая, по слухам, здесь, бывает, встречается...

Принцесса едко ухмыльнулась.

— Нам снова крупно повезло. Первым с нами столкнулся орочий дозорный отряд, объезжающий местность. Они-то и открыли нам глаза на то, что застава на Крылатой горе не в десятке, а по меньшей мере в сотне лиг отсюда, а нежить в этих местах не просто «встречается», а кишит кишмя... То, что нас до сих пор не почуяли и не сожрали, было просто-таки исключительной удачей. Орки решили забрать нас с собой — не иначе, как в качестве талисманов. Ясное дело, мы совершенно не возражали... Когда уже торопились прочь с Проклятых Просторов — так у орков зовутся земли, с которых нежить их оттеснила — полюбовались воочию на то, что ожидало бы нас в самом ближайшем будущем, когда бы дозорные не решили внезапно проехаться вдоль подножия гор... — Рожерия невольно передёрнула плечами. — К счастью, до их Идола, стерегущего границу, оставалось совсем немного. А за него тварям Хаоса хода нет.

— Что за идол? — не сдержала я любопытства. Перед глазами мелькнул каменный великан, закутанный в плащ, из моего странного сна...

Тира помолчала, явно затрудняясь с ответом.

— То ли некая магическая сущность, то ли очередное чудо механики... А скорее всего, и то, и другое. Честно говоря, я и сама ещё не со всем здесь разобралась, — призналась она. — Знаю только, что подобный Идол не один — их целая цепь, не пускающая нежить дальше определённой черты... Орки следят за тем, чтобы эти штуки работали — для того их Шагающий Город и кочует в этих местах. А заправляет всем этим не кто иной, как Тобин Стальная Рука, тот самый гениальный дедушка нашего Тора. Если я правильно поняла, граница, да и, собственно, Идолы — это его придумка, благодаря которой нашествие тварей на орочьих землях после Войн Крови и Огня удалось сдержать.

— Ох ты!... — я впечатлённо качнула головой.

— Он и в самом деле потрясающе неординарный гном, — подтвердила Тира с неприкрытым уважением. — Увидишь сама. Узнав, для чего мы его искали, он взялся нам помогать без раздумий...

— Как он встретил Тора? — поинтересовалась я. — Надеюсь, старые обиды позабыты?

— Не то слово... — Тира махнула рукой. — На их встречу с внуком трудно было смотреть без слёз. Увидев нашего ворчуна живым, мастер Тобин как будто обрёл второе дыхание... А каких трудов стоило Тору, да и всем нам, отговорить его немедленно возвращаться в Митрог для того, чтобы воздать по заслугам лжецам и предателям!...

— Не удивлюсь, — вырвалось у меня полушутя, — если придуманные Торгрином чудомечи уже стали реальностью...

— К сожалению, нет, — неожиданно горько отозвалась принцесса. — Тор и Тобин вместе с нашим Антонио бьются над этим уже несколько дней — можно даже сказать, живут в кузнице. Но, похоже, лимит нашего везения исчерпан в тот миг, когда мы благополучно пересекли границу...

На вид меч был хорош. Идеальный вес, тщательно выверенная балансировка, искусная обработка полуторного клинка. Добротная работа гномского мастера, исполненная на совесть и со знанием дела.

Только вот решающим было далеко не это.

Я сделал маленький шаг вперёд, примерился. Сжал ладонями рукоять, мысленно намечая удар. Резко выдохнул, делая быстрый выпад правой ногой, и рубанул с широкого замаха.

Тяжёлое лезвие со свистом рассекло воздух. Пластина из агмарилла, закреплённая на деревянной колоде, послушно расколосась надвое.

Как и было задумано.

Впрочем, предыдущим мечам пластина тоже поддалась. Но они всё равно оказались неудачными...

Я тщательно осмотрел клинок. Видимых повреждений, как и следовало, не обнаружил. Передал оружие подошедшим Торгрину и его деду, и, не дожидаясь, пока они уверятся в том же самом, потянулся за Мечом Тьмы, лежащим неподалёку на соломенной подстилке. Предстояла вторая часть испытания, от которой зависело практически всё.

Агмарилловый клинок послушно скользнул в руки. Не грубо расплющенный кусок сырца — качественная кованая сталь, а главное — в самом расцвете своей силы, «пробужденной» магическим обрядом... Я встал в защитную стойку, приготовился парировать удар.

Торгрин замер напротив меня, медленно поднимая свежавыкованный меч. Видно было, что он волнуется, хотя рука его была твёрдой, а движения — тщательно выверенными. Впрочем, переживали мы все — и он, и я, и Тонио. И Стальная Рука, с непроницаемым лицом наблюдающий за ходом испытания. И хмурый Креддок, замерший поодаль вместе с несколькими подручными. И А'Кариэлл, ещё более бледный чем обычно, стоящий плечом к плечу с покусывающим травинку Вейгеераном.

Клинки сшиблись, лязгнув и выбив искры. Сталь встретила сталь... И в следующий миг меч в руках гнома просто лопнул, разлетевшись ворохом куцых ошмётков.

Я надеялся на другое, но был готов. Мгновенно увёл лезвие вверх, направляя в никуда смертоносную силу удара. Торгрин же еле удержался на ногах, сделав по инерции ещё пару шагов вперёд.

Со стороны, где стояли орки, послышались возгласы разочарования.

Побагровев, гном выдохнул длинное ругательство. В сердцах отшвырнул подальше рукоять с бесполезным отломком, похоронившим очередную надежду.

Антонио вздохнул и печально покачал головой:

— Это уже третий...

По-прежнему не говоря ни слова, Тобин Стальная Рука прошёлся вдоль места «поединка», подбирая с земли самые крупные осколки своего творения. Внимательно разглядывая их, он скрылся за буйволиной шкурой, занавешивающей вход на территорию походной кузницы. Торгрин, а затем и Антонио, помедлив, последовали за ним.

Наблюдавшие за испытанием тоже потянулись прочь. Я сунул Меч Тьмы в ножны, прикрепил к поясу. Нужно было отнести его на место — обратно в шатёр, служивший мне и

Тору временным пристанищем. Трое орков, деливших с нами жильё, магами не являлись, а вот в тэйпе, где разместили эльфа и Антонио, «Помнящих» было сразу двое, не считая нашего чародея. И потому агмарилловое оружие и амулеты — всё, кроме того, что вместе со слитками забрали в кузницу — решено было хранить у нас.

— Опять не вышло?

Я обернулся.

В двух шагах позади меня стояла Шаэриэнн, опираясь плечом о гранитную глыбу Погодного Камня — какое же орочье селение без этого увесистого талисмана... Она заметно исхудала и осунулась — магическая сила восстанавливалась по круплицам, и, как я понимал, шёл этот процесс нелегко. Только изумрудные глаза «на пол-лица» ни капли не изменились — тени, залёгшие вокруг них, лишь сделали её взгляд ещё ярче и пронзительней.

— Не вышло... — Отвечая на её вопрос, я покачал головой. — Но они не сдаются.

Шаэ кивнула.

С того момента, как она пришла в себя, минуло уже несколько дней, на протяжении которых я ещё ни разу не видел её одну. Тира... Видящая... Молоденькая подруга Вейгеерана... Тонио, разбирающий бумаги брата Дейариса... Гномы, пытающиеся постичь магическую сущность будущих мечей...

И наряду со всем этим — Страж, А'Кариэлл, находящийся при ней практически неотлучно. С самого утра, когда она выбиралась на свет из девичьего тэйпа, где теперь жила, и до поздней луны, с которой здесь обычно отправлялись спать...

В свете этого было совсем уж странным то, что сейчас его не было рядом.

— Как ты? — спросил я.

— Ничего... — Шаэ сделала паузу. — А ты?

— В порядке.

Мы замолчали. Разговор не шёл... Странная неловкость, возникшая с первых его мгновений, не желала никуда деваться.

Я успел заметить, что Шаэриэнн упорно избегает смотреть мне в глаза. Не оттого ли, что сожалеет о своих откровениях там, на дурманящей адреналином и страхом пещерной дороге?... О том, что, поддавшись мимолётному порыву, вдруг доверила Карателю, Орденскому Псу, самые сокровенные мгновения собственной жизни?

И от этой догадки где-то в глубине души на миг вдруг сделалось очень больно.

— Шаэ... — вырвалось у меня.

В тот же миг она внезапно вскинула голову:

— Альтар...

Мы заговорили одновременно — и одновременно умолкли, невольно усмехнувшись друг другу так искренне и похоже, что дурацкое смущение, словно стыдясь само себя, поспешно отступило куда-то в тень.

— Да? — торопливо произнёс я. — Говори... Ты ведь хотела что-то сказать?

Шаэриэнн упрямо качнула головой — но я заметил, что она прячет улыбку.

— Нет. Ты первый.

Что ж... Пусть так.

Я понятия не имел, о чём говорить.

Но поймал лукавинку в её глазах — и уже не мог остановиться.

Я не знал, как сказать ей об этом... Но я хотел бы, чтобы она знала: миг хрупкого доверия, возникший тогда между нами — самый ценный подарок, полученный мною за всю

жизнь. Что память о нём я буду хранить в собственном сердце, оберегая ревностно и трепетно, будто священную реликвию, лишь изредка позволяя себе прикоснуться к ней — когда будет сильно плохо или, напротив, слишком хорошо...

Я хотел бы, чтобы она это знала.

Я сделал маленький шаг вперёд. Протянул руку, почти коснувшись её пальцев...

— Ria! Esse Torgrin E Tobin Ni Tuo Al'lende Vaio Kerre...

Шаэ вздрогнула. Повернула голову — и мгновение, незримо связавшее нас, вдруг осыпалось под ноги хрустальной пылью...

В этот миг я как никогда был близок к тому, чтобы убить остроухого голыми руками.

За его проклятое «Ria», так режущее слух.

За исключительную способность оказываться в худшее время в худшем месте.

За то, что сейчас она смотрит на него. И отвечает — ему.

— Them, A'Kariaell... Esse Ya Maenn Li Sedden...

«Всё хорошо, А'Кариэлл... Скажи им, что я сейчас приду...».

Разумеется, он никуда не уходит. Кротко кивает, но лишь чуть отступает назад и замирает в ожидании. Кто бы сомневался — не замечая меня в упор.

Шаэриэнн поворачивается ко мне. Но я не хочу видеть смятение и растерянность в её глазах. Не хочу заставлять её чувствовать себя виноватой.

Эльфийские слова сами срываются с губ:

— Essi't. Them. Theidda, Shae...

«Иди. Всё в порядке. Удачи...».

А'Кариэлла передёргивает от ярости.

Не удержавшись, я всё же легонько провожу пальцами по тыльной стороне её ладони — чувствую, как она вздрагивает. И, не дожидаясь, пока остроухий Страж взорвётся от злости, уйду сам, пряча в глубины памяти ещё один крошечный подарок — шепотку хрустальной пыли...

Центральная часть поселения — большая круглая площадь, свободная от жилых палаток — как обычно, пустовала в полуденный час. Три огромных котла на кованых треногах мерно покачивались над неразожжёнными кострищами — их служба придётся ко времени ужина, когда почти что всё племя будет в сборе. Лишь у четвертого, самого дальнего, суетились проворные чернокодые хозяйки, стряпая обед.

Толстые деревянные колоды, заменяющие скамьи, на которых после Часа Первой Звезды не найдётся свободного места, сейчас напоминали стаю диковинного зверья, выбравшегося погреть бока на солнечную лужайку. На них сходились внимательные взгляды орочьих предков и богов, вырубленных в камне: загадочного Забытого, прячущего лицо под капюшоном плаща, суровой Праматери, так явно напоминающей мне Видящую Эм'син, и Безымянного Героя, потрёпанного временем и ветром от души.

В тени Героя на краешке одной из колод примостился Вейгееран, ловко вырезая охотничьим ножом из кусочка дерева какую-то вещицу. Когда я подошёл ближе, он поднял голову, приветственно сверкнув клыками, и приглашающе хлопнул ладонью по бревну.

Мы с ним неплохо поладили за то время, что наш маленький отряд успел провести в Оро'чане — не иначе как чуя некую родственность душ. В особенности я, бесполезный в магических и кузнечных делах, был очень благодарен пепельноволосому вождю за разрешение выезжать в составе разведчиков на Проклятые Просторы: безделье точило силы похлеще томительного ожидания...

— Понять не могу, как вы умудряетесь кочевать, таская за собой такие тяжести... — присаживаясь рядом, я кивнул в сторону каменного идола.

Вейгееран дёрнул уголком губы, намечая улыбку, и пояснил свойственными ему короткими, рублеными фразами:

— Вар'рен кочуют. Не мы. Возят с собой Изначальных из дерева — лёгких, небольших, чтоб поместились в повозку. Но у вар'рен и у нас общие Изначальные. Пока Оро'чан стоит здесь, у Леса Двудликих, Изначальные из камня, творения наших рук, приглядывают за всеми.

— Но разве вы и вар'рен — не один народ? — удивился я.

Двудликие, с их пепельными и рыжими косматыми гривами, массивными фигурами с широкой костью, а также уникальными колдовскими способностями, выглядели весьма необычными орками — но всё же именно орками, в том не было сомнений. Вейгеерана явно позабавило моё изумление, но он охотно ответил:

— Так и не так. В каждом из нас течёт много крови вар'рен — куда больше, чем половина... Двудликими рождаются только мужчины — от женщин вар'рен, дающих жизнь нашим сыновьям. Из века в век, от отца к сыну передаётся память о Даре, которым в Изначальные Времена Забытый наделил Стража Источника, бьющего в этом лесу...

— Страж не был орком?

— Как и всех вар'рен, Забытый сотворил Стража из пыли и камня. Только камнем тем был нодабарр, отломок звезды, рухнувший с неба. А пылью стали мелкие брызги воды — их стряхнул с рук Забытый, напившись из лесного ключа...

Вот значит как... Чужие поверья напоминали занятную сказку, да только вряд ли какая библиотека могла похвалиться записями орочьих легенд. Во всяком случае, мне ещё ни разу не встречались ни свитки, ни книги, вышедшие из-под пера летописцев народа вар'рен. А ведь орки появились в Мире лишь немногим позже детищ его создателей — эльфов и людей, наряду с ними и с гномами составляя большинство населения обитаемых земель. Должно быть, у орков попросту не в ходу была письменность, а предания передавались из уст в уста... Но когда я спросил об этом Вейгеерана, тот, ухмыльнувшись, выудил из-за пазухи гроздь резных амулетов на кожаных шнурках и легонько покачал ими в воздухе.

— Мало же вы, бледнокожие, знаете о вар'рен...

Он аккуратно снял с шеи несколько штук, по очереди положил мне на ладонь, давая возможность рассмотреть тонкой работы узоры и линии на поверхности деревянных пластинок.

— Это сказ о том, как всё начиналось — о Забытом и появлении нас на свет. Вот история Стража и его Завет — он передаётся от вождя к вождю у нас, Двудликих. Здесь — о древнем союзе Степи и Гор... О легендарных городах вар'рен и гномов, подобных которым в Мире не было и никогда уже не будет... О том, как раскололся и рассыпался, зарастая травой времени, древний и славный союз — и память о нём, как осколки нодабарра, встречается чем дальше, тем реже и реже...

Я с уважением и интересом перебирал украшения, внезапно открывшиеся мне с иной стороны. Задержал взгляд на продолговатом глянцевом камешке размером с мизинец, аккуратно вставленном в кожаную оплётку.

— А это... ?

— Нодабарр, — подтвердил мою догадку Вейгееран. — Когда Степь была воедино с Горами, почти каждый воин имел у себя оружие, выплавленное из упавшей с неба руды. Теперь же, — он невесело хмыкнул, потянувшись к потайному карману на груди

безрукавки, — лишь немногие избранные могут похвалиться даже таким...

На колени мне скользнул метательный нож размером не больше ладони: серебристый, точно подёрнутый дымкой, глянцево-гладкий, очень лёгкий. В руку он ложился превосходно: чувствовалась штучная работа древних умельцев. Я без труда представил, как легко и стремительно почти невесомая блестящая «рыбка» находит цель, заданную умелым броском — но испытать чужую реликвию не решился.

— Попробуй, — предложил Вейгееран, верно истолковав моё смятение. — В кострище под третьим котлом один камешек темнее других...

— В камень?! — проронил я.

Двуликий только кивнул, едва заметно прищулив глаза.

Что ж, если сам владелец не против... Я усмехнулся, принимая вызов. Подкинул «рыбку» в руке, оценивая её вес и расстояние до цели, и перехватив нож за лезвие, резким движением отправил его в полёт.

Ослепительно полыхнув в солнечных лучах, нож пронзил камень, точно масло, войдя в него даже не по рукоять — намного глубже... На виду остался торчать лишь самый кончик «рыбьего хвоста» — точно кольцо ключа, вставленного в замок.

Присвистнув, я покачал головой: слов не нашлось... О таком оружии действительно впору было слагать легенды.

— Хорош... — одобрительно произнёс Вейгееран, похоже, имея в виду как нож, так и качество броска.

Мы поднялись с бревна и прошли к котлу. Двуликий без видимых усилий извлёк тускло поблескивающее сокровище из камня, бережно обтёр куском мягкой кожи и вернул обратно в карман на груди.

— Тоже пишешь историю? — полюбопытствовал я, только теперь обратив внимание на деревянную поделку в его ладони — почти готовый амулет-медальон, нежный и тонкий, будто плетёное кружево.

Вейгееран приподнял ладонь с подвеской, внимательно осмотрел её, будто видел впервые.

— Историю, Аль'тар, — помедлив, ответил он. — Только не целого народа. А всего лишь одного молодого вождя... И девушки, за улыбку которой он готов отдать все драгоценности Мира.

Я невольно проследил за его взглядом, скользнувшим вдаль — туда, где среди готовящих еду женщин мелькала стройная фигурка Ин'ке, дочери главы Шагающего Города. Не иначе как почувствовав внимание, девушка вдруг подняла голову, встречаясь с Двуликим глазами. Замерла на миг — и поспешно отвернулась, лишь взметнулись в стремительном вихре чёрные волосы, заплетённые множеством мелких косичек...

Вейгееран вздохнул — но по губам его скользнула улыбка.

— Она станет моей женой, Аль'тар, — с выражением произнёс он, точно давая слова клятвы. — Войдёт хозяйкой в мой тэйп в Лесу Двуликих. Одного за одним родит мне троих сыновей — здоровых, крепких, смелых, помнящих всё, что помнит моя кровь. И проживёт со мной долгую, славную жизнь до самой глубокой старости. Эм'син не хочет её отдавать... Но до того, как степь снова укроют снега, я приду в тэйп Креддока с богатыми дарами и свадебной накидкой для его дочери. Придётся Эм'син выучить другую Видящую, чтобы оставить после себя.

Что ж... Красивая пара. Красивые мечты. Счастье истинной любви, искренней и

взаимной, куда большая редкость в Мире, чем драгоценный нодабarr, подумалось вдруг мне. Так пусть посчастливится Вейгеерану и его любимой...

Двуликий повернулся ко мне, меняя тон на прежний.

— Скажи, Аль'тар, ты свободен сейчас?

— Да! — оживился я. — Собственно, я и шёл-то к тебе в расчёте, что ты дашь мне какую-нибудь работу... В разведку сегодня я не попал.

— Ты был на Проклятых Равнинах вчера. Как и я, — заметил Вейгееран. — Разведчики выезжают через день, сегодня очередь других. Но и нам найдётся, что делать. Отряд охотников тоже давно в лесу, но если мы сейчас пойдём к излучине реки и набьём свежей рыбы к ужину, лишней она не будет...

— Хорошо!

— В моём тэйпе готовы остроги. Заберём их и двинемся в путь. А обратно вернёмся через поляну первоцветов, — глаза его хитро блеснули, — Покажу тебе, как ещё народ вар'рен может писать историю...

Однако порыбачить сегодня нам было не суждено. Едва мы успели войти в лес, начинавшийся сразу за окраиной поселения, как наткнулись на посланника Креддока, как оказалось, разыскивающего нас. Оркский вождь ожидал меня и Вейгеерана в своей палатке и просил прибыть к нему как можно скорей.

— Хорошо, что вы оба не на Равнинах, — обронил Креддок вместо приветствия, едва мы отвернули полог шатра, ступая внутрь.

— Что хорошего? — чуть настороженно поинтересовался Вейгееран, приближаясь к плоской каменной плите у самого очага, перед которой, скрестив ноги, сидел хозяин тэйпа.

Креддок не ответил, лишь махнул рукой, давая знак подойти ближе. Бронзовое лицо вождя, не отрывающего взгляд от поверхности плиты, оставалось бесстрастным, однако я вдруг отчего-то подумал, что он то ли чем-то недоволен, то ли встревожен.

Вождь ждал нас не один. Напротив него в такой же позе сидел Тобин Стальная Рука, за спиной которого хмурой тенью маячил внук.

— Садитесь, парни, — по-свойски кивнул нам старший из гномов, проведя ладонью по окладистой седой бороде. — Дело вот в чём... — продолжил он, когда мы выполнили просьбу. — Есть у меня догадка, как покорить агмарилл.

Торгрин скептически хмыкнул, что не укрылось от моего внимания. Но Стальная Рука остался невозмутим.

— Ваша идея с терибальтом, — он спокойно кивнул насупившемуся Тору, — отчасти оправдала себя. Остриё из такой стали способно разрубить кусок агмарилла-сырца и вобрать в себя достаточно чар, чтобы не жалить нам руки... Но чего довольно для кирки — того будет мало для оружия. Тем паче, оружия не просто равного агмарилловым зачарованным мечам, а сильнее их... Крепче. Совершеннее. Превосходящего их также и магически...

— По-моему, ты слишком большой мечтатель, дед, — не удержался Тор. — После всех наших неудач...

— Как раз после них... — Стальная Рука слегка повысил голос, — ... я почти уверен в том, что у нас всё получится! И потому хочу попробовать дополнить сердечник меча третьим компонентом, за счёт которого его удар и магическая сила сможет возрасти стократ...

— Если выйдет так, как ты говоришь, Тоб'бин Горный Мастер, — медленно, словно с неохотой, произнёс Креддок, — то оружия, способного тягаться с твоим, не отыщется нигде в Мире... Но если ты ошибёшься, то наш народ заплатит дороговую цену. Ты сам знаешь, как

мало у нас нодабарра, звёздного металла. И не мне говорить тебе о том, что если его не останется, границу нам не удержать...

— Знаю, Первый Из Равных, как не знать, — грустно вздохнул седоволосый гном в ответ — вовсе не так он был спокоен, как желал казаться. — Сам разыскивал и приводил в порядок Берегущих, сам ковал для них Яростные Сердца... Да только бери выше. Когда вдруг ошибёмся — я не сдюжу или они вот не справятся... — взгляд Тобина мельком прошёлся по мне, — ... никакая граница не спасёт нас и наши земли от того, что предстоит пережить. Ты сам слышал, что докладывают дозорные, возвращаясь с Равнин. Нежить прибывает, становится всё сильней. Берегущие пока справляются, но их мощь не безгранична. А нодабарра у нас и так почти нет...

— Ты предлагаешь забрать последние запасы, которые ещё послужили бы для починки Сердец, — проронил орк.

— Да, — кивнул гном. — Нам может хватить их ещё на пару десятков, пусть даже полсотни «заплат». А потом? Что потом, Креддок? Воскресив древних Берегущих и поддерживая в них жизнь, мы тянули время и ждали чуда, способного не просто удержать, но уничтожить напиральное на нас зло... Дхайне, вождь!!! — не выдержал он, став в этот миг как две капли воды похожим на Тора. — Будь я проклят, если то, что предлагает мой внук со своими друзьями — не наш единственный шанс!...

Креддок поднял глаза. Тобин, не дрогнув, встретил его тяжёлый немигающий взгляд. Торгрин, Вейгееран и я замерли, затаив дыхание: в этом молчаливом противостоянии нам не было места...

— Ты получишь весь нодабарр, какой есть в Шагающем Городе, — сказал наконец вождь. — Делай своё оружие. Если чему-то под силу сокрушить мощь чужого Бога — это должно быть оно.

— Благодарю тебя, Первый, — с достоинством склонил голову гном. — Это мудрое решение.

— Я готов отдать тебе и то небольшое, что есть у Двумиких, Горный Мастер, — подал голос Вейгееран. — Но даже если сложить всё, что осталось, вряд ли этого хватит хотя бы на один годный меч...

— Нет, не хватит, — подтвердил Тобин. — Вот почему я хочу просить Креддока и тебя позволить вывести из строя одного из Берегущих. Вот этого...

Гном повернулся к каменной плите и легонько тронул её тонкой палочкой. Плоская тёмная поверхность вдруг ожила, засияла мягким серебристым светом, сквозь который начал проступать нанесённый узор. Всё это очень напоминало пещеру в самом начале Глубинного Пути, по которому мы добрались сюда.

Рисунок в том месте, которого коснулся Тобин, слегка задвигался, замигал, привлекая наше внимание. Он изображал крошечную фигурку — то ли человечка, то ли гнома — соединённую ломаными линиями с двумя другими такими же, расположенными выше и ниже его.

— Тебе нужно Яростное Сердце... — Креддок не спрашивал, а утверждал.

Тобин кивком подтвердил его правоту.

— Ты понимаешь, что тогда мы уступим нежити кусок территории? — орк взял из рук гнома палочку и очертил на плите небольшой участок, свет на котором слегка померк, как будто вторя его словам.

— Немного меньший... — Тобин вновь вернул себе инструмент, слегка подправив

обозначенные Креддоком границы. — Здесь, и вот здесь, вытянут соседние Берегущие.

— Это всё равно очень много, — брови орочьего вождя хмуро сошлись у переносицы.

— Исключив любого другого Берегущего из цепи, мы потеряем значительно больше пространства, — парировал гном. — А без Сердца нодабарра мне не хватит.

— Тогда возьми его, — твёрдо сказал Вейгееран после короткой паузы.

Креддок недовольно стрельнул в его сторону глазами, но затем всё же проворчал:

— Ты Мастер — знаешь, что делаешь. Только не сделай хуже.

Тобин кивнул, словно не ожидал ничего иного, и склонился над плитой. Пару мгновений поколдовав над сплетениями узоров, он вновь обернулся к нам:

— Готово. Дело за малым — нужно забрать Сердце...

Вейгееран взглянул на меня.

— Устье Песчаного Каньона?

— Да, — подтвердил гном.

— Мы привезём его тебе.

— Хорошо. Только будьте осторожны. К тому времени, когда вы окажетесь там, защита не будет действовать уже несколько ор...

— Не тревожься, Мастер, — Вейгееран усмехнулся, поднимаясь на ноги. — Ты знаешь своё дело, а мы — своё.

— Постой, — я прочистил горло. — Дэр Тобин! Если я верно понял тебя, то всего нодабарра, даже вместе с этим Сердцем, с трудом должно хватить на один-единственный меч... Прости, но... как же тогда остальные?

— А это уж — моя забота.

Я вздрогнул, когда из глубины шатра, точно тень, выступила Видящая Эм'син. Демоны! ... Я совершенно не заметил её присутствия — хотя для всех остальных оно явно не было неожиданным.

— Если у Тоб'бина всё получится... — приблизившись к нам, Видящая остановилась около сидящего Креддока и легонько опустила руку ему на плечо, — ... я буду говорить с призраками и духами, испрашивая для вас дорогу в Покинутый Город. И если мне удастся их убедить, вы принесёте оттуда достаточно нодабарра, чтобы добиться цели.

— В прошлый раз духи тебе отказали, — буркнул Креддок.

Однако Видящая не повела и бровью:

— В прошлый раз я уговаривала их продлить предсмертную муку. Теперь же попрошу помочь изготовить лекарство, исцеляющее обречённого больного за единый приём. Поверь, Первый Из Равных, на сей раз они не откажут...

Ветер бил в лицо рваными накатами, залихватски свистел в ушах, поддразнивал сладковатыми запахами первоцветов и тут же коварно швырял в глаза пригоршни пыли и глиняной крошки. Безумная скорость, леденящая душу, растекалась по венам пьянящим чувством абсолютной свободы... Прильнув почти к самой шее своего скакуна, я намертво вцепился в мощный загривок, что было сил сжимая коленями ходящие ходуном звериные бока. Пока держался, хотя временами сам давался диву, каким чудом до сих пор ещё не рухнул наземь, неминуемо ломая себе шею и всё, что только можно было сломать... Но при этом упивался каждым мгновением, точно за спиной внезапно выросла пара иллюзорных крыльев, то и дело мерно разбегающихся в широком размахе.

Терракотовый провал каньона становился всё ближе. Огромный волк дёрнул серебристо-серой головой, скосив в мою сторону беглый взгляд — и, не сбавляя темпа,

сиганул через край...

Демоны!!! На бесконечно долгий, восхитительно-страшный миг мы зависли в плавном полёте над бездной... Я, казалось, утратил способность дышать, обретя её вновь лишь тогда, когда зверь, мягко спружинив мощными лапами, приземлился на скалистый выступ и снова помчался вдоль поросшего кустарником изломанного пустынного склона, постепенно спускаясь вниз.

Остановился он уже на самом дне каньона, в русле пересохшей реки. Повернул голову, ощерив зубастую пасть в хищной «улыбке», и внимательно уставился мне в глаза:

«Ну? Как тебе?»

С трудом выпустив волчью шерсть из одеревеневших пальцев, я развёл руками:

— Это... Это потрясающе! Завидую тебе, Вейгееран!... Хотел бы и я так уметь...

Волк довольно хмыкнул, не отводя взгляда.

«Двуликим надо родиться, друг. Но ты хороший всадник. Держишься уверенно, умело. Как лучшие из Наблюдающих...». — вновь зазвучал мысленный голос у меня в голове. — «Много ездешь верхом?»

Я вспомнил о Рио.

— Да, изрядно. Вот только не на волках...

Зверь высунул розовый язык, шумно вдохнул и выдохнул несколько раз, приводя дыхание в норму, и неспешно зарысил по глинистому дну ущелья, время от времени опуская нос к самой земле. Он снова что-то мысленно произнёс, обращаясь ко мне, однако на сей раз, не видя его глаз, я не разобрал ничего кроме невнятного ворчливого бормотания...

Я сокрушённо покачал головой:

— Вейгееран, прости. Не слышу тебя...

Волк снова замер и обернулся.

«Будь готов. Граница совсем рядом».

Ясно. Что ж, меч и ножи были при мне, доступные в считанные мгновения. Если на пути и впрямь попадутся «сюрпризы», чем встретить их, мне найдётся... Двуликий в своей звериной ипостаси также был собран и настрожен, однако опасностей, похоже, не чуял.

Русло призрачной речки, отпечатавшись в глине, стремилось вперёд, местами делая некрутые повороты. Стены оранжевого каньона расступались над ним, разглаживались, понемногу теряя свою резкость и высоту. В том месте, где рельеф изгибался в последний раз, прежде чем окончательно сдаться каменистой песчаной равнине, точно карауля проход меж двумя холмами, неподвижно застыл каменный колосс.

Даже издали Берегущий выглядел внушительно, а уж оказавшись рядом с ним, я поторопился утолить любопытство, рассмотрев его во всех деталях.

Исполинский воин, вырубленный из цельного куска скалы, напоминал и орка, и гнома одновременно. Однако самых рослых представителей этих народов он превосходил по меньшей мере в семь, а то и в десять раз. Пропорции фигуры, бугрящейся могучими мускулами, больше соответствовали мужчине-вар'ру; в то же время слишком широкий разворот плеч и лопатообразная форма ладоней наводили на мысли о сыновьях Гор... Выдать расовую принадлежность каменного стража определённо могло бы лицо, однако его полностью скрывал массивный шлем, увенчанный пластинчатым гребнем. Комплект доспехов из панциря с чешуйчатой «юбкой», дополненный поножами и наручами, а также короткий меч, воинственно грозящий небесам, были точь-в-точь такими, как те, что сохранили для нас рисунки древних путешественников...

Мастерство неведомых резчиков по камню поражало множеством мельчайших деталей, которые не удалось стереть даже беспощадному времени. А ещё, как ни силился, я не мог даже представить себе, каким образом древним удалось притащить сюда такую махину из неведомой дали. С помощью магии, не иначе... Серый минерал, из которого был вырублен страж, явно был чужаком среди здешнего царства глины и песка.

Я собрался было спросить об этом Вейгеерана, которого, забывшись, оставил в дюжине шагов позади, но когда оглянулся, то увидел, что возвращать себе человеческий облик он не спешит.

Волк замер у правой ступни колосса, озадаченно поджимая переднюю лапу — в точности, как растерявшийся пёс... Поймав мой взгляд, он встрепенулся, опомнившись, и всё-таки сжался в комок, иницируя обращение.

По телу зверя пробежала магическая волна. Кости и мускулы слаженно вздрогнули, преображаясь. Серебристый блеск шерсти на миг усилился, нестерпимо ярким светом резанул по моим глазам, заполняя контуры волчьей фигуры и искажая её черты... Через мгновение с земли у подножия статуи гибко поднялся на ноги могучий орк, стряхивая песчинки, прилипшие к обнажённому телу.

Я сбросил с плеча мешок с вещами, расшнуровал горловину, вытаскивая его одежду, прихваченную с собой — однако Двуликий вдруг остановил меня, приподняв ладонь:

— Погоди...

— Нежить?

Мешок полетел под ноги. Я скользнул вбок, прижимаясь спиной к каменной ноге, до боли в глазах вглядываясь в обманчиво-спокойный пейзаж. Меч отразил лезвием солнечный блик, готовый мгновенно парировать неожиданную атаку...

Но Вейгееран, точно присматриваясь и прислушиваясь к чему-то, медленно покачал головой.

— Нет, — ответил он негромко. — Точно нет... Но что-то здесь не так.

— Что именно? — я немного опустил оружие.

Орк помолчал и нехотя, чуть виновато, признался:

— Не пойму... Чую что-то... Что-то странное. Но не опасность, точно.

Я тихонько хмыкнул — последнее успокаивало мало. Уверен, интуиция Вейгеерана была развита не слабее моей. А своему «шестому чувству» я привык доверять, зря оно тревожить не станет...

Вслух же сказал:

— Ладно. Раз так, давай быстрее справимся и двинем назад. Быть может, успеем раньше, чем твоё предчувствие проявит себя...

Вейгееран медленно кивнул, не сводя пристального взгляда с равнины.

— Где сердце? — я посмотрел вверх.

— В груди, — опомнился Двуликий, подходя ближе. — Центральную пластину нагрудника нужно сдвинуть...

— Ясно. — В любом случае, время терять не стоило.

Отцепив ножны с мечом, я передал их Вейгеерану — эта работа была на одного. Подпрыгнул, уцепился за выступ каменного наколенника и подтянулся вверх, параллельно нащупывая опору носком ноги...

Вскарabкаться по статуе удалось легко: множество рельефных деталей существенно упростили задачу. Через несколько мгновений, удобно устроившись на исполинском

запястье, я толкнул искомую пластину вбок, открывая небольшую полость, замаскированную в толще камня.

Внутри, как и следовало ожидать, находился какой-то хитроумный механизм, изрядно припорошенный рыжеватым песком. Впрочем, выпуклую деталь из дымчатого металла, тускло поблёскивающую в полутьме, я распознал без труда. Аккуратно потянул её на себя, стараясь ничего вокруг не повредить — она подалась неожиданно легко, однако оказалась изрядно тяжёлой. Я рискнул перенести опору на ноги, подхватывая Сердце обеими руками — как вдруг шальной ветерок, сметая песчинки с его поверхности, с неведомо откуда взявшейся силой швырнул их мне прямо в глаза, заставляя отшатнуться назад...

Кусок нодабарра выскользнул из моих рук. Я, лишившись равновесия с криком полетел спиной в пустоту, в последний миг исхитрившись вцепиться в изгиб локтя статуи. Повиснув на одних пальцах, взвыл от боли в лопающихся от чудовищного напряжения мышцах, но удержался, хотя, гася раскачивание, неслабо врезался пару раз в каменный бок. В глазах потемнело... Одновременно с этим с земли донёлся приглушенный вопль Вейгеерана — то ли протяжный крик, то ли хриплый вой.

Перед лицом в неистовом танце бесновались рыжие песчинки, норovia попасть в нос, в рот, в глаза... Извернувшись так, что чуть не свалился вниз, я почти вслепую попробовал нашарить ногой выбоину в камне. С третьей попытки удалось... Восстановив равновесие, я заскользил по статуе к её подножию, второпях обдирая о камень ладони. И, едва оказавшись на земле, угодил в самый центр разыгравшегося на ровном месте песчаного вихря.

Демоны!... Я шатнулся в сторону, взмахнул руками, изо всех сил пытаюсь удержаться на месте. Тщетно... Зыбкая почва вокруг вспухла дюжиной осыпающихся холмиков — и через миг взорвалась фонтанами оранжевой крошки, моментально закруживших вокруг меня плотную воронку. Меня окатило волной иссушающей пыли, почти оглушило, свалило с ног и поволокло по земле... Я рванулся в сторону, вбок, отчаянно пытаюсь сопротивляться — но с ужасом чувствовал, что «око» этой странной, невесть откуда взявшейся бури, словно испытывая предел моих сил, движется вместе со мной.

Что-то знакомое и холодное вдруг шевельнулось под рукой; в ладонь ткнулась рукоять меча. Я стиснул её, выдёргивая клинок из песка, хотя и так было ясно, что он ничем не поможет... Подхватился на ноги в отчаянном порыве, закручивая вокруг себя смертоносные лопасти «мельницы» — живым врагам, да и нежити, пришлось бы худо... Но песчинки, точно смеясь, лишь подхватили ритм движения клинка, легко обтекли его и мириадам вихревых потоков устремились вниз. И когда из рыжего облака в локте передо мной вдруг соткался в пространстве огромный песчаный волк, я упал снова, выпустив меч из ослабевших пальцев... Что это за напасть, я не представлял, чувствуя лишь полное бессилие ей противостоять...

Сквозь пелену отчаяния и пыли, запорошившей глаза, я успел увидеть, как фантом из песка склоняет набок голову, стучит призрачной лапой по воздуху в пяди от земли. И, уже почти теряя сознание, на самой грани небытия расслышал рык Вейгеерана:

— Оставь его! Оставь его, Песчаная!!! Говорю тебе — он не наш! Не наш!!!

Возможно, мне показалось — однако песочный вихрь, уже заметающий меня, немного ослаб. Из последних сил я приподнял голову — и увидел, что морда волка из терракотовой пыли отвернулась куда-то в сторону.

— Он не наш! Он — человек!!! — между тем продолжал надрываться Дзуликий, перекрикивая свист бури. — Человек, понимаешь ты это, глупая Песчаная?! Медленный,

неуклюжий — нет, не годен он для твоих забав! То ли дело я, Вейгееран Стальной Клык — вот он я, здесь, готов потягаться с тобою! А его отпусти — пусть идёт, не мешает нам!...

Ветер внезапно стих, точно и не поднимался никогда. Песчинки, лишившись волшебной силы, управлявшей их танцем, безжизненно посыпались вниз. Все, кроме «волчьего» облака, плавно развернувшегося в сторону Вейгеерана, kloкочущего от бешенства, но сдержанно кивающего головой.

«Беги! К холмам, живо!!!» — не разжимая губ, «произнёс» он, на мгновение поймав мой взгляд.

— Нет!... — Я потянулся туда, где, вроде бы, выронил меч.

«Беги, сказал!»

Не выдержав, Двудикий сверкнул глазами. Нечто, именуемое им Песчаной, мгновенно насторожилось, и он примирительно поднял руку, подходя ближе к призраку ещё на шаг.

— Спокойно, я здесь! Я же сказал тебе — померимся силами... Или ты передумала?

«Я знаю, что делаю — а ты нет! Просто послушай меня и беги — тогда спасёмся оба! Иначе будет худо. И тебе, и мне!!!»

Я увидел, как волчица из песка нетерпеливо махнула хвостом — похоже, принимая его условия. У ног Вейгеерана взметнулись верх, стремительно набирая обороты, маленькие тайфунчики-воронки. Больше не обращая на меня ни капли внимания, Двудикий опустился на корточки, упёрся в землю руками, склонил голову на грудь, начиная трансформу...

Тень Безымянного!...

Времени на раздумья не оставалось.

Почти всегда в безнадежной ситуации я пытался переломить её ход собственным вмешательством, вламываясь в гущу событий и полагаясь исключительно на удачу. Пока — везло, хотя о том, что однажды не повезёт, старался лишний раз не думать...

Но, в отличие от меня, Вейгееран не считал ситуацию безнадежной.

Он знал, с кем имеет дело.

И ещё — у него был план...

Я, пошатываясь, поднялся на ноги. Закашлялся, с отвращением выплёвывая песок. Глаза отчаянно слезились. Рёбра болели так, словно среди них не осталось ни единого целого — хоть я и знал, что это мне только кажется.

В паре саженей от меня терракотовые частички призрачного облака пришли в движение. Песчаная волчица игриво припала на передние лапы, наблюдая за хмурым серебристым волком, поднявшимся с земли.

В тот же миг Вейгееран глухо рыкнул, прижав уши — и с места прыгнул в самое сердце оранжевого безумия, разбивая песочного призрака в пыль и прах. Песчинки стремительными брызгами разлетелись в стороны, но лишь для того, чтобы спустя мгновение вновь «соткаться» в ту же самую волчицу за его спиной. Рыжая демонесса задрала морду кверху в жутком молчаливом подобии воя — и широкая стена из песка, поднявшись в воздух по её велению, всей толщей рухнула на серебристого зверя...

Я успел лишь дёрнуться в его сторону, скривившись от боли в помятом боку. Двудикий вылетел из песчаной осыпи четырёхлапым неистовым смерчем, победно взвыл и ударил демоницу снова.

В этот раз волчица проявилась немного поодаль, ответив Вейгеерану направленной очередью пылевых «взрывов»... Впрочем, зверь словно чувствовал, куда нацелен каждый её удар, всякий раз успевая в последний миг ускользнуть с его траектории. Сообразив это,

рыжая бестия рывком сократила дистанцию и успела-таки окатить серебристого песчаным «фонтаном»... Однако волк не дремал, вновь изыскав возможность рассеять поганку в пыль. Мощно загребая всеми лапами и издевательски рывкая, зверь раскидал бывшее «облако» на значительной площади вокруг, а затем, плотоядно облизнувшись, отбежал чуть вбок, дожидаясь нового «явления» своей противницы.

Теперь оранжевая волчица без всяких предисловий ринулась на него сама. Но Вейгееран, снова по-волчьи дразнясь, не стал дожидаться её атаки и рванул прочь по широкой дуге, швыряя в преследующего по пятам призрака песок из-под задних лап...

Я спохватился, сообразив, что Вейгееран играет в эти «волчьи игры» не ради развлечения... Кем бы ни была эта странная Песчаная, сейчас она забыла обо мне, и этим следовало воспользоваться. Пошатнувшись, я подхватил валяющийся под ногами меч, подобрал вещевой мешок и нодабарровое сердце, упавшее чуть поодаль, и так быстро, как только мог, двинулся в сторону холмов.

Почему Двумикий велел отступать именно туда, стало понятно, едва я добрался до ближайшего склона и начал подниматься вверх. Под ногами были только глина и камень — весь песок покоился у подножия. Взобравшись на безопасную, на мой взгляд, высоту, я опустился на землю, понимая, что лапы — или руки — у Вейгеерана теперь развязаны... Пожалуй, теперь я мог оценить его план.

Долго ждать не пришлось. Волк примчался через пару мгновений. На каменистый холм он взлетел в три скачка, и песчаным смерчам, беснующимся внизу у самой границы, но не способным её преодолеть, пришлось поневоле смириться с тем, что игра закончилась.

Впрочем, сил у Двумикого оставалось не больше моего... Он даже не стал перекидываться — попросту рухнул набок рядом со мной, тяжело дыша и свесив язык чуть не до земли.

Я потянулся к вещевому мешку, вытащил флягу с водой, откупорил крышку. Волк, клацнув зубами, жадно выхватил её из моих рук и, запрокинув голову, совсем не по-звериному сделал несколько торопливых жадных глотков, щедро проливая влагу на грудь и шею.

Когда пустая фляжка, гулко стуча, покатила по камням, Вейгееран блаженно вытянулся во всю немалую длину, удобно устроив голову на лапы.

— Что это было? — наконец разлепил губы я, глядя в сторону статуи, около которой ничто сейчас не напоминало о действе, десятилку назад бушевавшем на песчаной равнине.

«Песчаная» — выразительно посмотрел на меня волк. — «Вы, люди, зовёте таких нечистью».

— Вот как? Но ты ведь не чувствовал опасности?

«Она не опасна. Для нас не опасна» — тут же поправился Вейгееран. — «Только больно уж навязчива. Песчаная обожает нашу волчью суть...».

— Ничего себе — «обожает»!... — вскинул брови я.

«Нас, в отличие от людей и орков, она не обидит. Если встретит кого из Двумиких — лишь заиграет до полусмерти. Сам же видел...». — волк фыркнул, сердито и виновато. — «И я хорош... Попался, как беззубый щенок. Давненько её в наших краях не встречали. Вот и утратил бдительность... Впрочем, одно хорошо: пока Песчаная здесь, нежить к своей территории она не подпустит. А значит, Берегущему, пожертвовавшему нам Сердце, на какое-то время будет неплохая подмена».

В обратный путь мы двинулись пешком — в ущерб скорости, зато хорошо чувствуя

твёрдую землю под ногами. Вейгеерану, похоже, хватило приключений в его волчьей ипостаси: он перекинулся сразу же после нашего короткого привала, и, едва отдышавшись и вернув себе немного сил, мы поспешили убраться подальше от обманчиво безмятежных песков.

Солнце, застыв в зените, припекало нещадно, прогнав прочь с бирюзового небосвода даже самые крохотные облачка. Я давно уже снял куртку и нёс её на плече. Но в одной рубашке всё же было прохладно, в особенности когда налетал студёный ветерок, торопясь напомнить, что ещё не лето, а всего лишь ранняя весна... Мне оставалось лишь позавидовать охряной безрукавке Дзуликого из тонкой кожи, подбитой мехом — отменной одежде для такой погоды в голой степи.

Впрочем, по растрескавшимся под солнцем и ветром камням мы шагали недолго. Вейгееран, явно выбрав для возвращения в Оро'чан другой путь, очень скоро вывел меня на просторную травяную равнину, вдалеке за которой начинался лес.

Широкий пологий склон плавно раскатывался вниз пушистым пёстрым ковром: казалось, на серо-зелёную основу нашито множество ярких лоскутов — красных, жёлтых, синих, фиолетовых... Это тянулись к солнцу цветы, поражая буйством красок и наполняя воздух лёгкими нежными ароматами. Цветы и травы заполонили здесь всё: лишь кое-где сквозь прореху в этом сплошном бархатном покрове выступал большой валун или пара невысоких деревьев, сросшихся стволами. Однако чем дальше к горизонту, тем чаще и смелее вторгались в цветочное царство грубые «латки» кустарника, спутанные «гнезда» колючек, серые проплешины породы, на которой ничего не росло.

Мы спустились к самой кромке леса и пошли вдоль неё, укрываясь от назойливых лучей в тени пока ещё редких деревьев. Вейгееран то и дело приостанавливался, чтобы сорвать то один, то другой цветок, попутно растолковывая мне их названия.

— Калли'поса, или «огненный цвет»...

— Красивая, — я полюбовался пышной гроздью рубиново-красных «сердец».

— Да... А если ты даришь её вместе с тарникой, «нежностью гор»... — Дзуликий показал мне пару воздушных светло-сиреневых бутонов. — Да ещё прибавишь бессмертницу... И «песнь степных ветров»... — Несколько пышных оранжевых «ромашек», а за ними — невесомые, похожие на кружево веточки крошечных голубых паутинок заняли своё место в ярком, но удивительно гармоничном букете. — Знаешь, что прочтёт твоя любимая, получив их в подарок?

— Что же? — мне поневоле стало интересно.

— «Пламя любви к тебе в моём сердце будет полыхать целую вечность», — мечтательно улыбнулся Дзуликий. — А видишь вон те колокольчики, у большого камня?

— Белые с фиолетовым?

— Да. Их называют «день и ночь». Думаю, понятно, отчего... — Вейгееран, свернув с дороги, аккуратно сорвал растеньица. — Соедини их вместе с «тенью бури» — этот вот чёрно-красный венчик, понюхай — он даже пахнет дождём... И получишь знаешь что? «Вечный бой, в котором нет победителей»... — Он хитро прищурился. — Нечто совсем далёкое от любви, верно? Но стоит тебе отыскать Теллиани... Ага, вот и он, погляди... — Блестящая в лучах солнца золотая стрела, острая, как лезвие меча, послушно легла в его руку — ... и твоё послание мгновенно обретёт иной смысл. «Я всегда сумею защитить тебя от любых опасностей и бед»...

— Такие слова и должны предназначаться девушке, — я уважительно покачал

головой. — Целая наука...

Двуликий улыбнулся.

— Ты говорил, у вар'рен нет письменности. Да, мы не чертим рун на бумаге и коже, как это делаете эльфы и вы. Не высекаем, как гномы, литеры в толще камня... Мы пишем нашу историю иначе. Вырезаем её ножом по дереву, вывязываем узлами на кожаных шнурках. А ещё — все, от лепечущего младенца до старца почтенных лет, у нас знают язык цветов... Так что у нас в ходу целых три письменности, друг. Насчитаешь ли ты столько же у людей?

Я развёл руками, признавая поражение:

— Прости, Вейгееран... Мы, люди, и в самом деле знаем о ваших традициях до безобразия мало...

— Возможно, если бы наши народы больше интересовались жизнью друг друга, — Двуликий пронизательно взглянул мне в глаза, — многих кровопролитных ошибок получилось бы избежать. Хотя... — задумчиво добавил он, хмурясь, — древних вар'рен и гномов от разлада и ссор не удержали даже совместно обжитые города...

Двуликий прибавил к своему букету ещё несколько соцветий.

— А что означает Теллиани? — Я вспомнил, что это название он так и не пояснил.

— Это имя. Так звали героя наших предков. Между прочим, ты видел его сегодня, — Вейгееран прищурился. — Его каменный лик одолжил нам Сердце...

— Этот парень — орк или гном? — Как по мне, имя в равной степени не подходило ни одному, ни другому — впрочем, у древних наверняка было своё мнение на этот счёт.

— А неизвестно, — огорошил меня Вейгееран.

— То есть... как это?

— Да вот так. Статуи Берегущих, охранявших древние поселения от неведомых нам напастей, посвящались мастерами легендарным воинам и чародеям предков. Но принадлежность их нашему или гномьему народу намеренно оставалась в тени. Очевидно, чтобы позднее это не стало поводом для раздора... Древние мудрецы предвидели такую возможность ещё тогда, — Двуликий хмыкнул. — Ничего, их потомкам вполне хватило массы других поводов. Так что теперь города, как и наше общее славное прошлое, благополучно зарастают сорной травой и покрываются пылью...

— Так отчего пали города?

— От глупости. И гордыни, — в сердцах бросил Двуликий. — Истинно скажу тебе, не бывает врагов коварнее и страшней. Чародеи древних знали и умели то, что теперь и не снится ни гномам, ни нашим... Их мастера придумывали и создавали непостижимые вещи... Мы же порой даже не знаем, для чего предназначались те или иные древние творения, останки которых удаётся разыскать — я молчу уж о том, чтобы проникнуть в самую суть их устройства и работы... Сила, знания, достойная жизнь — у древних гномов и орков было всё. Пока не принялись выяснять, кто из них заслуженнее и главнее. Ну и... — невесело заключил он, — всё закончилось так, как закончилось. С тех самых пор мы с гномами первый раз стали плечом к плечу только в недавней войне против вас, людей... — Он помолчал. — Когда Тоб'бин Горный Мастер появился на Великой Равнине, Креддок, вождь одного из кочующих племён вар'рен, с готовностью пожал ему руку. Они оба помнили прошлое и не желали повторять глупостей предков. И ведь именно благодаря этому мы до сей поры успешно сдерживаем нежить на Проклятых Просторах и имеем возможность помочь вам... Возможно, пришла пора искупить ошибки, совершённые нашими пращурами.

Орк задумался и надолго затих. Я не тревожил его. Просто шагал рядом, исподволь

наблюдая за тем, как он бережно дополняет букет, который несёт в руках. Судя по всему, «письмо» на языке цветов, на которое вдохновляла его улыбчивая чернокосяя Ин'ке, получалось очень длинным и красноречивым.

Интересно, а Шаэриэнн знаком подобный язык — вдруг подумалось мне... Ведь цветы, насколько я знаю, у эльфов всегда были в почёте — как и всё гармонично-прекрасное, созданное Природой. Интересно, прочитала бы она что-нибудь в скромной охалке полевых первоцветов?... Да и под силу ли какому-нибудь степному дару солнца заставить вдруг потеплеть суровый взгляд чуть раскосых изумрудных глаз?

Нет, вряд ли... К ногам красавицы Шаэриэнн ад Аэллы, наследницы главы Созвездия Тёмного Пламени и без пяти минут королевы Долины, наверняка были брошены все сокровища королевских оранжерей и заповедных садов. Не сомневаюсь, что проклятый Ллиреадан осыпал возлюбленную цветами — ампула «печального романтика» обязывало, как-никак... Да и кроме него наверняка вилась вокруг уйма придворных и прочих остроухих кавалеров, наперебой щеголяющих светскими манерами и изящными речами... Приторно-сладких, точно выдержанные церковные вина, что выставляют на стол в семьях имперских аристократов на большие праздники... Кто же подаёт вровень с такими терпкий портвейн в потрёпанной солдатской фляге, годный лишь на то, чтобы промочить глотку после хорошей битвы или, шипя от боли ругательства, плеснуть его на свежую рану от меча?

Увлёкшись раздумьями, я не скоро обратил внимание, что хмурая складка меж бровей Вейгеерана давно разошлась, и он уже битый час с любопытством косится в мою сторону. Опомился как раз тогда, когда потянулся к обочине за очередным цветком...

Демоны!... Под тихий смешок Двудикого я оторопело уставился на не такой уже маленький букет, который невесть когда успел надёргать по пути. Что за...

— Перекрест, — орк склонился ближе к моему «творению». — «Алый зарок»... «Кровь-камень»... «Гибель рассвета» — и... Точно! «Вечный зов»! Интересный союз...

— И что это значит? — сорвалось у меня с языка.

Вейгееран, внимательно взглянув на меня, пожал плечами.

— Пока не знаю. Зависит от того, каким будет окончание фразы.

— Какой ещё фразы? Вейгееран... — вздохнул я, оглядываясь вокруг в поисках того, куда бы пристроить неожиданную «заморочку» — бросать под ноги уже сорванные цветы было неловко. — Я не владею языком цветов... Всё, что мне известно — это пара-другая травок, способных быстро остановить кровь или перебороть действие яда. Да ещё один древесный гриб, худо-бедно снимающий похмелье... Негусто, правда?

— Правда, — согласился орк. — Но дело не в этом. У языка цветов нет азбуки... Тебе не надо знать руны, чтобы сложить письмо. Зови это как хочешь — магией степи, солнца или нарождающихся сил земли, почуявших весну... Позволь мыслям снова коснуться той, о ком ты думал, собирая букет!... Верни себе образ, что был перед глазами — и тогда ты закончишь фразу! Не останавливайся на полуслове и не оставляй недосказанного — уважь степь, и она уважит тебя!...

Я покачал головой. Перехватил охалку цветов поудобнее, собираясь аккуратно положить их на землю — но слова Вейгеерана, точно приказ, которого нельзя было слушаться, возымели действие... Внезапно я действительно увидел Шаэриэнн. Увидел, точно наяву — взволнованную, улыбающуюся, предвкушающую — в том самом летящем платье цвета морской волны, которое было на ней в день императорского бала. Высокая причёска, открывающая изящную шею, изумрудные серьги в ушах, такой же браслет на

тонком запястье...

Изумруды. Изумруды... Зелёный свет из глубины гранёных камней. Но ярче всех изумрудов сверкали её глаза, играя тысячами огненных бликов — когда я кружил её под музыку Альтенского вальса и знал, что никакая сила в Мире не заставит меня отвести от них взгляд...

В этот миг я увидел, чего недостаёт в моём букете.

Изумрудные глаза лукаво подмигнули мне, подтверждая мою правоту...

— Ого!... — удивлённо присвистнул Вейгееран. — А ты редкий счастливец, друг!...

«Единственная» показывается далеко не каждому!

— «Единственная»? — разлепил губы я.

Цветок, который я только что сорвал, таился в тени раскидистых корней огромного векового дуба. На тоненьком, хрупком, почти прозрачном стебельке распустила корону лучей нежная серо-зелёная «звезда» величиной с мою раскрытую ладонь... Едва угодив из сумрака на солнечный свет, её лепестки вдруг заиграли, заискрились бархатисто-зелёной волной, на мгновение блеснув изумрудами, о которых я только что грезил...

— «Единственная» — или же «волчья верность»... — я с изумлением сообразил, что Вейгееран глядит на меня со странной смесью восхищения и сочувствия. — Что ж, Аль'тар... Хочешь знать, о чём говорит твоё письмо?

Шаэриэнн

— ... Ты, конечно, извини меня, Шаэ. Я ни в коем случае не подвергаю сомнению то, что в принципах действия магии вашего народа ты разбираешься куда лучше, чем я. И всё-таки мне кажется... Нет, я почти уверен — это сработает!... Ведь силы Наложения и Удержания всё равно будут иметь нашу, человеческую природу! А значит, их особенности и факторы влияния будут напрямую зависеть от того, как именно поведёт себя источник...

Очиненное пёрышко в руке Антонио задвигалось, добавляя в набросок схемы, рождающейся на бумажном листе, ещё несколько замысловатых ломаных линий.

Я осторожно переложила на заправленную лежанку отобранные нами записи брата Дейариса, разбросанные на плоском каменном столе. Убрала походную чернильницу-непроливайку, оказавшуюся в опасной близости от раскрытого на нужном развороте «Thaebrad Nie'ss...». — и лишь затем подтянула рисунок ближе к себе.

Всмотрелась... С сомнением покачала головой:

— Прости, но это и в самом деле безумие!... Неужели ты всерьёз считаешь «вживить» в кусок металла способность избирать и применять нужное заклятье, да ещё и в точности рассчитав его силу?! Меч, способный заменить мага?!

Тонио упрямо сверкнул глазами, аккуратно забирая у меня листок:

— Не совсем так... Но не забывай, мы имеем дело с агмариллом! Благодаря ему лучшие бойцы Ордена — такие, как Альтар — способны тягаться с чародеями почти на равных!... Терибалът свяжет кровь Дагона, дезориентирует, направив вместо нелюдей на самое себя... Нодабarr же придаст клинку исключительную мощь. Нам останется лишь напитать оружие чарами, дополняющими эти эффекты. Определённо, наработки Дейариса здесь будут как нельзя кстати...

— Тонио... — вздохнула я, понимая, что повторяю это уже не в первый раз — Да,

Дейарис использовал агмарилл как источник силы для псевдо-эльфийских заклятий. Но...

— Дейарис нашёл способ воздействовать на агмарилл с помощью эльфийской магии, — Антонио упорно стоял на своём. — Вложил это умение в руки чародея-человека. И добился поразительных результатов...

Я устало потёрла лоб.

— А ты, безусловно, уверен, что сможешь его превзойти.

— Думаю, я смогу пойти дальше, — без ложной скромности подтвердил маг. — Разумеется, прежде всего нужен меч... Сам по себе процесс зачарования несложен. У Тирь с собой есть некоторые артефакты. Остальное не составит труда найти или заменить... Главное — верно составить пространственное уравнение, учитывая различную направленность и природу взаимодействующих сил...

Перо опять закрипело по бумаге.

— Всего ничего...

В отличие от Тонио, я не была столь благостно настроена. Пока что у нас в активе имелось лишь несколько теоретических построений, слишком «притянутых за уши» даже в виде схем...

Я рассеянно перебрала свои выписки из «Чёрного Безмолвия», которые делала в поисках хоть какой-то зацепки, способной помочь сыну Проспериио совершить своё чудесное открытие. Увы... Количество помарок и исправлений непрерывно росло — но, кроме них, похвастать было пока нечем.

— По-моему, мы с тобой не ближе к решению своей задачи, чем Торгрин со своим дедом — к созданию наших невероятных чудо-клинков... — озвучила я гнетущую меня мысль.

Тонио, нахмутив брови, поднял голову от чертежа, разумеется, собираясь возразить. Но в этот миг у распахнутого полога шатра, подвязанного снаружи, чтобы впустить внутрь больше света, замаячила фигура младшего из гномов.

— Тонио! — возбуждённо затараторил он, походя кивнув мне. — Дед зовёт тебя в кузню!... Парни притащили нодабарровое сердце из степи... Будем ковать заготовку, нужен чародей. И ты ж вроде как думал поучаствовать?...

Тонио вскочил. Дёрнулся к выходу, чуть не рассыпав бумаги — и тут же, споткнувшись, развернулся обратно:

— Шаэ...

— Приберу, — в ответ на его безмолвную мольбу махнула я рукой. — Иди уже...

Маг благодарно кивнул и торопливо исчез за дверью.

Проводив его взглядом, я вздохнула — с лёгкой грустинкой, но, впрочем, без обиды. «Нужен чародей»... Готова поклясться, ещё пол-луны назад Торгрин потянул бы в кузницу нас обоих, предоставив между собой решать, кто станет выступать в роли «дежурящего мага»... Теперь же — то ли сказывалась строгость патриархального уклада орочьего общества, то ли из-за того, что мои силы всё ещё не пришли в норму до конца — однако «чародеем» в нашей небольшой компании считался исключительно Тонио. К нему обращались, когда требовалась магическая поддержка или совет, его орки уважительно величали «мастером» — я же, наравне с Тирой, вдруг оказалась вроде как «на подхвате». Впрочем, не скажу, чтобы чувствовала себя слишком уж обделённой в силу этого — скорее, было просто забавно...

Я прошла по шатру Тобина, временно служившему нам «магической башней»,

собирая наши записи и письменные принадлежности. Сложила аккуратной стопкой бумаги Дейариса, присовокупила к ним «Чёрное Безмолвие Вечности» и понесла к большому сундуку, притаившемуся в глубине жилища. Стоя перед сундуком, на мгновение задержала книгу в руках... Погладила чёрный, украшенный драгоценными камнями, переплёт, а затем бережно уложила фолиант под тяжёлую крышку и повернула ключ в навесном замке.

За нашей работой совершенно терялось чувство времени. Когда я выбралась из шатра, то изумлённо обнаружила, что солнце уже успело пробежать по небу почти весь свой дневной путь, и давно не припекает в полную силу, а лишь легонько греет, собираясь отправиться на покой. Оро'чан, тихий и пустующий днём, оживал с каждым мгновением, наполняясь звуками, голосами, уютной жилой суетой... Возвращались из леса и степи воины и охотники. Устало переговаривались между собой, делились новостями со стариками, поджидающими их у порогов своих жилищ, подкидывали в воздух визжащую от восторга детвору... Торопились, суетясь и пересмеиваясь, девушки и женщины, летали, точно на крыльях, волновались, поспела ли похлёбка в котлах, готово ли мясо и пропеклись ли лепёшки — приближалась пора ужина, самого главного вечернего ритуала.

В центре площади, около аппетитно булькающих котлов я сразу заметила белокурую шевелюру Тиры — яркую, словно ослепительный блик луны посреди моря иссиня-чёрных косичек и кос... Принцесса сноровисто вытаскивала из плетёных корзин стопки глиняных ложек и мисок, выставляя их на небольшой настил, укрытый кусками холстины. Я поторопилась помочь, не сомневаясь, что ещё одна пара рук не будет лишней. Так и оказалось: Рожерия приветливо кивнула мне, подвинулась, уступая кусочек места у импровизированного «стола», а Ин'ке и ещё две девушки немедленно опустили рядом ещё один короб из лыка, полный чистой посуды. По-скорому подкатав рукава, я принялась за работу...

Скучать не приходилось, тем более что на площадь вскоре потянулись первые желающие отведать ужина. Однако женщины Оро'чана знали своё дело не хуже слаженного подразделения магов, готовящих сложный обряд, или же вышколенных отрядов солдат на военных манёврах. Трапеза была организована и подана без промедления.

Как водится у орков, первыми к котлам подходили самые старшие жители поселения. Получали из рук расторопных молодёжь тарелки с аппетитно пахнущей едой и степенно разбредались по площади, занимая приглянувшиеся им на брёвнах места.

Следующие порции почтительно поднесли Креддоку и Видящей — я, если честно, ожидала увидеть рядом с ними Стальную Руку и Вейгеерана... Но гнома не было вообще — очевидно, он с внуком и Антонио всё ещё священнодействовал в кузнице. Молодой же вождь Дзуликих предпочёл дожидаться трапезы в чередё простых воинов — то ли из солидарности с Альтаром, вместе с которым явился на площадь, то ли специально ради того, чтобы принять миску с дымящимся супом из рук Ин'ке, задержав её ладошку в своей и получив в награду смущённую улыбку...

Впрочем, безмолвный диалог влюблённых заметила не только я. Эм'син, наставница девушки, Видящей называлась не зря... От меня не укрылся суровый взгляд, которым она одарила Вейгеерана, и то, как её губы при этом недовольно сжались в тонкую ниточку. Тронув за плечо сидящего рядом Креддока, Эм'син обронила вполголоса что-то довольно резкое, отчего вождь, не донеся ложку ко рту, поднял удивлённо-обеспокоенный взгляд на дочь. Однако Вейгеерана рядом с Ин'ке уже не было — Дзуликий знал приличия и лишнего себе не позволял.

Я украдкой вздохнула, когда Ин'ке, старательно избегая поднимать глаза, поменялась местами с девушкой у котла, разливающей кушанье по тарелкам, поспешив укрыться от отца и наставницы за нашими спинами.

Похоже, совсем скоро юной ученице чародейки предстоит сделать нелёгкий выбор. И, прячась-не прячась, девочка, да только ведь не скроешься от себя... Что же ты предпочтёшь: стать когда-нибудь самой главной женщиной Оро'чана — или подарить счастье тому, чьё сердце бьётся в унисон с твоим?

... А сама ты? Что бы выбрала ты, Shaerriaenne?

Впрочем, ты знаешь ответ. Ведь ты уже выбирала когда-то. Ты предпочла любовь короне, блестящему будущему, безграничным возможностям, яркой жизни и доброй славе. Чем обернулся для тебя твой выбор?

И если Ин'ке вдруг попросит твоего совета, что скажешь ты ей теперь? Что бы ты подсказала самой себе, юной восторженной Ria, ещё совсем не видевшей жизни? Что следует выбирать?

Ты промолчишь, Shaerriaenne... Потому что на самом деле ты не знаешь ответа.

А Ин'ке, как и некогда Ria, выберет любовь.

Ведь здесь просто не может быть другого выбора.

«Первая Звезда! Первая Звезда!...».

Сегодня раньше всех её заметила Саа'лин. Её тонкий пальчик указывал в небо, всё ещё не успевшее распрощаться с солнцем — туда, где на восходных его пределах, в самой гуще смещения лазурных и фиолетовых красок, уже светился робкий бледный огонёк.

Взволнованный шёпот лёгким ветерком пробежал по девичьим рядам. Затрепетали ресницы, заблестели глаза, на смуглых щеках заалел румянец... Понимающе усмехнулись мужние жёны, уже сменившие гриву тоненьких задорных косичек на единственную тяжёлую косу. Лукаво переглянулись между собой, подменяя девчонок на раздаче кушанья, перехватывая половники и посуду. Работы оставалось немного: почти весь Оро'чан, почитай, уже был накормлен и напоен, и теперь, разместившись на площади, мерно гудел разговорами, пыхтел курительными трубками, спорил, смеялся или просто устало помалкивал, ожидая, пока несколько воинов сноровисто разложат костры...

Янтарноглазая Юл'даш, носящая под сердцем первенца, с улыбкой вложила в руки Саа'лин сосуд с ароматным маслом, а оказавшейся рядом Ин'ке вручила толстостенный горшок с тлеющими угольками:

— Ну, вперёд! Пришла пора уважить Изначальных!...

И стайка девушек с весёлым гомоном поспешила к статуе Забытого — его всякий раз неизменно навещали первым.

Я уже видела этот обряд, и даже участвовала в нём, как и Тира, и в этот раз решила просто посмотреть со стороны, однако принцесса азартно подхватила меня под руку:

— Пошли?

— Ты иди... Я останусь, помогу, — я качнула головой, продолжая нарезать ломтями лепёшку — однако Юл'даш мягко, но решительно забрала у меня нож.

— Иди, — сказала она. — Негоже обижать Изначальных невниманием.

— Я чужеземка, — пожала я плечами. — Вряд ли Праматери и Забытому нужно моё присутствие...

— Ты ошибаешься, — возразила орка. — Для Изначальных не важно, какой ты крови. Поклонись Забытому, зажигая светильник — и твоя ночь никогда не будет беспросветной.

Склонись перед Героем — ведь где-то в Мире ходит сейчас и твой суженый. Пусть будут достойны война его мысли и дела... Поклонись Праматери, попроси, чтобы переплела она ваши дороги поскорей — и она поможет тебе обрести своё счастье...

Я покачала головой, но спорить не стала. Чужой град, свой уклад... В конце концов, мы тут гости — стало быть, должны принимать заведённые хозяевами правила.

Нагнать группку девушек не составило труда. Ин'ке и Саа'лин уже справились, и масляная лампада у ног Забытого полыхала ярким светом, разгоняя первое дыхание сумерек. Безмянного Героя почтили вторым. И, наконец, в нетерпении столпились около суровой Праматери, окружённой яркими букетами цветов.

Отчего-то последний светильник разжигался с трудом. И, пока Ин'ке с подругой хлопотали над ритуальным огнём, остальные буквально изнывали от нетерпения и любопытства, вытягивали шеи, во все глаза разглядывая букеты, шёпотом гадали, кому же предназначен какой.

— Справа, с самого края... Видишь, вон он? Твой. Наверняка твой...

— Да. Какой красивый!... Тамерхан верен себе — не любит говорить много, но всегда так ласков...

— А сбоку, под ним, похоже, для Раан'ми. Это же её Кравен никогда не обходит вниманием её тигриные глаза и солнечную улыбку...

— Ну, а самый большой, как водится, для Ин'ке! Вейгееран, как обычно, расстарался!... Говорю вам, скоро пожалует к Первому с накидкой... И будет свадьба!

— Эх... Эм'син её не отпустит...

— Куда денется!...

Чья-то ладошка легла на моё предплечье. Повернувшись, я увидела Ник'ку, одну из девушек, в шатре у которых сейчас жила.

— Между прочим, — заговорщически подмигнула мне она, — Вейгееран сегодня навещал Праматерь не один. С ним был твой друг. Тот красивый черноволосый воин, что ездит теперь с нашими Наблюдающими...

— Альтар?

Ник'ка кивнула.

— Альт'ар, — она прищёлкнула языком, нарочито произнося его имя на орочий манер. — И имя ему под стать...

— И что? Он часто сопровождает Вейгеерана... — я пожала плечами, не понимая, к чему она клонит.

— А то, — Ник'ка хитро прищурилась, — что в его руках тоже был букет. Очень красивый. И очень странный...

Альтар — и букет?! Это что-то новенькое... Скорее всего, Ник'ка просто ошиблась. Ну, или...

— Наверное, он просто помогал Вейгеерану собирать цветы для Ин'ке.

— Да нет же!... — Девчонка упрямо замотала головой. — На языке цветов говорят двое! Помощь третьего тут не нужна... К тому же, я сама видела, как он оставил свой букет у ног Праматери. Сначала всё думал, сомневался вроде как... А потом нагнулся и положил. Своею рукой! Значит...

— Ник'ка! Это же твой, держи!... «Нежность леса», солнечник... У нас не растут такие! Снова Халлару пришлось ехать ради тебя на край света!...

Под искренний смех подружек Ник'ка радостно подхватила «весточку» от

возлюбленного и, просияв от счастья, спрятала лицо в душистых лепестках. Наш разговор остался незаконченным. Однако цветочные послания быстро находили своих адресатов...

И когда удивлённая Ин'ке подняла с земли самый последний необычный букет, скромно укрывшийся позади всех, я вместе с ней прикипела взглядом к цветам в её руках, почти не веря в то, что вижу на самом деле...

Этот букет тоже был собран из полевых первоцветов, но он разительно отличался от всех остальных — точно несколько каллиграфических строк хроники на староэльфийском от танцующих рун бесшабашно-задорной любовной кантилии. Нарочито строгий и скромный — лишь пламенный перелив оттенков красного вокруг серебристо-зелёной «звезды» удивительной красоты... «Звезды», в которой я с изумлением узнала Ae'rettaine, полулегендарное Сердце Леса, увековеченное в сотнях мифов и преданий...

Tearr-Созидатель! Где Альтар нашёл его?... Как оно далось ему в руки? Как, во имя всех существующих Богов?!...

... Сумел ли он побывать на таинственном перекрёстке земных и небесных дорог, где, дав верный ответ на три вопроса Стража Вечности, обрёл Сердце Леса в награду?

Стал ли он тем, кто свершил три самых благородных и три самых страшных деяния за всю историю Мира, чтобы взрастить Ae'rettaine в своей душе, смешав силу благословений и проклятий?

Или неужто сам Король Иномирья обманом заставил его плениться диковинной красотой сказочного цветка, в обмен забрав себе его живое, горячее сердце?...

«Нет, нет, всё не так!» — смело выступили в его защиту крошечные огоньки Temerri, проблескивающие меж изумрудных лепестков... Его сердце по-прежнему бьётся в груди, оно объято пламенем — но это пламя никогда не причинит тебе ни боли, ни страданий...

«Вовсе нет!» — вторили им бутоны Lame'nassid, похожие на алые капли, стекающие по тонким стебелькам-обнажённым клинкам Dellavaill... Его пламя больно ранит лишь его самого — но он скорее умрёт, чем позволит ему погаснуть...

«Он растерян» — сухо отозвалось перекрестье побегов Marricanne, и его тут же горько подхватили Lueven, трепеща оранжевыми сполохами на ветру... Он уверен, что не способен любить — и отказывает себе в праве на это чувство...

Но при этом, — заявляла «звезда» Ae'rettaine, пристальный взгляд которой проникал мне в самую душу, — он и в самом деле любит тебя!... Любит, как никого никогда не любил!... Любит отчаянно и безнадёжно, даже мечтать не смея о том, что когда-нибудь будет любим тобою в ответ...

Я моргнула несколько раз, ожидая, что видение, точно сон, сейчас туманной дымкой сорвётся с ресниц... Но цветы никуда не исчезли. Они глядели прямо на меня — строго и немного грустно, точно укоряя меня за то, что я никак не смела им поверить...

Поверить... Альтару.

И себе...

Я покачнулась, едва устояв на ногах...

И в этот миг где-то совсем рядом изумлённо выдохнула Тира:

— Боги-Братья!... Это же... Имперский Эдельвейс!...

И всё сразу стало на свои места.

... Глупая, наивная Shaerriaenne... Столько лет и бед за плечами — а, вот оно, всё ещё живёшь прочитанными в детстве старыми сказками!...

Tearr!...

Ну откуда — откуда, посуди сама, Альтар может знать древний язык цветов?

И с чего это ты вдруг решила, что букет предназначен тебе?...

А ведь на самом деле всё очень просто...

— Имперский Эдельвейс на алом стяге... — свой голос я услышала как будто издалека. — Королевский подарок...

Повернула голову — Тира стояла в шаге от меня, не сводя широко распахнутых глаз с изумрудной «звезды».

— Но... — сорвалось с её губ.

— Альтар любит читать, — я сделала всё, чтобы мои слова прозвучали естественно. — Уверена, он отлично знает геральдику... Ведь он увлечён историей правящего дома Империи. В особенности... — у меня ещё нашлись силы пошутить, — некоторыми её современными персонажами...

Я не стала дожидаться, пока принцесса поднимет на меня взгляд, горящий удивлением и счастьем — боялась выдать себя... Торопливо повернулась к Ин'ке, в нерешительности сжимающей цветы. Чуть скосила на Тиру глаза, отступила на шаг, потом ещё на один, пока Рожерия бережно принимала из рук орки предназначенный ей дар... И должно быть, в первый раз за всё время нашего знакомства я увидела её эмоции искренними, без масок расчёта и покровов приличий. На мгновение замерла, мимо воли любясь, насколько светла и восхитительно-прекрасна была принцесса в своей радости, восторге, смущении...

Она ни в чём не была передо мной виновата.

И разве имела я право винить Альтара за его внимание к ней?...

Ритуал был исполнен, и девушки уже начали разбиваться на группки, увлечённо обсуждая цветы и общие секреты. Незаметно покинуть их не составляло труда. Благополучно не привлекая к себе внимание, я ускользнула на площадь — туда, где в самом сердце шумной толпы собиралась отыскать одиночество и тишину. Я сама нанесла себе глубокую рану, по собственной глупости и слепоте — и лечение теперь предстояло долгое и болезненное...

На Оро'чан стремительно и незаметно опускалась ночь, ласково обнимала своими крыльями из призрачной мглы кочующий город и его окрестности. И вар'рен, суровые и немногословные при свете дня, неуловимо преобразались, как и всякий раз в это время, радуясь, словно дети, восторженно встречая её приход. По всей площади полыхали большие костры, щедро подсвечивая фейерверками искр темнеющее небо. А вокруг них ключом кипела жизнь — яркая, полная чувств и красок, с наслаждением скинувшая ярмо дневной рутины и забот...

Больше всего на свете мне сейчас хотелось остаться одной, укрыться подальше от веселья и радости, которые не могла разделить — но слишком велико было тогда искушение оказаться пленницей собственных мыслей... Нет, этого допустить было нельзя. Но и занять привычное место у костра, возле которого обычно собирался весь наш маленький отряд вместе с теми из орков, которые уже стали нам хорошими знакомыми, я сейчас не могла.

И потому намеренно обошла поляну широким кругом, чтобы вынырнуть на свет с противоположного её края — там, где сидели вар'рен, которых я даже не знала по имени. Впрочем, это никого не удивило и не смутило — любой, подошедший к костру в этот час, по обычаям орков почитался «своим». Для меня тут же отыскался кусочек места на бревне, а в руках оказалась трубка, набитая курительной смесью, и глиняная чаша с чаем, уже успевшим изрядно подостыть. От трубки я вежливо отказалась, отправив её дальше путешествовать по кругу, а из чаши с благодарностью отхлебнула — и едва не зашлась безудержным кашлем...

Вместо чая в ней оказалась ягодная брага, настоянная на травах — весьма крепкая и забористая, но сейчас... сейчас это было как раз то, что нужно.

Я задержала чашу в руках и храбро сделала несколько больших глотков.

В глазах потемнело. Перехватило дыхание...

Орк, принявший у меня сосуд с напитком, одобрительно крякнул и легонько хлопнул меня по спине.

— С непривычки... — пояснил он, перекрикивая гомон вокруг. — Дальше пойдёт легче.

Словно в подтверждение своих слов он тут же осушил половину чаши, не глядя сунул её кому-то следующему и легко подскочил с бревна. Через мгновение его широкоплечая фигура уже затерялась где-то на середине площади — ещё одна искорка в яркой, энергичной круговерти танцев, что начинала бурлить вокруг заводит с бубнами, чётко отбивающих ритм...

Брага согрела меня и придала мыслям странной отрешённости. Однако зрение ни на йоту не утратило остроты. Не замеченная никем в спасительной тени, я глядела сквозь пламя костра на веселящуюся площадь, отгородившись от реальности искрами, точно отблесками магических видений, и наблюдала... наблюдала...

Танцы меж тем продолжали набирать обороты, притягивая всё больше желающих. Но вскоре лихой безудержной силе, которой буквально кипело всё вокруг, стало тесно в оковах простых ритмичных движений и прыжков...

Я видела, как на площадь вытащили охапку оружия — преимущественно длинные пики с затупленными наконечниками, а также дубины и палицы всех размеров и видов. Танцоры, смеясь, расхватывали их, умело закрутили в руках, разбиваясь на пары или небольшие группки. Пляска приобрела новый азарт и накал, превратившись в подобие поединков, выявляющих самых сноровистых, гибких, ловких...

Что в танцах, что в состязаниях принимали участие не только мужчины. Молодые женщины также с готовностью выбирали себе оружие и выступали в центр, становясь для воинов племени ценными союзницами или достойными соперницами. Я видела Тиру Рожерию — хохочущую, раззадорившуюся, поймавшую кураж... С подобием лёгкого копья в руках она отбивалась сразу от троих. Вар'рен белозубо посмеивались в ответ, и, видимо, слегка поддавались принцессе: умело теснили её в сторону и вбок, но очевидно даже не старались сбить с ног, тем самым выведя из боя...

Впрочем, предсказуемый итог приближался. Уже почти зажатая в клещах, Рожерия тоненько вскрикнула, едва удержав оружие, чуть не вылетевшее из рук от крепкого удара. Как вдруг подоспела помощь, разом изменившая ход игры... Альтар влетел в круг неистовым вихрем, в один миг разбросав соперников в стороны, и встал рядом с Тирой спиной к спине.

Бой тут же приобрёл иной интерес: орки мигом забыли про «поддавки» и слаженно атаковали Карателя и принцессу в полную силу. Впрочем, Альтар и в самом деле был неординарным бойцом — и неважно, что меч в его руках заменяла сейчас обыкновенная длинная палка... Орки бились грамотно и умело, однако шансов черноволосый человеческий воин им не оставлял. Вначале рухнул на колени ближайший к нему соперник, ловко «пойманный» на обратном ударе. Следом за ним, нарвавшись на прямой тычок в грудь, полетел на спину второй... Третьему бойцу тоже оставалось недолго — и тогда проигрывающих соотечественников поддержал Вейгееран, в точности как и Альтар,

неожиданно вмешавшийся в схватку.

И вот здесь коса нашла на камень: оба воина, несомненно, стоили друг друга, и солдатская удача никак не могла определиться, на чьей стороне ей всё-таки быть...

Исход борьбы решила Тира, которой посчастливилось обезоружить своего противника первой. Парируя её неожиданный боковой удар, вождь Дзуликих слегка сбился с шага, и Альтар молниеносно обратил преимущество в победу.

Возвышаясь над поверженным на землю Вейгеераном, он виновато развёл руками — дескать, выиграть желал совсем не так. Дзуликий мирно отмахнулся, наверняка не возражая повторить схватку, теперь уже один-на-один... Но тут на Альтара с победным воплем налетела Тира, повисла у него на шее — и Каратель сомкнул объятия, с готовностью закружив светловолосую принцессу на руках...

Я не желала смотреть на них — но смотрела... Тира что-то радостно выкрикивала, заливаясь смехом — и Альтар смеялся в ответ, растеряв свою обычную молчаливую сосредоточенность без следа... Я видела, как принцесса запустила пальцы в его волосы — он лишь слегка откинул голову назад, позволяя ей делать с ними всё что угодно. А потом, подхватив её за талию, несколько раз подбросил вверх, точно невесомую пушинку...

Когда Альтар поймал хохочущую принцессу в последний раз, Тира шепнула ему что-то ласковое в лицо и страстно прижалась к его щеке губами...

Я с усилием отвела от них взгляд.

Не удержавшись на реснице, вниз по скуле соскользнула влажная капля, оставляя на горячей коже обжигающий колючим холодом след...

Бездна!... Да что же это со мной?!

Плюнув на все приличия, я сердито мазнула по лицу рукавом. Неверяще моргнула — и с удивлением уставилась на изящный гриф с рядами тонких струн, прислонённый к бревну в каком-то шаге от меня. Протянула руку — но так и не осмелилась прикоснуться к чуду...

Elle'rao?! Здесь? Откуда?

— Нет. Не эль'рао. Это наш — таррикеш... — Должно быть, последнюю мысль я произнесла вслух.

Юноша с ломающимся голосом, совсем ещё мальчишка, с готовностью извлёк на свет так знакомый мне полукруглый корпус, изгибом напоминающий растущую луну, с небольшим тёмным отверстием в верхней деке из полированного дерева.

— Если хочешь, бери. Только он расстроен, — молодой орк радушно протянул мне инструмент. — Эм'син зачем-то велела мне взять его сегодня, — он хмыкнул и нетерпеливо передёрнул плечами. — Но я собираюсь плясать. А музыка таррикеша совсем не подходит для танца...

— Да, хочу, — торопливо кивнула я, бережно принимая таррикеш. — Спасибо...

Но мальчик уже умчался, едва успев кивнуть мне в ответ. А я с благоговением уложила инструмент на колени...

О Ночь, как же давно я не держала его в руках!... Да, таррикеш и вправду чуть отличался от elle'rao: струн у него оказалось не шесть, а семь, корпус был чуть тяжелее, а гриф — короче, но... Какая, в самом деле, разница, когда, коснувшись туго натянутой золотистой нити, я слышала звук — мягкий и нежный, словно дыхание лёгкого ветра, мелодичный, как перезвон весенней капли, чистый, будто журчащая вода лесного ключа...

Расстроен!... Тоже мне, беда!...

Я торопливо подкрутила колки, боясь только одного — что мои нынешние пальцы не

смогут, так, как некогда в Долине, в полной мере совладать с инструментом...

Но пальцы левой руки уверенно обняли гриф, правая кисть тронула струны — и оркский таррикеш запел, послушно и пронзительно знакомо, заставив нескольких сидящих поблизости вар'рен удивлённо обернуться ко мне.

Я тут же испуганно накрыла струны ладонью: кому, как не мне прекрасно известна была магическая способность музыки без слов поведать всем о том, что лежит на душе...

— Сыграешь, дитя? — Пожилой орк, одобрительно кивнул мне и вытащил курительную трубку изо рта.

— Н-нет... Не могу... — я в панике замотала головой.

Соскользнула с бревна и, раньше, чем поняла, что делаю, стремительно кинулась в лес, манящий ночной темнотой, по-прежнему сжимая таррикеш в руках.

Огни костров и шум орочьего собрания затерялись где-то далеко позади, остались за спиной, словно бесследно канули в прошлое...

Моим же настоящим был ночной лес — упоительно тёмный и спокойный, мерно дышащий влажной прохладой, обещающий понимание и защиту.

Лес — и шестиструнное волшебство в моих руках.

Пой!

Пой, не останавливаясь, чудный инструмент!...

Пой ночи, что спустилась на землю по велению материнского сердца приласкать и пожалеть свою неразумную дочь...

Пой лесу! Пусть он задумчиво шелестит невидимыми кронами, точно премудрый великан, качающий головой: осуждая — а быть может, сочувствуя...

Пой мне — растерявшейся, мятежной, сбившейся с дороги в закоулках собственной души...

Пой о том, о чём я больше всего хочу промолчать.

«Аль-тар...». — слышалось мне в созвучии нот.

Аласдайр Таргос Ар Кэррайн...

Сложное имя. Сложные чувства.

Мой заклятый враг в чёрно-красном плаще. Мой сбывшийся наяву кошмар, взявший меня в плен... спасший от смерти и вернувший руки.

Мой спутник, союзник поневоле... Не счесть, сколько лиг позади верхом в сёдлах, сколько проведено вместе ночей у походного костра. Когда я перестала с нетерпением считать, сколько осталось до мгновения, разделяющего наши дороги?...

Верный соратник волею причудливой судьбы — тот, к которому не раз поворачивалась спиной, не страшась предательского удара... Тот, с кем пролитая кровь, общий враг и непосильно тяжкая ноша связали узами замысловатее и крепче товарищества и дружбы. Первый и единственный в этом Мире, кому рискнула доверить не только свою жизнь, но и прошлое...

Вот кто ты для меня.

Почему же тогда так больно видеть, как ты обнимаешь другую?

Почему так горько замечать твою улыбку, нежность в твоих глазах, знаки твоего внимания, предназначенные той, которую ты избрал своей женщиной?

Почему, Ashratt разбери, ты незванным гостем приходишь в мои сны по ночам?!...

И почему — Свет и Тьма, почему?! — мне всякий раз так не хочется просыпаться?...

Мои пальцы скользили по струнам — то нежно перебирая их, добивались ласковых

переливов, то терзая, безжалостно вынуждали страдать... Лес слушал; казалось, он даже перестал шуметь, замороженный странной мелодией не меньше, чем я — игрой.

И потому тихий оклик, изумлённый и сердитый, точно раскат грома среди ясного неба, застал нас обоих врасплох...

— Ria!

Я вздрогнула всем телом, резко поднимая голову.

Таррикеш испуганно сбился и умолк.

Мой Страж стоял в нескольких шагах — посреди неприметной тропинки, чёрный и бледный, точно призрак, неожиданно явившийся на случайный зов.

— A'Kariaell?... Откуда ты... — нелепо пробормотала я, слишком поздно сообразив, что в этот час он обычно возвращается с ночной охоты.

Верно!... При нём был и длинный лук, и сумка, полная какой-то дичи... и всё это в один миг полетело к его ногам.

— Tearr-Созидатель!... Ria!... — выдохнул A'Kariaell, делая шаг ко мне. — Что ты творишь с собой?!

В его бирюзовых глазах сверкало что-то такое, очевидно заметное даже в крошечной лесной темноте, что я невольно попятилась. Однако упёрлась спиной в ствол какого-то дерева и застыла, едва не выронив инструмент.

И тотчас же руки Стража крепко обхватили меня, слегка встряхнули, приводя в чувство — и через мгновение уже прижимали к груди... Я уткнулась носом в тёмную куртку, знакомо пахнущую можжевельником и дымом костра, и почувствовала, как слёзы, до сего мгновения не тревожившие меня, внезапно в три ручья хлынули из глаз.

И время потеряло свой счёт... Я рыдала, как никогда до сего дня — беззвучно, судорожно хватая воздух, не в силах остановиться, а Кар терпеливо давал мне выплакаться, ласково глядя по голове, точно ребёнка.

— Не знаю, что он тебе сделал. Но я убью его. — наконец очень спокойно произнёс A'Kariaell.

— Не смей!...

Слёзы вмиг просохли.

Я резко отшатнулась назад, вцепилась пальцами в плечи Стража, в гневе глядя ему в лицо:

— Он ни при чём! Слышишь?! Даже не вздумай!... Он не виноват...

A'Kariaell без труда поймал мой взгляд и испытующе впился в меня глазами.

Вспышка ярости сменилась странным безразличием... Я не отвернулась и не двинулась с места, позволяя ему самому искать ответы на вопросы, которые он так и не задал.

Повисло тягостное молчание. И мой Страж нарушил его первым:

— Shaerriaenne! Ты сошла с ума... — его глухой шёпот звучал подавленно и неверяще.

— Знаю.

Я громко хлопнула носом, «отмирая», и потянулась за платком.

— Он Каратель, Чёрный Пёс Ордена!

— Знаю, — горько повторила я.

— Бездна, Ria... Он — человек!... — руки Стража, обнимающие меня, ослабли, и я смогла аккуратно вывернуться из «ловушки» между ним и древесным стволом.

— Он человек, — согласилась я, чувствуя, что понемногу возвращаю контроль над собой. — И видел от Росса не меньше боли и горя, чем Росса видели от людей. Вот именно

поэтому... не тревожся за меня, Кар. Забыть обо всём и обрести счастье ему поможет только такая же, как он сам. Женщина человеческой крови. И я... искренне ему этого желаю.

— Shaerriaenne...

— Не надо больше, Кар, — настойчиво попросила я. — Ты очень помог мне. Как и он... — я бережно прижала к себе полированный корпус таррикеша. — Но мы больше никогда не вернёмся к этому разговору. Проводи меня в лагерь, А'Karjaell — инструмент надо вернуть хозяину. А потом я накормлю тебя ужином, на который ты не поспел, и сама разделю с тобой позднюю трапезу... Только вот браги больше не выпью ни глотка: слишком крепка она у орков. И играет злые шутки с теми, кто пить не умеет...

Альтар

Долгожданную новость мы с Вейгеераном, должно быть, узнали последними. Когда наш дозорный отряд, объехав намеченный ранним утром маршрут, вернулся с Проклятых Просторов, весь Оро'чан уже бурлил, взволнованно и нетерпеливо — Тоб'бин Горный Мастер и его внук завершили свою работу.

Тор сидел прямо на земле перед входом в кузницу, привалившись спиной к большому валуну, и по-кошачьи шурился, с удовольствием подставляя солнцу раскрасневшееся лицо. Похоже, он только что успел окатиться из бочки... Свежая рубаха, сменившая кузнечный фартук, всю липла к мокрому торсу, борода и волосы влажно блестели колючками взъерошенного ежа, угодившего под проливной дождь. Но во взгляде, который он поднял на нас, сквозь усталость и блаженство светилось затаённое торжество творца, бесконечно гордого результатом своей работы. Такое ни с чем нельзя было спутать и невозможно сыграть.

— У вас... вышло? — первым подал голос Вейгееран.

Торгрин кивнул, медленно и важно, но счастливую, донельзя дурацкую улыбку сдержать всё же не смог.

Мы с Двудиким переглянулись. Уловив в нашем молчании неверие и надежду, Тор понимающе усмехнулся и устало обронил:

— Трудно описать, но... Но это и в самом деле оно, ребята. Такую ковку я ещё не видел...

Гномы бились над этим мечом три ночи и почти четыре дня, практически не покидая кузницы. Наскоро перекусывали прямо у наковален и по очереди делали короткие передышки на сон, когда уже совсем валились с ног... Антонио и Шаэриэнн, единственные допущенные в их «святая святых» на правах магов, тоже по-своему участвовали в процессе, однако основная работа на начальном этапе всё же лежала на широких плечах кузнецов. Так что чародеи время от времени появлялись снаружи, носили гномам еду и готовили поддерживающие силы эликсиры, а также коротко информировали нас о том, как продвигаются дела. Последняя новость, слышанная мною от Тонио вчерашним поздним вечером, мало чем отличалась от предыдущих.

«Вроде бы получается... Тобин демонски вымотан, но, кажется, доволен. Как я понял, пока всё идёт так, как он ожидал».

Практически то же самое он говорил мне и вчера в обед, и до того ранним утром. И то

же днём ранее сообщила Шаэриэнн перед тем, как исчезнуть в кузнице, затворив за собой полог.

Сообщила Тире. Не мне...

Возможно, сказывалось напряжение этих дней и все мы в последнее время вели себя не совсем так, как обычно. Но мне уже не раз казалось, что Шаэ упорно избегает меня, причём находя для этого любую возможность... А когда возможности не было, она так старательно пыталась быть естественной, что неестественность этого буквально резала глаза.

Неужели виной всему тот злосчастный букет? Я уже успел трижды проклясть всё на свете... И пленивший меня своей красотой серо-зелёный цветок, будто нарочно созданный природой, вдохновлённой сказочными изумрудами эльфийкиных глаз. И собственную сентиментальную дурь, дёрнувшую тогда пойти на поводу у Вейгеерана.

Да, Дзуликий ручался и божился, что собранные мною цветы — не что иное, как обещание защиты, просьба верить мне и клятва в том, что не держу камня за пазухой, никогда не разочарую и не подведу... Но, видимо, не зря, совсем не зря мне тогда показалось, что вначале он на миг запнулся и отвёл глаза — точно собирался сказать нечто совсем другое...

Я пробовал прояснить ситуацию, напрямую спросив Вейгеерана об этом. Орк изумился и даже слегка обиделся — настолько искренне, что я понял: если он и впрямь что-то скрыл, не признается даже на смертном одре... Чтобы почувствовать себя ещё большим идиотом, оставалось только поговорить с Шаэриэнн. Но уж этого я делать точно не собирался. В особенности, если своим дурацким поступком невольно напомнил о чём-либо, что причинило ей боль или вернуло к жизни призрак её жестокого прошлого... Любые оправдания или извинения лишь усугубили бы ситуацию... Шаэ нужно было время, чтобы забыть о моей бестактности, и я решил лишний раз не навязывать ей своё присутствие без нужды.

Это было легко. Эльфийка почти всё время пропадала в кузнице, я же разъезжал с Наблюдателями. Мы и так почти не встречались.

Это было трудно. То и дело я ловил себя на том, что ищу Шаэриэнн в толпе оркских женщин, поджидающих воинов у накрытых столов, высматриваю её около кузницы или палатки Видящей, жду её у костра...

Мы почти не встречались.

Но мне страшно не хватало её присутствия рядом.

— И как? Уже испытали? — Голос Вейгеерана вернул меня к действительности.

Вот это да!... Так увлёкся раздумьями, что даже долгожданный меч отошёл на второй план...

— Пока нет, — Тор очень старался казаться спокойным, но лихорадочно блестящие глаза выдавали его с головой. — Клинок теперь у наших чародеев — они за лагерем, доводят его до ума. И принцесса туда побежала... Уйму колдовских безделушек с собой потащила. Как только справятся, аккуратно сразу же и поборемся с твоим Мечом Тьмы...

Справились чародеи к ночи. Уже давно закончился ужин, и ярко полыхали посреди площади огни орочьих костров, однако не было сегодня ни залихватских плясок, ни сражений на палках, ни весёлых окриков и шумных песен.

Все ждали, негромко переговариваясь, потягивая чай на травах и подкидывая веток в огонь. Ждали чуда, обещанного кудесником-Тобином — и в прохладном ночном воздухе тонким комариным писком на грани слуха звенело напряжение...

Старший из гномов, скрестив ноги, сидел у нашего костра и, попыхивая орочьей трубкой, спокойно смотрел на пламя — как будто видел в алом танце искр благополучный исход испытаний. Зато Торгрин подскакивал, дёргался и не мог отыскать себе места — каждое мгновение ожидания было для него хуже пытки... И тем не менее, когда из-за кустов чёрной тенью вынырнул А'Кариэлл, следом за которым шли Шаэ, Тира и Тонио, бережно прижимающий к груди продолговатый свёрток, замотанный в кожу — им удалось застать нас почти врасплох.

Маг подошёл к Стальной Руке, поднявшемуся ему навстречу, на вытянутых руках протянул ему меч. Он выглядел измученным и изрядно усталым, но в глазах его сиял тот же свет, что и у Торгрина нынешним вечером. Чтобы понять, что он достиг результата, даже не нужно было задавать вопрос.

Я перевёл взгляд на Шаэ. Демоны!... Неужто Тонио всё же позволил ей колдовать?! Нет... Эльфийка тоже казалась утомлённой — но, похоже, всё-таки участвовала в процессе лишь на вспомогательных ролях.

Я не успел вовремя отвести глаза, и Шаэриэнн «наткнулась» на мой взгляд, точно бабочка на острие иголки. Покачнулась, едва не усевшись мимо бревна, на миг застыла, а потом медленно, точно через силу, стала поднимать ко мне лицо... Не желая мучить её, я торопливо развернулся в другую сторону — к Тире. Невольно улыбнулся, заметив, с каким азартом принцесса наблюдает за тем, как Тобин разворачивает меч.

— Только представь — он впитал силу всех артефактов!... Разрядилось всё, что у меня было!... — благоговейно прошептала она. — А было, между прочим, немало, и далеко не слабым...

Я согласно кивнул, хотя магическую мощь оружия мог лишь вообразить. Зато вид меча впечатление действительно произвёл. Это и впрямь была необычнаяковка... Помимо добротной гномской работы в серо-стальном прямом клинке, отливающим в свете костра слабым пепельным блеском, чувствовалось что-то ещё, неординарное и сильное, вызывающее желание прикоснуться к нему, сжать в ладони тяжёлую рукоять, прошептать слова благословения перед тем, как нанести удар...

У меча был характер. И он был весьма непрост...

— Кто? — коротко спросил Тобин, приподнимая оружие в руке.

Хриплые нотки в голосе впервые выдали нам, как волнуется Стальная Рука. Не оставалось и тени сомнения, что сырцовая пластинка не препятствие этому клинку. Меч жаждал настоящего испытания.

В этот миг я почувствовал горечь от того, что не моей руке суждено было пробудить его к бою. Меч Тьмы в сравнении с ним казался лишь опасной красивой игрушкой — не более того.

Торгрин крикнул и стал приподниматься с бревна. Однако младшего из гномов опередил А'Кариэлл:

— Если будет позволено, я хотел бы испробовать его.

Горный Мастер внимательно взглянул на эльфа из-под кустистых бровей — и протянул меч ему:

— Что ж, пробуй... Под твою руку он в самый раз.

Страж Шаэриэнн на миг склонил голову, принимая оружие. Сомкнул пальцы на рукояти, ощущая вес и баланс, а затем в несколько шагов выбрался на свободное пространство. Гибко крутнулся в пируэте, завершив удар жалищим выпадом, легко завертел

«мельницу», очертив себя вихрем серебристых росчерков, и замер, ожидая противника.

Я не собирался испытывать его терпение. Меч Тьмы дожидался своего часа, лёжа у моих ног. Рукоять сама скользнула в ладонь. Я поднялся с места и, рассчитывая шаг, вышел навстречу А'Кариэллу.

Эльф коротко взглянул на меня поверх лезвия меча — и атаковал. Ураганно, стремительно, не тратя ни единого лишнего движения или мига. Я принял его правила, сразу же подхватил темп боя... и мы сорвались, испытывая уже не мечи — друг друга.

Вот тут я в полной мере сумел отдать должное Стражу Шаэриэнн как бойцу. Неудивительно, что А'Кариэлл столько лет сумел продержаться живым на арене в Седоне...

Он был опасен. Очень опасен... Гибок, как кошка, стремителен, как змея, проворен, как мангуст. Великолепно владел техникой, в общем смысле знакомой мне, как «эльфийская школа», отточенной и дополненной его немалым опытом и практикой. Единственное, в чём я превосходил его, была мышечная мощь. Впрочем, преимущество было спорным: оно делало меня тяжелее... В силе же А'Кариэлл мне почти не уступал.

И всё же — почти... Поэтому, парируя и уклоняясь от шквала атак, летящих со всех сторон, я контратаковал редкими, но строго выверенными и точными ударами, в которые вкладывал весь свой вес — и они достигали цели. Дважды А'Кариэлла выручала его невероятная ловкость: он сбрасывал темп и отступал, на короткое время уходя в оборону, но оба раза так и не давал мне закрепить преимущество. В третий раз я вынудил его принять удар на меч.

Клинки сошлись. Беспощадно напирая на Меч Тьмы, я слышал, как эльф скрежетнул зубами, не выдерживая чудовищного напряжения... В следующий миг оружие должно было выпасть из его кисти, вывернувшейся под неестественным углом.

И тут агмарилловый меч взорвался — точно стеклянная ваза, разлетевшаяся вдребезги от удара о каменный пол... Теряя равновесие, я отлетел в сторону, сжимая в пальцах эфес с искалеченным огрызком. Успел лишь заметить, как А'Кариэлл гасит силу удара внезапно обретшего свободу пепельного клинка...

Свет и Тьма!...

Целого и невредимого!

Через мгновение площадь, на которой во время нашего короткого поединка царил гробовая тишина, грянула раскатами оваций и победных криков. Орки вскочили со своих мест, ликуя и вопя на все лады. Меня и эльфа сразу же подхватили по две дюжины рук, принялись качать, не оставляя возможности сопротивляться. Где-то рядом точно так же подкидывали в воздух Тобина и его внука, наших чародеев, принцессу...

Мы орали, ругались, возмущались, потом — смеялись и снова кричали, уже в унисон со всеми вокруг, внезапно окончательно поверив в то, что у нашего самоубийственного, почти нереального, в высшей мере авантюрного предприятия и в самом деле есть шанс на успех. Шанс, воплощением которого стал пепельно-стальной меч, объединивший усилия и надежды стольких существ... Когда в тебя, как и в него, так верят и так ждут результата — этот шанс достоин внимания.

Даже если он один против бесконечного множества других.

Следующий шаг должна была сделать Видящая. И она принялась за работу с первыми лучами солнца, отметившими начало нового дня. Что именно происходило за стенами её палатки из толстых шкур — ведала лишь сама Эм'син да несколько женщин, избранных ею на роль помощниц... В их число вошли также Шаэ и Тира. Мужской же части нашего отряда

до поры велено было ждать.

И мы ждали... Торгрин и его дед с наслаждением отсыпались, восстанавливая силы. Остроухий Страж по своему обыкновению после завтрака исчез в лесу, хотя наверняка оставался где-то неподалёку. Мы же с Вейгеераном, вооружившись острогами, отправились бить рыбу к излучине реки, заодно прихватив с собой и Тонио.

Нашего мага так взбудоражило совершённое им открытие, что, несмотря на крайнюю степень усталости, он никак не мог ни утомиться, ни толком отдохнуть. Полночи, не меньше, он проворочался с боку на бок на своей лежанке, а потом, стараясь не шуметь, потихоньку выбрался из шатра... Утром я обнаружил его на площади — сидя на бревне у одного из прогоревших костров, Тонио торопливо делал какие-то заметки в пухлом потрёпанном блокноте, время от времени покусывая деревянный кончик пера. Когда он понял на меня красные, воспалённые от недосыпа глаза, в которых лихорадочно горели тысячи новых мыслей, я понял, что мага надо спасать...

Впрочем, у меня мало что получилось.

— Столкнувшись с Мечом Тьмы, магия нашего клинка рассчитала и нужным образом направила заклятье, разбившее агмарилл на куски... Впрочем, теперь я, кажется, знаю, как ещё можно улучшить её действие!... — оживлённо заверял меня чародей, в очередной раз промахнувшись острой по крупной марелании. — В идеале... Мечу можно будет отдавать мысленные приказы. Ну, так, как ты в своё время велел это делать агмарилловому кольцу...

Рыба насмешливо плеснула хвостом и, сверкнув блестящей чешуёй на мелководье, легко ушла на глубину.

Я вздохнул. Мои надежды, что рыбная ловля поможет нашему учёному другу хоть немного отдохнуть от своих идей, совершенно не оправдались... Антонио устал и запыхался, изрядно промочил одежду, не всегда удачно балансируя на камнях, но так и не поймал ни одной рыбины — да не особенно-то и стремился. В конце концов он с виноватым видом предоставил это занятие нам и с облегчением устроился в теньке на берегу со своим неизменным блокнотом.

Здесь нас и разыскала Тира Рожерия. Наш черёд принимать участие в ритуале наступил.

Когда мы вернулись в лагерь вместе с принцессой, солнце как раз успело миновать зенит. Перед палаткой Эм'син уже ожидал Креддок со своими помощниками. Чуть поодаль толпились ещё пара десятков оркских воинов — среди них я увидел нескольких знакомых, вместе с которыми объезжал Проклятые Просторы. Отчаянно позевывая, неподалёку устроился Тор в компании деда; прислонившись плечом к дереву, около них и, как обычно, вроде бы сам по себе, стоял А'Кариэлл.

Очевидно, недоставало только нас. Тира тут же исчезла за пологом шатра и через пару мгновений появилась вновь в компании Ин'ке, Шаэриэнн и Эм'син.

— Духи ответили тебе? — впился глазами в Видящую вождь.

— Ответили.

Мне показалось, что голос пожилой орки звучал несколько виновато.

— Кто же из них? — брови Креддока поползли к переносице: определённо, он заметил то же, что и я.

Эм'син чуть помедлила:

— Халлоран...

— Халлоран?! — Вождь задохнулся этим именем так, будто чародейка бросила ему в лицо ругательство. — Демоны!... Женщина! Неужто никто больше не пожелал

разговаривать с тобой?

— Нет, Первый Из Равных, не пожелали! — в ответе Видящей прозвучали нотки вызова. — Потрудишься вспомнить, чем в прошлый раз окончился поход твоих воинов в Потерянный Город... Поблагодари лишней раз Маррека Серебряную Стрелу за то, что посмел оскорбить Ушедших, которые вызвались его сопровождать! А заодно помяни и шестерых молодых воинов, навечно оставшихся вместе с ним в Городе Мёртвых... Жестокий откуп заплатил Оро'чан за поступок глупца, выступившего поверенным вождя!

— Прости меня, Мудрейшая.

Креддок сбавил обороты, виновато прикусив губу.

— Я... действительно не ожидал, что тебе отзовётся Эллора.

— Халлоран. — Эм'син сердито поморщилась. — Её волю следует уважать, Первый. В конце концов, она единственная из всех, согласившаяся помочь нам. В остальных, должно быть, ещё тлеют уголья обиды...

— Однако помощь Халлоран может оказаться... непредсказуемой, — вскользь заметил вождь, неуклюже пытаясь скрыть недовольство.

Видящая вздохнула:

— И, тем не менее, она её предоставит. Слово Ушедшей нерушимо. А Халлоран его дала...

— Хорошо, — глава Оро'чана едва заметно поморщился. — Начинай обряд. Правда, ещё большой вопрос, с кем именно Эллора... Халлоран захочет иметь дело.

— Будто не ясно... — тихонько хмыкнул Дзуликий, стоящий рядом со мной.

Я хотел было расспросить его — Вейгееран явно лучше меня представлял ситуацию — однако не успел.

Эм'син кивнула, и по её жесту Ин'ке слегка откинула полог палатки, закрывающий вход. Взгляд орки, бегло обойдя нас всех, задержался на мне:

— Входи.

Я замешкался на миг, хорошо помня, что, когда несколько дней назад приходил проведать бесчувственную Шаэ, мне не позволили даже ступить на порог.

— Иди, — шепнул мне Вейгееран, легонько подталкивая в плечо. — Перед Ушедшими все равны. Прежние запреты во время обряда не действуют...

Видящая уже скрылась в шатре. Я прибавил шаг, заходя следом — и окунулся в полумрак, разбавленный неровным светом земляного очага и нескольких сальных свечек. Клапан наверху, отводящий дым, был наглухо закрыт, и внутренняя обстановка шатра почти не угадывалась за густыми сизыми клубами. Однако они странным образом не ели глаза и не мешали дышать. Напротив — воздух, напоенный лёгким запахом хвои и каких-то пряных трав, был необычайно, удивительно свеж... Как будто бы прямо здесь, под кожаным куполом, пару мгновений назад прогремела самая настоящая гроза с молниями и ливнем...

В центре помещения на массивной треноге висел огромный котёл — близнец тех, в которых на площади Оро'чана готовилась еда. Подойдя ближе, я увидел, что он по самые венца наполнен водой, которая, несмотря на всю потрескивающую подо дном дрова, даже и не намеревалась кипеть. Облака сизого дыма над котлом клубились гуще всего, охватив плотным колеблющимся кругом крошечную тёмную воронку нарождающегося смерча.

Эм'син, появившись рядом, щедро сыпанула в котёл пригоршню бурого порошка из тканого мешочка, энергично зашептала вслед литанию из незнакомых слов... На моих глазах ровная поверхность воды утратила свою прозрачность и потемнела, а со дна наверх

начали подниматься мириады искрящихся пузырьков.

Не прерывая своего странного напева, Видящая вдруг резко шагнула назад, вытягивая за запястье в середину помещения Шаэ, вздрогнувшую от неожиданности. Впрочем, эльфийка, очевидно, знала, что от неё потребуется. Она встала рядом со мной, еле слышно шепнула:

— Наклонись...

Я выполнил её просьбу, склонившись над котлом.

Шаэ бесстрашно зачерпнула пригоршню воды и лёгким движением омыла мне лицо.

Я прикрыл глаза, мимо воли чувствуя, как дрогнули её пальцы, коснувшиеся моей кожи... Поборол искушение подхватить её ладонь... удержать у щеки. Услышал её вздох — прерывистый, удивлённый — а когда распахнул веки, сам с изумлением увидел, что вода в котле расцветает ровным мягким изумрудным светом, поднимающимся с самого дна.

— Она выбрала тебя, — на имперском объявила Эм'син.

Саму её, в отличие от Шаэ и меня, куда больше интересовал дым, сгустившийся над котлом. Взгляд чародейки, не отрываясь, скользил по переплетениям непрерывно меняющихся призрачных образов: похоже, она читала их наподобие книжных страниц...

— Ин'ке! — вновь отрывисто прозвучал её приказ. — Проведи его... И зови другого!

Юная орка, неслышно возникнув откуда-то из темноты, робко, но настойчиво положила руку на мой локоть, выводя к порогу. Я шагнул из шатра прочь в море яркого солнечного света, щуря с отвычки глаза и полной грудью вдыхая обычный воздух, в первый миг вдруг показавшийся мне пресным и неживым... Следом за мной в шатёр забрали Торгрину, успевшего лишь бросить на меня встревоженный взгляд — мы не смогли обменяться и парой слов.

— Ну? — Вейгееран первым двинулся мне навстречу. — Как?

Я неопределённо качнул головой:

— Если я верно понял Эм'син... то меня выбрали.

— Я и не сомневался, — уверенно кивнул Дзуликий. — Зная Халлоран, могу тебе подтвердить — она захочет видеть всех, кто в вашем отряде. За исключением Тир'ры и Шаэриэнн...

— Почему?

— У неё... сложные отношения с женщинами. — Орк на мгновение задумался, подбирая слова. — В особенности с Помнящими... Это её боль. Зато сильные и справные воины — её симпатия. Она ни за что не упустит возможности пообщаться...

Вейгееран оказался прав, но лишь отчасти. Когда в палатке Видящей побывали все, кто собрался пройти обряд, и Эм'син объявила вердикт своей призрачной собеседницы, то оказалось, что та благоволит всего двоим. Вторым, невесть чем приглянувшимся привередливому духу, оказался остроухий Страж... Более того — никто из орков и Дзуликих, которые рассчитывали сопровождать нас в Потерянном Городе, так не удостоился её расположения. Не повезло даже Вейгеерану, что несказанно удивило его и, похоже, задело.

Однако к воле Ушедших здесь относились в высшей степени серьёзно. Поэтому, несмотря на ворчание, ропот недовольства и даже ругательства решено было, что в Город мы с А'Кариэллом войдём одни. Орочий отряд, выделенный нам в провожатые, доберётся вместе с нами до рубежа, за которым начинается территория призраков, и дождётся нашего возвращения в условленном месте, чтобы двинуться в обратный путь. Это само по себе было нелёгкой задачей, так как ехать предстояло через Проклятые Просторы, и впридачу ночью,

поскольку духи мёртвых не жаловали солнечный свет. Впрочем, у вар'рен были свои проверенные дороги и отработанные правила поведения — те, кто ехал с нами, навещали Покинутый Город далеко не в первый раз.

— Будьте очень осмотрительны и осторожны. И следите за тем, чтобы нигде не пролить собственную кровь... При вас, разумеется, будет оружие. Но в ход его пускать следует только в самом крайнем случае... — Вейгееран, подробно растолковывающий мне и эльфу, как следует вести себя в Городе, поморщился. — Эх, д-демоны!... Лучше бы мне быть с вами!...

— Но не будешь, — вступил А'Кариэлл. — Поэтому разъясни, какой случай считать крайним.

— Тот, при котором если не выхватишь меч, то не уйдёшь живым. Но, если этот случай настанет, то, скорее всего, и так не уйдёшь... — «успокоил» Двумикий. — Впрочем, перейдя черту, вы оба окажетесь под покровительством Ушедшей, что пригласила вас... Духи, обещавшие помочь, как правило, не допускают неприятностей...

— Понятно, — кивнул я, хотя понятного было мало. — Что ещё можешь сказать?

— Когда общаетесь с Ушедшими, следите за тем, что и как говорите. Духи очень обидчивы и хитры... Сами любят поддразнить, зацепить, посмеяться — но не терпят, если оскорбляют их. Впрочем, если пойти у них на поводу — добра тоже не будет. Растопчут и высмеют, непременно найдут такую возможность... Заискивающих и лебезящих перед ними Ушедшие презирают...

— Ваши духи все такие? — поморщился А'Кариэлл.

— Все, — взглянул на него Вейгееран. — А уж Эллора — в особенности... Кстати, не приведи вас Забытый назвать её Эллорой...

— Почему? — Час от часу не легче... — Отчего тогда Креддок так говорит?...

— Креддок, — хмыкнул Двумикий, — её не может терпеть, поскольку считает Халлоран позором своего рода...

— Ты не согласен с ним? — я уловил в его голосе нотки досады.

Вейгееран дёрнул головой:

— Нет. Просто глупая девчонка, у которой была мечта... Обладавшая мастерством и талантами, но вовсе не теми, которых желала сама. Добившаяся практически невозможного — и заплатившая за это жестокую цену...

— Расскажи о ней, — опередил меня эльф.

В свете того, что нам предстояло, любая информация о нашей необычной провожатой могла стать полезной.

— В те времена, — Вейгееран уселся поудобнее, — когда Потерянный Город ещё не был потерян, у одного из вождей вар'рен, проживавших в нём, родилась необычная дочь... Её звали Эллорой, и с самого детства она обнаружила недюжинный талант к мастерству. Даже признанные изобретатели и творцы чудес — гномы — взявшиеся наставлять её, утверждали, что со временем Эллора затмит самых великих из их числа... Однако той хотелось совсем другого. На самом деле Эллора желала повторить судьбу большинства старших дочерей орочьих вождей — со временем стать Видящей, главной из Помнящих в своём племени, а быть может — это как повезёт — и в Совете Племян. Но этот путь для неё был закрыт. Кровь её Помнила ничтожно мало — настолько, что о дороге Видящей нечего было и мечтать...

— А она мечтала... — проронил я.

— Ещё как мечтала. Но, понимая, что сил её не хватает, покорились воле отца и на радость Городу занялась мастерством... И так было, пока ей не стукнуло восемнадцать зим. К тому времени слава Эллары звучала далеко за пределами Города, и самые достойные из женихов бились за право принести свадебную накидку в её отчий дом... Однако накануне совершеннолетия дочери вождя внезапно случилось чудо: Память её крови вдруг пробудилась, даровав ей магическую силу удивительной природы и чистоты... Видящие Совета Племян потрясённо развели руками — такого ранее никогда не бывало, но не признать преобразование Эллары не могли. А она бросила всё, что имела, ради того, чтобы начать дорогу Видящей. Отреклась от прошлого, достижений, себя, взяла новое имя — Халлоран — и поступила в обучение к Мудрейшей своего племени. Её взлёт и здесь был стремителен, как вспышка молнии: через полтора года она заменила свою наставницу, а в неполных двадцать зим вошла в Совет Племян. Всё шло к тому, что вскорости Халлоран возглавит Мудрейших своего Города — однако этого не произошло...

— Интриги? — предположил эльф.

— Не совсем так. Предательство.

Чуть понизив голос, Вейгееран пояснил:

— Не секрет, что древние Видящие частенько хранили невинность только на словах... У Эллары также появился тайный возлюбленный. Он был гномом, очень талантливым мастером... Ему-то она и доверила свою тайну, совершив непоправимую глупость. Вся её чародейская мощь оказалась хитроумной подделкой, искусной видимостью, которую создавала работа сотворённых ею механизмов... Желая, видимо, похвалиться умением, она показала что-то из изобретений своему гному. Тот же, обуреваемый завистью, а, быть может, корысти ради выдал секрет Халлоран Совету. Последовал страшный скандал. Старухи-Видящие, уязвлённые до глубины души тем, что их так долго умудрилась водить за нос сопливая девчонка, были скорыми на расправу...

Пальцы Двуликого мимо воли сомкнулись в кулак.

— Халлоран казнили, — с неохотой закончил он. — Забросали камнями. В те времена такие вопросы решались быстро... Имя её вымарали из всех хроник и историй, пытались стереть о неё память — но не вышло. На пороге смерти девчонка, возможно и вправду обрела какой-то дар — во всяком случае, гибель и забвение, которые она предрекла в последний миг своему Городу, постигли его ровно в век и час, названные ею... А сама она, привязанная к этой земле узами лжи и славы, теперь стережёт его прах в образе Ушедшей — бесплотной призрачной души...

Двуликий замолчал, переводя дух. Рассказанная им история оставила после себя послевкусие горечи и тревоги.

— Вот любите вы жуткие сказки... — пробормотал А'Кариэлл, но я услышал.

— Как будто вы — нет...

Эльф сверкнул в мою сторону глазами, но ничего не ответил.

— Во всяком случае, — Вейгееран тоже не жаловался на слух, — с героиней этой самой сказки вам предстоит встретиться через несколько ор. Поэтому заклинаю ещё раз — будьте с ней осторожны. Халлоран непредсказуема и своенравна. Понять, чего она хочет, порой очень тяжело.

— Она хоть поможет? — сквозь зубы бросил эльф.

— Поможет, — твёрдо сказал орк. — Однако эта помощь может дорого обойтись...

Ночь выдалась тихой и тёплой, почти как летом. Лишь предвкушение опасности

временами лёгким морозцем пробегало по коже, да камни защитных оберегов холодили запястья и грудь... Бледная убывающая луна, затянутая призрачной кисеей облаков, равнодушно следила с беззвёздного неба за короткой цепочкой пепельно-серых теней, бесшумно скользящих след-в-след по тёмной пустынной равнине.

Волков, как и всадников, было шестеро. На этом настоял Вейгееран, лично ведущий отряд — каждый лишний боец существенно уменьшал наши шансы пройти незаметно. И его ставка сыграла. На пути к Золотому Холму, где некогда возвышалась, убегая в небо, могучая и грозная крепостная стена, мы не встретили ни малейших препятствий.

Ныне от прежнего величия защитных сооружений осталось лишь несколько обломанных блоков разной величины, ушедших в землю больше чем наполовину. В тени одного из них Вейгееран дал команду остановиться. Всадники, в том числе и мы с А'Кариэллом, покинули сёдла, давая возможность Дзуликим перекинуться в орочий облик.

Пористый желтоватый камень, тускло светящийся во тьме, поневоле привлекал взгляд. Я протянул ладонь, провёл по шероховатой поверхности.

Песок!... Свет и Тьма! Песок, таинственным образом спрессованный и сплавленный древними умельцами в огромные прочные кирпичи, продолжал держать форму даже сейчас, когда его создатели давно канули в небытие... Какие ещё неведомые силы хранят эту обитель мёртвых, не подчинившись законам времени? И что они приготовили для нас?

— Верхняя часть города менее опасна, чем нижняя... — Вейгееран как будто читал мои мысли. — Тем не менее, и там, и там ещё сохранились ловушки, берегущие тайны и сокровища Древних от злых рук. Ни на что не отвлекайтесь и помните о том, для чего вы пришли...

— Не волнуйся, Вей, — вполголоса произнёс я. — Драгоценности ваших пращуров нас не интересуют. Только металл... Мы будем осторожны.

Орк кивнул. Окинул внимательным взглядом хмуρο молчащий отряд.

— Дальше вы пойдёте одни. Нам за стену хода нет... Мы останемся здесь до рассвета. Если что-то пойдёт не так — уедем за пол-оры до того, как солнце взойдёт на небо, и вернёмся на следующую ночь. И так до тех пор, пока не заберём вас. Или пока духи не подтвердят Эм'син... что забирать некого.

А'Кариэлл хмыкнул, скрестив руки на груди.

— Такого не должно быть, — опередил его реплику орк. — Но поход в Потерянный Город — не прогулка берегом ручья. Вы должны понимать это... В прошлый раз, — добавил он неохотно, — исключительно по глупости вожака у нас остался здесь весь отряд... Однако Ушедшие, как правило, расположены к тем, кого приглашают. И обычно наши поездки проходят успешно.

Всё было предельно ясно. Страж отвернулся. Быстро проверил меч и крепления пары ножей на поясе и, опередив меня на шаг, направился к проёму в стене.

— Ждите нас к рассвету, — бросил он через плечо. — Как нам искать эту... Халлоран?

— Она сама вас найдёт, — ответил Вейгееран. — Уже нашла...

На моих глазах слабенький жёлтый свет, которым, казалось, лучились камни, перетёк на сухопарую фигуру эльфа, переступившего невидимую черту. Обежал его, точно подстраиваясь, и тут же равномерно окутал со всех сторон, делая остроухого пугающе похожим на призрака или туманное видение...

Я увидел, как расширились зрачки провожающего нас Вейгеерана. Поднял собственную руку в жесте прощания. Она тоже светилась — тускло и безжизненно, словно прозрачная на

просвет, хотя я по-прежнему чувствовал себя из плоти и крови, полным энергии и сил.

— Так должно быть. — Двухликий, словно борясь с собой, замер у знакомой ему одному границы. — Это — её защита. Халлоран будет ждать вас там... а мы — здесь. Возвращайтесь с рассветом. И с удачей...

Город встретил нас настороженно и тревожно.

Не зная точно, куда следует идти, мы с эльфом просто шагали вперёд — единственные живые посреди давно почившего царства — и поневоле держались друг друга, на время отбросив взаимную неприязнь... Под сапогами скрипел песок, стелилась травяная поросль — но всё чаще наверх проступали камни некогда широкой мостовой, всё ещё плотно подогнанные друг к другу.

Сохранившиеся останки сооружений и построек по мере нашего продвижения вглубь города становились больше и замысловатее. Маленькие жилые дома, если они и были здесь когда-то, бесследно сгнули в веках... Неровные обломки громадных стен, местами сохранившие между собою клочки перекрытий, слепо таращили в пустоту тёмные провалы искорёженных окон-глазниц. Скалились стальными зубами остовы фигурных решёток и ограждений. Переломанными рёбрами торчали в разные стороны опоры лестниц и несущие конструкции декоративных мостов.

Когда-то этот город был красив. Божественно красив... Но он и сам уже давно забыл об этом.

Его гордость и великолепие давно покоились под вечно живыми небесами бесформенной грудой гигантских скелетов — полуразрушенных, истлевших, выбеленных беспощадным временем...

Город был пуст и заброшен — и даже воздух в нём нёс запах тлена и вековой пыли. Даже прохладный ночной ветер не в силах был развеять липкую духоту, мешающую вдохнуть полной грудью, не мог помочь сбросить с себя ощущение тяжёлого груза, гнущего плечи к земле...

Я мельком взглянул на эльфа — лишь чтобы убедиться, что он точно так же угнетён и подавлен. Впрочем, легче от сознания этого не стало. Наоборот... Ощущения усилились стократ, когда главная дорога, повернув, вывела нас на площадь к огромному фонтану. Тому, что некогда было таковым.

Посреди широкой резной чаши, вокруг которой на праздники наверняка собиралось немалое количество народу, на изящном пьедестале из белого камня, сверкающего во тьме, стояла статуя, изображающая танцующих мужчину и женщину. Он был широкоплечим воином, выкованным из красного металла, в доспехе и шлеме, прикрывающем лицо. Она же, высокая и тонкая, будто тростинка, застыла в облаке взметнувшихся косичек, невероятно искусно исполненных в серебристой стали. По замыслу творцов, водяные струи, обегая танцоров, взмывали вверх вокруг них, пересекались и рассыпались сверкающими каплями... Об этом позволяли догадаться тонкие концы труб, закреплённые в пьедестале. Однако в чаше фонтана давно уже не было воды. Фигурная каменная ёмкость густо заросла тонкой длинной травой, неровной и спутанной, точно седые пряди. Травяные «волосы» пробились сквозь пьедестал, облепили фигуры танцующих, развеваясь густыми рваными космами, окончательно закрепляя победу смерти над жизнью.

И тем не менее... механизмы, спрятанные в фонтане, ещё действовали! Воин и девушка танцевали. На самом деле!... Очень медленно кружась вокруг воображаемой оси, они приближались друг к другу на расстояние прикосновения рук и отдалялись снова. Шаг за

шагом, день за днём, век за веком — каменные статуи прежних жителей упрямо продолжали свой медленный танец, одни посреди руин, бросая дерзкий вызов времени и небытию.

Это было завораживающе. И жутко...

— Tearr-Созидатель!... — выдохнул А'Кариэлл, протягивая руку к густой поросли у бортика чаши. — Даже у Травы Безвременья... нет власти над ними!

Я скосил в его сторону глаза. И заметил, как из-под охапки травы, на которой сомкнулись длинные пальцы эльфа, тускло сверкнула шлифованная грань крупного изумруда. А, быть может, опала или тёмного топаза, украшавшего бортик сооружения...

— Демоны!!! Стой!...

С горечью соображая, что не успеваю, я толкнул остроухого в бок как раз в тот момент, когда он остервенело рванул пучок травы на себя.

— Ashratt!...

Не поняв, что произошло, эльф отлетел на три шага в сторону, вскидывая на меня бешеный взгляд... и зажимая свободной рукой глубокий порез на ладони.

— Т-ты! Чёр...

Он замолчал, до боли прикусив губу.

В фонтане уцелели не только механизмы танцоров. Тонкое длинное лезвие, выскочив из не приметной прорези в бортике чаши, моментально нашло свою цель. Россыпь алых капель щедро окрасила ржавую кромку острия и песок у борта.

Я дёрнул из кармана платок. Ткнул эльфу, от души огрел его по плечу:

— Бегом отсюда! Бегом!... Быстрее!

К счастью, хотя бы здесь остроухий не мешкал. Что было сил мы рванули прочь, оставляя фонтан за спиной, с горечью сознавая, что ещё даже никуда не пришли, а уже напортачили хуже некуда... Чем обернётся нам пролитая эльфом кровь — пока было неясно. Но, судя по тому, как предостерегал от этого Вейгееран, ничего хорошего ждать не приходилось.

Миновав один поворот, второй, я резко остановился у разрушенной колоннады какого-то богатого особняка, переводя дыхание. Обернулся к эльфу, продолжавшему зажимать рану платком. Заставил вытянуть руку и крепко перемотал его ладонь широкой полоской ткани, оторванной от рубахи.

— Ashratt... ad Aen!... — послышалось сдавленное шипение остроухого над моей головой.

— Знаешь, что... — начал я, от души затянув последний узел и неистово борясь с желанием съездить Стражу по физиономии. Но когда поднял глаза — слова застряли у меня в горле.

В конце широкой улицы со стороны фонтана в нашу сторону медленно двигалось нечто, низко паря в воздухе над самой землёй. Огромная бесформенная туша, обманчиво неповоротливая на вид, до отворачивания напоминала свежее свиное сердце с прилавка мясника... На фоне переплетения жилок, «сосудов» и стустков слизи заметны были четыре мощные конечности, во время полёта плотно прижатые к телу. Морду на первый взгляд нельзя было определить, однако вниз к земле торчало подобие рыла, заканчивающееся непрерывно двигающимся хоботком.

Тварь шла по следу. Нетрудно было догадаться, по чьему.

Ветерок налетел в нашу сторону в тот миг, когда мы с эльфом слаженно вытащили мечи. Легонько потянуло дымом и жжёной серой...

Я думал, хуже, чем есть, быть не могло.

Могло. Ещё как могло...

Потому что против демона наши мечи были бессильны.

— Teherr! Aito me... Разделяемся! — эльф, заметно побледневший даже в призрачном свете, тем не менее, сориентировался правильно.

Мы сорвались с места одновременно с чудовищем, аккуратно засекшим «добычу». Я резко дёрнул вправо, перепрыгивая обломки и камни, А'Кариэлл — влево. Высшего демона подобный манёвр бы только позабавил... Но «красавец», преследующий нас, судя по облику, явно относился к низшим. Примитивная логика и полное подавление инстинктами зачатков разума всё же оставляла нам шанс...

Выдержав небольшую дистанцию, я резко остановился. Развернулся назад — и сразу же наткнулся глазами на худощавую фигуру Стража. А'Кариэлл без движения замер на таком же расстоянии от колонн, что и я, зеркально повторив мой путь. Похоже, мы с эльфом верно поняли друг друга...

На открытом пространстве между нами зависла в воздухе тварь. Красно-синие жилки на уродливом теле гневно вздувались и опадали, лапы в нерешительности касались земли и снова взмывали вверх. Монстр медленно поворачивался из стороны в сторону, не в силах определиться, какую из жертв предпочесть.

Жажда крови внутри демонической туши со скрипом и пытением боролась с жадностью, диктовавшей заполучить сразу обоих. И в пылу этой борьбы не оставалось места пониманию, что, вздумай мы разбежаться на самом деле, он играючи справился бы с нами в любом порядке за считанные мгновения...

Наконец, жажда всё же пересилила. Демон натужно взвизгнул и качнулся в сторону А'Кариэлла — сквозь повязку на руке эльфа, видимо, уже проступила кровь, а подобные твари чувят её за версту...

Я был готов. Артефакт-защитник в виде браслета, которым снабдили меня орки, только и ждал команды...

Полыхнуло огнём. Шаровая молния в искрах синего пламени, сорвавшись с моего запястья, врезалась прямо в демона, с силой отшвыривая его назад. От визга и рёва твари, казалось, содрогнулись даже камни. Демон завертелся волчком, гася остатки заклятья, и рванул на меня. Но теперь не зевал Страж. Что было в его браслете — Кулак Ветра или Яростный Шторм — я так и не понял, но тварь снова отлетела назад и завывала, щедро роняя наземь клочья бурой слизи.

— Ad aengo!!! — донёсся до моих ушей крик А'Кариэлла.

К звезде!... Разумеется!

Мешкать было нельзя. Чарам, заключённым в наши артефакты, не под силу было уничтожить демона — с подобным мог справиться только очень опытный маг. Наша единственная возможность победить монстра заключалась в том, чтобы загнать его обратно к месту прорыва в Мир... Нестабильная на первых порах воронка «звезды» ещё может втянуть его обратно, в родную стихию Межмирья.

А может и не втянуть...

Особенно, если в браслетах не хватит «зарядов»...

Демоны!!! Об этом потом — только не сейчас!... Я взлетел на сломанные ступени, прицеливаясь на бегу — и чудовище опять мерзко заголосило, против воли выбиваемое к площади с фонтаном. Дальше «эстафету» подхватил А'Кариэлл, не давая ему передышки —

пока я снова мчался вперёд, выбирая место, откуда отвесить следующий «пинок»...

Мы с эльфом били на удивление слаженно и ловко — точно не первый год сражались в одном отряде и отлично знали возможности друг друга. Демон бесновался, вертелся, верещал, но сопротивляться попросту не мог.

Рывок... Ещё рывок... Зрением, обострившимся в ходе боя, я уже видел «звезду» — слабо пульсирующее туманное облако ровно на том месте, где А'Кариэлл порезал руку. Последний раз выкинул вперёд запястье, отдавая артефакту приказ — и... ничего не произошло.

Совсем.

Свет и Тьма!...

— Кэр!... — в отчаянии заорал я, отказываясь верить в то, что возможность выжить, дразняще помахав хвостом, канула в неизвестной дали.

И, лишь услышав вместо свиста воздушных чар отборную эльфийскую ругань, понял, что следующий ход — за демоном.

А заодно и выигрыш в партии.

... Откуда она взялась — я сразу не сообразил.

Но, когда демон, захлёбывающийся от ярости и бешенства, попёр на меня, смеха ради выставившего перед собой меч, между ним и мною змеиным движением скользнула молоденькая орка.

Она не колдовала, не била оружием и артефактами. Лишь повелительно вскинула ладони вверх — и тварь замерла. А потом, точно собака, поджавшая хвост, покорно поползла обратно к воронке «звезды», осмеливаясь лишь недовольно поскуливать.

Мы с эльфом глядели во все глаза, как исчезает обратно в Межмирье наша смерть, так просто отказавшаяся от нас.

А неожиданная спасительница меж тем резко развернулась, забавно подперев руками худенькие бока.

— Как дети малые! — зазвенел её сердитый голос в наступившей тишине. — Ни на миг нельзя оставить самих!... Думала, пройдутся, полюбуются Городом!... Первый раз здесь, как-никак!... А вы что творите, солдатня бесстыжая? Нет, им бы только мечами махать! Да чарами швыряться! Полгорода перебудили!... А вам что тут, мёдом намазано? Своих дел больше нет?!

Я ошеломлённо потряс головой, внезапно сообразив, что последние две реплики относятся уже не к нам. Поднял глаза — и оторопел: площадь, ещё пару мгновений назад пустовавшая, была полна людей...

Впрочем, нет — не людей. Орков... Гномов... Мужчин и женщин, юных и пожилых, неведомо когда успевших вдруг собраться вокруг нас. В их присутствии здесь неуловимо ощущалось что-то неправильное, ненастоящее... И я внезапно понял, что именно, когда вся эта толпа, словно спохватившись от сурового окрика спасшей нас девушки, принялась медленно отступать прочь, понемногу рассеиваясь коридорами вымерших улиц.

На самом деле они не были толпой. В толпе не могут не переговариваться, не обмениваться репликами, не ругаться и не шутить... Не толкаться, в конце-то концов. Они лишь стояли рядом — и только. Каждый в этой гуще народа был сам по себе, ни капли не интересуясь другими.

А ещё их ноги не касались земли. Точно так же, как и у нашей новой знакомой...

— *Daide te sabeie Rocca'lienqua*? — подал голос А'Кариэлл.

Девчонка, явно недовольная тем, что её перебили, одарила его красноречивым взглядом из-под насупленных бровей.

— Я знаю всё! — с вызовом отрубилла она.

— Не совсем так, — вот теперь я уловил, что губы девушки двигаются в такт произносимым ею словам, но не всегда точно «попадают» в звуки. — Халлоран транслирует нам мысленные образы. Мы сами толкуем их на том языке, который нам понятнее и ближе. Так ведь? — повернулся к призраку я.

Орка взглянула мне в глаза.

— Умный... — протянула она с непонятым выражением. — Знаком, выходит?

— Случалось, — ушёл я от прямого ответа.

Небольшой опыт общения с призраками у меня был — духи на беспокойных кладбищах частенько портили настроение Светлым Братьям, поскольку упорно не желали развоплощаться исключительно силой молитв... Однако вряд ли бы Халлоран это оценила.

Орка прищурилась. Затем — задумалась, совсем по-человечески прикусив губу.

— Что ж... Ладно, — пробормотала она, меняя тон. — Наделали вы тут шуму... Значит, так. Сейчас поднимемся ко мне. Передохнём и пообщаемся, пока все угомонятся... А потом я отведу вас туда, куда обещала.

Я не заметил, чтобы призраков так сильно взволновало наше «эффектное появление» — но здравый смысл подсказывал, что противоречить хозяйке положения не стоит.

— Но время... — заикнулся А'Кариэлл, чей здравый смысл, очевидно, молчал.

Я легонько дёрнул его за рукав.

— Успеем.

В любом случае, до конца ночи было ещё немало. Ладонь эльфа кровоточила, а артефакты были разряжены до дна. И дураку ясно, что без поддержки Халлоран мы не пройдём и десятка шагов. Значит — поступим так, как она предлагает.

Вначале лёгкий уклон приобрела дорога. Всё чаще ровное полотно улиц, раскатываясь вперёд, вдруг подпрыгивало вверх небольшими порожками или складывалось в неширокую гармошку ступеней.

Ступени разрастались в лестницы. Лестницы, раздаваясь в длину и вширь, перетекали в ярусы просторных террас, произрастающих друг из друга. И чем выше мы поднимались, следуя за Халлоран в самое сердце её Города, тем больше встречали строений, сохранившихся в относительном порядке.

В отличие от окраин, разрушенных почти до основания, здесь вовсе не было пусто. Призраки давно ушедших, в извечном своём стремлении подражать существующим во плоти, кропотливо поддерживали иллюзию жизни в помещениях дворцов и башен, святилищ и храмов, мусейонов и мастерских. Полупрозрачные фигуры медленно двигались вдоль поросших травой аллей некогда роскошных садов, мелькали около помпезных монументов на площадях, висели в воздухе у бортиков пересохших бассейнов. Возле приземистого, вытянутого в длину здания, напоминающего казарму, велось подобие призрачных «учений»: военачальник в богатом доспехе с важным видом парил взад-вперёд вдоль шеренги солдат, изображающих строевой порядок.

В режущем уши гробовом безмолвии всё это напоминало диковинную постановку немого театра, бессмысленную и пугающую собственной нелепостью... Поначалу было откровенно не по себе. Но чуть погодя мы, видимо, привыкли, потому что творящееся вокруг просто перестало притягивать взгляд.

Халлоран уверенно срезала путь по казарменному двору, направляясь ко входу в самый большой и, несомненно, главный из дворцов, выделяющийся особой пышностью и величием. Перед нами тут же выросли несколько его молчаливых стражей.

Я напрягся: хотя призрачные алебарды и щиты были не более чем иллюзией, ментальный удар вполне заменял духам силу человеческого оружия. Однако призраки вдруг расступились в мгновение ока — скользнули в стороны, словно послушные псы, до ушей которых донёлся строгий окрик хозяина.

Поведение стражей меня, в общем-то, не удивило. В здешней иерархии наша провожатая, некогда бывшая Видящей, должна была стоять не на самых последних ступеньках. Но следующими с нашего пути весьма поспешно, чтобы не сказать — перепуганно, ретировались двое роскошных вельмож: с ними мы едва не нос-к-носу столкнулись на верхней галерее...

А когда просторную залу, в которую нас завела Халлоран, беспрекословно освободили три призрачные женщины в головных уборах Видящих, прервав прямо на середине некий иллюзорный обряд — я призадумался, и крепко... Для юной девочки, жестоко покаранной набольшими Города за выдающийся обман, Эллору здесь чтили как-то уж слишком высоко.

— Располагайтесь, — бросила нам она.

— Где? — А'Кариэлл обвёл глазами десятки каменных скамей, неровными кругами расставленные вдоль стен.

— Где хотите, — фыркнула Халлоран. — Это один из Залов Совета. Но вы же не Видящие Племян, чтобы соблюдать старые глупые порядки.

— А ты? — я опустил на ближайшую скамью, чувствуя, как начинают противно тянуть мышцы в ногах — начинался знакомый «откат» после работы на пределе...

А'Кариэлл, помедлив, последовал моему примеру. Борьба с демоном явно стоила ему не меньше, хотя он и старался не выдать этого изо всех сил.

— Что — я? — прищурилась орка.

— Тоже их не соблюдаешь?

— Я, — Халлоран презрительно тряхнула косичками, — коль уж на то пошло, одна из самых злостных их нарушительниц... Только не говорите, что вам ничего обо мне не рассказали прежде, чем отпустить сюда!

— Рассказали, — кивнул я.

— Вот и прекрасно!...

Орка повернулась к подобию алтаря или трибуны, одиноко застывшему посреди зала. На наших глазах в каменном монолите вдруг проявилось длинное отверстие в локоть величиной, из которого медленно показалась на свет запылённая бутылка в оплётке.

— Где-то здесь были... Ага! Вот они!... — повинувшись мысленной воле Халлоран, откуда-то из невидимой стенной ниши появились три прозрачных кубка.

Я внимательно проследил, как они, подрагивая в воздухе, подлетают к свободной каменной скамейке и опускаются вниз.

— Лови! — бутылка резво, но аккуратно скользнула мне в руки. — Разливать вино должен мужчина. Эту традицию я нарушать не люблю...

Я с усилием сорвал глиняную печать, освободил горлышко от истлевшего холста. По очереди наполнил бокалы тёмно-красной, почти чёрной жидкостью, густой, словно каменное масло.

— Что ж, — призрачная орка сделала движение рукой, заставляя один из бокалов

подняться вверх. — За знакомство?...

Я задумчиво встретил её прищуренный взгляд. Поднял второй кубок. Запах вина совершенно не ощущался. Возможно, напиток успел выдохнуться под действием времени. А, быть может, это было и вовсе не вино...

Орка ждала, легонько «плеская» напиток в своём бокале.

Мы с А'Кариэллом одновременно поднесли кубки ко рту.

На вкус вино, или чем бы оно ни было, внезапно оказалось весьма достойным. Сладкое с едва уловимой горечью, в меру крепкое и очень ароматное — это раскрылось в тот момент, когда первая капля коснулась языка... Бокал опустел раньше, чем я успел понять, какой из знакомых мне напитков оно напоминает.

Халлоран наблюдала за нами с лёгкой усмешкой на губах.

— Не испугались, — нараспев произнесла она, и тут же с любопытством спросила — А почему?

Я помедлил с ответом, и первым молчание нарушил эльф.

— Если бы ты желала нам зла, то просто предоставила бы демону завершить то, что он начал. Кроме того, вар'рен уверяли, что ты дала слово помочь...

— Принимается.

Орка невозмутимо кивнула, поворачиваясь ко мне.

— Ты тоже веришь обещаниям призраков?

— Не совсем. — я осторожно поставил на скамейку пустой бокал. — Но ведь ты и не обычный призрак, Халлоран.

— Не обычный, — спокойно подтвердила орка.

Я заметил, как нахмурился эльф, явно «теряющий» ситуацию. Не сказать, чтобы я тоже в должной мере ею владел... Почва, на которую я ступил, была весьма зыбкой. Может быть, и не стоило действовать так откровенно — однако отступать было уже поздно.

— Как ты понял? — во взгляде Халлоран промелькнул интерес.

— Начну с конца. Ты левитируешь предметы, — я кивком указал на кубок, всё ещё висящий в воздухе у её ладони. — Простые призраки не обладают подобной способностью.

— Есть такое, — орка медленно кивнула.

— Ты имеешь определённую власть над духами тех, кто при жизни по положению в обществе и магической силе стоял выше тебя. Они позволяют тебе многое, поскольку... боятся?

— Так, — подтвердила Халлоран, не сводя с меня глаз.

— И тебе подчинился демон. Демон низшего уровня, преследующий намеченную жертву, даже не заметил бы обычного призрака на своём пути... Меж тем ты приказала ему убраться, откуда явился — и он послушал тебя, мгновенно и беспрекословно. Как послушал бы только... одного из своих создателей. Демона высшей касты. Способного иногда по неясным причинам вступать с некоторыми духами в симбиоз...

Вытянувшееся лицо А'Кариэлла было красноречивее всяких слов.

Орка же несколько раз ударила ладонью о ладонь. Выразительно, но совершенно беззвучно.

— Bravo, парень! Выходит, ты поверил демону, а не призраку?

— Да, — откровенным следовало быть до конца. — Призраки могут хитрить. Лукавить, не говорить всей правды. Но Истинный Демон, по доброй воле пошедший на контакт и давший слово, не нарушит его никогда.

— Так, конечно же, говорится в ваших мудрых книгах... — высокий девичий голос вдруг неуволимо изменился, зазвучал хрипло и глубоко. — И это правда, — я слегка расслабил напряжённые плечи. — Да только не вся... Это сработало бы, повстречай ты её живую. Тогда, когда она уже стала Одержимой мною, пообещав мне собственное посмертие в обмен на исполнение своей мечты... Но сейчас, когда её душа и так целиком в моей власти, мне нет нужды сливаться с её разумом и волей постоянно. Мне интереснее она сама, Эллора-Халлоран, и чаще всего я даю ей определённую свободу. Умолкаю, когда говорит она, и не вмешиваюсь в её отношения с потомками из Степи, к которым её так неумолимо тянет... Так что, разумник, свою помощь обещала вам она — но не я.

Должно быть, теперь я изменился в лице. Во всяком случае, слов в ответ долго не находилось... Призрак же сполна наслаждался моим замешательством, казалось, получая от этого непередаваемое удовольствие.

— Тогда почему мы остались живы? — наконец проглотил комок в горле я.

Губы призрачной орки разошлись в ехидной усмешке:

— Потому что прав оказался не ты, а твой друг.

Мы с остроухим, не сдержавшись, слаженно хмыкнули, невзирая на всю напряжённость ситуации, чем снова-таки изрядно позабавили Халлоран.

— Ну, или недруг. Или кто он тебе там ещё... — в её голосе вновь прорезались привычные интонации. — Суть в том, что я дала слово — и я держу его. Можешь снять повязку, — кивнула она А'Кариэллу. — Кровь уже не идёт. Будешь, как новенький — Нектар Благодати я на кого попало не перевожу...

Под обмотками на руке эльфа действительно не осталось ни царапины. Более того — куда то незаметно делась усталость, сковывавшая движения, и боль перенапряжённых мышц... Наблюдая за нами, Халлоран удовлетворённо кивнула.

— Сил дойти до Некрополя вам теперь наверняка хватит — если снова не натворите глупостей по дороге. Пусть я и не вполне Помнящая, но кое-что предвижу. Вам действительно нужен металл, упавший с небес. И я вам его дам.

Вход в Некрополь — подземную часть Города, где древние орки и гномы хоронили своих мёртвых — начинался прямо из дворцовых подвалов. Прихватив по совету Халлоран с собой пару факелов из настенных креплений, которые, как ни странно, без труда удалось зажечь, мы прошли большие решётчатые ворота, запирающий механизм которых давно рассыпался в прах, и начали осторожный спуск в лабиринты нижнего уровня.

Вейгееран коротко назвал Некрополь «более опасным, чем Город наверху». Наверняка он не рассчитывал, что наш путь поведёт именно туда. Что и говорить... Окажись мы таинственным образом в этом месте без нашей призрачной провожатой — сложили бы головы, ещё не успев потерять решётку из виду.

Халлоран вела нас одной ей ведомой дорогой, указывая путь в чередё просторных склепов, подземных залов и многоярусных галерей. Она привлекала наше внимание к хитроумным ловушкам — замаскированным под фальшивые могильные плиты, сокрытым в стенах, внезапно срывающимся с потолка и раскрывающимся в полу... Время от времени она велела нам оставаться на месте и ненадолго исчезала из виду где-нибудь впереди. Судя по звукам, доносившимся до наших ушей, нечто, боги весть как давно обосновавшееся на древнем кладбище, покидало свои убежища с большой неохотой, но противиться Халлоран не могло. К счастью, здесь её тоже опасались и уважали.

Я даже затруднялся представить, насколько силён должен был быть Истинный Демон,

властвующий над ней... И ни на миг не забывал о том, что как раз-таки он ничего нам не обещал. Впрочем, пока, из какой-то неведомой прихоти, он явно потакал духу, решившему нам помочь — и это было нам только на руку. До сего момента наши с эльфом мечи, к счастью, так и не покинули ножен.

Неизвестно, как долго мы шли... Чувство времени потерялось там, где в высоком ночном небе светили звёзды, веял ветер и под ногами росла трава. За спиной оставались богатые саркофаги, напоминающие дворцы. Сменяли одна другую подземные «улицы», бегущие вдоль ниш, кое-как выбитых в каменных стенах — в них, обмотанные холстинами, плотными рядами лежали тела бедняков...

В огромной пещере с высокими потолками, стены которой терялись где-то в невидимой тёмной дали за хаотическими на первый взгляд нагромождениями плит и гробниц, Халлоран велела нам остановиться.

— Почти на месте, — объявила она. — Это — мой ярус...

— Твоих современников? — осторожно уточнил я.

— Да, — орка горько хмыкнула. — Моего тела не осталось — сожгли и развеяли прах... Теперь же волею судеб я стерегу их последние пристанища, общаюсь с их далёкими потомками, когда их собственные имена давно уже стёрлись даже с могильных камней...

Орка внимательно огляделась по сторонам.

— Впрочем, привела я вас сюда потому, что хочу сделать подарок. Каждому, лично. Имею полное право. Вещи эти были созданы мной, или по моим идеям, а потом присвоены теми, кто покоится здесь...

— Это... честь для нас, — я прочистил горло. — Но почему?

— Хочу, чтобы они попали в хорошие руки. А вы нравитесь мне, — без обиняков заявила орка. — Однако дело не только в этом. Совсем скоро настанет момент... — взгляд её внимательно прошёлся по нашим лицам, — когда в ладони каждого из вас окажутся Весы Судьбы. Так вот, я подарю вам гири, способные добиться перевеса одной из чаш. Какой — это уж решать вам...

Весы Судьбы, гири, чаши... Я хмуро переглянулся с А'Кариэллом. Попахивало очередным чародейством, смысл которого от нас ускользал.

— Прости, но... ты не можешь выразаться яснее? — сдвинул брови эльф.

— Могла бы — выразилась, — отрезала Халлоран. — Я вижу именно то, о чём говорю. О том и предупреждаю. Растолковывать будете сами — если, впрочем, не побрезгуете покопаться в груди старых костей...

— Не побрезгуем. — видят боги, бывали в моей жизни вещи куда неприятнее — а предвидением, как бы я к этому не относился, ни в коем случае не следовало пренебрегать. — Что нужно сделать?

— Осмотрись вокруг, — пояснила орка. — Только недолго... Выбери ту гробницу, на которой по какой-то причине остановится твой взгляд. Сдвинь крышку саркофага, а дальше... разберёшься.

Чародеи... И шага не сделают без загадочных слов и вычурных ритуалов.

Я вздохнул, однако послушно повёл вокруг глазами.

Потёртая плита неподалёку привлекла моё внимание исключительно потому, что казалась не такой громадной и массивной, как остальные. Коль уж предстояло что-то сдвигать, то поневоле хотелось меньше морочить голову... Я не был вполне уверен, что критерий выбора оказался подходящим, но Халлоран одобрительно кивнула, и я с некоторой

опаской упёрся руками в торец плиты. Тяжёлая крышка на удивление легко поехала вбок, открывая недра гробницы...

Сбоку тоже послышался скрип и скрежет. А'Кариэлл, похоже, решил задачу ещё проще — камень, который он выбрал, находился как раз перед ним.

Не знаю, что довелось увидеть эльфу. Передо мною же на гранитном ложе, выстеленном алым полотнищем, на удивление хорошо сохранившим свой цвет, вечным сном почивал гномий воин — широкоплечий и коренастый представитель своего народа, мало изменившегося с древности. К концу жизни он, должно быть, достиг богатства и славы: роскошный доспех, в котором покойного положили в гроб, по-видимому, ни разу не был в бою — как и меч, щедро украшенный драгоценными камнями.

Камнями сверкало всё: перстни на иссохших пальцах и браслеты, обвивающие массивные кости запястий, богатые нагрудник и пояс, перевязь для меча и ножей, налобник рогатого шлема...

Однако вовсе не изобилие драгоценностей привлекло меня. На шее гнома, на простенькой цепочке я с удивлением заметил тонкий ритуальный стилет. В точности такой же, только изготовленный из агмарилла, в обязательном порядке был на вооружении каждого Брата Церкви и Ордена. У Светлых он прозывался «жрецом». У нас же носил мрачное имя «палача»...

— Протяни руку и возьми! — голос Халлоран проник в мои мысли как будто издалека.

Значит, стилет... Я осторожно коснулся знакомой рукояти, гадая, как аккуратно высвободить его, не потревожив покой мертвеца. Но подвеска в тот же миг послушно оказалась в моей ладони — как будто просто лежала поверх кованого доспеха, дожидаясь, пока её подберут.

Прежде чем вернуть крышку на место, я, поколебавшись, накинул цепочку на шею. Стилет привычно скользнул на грудь, и я едва подавил желание спрятать его за ворот куртки, как делал всегда. Поднял глаза на А'Кариэлла — и увидел на раскрытой ладони эльфа его «подарок». Это было кольцо-печатка, неброское и совсем аскетичное на вид — на первый взгляд, слишком массивное для того, чтобы удобно держаться на длинном эльфийском пальце.

— Ты выбрал Искру Жизни, — констатировала Халлоран. — Надень её и носи, не снимая. Если сумеешь в нужный миг переступить через себя... Если забудешь о гордыне, боли, ненависти... Если решишься, когда пробьёт час, вдохнуть её в того, чья смерть могла бы стать твоим утешением и залечила бы душевные раны — ты победишь Судьбу...

— Что я должен с ним сделать? — А'Кариэлл в растерянности повернул на пальце кольцо.

Однако Халлоран уже смотрела на меня.

— Воистину, — проговорила она, — даже выбирая вслепую, вы предпочли оказаться как можно дальше друг от друга...

— Что ты имеешь в виду? — спросил я, смутно предчувствуя тревогу.

— Твой дар вручила тебе Смерть. — орка медленно провела призрачной ладонью вдоль кромки тонкого лезвия. — Это Ловец Душ. Необходимый инструмент магического дознания...

— Знаю! — не выдержал я.

Палаческие ритуалы зародились ещё в начале времён, когда Мир только познавал магию. И не было народа, в той или иной мере не знакомого с ними... Для Меча Тьмы он

был обыденной вещью, словно нательная Звезда — для богобоязненного простолюдина. Носили его больше для порядка — но я отчётливо помнил те несколько раз, когда пришлось пускать «палача» в дело. Помнил так, как будто это было вчера. Хотя, если бы только мог, предпочёл бы забыть...

Тень Безымянного!... Для чего мне стилет? Привычка?...

— Держи его у своего сердца! Никогда не оставляй!... — велела орка. — Тебя ждёт нелёгкий путь... Именно твоей руке в своё время суждено будет нанести смертельный удар — тому, за чью жизнь ты, не задумываясь, отдал бы свою...

— Что?!

— И, если выдержишь то, что выпадет, не отступишься и не дрогнешь — ты победишь Судьбу, — заключила она, отворачиваясь.

Что она несёт?!

Победить Судьбу, убив того, кто... Убив?!

— Прощу тебя! — в отчаянии выдохнул я. — Поясни...

— Ловец у тебя в руках, — произнесла орка. — Ты всё поймёшь сам... Когда настанет час.

— Проклятье!... - я дёрнул с шеи цепочку. — Я не стану...

— Тогда проиграешь Судьбе! — припечатала Халлоран. — Встав на развилке, ты волен выбрать любой из путей... Но, если сейчас откажешься от дара — лишишь себя даже шанса понять, отчего тебе достался именно он и как он может помочь...

Демоны!...

Что ж, она права, но лишь в одном... Пусть проклятый стилет остаётся — кто знает, возможно, провидица всего лишь прочла открывшиеся ей знаки неверно...

Но никто и ничто на свете не заставит меня делать выбор против своей воли!

— Угомонился? — Халлоран подняла на меня глаза.

— Ты обещала нам металл, упавший с неба... — угрюмо напомнил я. Возможно, весьма бестактно — однако продолжать затронутую тему не желал.

— Обещала...

Орка хмыкнула, смерив меня проницательным взглядом. Но раньше, чем я успел взорваться и, наплевав на всё, высказать «провидице» своё отношение к расплывчатым пророчествам и непрошенным подаркам, широким взмахом руки указала на высокий каменный «дворец».

— Подойдите к воротам. И хорошенько ударьте по камню, заслоняющему вход.

— Ударить чем?

— Колотушкой. — приглядевшись, мы увидели рядом с валуном у самых створок некое подобие массивного молотка.

Сложно было предположить, как именно этот странный способ поможет открыть запечатанный проход, однако я уже перестал чему-либо удивляться.

А'Кариэлл первым поднял молоток и с размаху опустил его на каменную глыбу.

Что-то где-то неясно скрипнуло, дрогнуло под ногами — но дверь осталась закрытой.

— Дай-ка я!...

Я перехватил у эльфа молот. Примерился... Размахнулся...

С глухим стоном земля внезапно ушла из-под ног. Наш крик утонул в жутком грохоте осыпающегося камня. Мы с А'Кариэллом, потеряв равновесие, рухнули в разверзшееся жерло пропасти вместе с обломками пола и тучами вековой пыли.

Удар...

От боли потемнело в глазах. Но способность видеть почти сразу же начала возвращаться... Я осознал, что ничком лежу на твёрдой поверхности в грудё обломков, а в паре сажёней над головой зияет внушительных размеров дырища.

До ушей донёлся сдавленный кашель и хрипящая брань эльфа. Я повернул голову и увидел его в паре шагов от меня, песочно-жёлтого из-за пыльной завесы.

— Халлоран!!! — заорал я.

— Здесь я... — призрак, как ни в чём не бывало, легонько спорхнул к нам сверху. — М-да... Механизм старьёй, давно пришёл в негодность. Но, всё же, ему уже лет и лет...

— Демоны! Мы же чуть не...

— «Чуть»... — возможно, мне показалось, но в «голосе» орки мелькнула виноватая нотка. — Мне жаль. Но по-другому в этот зал было не попасть.

— Зачем нам... — начал я — и осёкся.

Пыль понемногу осела, а глаза привыкли к темноте.

А'Кариэлл проглотил окончание последнего ругательства и затих.

Потайной зал под гробницей, в котором мы очутились, напоминал широкий квадратный погреб со стороной не меньше двух дюжин шагов... В середине он был пуст — ни единой могилы или плиты. Но со всех сторон нас с эльфом окружало оружие, плотными рядами составленное и сложенное у стен.

Шеренги мечей. Груды щитов. Колчаны стрел. Охалки копий и пик...

Тусклому потоку света, льющемуся из пролома, лезвия, наконечники и острия слаженно отвечали знакомым пепельно-серым отливом.

Металл, упавший с небес, встретил нас глубоко под землёй.

Глава 9

Свет Забытой звезды

Шаэриэнн

И снова настала пора уезжать.

Тепло простился с нами Оро'чан, оставшись в памяти немногословным напутствием Креддока и благословением Видящей, прощальными жестами воинов, робкой улыбкой Ин'ке и взмахами ладоней черноколых девушек — всех тех, с кем сблизили нас проведённые вместе дни.

Шагающий Город, точно неусыпный страж, остался беречь доверенную ему границу, не пропускающую орды нежити в земли живых. А наш путь теперь лежал через самое сердце этих земель — равнину, почитаемую народом вар'рен Великой.

Серебристо-серые волки мчали нас на собственных спинах по застывшим волнам холмов из растрескавшегося камня, вдоль заросших цветами берегов узких извилистых рек, сквозь непрестанно колышущееся море блестящей под солнцем травы... Степь казалась вольной, своенравной и дикой — словно табуны лошадей или стада мохнатых бычков, то и дело мелькающие на горизонте в облаках пыли. Однако стойбища кочующих оркских племён, которые несколько раз нам доводилось миновать, на удивление естественно вписывались в эту картину, ничем не нарушая её первобытной гармонии и чистоты...

Мы ехали на полдень — туда, где в уютной долине, полого спускающейся на равнину с горной гряды, расположился Крайт, небольшой городок гномов-наземников. Так решил Тобин Стальная Рука: Крайт, отстроенный на руинах поселения древних, славился своей кузницей, в работе которой мастерам удалось воссоздать несколько важных старинных секретов... Наши удивительные мечи должны были появиться на свет именно там.

Альтар и А'Kariaell вернулись с неожиданным триумфом. Даже опытные воины вар'рен, бывавшие в Городе Мёртвых не один раз, были поражены до глубины души. Чем им удалось так пригнуться призраку, сопровождавшему их, осталось секретом — однако они принесли с собой столько оружия и частей доспехов из нодабарра, сколько вдвоём смогли удержать в руках. Нет нужды говорить, что Яростное Сердце, одолженное у каменного Идола, было отковано заново и вернулось к нему в грудь, а орки, пожертвовавшие нам последние крохи звёздного металла из своих запасов, получили компенсацию с лихвой. Нодабарра, оставшегося у нас, в самый раз должно было хватить на полный комплект оружия для каждого. Походная кузница Оро'чана не годилась для такого объёма работы, и Тобин, не медля, дал команду отправляться в путь.

Крайт принял нас охотно и дружелюбно. Старший из наших гномов был хорошо знаком с местной верхушкой: Мастером Мастеров, по примеру подземных братьев управляющим жизнью городка, а также главами горной, кузнечной и купеческой гильдий. Знали здесь и Дзуликих из Леса-С-Источником: к стражам границы все относились уважительно и тепло.

— Кузню и нашу помощь в ваше распоряжение предоставим, — веско заявил Градан, городской голова, пока его домочадцы споро собирали на стол. — А затем куда?

— Куда?... — Стальная Рука задумчиво провёл ладонью по окладистой бороде. — Да

кто куда, Грэд... Портал ваш ещё работает?

— Что с ним станется... — горделиво крикнул хозяин. — Сам лично контроль держу. Да только ж, ты помнишь — в Ларге умельцы хотя и грозились, а так и не сподобились свой восстановить. Так что от нас Вратами можно только в Горн. И то — не более четырёх душ за седмицу — у тех иначе не принимает...

— Как раз сойдёт, — кивнул Тобин. — Четверо и пойдут. Главное — им на ту сторону от гор перебраться. А Горн от вас как раз через гряду стоит.

— Полуденнее, — хмыкнул Градан. — К эльфам ближе.

— Так даже лучше.

— А остальные? У нас погостюете? Передохнёте, отоспитесь, воды нашей целебной попьёте... — хозяин лукаво сощурил глаз.

— И рады бы, друг — да дела не позволяют. — Тобин с грустью развёл руками. — Задержимся, покуда поковка не будет готова. А после с внуком и чародеем спустимся на Глубинку да навестим в Митроге своих... Совсем, глядишь, распустились без умелой-то руки... Натворили дел, заразы — пока бишь теперь разгребёшь...

— Внучок у тебя хорош... — протянул Градан, окинув цепким взглядом деликатно помалкивающего Торгрена. — Никак, преемничек тебе намечается?

— Там видно будет, — хмыкнул Стальная Рука, слишком уж равнодушно. — Коль удержит Поющий Молот в руках — стало быть, так тому и быть.

— Ну что ж, — голова Крайта поднял с богатого стола кубок с янтарным элем. — Тогда — за внука твоего! Да за дружков его отчаянных, — он подмигнул нам через стол, дожидаясь, пока поддержим тост, — за их удачу! Ну, и за поковку нашу — видит свет, необычную! Сколь живу, а с таким металлом не доводилось ещё работать!... Горный Кузнец мне свидетель — сам к наковальне встану, да ещё сыновей возьму! Славная, говорю, будет наука!...

— Правда твоя, — Тобин, как и все мы, с удовольствием отхлебнул прохладного терпкого напитка. — А в помощь к сыновьям твоим внук мой и эти вот молодцы встанут, — он по очереди указал на Альтара, затем — на сидящего рядом со мною Стража.

— Что мечники, вижу, — заметил хозяин дома и поинтересовался: — А они хоть когда молот кузнечный в руках держали?

— Не доводилось пока, — спокойно ответил старший гном.

— Тогда к чему они? — нахмурился Градан. — Что у нас, своих кузнецов не хватит? Каждому — своё! Пускай потом поковку готовую в сражениях испытывают...

Тобин покачал головой.

— Нет, Грэд. Я хочу в точности так, как встарь ковалось... Чтобы меч, рождаясь, ту руку чувствовал, которой после суждено будет держать его в бою... Человечью, стало быть. Эльфью. Ну, и нашу вот... Как раньше заведено было.

— Как раньше... — задумчиво протянул кузнец. — Эх, Тобин-Тобин... Хочешь соблюсти всё до мелочей? Чтобы результат был даже лучше, чем безупречный?

— Именно, — степенно кивнул Стальная Рука. — Лучше, чем безупречный. Верно ты говоришь...

— Дхайне! — громыкнул Градан. — Ты себе не представляешь, как я рад, что под ударами моего молота родится меч, которого ещё не знал Мир! Не сомневайтесь, — вдохновенно заверил он нас. — Это будет лучшая поковка, когда-либо вышедшая из-под рук Горных Мастеров!...

Кузница в Крайте была гордостью города. Просторные строения цехов, объединённые наземными и надземными переходами, высились прямо перед главной площадью, беззастенчиво оттеснив вбок скромное здание ратуши и замысловатую, но совсем крошечную магическую башню. День и ночь гулкой стук молотов и кувалд дополняло размеренное буханье огромных кузнечных прессов, приводимых в движение сложными механизмами.

Вытянутая двухъярусная постройка под крышей из яркой черепицы, прямо через площадь от кузницы, оказалось гостевым домом. Я ужаснулась, когда узнала, что нас разместили именно там, предоставив каждому по большой свободной комнате на втором этаже... Впрочем, гномья изобретательность, как оказалось, проявила себя и здесь. Толстые оконные стёкла, очевидно, были изготовлены из какого-то хитроумного состава: в помещениях было очень тепло и светло, но при этом с улицы до ушей не доносилось ни единого звука.

На отдых нам определили полдня. Я с удовольствием провела их, нежась на мягкой перине поверх широкой деревянной кровати — как же иногда могут порадовать обыкновенные бытовые удобства!... Кажется, даже удалось подремать: во всяком случае, к тому времени, когда мы собрались на поздний обед, я чувствовала себя бодрой и изрядно посвежевшей.

А после обеда нас ждала работа. Вернее, только троих из нас... Мы с Тирой и Антонис могли бы поднять кузнечный молот, разве что ухватившись за него все разом — и то с немалым трудом. Оказавшись в этом деле совершенно бесполезными, тем не менее, мы всё равно напросились в кузницу — наблюдать...

... Воздух пышет сухим, раскалённым жаром, который напрочь отказываются принимать в себя лёгкие. Первые несколько вздохов даются с невероятным трудом.

Полумрак расцвечен жерлами огромных угольных печей, в которых греется и плавится металл.

Уши закладывает от пронзительных ударов молотов по наковальням, хриплого свиста кузнечных мехов, яростного шипения остывающих в корытах с водой заготовок...

Движения подмастерий тщательно отточены — короткие, резкие приказы кузнецов выполняются моментально. Всё очень, очень быстро — настолько, что порой неискушённый взгляд не успевает уследить за слаженной последовательностью действий. И никакой суеты... Чётко, скупое, выверено до мельчайших деталей.

Мгновение... Другое... Десятинка.

Становится немного легче. Грохочущая какофония в голове понемногу расплетается на отдельные звуки. Жара вокруг уже не иссушивает дотла, а глаза привыкают к чёрно-красным тонам и пляскам теней в огненных и металлических отблесках...

Я вижу Торгина. Наш ворчливый гном на этот раз собран и непривычно серьёзен... Кувалда ловко выплывает в его руках, раз за разом сминая и расплющивая металл. Двое помощников, с клещами и мехом, уже начеку — Тору даже не приходится раскрывать рот. Мимолётный взгляд в их сторону — и остывающая деталь снова отправляется в печь для того, чтобы дать мастеру крошечную передышку... Но уже через пару мгновений молот опять взмывает вверх, продолжая медленное превращение бесформенной крицы в клинок, лучший на свете...

Постепенно глаза находят и моего Стража. А'Kariaell в кузнечном фартуке из сыромятной кожи занят у наковальни вместе с рыжебородым Граданом. Мощный, дюжий

Крайтовский голова и Страж, высокий и худощавый, смотрятся рядом весьма странными напарниками... Однако даже отсюда, издали, хорошо видно, чтоковка у них получается ладно. Я замечаю, как гномий мастер одобрительно кивает головой, когда Каг в очередной раз старательно исполняет его указание. Местами он ловким, стремительным движением поправляет неминуемые ошибки — но в целом доволен, и это здорово... На плечах Стража не только его собственные клинок и нож, но ещё и моя неразлучная пара, в сотворении которой по утверждению Тобина непременно должна принять участие «эльфийская ладонь»...

Сам же Стальная Рука заполучил себе в помощники Альтара. И не прогадал... Обнажённый до пояса, с тяжёлой кувалдой в руках Альтар внушал уважение даже умельцам-гномам. Глядя на их слаженную работу с Мастером Мастеров, невозможно было поверить, что кузнечное дело — вовсе не то, чему он с юности посвятил свою жизнь.

В образе молотобойца Альтар был настолько потрясающе совершенен, что я с изумлением ощутила давно забытое желание подхватить угольный грифель и белоснежный лист — и рисовать, рисовать, перенося на бумагу все до единой, самой мельчайшей черты.

Лёгкими, нервными штрихами я передала бы внимательную сосредоточенность на его лице... Суровый излом бровей... Упрямо сжатые губы...

Тщательно выделила бы чёрным узкую повязку, которой он походя перехватил себе волосы, чтобы буйная грива не лезла в глаза...

Переплетая плавные и резкие линии, отобразила бы широкий разворот плеч... Играя с тенями, показала бы, как литые мускулы перекатываются под блестящей от пота кожей... Из всех сил постаралась бы поймать мгновение, когда огромный молот, не торопясь, уходит в замах — а затем стремительно падает вниз, всякий раз заставляя пропустить удар сердца...

Альтар оставался в кузнице дольше всех — он помогал ковать заготовки оружия для себя, Тонио и Тиры.

Всё это время я не могла отвести от него глаз, безмолвно дополняя деталями несуществующий рисунок. Лишь когда рухнул в воду, исторгая клубы пара, последний прокованный кусок стали, наваждение отступило прочь, выпустив меня из своих цепких объятий...

... Альтар устало выдохнул. Медленно отёр лоб тыльной стороной ладони. Поискал, куда можно поставить молот, отработавший своё. И, прислонив его к наковальне, внезапно в упор взглянул на меня.

Какая-то реплика Тиры над моим ухом... Толпа рабочих в кузнице... Разделяющая нас пара дюжин шагов... Всё это в одно мгновение перестало иметь значение. Мои мысли и чувства беззастенчиво предавали меня, с готовностью откликаясь на этот взгляд.

Я смешалась, сопротивляясь сама себе из последних сил. Ещё миг... Миг — и удивление в поймавших и не отпускающих меня чёрных глазах сменит понимание...

А потом — сожаление и вина.

Нет!...

Его брови скользнули вверх, когда я резко — наверняка, даже излишне резко отвернулась, чувствуя, что пламенеют даже самые кончики ушей.

Ночь свидетель, как же мне было стыдно — торопливо уйти, почти убежать, покинув кузницу так, словно не стальную поковку, а меня только что швырнули в раскалённый горн, а затем окатили ледяной водой...

Я сгорала от стыда и бессильной ярости, злилась на себя до безумия — но это было

сильнее.

Вина за моё глупое поведение терзала меня весь вечер, который я провела, малодушно скрываясь в выделенной мне комнате от посторонних глаз. Опомнилась, когда за окном уже вовсю сияли звёзды и магический шар под потолком, так и не дождавшись внятного приказа, робко затеплил в комнате неяркий свет. Внизу на площади шли какие-то гуляния, но мне было не до них.

Вышло по-дурацки. Совершенно нелепо и несуразно. Альтар ничего не понял и, скорее всего, обиделся — имел полное право. А вот мне перекладывать бремя собственных надуманных проблем на чужие плечи никто разрешения не давал...

В конце концов, я извелась до предела.

До такой степени, что собралась с духом — и с решительностью, потрясшей меня саму, оставила кресло у окна и вышла в коридор.

Дверь хлопнула позади — негромко, но внятно отсекая мне путь к отступлению.

Будь что будет... Но я пойду к Альтару — прямо сейчас пойду — и, как минимум, извинюсь за собственные странности. А потом применю весь свой талант убеждения и лицедейства, чтобы он мог поверить мне, что совершенно здесь ни при чём...

Я глубоко вдохнула и выдохнула, настраиваясь на то, что собиралась делать и говорить. И, пока моя решимость мне не изменила, заторопилась вперёд, вспоминая, где именно находятся отведённые Карателю покои.

Дверь в комнату Альтара была первой в следующем крыле. Я уже почти добралась до угла длинного коридора, устланного коврами, когда мне почудилось, что в гулкой тишине под каменными сводами слышны не только мои шаги.

Что-то заставило меня в последний миг остановиться у поворота и без движения замереть в тени...

Тира Рожерия лёгким стремительным шагом шла по коридору с другой стороны. В одной руке принцесса держала два тонких бокала. В другой несла бутылку вина.

Остановившись у знакомой мне двери, принцесса, перехватив бутылку подмышку, прислушалась.

Я затаила дыхание. Нас разделяло не больше полудюжины шагов.

Тира меня не заметила.

Костяшки изящных пальцев легонько стукнули по окованному дереву. Ждать долго не пришлось. Дверь скрипнула, отворяясь и пропуская в коридор поток яркого света.

— Привет, — тепло улыбнулась Тира, проскальзывая внутрь...

Скрип тяжёлой створки за её спиной показался мне самым пронзительным и беспощадным звуком на свете.

Свет померк, и всё вокруг снова охватил мрак.

Альтар

Одни Боги знают, как гномам это удаётся...

Отработав в кузнице, почитай, целый день, после ужина они как ни в чём не бывало отправились на площадь — нынче вечером отмечался какой-то из местных праздников, которым, как я понял, здесь не было числа.

Я же провёл у наковальни всего несколько ор у мастера Тобиана на подхвате. Сперва

молот не показался мне чрезмерно тяжёлым — однако сейчас мышцы ныли так, словно три дня напролёт пришлось упражняться с двуручником.

Я поморщился — некстати нахлынули воспоминания о первом году обучения в Орденской школе... Тогда многие из нас, воображавшие, что хорошо тренированы и сильны, вмиг расстались со своими иллюзиями, на собственных шкурах ощутив, какой бывает настоящая серьёзная муштра.

Что ж — закономерно, подумал я, склоняясь над полной воды бадьёй. Это другой мир... Быть может, я и достиг чего-то как воин, но в кузнице мне легко дадут фору даже те из подмастерий, которые ещё не сбрили своей первой бороды... Именно поэтому теперь они будут балагурить, веселиться и пить на площади эль — а я растянусь на постели и забудусь в блаженной дремоте до утра.

Впрочем, не думаю, что буду очень уж жалеть о том, что пропущу праздник...

Плескался я долго, с удовольствием, смывая с кожи копоть и пот, фыркая похлеще Рио, когда вода попадала в нос. И когда уже обтирал торс широким пёстрым полотенцем, услышал вдруг негромкий, едва уловимый стук в дверь.

Шаэриэнн?...

Почему-то я сразу уверился, что это она. Возможно, оттого, что ощущение какой-то недосказанности между нами всё росло и в равной степени тяготило её и меня.

Разум подсказывал, что в этот поздний час Шаэ, скорее всего, веселится на улице вместе со всеми, или же просто спокойно смотрит сны... Однако ноги уже несли меня в сторону двери.

Я распахнул её, поспешно заталкивая в самую глубину души неуместную эгоистичную радость — от того, что взгляд изумрудных глаз на сей раз будет предназначен только мне...

Но напоролся на небесно-голубой сполох из-под длинных ресниц.

— Привет, — улыбнулась принцесса, переступая порог.

— Тира?...

Я не особенно ловко посторонился, вовремя прикусив язык, с которого едва не слетело идиотское «Что случилось?»

Принцесса позволила двери хлопнуться за спиной и легонько склонила голову набок:

— Если скажу, что испугалась начинающейся грозы и не захотела оставаться в комнате одна — поверишь?

Я прочистил горло, по-прежнему недоумевая:

— Но ты же не боишься грозы...

— То-то и оно, — Тира усмехнулась, ещё более загадочно. — Не боюсь. Но оставаться одной мне действительно не хотелось.

Что-то мелодично звякнуло, опускаясь на крышку низкого столика.

— Я раздобыла бутылку хорошего вина, — сообщила принцесса, осторожно выставляя рядом бокалы. — В месте, где все пьют эль, это оказалось трудно, но вполне по силам. Составишь мне компанию?

Видимо, я опять безобразно промешкал... Спихватился, проклиная собственную неловкость, лишь когда Тира вновь подхватила бутылку и принялась бороться с пробкой самостоятельно.

— Демоны!... — видят Боги, хотелось отвесить себе затрещину... — Прости...

Я отобрал у неё бутылку, одним движением срывая печать. Разлил вино, стараясь сгладить нелепость ситуации. Однако Тира с истинно королевским тактом сделала вид, что

всё в абсолютном порядке.

— У нас... есть повод? — я подал один из бокалов ей, прилагая все силы, чтобы не вышло ещё глупее.

— А как же! — откликнулась принцесса, легонько коснувшись своим фужером моего.

Изящно отпила немного, жмурясь от удовольствия. Я последовал её примеру, хотя вкуса напитка почти не ощутил.

— Сегодня день появления на свет наших мечей, — ямочки на щеках принцессы добавили солнечного света её улыбке. — Думаю, выпить за новорожденных и пожелать им славной жизни — неплохая идея...

— Пожалуй... — хвала Братьям, ко мне, наконец, вернулась способность соображать. — Хотя, вообще-то, до их истинного рождения ещё далеко. Настоящей работой теперь займутся гномы.

— Гномы хороши, спору нет, — заявила принцесса, и вдруг лукаво подмигнула мне: — Но и ты у наковальни смотрелся очень эффектно!...

— Тира... — поморщился я. — Тот, кто сумел поднять кувалду — ещё не кузнец. Нам, неумехам, позволили лишь несколько раз плюхнуть молотом по бесформенным заготовкам. Вот Торгрин — другое дело... — я кивнул на пустой бокал, возвращая его на стол. — По справедливости, это вино следовало бы налить ему...

— Не отрицаю ни одной из заслуг Торгрина, — медленно произнесла принцесса, отставляя в сторону и свой фужер. — Но вино я желаю выпить с тобой. И остаться на ночь хочу у тебя. Если не прогонишь, конечно...

... Дар речи, едва вернувшись, на сей раз исчез без следа.

Тира шагнула ближе, скользнула прохладными ладонями по моей груди.

Дурацкое полосатое полотенце вдруг стиснуло горло удавкой, не дающей сделать вдох. Принцесса, словно почувствовав это, стянула его и отбросила прочь.

Она потянулась на цыпочки, поднимая ко мне лицо. Её глаза — удивительные глаза цвета летнего безоблачного неба — вдруг оказались совсем близко... Нежные пальчики легонько пробежались по моим плечам, шее, встрепали волосы на затылке. Манящие губы приоткрылись в ожидании поцелуя. От прикосновения упругой груди под тонкой тканью белоснежной рубашки бросило в жар...

Тело среагировало само, не дожидаясь, пока очнётся сознание. Волна желания нахлынула безудержным шквалом, лишая сил сопротивляться всепоглощающей жажде обладать...

Да... Демоны!... Да!

Властно притянуть к себе гибкий стан, накрыть губами пухлые, податливые губы, вжать своим телом в мягкий шёлк простыней на испуганно заскрипящей постели...

Тира улыбнулась, ещё сильнее прижимаясь ко мне.

— Нет...

— Но... — обескуражено выдохнула принцесса.

— Нет... — выдавил я, отстраняясь назад.

Очень бережно разомкнул объятия, задержав её руки в своих.

— Тира... Прости меня. Но... так быть не должно.

— Почему? — она на самом деле удивилась.

Демоны...

Тысячи мерзких, поганых, препаскуднейших демонов!...

Как выразить словами то, что не получается облечь даже в мысли?!

— Тира... — я с ужасом понимал, что несу отвратительные банальности. — Я благодарен всему святому, что есть в этом Мире за то, что мне выпало счастье обрести твою дружбу... Я не могу позволить себе... тебя потерять. Даже если теперь ты никогда не взглянешь в мою сторону.

Принцесса помолчала, не спеша, впрочем, высвободить ладони. Что оставляло мне жалкую надежду быть — хоть насколько это в принципе возможно — понятым правильно...

— Когда-нибудь в интересах Империи я выйду замуж, — наконец заговорила она. — Безусловно, это будет знатный, исключительно важный и влиятельный человек. Наиболее перспективный для роли принца-консорта при моей особе и отца будущего наследника... Сам понимаешь, о чувствах здесь речь не идёт.

Она легонько пожала плечами.

— Отец когда-то сказал, что любовь — это та роскошь, которую не может позволить себе монарх. Я запомнила. И потому с мужчинами, которых я когда-либо допускала в свою жизнь, меня связывала именно дружба. Обоюдная симпатия. И... влечение. Если нам может быть хорошо друг с другом, здесь и сейчас — так для чего усложнять?

— Всё не так просто... — через силу произнёс я.

— Но у тебя ведь были женщины...

— Были...

Случайное знакомство. Мгновение понимания... Слова не важны — лишь холодный блеск в глазах, привыкших видеть суть, а не иллюзии. Узнавших отражение себя...

Жаркая ночь, дарящая мимолётное удовольствие. Грубые, бесстыдные ласки... Стоны наслаждения, срывающиеся в крик... Яростная, почти звериная страсть — отчаянная попытка изобразить способность чувствовать... Попытка поверить и убедить обоих — но прежде всего себя — что нам дано то же, что и всем. Заведомо обречённая на неудачу...

Прохладное утро. Лёгкий кивок в дверях постоянного двора... роскошных комнат... стылой каморки. Последний взгляд перед тем, как дороги разойдутся навек, не оставляя памяти ни ощущений, ни имён, ни лиц...

— Были... — ни с кем и никогда я не касался этой темы — но Тира, чей дар я отверг, имела полное право знать ответ. — Такие же искалеченные внутри, как и я. Их не отталкивал чёрный плащ, меня — их иность, в которую они облачались, словно в броню... Мы сталкивались чужими, и чужими же разбегались, не в силах дать друг другу ничего, кроме сиюминутного удовлетворения плоти... Ни капли нежности, эмоций, искренней ласки. Простого человеческого тепла.

Я поднял глаза.

— Ты совсем другая. Ты — порыв ветра, луч света. Ты — жизнь... Я восхищаюсь тобой. Пойду за тебя в огонь и в воду. Но я ничего не способен дать тебе в ответ...

Как ни старался я подбирать слова, последняя фраза прозвучала, точно резцом по стеклу. Я ожидал чего угодно: вспышки гнева, обиды, даже презрения... Однако Тира вдруг усмехнулась, легонько качнув головой.

— Ох, Альтар... Ты даже не представляешь, как легко я убедила бы тебя в обратном. Но, увы, это предстоит сделать не мне. Теперь я это поняла.

— Тира... — начал я, не представляя, как спасти положение.

Но она уже шагнула к двери, взялась за тяжёлую ручку.

— Ты когда-нибудь видел Имперский Эдельвейс?

— Что?... — мне показалось, я ослышался.

— Эдельвейс. Имперский Эдельвейс, — терпеливо повторила принцесса. — Ты знаешь, как он выглядит?

— Символ Империи?... На гербе... — пробормотал я, чувствуя себя полным ослом.

— Не на гербе. На самом деле.

— Но... — я окончательно опешил. — Это же легенда. Его... не бывает.

— Не бывает... — задумчиво повторила Тира, и в голосе её скользнула лёгкая грусть. — Наверное, ты прав. Легенды тем и хороши, что дают нам определённую свободу пофантазировать...

Она вышла из комнаты, аккуратно прикрывая дверь за собой:

— А на гербе он похож на рябчика, распластанного на сковородке.

Я вновь остался один — так, словно попросту не было случившегося несколько мгновений назад разговора... Но даже в тишине вокруг мне беззвучно слышалось нечто негодующее и осуждающее.

Взгляд зацепил едва початую бутылку и два хрупких фужера позади неё, робко занявших самый краешек стола. Около кованой ножки неуместно ярким пятном на тёмном ковре валялось полосатое полотенце...

Я прикрыл глаза.

Потянулся за полотенцем, чтобы поднять — но вместо этого со всей силы впечатал кулак в ни в чём не повинную стену.

Осёл!

Ну как есть — осёл длинноухий!...

Шаэриэнн

Каменную арку древнего портала мерно заполнял золотой свет, становясь всё ярче и плотнее. Окно перехода стабилизировалось с каждым мгновением, готовясь перекинуть четверых из нас на другую сторону Рубийских гор. Там, в городке под названием Горн, точно так же сохранившем кое-что из наследия гномьих предков, нас должен был принять его «близнец».

Пора было прощаться.

Мы по очереди тепло обнялись с Антонио, Торгрином и его дедом — им предстояло остаться в Крайте, пока не завершится работа с мечами. Это представлялось делом не одного дня — по замыслу Стальной Руки, если всё пойдёт удачно, наше оружие будет готово через две-три лунные четверти.

Впрочем, я, A'Kariaell, Альтар и Тира также не должны были терять время даром. Выкованные клинки предстояло зачаровать. Я отлично помнила, что потенциал практически всех магических артефактов, которые принцесса захватила в дорогу, был истрачен на единственный меч, висящий сейчас в скромных ножнах у пояса моего Стража. Для того, чтобы должным образом наложить чары на весь наш «арсенал», требовался поистине колоссальный ресурс, который нельзя было просто так получить из подручных средств.

Тира предложила нам тайно вернуться в Рожерион. Однако эта идея практически сразу была отвергнута. Несомненно, в императорских сокровищницах отыщутся источники силы, обладающие необходимой мощью... Но риск «засветиться» в столице был просто огромен

— а это означало мгновенный провал всей нашей затеи. Тем паче, мы не знали наверняка, кому кроме недоброй славы Селлорио категорически не следует попадаться на глаза.

— Допустим... Тогда я могу отправить к отцу кого-нибудь из своих доверенных, — размышляла Рожерия вслух. — Вернёмся в мой замок в предместье. Обождём, пока артефакты привезут туда...

— Ты серьёзно считаешь, что твой человек незаметно вывезет из замковых закров телегу артефактов? — не поверила я. — Неужели такая прорва магических вещей запросто хранится в личном сундуке твоего отца — без описи, без охраны?

— Прямо уж «телегу»? — Тира нахмурилась.

— А ты представляешь, сколько их должно быть? — я скептически хмыкнула. — Либо это будет пара мешков каких-нибудь, строго говоря, безделушек. Либо же — одна-две на самом деле штучные вещи, вроде вашего фамильного Ориона... А уж подобное точно не пропадёт незамеченным. Да и отыскать его по магическому следу для опытного чародея — пара пустяков.

— Хорошо. Тогда твои предложения? — сложила принцесса руки на груди.

Я помолчала. Предложения у меня давно уже были... Обдумывала я их несколько ночей кряду и они тоже не были лишены авантюристичности и риска. Но всё же не до такой степени, как необходимость лезть прямо пред ясны очи наших врагов...

— Ехать нужно в другую сторону. — Тира недоуменно вскинула бровь, и я пояснила: — Не к вам, а к нам.

— К... эльфам?

— Да. В сердце Aellthae Росса — Долину. У моей Ветви есть ценные артефакты средоточия магической силы. Правда, всё равно потребуется одобрение Старейших и... короля. Но, если отец сохранил прежнее влияние в Совете, один из них мы сможем получить.

— Ты думаешь, — осторожно поинтересовался Альтар, — за прошедшие семь с лишком лет и в связи с твоей... ситуацией положение твоего отца не могло измениться?

— Я не знаю, — честно призналась я, передёрнув плечами. — Даже представить не могу, что все эти годы творилось в Долине. Какая там обстановка, каков расклад сил... Мы со Стражем вне закона, это точно. Однако, если Ветвь Тёмного Пламени всё ещё существует, то во главе её может быть только отец. В отличии от многих других Ветвей Древа, его главенство устраивало всех среди нас.

А'Kariaell кивком подтвердил мои слова:

— К тому же, Sirreajado — из тех, кто всегда борется до последнего...

— Так и есть, — я внимательно оглядела друзей, чувствуя, как начинают подрагивать руки. — Я отправлю ему весточку, когда будем у границы. Таковую, что именно он поймёт, от кого она. Попрошу его встретить нас. А дальше — посмотрим...

— И всё же, — заметила Тира. — Что, если твой отец уже не так влиятелен, или в опале? Появление в Долине для тебя и Кариэлла не закончится ничем хорошим. Не говоря уж о том, что артефакта нам не видать, как своих ушей.

— В этом случае, — я постаралась ответить ей уверенным взглядом, — я и Кар будем в отряде инкогнито — до поры... А отряд поведёшь ты. Как полномочный посол императора Рожеро, разумеется.

— Интересно... — внимательно слушая, Тира присела на краешек стола. — И с чем я пожалую в вашу столицу?

— С дипломатической миссией. Жестом доброй воли, — я устало усмехнулась: эта часть плана была самой предсказуемой. — Император желает вернуть Совету некий раритет, представляющий для нашего народа великую ценность...

Я подняла глаза на Антонио.

— Если, разумеется, его нынешний владелец с этим согласится.

Сын Просперо понял меня. Медленно кивнул и бережно извлёк из сумки книгу, опуская её на стол.

— Thaebrad Nie'ss Sheiadaar. Чёрное Безмолвие Вечности... — прокомментировала я. — За право вернуть эту вещь на полки Главной библиотеки Совет единогласно отдаст тебе в безвременное пользование любой из Великих артефактов Древа, кроме, разве что, Туманного Венца и прочих символов власти. Воспользуешься Правом Благодарности и выберешь Камень Молний или, к примеру, Жезл Милосердия. Это будет как раз то, что нужно.

— Так просто? — Тира недоверчиво прищурилась.

— А что сложного? — вопросом на вопрос ответила я. — Что только ни делается в Мире под предлогом укрепления отношений меж государствами — тебе ли не знать...

Но на самом деле, положив руку на сердце, я была далеко не так спокойна, какой желала казаться в глазах друзей. Долгие годы, проведённые на чужой земле, моим единственным желанием было вернуться в Долину. И вот сейчас ему предстояло сбыться. Только вовсе не так, как я представляла себе это каждую ночь, прикрывая перед сном глаза...

В мыслях мне не было нужды скрывать лицо. Мне грезился суд — тот самый, которого не довелось тогда дожидаться. Суд, на котором пожилые члены Совета Старейшин слышали бы наконец правду о событиях начала войны, известную мне и Стражам, и мои обвинения, предъявленные королю.

И всё то время, пока длились бы судебные разбирательства и магические допросы, подтверждающие мои слова, я, не отрываясь, смотрела бы в ненавистные глаза цвета лесных фиалок... На то, как неверие и растерянность в них сменяется ужасом — от возмездия, настигшего его там, где он уже и не ожидал... Некогда Llireadan взывал к Гласу Истины, чтобы хитростью устранить меня со своей дороги. Теперь настала его пора ответить перед высшей справедливостью. И в самом конце, дождавшись вердикта «Виновен» от тех, чьими устами говорит Звёздное Древо, я достала бы из ножен клинки, напоминая ему, что вызов на Суд Меча срока давности не имеет...

Только вся беда была в том, что я не могла так поступить. Суд требовал времени — времени, которого у нас не было. А буря в Долине, вызванная моим внезапным воскрешением из мёртвых наряду с правдой о короле, мгновенно закружила бы нас всех в водовороте событий, выбираться из которого предстояло бы долго и непросто... Не признавать этого я не могла. Но и смириться с тем, что Llireadan ещё неопределённое время будет оставаться безнаказанным, было мучительно тяжело.

Нельзя было сбрасывать со счетов и то, что моё нынешнее возвращение в Долину с большой вероятностью могло оказаться последним. Задача, которую мы взвалили на себя, была разве что чуть легче, чем непосильная... Следовало быть реалистами. И поэтому отец будет знать всё то, что знаю и я... Кроме того — член Совета, которому он доверяет, или преданный ему чародей-дознаватель получит возможность допросить меня с применением чар. Но я возьму с них строжайшую клятву дать ход этим сведениям только в случае подтверждения моей гибели — или же моего невозвращения в течение половины года, что

будет этому равносильно.

Правда, я вернусь и с Вечных Дорог ради того, чтобы мерзавца покарала именно моя рука... Я горько хмыкнула. Значит, будет лишний стимул выкарабкаться живой... Куда сильнее, чем жажда собственной жизни.

Эти мысли не отпускали меня с того мгновения, когда на нашем маленьком военном совете был принят мой очередной «блистательный» план. Я оставалась в их власти, когда, опираясь на руку Стража, шагнула в светящееся окно гномьего портала, чтобы выйти уже в Горне, на шаг опередив Тиру и Альтара. Я помнила об этом, когда, запасшись всем необходимым в дорогу и приобретя лошадей, мы выехали из поселения гномов-наземников, направляясь на полуденный восход...

До границ, отделяющих земли Росса от имперских владений, отсюда было всего около семи дней пути.

Четверть...

Всего одна лунная четверть — и я увижу отца... Ступлю под своды Пламенного Чертога по мраморной лестнице, разбегающейся плавными волнами. Оставив у порога полумаску и плащ, брошусь на шею матушке, долгих семь зим назад похоронившей меня...

А потом поднимусь в свои покои на верхнем этаже — туда, где прошли беззаботное детство и лихая юность. Уверена, родители ничего не поменяли там... Легонько прикоснусь к прежней жизни, вспомню всё до мельчайших деталей — всё, что делало меня собой. Встречусь с прошлым, попрощаюсь с ним и... отпущу его. Отпущу, обретя взамен новые силы, так нужные для того, чтобы справиться со всем, что мне предстоит. И буду жить дальше.

Когда в лучах утреннего солнца на горизонте заблестела гладь Зеркального Озера, последнего естественного рубежа между Империей и Аэльтой, я попросила спутников остановиться. Внеочередной маленький привал в весеннем перелеске, пахнущем юной зеленью, ещё влажной от росы, был воспринят с энтузиазмом.

Альтар с наслаждением растянулся на шёлковой траве. Тира нашла неподалёку маленький ключ, бьющий из-под земли, и решила наполнить свежей вкусной водой походные фляги. А'Kariaell некоторое время наблюдал за мной, держась в нескольких шагах позади, но когда убедился, что рутинные магические ритуалы, которыми я занята, не таят ничего опасного, незаметно исчез за деревьями, как всегда предпочитая не мешать.

Мне казалось, я спокойна. Однако пока должным образом зачаровывала перо, чернила и кусочек бумаги, руки начали едва заметно дрожать.

Теперь послание... Я подняла голову, собираясь позвать Стража — но наткнулась на внимательный взгляд Альтара из-под полуопущенных ресниц. Тоже приглядывает за мной... А мне казалось, он дремлет.

— Поможешь? — вырвалось у меня.

— Конечно...

Он гибким движением подхватился на ноги, в одно мгновение оказываясь рядом.

— Говори, что нужно делать.

— Возьми перо. Что дальше, я подскажу. Если записка попадёт не в те руки, я не исключаю, что уничтожить её моей магии не дадут... В этом случае руку, писавшую её, не должны узнать.

Альтар без слов кивнул. Развернул бумажную трубочку на большом гладком камне и макнул пёрышко в чернила.

Я медленно повела рукой, чертя руны в воздухе перед ним — светящийся контур ненадолго удерживала магия, давая Альтару возможность перерисовать знаки.

— Здравствуй, Охотник-За-Звёздами, — слова были на 'Iienquaа, но смысл их я проговаривала по-имперски. — Твой Лунный Лучик не погас. Он светит сквозь кроны вековых дубов на опушке леса, растущего в том месте, где небо лежит на земле. Оседлай золотистого Ратигара, если он больше не боится водяных чудовищ, и приезжай. Лунный Лучик любит и ждёт тебя.

— Готово... — Альтар тщательно изобразил последнюю руну, после чего протянул бумагу мне. — А ты... уверена, что твой отец верно истолкует такое странное послание?

— Конечно, — кивнула я, сворачивая и уменьшая с помощью чар и без того крошечный свиток. — «Охотником-За-Звёздами» сурового Gewarrad An Aido En Thal'liae Ness'edhi-Ra звала моя мама. А Лунный Лучик — детское прозвище, придуманное им для меня...

Видимо, голос всё же дрогнул, потому что Альтар, подбадривая, легонько коснулся рукой моего плеча.

— С этим озером тоже связана памятная ему история... — я, благодарно кивнув, из всех сил постаралась взять себя в руки. — Когда-то мы с маленьким кузеном сопровождали отца в важной поездке. В то время как воины ставили на ночь лагерь, нам взбрело на ум прокатиться на его любимом боевом коне. Тайком, разумеется... И Ратигар, прошедший вместе с отцом не одну битву, ни с того ни с сего вдруг испугался валунов, торчащих на отмели из воды.

— Сбросил, — Альтар понимающе качнул головой.

— А то... — хмыкнула я. — Да только не сразу. Рат и без того не особо нам подчинялся. А тут и вовсе дёрнул, куда глаза глядят... Когда жеребец вернулся в лагерь один, Стражи отца во главе с ним самим разыскивали нас полночи — и нашли на опушке древней дубравы, изрядно продрогших, но несказанно гордых собой... Мы молча перенесли гневные разносы и расспросы, как будто набрали в рот воды. Но после двоюродный братец всё-таки поведал отцу по большому секрету, что мы попали туда, где начинается Иномирье — потому что небо там лежит на земле... Так нам увиделось Зеркальное Озеро ясной звёздной ночью... Узнав об этом, я дулась на кузена, наверное, с полдюжины дней — это была наша тайна, и я рассчитывала ещё вернуться туда, чтобы изучить Иномирье вдоль и поперёк. Однако всё-таки не рискнула: отец был очень убедителен, вкратце расписав, что ждёт меня как старшую и зачинщицу, если мы ещё раз сунемся туда... — я скривила губы в грустной усмешке: вспоминать о давних детских шалостях отчего-то оказалось неожиданно больно.

— Ты права, — согласился Альтар после коротенькой паузы. — Вряд ли твой отец забыл этот случай.

— Уверена, он помнит его, — сверкнула глазами я. — А значит, помнит и места, где всё происходило. И потому поймёт наверняка, что я буду ждать его на опушке той самой дубовой рощи, где он нашёл меня и братца — это меньше, чем в дне пути отсюда. Если же это письмо вдруг случайно увидит кто-то другой, он, скорее всего, примет его за обыкновенное любовное послание, не попавшее к адресату... В Долине этим никого не удивишь... Тем более, что и способ отправки письма будет самый для такого обычного.

Альтар приподнял брови. Я невольно усмехнулась, легонько вскидывая вверх раскрытую ладонь. Сосредоточилась на внутреннем видении — и *позвала*, мысленно воспроизводя переливы тоненького свиста...

Сверху легонько захлопали крылья. Откуда-то из-под высоких древесных крон вниз слетела сизая горlinkка, аккуратно опускаясь на мою протянутую руку.

Я погладила птичку по пёрышкам, осторожно прикрепляя чарами к лапке крошечный бумажный комочек. Дальше магия в записке справится сама, подсказав пернатой, где искать того, кому адресовано письмо...

— Лети! — я легонько подкинула посланницу вверх.

Взмахнув крыльями, птица стремительно исчезла в небе.

Их было четверо, и приехали они ранним утром, когда над озером ещё не успела до конца рассеяться золотистая туманная мгла. Легконогие длинногривые кони, видением из моей прошлой, почти забытой жизни скользя по высокой траве, неслышно, как тени, вынесли всадников на плоскую вершину холма, где росли первые молодые дубки, и встали как вкопанные.

Надёжно укрытая в тени ветвей кустарника, в изобилии окружающего дубраву, я наблюдала, как они по очереди спешиваются, откидывают назад капюшоны лёгких походных плащей...

Сердце тревожно ёкнуло: среди них не было отца.

Четверо Росса, совсем молодых. Никого из них я не знала.

Темноволосые парень и девушка, похожие друг на друга, как брат с сестрой, даже двигались одинаково, настороженно и внимательно озираясь вокруг. Их высокий товарищ с золотыми волосами, блестящими в солнечных лучах, легко улыбнувшись, бросил короткую фразу, видимо, пытаясь разрядить обстановку — однако лица его приятелей остались серьёзными. Впрочем, он явно не обиделся, принимая конский повод у четвёртого спутника, по плечам которого рассыпались длинные пряди медно-рыжего цвета. Отчего-то я сразу уверилась, что именно этот юноша среди них самый главный. И когда он, стянув перчатки, сложил «ковшиком» ладони, вычаровывая магический огонёк, поняла, что в своих догадках не ошиблась.

Крошечные лепестки тёмного пламени робко затрепетали на лёгком ветру... Мои пальцы тут же ощутили приятное покалывание отклика. Меня звали «свои», в этом не было и тени сомнения. Но как знать, действительно ли их прислал отец?

— *Shaerriaenne...* — губы рыжеволосого Росса шевельнулись, и я вздрогнула в ответ, когда он вдруг поднял взгляд, направленный точно на меня. — *Ria...* Ты звала — и мы пришли. Я без оружия. И я открыт... Прочти меня — и выходи, наконец. Я ни мгновения не сомневался в том, что ты жива...

Я по-прежнему не узнавала его. Но в «голосе», который магия передавала в мои мысли, слышалось что-то неуловимо знакомое, родное.

Он открыт... Правда ли это? Я аккуратно «потянулась» к нему, чтобы тут же убедиться — правда. Он доверился мне безоговорочно, распахнув «дверь» в своё сознание, позволяя погрузиться в собственные мысли, чувства, разум так глубоко, как только я смогу...

Я «прикоснулась». «Нажала» сильнее — «чтение», даже по согласию второй стороны, требовало усилий. И... обомлела от внезапно открывшегося мне:

— *Evangerreill?! Малыш...*

Его веки дрогнули — и тут же сощурились от боли: чужое проникновение в сознание не могло быть приятным. Темноволосая спутница, не спускавшая с него глаз, рванулась было вперёд, но вмиг застыла, увидев предостерегающе поднятую ладонь.

Тонкие губы с «фамильным» изломом — губы, которые я помнила по-детски пухлыми и

такими трогательно-смешными, когда он обиженно поджимал их, сердясь из-за какой-то чепухи — тронула лёгкая усталая улыбка:

— *Ria-Ветерок... Здравствуй, Большая Сестрица...*

— *Evangerreill!...*

Ветки кустарника, не желая выпускать, царапнули меня по щекам. Плетки травы коварно попытались опутать ловушкой ноги... Я даже не заметила их — и через мгновение со счастливым смехом обнимала за шею молодого мужчину, в которого превратился десятилетний мальчуган, все эти годы живший в моей памяти.

Некогда я с волнением и трепетом прижимала к себе отобранный у нянюшек сопящий тряпичный свёрток... Позже, хохоча, без труда подбрасывала в воздух довольно пищащего щекастого крепыша... Подсаживала в седло любимца-Даренваала паренька с восторженными глазами, умоляющего научить «ездить верхом и биться так же, как ты, сестрица»...

Теперь же худые, но неожиданно сильные руки стремительно закружили меня, с лёгкостью оторвав от земли. Где и делся трогательный курносый нос... забавно оттопыренные уши... взлохмаченные вихры, привести которые в достойный вид не удавалось даже совместными усилиями тётушки и дворцового куафера... Стройного рыжеволосого красавца с тонкими, скульптурными чертами роднили с моим малюткой-кузеном, пожалуй, только глаза — орехово-карие, тёплые, глядящие на меня с той же смесью любви и восхищения, что и раньше, без малого восемь зим назад.

— *Ria!...* Ты ничуть не изменилась, сестричка...

— *Teagr-Созидатель!... Van!...* Каким же ты стал!... — выдохнула я.

— Ну, чуточку подрос, — усмехнулся он, не выпуская меня из объятий.

Я потрясённо покачала головой, не находя слов.

— А вот ты как будто покинула Долину только вчера!... — *Van* аккуратно опустил меня на землю, всматриваясь в моё лицо. — Где ты была всё это время? Я не терял надежды, что найду тебя... Но ты, как всегда, всё взяла в свои руки...

— Я всё-всё расскажу тебе, Малыш... — я покачала головой, соображая, как нелепо теперь звучит это смешное прозвище. — И ты мне, разумеется, тоже... Но сейчас мне и моим друзьям очень нужна помощь... — я оглянулась: *Тира*, *Альтар* и *Кар* вслед за мной покинули свои укрытия и уже приближались к нам. — А также сохранение тайны.

— Разумеется, — тут же кивнул кузен. — Мои Стражи сейчас откроют нам портал напрямиком в Цветущие Сады... Там нам не сможет помешать никто лишний.

— О Ночь! — вырвалось у меня. — У тебя уже есть Стражи?...

— Три года как... — коротко пояснил *Van*, и в его голосе мне вдруг почудилось что-то странное — но прежде, чем я успела задать вопрос, он уже повернулся, представляя мне свою компанию. — *Luna'mearis... Darret'kan... Seallaren*. Подойдите сюда! Познакомьтесь с *Shaerriaenne-lea*, моей двоюродной сестрой, и её почтенными спутниками...

Я представила *Тиру* и *Альтара* по именам. Поприветствовав их, кузен остановился перед моим Стражем.

— *A'Kariaell-lierr...* Судьба моей сестры по-прежнему хранима лучшим из лучших.

— Ты вырос и возмужал с тех пор, как я последний раз видел тебя, юный *Van*, — *Кар* тоже склонил голову в ответ.

Повинуясь жесту кузена, *Luna'mearis* вытащила из-за пазухи медальон, активирующий портал.

— Ваши вещи... те, что сможете унести в руках... будет лучше забрать с собой.

Юная Стражница заговорила на имперском, стараясь предстать перед нами опытной и выдавшей виды чародейкой. Переживания она скрывала изо всех сил, но подрагивающий голос выдавал её с головой:

— Мы пройдем порталом. А Darret и Lag возьмут ваших лошадей и... своим ходом вернутся с ними в Пламенный Чертог.

«Пламенный Чертог»...

И хотя Luna произнесла это на всеобщем, у меня под ногами вдруг покачнулась земля.

— О Ночь! — вне себя от волнения, я подхватила под руку брата. — Van!... Поверить не могу... Ещё пара мгновений — и я увижу матушку и отца!...

И почувствовала, как внезапно напрягся Evangerreill, замедляя шаг.

Нет...

— Нет, — выдохнула я, поднимая к нему лицо.

Он ещё ничего не сказал — но в глубине погасших в один миг ореховых глаз, в которых внезапно промелькнула тень чудовищной боли, я с ужасом сама прочитала ответ...

— Нет... — быстро сказала я, отказываясь верить. — Van... Отец получил моё письмо. И прислал тебя. Так ведь, Малыш?

Вокруг немедленно воцарилась гробовая тишина, напоминающая затишье перед бурей.

Кивни мне! — мысленно молила я. Кивни!... Ну же! Ну...

Но, словно непостижимым образом замедлив время, я видела, как Evangerreill безумно долго набирает воздуха в грудь — чтобы проговорить вслух то, чего не может... ни за что не может случиться.

— *Ветерок... Сестрица...*

Земля дёрнулась. Закружилась перед моими глазами — всё быстрее, быстрее... Я покачнулась, вдруг теряя опору. Чьи-то руки подхватили меня, крепко обняли, кажется, не дали упасть... Кто-то звал по имени, брызнул водой в лицо... Тоненько вскрикнула принцесса...

— *Sirreajado!* — послышался над ухом взволнованный женский голос, и прохладные ладони легли мне на виски. — *Сейчас!... Я вытащу её!...*

— *Sirreajado...* — хриплым эхом повторила я.

Изловчившись, приподняла голову, отталкивая растерянную магичку.

Дёрнулась раз, другой, поневоле заставляя держащие меня руки ослабить хватку.

Протянула ладони вперёд, цепляя непослушными пальцами длинный рукав мягкой бархатной куртки по-прежнему так любимого Малышом цвета болотной травы... Не чувствуя сопротивления, поддёрнула ткань вверх, обнажая бледную кожу.

И лишь увидев тонкую змейку серебристого браслета, отделанного чёрными камнями с алыми сполохами внутри — змейку, обхватившую запястье, словно влитая — лишь тогда позволила сознанию милосердно умчаться прочь.

Альтар

Ступая в портал, который должен был доставить нас в Цветущие Сады, я отчего-то представлял себе, что нас ждёт нечто вроде большой крытой оранжереи — наподобие той, что мы видели в Либрариуме Академии Магов, когда искали Антонио. На самом же деле этс

оказался маленький замок, расположенный в самом сердце открытого парка, больше напоминающего лес. Или леса, напоминающего парк — Безымянный его разберёт...

Поистине, только у эльфов каждый отдельный куст, дерево или былинка, торчащая из земли, незримо подчинялись некоему общему замыслу — словно хаотичные на первый взгляд красочные мазки, на самом деле рождённые кропотливым трудом живописца... Только чтобы рассмотреть картину маслом, обычно стоит всего лишь сделать несколько шагов назад. А чтобы уловить смысл, которым неизменно наделён каждый подобный «шедевр», следует родиться эльфом, не иначе...

Я поморщился.

Рокка всегда кичились тем, что у них особенные отношения с Природой, каковые всем прочим расам и близко не дано уразуметь. Зуб даю, их градостроители и зодчие нарочно ломали головы над тем, как бы вложить в свои творения побольше превосходства и вызова тем, кто не принадлежит к Перворождённым по праву крови... Впрочем, следовало быть честным самому с собой. Дело было вовсе не в парке-лесе и его непонятной, чуждой, но, бесспорно, явной красоте.

Я отчаянно не хотел сюда ехать. Не хотел, чтобы ехала Шаэриэнн — в той же мере, в какой она так рьяно стремилась в родные края. Понимал, что ничего не изменю — но всё же не хотел, задолго до того, как отправилась в небо несущая зачарованное послание птица, а затем появился рыжеволосый мальчишка, внезапно оказавшийся главой всего эльфийкиного рода. От которого Шаэ узнала о том, что её родители мертвы.

Едва сознание вернулось к ней, она потребовала от брата деталей.

«Вскоре после подписания Вартасского Мира Геваррад-лиэрр отбыл на границу с Вольными Землями, восстанавливать там порядок по поручению короны и Совета... Официально его жизнь забрала пневмония... Считается, что маг-целитель хватился слишком поздно».

«Алейзе-леа пережила супруга всего на год. Не выдержало сердце... Но на самом деле её не стало гораздо раньше — в тот день, когда чёрные крылья принесли весть о смерти Сирреахад».

«Моя мать, унаследовавшая Браслеты по праву крови, пробыла во главе Ветви три года с небольшим... Пыталась разобраться в обстоятельствах смерти старшего брата, открыто высказывала недоверие королю... Первое и единственное в жизни падение с лошади на охоте стало роковым... Кеарра'алле, прозванная «Золотой Стрелой» за умение держаться в седле, умерла мгновенно — переломав шейные позвонки».

Рыжий Эвангерреил бросал короткие, отрывистые фразы, неотрывно глядя Шаэриэнн в глаза. Она выслушала брата с непроницаемым лицом, не проронив ни слова. И лишь когда темноволосая магичка по имени Луна робко напомнила про портал, заметив, что слишком долго оставаться в этом месте может быть опасным, Шаэ, словно очнувшись от тяжёлого сна, с трудом нашла в себе силы кивнуть и подняться на ноги.

Я смотрел на неё — и разрывался от бессилия помочь наряду с непривычным, липким страхом, разъедающим душу... Не мог избавиться от противно сосущего под ложечкой предчувствия, что едва не раздавившая Шаэриэнн чудовищная новость — это только начало. Продолжение же неминуемо последует после нашего въезда в Долину, и окажется не менее непредсказуемым и тяжёлым, ему под стать.

Как напророчил.

Впрочем, Цветущие Сады приняли нас в свои объятия без приключений. Этот замок —

как я понял, часть большого комплекса дворцов, именуемого Пламенным Чертогом — принадлежал семье нынешнего Сирреахадо, единственным живым представителем которой он оставался на сегодняшний день.

Невзирая на чересчур юный возраст — выходило, что рыжий эльф не встретил ещё и восемнадцатой зимы — парень, судя по всему, был весьма осторожен и неглуп. Во всяком случае, получив магическое послание, адресованное отцу Шаэриэнн и сразу догадавшись, от кого оно, он немедленно принял меры, чтобы в родовом дворце остались лишь несколько верных ему людей. Затем позаботился о том, чтобы под благовидным и очень веским предлогом на время избавиться от опеки советника, шпионящего в пользу короля. И лишь тогда, возглавив маленький отряд собственных Стражей, без промедления отправился к месту встречи, при этом успев обставить свою поездку так, чтобы она не вызывала никаких подозрений даже у самых бдительных соглядатаев...

— Но как получилось, что письмо Shaerriaenne попало к тебе в руки? — А'Кариэлл недоумевающе поднял бровь. — Почему защитная магия не уничтожила его?

— Потому, что этого желал Sirreajado Gewarrad, — губы Эвангерреила тронула грустная улыбка. — После исчезновения Ría из заключения перед самым Судом... после того, как стало известно о битве на Теондарре, — я увидел, как пальцы Шаэриэнн непроизвольно сжались в кулаки, — Gewarrad-lierr «перестраховался», предвидя, что, возможно, Пламенным Браслетам некогда суждено будет перейти ко мне. Правда, он недооценил короля. И не ожидал, что «некогда» случится так скоро... Тем не менее, многие из тех дельных советов, что я получил от него наряду с Правом Доброй Воли, помогли мне удержаться на нынешнем месте и сохранить жизнь. Собственно, они помогают мне и по сей день...

Судя по тому, что главой Созвездия Тёмного Пламени Эвангерреил считался уже четыре года, ему удалось уверить Ллиреадана в том, что угрозы с этой стороны ожидать не следует. Получив символы власти после гибели матери, парень усердно изображал недалёкого ветреного подростка, делая вид, что управляет делами исключительно с подачи советника, приставленного к нему королём. Но при этом он вёл свою игру, которую старался держать в строжайшей тайне. Поиск истинных причин того, что случилось с его старшей двоюродной сестрой, был частью этой игры, призванной открыть настоящее лицо носителя Туманного Венца.

Это представлялось очень и очень непростым. За годы пребывания на престоле Ллиреадан приложил максимум усилий, стремясь упрочить своё положение — и это ему удалось. Мастерски сыграв в самом начале на противоречиях между Ветвями Древа, он ослабил те из них, которые рискнули бы ему противостоять — а те, которые были лояльны, подтянул поближе к власти. Даже в Совет Старейшин королю удалось ввести нужных ему лиц, явственно лоббирующих его интересы...

Он не останавливался ни перед чем. Несколько самых неугодных аристократов в поразительно нужный момент подстерegli несчастья, лишившие их жизни или выбившие из игры. Однако причастность Ллиреадана к этим случаям по сей день оставалась без доказательств. И всё же Эвангерреил не оставлял надежды их отыскать. Прежде всего, во имя памяти матери и её брата с женой, в чьих смертях — он не сомневался — винить следовало именно короля...

На самом деле недовольных властью Ллиреадана хватало. Однако всё, что они сейчас могли — это тайно сплотиться вокруг мальчишки-Сирреахадо и пожилого чародея-учителя,

прослывшего тронувшимся умом. Им многое удалось понять, но без весомых свидетельств это были лишь разрозненные детали, голословные умозаключения, не способные реально повлиять на что-либо.

Требовался камень, который стронул бы лавину, способную стать для короля роковой. И «воскрешение» Шаэриэнн наряду с её откровениями, проливающими свет на истинную роль её бывшего жениха в событиях периода начала войны, наверняка могло сыграть такую роль.

Неудивительно, что рыжий Владыка повёл себя, как политик. Узнав, зачем мы прибыли, формально он не отказал нам в помощи. Малый Совет Созвездий, на который Эвангерреил обещал провести меня и Тиру в качестве посланцев Императора, сопровождающих книгу, должен был собраться через трое суток. Это время мы оставались в Цветущих Садах под его присмотром и опекой. И все эти дни, общаясь с сестрой, Эвангерреил уламывал её остаться и выступить против короля заодно с ним.

Нам не ограничивали передвижение по территории дворца и парка. Луна'меарис, Стражница эльфийкиного кузена, лишь провела какие-то манипуляции, маскируя Шаэ и А'Кариэлла от узнавания магическим путём. Помимо этого оба они не покидали покоев без плащей и полумасок, скрывающих лица. Здесь, в эльфийской Долине, перенасыщенной аристократией, с усердием плетущей вокруг себя паутину загадочности и тайны, ношение таковых не было чем-то выдающимся и необычным.

Насколько я знал, Шаэ так и не дала Эвангерреилу согласия, хотя откровенно колебалась. Борьба между страстным желанием и добровольно взваленным на себя долгом разрывала её душу на части. Видят боги, я понял бы, если бы она согласилась, уступив просьбам брата, так созвучным с тем, чего она действительно жаждала все эти годы... Борьба с собой терзала и выматывала её. Я понимал, что не имею права вмешаться — и, стиснув зубы, лишь считал мгновения до того, как соберётся Совет и Шаэриэнн так или иначе сделает свой выбор.

Но Тира, наблюдая за эльфийкой, откровенно нервничала и явно не собиралась оставаться в стороне... Я пытался уговорить её не лезть не в своё дело — но, разумеется, безуспешно. В чём и убедился, возвращаясь с вечерней тренировки с мечом из глухого уголка парка-леса и слегка заплутав в хитросплетении зелёных стен из кустарника и плюща.

Негромкие голоса донеслись до моих ушей в тот миг, когда я окончательно убедился, что потерял направление, и я двинулся на их звук, с каждым шагом уверяясь, что слышу именно то, чего рассчитывал не услышать...

— ... Я понимаю — твоё право на месть священо. Но ты подумала, что случится, если мы сейчас останемся без тебя?... — Тира говорила возбуждённо, напористо, резко бросая слова. — Ты — самый сильный маг среди нас. Антонио, как ни крути, больше теоретик. Я уступаю вам обоим в знаниях и силе... К тому же клинки из нодабарра куются и под твою руку тоже. Кем мы сможем тебя заменить?

— Тира, я уже сказала, — голос Шаэ звучал настолько бесцветно, что я поразился, в первый миг не поверив, что это она отвечает принцессе. — Я не оставлю вас... Но Van знает о том, что живой я могу не вернуться... Я тоже знаю об этом.

— Так дай показания его дознавателю!

— Уже дала... Но этого недостаточно. Clireadan слишком прочно держится на престоле. Даже моё непосредственное участие в процессе — ещё не гарантия того, что Совет сможет осудить короля... А уж сила «слепого» свидетельства и вовсе смешна против всех его уловок и связей...

— Это сказал тебе кузен? — вскинулась Тира.

— Ashratt!... Я и сама не слепа! — отрубил Шазриэнн с внезапно проснувшейся яростью. — Все эти годы убийца собственного брата... моих родителей... Стражей... спокойно носит Туманный Венец, щедро политый кровью Росса, и до сих пор никто не сумел заставить эту тварь ответить за сотворённые им преступления!

— Прости... — принцесса тут же сдала назад, сообразив, что перегнула палку. Но отступить даже не думала: — Но если мы не справимся с Часами, беда настигнет всех! Всех, а не только отдельно взятый народ, правитель которого мерзавец, душегуб и предатель! Это так, да только кто про то вспомнит, когда весь Мир захлебнётся в крови?!

— Тира!!! Хватит! — хвала Богам, стена треклятого зелёного лабиринта, наконец, оборвалась.

Я сделал шаг к Рожерии и Шаэ, застывшим у кованой изгороди маленького пруда, заставив их обеих вздрогнуть от неожиданности.

— Хватит, — повторил я, беря себя в руки. — Это не твоё решение! И принимать его за Шазриэнн ты не имеешь никакого права!...

— Альтар, ты неверно оценил ситуацию, — Тира с вызовом взглянула на меня. — Я всего лишь хочу, чтобы Шаэ увидела обратную сторону медали...

— Ты давишь на неё! — я не сдержал возмущения.

— Я? Отнюдь... — принцесса скрестила руки на груди. — Давит Эвангерреил. Я только пытаюсь восстановить равновесие...

— К демонам твоё равновесие!!!

Внезапно Шаэ вскинула голову, точно очнувшись ото сна.

— Прекратите, вы, оба! — её голос был хриплым и глухим. — Я уже сказала, что вас не брошу! Но чтобы Lligeadan остался безнаказанным, тоже не допущу...

— Интересно, каким же образом ты сможешь всё это совместить? — обронила Рожерия.

— Тира! — рявкнул я.

— Смогу, — бросила Шаэ, не разжимая зубов. — Как, это уж моё дело... Послезавтра собирается Совет. Продумайте лучше собственные действия и роли.

Она рывком подхватила с тонкого бортика бассейна, и, ссутулившись, быстро зашагала по парку, резким движением запахнувшись в плащ.

Мы с принцессой проводили её глазами.

— Зачем ты... — скрипнул зубами я. — Неужели не видишь, как ей больно?!

— Разве ты не понимаешь, что происходит? — задала Тира встречный вопрос, не отводя взгляд от стволов высоких сосен, только что скрывших эльфийку от нас. — Её брат не отступится, Альтар... Он играет во власть. Он не просто чудесным образом обрёл потерянную сестру... В его руках внезапно оказалось оружие, способное ни много ни мало — уничтожить короля!... Поверь мне, он ляжет костями, но уломает Шазриэнн инициировать этот демонов суд и увязнуть в нём по самые уши!

Я покачал головой.

— Ты не знаешь...

— Знаю! — перебила Тира, внимательно взглянув мне в глаза. — Поскольку ситуация вышла за пределы личного, Шазриэнн вынуждена была поделиться некоторыми важными подробностями своей прошлой жизни. Разумеется, ты об этом...

Я медленно кивнул.

— Проклятье! Да!... — внезапно выпалила принцесса, резко сжав кулаки. — Альтар! Я первая поддержала бы её в благом порыве призвать этого негодяя к ответу за все его поганые дела! Но, видят боги, мы не можем её потерять... Только не сейчас.

— Для тебя ведь всё это тоже игра во власть? — я горько скривил губы. — Всё, что сейчас происходит?

— Игра, — принцесса не думала отпираться. — Только по более крупным ставкам, чем у рыжеволосого Вэна... Ведь спасти Мир теоретически могли бы и без меня. Глядишь, куда разумнее было бы отсидеться в стороне, отбросив в сторону все знаки и предзнаменования... Однако в случае успеха нашего безумного предприятия моё прямое участие в нём сулит слишком много «пряников» мне, как будущей правительнице... В частности, поэтому я, Тира Рожерия, императорская дочь, пройду этот путь вместе с вами до самого победного конца, — Тира позволила себе улыбнуться. — А вовсе не только потому, что отчаянная авантюристка и сорвиголова... На самом деле я страшно не хочу умирать. А присутствие Шаэ в отряде значительно повышает наши шансы... Мои — в том числе. Шансы выжить и добиться победы. И уж тогда получить с игрового стола всё, что дополнительно причитается...

Мы замолчали, и какое-то время просто стояли рядом, не двигаясь и не глядя друг на друга. То и дело налетал ветерок, легонько перебирая светлые волосы принцессы, в пруду лениво плескались рыбки, по зеркальной поверхности воды пробежала рябь, искажая отражения облаков...

— Оставь её в покое, — попросил я, нарушая затянувшуюся тишину. — Пусть Шаэ сама примет решение. Останется она с нами или решит поддержать брата — это должен быть её выбор. Так или иначе, мы примем любой.

Глаза Рожерии упрямо сверкнули, однако она промолчала, склонив голову и проглотив возражение, уже готовое сорваться с губ.

Я вздохнул. Что ж... Я понял тебя, принцесса.

Зная Тиру, я ни на миг не обманывался в том, что она так легко свернёт с намеченного пути. Однако проследить за тем, чтобы у неё не было возможности больше завести с Шаэриэнн подобный разговор, было целиком мне по силам. Тем более, что времени до заседания Совета эльфийских Старейшин оставалось совсем немного.

Шаэриэнн

Лошади ждали у парадного крыльца. Серебристая кобыла, чья лоснящаяся шкура, казалось, едва уловимо мерцала в тени, и чёрный как смоль жеребец без единого белого пятнышка. Нетрудно было догадаться, кому предназначено каждое из животных — кузен пытался «замаскировать» своё мнимое легкомыслие при организации встречи важных гостей, со всей помпезностью обставляя их выезд.

Не переиграл бы... Я украдкой вздохнула, облокотившись о мраморные перила. Молодая чародейка, державшая верховых в поводу, вздрогнув, обернулась. Торопливо склонила голову в почтительном приветствии, старательно отводя глаза.

Славная девочка... Со Стражницей Малышу повезло. Да и оба её товарища заслуживают доверия. Юность и неопытность минуют быстро, а вот преданность и верность долгу останутся навсегда. Лишь бы Van оказался достойным Акеро. И сумел добиться того,

чтобы жизни Seidanne оказались отданы за него лишь единожды — на словах Клятвы Посвящения в Храме Ночи...

Я не сберегла своих Стражей... Но эти дети не повторяют их печальной судьбы. Так что зря отводишь взгляд, среброглазая Luna'mearis, пряча за водопадом тёмных прядей волос сожаление и обиду... Разговор на резких тонах, невольным свидетелем которого ты накануне стала, не рассорил меня с кузеном. Я больше чем кто-либо другой была на его стороне, но поступить, как он просит, по-прежнему не могла. Evangerreill прекрасно понял это с самого начала. Однако прежний Малыш жил даже в Sirreajado, взрослом не по годам: до последнего он силился меня переубедить. И, сколько мог, упрямо пробовал снова и снова.

Тиры могла быть спокойна — я не оставлю отряд, как бы ни жаждала моя душа Суда Созвездий над сидящим на престоле чудовищем.

Но ни она, ни Альтар, ни кузен, ни даже мой верный A'Kariaell не подозревали, что Clireadan получит своё ещё до того, как мы покинем Долину... К этому вёл единственный путь, прямой и простой, как карающий меч. И против него бессильны были паутины интриг, финты скользких увёрток, хитросплетения лжи и обмана всех подмятых королём членов Совета вместе взятых.

Этот меч был в моих руках. И я собиралась его использовать.

Но скорее откусила бы себе язык, чем призналась в этом хоть на мгновение раньше, чем следовало...

Одна из широких створок парадных дверей была распахнута настежь. Я расслышала, как огромные напольные часы в холле отбивают ору до полудня, гулко и надсадно ухая, точно встревоженный филин.

Альтар показался на крыльце с одним из последних ударов. Его чёрный дорожный костюм украшала алая лента, повязанная через грудь — изобретённый Тирой знак личного охранника титулованной особы, внезапно решившей нанести неофициальный благодарственный визит...

Согласно придуманной для Совета легенде, дороги моего кузена и Тиры Рожерии случайно пересеклись минувшей осенью на условно вольных землях имперского Приграничья. Якобы вышло так, что Evangerreill спас принцессе жизнь, и теперь та, желая отплатить за добро добром, изыскала возможность лично привезти молодому Sirreajado уникальную книгу авторства Древних Росса из хранилища ценностей дворцовой библиотеки... В отсутствии своего советника, так некстати отбившего по делам, юный глава Созвездия Тёмного Пламени необдуманно пренебрёг соответствующим приёмом, всерьёз собираясь свести приезд принцессы к банальному «визиту вежливости». К счастью, он успел показать реликвию своему пожилому Наставнику. Тот, мгновенно оценив ситуацию и исключительную значимость подарка, тут же отругал легкомысленного мальчишку почём зря и принялся бить во все колокола... Исключительно удачно собиравшийся Малый Совет Созвездий спешно отодвинул в сторону текущие вопросы управления государством, не столь важные и срочные, сделав вид, что именно возвращение высокой гостьей Чёрного Безмолвия Вечности послужило главной причиной его созыва.

Я знала протокол и хорошо представляла, что за всем этим последует. После положенных речей и церемоний, напыщенных и пустых, Evangerreill напомнит о Праве Благодарности, формально испрашивая одобрения Совета на ответный дар. Посоветавшись, Старейшие милостиво позволят преподнести принцессе какой-либо из принадлежащих Тёмному Пламени артефактов Малой Судьбы — за частичку Наследия Предтеч они не

моргнув выложили бы и в десять раз больше. Ну, а далее по канону все должны разойтись весьма довольными друг другом, и через пару дней Тиру со всеми почестями сопроводят к границе.

Впрочем, не исключая, что канон придётся перекроить. Хотя в отношении принцессы и артефакта это уже ничего не изменит. Только довольных резко поубавится...

Топот копыт, звучно галопирующих по камню, заставил всех нас одновременно повернуть головы. Van в синем дублете, отделанном серебром, вылетел на подъездную аллею, мощёную белым мрамором, легко осадил жёлто-рыжего, точно сполох пламени, жеребца.

— Стражи и почётный эскорт ожидают в парке, — возвестил он. — Где принцесса?

— Уже здесь.

Ти́ра выпорхнула из-за спины Альтара, точно только и ждала, пока о ней спросят, мгновенно приковав к себе взгляды. Я, не сдержавшись, одобрительно кивнула — молодец!

...

В отличии от многих других ролей, принцессу она не играла — это и была её настоящая суть, напротив, умело скрываема до поры... Сейчас она была собой — Тирой Рожерией, дочерью Императора самой влиятельной страны обитаемого Мира, пусть даже в силу обстоятельств путешествующей без свиты и налегке.

Лёгкий макияж подчёркивал пронзительную синеву глаз, совершенство черт, белизну кожи. Горделивый фамильный профиль так и представлялся на аверсе монеты... Изящная подвеска с бриллиантами, украсившая простой с виду, но баснословно дорогой костюм, и пара таких же перстней на изящных пальцах отлично сочетались с холодным блеском светской улыбки.

— Ваше Высочество... — Evangerreill стремительным гибким движением соскочил с коня, однако Альтар опередил его, подав принцессе руку, на которую та оперлась, и помог ей подняться в седло серебристой кобылы.

Рожерия сжала поводья, дожидаясь, пока рыжий и вороной тоже обретут своих седоков. Её взгляд нашёл меня, на мгновение остановился, едва уловимо теплея.

— Пожелайте нам удачи, — негромко попросила принцесса.

— Удачи, — лёгким эхом повторила я.

— Theidda Tearr, — глухо произнёс A'Karíaelл за моей спиной.

Я обернулась — в тот миг, когда трое всадников стремительной вереницей пронеслись по двору и вылетели в увитую зеленью арку, заставив испуганно зашелестеть раскидистые кроны невысоких далл и цемерий.

— Странное чувство, — проронил Kar, не мигая глядя им вслед.

Я вопросительно приподняла бровь, хотя прекрасно понимала, что он имеет в виду.

— Когда знаешь, что *должен* ехать, — словно через силу проговорил Страж. — Но при этом понимаешь, что придётся остаться.

Я не ответила, внимательно вслушиваясь в топот конских ног, плавно угасающий вдали. Для верности выждала ещё немного после того, как перестала слышать что-либо ещё кроме лёгкого шума молодой листвы под вешним ветерком.

— «Должен», говоришь?

Я обернулась к Стражу. В упор взглянула в его глаза, слегка расширившиеся от неожиданности:

— Тогда надевай маску и идём.

— Куда?

— Прежде всего на конюшню, ибо нам тоже нужны лошади. Пришла наша пора отдавать долги.

Пару мгновений A'Kariaell молчал. Затем, медленно склонив голову, произнёс:

— Ты всё же решила помочь Sirreajado. Что ж... Уважаю твой выбор.

— Мой выбор продиктован отсутствием выбора, Seidanne. - Как понял меня совершенно превратно — но, Ночь мне свидетель, сейчас именно так было лучше. — Во имя памяти наших погибших братьев хочу верить, что ты не осудишь меня за него.

— Твой путь — мой путь, — мгновенно отозвался Страж, но за традиционно звучащей фразой мне почудилась настороженность: A'Kariaell знал и чувствовал меня как никто другой...

Однако я не собиралась давать ему пищу для ненужных раздумий:

— Тогда — вперёд. Нам следует поспешить.

Конюшни Тёмного Пламени, извечная гордость и предмет личной заботы отца, всегда славились только самыми лучшими скакунами — и Evangerreill, как я уже успела убедиться, старался нигде не отступать от заложенных им традиций. Пришлось изрядно постараться, отбирая пару поскромнее и незаметнее. Под растерянными взглядами конюхов мы со Стражем, наконец, справились и выехали из Цветущих Садов, направляясь вслед за покинувшей их пол-оры назад торжественной процессией.

«Худшие из лучших», ступая исключительно мягким и плавным шагом, потихоньку несли нас к Раскрытой Ладони — пространству у подножия Великого Холма. Я намеренно сдерживала коней, пытаясь рассчитать время, и у нас была возможность хорошо рассмотреть, во что превратилась столица за минувшие семь с изрядным лишком зим, на протяжении которых мы были с нею разлучены.

Хватило нескольких беглых взглядов, для того, чтобы понять — Долина не изменилась. Ни капли.

Обласканная солнцем, яркая и свежая, утопающая в зелени и цветах, она продолжала привычно спать безмятежным младенческим сном в заботливых объятиях Вечности...

Испытания и невзгоды, выпадавшие на долю Aellthae, всякий раз лишь бесплотными тенями проносились мимо Долины, не имея никакой власти над истинным сердцем страны. Быть может, так пожелал сам Tearr-Созидатель, в первый раз окинув взглядом с Холма Судеб благословенный край, который желал отдать своим детям... А возможно, Долину всё ещё хранила магия Первых из Росса, Предтеч, заложивших величественные постройки Храма Звёзд, Резиденции Ночи, Амфитеатра... Я всегда помнила их такими — монументальными, совершенными, безупречными — в точности теми, какими видели их глаза сотен поколений Росса до меня.

Всё оставалось прежним, родным до щемящей боли в сердце... Белокаменные дороги, проложенные прямо через редкий хвойный лес. Небольшие замки и замысловатые домики в окружении вечнозелёных деревьев — на землях Тёмного Пламени в Долине испокон веков царили ель, сосна и благородный кедр. Изумрудное травяное море, расчерченное широкими улицами, ровными, как стрела, устремляющимися к Холму: на Ладони никогда не строилось жильё, кроме магических башен и келий одиночек-мыслителей...

Мраморные статуи. Каменные беседки в обрамлении многоярусных цветочных клумб. Фонтаны с лазорево-голубой водой, над струями которых трепетали полосы радуги...

Быть может, на самом деле я никогда отсюда не уезжала?...

А Война и всё, что происходило после, лишь привиделось мне, неосторожно задремавшей летней порой на солнцепёке у искусственного пруда...

Вот ещё пара мгновений — и лёгкое прикосновение к плечу заставит меня встрепенуться, распахнуть глаза, встречая действительность, пахнущую гибридными розами, горячим камнем и пылинками водяных брызг...

И Christaiem, убирая пальцы, как обычно, мягко улыбнётся, не говоря ни слова.

Deanorr и Lu'Avem чуть поодаль не упустят случая тут же сложить забавную шутку: один начнёт — другой закончит.

А A'Kariaell, самый старший и серьёзный, лишь качнёт головой и коротко заметит...

— ... Они уже приступили.

Я вздрогнула.

— Знаю, — сон, виденный наяву, мгновенно истаял лёгкой туманной дымкой. — Пусть так.

И развернула коня.

Отсюда к Амфитеатру, где неизменно под открытым небом заседал Совет, можно было проехать напрямик мимо Роци Священных Озёр и Школы Чар. Однако прямой дорогой чаще всего пользовалась старшая аристократия Созвездий, и наши со Стражем шансы быть узнанными случайно, невзирая даже на полумаски и плащи, на ней возрастали в разы.

Поэтому, влившись в нестройные ряды простых Росса, кровь которых принадлежала разным Ветвям Звёздного Древа, я и A'Kariaell обогнули Великий Холм по кружному пути. Под присмотром возвышающейся над нами Резиденции Ночи мы пересекли Дорогу Дюжины Шагов, ведущую от врат торжественно-строгого Храма к гранитным ступеням постамента Гласа Судьбы. Почти сразу за ними начинался, белея мраморными боками, внешний, самый широкий ряд полукруглых скамей.

Отпустив лошадей на вольный выпас (верные магическому слову красавцы неизменно прибегут на первый же зов), свободное место мы нашли себе без труда. Право присутствовать на Собрании Созвездий во все времена имел каждый из Росса, кто только пожелает. Однако даже в древности, когда этим правом пользовались не в пример активнее, чем в наши дни, огромный Амфитеатр никогда не был заполнен более, чем наполовину.

Весть о сегодняшнем «гвозде программы» в виде встречи Старейших и имперской принцессы успела собрать больше народу, чем привлекают обычно Малые Советы. Однако даже в прилегающих к арене частях, по традиции отданных знати, незанятых мест было более чем достаточно. Во внешних же рядах, предназначенных для простой публики, и вовсе пустовали целые сектора. Внимание мужчин и женщин, поодиночке или небольшими группками занимавших скамьи, было приковано к действию в самом центре, и появление ещё пары зрителей, скромно устроившихся на одной из дальних трибун, не заинтересовало даже почётную стражу, расставленную в проходах меж секторов.

Совершенная архитектура Амфитеатра позволяла превосходно наблюдать из любой его точки за тем, что происходит на арене. Я смотрела, как чествуют Тиру и Альтара шестеро Старейших, облачённых в церемониальные мантии до пят. Традиции Совета не изменялись веками... и в то же время сам Совет изменился донельзя за какие-то неполные восемь лет.

Единственными, кто остались в нём из прежнего состава, были Хранитель Гармонии и сам Архонт.

Я видела, как Rhis'o'gleam, по прежнему юный обликом, но с глазами древнего старца, бережно принимает из рук Рожерии драгоценную книгу, передавая её Хранителю Веры в

одеждах фиолетово-чёрных цветов. Я даже не помнила имени последнего — восемь зим назад в Храме Звёзд безраздельно властвовал Armaellen Da'Orn из ветви Сумеречной Дымки. Этот же Росса в те времена, кажется, был простым Возносящим Молитвы...

Не узнавала я и нынешнего Хранителя Знаний. Сколько помнила себя, этот пост неизменно занимал Feddoriann, мой Наставник — и мне казалось, так будет всегда... Ныне Учителя не было даже в составе Совета. Я без труда нашла его глазами — высокая сухопарая фигура с неизменным посохом из белого ясеня — на самой первой, «почётной» скамье в секторе ветви Зимнего Звездопада.

Мои зубы бессильно сжались... Ashratt!... По неписанным правилам, Старейшие всегда оставались на своих местах пожизненно, формально имея возможность добровольно отказаться от чести заседать в Совете Созвездий — но такого не случалось почти никогда.

Что должно было произойти, чтобы Учитель, всегда бывший наряду с Архонтом один из незыблемых столпов Совета, внезапно ушёл на покой, позволив врагам распусть в народ кривые толки о его пошатнувшемся душевном здоровье?

Что случилось с прежними Хранителями Силы и Магии, места которых заняты сейчас теми, кого я не могла даже и вообразить на этих должностях? И отчего я не вижу их предшественников даже на «почётных» сидениях в общем собрании среди знатных членов Созвездий их крови?

Почему один лишь Као'erren, всегда бывший для меня «тёмной лошадкой», наряду с Архонтом сохранил свой пост — по правде сказать, самый малозначимый в Совете?

К чему ещё ты приложил здесь руку, Llireadan?

Мои глаза невольно переметнулись к паре королевских кресел. Они были пусты. От имени двора перед высокой гостьей отдувались двое Имеющих Слово: Владыка Туманного Венца уже более полуоры заставлял себя ждать. Несомненно, это было на самой грани допустимого: Тира Рожерия не являлась его подданной, более того — его подпись и печать под договором о Вартасском мире формально закрепляли за Империей полное право сюзеренитета над Аэльтой.

Llireadan никак не мог не знать о том, что Совет намеревается официально принять принцессу — тем не менее, вёл себя так, как если бы с визитом внезапно прибыл глава какой-нибудь из отдалённых провинций. Да и то не принадлежащий ни к одной мало-мальски значимой Ветви...

Я поймала себя на том, что совершенно не понимаю его игры.

И в этот миг в окружении гвардейцев на парадном проходе к арене со стороны Резиденции Ночи, устланном ковровой дорожкой, показалась королевская чета.

Я готовилась к тому, что увижу. Однако внезапно мне вдруг почудилось, что время замедлило бег.

Со своего места я могла рассмотреть каждую чёрточку своего врага так отчётливо и ясно, как будто стояла перед ним лицом к лицу.

Llireadan выглядел великолепно.

Туманный Венец просто невероятно шёл к его длинным молочно-белым волосам, на первый взгляд, небрежно спадающим на плечи. Строгий, по фигуре, серебристый камзол добавлял облику торжественности и благородства. Всё та же кроткая грусть в глазах удивительного цвета диких лесных фиалок теперь дополнилась величественной всепонимающей усталостью от постоянных тревог за судьбы подданных и страны.

Каждую деталь своего нынешнего образа за все эти годы он продумал и отрепетировал

до совершенства, заставляя играть на себя любую мелочь: движения рук, взгляд, поворот головы... Даже то, как он шёл, заботливо поддерживая под локоток свою королеву, соизмеря свой шаг с её не особенно ловкой походкой.

Эти семенящие мелкие шажки я узнала едва ли не раньше, чем саму нынешнюю Владычицу — и невольно прикусила губу... Elenidalle! Малышка Elenidalle из Огненного Заката!...

Вот значит как... А ведь некогда твоя походка, как и ты сама, казалась всем нам трогательно-симпатичной — когда Christaienn встречал с тобой лунные вечера в Вечнозелёном Парке, бережно обнимая за худенькие плечи, и глаза его лучились таким неземным счастьем, что и мы, очарованные силой его чувства, любовались твоим добрым нравом, застенчивостью и красотой... Ты была его Хрупким Подснежником, Нежным Лучиком, Крошечной Снежинкой — всякий раз он придумывал для тебя новое имя в тех сонетах, что сотнями посвящал тебе, когда испытание разлукой выходило слишком невыносимым...

Что ж, скромная дева... Ты не продешевила. Та корона, которую мог предложить тебе Christaienn, была сплетена из полевых цветов... Ты же предпочла ей более дорогостоящее и практичное украшение. Налобный Обруч Владычицы — тонкая копия Туманного Венца на голове твоего нынешнего супруга — достойная плата за вовремя найденный несуществующий тайник и кинжал со следами яда, уверенно опознанный тобой, как вещь твоего прежнего любимого...

Несомненно, Llireadan нашёл себе достойную пару. Да и поддержка Огненных, вдруг неожиданно-негаданно из многочисленного, но не особо заметного дома вдруг ставших Ветвью, давшей стране королеву, безусловно, играет свою роль. Скорее всего, именно поэтому ты всё ещё жива, Elenidalle — хотя, возможно, и тешишь себя надеждой, что это лиловоглазое чудовище действительно любит тебя...

У самой арены почётная стража заученно расступилась, взяв «на караул», и Владыка с женой вышли навстречу Старейшим и имперским гостям.

— Сестра моя... — сделав положенные три шага вперёд, Llireadan легонько обнял Тиру за плечи. — Бесконечно рад приветствовать вас и офицера Ар Кэррайна на землях Долины Росса!...

Альтар, которого Тира, немного слукавив, представила Совету полным именем, заменив несуществующий титул эфемерным воинским званием, ответил на обращение короля вежливым, но предельно сухим поклоном.

Голос принцессы зазвучал с той же церемонной любезностью:

— Я также рада встрече с вами, дорогой брат.

— Признаюсь, ваш визит стал для короны весьма приятным, но совершенно неожиданным сюрпризом, — дождавшись, пока положенные по этикету фразы еле слышным голосом произнесёт королева, Llireadan улыбнулся тепло, но несколько виновато. — Юный Evangerreill проявил излишнюю самостоятельность... в некоторых вопросах. Резиденция Ночи была не вполне готова к приёму столь высоких гостей. Мне пришлось задержаться, чтобы успеть отдать соответствующие распоряжения...

— Инициатива Сирреахато Эвангерреила, брат мой, — светски улыбнулась Тира, — была продиктована исключительно моим желанием не доставлять вам излишних хлопот. Я должна Эвангерреилу жизнь. И целью моего визита было всего лишь желание отблагодарить моего друга за помощь. Негоже было бы обидеть его отказом от предоставленного крова и

стола.

— Уверен, что Evangerreill не будет в обиде, — уста Владыки источали мёд. — Не только он желает стать вашим другом, Тира... Ваш приезд исключительно важен для короны. И мой юный подданный, без сомнения, верен её интересам. Что несколько оправдывает его порывистость и легкомыслие — но это, впрочем, отличало кровь Тёмного Пламени во все времена...

Паршивец!... Я прикусила губу.

Кузен, стоящий по правую руку от принцессы, побледнел, но смолчал.

Тира раскрыла рот, собираясь произнести очередной «церемониальный» ответ, но её неожиданно опередил Альтар.

— Без сомнения оправдывает, Ваше величество. Куда страшнее тот, кто просчитывает каждый свой шаг, позабыв о верности и чести.

Внезапный выпад Альтара заставил всех замолчать. Даже Архонт, за миг до того собиравшийся перехватить инициативу в разговоре, не произнёс ни слова, искусно маскируя замешательством интерес к тому, что ответит король.

Llireadan повернул голову в его сторону.

— Вы, безусловно, правы, офицер Ар Кэррайн, — от меня не ускользнула совсем лёгкая заминка перед тем, как он начал фразу. — Но это слова солдата. Монархи ценят честь и верность не меньше воителей. Однако в мирной жизни равное значение имеют продуманность поступков и расчёт. То, что в общем смысле принято именовать мудростью. Не так ли, моя милая сестра?

— О, да, дорогой брат! — клянусь, Тира пнула бы Альтара в бок, если бы могла сделать это незаметно. — Посему постараюсь принять мудрое решение, не обидев отказом ни вас, ни Сирреахадэ Эвангерреила. Я уделю должное внимание каждому из вас после окончания церемонии...

— Её высочество Тира Рожерия... — теперь счёл нужным вступить Архонт Rhis'o'gleann, полуобернувшись к Хранителю Веры, который не выпускал драгоценную книгу из рук, — возвратила Долине «Thaebredd Nie'ss Sheiadarr». Частица Наследия Предтеч, считавшаяся давно утерянной... нет таких слов, которые смогли бы описать, как много значит для нас эта вещь. Совет ожидал вас, Владыка, с тем, чтобы услышать ваше слово в отношении Права Благодарности.

— Сокровищницы всех Ветвей Звёздного Древа с готовностью пожертвуют любыми ценностями, чтобы отблагодарить вас за столь щедрый подарок, — веско произнёс Llireadan. — Озвучьте нам свои пожелания, сестра — и мы сделаем всё, чтобы вы остались довольны.

— Книгу, хранившуюся в библиотеке отца, я собиралась передать своему другу безвозмездно, — Тира вскинула голову, легонько тряхнув светлой чёлкой. — Однако Эвангерреил разъяснил мне, что отказ выбрать ответный дар идёт вразрез с традициями, принятыми у народа Рокка. Не желая оскорблять Детей Ночи, я остановила свой выбор на принадлежащем Ветви Тёмного Пламени Камне Молний. Эту вещь я с радостью приняла бы в память о Долине и нашла бы ей достойное применение...

Под взглядом фиолетовых глаз Архонт степенно склонил голову:

— Совет Старейших одобряет ответный Дар.

Llireadan помолчал несколько мгновений, делая вид, что принимает решение. Могу только догадываться, как возликовал он в душе... Наивная принцесса даже не представляла

истинную ценность книги, а возможность ослабить магическую мощь Тёмного Пламени, уменьшив количество артефактов Малой Судьбы в наших закромах, он упускать ни за что не стал бы... Я ни на миг не сомневалась, каким будет его ответ.

— В королевской сокровищнице много других превосходных артефактов, которые не стыдно было бы предложить по Праву Благодарности за «Thaebradd Nie'ss»... Я мог бы показать вам их. Но вижу, ваш выбор уже сделан... Не стану томить вас неопределённостью, дорогая сестра. Туманный Венец одобряет ответный Дар. Камень Молний отныне ваш.

Слова были сказаны.

Я поднялась со скамьи.

Не было смысла досматривать окончание представления — дальнейшее уже не имело значения. С этого мгновения Камень Молний принадлежит принцессе... а мои руки развязаны для того, что стало смыслом моей жизни ещё в застенках орденовской тюрьмы.

— Ria?...

Недоумённый шёпот моего Стража послышался в паре шагов позади — когда, выйдя в проход, ведущий к арене, я неожиданно для него повернулась к ней спиной.

Через мгновение A'Kariaell поравнялся со мной, заступая дорогу, но я не дала ему сказать больше ни слова.

— *По Праву Старшего над Младшим... По Праву Akerо над Seidannhe... По Праву той власти, что дал ты мне над собою по доброй воле, запрещаю тебе, A'Kariaell Reinhorn Valleire'Y'Tenne, становиться у меня на пути...*

— Что?! — выдохнул он мне в лицо.

Я посмотрела ему прямо в глаза.

— *Запрещаю...* — слова Высшей Воли давались мне нелегко — я использовала их впервые в жизни, к тому же торопилась произнести всё, как следовало — ... *противостоять моему решению в священном праве осуществить справедливость! Запрещаю тебе поднимать меч — передо мною, рядом со мною, вместо меня — против моего кровного врага!... Так тому быть, пока я жива! Твоя кровь, Seidannhe Espaerito, Страж Судьбы — кровь пролитая на Алтаре Созидателя в Храме Звёзд — служит зарокom мне в том, что ты не нарушишь мой запрет...*

— Shaerriaenne!...

Но я легко оттолкнула его от себя, от изумления на миг лишившегося возможности сопротивляться, и быстрыми шагами продолжила идти, куда шла — тем более, на нашу пару, неистово шепчущуюся в проходе, уже начали обращать внимание.

Один из гвардейцев, оставив свой пост, шагнул было в мою сторону — но, увидев, куда я направляюсь, тут же сбавил шаг и снова застыл: мешать мне он не имел права. Хотя на лице его, наполовину прикрытом шлемом, было написано крайнее изумление. Ручаюсь, до последнего мгновения он всё ещё сомневался, туда ли я держу путь... До тех пор, пока моя нога не коснулась тёмного гранитного камня.

Их было семь. Семь высоких ступеней, выщербленных временем и ветром. Семь шагов по дороге, с которой не удастся свернуть.

Впрочем, свернуть с выбранного пути меня не заставили бы никакие силы на свете.

Там, внизу, в Амфитеатре, ещё не все, но многие уже обратили внимание на то, что происходит. Изумлённые возгласы и вскрики сменило гробовое молчание, когда мои действия заметили и на арене.

Но к этому времени тяжёлая цепь, скованная из металлических звеньев, уже плотно

лежала в моей ладони.

Колокол вздрогнул, словно не веря, что нашёлся некто, решившийся впервые за долгие годы нарушить его сон. Тяжёлый купол над моей головой медленно качнулся, словно в нерешительности — раз, другой... Но я была настойчива. И наградой мне стал гулкий Глас Истины, всё громче и громче раздающийся над замершим Амфитеатром, Храмом и королевским дворцом.

Я выпустила цепь на волю и повернулась к тем, кем желала быть услышанной, одновременно сбрасывая надоевшую полумаску с лица.

Амфитеатр ответил мне дружным вздохом.

— Tearr-Созидатель!... — даже вечно бесстрастный Архонт не смог сдержать эмоции.

Но я смотрела прямо в фиолетовые глаза, расширенные от удивления.

— Shaerriaenne?...

Его губы дрогнули, давно уже отвыкнув, как раньше, выдыхать моё имя — и я увидела, как в судорожном, совершенно не царственном жесте внезапно дёрнулась рука, нервно царапнув роскошную перевязь на груди.

Я набрала воздуха в грудь, на мгновение сбиваясь — и вдруг поймала взгляд Альтара, побледневшего до синевы. Он не мигая смотрел на меня с арены, широко распахнув глаза, не двигался и не произносил ни звука. Но внезапно в ушах раздался его тихий голос, прозвучавший будто бы совсем рядом — единственным полным непонимания и боли словом:

«Зачем?...».

Так надо! — хотелось ответить ему мне. Так должно быть... Должно — потому, что это мой долг и моя судьба! А значит, я сделаю то, ради чего Провидение оставило меня в живых и хранило до этого самого мига... Кто, как не ты — на собственной шкуре испытавший предательство, терявший близких, долгие годы считавшийся карающей дланью людского бога — способен меня понять?

Но вместо этого уста мои чётко и чеканно произнесли другие слова:

— Я, Shaerriaenne Ad Aella En Thalliae Ness'eidhi-Ra, взываю к Истине!...

Я сделала паузу, но, так и не дождавшись от Старейших положенного вопроса «По какому праву?», продолжила:

— По Праву Кровной Вражды! Я обвиняю тебя, Llireadan Temarrian Da Locco'Neidell, заговоре против короны, чудовищной лжи, предательстве и убийствах! И желаю, чтобы Меч Теарра рассудил нас!

— Это невозможно! — Llireadan, вырвав руку из пальцев отчаянно вцепившейся в него королевы, резким движением повернулся к Совету.

— Shaerriaenne... — Архонт Rhis'o'gleann довольно быстро овладел собой. — Совет услышал... твою просьбу. Старейшим нужно время посоветаться и принять решение...

Судя по «обновлённому» составу Совета, Llireadan давно обезопасил себя и с этой стороны. Не было и тени сомнения, что подавляющее большинство нынешних Старейших отказали бы мне в праве на этот поединок.

В том случае, если бы вызов моему врагу был брошен мною сейчас.

— Нет! — выкрикнула я. — Нет, Старейшие — решение уже принято! Совет давно дал согласие на Поединок Судьбы между нами!... Я здесь, чтобы принять тот вызов, который бросил мне ты, Llireadan, почти восемь зим назад, поскольку отрицаю все выдвинутые тобой обвинения! А со своей стороны призываю тебя к ответу за кровь на твоих руках! Кровь

твоего брата, Владыки Kaidenn'a, кровь моих Стражей, Christaienn'a, Deanorr'a и Lu'Avenn'a, кровь многих тех, кто пал жертвой развязанной тобой войны! Пусть восторжествует Истина — теперь никто не вправе этому помешать!

Llireadan, застывший как статуя, снова перевёл широко раскрытые глаза на Совет. И Старейшие встрепенулись, словно по команде, обступили Архонта, отчаянно жестикулируя, затараторили на все голоса... До тех пор, пока Rhis'o'gleann не поднял вверх руку, заставляя всех замолчать.

— Да будет так... — тяжело проронил он. — Совет не вправе отменять ранее принятое решение. Суд Меча состоится, как и положено, в Полнолуние перед самым рассветом. Пусть Созидатель оправдает безвинного и покарает виновного!

— Архонт... — потрясённо выдохнул Llireadan, но Rhis'o'gleann покачал головой.

— Слово Совета было сказано, Владыка. Теперь Истину определит Tearr...

Альтар

Мало что в жизни я так ненавидел, как передвижение порталами.

Всякий раз, когда приходилось делать шаг внутрь магической дыры в пространстве, сердце словно сжимало стальными тисками. Почуввав тлеющую в душе искорку слабости, внутренний голос тут же принимался раздувать её, коварно нащёптывая: «От тебя ничего не зависит... Что, если на этот раз чародей ошибся и что-то пойдёт не так?... Тебя же просто расплавит... Распылит на частички где-то в проклятом Междумирье... Так и сгинешь в один миг — не останется и следа!...».

Всякий раз этот шаг давался мне с огромным трудом. Переступая призрачную черту, я бросался в отчаянный бой против самого себя, за несколько долгих мгновений успевая и проиграть, и победить... И, уже стоя на твёрдой земле в точке назначения, неизменно прикрывал глаза, благодаря Судьбу за то, что и на сей раз меня пощадила.

Так было всегда. Но сегодня на борьбу с собственным страхом у меня не оставалось ни времени, ни сил... Усадьбу Эвангерреила и родовое гнездо Шаэриэнн соединял стационарный магический переход. И за этот бесконечный, в высшей мере безумный день я уже трижды успел перенестись туда и обратно.

Луна'меаррис, как-то испуганно стрельнув в меня глазами, молча развернула сияющую арку в четвёртый раз. Я шагнул внутрь, поразительным образом не чувствуя ничего, кроме раздражения и бессильного бешенства. Если и теперь Шаэриэнн не окажется дома, я усядусь на парадных ступеньках у входа в Пламенный Чертог и буду ждать до тех пор, пока она не объявится — наплевав на правила приличия и всю затеянную нами игру...

В круглой зале с высокими потолками за несколько ор, разумеется, ничего не изменилось. По-прежнему ласково журчал декоративный ручеёк, переливаясь замысловатым каскадом через искусно выбитые в мраморе ступени. Пересвистывались мелкие яркие пичужки, свободно порхающие вдоль обвивающих каменные колонны цветущих лиан.

Умиротворение и покой напоказ... От них хотелось заорать. Взвыть по-волчьи, заставив разлететься в панике перепуганных птиц. Швырнуть камень в фонтан, разбивая в мелкие осколки безмятежность ручья.

Когда бы только это могло что-нибудь исправить!...

Гулкий мрамор донёс до ушей звуки приближающихся шагов. Я двинулся на них,

высматривая за колоннами спешащего к сработавшему переходу растерянного дворецкого — бедолага столь явно не мог прийти в себя после внезапного объявления чудесным образом воскресшей хозяйки, что одновременно вызывал и жалость, и злость... Я стиснул зубы, предвидя очередной поток извинений, связанных с тем, что «госпожа ещё не изволила вернуться». Однако вместо взъерошенного слуги навстречу мне выступил А'Кариэлл.

Пожалуй, я никогда ещё не был так рад его видеть.

— Она здесь? — слова вырвались сами, хотя я уже догадался, и эльф кивнул, вперив в меня мрачный потухший взгляд.

— Ты знал?

Ещё шаг, и я схватил его за грудки, сминая в кулаке глухой ворот куртки у самого горла — но остроухий лишь слабо дёрнул головой, даже не делая попытки освободиться.

— Разумеется, нет! — выдохнул он мне в лицо.

Он не лгал.

Я разжал пальцы, на что А'Кариэлл по-прежнему не обратил ни капли внимания.

— Как же ты мог не помешать ей? — с горечью спросил я, отступая.

Тьма в глазах эльфа сменилась мукой.

— Ashratt!... — выдавил он в ответ. — Ты... Что ты можешь знать!... Я — её Страж, Seidanne! Её Воля, Высшая Воля — нерушимый закон, прописанный её и моей кровью... Я выполню всё, что она велит! Без колебаний пойду за ней её дорогой... Я умру за неё — но нарушить Высшую Волю Акего я не властен...

— Тень Безымянного!... — взорвался я. — Демоны бы драли ваши треклятые традиции, замешанные на магии и крови!... Как можно добровольно отдавать себя в рабство?!

— Страж — не раб... — эльф скривился, словно разгрыз лимон, но всё же снизошёл до подобия объяснения. — Он приносит Обет в Храме Звёзд осознанно и без принуждения. Страж сам выбирает своего Акего — и несказанно счастлив, если и Акего согласится стать для него таковым. Это особенная связь... высшая степень близости и доверия... Тебе никогда не понять подобного, человек.

— Действительно, — с азартом подтвердил я, не желая больше развивать тему, — мне не понять. Так где Шаэ? Как мне найти её?

— У Престола Теарра. Я провожу... — коротко бросил А'Кариэлл, отворачиваясь.

Дальнейший путь мы проделали в глухом молчании. Лишь наши шаги на диво синхронно отбивали такт по мозаичному полу просторного холла, больше похожего на огромную оранжерею из камня и стекла, по фигурной лестнице, украшенной лепестками застывшего в камне пламени, по базальтовым плитам внутреннего двора.

Испуганно сторонилась дворцовая челядь, случайно встреченная по дороге, провожая нас полными тревоги и паники взглядами. Даже неподвижные лики белокаменных статуй на одной из убегающих от замка аллей, куда я свернул вслед за своим угрюмым провожатым, казалось, вот-вот заплачут, роняя в изумрудную траву под ногами бриллиантовые слезинки, стоящие в уголках глаз...

— Жди здесь, — разжал губы А'Кариэлл, когда мы остановились у входа в просторный огороженный павильон. В его сердце стремилось в небо небольшое подобие эльфийского главного храма, увенчанное всё тем же чёрным пламенным языком. — Тебе нельзя туда. Она выйдет когда поговорит с Созидателем... Хотя бы он сумел её вразумить...

Я молча кивнул и приготовился ждать. Однако терпение моё почти не подверглось испытанию... Не прошло и полуоры, когда Шаэриэнн возникла на пороге, словно

соткавшись вдруг из наполняющей храм темноты. В руках она бережно сжимала черенки излюбленных ею парных мечей, явно не нашей и не гномьей работы. И одного взгляда на её лицо — бледное, но исполненное упрямой решимости — было достаточно, чтобы понять: надежда А'Кариэлла не сбылась. Не вразумил её эльфийский бог. Ни капли не вразумил...

— Альтар... — скорее, отметила, чем удивилась она, слегка замедляя шаг.

Я двинулся вперёд, встал прямо перед ней, загородив собой выход из павильона. И задал, наконец, вопрос, который тщился задать с самого момента её сногсшибательного появления на площади — глядя прямо в глаза, отливающие зеленью изумрудов:

— Ну и для чего ты всё это сделала?

Она помолчала. Недовольно нахмурилась, знакомо сведя к переносице брови:

— Неужели ты не понимаешь...

— Понимаю, — перебил я, чувствуя, как с каждым мгновением терпит полное фиаско моё обещание себе оставаться спокойным. — Разумеется, понимаю... Заклятый враг, священное право на месть и всё такое. Твой брат предлагал тебе разумнейший путь — выступить с обвинением на суде ваших Старейших. Того, что ты можешь поведать, более чем достаточно, чтобы мерзавец не вышел сухим из воды... Так почему ты взамен решила на эту глупость?

— Это не глупость! — запальчиво возразила Шаэриэнн, и фанатичный блеск в её глазах хлестанул меня покрепче плети. — На Суде Созвездий Llireadan сделает всё, чтобы выкрутиться — у него будет время и власть... Суд же Меча лишит его возможности опереться на мнение прикормленных Старейших, перевернуть свидетельства, закрыть рты тем, кто ещё может решиться что-нибудь показать... Я и так — единственная, чей вызов на поединок он оспорить не в силах! И в высшей степени справедливо, что его покарает именно моя рука!

— Твои руки... — поморщился я, не представляя, как заставить её, наконец, признать очевидное, — ... едва способны удержать клинки! Ты забыла... — я приподнял её запястье, — забыла, что палачи сотворили с тобой?

— Ashratt!... — Шаэриэнн со злостью выдернула ладонь. — Не волнуйся! Твой Мастер возвратил моим рукам достаточно сил! На то, чтобы воздать этой твари по заслугам, меня хватит!...

— Шаэ... — я всё ещё пытался воззвать к гласу разума. — Да, Просперо — отличный лекарь, но он не бог!!! Он сам сказал тебе, что к тому, что было, ты никогда не вернёшься!...

Но все мои доводы разбивались о глухую стену.

— Я - Избранница Ночи, Rihanne Daerrt!... — меня наотрез отказывались слышать. — Моё мастерство никуда не исчезло! И можешь не сомневаться, я добьюсь справедливости!

— Справедливости?! — не выдержал я. — И в чём же она? В том, что ты станешь которой уже по счёту жертвой предателя и убийцы — заодно, кстати, и оправдаешь его своей гибелью перед смертными и богами?... Да если твой бывший любовник хоть немного владеет клинком, он справится с тобой, словно с ребёнком!...

Взгляд Шаэриэнн окатил меня ледяным презрением.

— Справедливость в том, что послезавтра на рассвете умрёт он, а не я.

— Демоны!!! Неужели ты действительно столь наивна, что веришь в промысел богов?

— Я верю в себя — и этого достаточно!

— Достаточно, говоришь?

Отчаявшись достучаться до неё словами, я сделал два резких шага назад, рванув из-за

спины меч:

— Что ж, раз ты так хороша, как сама считаешь — давай, покажи, на что действительно способна твоя рука!

Шаэриэнн отступила, потрясённо качнув головой.

— Ты с ума сошёл! Я не буду с тобой драться!

— Будешь!...

Не давая ей опомниться, я скользнул вправо, тут же атаковал сбоку резким, широким выпадам. Ответ её был предсказуем: клинки вспорхнули крыльями бабочки, слаженно блокируя мой удар...

Впрочем, на это я и рассчитывал: реакция, отточенная годами тренировок, оказалась проворнее гласа рассудка. Главное, ты приняла бой, милая — а уж как не выпустить тебя раньше времени, теперь моя забота...

Я без труда высвободил клинок, на миг разорвав дистанцию. И тотчас, не теряя ни мгновения, ударил снизу, подсекая — теперь почти в полную силу, почти не гася движений, тем самым вынуждая её отвечать.

Шаэриэнн ответила, гибким вывертом уйдя в сторону: лопасти двойной мельницы, синхронно закрутившись в воздухе, заставили меня вспомнить о защите, уклоняясь и отводя град ударов, сыплющихся с обеих сторон.

Я уступил инициативу, и Шаэриэнн налетела на меня, стремительная и опасная, как дикая кошка. Но при этом ярости в её глазах не было: один лишь собранный холодный расчёт. Двойные мечи в её руках пели слаженную, умелую боевую песнь, двигались одновременно быстро и плавно, не давая отследить глазами переходы приёмов.

Шаэ действительно была бойцом. Очень хорошим бойцом. Многие из её прежних умений остались с нею до сей поры.

Многие — но, увы, не все... И всё, чего я сейчас желал всеми фибрами души — доказать ей: того, что есть, на самом деле недостаточно.

Через несколько мгновений я подстроился под её темп. Позволил ей провести ещё пару атак, и, рассчитав момент, поймал встречным ударом один из её клинков. Блокировал, дёрнул в сторону — резко, с силой — одновременно уклоняясь с линии атаки второго меча.

Уклон вышел не очень ловким — я опасно приблизился к своей противнице, одновременно открывая бок. Если бы Шаэриэнн могла самую малость ослабить хват, чтобы рукоять свободно провернулась в руке — мой замысел провалился бы. А уж следующий спаренный удар я бы неминуемо пропустил...

Но она не могла.

И я знал это.

Сверкнув в солнечных лучах ослепительной вспышкой, меч вылетел из разжавшихся пальцев, не способных противостоять моему усилию. А я, отразив удар второго клинка, остановил лезвие своего в полудлони от её груди.

Пару мгновений мы смотрели друг на друга, молча и тяжело дыша. Затем я медленно опустил меч к ногам; Шаэринн потянулась в траву, поднимая потерянное оружие. И, отступив на шаг, всё так же, не проронив ни слова, приготовилась к бою.

Не убедил...

Ладно.

Я и не рассчитывал, что это окажется легко.

Я вздохнул. И атаковал снова...

На этот раз наш поединок длился дольше. Шаэ была осмрительнее и всячески избегала силового противостояния, умело навязывая мне собственный стиль. Она плясала вокруг меня — ловко, гибко, нечеловечески быстро — я едва успевал встречать её удары или с огромным трудом уклоняться от них.

Я знал, что, сражаясь в подобном темпе, рано или поздно уступлю ей — но знал также, что полагаться лишь на ловкость и скорость при явном недостатке силы будет ошибкой. И первая же моя удачная контратака с успехом доказала это. Шаэ опять не удержала оружие, и я остановил бой.

Когда она снова наклонилась поднять клинок, в её взгляде, обращённом к мечу, промелькнула такая боль, что в тот миг я возненавидел себя. Но, видят боги, как ещё по-другому я мог объяснить ей жестокую истину — очевидную для всех, кроме неё самой?!

— Шаэ... — произнёс я.

В ответ она атаковала.

Третья наша схватка, очевидно, могла бы стать образцом для толпы учеников, собравшихся посмотреть на то, как могут сражаться по-настоящему опытные бойцы. Мы выложились от души, показывая, кто на что способен и одновременно ловя друг друга на возможных ошибках. К счастью, во дворе храма не росло ничего, кроме травы, и свободного места для манёвров нам хватало.

Пару раз я был на волосок от проигрыша. Пару раз только чудом «смертельного» удара избегала Шаэриэнн. Преимущество то и дело склонялось то в одну, то в другую сторону — однако развязка, в конце концов, наступила.

Моему мечу удалось пробить брешь в защите Шаэ: подвёл выставленный ею сложный блок. Технически он был идеален — Шаэриэнн провела его безупречно, явно оттачивая этот приём не один год.

Но пальцы... Пальцы снова её подвели.

И, хотя оба меча на сей раз остались в её руках, мой удар наотмашь неминуемо рассёк бы противника пополам — будь этот бой настоящим.

— Ещё? — уже не в силах унять тяжёлое дыхание, спросил я.

Разумеется, она кивнула в ответ — хотя сама была вся в мыле и пошатывалась.

И мы скрестили клинки снова.

... Клянусь богами, я не поддавался. Просто теперь Шаэриэнн-таки сумела «поймать» меня на ошибке: ударе с разворота, проведённом не до конца...

Мгновение промедления — и два вытянутых клинка лезвиями «ножниц» легли мне на плечи, в последний миг остановленные умелой рукой.

— Ты мёртв... — сообщила Шаэ, опуская оружие.

Я согласно кивнул, опираясь рукой на кованый вензель оградки.

— Да, Шаэ. Только я мёртв всего один раз... А вот ты уже успела погибнуть трижды.

— Что ж, — неожиданно мирно произнесла она и шагнула ближе, опираясь на оградку рядом со мной. Однако сказала совсем не то, что я ожидал услышать: — Спасибо тебе... за науку. За тренировку, выявившую мои слабые места... Я учту всё это, когда выйду против Ллиреадана. И в том самом, решающем бою этот мой единственный раз будет первым. А это, собственно, и так всё, что мне нужно.

Тень Безымянного!...

— Шаэриэнн... — простонал я — и осёкся: в полудюжине шагов от входа в павильон стоял А'Кариэлл.

Не представляю, как давно он там находился. Однако видел, кажется, всё же немало... В его глазах застыло непонятное выражение, а кисть правой руки намертво вцепилась в оголовье меча, наполовину вытянутого из ножен.

Сомнений нет, он рванулся на помощь Шаэ... но почему так и не вмешался?

Шаэриэнн вслед за мной подняла голову и тоже увидела Стража. Вот только ей, в отличие от меня, его странный облик поведал больше. Нахмурившись, Шаэ в сердцах помотала головой, однако ничего сказать ему так и не успела.

— Shaerriaenne-lea!... — нарушил застывшую вокруг тишину робкий и донельзя взволнованный голос.

По аллее со стороны дворца к нам торопился уже знакомый мне дворецкий. Сопровождали его двое молодцов в чёрно-синих камзолах военного образца — судя по всему, гвардейцы.

Никак, кто-то ещё успел увидеть, как мы сражаемся, да ещё на территории храма, промелькнула догадка в моей голове. Крайне нелепая и дурацкая ситуация... Бедные обитатели замка и без того взбудоражены донельзя. Ну что ж — Шаэриэнн, в конце концов, хозяйка, объяснит...

Однако на самом деле я ошибся.

— Shaerriaenne-lea!... — спешно добравшись до нас, дворецкий поклонился. — Прошу извинить меня, но... вас желают видеть.

— Mella'deor, — холодно обронила Шаэ: неуловимые властные нотки преобразили её голос до неузнаваемости. — Я ведь просила... Всем желающим встретиться со мной — под благовидным предлогом отказать. Кроме Наставника, моего кузена и тех, кто придёт из его дома, разумеется... Всем, приславшим приглашения — ответить вежливо, но столь же недвусмысленно. Так или нет?

В глазах дворецкого застыло обречённое выражение.

— Госпожа... Я никогда не нарушил бы вашу волю, однако... Владыка Llireadan настаивает на личной встрече с вами. Он прибыл открыто, всего с парой сопровождающих... Я не смел ему отказать. Его провели в оранжерею, а мы... мы ждём ваших распоряжений.

Качнув головой с лёгкой досадой, Шаэриэнн негромко заметила:

— Помнится, в старые времена, Dorrann, прежний домоправитель Чертога, послал бы в Бездну не только Владыку, но и весь глубокоуважаемый Совет в полном составе, когда б отец не велел его беспокоить...

Бледное лицо дворецкого пошло пунцовыми пятнами.

— Госпожа...

— Ладно, Mella'deor, — устало обронила она, закрепляя оружие в обрезанных ножнах на поясе. — Пойдёмте. Если Llireadan полагает, что ему есть, что сказать мне, прежде чем скрестятся наши мечи — я выслушаю его.

Мы с А'Кариэллом, не сговариваясь, молча направились за ней. Но Шаэ, замедлив шаг обожгла нас недовольным взглядом.

— Нет, — категорически заявила она. — Это касается только меня и его.

Я молча покачал головой.

— Я не хочу, чтобы ты подвергала себя опасности! — скороговоркой выпалил на эльфийском А'Кариэлл.

— Нет, — твёрдо повторила Шаэриэнн. — Я дома. В Пламенном Чертоге со мной

ничего не случится. Ты прекрасно знаешь это, — кивнула Стражу она. — С Ллиреаданом я переговорю сама. Хотя бы из чистого любопытства... Вижу, что вы не согласны — но такова моя Воля. Не забывайте об этом... Если желаете, подождите меня в замке или здесь.

Отвернувшись, она подала знак дворецкому и гвардейцам, и маленькая процессия быстрым шагом двинулась по аллее.

Едва дождавшись, пока они скроются за поворотом, я бросил быстрый взгляд на Стража, прикусившего в бессильной ярости губу.

— В эту вашу оранжерею есть другие пути?

— Да... — выдавил А'Кариэлл. — Ashratt!... Но она велела...

— Ты её Страж! Не я! — дёрнулся я к нему. — Да пусть велит хоть дюжину раз...

Наедине с этим типом я её всё равно не оставлю! Рассказывай, только быстро — как туда попасть?

Во взгляде эльфа наконец мелькнуло что-то осмысленное.

— Оранжерея вплотную примыкает к Галерее Вечности... — он резко развернулся вправо. — Идём!... Там стража у входа... Со мной тебя пропустят, но дальше...

— Да понял я, — отмахнулся я уже на бегу. — Просто сделай так, чтобы я вошёл, и оставайся... Как там, внутри, сориентироваться, скажешь?...

— Просто иди вперёд. К оранжерее ведёт любая из дорог... Вход в неё со стороны Галереи в эту пору года всегда открыт. А дальше... Дальше, скорее всего, услышишь голоса — кроме них и тебя в оранжерее наверняка никого не будет...

До оранжереи я не дошёл.

Они стояли здесь — в самом сердце эльфийской усыпальницы под открытым небом — двое из плоти и крови в окружении множества каменных фигур, застывших в веках. Неподвижные и напряжённые, точно и их ноги приковали к земле гранитные постаменты, и не пара шагов разделяла их, а пропасть, которую ни почившим, ни смертным не дано было преодолеть...

Я бы не заметил их — так и вылетел бы пред ясны очи на всём бегу. И лишь гневный голос Шаэриэнн, вдруг послышавшийся совсем рядом, заставил меня ужом соскользнуть с дороги и укрыться за высокой ступенью, служившей общим пьедесталом сразу двоим — белокаменным мужчине и женщине.

Повезло...

Взгляды тех, кого я жаждал увидеть, вскользь пробежались по пустынной аллее, посыпанной разноцветным песком, не заметили ничего подозрительного и снова сошлись друг на друге.

Я перевёл дыхание, прижимаясь спиной к холодному гладкому камню. Передвинулся поудобнее, готовясь ловить каждое слово, едва заметное движение, неожиданный оборот разговора, чтобы в любой момент успеть прийти на помощь Шаэ... и в следующий миг чуть не взвыл от внезапно оглушившей меня простой истины.

Тень Безымянного! Разумеется!...

Они говорили на эльфийском.

— *Ashratt Daebbr!... Morque'do! Lo'kke naoe da neilee tenne raa'vassta?! — в ярости бросила, точно выплюнула, Шаэриэнн. — Lo'kke te mengrae le na'rojjo y tanndae?...*

Я прикусил губу. На сей раз никто не замедлял темп, не подбирал слова, заботясь о том, чтобы я мог разобрать, о чём идёт речь.

А моих собственных познаний было ничтожно мало.

Она в неистовстве...

«Убийца»...

Кажется, речь о том, что он посмел пройти сюда, в это место — где покоятся те, чьи жизни прервались по его вине...

— *Tenniae danne'mas seidi mortae lo que na'deinne... Mella'deo na vei la tae nimmae,* — раздался в ответ бархатистый тембр, уже слышанный мною на собрании Совета.

Его ответ звучал спокойно, тёк плавно, точно ручей — да только мне всё равно до отвращения напомнил шипение змеи. Из всей тирады я уловил одно-единственное — он помянул мёртвых.

Мёртвых, которые... что? Не осудят? Не посмеют возразить?...

Демоны!... Всеблагие Боги!... — мысленно взмолился я, проклиная собственное бессилие.

Ведь кто-то же из вас и в самом деле хоть иногда внимает просьбам смертных!... Так услышьте меня хотя бы единственный раз...

Я готов заплатить любую цену.

Сделаю всё, что могу — и даже больше.

Только помогите мне защитить её!...

Я на мгновение прикрыл глаза, мучительно сознавая, насколько же жалок и глуп. Мне ли, Карателю Ордена, не знать, чьи мечи и воля на самом деле выступают «промыслом богов»...

И вздрогнул: тяжёлая капля, неожиданно упав мне на лоб, стремительно покатилась вниз по лицу.

Дождь? Но...

Я вперил ословевший взгляд в безмятежную небесную синь. Ни единой тучки — одни лишь лёгкие перистые облака...

И только на лепестке каменной лилии, зажатой в тонких мраморных пальцах прямо над моей головой, явственно пропечаталась свежая влажная дорожка.

— Что ты хочешь? — меж тем сквозь зубы выдохнула Шаэриэнн. — Говори и убирайся!

Тонкие губы змееголосого короля внезапно тронула печальная улыбка.

— А ты ничуть не изменилась, Шаэрри-наи, — неожиданно мягко заметил он. — Ни капли... Всё та же страстная, яркая бунтарка, что десять лет назад покорила моё сердце. Как будто и не было этих лет. Как будто мы расстались только вчера...

Я с трудом подавил желание в изумлении протереть уши. Тарабарщина, в виде которой представлялся мне их разговор на эльфийском, внезапно обрела смысл — так, словно собеседники мне в угоду разом перешли на имперскую речь!...

Но ведь этого точно не могло случиться!

Тогда... что же произошло?!

— Твоё сердце?! — Шаэ задохнулась от возмущения. — Ты смеешь говорить об этом... Ты?! Убийца, клятвопреступник и лжец, для которого нет и никогда не было ничего святого?!

— Эти слова ранят сильнее кинжалов... — тяжкий вздох Ллиреадана призван был изобразить, какую тот на самом деле испытывает боль. — Мои враги проделали большую работу. Но слышать их из твоих уст мучительнее стократ. Ведь на самом деле я сделал всё, что мог, чтобы спасти тебя.

— Да что ты говоришь!... — не удержалась эльфийка.

— Правду, Шаэрри-наи...

— Не смей называть меня так!

— Прости, — мерзавец покаянно потупил взор и будто бы через силу «выдавил» признание: — Меня предали... Предали те, кому я доверил самое дорогое, что у меня было. Твою жизнь... И вместо того, чтобы вывести вас со Стражами в безопасное место, вероломно отдали в руки Чёрных Плащей, рассчитывая, что известие о твоей гибели убьёт меня. Но они просчитались, — заявил он, вскидывая голову; сверкнули фиолетовые глаза, перехватывая эльфийкин взгляд. — Я выстоял именно потому, что знал: ты жива. Всегда знал это...

Определённо, будь Ллиреадан актёром странствующего театра, так популярного среди имперского простонародья, он имел бы все шансы прославиться. Однако Шаэриэнн ни капли не впечатлила его игра.

— Знал, не сомневаюсь, — подтвердила она. — Живая я для тебя намного опаснее мёртвой... Совсем не удивлюсь, если даже разыскивал, чтобы добить — да вот незадача, не вышло. Орден не выпускает из рук то, что уже считает своим. Но ты не был бы собой, если бы не подстраховался на случай «непредвиденных обстоятельств». И не извлёк из этого всю возможную для себя выгоду... Уж не потому ли отец, бросив всё, отправился на границу, и Учитель сложил с себя обязанности Старейшего? Такова была цена за то, чтобы всплыли крупницы правды, позволяющие не считать меня государственной преступницей?

— Шаэриэнн, — Ллиреадан в очередной раз устало вздохнул. — Всё не так...

— Разумеется!... — выразительно кивнула Шаэ. — «Предатели», конечно, уже получили по заслугам?

— Получили, — кротко склонил голову он. — Я всё-таки Владыка, моя дорогая... Первое, что я сделал, едва Венец опустился на моё чело — бросил все силы на то, чтобы разобраться в случившемся. Виновные были найдены и понесли наказание. Да только это не вернуло мне тебя...

— А в ходе следствия оказалось, что они же виновны и в смерти Каиденна, — нет, Шаэриэнн не купилась на это... — И в заговоре среди знати. И в разжигании войны... Чтс ещё из своих грехов ты повесил на этих несчастных, прежде чем избавиться от них и зажечь припеваючи в Резиденции Ночи с молодой супругой?

— Вот оно что... — медленно протянул Ллиреадан, и в тени улыбки на его губах мне на миг увиделся блеск хищного оскала. — Шаэриэнн... Наш брак с Эленидалль — сделка, не более. Я вынужден был жениться на ней. На тот момент я только вошёл на престол, и без поддержки Огненных мне пришлось бы туго... Я не люблю и никогда не любил её. Моё сердце все эти годы принадлежало и принадлежит только тебе одной...

— Лжец и лицемер!

— Твоими устами говорят пережитые боль и невзгоды... — Ллиреадан покачал головой со всепонимающим видом. — Но я знаю, как всё исправить. Знаю, как сделать так, чтобы мы снова были счастливы.

— Что?!

Шаэриэнн явно отказывалась верить собственным ушам. Но беловолосый, очевидно, счёл это проявлением интереса, потому что торопливо заговорил, слишком явно стремясь не упустить момент:

— Выходи за меня! Стань моей королевой!... Достаточно одного моего слова, и брак с Эленидалль будет расторгнут... Она не способна родить наследника... А у нас с тобой

будут дети!... Будет крепкий, счастливый союз двух сердец, самую Судьбой предназначенных друг другу!... Ведь такое чувство, как наше, неспособно погаснуть — я знаю, ты по-прежнему любишь меня, несмотря на все испытания!

Я уже успел узнать Шаэриэнн достаточно хорошо, чтобы представить, что грозит негодяю, с уверенным видом вещающему эти безумства.

Что он делает?... Провоцирует её?

Ведь не может же он всерьёз верить в то, что несёт...

Я сжал кулаки, готовясь к любой неожиданности.

Однако по мере того, как Ллиреадан говорил, Шаэриэнн не двинулась с места. Лишь лицо её каменело с каждым мгновением, превращаясь в застывшую маску.

— Ты кое о чём забыл, — холодно обронила она, когда он на мгновение замолк, переводя дух. — Послезавтра перед рассветом мы должны скрестить мечи в Поединке Истины. Совет не может его отменить.

— Так было раньше, — эльф презрительно поморщился: показная кротость напрочь слетела с его лица. — Шаэрри-наи... Милая моя... Ты даже не представляешь, насколько сильна сейчас моя власть!... Совет отступится, не сомневайся! Мы не оставим ему выбора — создадим прецедент, отказавшись от всех претензий в адрес друг друга... И вместо смертного боя перед лицом Теарра впервые в истории будет заключён мирный брачный союз! Союз сильнейших и величайших Владыки и Владычицы из всех, какие когда-либо восходили на престол Аэльты...

— Сильнейших и величайших... — глухим эхом повторила Шаэ, словно не слыша изменившихся интонаций, не замечая лихорадочного блеска его глаз. — Ты всё так же нескромен, Ллиреадан.

— Я всего лишь откровенен с тобой, моя родная... Я говорю тебе правду! — страстно заверил он.

И — видимо, решив, что настала пора подкрепить слова действиями — резко шагнул вперёд, сгребая Шаэриэнн в объятия.

— Отпусти меня!

Она попыталась его оттолкнуть, но неожиданность сыграла на руку негодяю, в одно мгновение притянувшему её к груди.

— Шаэрри-наи!... — глухо выдохнул он, стискивая её пальцы и делая попытку поднести их к губам, игнорируя отчаянное сопротивление. Замешкался, останавливая на них взгляд — но успел лишь изумлённо пробормотать:

— Что... это?

В следующий миг его белоснежная куртка затрещала по всем швам — я, стрелой вылетевший из своего укрытия, за шиворот отшвырнул мерзавца в сторону, точно нашкодившего котёнка.

Его поганое величество отлетело на несколько шагов и, от души проехавшись задом по скользкой траве, грохнулось навзничь.

Я сделал шаг к нему, чувствуя непреодолимое желание раздавить подонка как таракана. Ллиреадан забарахтался в безуспешной попытке встать, судорожно попятился назад, выкатив глаза от испуга... Но Шаэриэнн, справившись с шоком, крепко вцепилась мне в локоть.

— Альтар! Не смей!!! Не трогай его, слышишь?!... Он под защитой магии — иначе бы не пришёл сюда!

Её голос подействовал отрезвляюще. Я остановился, тяжело дыша, чувствуя, как понемногу рассеивается красная пелена, застывшая взгляд.

Ллиреадан, наконец, сумел справиться с собой и, пошатываясь, поднялся с земли. От величия, с которым он явился сюда, не осталось и следа. Туманный Венец сполз на одно ухо. Белый костюм был перепачкан в грязи и едком травяном соке. Однако панический страх в прищурившихся глазах быстро вытесняла ненависть и плохо скрываемое бешенство.

— Офицер Ар Кэррайн... — протянул он изменившимся голосом. — Вот значит как... Недооценил я малютку Эвангерреила, Шаэриэнн. Недооценил... Надо же!... Умудриться затеять всю эту кутерьму с прибытием имперской принцессы — и всё только для того, чтобы потихоньку протащить в Долину тебя!...

Он сделал попытку оправить костюм, отряхнуться — но почти сразу же оставил эту затею.

— Что ж, он получит своё. Как и все остальные, причастные к его нелепой интрижке... Ты не намного опередишь их, несчастная калека... — его взгляд уколол пальцы эльфийки, не выпускающие моё предплечье. — Так что не торопись уходить по Вечной Дороге одна. У тебя будет славная компания...

Я, видимо, снова дёрнулся в его сторону. Ллиреадан, прервав свою пафосную речь, внезапно прынул назад, и довольно прытко, а Шаэ прямо-таки повисла на мне, не давая сделать и шагу.

— Убирайся! — бросила она, бледная от ярости и гнева. — Предстоящий Поединок Истины и нежелание марать порог моего дома поганой кровью... Когда б не это, я уничтожила бы тебя прямо сейчас, совладав со всеми защитными чарами, которые ты на себя нацепил... Ты проживёшь ещё два дня — лишь потому, что должен быть не убит, а казнён! По Воле Теарра, перед глазами сотен Рокка, Совета и самого Созидателя — ты ответишь за всё, что успел совершить! И вряд ли найдётся хоть одна душа — хоть в мире живых, хоть на Вечных Дорогах — которая искренне оплачет твою смерть, а не пошлёт проклятья вслед твоему последнему вздоху...

Ллиреадан медленно качнул головой. Затем развернулся и зашагал назад по дороге, ведущей в оранжерею. Но, отойдя на расстояние, которое, очевидно, счёл безопасным, приостановился.

— Я действительно мог бы подарить тебе весь Мир... — презрительно обронил он. — Я надеялся, что годы и нелёгкая жизнь сделали тебя мудрее. Увы... Человек-любовник, безрассудная выходка — и что в итоге? Глупая смерть. Ты действительно ни капли не изменилась...

— Пошёл вон! — с отвращением выпалила Шаэ.

Коронованный мерзавец не заставил себя упрашивать. Когда его изрядно потрёпанная фигура скрылась из виду за дверями в оранжерею, поблескивающими цветным стеклом, Шаэриэнн выпустила мой локоть и медленно повернулась.

— Зачем ты пришёл? — устало обронила она. — Я же просила...

В её голосе я к своему огромному удивлению не услышал ни злости, ни раздражения — один лишь горький упрёк.

Любые попытки оправдаться с моей стороны звучали бы невероятно глупо. Я решил отмолчаться. Но наткнулся на её испытывающий взгляд — совсем близко — и прежде, чем успел сжать губы, упрямо выдохнул, предчувствуя неизбежные громы и молнии:

— Я не дам тебе умереть.

Но Шаэриэнн снова меня удивила.

Вздыхнув, она терпеливо проговорила, словно в очередной раз объясняла маленькому ребёнку прописную истину:

— Я не умру. Я же тебе сказала. Послушай... Я и в самом деле благодарна тебе за стремление меня защитить. Знаю, насколько трепетно ты всегда относишься к личным границам, и чего тебе на самом деле стоит их нарушить... Так что я понимаю, почему ты оказался здесь, и не могу гневаться или обижаться. Просто выслушай меня и прими, наконец, то, что я пытаюсь до тебя донести. Я воин. Это мой долг и мой бой. И я знаю, что делаю. Послезавтра я выйду против Ллиреадана и сразу его...

Я молчал.

Шаэриэнн, сделав небольшую паузу, добавила:

— В любом случае, ничего изменить ты не в силах. Так что просто не мешай мне. Прошу тебя...

Я по-прежнему не проронил ни звука, и Шаэ отвела взгляд, с досадой покачав головой. Молча отвернулась и пошла по песчаной аллее со статуями — в сторону, противоположную той, куда отправился Ллиреадан.

Я постоял немного и двинулся следом.

Около мраморных эльфа и эльфийки, давших мне временный приют, Шаэ замедлила шаг и, сойдя с дорожки, подошла к ним поближе. Склонила голову перед величавым мужчиной, задумчиво глядящим вдаль; ласково провела пальцами по руке женщины, держащей каменный цветок.

— Я люблю вас, мои милые... мои родные... Где бы вы сейчас ни были, вы всегда со мною — вот здесь... — донеслись до моих ушей её тихие слова.

Её рука легонько коснулась груди, и я вздрогнул, сражённый внезапным открытием: насколько же Шаэ была похожа на них... Излом бровей, взгляд, осанка неуловимо роднили её с мраморным властителем. Его же спутница, казалось, и вовсе была изваяна с неё.

Не оставалось сомнений в том, чьё надгробие я вижу перед собой.

— Спасибо вам, — шепнул я во власти внезапного порыва. — За помощь... и доверие.

За то, что истинная любовь и в самом деле способна на чудеса, вопреки всем законам жизни и смерти...

Конечно же, мне померещилось — всему виной было солнце, внезапно подмигнувшее из пушистой кутерьмы облаков. Но суровые черты каменного Сирреахадно на крошечный миг вдруг неуловимо смягчились, а задумчивое лицо его супруги озарило сияние мягкой, нежной улыбки...

Оставив Шаэ наедине с её родными, я быстрым шагом пошёл к выходу из Галереи.

Два дня... Времени оставалось в обрез.

Но ещё можно было успеть. Можно... Если тот единственный, на кого я мог опереться в своём безумном проблеске надежды, и в самом деле не подкачает.

Как я и ожидал, А'Кариэлл был неподалёку. Стрелы с замысловатым оперением ложились точно в середину мишени, выпущенные умелой рукой из лёгкого лука... На пяточке, очерченном «яблочком», уже не оставалось свободного места. Но эльф упрямо посылал их в цель, одну за другой — и, судя по внушительному частоколу древков, торчащих из земли у его опорной ноги, останавливаться не собирался.

Заслышав мои шаги, он обернулся, на краткий миг захватив меня в прицел — но затем медленно, словно нехотя, опустил оружие.

— Они поговорили?

— Да, — коротко сообщил я. — Он пытался склонить её на свою сторону, суля золотые горы. Получил отпор и убрался вон.

Эльф кивнул и снова развернулся к мишени.

Он считал, нам больше не о чем говорить.

— Послушай, А'Кариэлл... — произнёс я тихо.

Его рука, спускавшая тетиву, от неожиданности дрогнула. Стрела, залихватски вжикнув, вонзилась в жирный рубеж между «восьмёркой» и «девяткой» и застряла там в гордом одиночестве — мне явно удалось застать Стража Шаэриэнн врасплох. Но отнюдь не это было моей целью.

— Помоги мне спасти её.

Бледное лицо эльфа внезапно исказилось от гнева.

— Ты думаешь... — в ярости прошипел он, — ... я сейчас стоял бы здесь и терял время...

— Нет, — поспешно перебил я его. — Не думаю. Я знаю, почему ты не можешь ничего предпринять. Но я — не Страж... Я не связан магией. Меня не сдерживают ни обеты, ни данные некогда слова. Только вот в ваших, эльфьих, традициях и законах я не разбираюсь ни капли... Кроме того, что знаю: их древность вкупе с любовью вашего народа везде, где только можно, следовать опыту предков, может сейчас сильно пригодиться...

— О чём ты? — эльф сузил глаза.

— О том, что Поединки Истины, подобные послезавтрашнему, у вас всегда были в чести. И, конечно же, об этом есть записи... Я хочу точно знать, что чётко прописано в правилах, а что нет. И потом, неужто они всегда проходят по одному, идеальному плану? Так просто не бывает... Значит, можно отыскать прецеденты, так или иначе влиявшие на ход события. И то, как реагировал на это Совет...

— Теарр-Созидатель! — выдохнул А'Кариэлл, глядя на меня так, будто видел впервые. — Ты думаешь, это поможет?

— Я вижу в этом единственный шанс хоть как-то изменить ситуацию, — честно признался я. — Но без твоей помощи мне не справиться. У меня нет ни хорошего знания вашего языка, ни книг, в которых можно обо всём этом прочитать. Да и время почти вышло...

Лук полетел на землю. Эльф, в мгновение оказавшийся рядом, чувствительно, но без злобы подтолкнул меня в плечо:

— Идём!... Я, кажется, догадываюсь, с чего мы можем начать...

Шаэриэнн

Своим неожиданным визитом Llireadan не выбил меня из седла. Зная его коварную натуру, можно было не сомневаться, что он попытается извлечь для себя выгоду даже в такой ситуации...

Не нужен был провидец, чтобы точно сказать: грядущие два дня этот змей проведёт в лихорадочных поисках того, как «увернуться» от предстоящего Поединка. В ход пойдёт всё: посулы, угрозы, обман... Однако восемь лет назад он сам загнал себя в ловушку, воззвав Гласом Истины к справедливости Теарра. И Созидатель услышал его.

Пришла пора расплаты.

В глубине души я считала каждое мгновение, оставшееся до нашего боя, но при этом постаралась не потратить ни крупицы времени зря. Внезапно воскресшую Shaerriaenne из Ветви Тёмного Пламени в Долине Росса встречало так много дел, что пары дней на то чтобы уделить всем им внимание, было ничтожно мало. Особенно, если учесть, что вскоре мне снова предстояло покинуть родные края.

Тем не менее, я, не откладывая, постаралась успеть хотя бы самое важное: то, что все эти годы было со мной, в моих мыслях, в моём сердце. Пламенный Чертог, истосковавшись по хозяйке, распахнул передо мною створки парадных дверей объятиями, самыми тёплыми на свете... Переступая порог под изумлённые вздохи и вскрики, я, словно во сне, окунулась в бесконечность запахов, красок, вещей и лиц, родных и знакомых мне с детства. Последних, правда, почти не осталось: Evangerreill, видимо, в надежде на моё возвращение, так и не отдал замок никому, и штат домашних слуг, присматривавших за пустующим домом, за минувшие годы изрядно обновился и поредел.

Но кое-кто из них меня всё-таки дождался... Сердечно обняв пожилых садовника и кухарку, я долго гладила по седым волосам рыдающую во весь голос нянюшку, качавшую некогда малютку-Ria на руках...

Отдав несколько самых срочных распоряжений растерянному молодому дворецкому, едва державшемуся на грани обморока от внезапного переворота с ног на голову привычного ему порядка вещей, я, не сдерживая более себя, быстрым шагом прошла по дому, воскрешая в памяти то, что и так никогда не было забыто.

Уютная гостиная матушки, утопающая в живых цветах... По-прежнему строгий, элегантно-серьёзный, рабочий кабинет отца... Коллекция фамильных портретов в парадной галерее... журчащий фонтан в каменном полу огромной приёмной залы... маленькая семейная столовая с камином и открытой верандой, выходящей в просторный зимний сад... Всё выглядело в точности таким, как прежде, незримо создавая в замке иллюзию присутствия хозяев. Так, словно они всё ещё были здесь — просто ненадолго куда-то вышли. И совсем скоро — ну, может, через ору или две — непременно воротятся снова, стоит лишь немного подождать...

Чувствуя, как невыносимо щемит в груди сердце, я выбежала во внутренний двор Чертога, глотая слёзы вместе с прохладным весенним воздухом.

Матушка и отец... Всё во дворце просто «дышало» ими. Но те, встречи с кем я жаждала больше всего на свете, так и не смогли дожждаться меня.

Я отыскала их в Галерее Вечности — разумеется, они были вместе, как и всегда. Скульптор, увековечивший моих родителей в мраморе, несомненно, отлично знал их при жизни. Ему удалось с поразительной точностью отобразить робкую, мечтательную натуру матушки, лёгким шагом стремящейся вперёд, опираясь на руку отца — величественного, как лев, и надёжного, как скала...

Я долго пробыла с ними. Плакала, бессильно опустившись на колени у широкого пьедестала. Улыбалась сквозь слёзы, глядя родные черты каменных лиц. И — рассказывала, говорила, делилась с ними всем тем, что не сумела, не успела, не смогла поведать тогда, когда Вечные Дороги ещё не разделяли нас...

Меня никто не тревожил. Должно быть, это обеспечил A'Kariaell, всегда чувствовавший и понимавший меня, как никто другой. Незримое присутствие моего верного Стража всё время ощущалось где-то рядом, но он почти не показывался на глаза и не позволял никому

без крайней нужды меня беспокоить. Удивительно, что первым, кто отыскал меня — несомненно, с его благословения — оказался Альтар, встретивший меня после молитвы у Престола Созидателя, где я просила даровать моим ушедшим любимым лёгких и ровных Дорог на их нынешнем Пути...

Явление в Чертог Llireadan'a положило конец моему короткому уединению, заставив вернуться к делам живых.

Ко мне пробился Evangerreill, весьма не одоббивший моего решения, но вынужденный принять его. Улучила пару мгновений и Тира, которой по-прежнему приходилось отыгрывать вместе с кузеном нашу легенду — прежде всего для Совета. Как-никак, а церемоний, посвящённых визиту столь важной персоны, переполох, организованный мною, не отменял.

Рожерия и Van «отдувались» всерьёз: официальные обеды, встречи, визиты... Тем не менее, наведив меня почти что с зарёю перед очередным мероприятием, Тира сообщила, что целиком на моей стороне, если я и в самом деле знаю, что делаю. Я искренне поблагодарила её: из всех близких, меня окружавших, принцесса была единственной, у кого мне удалось найти понимание и моральную помощь. Все остальные — и Альтар, и Кар, и Малыш — всего лишь поневоле смирились, и то лишь потому, что ничего изменить не могли. Это было обидно — но, естественно, ни на что не влияло.

За день до судьбоносного Рассвета я навестила Учителя. Он ждал меня. Встретил очень тепло... но, к великому моему изумлению, вовсе не поддержал.

Подлость и изворотливость Llireadan'a не знает границ, — уверял меня он в том, что я и так превосходно знала. Если даже Поединок и состоится — он не будет честным. Мой враг не выйдет на бой, не заручившись уверенностью в победе любой ценой... Он опасен, чрезвычайно опасен — восемь лет наблюдений за ним лишь подтвердили это... И я видела, как подрагивает рука, бессознательно мнущая край плаща, наброшенного на старческие плечи.

Я выслушала Наставника с бесстрастным лицом, хотя его неверие в мой успех, словно острым ножом, резало по сердцу... В глаза бросалось то, как сильно сдал Учитель за прошедшие годы. Сколько я помнила его, раньше он не был таким — слишком мнительным, нерешительным, чересчур осторожным... И намного больше доверял своей ученице.

Что ж... В таком случае, и ему выпало оказаться в числе тех, кого мне доведётся удивить. Я склонилась, собираясь почтительно поцеловать Наставнику руку, но он сам обнял меня, легонько коснувшись губами моего лба.

Покидала я его с тяжёлой душой: взгляд поблекших глаз цвета тающего весеннего льда, провожавший меня, таил в глубине тревогу, беспокойство и нешуточный страх.

Уже за одно то, что сотворил он с Учителем, Llireadan заслуживал самой жестокой, самой лютой из кар...

Накануне Поединка Судьбы я была абсолютно спокойна. С наступлением ночи, как водится, навестила Престол Созидателя, испросив благословения в предстоящем бою. Пламя жертвенной свечи горело ровно и прямо, лезвия моих клинков, возложенных на алтарь, знакомо отблескивали в темноте. Я чувствовала себя уверенно и знала, что на правильном пути.

Поздний ужин мне накрыли в моей любимой семейной столовой. Честно говоря, я рассчитывала на то, что A'Kariaell составит мне компанию, однако ни дворецкий, ни горничные не могли сказать, куда внезапно запропастился мой Страж. Не добившись от них

ничего внятного, я отправилась сама поискать его — попросту на удачу, и в самом деле неожиданно очень быстро обнаружила его в дальнем саду, примыкавшем к отцовской библиотеке.

Как сидел за столиком у фонтана, увлечённо листая книги в свете магического фонаря. Однако когда я разглядела, кто составляет ему компанию, то от удивления едва не потеряла дар речи...

Рядом со Стражем на соседнем стуле восседал... Альтар!

Вот уж дела!...

Мне вдруг отчаянно захотелось протереть глаза... Неужто Теарг наконец услышал мои жаркие просьбы вразумить, наконец, этих двоих?! В самом деле... Не ссорятся, не цепляют друг друга — даже не смотрят волками!...

Две черноволосые головы мирно склонились над одним фолиантом. Как вполголоса зачитывал что-то. Каратель внимательно слушал. Потом задал какой-то вопрос... Страж задумался на мгновение, затем начал пояснять ему, скупно жестикулируя в своей обычной манере; Альтар кивал, изредка поглядывая в открытый перед ними том...

Я не рискнула нарушить эту внезапную идиллию: просто ушла из сада так же тихо, как там появилась.

Теарг с ним, с ужином!... Голодными не останутся... Что бы ни сплотило их — даже если общая тревога за мою судьбу — пусть, пусть пообщаются подольше!... Авось «раскусят», наконец, друг друга... авось, поймут, что им на самом деле нечего делить!...

С такими мыслями я вернулась в столовую. Отдала должное искусству расстаравшейся для меня поварахи и со спокойной душой отправилась в спальню отдохнуть...

До предрассветного часа ещё оставалась целая прорва времени.

За все годы, прожитые мною в Долине, Поединки Судьбы я видела несколько раз, однако сама участвовала в таковом впервые. Ещё на подъезде к Амфитеатру я с удивлением отметила, что к месту предстоящего боя в эту ночь собралась, должно быть, без малого вся столица... Не удивилась бы, узнав, что многие занимали места с самого вечера: определённо, минувший Малый Совет был воспринят публикой намного спокойней.

Как водится, каждую из сторон, которым предстояло сойтись в Поединке, на ристалище провожал один из Хранителей. В строго обозначенный час к Пламенному Чертогу за мной прибыл Хранитель Гармонии в сопровождении дюжины воинов из «Лучших» Совета в серебристых плащах.

Я и маленький отряд моей поддержки: A'Kariaell, Evangerreill со своими Стражами и несколько гвардейцев в цветах Ветви Тёмного Пламени в полной готовности ожидали их у ворот. Тира и Альтар тоже находились здесь в качестве высоких гостей моего брата, и должны были наблюдать за Поединком с почётных мест сектора Амфитеатра, отведённого нашему дому.

Буланый жеребец, внешне как две капли воды похожий на моего верного Даренваала, уверенным шагом бежал во главе колонны, держащей путь к Великому Холму. Я сидела в седле, прямо держа спину, привычно чувствуя в удобных ножнах, закреплённых у лопаток, излюбленную пару мечей. У ворота чёрной куртки, отделанной синими вставками, искрился серебряным светом нагрудный знак моей Ветви, некогда принадлежавший отцу: пусть я теперь не имела права на Пламенные Браслеты, тем не менее, всё равно оставалась единственной дочерью прежнего Sirreajado и двоюродной сестрой нынешнего...

Странное чувство не покидало меня всё то время, пока длилась дорога: я словно

вернулась более чем на восемь лет назад, в очередной раз направляясь по делам в компании своих верных Стражей. И Долина узнавала меня: повзрослевшую, осунувшуюся, укоротившую волосы. Узнавала и принимала снова... Я ловила это во взглядах сотен глаз, слышала в радостных выкриках из толпы — находились смельчаки, не боявшиеся королевского гнева — чувствовала каждой частичкой души. Shaerriaenne вернулась домой — её ждали здесь и ей были рады.

Но, разумеется, рады были не все.

Спешившись у прохода к Арене, подготовленной к ритуальному бою и утопающей в свете магических огней, я без труда рассмотрела другую процессию, куда более пышную, направляющуюся к месту Поединка с противоположной стороны... Llireadan'a и его свиту на Арену сопровождал Хранитель Магии, хотя по всем канонам носителя Венца вполне мог удостоить такой чести Архонт лично. Но не удостоил: Rhis'o'gleann, старый лис, предпочёл остаться нейтральным, явно сославшись на преклонный возраст и больную спину. Заостряя на этом внимание, он даже восседал на специально принесённом сидении — единственный из Советников и остальных допущенных к проведению церемонии персон, которым положено было стоять.

На Арену я ступила одна, оставив друзей и эскорт на ближних скамьях сектора: по знаку Хранителя почётная стража расступилась, пропуская меня на пространство огромного круга, усыпанного свежим белоснежным песком. Одновременно со мной на Арене объявился и Llireadan, разряженный в пух и прах. Вслед за его венценосной персоной почтительно вышагивали двое личных охранников и чародей.

Поднявшись со своего кресла с явно преувеличенным трудом, Архонт приветствовал нас, положено сделав несколько шагов вперёд, бросил быстрый взгляд в тёмные безлунные небеса и в напряжённой тишине, вмиг воцарившейся вокруг, отрывисто зазвучали чёткие ритуальные фразы:

— Тысячи лет назад, взрастив Великое Древо из света последней звезды, светящейся в ночи, Владыка Tearr, Беспристрастный и Мудрейший, даровал первым из Росса жизнь, разум и магический дар. С ними он благословил нас правом звать к его справедливости Гласом Истины и вершить от его имени Суд Меча.

Я внезапно поймала на себе взгляд Llireadan'a. Повернулась — и он неторопливо отвёл глаза с лёгкой насмешкой, изображая, что внимательно слушает Архонта.

— Тысячи лет со времён Предтеч собирались Росса для того, чтобы Созидатель рассудил их, — продолжал меж тем Rhis'o'gleann, — разуверившись, отчаявшись или усомнившись в правосудии земном... Суд Теарра скор, справедлив и суров. Оправданный обретает свободу от обвинений или же подтверждает свою правоту. Изобличённый же платит дорогую цену — он теряет жизнь. Тебе, Llireadan Temarrian Da Locco'Neidell, известно это?

— Да, — небрежно проронил тот.

— Тебе, Shaerriaenne Ad Aella En Thalliae Ness'eidhi-Ra, известно это?

— Да! — отчеканила я.

Архонт повернулся и в упор посмотрел на моего врага:

— Восемь лет назад ты зывал к Истине по праву Отчаявшейся Надежды. Совет удовлетворил твою просьбу добиться справедливости посредством Меча. Однако Поединок не состоялся. Сейчас ты, наконец, в своём праве спросить и получить ответ.

Llireadan кротко склонил голову. На вид он был совершенно спокоен и невозмутим.

Rhis'o'gleann перевёл взгляд на меня.

— Восемь лет назад в силу сложившихся обстоятельств ты избежала Поединка. И вот ты здесь для того, чтобы участвовать в нём. Более того — сама взываешь к Истине по праву Кровной Вражды... Теперь у тебя будет возможность одновременно обвинить и защититься — если Истина на твоей стороне.

Он дал знак нам обоим подойти ближе.

— Пусть же Театр явит своё правосудие... Залогом чистоты ваших намерений перед Созидателем станет ваша кровь, пролитая на его алтарь!...

К нам прошествовали Возносящие Молитвы в торжественных одеждах, возглавляемые Хранителем Веры. В руках одного из служек была полукруглая Чаша из Храма Звёзд наполненная священной водой. Другой держал подушку, на которой покоились остро отточенные ритуальные ножи.

По знаку Архонта Хранитель поднял один из ножей и повернулся ко мне, обнажившей правое запястье. Его лицо оставалось бесстрастным, но рука, которой предстояло сделать надрез, всё же едва заметно подрагивала, не выдерживая напряжённости мгновения.

Весь огромный Амфитеатр замер в нетерпеливом ожидании: миг, когда кровь соперников смешивалась в Чаше, вручал их судьбы на откуп высшей воле.

— Да откроется Истина!... — провозгласил Rhis'o'gleann.

И, словно аккомпанируя ему, тишина ночи вдруг разбилась, разлетелась, взорвалась мириадами пронзительных, гулких осколков...

Глас Истины, молчавший годами, за короткий отрезок времени в несколько дней заговорил второй раз — величественно и протяжно, заставив всех, кто собрался в Амфитеатре, вздрогнуть, обернуться и поднять глаза...

Архонт натуральным образом опешил.

Хранитель выпустил мою руку, а смешавшиеся служки едва не уронили Чашу...

Uireadan на миг растерял бесстрастность, замотал головой и сделал панический шаг назад, к дёрнувшейся в его сторону охране.

Колокол справился со своей задачей и замолчал. А над Амфитеатром в отзвуках угасающего в ночном воздухе эха, подтверждая, что всё это происходит наяву, слышались слова того, кто его разбудил:

— Я, Аласдайр Таргос Ар Кэррайн, взываю к Истине!... Отдаю свой меч, свою кровь и свою жизнь в руки Справедливого Театра, и требую для себя Благословения Защитника!

О Созидатель!... Откуда эти старые формулы? Чистейшее Старинное Наречие!... Что это?!

Яркий свет на Арене слепил глаза, не позволяя хорошо рассмотреть в темноте фигуру на гранитных ступенях, к которой сейчас были обращены лица всех...

Это не может быть он!...

Бездна!!! Как?!

Откуда...

Что он творит, во имя всех демонов и богов?!

— Как он посмел...?! — потрясённо выдохнул Хранитель Магии.

Rhis'o'gleann, очнувшись, обрёл дар речи:

— По какому праву, ты, чужеземец...

— По Праву Любви! — знакомый до боли голос, безупречно чеканящий старозельфийские слова, не дрогнул и на мгновение... — Я люблю Шаэриэнн ад Аэллу Эн

Тал'лиаэ Нэсс'эйдхи-Ра! И прошу у Совета Старейших, воплощающих волю Теарра на земле права защитить в Поединке Истины её доброе имя и честь!

Альтар

... Решение было найдено.

Сдвинув на край стола несколько толстых стопок ненужных более книг, сумевших дать всего одну-единственную зацепку, мы долго молчали, опустошённые и мрачные. От сознания того, что мы творили и что нам ещё предстоит, на душе было просто необыкновенно погано...

Но отступить было некуда. Мы оба понимали это.

«Если Старейшие не поверят тебе», — жёстко резюмировал Страж, — «эта затея обречена...».

«Что ж», — горько откликнулся я. — «Постараюсь быть очень, очень убедительным».

А'Кариэлл снова сжал губы, прожигая меня тяжёлым взглядом.

«А если поверят», — заметил он, наконец, — «она тебя возненавидит».

Я вздохнул.

«Зато останется жить... Так пусть лучше ненавидит меня живая, чем благословит, умирая на моих руках...».

Этот разговор не шёл из головы, когда мы с эльфом, переглянувшись, поторопились оставить отведённые нам на трибуне места. Когда бежали вверх по широкому проходу меж рядами скамей, молясь про себя, чтобы всё рассчитали верно. Когда А'Кариэлл сквозь зубы выдохнул мне: «Вперёд!...», подталкивая к ступеням, а сам застыл у постамента за моей спиной, заступая дорогу страже, рванувшейся в нашу сторону...

Я заставил колокол заговорить — и всё вокруг затихло, угомонилось, улеглось, словно подчиняясь власти сильнейших чар. Затихло на единственный миг изумления и неверия — точно воды огромного океана медленно отступили прочь для того, чтобы после сорваться вперёд гигантской волной, неистовой и беспощадной в своей разрушительной силе...

Но я должен был устоять.

— Я, Аласдайр Таргос Ар Кэррайн, взываю к Истине!... Отдаю свой меч, свою кровь и свою жизнь в руки Справедливого Теарра, и требую для себя Благословения Защитника!

«Формулы должны звучать безупречно», — наставлял меня А'Кариэлл. — «Любой, крохотный недочёт, любая ошибка — и тебя не воспримут всерьёз. Впрочем, дай-то Теарр, чтобы вообще восприняли... Человек, посмеявшийся пробудить Глас Судьбы! Впору лишиться жизни уже за одно подобное святотатство...».

Я рассчитывал на свою память. Тексты древнего церковного писания, на которых строилось обучение истории и Законам Богов в Орденской Школе, всегда запоминались мною без особого труда. Громоздкая и витиеватая староэльфийская речь в этом плане не сильно от них отличалась. А вот смысл... Смысл я, в своей жизни освоивший пару-тройку книг на языке нынешних Рокка, внезапно схватывал на диво хорошо, немало удивляя этим не только себя, но и А'Кариэлла.

Страж объяснял мне значения многих фраз — как принято у эльфов, имеющих не одно толкование — но вот переводить их для меня ему почти не приходилось. Удивительное «озарение», настигшее меня у могилы родителей Шаэ, как ни странно, не торопилось меня

покидать... Я понятия не имел, что там произошло, и не представлял, как долго это продлится. Но именно сейчас чудесная возможность слышать и понимать чужой, едва знакомый язык, словно родной, была ценна для меня несказанно.

Амфитеатр понемногу «оттаивал». Негодующие и возмущённые крики посыпались со всех сторон, понемногу сливаясь в гул общего бранного ора. Краем глаза я видел, как обнажившие оружие солдаты медленно, но неотвратимо сжимают кольцо вокруг А'Кариэлла с мечом, щерящегося, будто загнанный ловчими волк... У меня оставалось всего несколько мгновений.

— По какому праву ты, чужеземец... — ручаюсь, Архонт не думал о формуле, и в самом деле дивясь моей поразительной наглости.

Но фраза была сказана. И я отчеканил в ответ, посылая себе сотни мысленных проклятий, то, что никогда не должно было прозвучать из моих уст, в этом месте, перед этим собранием — понимая, что пути назад уже не будет:

— По Праву Любви! Я люблю Шаэриэнн ад Аэллу Эн Тал'лиаэ Нэсс'эйдхи-Ра! И прошу Совета Старейших, воплощающих волю Теарра на земле, права защитить в Поединке Истины её доброе имя и честь!

Словно раскат грома вдруг пронёсся над Амфитеатром. Мои слова оглушили присутствующих сильнее, чем за мгновение до этого рокочущий звон Гласа Судьбы...

Но как ни силился я сосредоточиться на происходящем, на Совете, который должен был склонить на свою сторону, на словах, которые собирался произнести — в этот миг я способен был видеть только её.

Шаэриэнн...

Она стояла передо мною, как на ладони — в свете ярких огней, на белом песке, пока ещё не осквернённом пролившейся кровью.

Хрупкая, растерянная. Не верящая...

Я рвался к ней, не вправе двинуться с места — сознавая, что жестокий удар, без сомнения, сочтённый ею предательским, только что нанёс ей сам, своею рукой...

Я видел, как она умерла, глядя в мои глаза. Умерла, чтобы чудовищная боль, ярость и гнев тут же заставили её воскреснуть снова.

— Ты не Рокка!... — понемногу приходи в себя Старейшие. — Безумец!... Как посмел ты прикоснуться к святыне нашего народа...

— Да, я — человек! — прокричал я в ответ. — Но отнюдь не безумие движет мною! Не желание насмеяться или осквернить то, что вам дорого! Я люблю женщину вашей крови и хочу защитить её! Приведи мне обычай или закон племени Рокка, Хранитель Порядка, который отказывал бы инородцу в этом праве!...

А'Кариэлл уверял меня, что подобного не существует. И Архонт после крошечной паузы подтвердил это, качнув головой с немалой толикой удивления:

— Такого закона нет. Ты неплохо знаешь язык и обычаи Рокка, Аласдайр Таргос Ар Кэррайн... Спустись к нам и подойди сюда!

Я не заставил себя упрашивать. Уже одно то, что меня не велели скрутить и стянуть с постамента силой, дарило проблеск надежды...

А'Кариэлл, которого также, словно по мановению волшебной палочки, все оставили в покое, упрямо последовал за мной, прикрывая спину — хотя на Арену изо всех сил старался не смотреть.

Гвардейцы, успевшие столпиться в проходе, медленно, словно нехотя, расступались,

освобождая нам путь. Зеваки, сидящие на крайних скамьях, испуганно дёрнулись в стороны, когда мы проходили мимо.

Одновременно с этим с Арены послышался громкий хохот.

Смеялся Ллиреадан — деланно, рисуясь, едва не хватаясь за бока.

— Нет!!! — одновременно выкрикнула Шаэ с неистовством и вызовом. — Старейшие! Я настаиваю на том, чтобы продолжать Поединок!...

— Поддерживаю! — громыхнул высокий старик в фиолетовом, стоящий рядом с ней — насколько я успел понять, Хранитель Веры. — Прочь этого наглеца!...

Но Архонт, похоже, уже овладевший ситуацией, с достоинством развернулся к ним.

— Регламент Поединка мне знаком, — в его голосе прозвучала нотка иронии. — Именуя Архонта Хранителем Порядка, древние закрепили за ним право блюсти установленные традиции. Первоочередное право... И я считаю, что смелость чужеземца, воззвавшего к Истине, достойна того, чтобы его хотя бы выслушали!

— Он лжёт!!! — отчаянно выпалила Шаэриэнн. — Архонт Рис'О'Глеанн! Я...

— Тебе стоит внимательнее отнестись к моим словам, Шаэриэнн ад Аэлла, — доброжелательный тон Архонта скрывал в себе предупреждение. — Тем более, своё решение на этот счёт я уже огласил. «Лучшие»! Дайте ему пройти!

Я вышел вперёд, представ перед Хранителями Совета. Архонт оставил своё место и прошёл навстречу, остановившись в шаге от меня. Некоторое время мы молчали, изучая друг друга.

— Решил выступить Защитником, значит? — внезапно просто спросил меня эльф, отбросив церемонность фраз.

Я склонил голову:

— Да. Решил. Досточтимый Совет Старейших некогда принял подобное решение в пользу Филла'Меарна...

— ... Ад Эллан'Ре Ва Тарне и Мэйе, — спокойно подхватил Архонт. — Четыреста семьдесят три года тому назад. Филла'Меарн вышел на Поединок Истины, защищая возлюбленную, Лэррис Тэанн Да'Роэлл Виэнн. Однако Лэррис не была воином... В отличие от Шаэриэнн, названной в не столь отдалённом прошлом Риханнэ Даэррт. Тебе известно, что это значит?

— Избранница Ночи, — подтвердил я, заслужив одобрительный кивок Старейшего. — Воитель, чьи заслуги признаны не только смертными, но и высшими силами. Однако её блестящее прошлое не отменяет того, что в настоящий момент ей самой требуется защита.

— Это неправда!!! — выкрикнула Шаэриэнн.

— Поясни, — обронил Архонт, проигнорировав её.

— Восемь лет назад она пережила плен, — проговорил я, — в котором её рукам нанесли тяжёлые увечья, сильно сказавшиеся на её возможности владеть мечом...

— Ложь!!!

— ... Филла'Меарн просил Хранителей дать ему право защитить любимую, настаивая на том, что иначе бой будет несправедлив. Я прошу Досточтимый Совет о том же самом! — проговорил я и замолчал.

Архонт невозмутимо кивнул, давая понять, что меня услышал. Затем всё так же неторопливо прошествовал к Шаэриэнн, буравящей меня ненавидящим взглядом.

— Покажи свои руки, Шаэриэнн Ад Аэлла.

— Архонт Рис'О'Глеанн! Я в полном порядке! Не слушай...

— Прошу. Покажи свои руки.

Шаэриэнн промедлила, но Архонт терпеливо ждал. Наконец, она подчинилась, бледная от ярости и гнева. Рис'О'Глеанн внимательно всмотрелся в её ладони всё с тем же непроницаемым выражением лица, после чего вернулся на своё прежнее место.

— Что думают Хранители? — спросил он.

— Да здесь нечего думать! Гнать чужеземца в шею!... — снова вылез вперёд «фиолетовый» старик.

— Из-за него мы лишь теряем время... — вступил второй Хранитель — кажется Магии. — Поединок уже должен был начаться...

— Считаю, что Шаэриэнн вполне способна сама держать ответ в Поединке, — высказался Хранитель Знаний. — Её увечья не помешали ей воззвать к Истине в ответ!...

А Хранитель Гармонии осторожно добавил:

— Тем более, что она сама не желает себе защиты...

— Не желаю!!! — сердито выпалила Шаэриэнн, на щёки которой начал возвращаться румянец. — Я целиком отдаю отчёт в своих действиях! Я справлюсь сама, без помощи... со стороны!

Хранитель Порядка внимательно выслушал всех, время от времени согласно кивая. Я в отчаянии чувствовал, как с каждым мгновением тает, без следа растворяясь в воздухе, моя единственная возможность спасти Шаэ...

Наконец он заговорил:

— Я учитываю ваше мнение. Но в упомянутом прецеденте относительно Филла'Меарна решение принимал Архонт. Я поступлю так же... Шаэриэнн Ад Аэлла Эн Тал'лиаэ Нэсс'эйдхи-Ра!

Он обернулся, дожидаясь, пока она склонится перед ним.

— Некогда я сам возлагал на твою голову венец Избранницы Ночи. Так было... Я помню это. Поединок Истины должен быть справедлив... И именно потому я признаю правоту Аласдайра Таргоса Ар Кэррайна и даю ему право выступить твоим Защитником.

— Что?! — потрясённо выдохнула Шаэ.

Мне показалось, я ослышался.

— Аласдайр Таргос Ар Кэррайн!

Я не сразу понял, что теперь Архонт обращается ко мне — спохватившись, склонил голову, кляня себя за медлительность.

— Любовь порою толкает смертных на отчаянные поступки... Ты нарушил ход церемонии, не убоявшись возможной кары. Воззвал к справедливости нашего бога, хотя сам веруешь в иных... Но во имя Истины, которую нам суждено отстаивать в Поединке, я признаю правоту твоих слов и благословляю тебя стать Защитником той, которой отдано твоё сердце. Однако при этом даю так же право и второй стороне — твоему противнику — выставить вместо себя Защитника на этот бой. Владыка Ллиреадан? Желает ли ты биться сам, или воззовёшь к чьей-либо помощи?

— Мне ни к чему Защитник, Архонт Рис'О'Глеанн, — Ллиреадан почтительно поклонился, но в голосе его неприкрыто звучала насмешка. — Я вполне справлюсь сам. Так будет даже проще...

Наши с Шаэриэнн взгляды встретились.

«Пусть лучше ненавидит меня живая».

Истинно так... Но весь смысл этих слов, несказанно тяжёлый и горький, открылся для

меня лишь сейчас — когда я понял, что теряю её.

Теряю навсегда — так и не сумев обрести.

— Подойдите сюда, оба Поединщика! — провозгласил Архонт, приближаясь к служителям храма с чашей и ритуальными лезвиями. — Настала пора смешать вашу кровь...

Хранитель Веры в фиолетовом восторженно вскрикнул, засуетился, торопясь вернуться на покинутое им место. Не постеснялся даже отеснить Главу Совета от подушки с ножами: как будто и в самом деле насмерть боялся «проморгать» своё право участия в церемонии...

Я шагнул в его сторону, на ходу расшнуровывая куртку — но Шаэ заступила мне дорогу, оказываясь прямо передо мной.

— Как же так? — с непередаваемой горечью обронила она. — Ты... Как же ты мог?!

Я молчал, скованный по рукам и ногам её пронзительным взглядом — настоятельно требующим, ищущим ответ.

А в голове вертелась только одна, несусветная глупость...

Плащ.

Тёплый меховой плащ.

Когда бы в моих силах была власть над всеми стихиями Мира — я тотчас выколдовал бы его, чтобы обернуть её вечно зябнущие плечи...

А потом подхватил бы её на руки, взлетел на спину верного Рио, которого сорвал бы в дикий галоп, и умчал к бескрайнему, тёплому морю — туда, где всегда привольно и спокойно, где вечное лето.

Где на белом песке не бьются, а пляшут босиком — под аккомпанемент песен и заливистого смеха.

Где в пору шторма так уютно сидеть в тёплом доме у очага, укрывшись шерстяным пледом, тесно прижимаясь друг к другу, и по очереди прихлёбывать из большой щербатой кружки травяной чай.

Где размеренный рокот волн, крики чаек и лучи ласкового солнца лучше всякого лекаря исцеляют раненую душу, возвратят силы, и с облаком мелких брызг в порыве лёгкого ветерка в лицо дохнёт вдруг ощущение счастья — давно уже забытого, а то и вовсе неизведанного доселе...

Уж не знаю как, но там бы я сумел заставить её оставить прошлое в прошлом, оградил бы от всего Мира, верным псом оберегая её покой и отчаянно сражаясь за каждую, самую лёгкую её улыбку...

— Прости... — разлепил губы я.

За то, что здесь и сейчас я не могучий чародей и не всемогущий бог.

При мне лишь мой меч и боевая сноровка — тогда как на кону стоит твоя жизнь.

И я буду защищать её как умею — потому что это единственное, что я в самом деле умею делать хорошо. Боги мне свидетели...

Шаэриэнн широко размахнулась — и ударила меня по щеке.

Я не шелохнулся, продолжая смотреть ей в глаза.

Она резко развернулась и почти бегом кинулась прочь, растолкав в стороны четвёрку гвардейцев в серебристых плащах, уже выдвинувшуюся к ней из оцепления Арены.

— Аласдаир Таргос Ар Кэррайн! — окликнул меня Архонт.

Я поднял к нему голову и продолжил движение, заставляя себя собраться на ходу. Ни мгновения слабости, ни мгновения чувств... Потом. Всё потом. Сейчас я не имею на это права.

Как только я занял место посреди Арены, где несколько мгновений назад стояла Шаэ, Старейшие, умело скрыв под маской невозмутимости растерянность и недовольство, продолжили ритуал с того места, на котором он оборвался.

Сбросив куртку на руки одному из незаметных служек, я молча дождался, пока ритуальный нож в руках старца в фиолетовом черкнёт по левому запястью. Собрав в подставленный сосуд с водой несколько капель моей крови, Хранитель, не глядя, сунул мне тряпицу, резко пахнущую травами, и, подхватив с подушки второй нож, развернулся к моему сопернику. Я приложил влажную ткань к порезу, чувствуя, как снадобье начинает легонько пощипывать кожу. Выждав пару мгновений, отнял от руки и стрельнул глазами, ища, куда бы пристроить лоскуток, однако Архонт, неслышно подойдя, лично принял его у меня.

— Единственная магия, которую позволено использовать в Поединке — чары Исцеления, заживляющие ритуальный порез, — объявил он, забирая из рук Ллиреадана такую же тряпицу. — Со мгновения начала боя и до самого его конца использование любых чар недопустимо. От имени Совета я, Архонт и Хранитель Порядка, предупреждаю вас обоих об этом перед тем, как зажгутся Оберегающие Огни. Нарушивший это правило будет испепелён ими незамедлительно — и, стало быть, осуждён. Помните об этом!

— Разумеется, Архонт, — подал голос Ллиреадан. — Прошу тебя, побереги Туманный Венец до окончания Поединка... Я не привык надолго расставаться с ним. И заберу его сразу же, как только покончу с... этим.

Старейший невозмутимо кивнул, ожидая, пока король снимет с головы и протянет ему реликвию. Следом за Венцом беловолосый избавился от пары изящных браслетов, нескольких перстней и талисмана тончайшей работы на длинной цепочке — можно было только гадать, какие чары сокрыты в этих вещах. Куртку Ллиреадан тоже предпочёл снять, и, пока Хранители разбирались со мной, со скучающим видом расправлял манжеты ослепительно белой рубашки.

У меня, впрочем, магических вещей было куда меньше. Маленький нашейный стилет — подарок призрачной орки Халлоран — весьма, кстати, заинтересовавший Архонта, да несколько простеньких амулетов на шее и поясе... Расставшись с агмарилловым арсеналом, больше ничего подобного я на себе не носил: всеми артефактами распорядилась Тира, снабжавшая ими нас по мере необходимости, каковой, впрочем, не было уже давно.

Убедившись, что всё, так или иначе связанное с чарами, отобрано у нас и вынесено за пределы Арены, Архонт подал знак Хранителю Магии, ожидающемуся у одного из магических фонарей. Тот незамедлительно начал обход по периметру круга, легонько касаясь каждого светильника зажжённым факелом, который держал в руке. Яркие, слепящие глаза магические огни становились мягче и бледнее, намного легче вписываясь в темноту ночи, а шар пламени над каждым из них приобретал слабый фиолетовый оттенок.

Присутствующие на Арене поторопились её покинуть. Я отметил, как напряглись и без того сосредоточенные Старейшие, а несколько молодых церковников, которым поручено было унести с места предстоящего боя всё лишнее, на глазах осунулись и побледнели... Судя по всему, теперь любая, даже попросту неосторожная, попытка применить магию внутри ограниченного Оберегающими Огнями круга была чревата серьёзными последствиями, и чародеи понимали это.

Один Архонт на первый взгляд оставался спокоен.

— Ллиреадан Темарриан Да Локко'Неиделл! — зазвучал его голос от светящейся арки, обозначающей вход. — Аласдайр Таргос Ар Кэррайн, защитник Шаэриэнн Ад Аэллы Эн

Тал'лиаэ Нэсс'эйдхи-Ра! Именем Теарра Справедливого благословляю вас на Поединог Истины! Пусть Созидатель оправдает безвинного и покарает виновного!...

Его рука с зажатым в ней белоснежным платком взмыла вверх и замерла над головой.

— Обнажите своё оружие и приготовьтесь к бою!

Клинок Ллиреадана — без сомнения, рождённый в древности из превосходной стали под руками лучших из мастеров — оказался лёгким и прямым, напомнив мне меч А'Кариэлла.

Надо полагать, классическая «эльфийская школа»... Хотя, кто знает. Я понятия не имел, так ли искусен беловолосый мерзавец в бою, как в области плетения интриг. Страж отзывался о нём, как о неплохом бойце, признавая, однако, что «в деле» наблюдал его крайне редко... При том, что в эльфийском обществе всегда особенно почитали «героев с мечами», Ллиреадан, в отличие от той же Шаэ, никогда не рвался пополнять их ряды. Напротив, он стремился избегать всякого рода вооружённых стычек на публике, включая турниры, на которых неизменно предпочитал место зрителя. В устах недругов в годы его юности порой звучало нелестное «рохля» и «трус», однако всё это как-то быстро обрывалось и затихало, так и не успев «прилепиться» к репутации будущего короля ярким жирным ярлыком.

Как бы там ни было, я не обманывался на этот счёт. Нежелание «светить» свои умения ещё не говорило об отсутствии таковых. Во всяком случае, он не воспользовался okazji выставить вместо себя другого бойца, и сейчас стоял напротив меня со вполне спокойным и равнодушным видом — только презрительная улыбка нет-нет, да изламывала уголки губ...

Меня это тоже не трогало. На что он действительно способен — покажет поединок.

Платок вылетел из руки Архонта в гробовой тишине, вмиг окутавшей Арену, и, трепеща, опустился на песок...

Мы сорвались с места, чтобы двинуться по кругу, цепко держа друг друга в поле зрения и на линии удара меча.

Для Ллиреадана я наверняка тоже был загадкой — он нигде не мог видеть меня в бою, никого не мог обо мне расспросить. Выяснить, кто на что горазд, нам обоим предстояло сейчас, атакуя и защищаясь. Однако эльф нападать вовсе не торопился, на первый взгляд уступая инициативу мне.

Что ж... Я принял правила — в конце концов, мы здесь не для того, чтобы бесконечно топтаться на месте. Первые пару выпадов — пробных, совсем простых — беловолосый, как и следовало думать, парировал без труда. Однако так и не сделал попытки «прощупать» меня ответной атакой, упрямо выдерживая прежнюю дистанцию.

Его право... Я усилил нажим, «надавил» сильнее, вынуждая противника ввязаться в бой. Но вместо того, чтобы «ловить» меня на переходах между ударами комбинации, Ллиреадан, довольно неплохо отразив несколько начальных приёмов, внезапно рывком отпрыгнул назад, попросту прерывая бой.

Я замер на мгновение, не исключая, что он рассчитывает поймать меня врасплох, когда кинусь следом. Затем двинулся на него, видя, что эльф так и не делает попытки как-то сблизиться со мной и уж тем паче — атаковать...

Ллиреадан, всё так же держа меня на расстоянии, тут же заторопился в противоположную сторону — от меня.

Видят Боги — я совершенно не понимал его игры... Со стороны трибун тоже послышался недовольный гул: пока бой выглядел так, будто кот гоняет по комнате крысу,

которая всюду уворачивается.

На что он рассчитывает? Притупить мою бдительность, или просто тягаться так до бесконечности, проверяя, кто выносливее?...

В любом случае, эту нелепицу следовало прекращать. Побаловались и хватит...

Улучив момент, я сделал быстрый рывок наперерез, отесняя противника к самому краю круга, огороженного магическими огнями. Выйти за них у него бы уже не получилось: волей-неволей он вынужден был принять бой, потеряв возможность отступить.

Мечи скрестились. Снова и снова... Ллиреадан весьма успешно отбил сложный приём, увёл меч от силового противостояния и, наконец, сам попытался провести атаку — вполне подходящую, однако всё-таки просчитанную мной. И в момент её отражения, оказавшись практически нос к носу со своим врагом, я внезапно увидел, как побелели его фиолетовые глаза...

Побелели в панике, без следа растеряв презрение и насмешку.

Демоны!... Капли пота на лбу, прокушенная губа... Эльф и в самом деле боялся — это не было игрой!...

Я промешкал мгновение, и Ллиреадан воспользовался этим — однако вовсе не так, как я ожидал. Выставленный мной блок встретил... пустоту. Даже не думая атаковать, беловолосый попросту вывернулся, отлетев вбок на несколько шагов. Похоже, даже не разбирая, куда именно — просто оборвал сражение снова.

Трибуны ответили разочарованным ропотом.

— Бейся! — выдохнул я, опять приближаясь к нему.

Эльф не ответил, молча отступая в тень, отброшенную магическим факелом.

Я в очередной раз настроился перехватить его у края Арены. Снова рванулся, перерезая ему путь — на сей раз возможности улизнуть у него не будет...

И в этот миг под моими ногами вдруг колыхнулась земля.

Вздрыгнула, точно где-то прямо под нами на небольшой глубине внезапно шевельнулся чудовищный крот размером с дракона, надумав прорыть себе ход наверх...

Я едва удержался на ногах, глядя, как подлетели вверх переполненные публикой трибуны... шары с магическими огнями... гвардейцы в серебристом, застывшие в проходах между рядов...

Землетрясение?!

Но... почему... почему тогда ничего не ломается и не рушится?

Почему все вокруг молчат, а не в панике разбегаются прочь?!

Ощущение опасности вдруг стало нестерпимо ярким, резко сконцентрировалось, принимая очертания фигуры в белом справа от меня.

Я успел развернуться, выставить оружие.

Меч встретил меч... Я парировал группу ударов. Но раньше, чем окончательно обрёл равновесие, резкая боль внезапно пронзила правое плечо.

Следующий удар мог бы стать гибельным... Не стал. Я увернулся — каким-то чудом, щедро орошая красными брызгами ходящий ходуном песок... Колебания земли не прекращались — то затихая, то становясь ещё сильнее — но, демоны!!! — чувствовал их, похоже, исключительно я...

Скамьи Амфитеатра уже ревели всюду, качаясь и подпрыгивая вместе со зрителями, упорно не замечающими этого.

Взмывали вверх и опускались назад высокие борта Арены... колыхалось покрытие под

ногами, не сдвинув с места ни единой песчинки... дёргались магические шары вместе со своими подножиями, не теряя своей идеально правильной формы ни на миг...

И самое главное, что свистопляска — сбивающая меня с ног, сводящая с ума — ни капли не мешала Ллиреадану. Беловолосый приближался, с каждым мгновением обретая растерянную было уверенность.

Страх исчез. Теперь он улыбался. Предвкушающе.

Торжествующе.

Тонкие губы разомкнулись — всего на единственный миг:

— Ты умрёшь.

Я стиснул зубы, чувствуя солоноватый привкус собственной крови. Прикрыл глаза — так было немного легче. И атаковал, полагаясь на чутьё и интуицию, которые в самом деле выручали меня не раз. На сей раз едва не достал эльфа, подпустившего меня слишком близко — однако проклятый пол снова ушёл из-под ног, и сила, вложенная в собственный удар, едва не повалила меня навзничь.

Я не успел блокировать выпад — стремительный, как бросок змеи... Чужой меч проехался по бедру — неглубоко, но чувствительно.

Земля действительно метнулась ко мне — я грохнулся на колени.

Демоны, как же больно!...

Перехватив меч левой рукой — правой мог не удержать, когда бы удар последовал сверху — я готовился отразить новую атаку, с ужасом чувствуя, что реальность вокруг к тому же начинает «плыть»...

Ллиреадан, впрочем, не торопился закреплять преимущество. Отступил на шаг, откровенно любуясь — точно художник, вдохновенно пишущий картину. Кровью...

— А потом — умрёт она.

И снова — молниеносный удар... Град ударов... К счастью, за миг до него я всё-таки справился с собой, поднявшись во весь рост. Точку опоры отыскать не получалось — демоны, слишком большая роскошь! — и я сделал единственное, что сейчас мог — ушёл в движение, «подстраиваясь» и под противника, и под танцующий, расплывающийся вокруг меня мир.

На удивление, поначалу сработало... Ллиреадан резко ушёл в защиту, отбив несколько моих выпадов. Затем, видимо, предпочёл не рисковать — вновь прынул назад, отстранившись и выжидая.

Только теперь о том, чтобы я мог догнать его, не могло быть и речи... Он прекрасно понимал это, неторопливо обходя меня по кругу.

— Её жизнь будет принадлежать мне, по Праву Победителя. Я казнь её — самой изощрённой из казней. Найду в книгах прецедент — возьму пример с тебя... Древние знали в этом толк, уж поверь.

Я старался пропускать мимо ушей его болтовню, отчаянно ища возможность сосредоточиться. Порезы были глубокие, но даже с такими я ещё вполне мог держаться...

Однако силы уходили намного быстрее, чем кровь.

Я стиснул меч обеими руками, глубоко вдохнул, задерживая воздух в груди.

— Не стоит... — насмешливо фыркнул эльф. Черты его лица перед моими глазами уже начали смазываться. — Ты всё равно ничего не сможешь сделать, человек. Знаешь, почему?

Выдохнув, я рванулся ему навстречу. Но не туда, где он стоял. И не туда, где должен был оказаться, всего лишь легонько уклонившись с моего пути.

Ударил мечом — грубо, с широкого замаха «в никуда» — полностью открывая спину.

Не молчи!...

Безымянный и все его демоны! Ну же, давай!... Скажи что-нибудь!

И когда за правым плечом тихо, но торжественно прозвучало: «Потому, что ты уже мёртв!» — в тот же миг резко развернулся. В противоположную сторону.

Выпад, который должен был эффектно прошить меня насквозь, всего лишь легонько зацепил бок...

А я рубанул наотмашь клинком, переброшенным в левую руку.

В первый миг я так и не понял, достиг ли цели... Хрипло дыша и почти ничего не различая сквозь бешеный калейдоскоп, вертящийся перед глазами, ещё сделал жалкую попытку шатнуться назад, выставить какой-то блок, сам толком не понимая, что творю.

И лишь звон чужого клинка, выпавшего из разжавшихся пальцев, а мгновением позже — глухой тяжёлый удар о землю, вернул меня к действительности.

Магические огни вспыхнули нестерпимо ярким светом перед тем, как погаснуть.

Я увидел их отблеск во взгляде фиолетовых глаз, безжизненно уставившихся в небеса.

Белоснежные волосы разметались на пропитанном кровью песке.

Кровь... Нет, не моя. Её слишком... слишком много.

На арену посыпались фигуры — суетливо, лихорадочно торопясь, что-то крича...

Земля снова покачнулась... На сей раз я не смог устоять.

Тоненькая нежно-голубая полоска утренней зари, украдкой пробившаяся на самый край иссиня-чёрного неба была последним, что я успел увидеть.

Больше книг на сайте - Knigoed.net